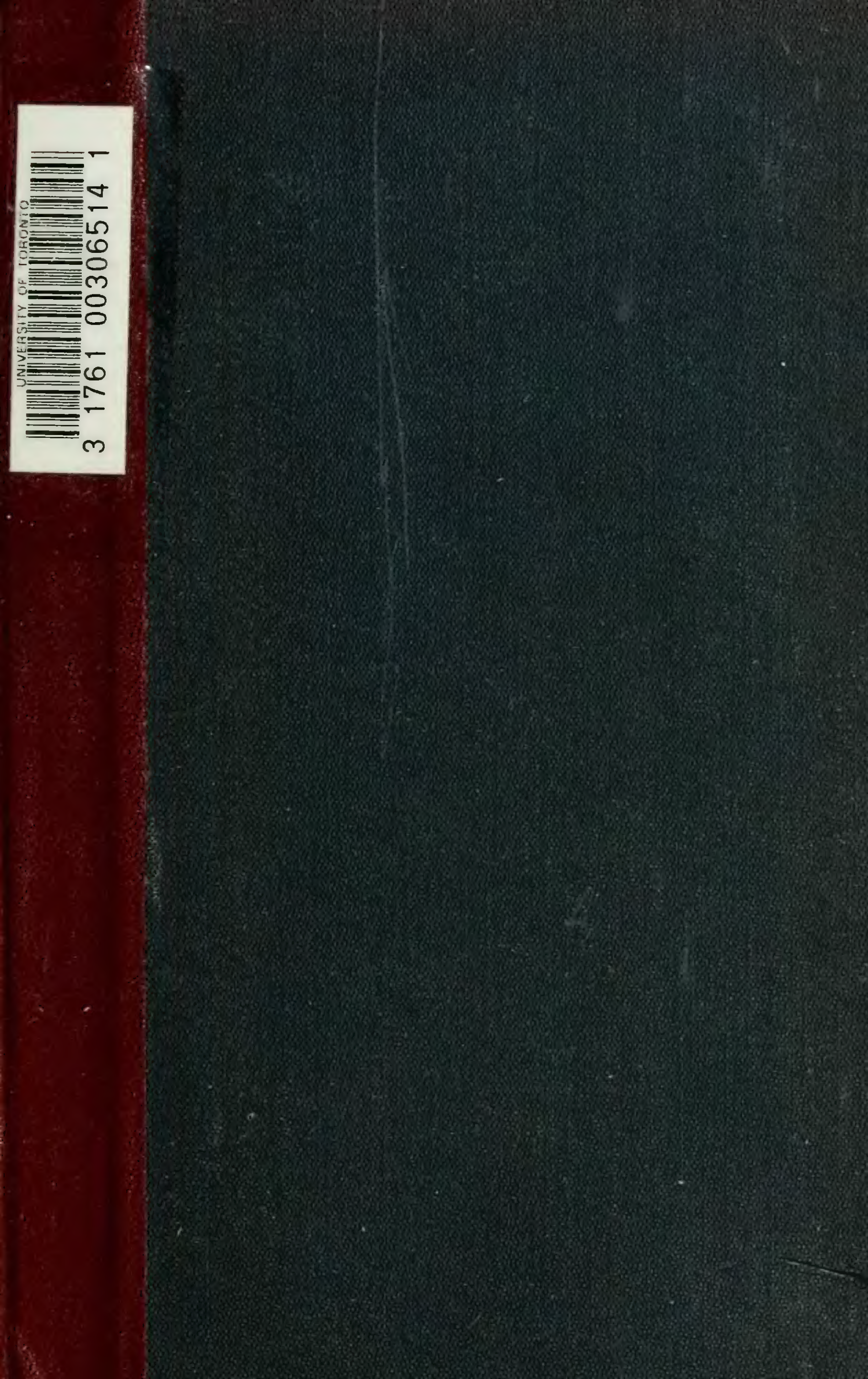

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306514 1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

[АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО].

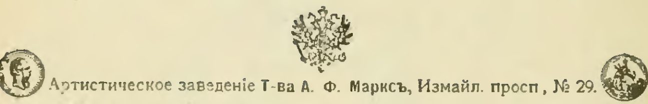
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета П. И. Мельникова-Печерскаго.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1909.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

НА ГОРАХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава первая.

Въ степной глуши, на верховьяхъ тихаго Дона, вдали отъ большихъ дорогъ, городовъ и людныхъ селеній стоитъ село Луповицы. Село большое, но строенье плохое въ немъ, какъ зачастую бываетъ въ степныхъ малолѣсныхъ мѣстахъ—избы маленькія, крыты соломой, печи топятся по-черному тоже соломой, вездѣ грязь, нечистота, далеко не то, что̀ въ зажиточномъ, привольномъ Поволжьѣ. Зато на гумнахъ такія скирды хлѣба, какихъ въ лѣсахъ за Волгой и не видывали.

Оврагъ, когда-то бывшій порядочной рѣчкой, отдѣляетъ крестьянскія избы отъ большой, съ виду очень богатой господской усадьбы. Каменный домъ въ два яруса, съ двумя флигелями, лицевой стороной обращенъ на широкій дворъ и окруженъ палисадникомъ, сплошь усаженнымъ сиренью, жимолостью, гаволгой, акаціей и лабазникомъ *). За домомъ старинный тѣнистый садъ съ громадными дубами и липами. Съ перваго взгляда на строенья кидается въ глаза ихъ запущенность. Видно, что тутъ когда-то живали на широкую руку, а потомъ или дѣла хозяина разстроились, или помѣстье досталось другимъ, измѣнившимъ образъ жизни прежнихъ владѣльцевъ и забросившимъ роскошныя палаты въ небреженьи. Въ сторонѣ отъ усадьбы былъ огромный, но ужъ наполовину совсѣмъ развалившійся псарный дворъ, за нимъ театръ безъ

*) Жимолость — *Lonicera tatarica*. Таволга — *Spirea crenata*. Лабазникъ — *Spirea ulmaria*.

крыши, еще дальше запустѣлый конный заводъ и суконная фабрика. Зато хозяйственныя постройки были въ рѣдкомъ порядкѣ — хлѣбные амбары, молотильня, рига на славу были построены изъ здороваго лѣса, покрыты желѣзомъ и всѣ какъ съ иголочки новенькія.

Отецъ Луповицкихъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ той стороны. Смолоду служилъ, какъ водится, въ гвардіи, но послѣ возврата нашихъ войскъ изъ Франціи вышелъ въ отставку, женился и поселился въ родовомъ своемъ имѣньи. Заграничная жизнь хоть и поразстроила немножко его дѣла, но состоянія не пошатнула. Луповицкій бариномъ жилъ, гости у него не переводились, одни со двора, другіе на дворъ. Пиры бывали чуть не каждый день, охоты то и дѣло, и никто изъ сосѣдей-помѣщиковъ, никто изъ городскихъ чиновниковъ даже помыслить не смѣлъ отказаться отъ приглашенья гостепріимнаго и властнаго хлѣбосола. Иначе бѣда: Луповицкій баринъ знатный, генералъ, не одно трехлѣтіе губернскимъ предводителемъ служилъ, не только въ своей губерніи, но въ Петербургѣ имѣлъ вѣсъ. Связи у него въ самомъ дѣлѣ были большія — оставшіеся на службѣ товарищи его вышли въ большіе чины, заняли важныя должности, но со старымъ однополчаниномъ дружбу сохранили. Пріязнь ихъ тщательно поддерживалась породистыми конями Луповицкаго, отводимыми въ Петербургъ на конюшни вельможныхъ друзей. На псарномъ дворѣ у Луповицкаго было четыреста псовъ борзыхъ да триста гончихъ. Оркестръ крѣпостныхъ музыкантовъ управлялся выписаннымъ изъ Италіи капельмейстеромъ. Была и роговая музыка, было два хора пѣвчихъ, актеры оперные, балетные, драматическіе, живописцы, всякаго рода ремесленники, и все крѣпостные. Такъ широко̀ и богато проживалъ въ своемъ помѣстьѣ столбовой баринъ Александръ Ѳедорычъ Луповицкій.

Подъ шумокъ поговаривали, будто Луповицкій масонства держится. Немудрено — въ то время каждый сколько-нибудь замѣтный человѣкъ непремѣнно былъ къ какой-нибудь ложѣ. Масонство однакожъ не мѣшало шумной, безпечной жизни богатыхъ людей, а не слишкомъ достаточные для того больше и поступали въ ложи, чтобы ѣсть роскошные даровые ужины. Ежели Луповицкій и былъ масономъ, такъ это не препятствовало ни пирамъ его, ни театру, ни музыкѣ, ни охотѣ. Иное сталось, когда онъ прожилъ въ Петербургѣ цѣлую зиму. Воротившись оттуда, къ удивленію знакомыхъ и незнакомыхъ, вдругъ охладѣлъ онъ къ прежнимъ забавамъ, возненавидѣлъ пиры и ночныя бражничанья, музыку и отъѣзжія поля, все,

безъ чего въ прежнее время дня не могъ одного прожить... Музыканты, актеры, живописцы распущены были по оброкамъ, псарня частью распродана, частью перевѣшана, прекратились пиры и банкеты... Для привычныхъ гостей двери стали на запорѣ, и опустѣлъ шумный дотолѣ барскій домъ. Луповицкій съ женою стали вести жизнь отшельниковъ. Вмѣсто прежнихъ веселыхъ гостей стали приходить къ нимъ монахи да монахини, странники, богомольцы, даже юродивые. Иногда ихъ собиралось по нѣскольку человѣкъ разомъ, и тогда хозяева, запершись во внутреннихъ комнатахъ, проводили съ ними напролетъ цѣлыя ночи. Слыхали, что они взаперти поютъ пѣсни, слыхали неистовый топотъ ногами, какіе-то странные клики и необычныя всхлипыванья. Черезъ нѣсколько времени опричь странниковъ и богомольцевъ стали къ Луповицкимъ сходиться на ночныя бесѣды солдаты, крестьяне, даже иные изъ ихнихъ крѣпостныхъ. Никто понять не могъ, что̀ этотъ сбродъ грубыхъ невѣждъ и шатуновъ-дармоѣдовъ дѣлаетъ у такихъ просвѣщенныхъ, свѣтскихъ и знатныхъ людей, какъ Луповицкіе. Александръ Ѳедорычъ и въ другомъ измѣнился: любилъ онъ прежде выпить лишнюю рюмку, любилъ бывать навеселѣ, любилъ хорошо и много покушать, — а теперь ни вина, ни пива, даже квасу не пьетъ, только и питья у него чай да вода. Не только мясного, рыбнаго за столомъ у него больше не бывало, ѣли Луповицкіе только хлѣбъ, овощи, плоды, яйца, молочное и больше ничего... Зато и въ Свѣтлое воскресенье и въ Великую пятницу съ сочельниками подавалась у нихъ одна и та же пища.

Сестра Луповицкаго была замужемъ за Алымовымъ, отцомъ Марьи Ивановны; умерла она раньше перемѣны, случившейся съ ея братомъ. Вскорѣ умеръ и мужъ ея — тогда Луповицкіе маленькую сиротку Марью Ивановну взяли на свое попеченье. Воспитанье давали ей обыкновенное для того времени—наняты были француженка, нѣмка, учительница музыки, учительница пѣнія, а русскому языку, русской исторіи и закону Божію велѣли учить уволенному за пьянство изъ сосѣдняго села дьякону. Два сына Александра Ѳедорыча тоже дома воспитывались — цѣлый флигель наполненъ былъ ихъ гувернерами и разнаго рода учителями, отъ высшей математики до верховой ѣзды и фехтованья. Все иностранцы были, а русскую премудрость и сынки съ Марьей Ивановной почерпали у пропившагося дьякона. Петербургскіе вольможные друзья въ благодарность за рѣзвыхъ рысаковъ предлагали Луповицкому выхлопотать его сыновьямъ званіе пажей, но Александръ Ѳедорычъ, до поѣздки въ Петербургъ сильно

тосковавшій, что, не будучи генералъ-лейтенантомъ, не можетъ отдать дѣтей въ Пажескій корпусъ, и слышать теперь о томъ не хотѣлъ. «Хочу изъ нихъ сдѣлать сельскихъ хозяевъ» — писалъ онъ къ старымъ своимъ пріятелямъ, и нельзя было разувѣрить друзей его, что бывшій ихъ однополчанинъ обносился умомъ и на вышкѣ у него стало не совсѣмъ благополучно.

Всѣ дивились перемѣнѣ въ образѣ жизни Луповицкихъ, но никто не могъ разгадать ея причины. Черезъ нѣсколько лѣтъ объяснилась она. Былъ въ Петербургѣ «духовный союзъ» Татариновой *). Принадлежавшіе къ нему собирались въ ея квартирѣ и совершали странные обряды. Съ нею черезъ одного изъ вельможныхъ однополчанъ познакомился и Александръ Ѳедорычъ. Вскорѣ и самъ онъ и жена его, женщина набожная, кроткая и добрая, вошли въ союзъ, а воротясь въ Луповицы, завели у себя въ домѣ тайныя сборища.

Между тѣмъ, когда о «духовномъ союзѣ» узнали и участниковъ его разослали по монастырямъ, добрались и до Луповицкихъ. Ни ихъ богатства, ни щедрыя пожертвованья на церкви, больницы и богадѣльни, ни вельможные однополчане, ничто не могло имъ помочь. Кончилъ свои дни Александръ Ѳедорычъ въ какомъ-то дальнемъ монастырѣ, жена его умерла раньше ссылки.

И сыновья и племянница хоть и проводили все почти время съ гувернерами и учительницами, но послѣ, начитавшись сначала «Чети-Миней» и «Патериковъ» объ умерщвленіи плоти угодниками, а потомъ мистическихъ книгъ, незамѣтно для самихъ себя вошли въ «тайну сокровенную». Старшій остался холостымъ, а меньшой женился на одной бѣдной барышнѣ, участницѣ «духовнаго союза» Татариновой. Звали ее Варварой Петровной. У нихъ была дочь, но ходили слухи, что она была имъ не родная, а пріемышъ либо подкидышъ.

Ссылка отца научила сыновей быть скрытнѣй и осторожнѣе. Не прекратились однако у нихъ собранья, но они стали не такъ многолюдны. Не было больше на нихъ ни гряз-

---

*) Екатерина Филипповна Татаринова, жена директора рязанской гимназіи, урожденная Буксгевденъ, во второмъ десятилѣтіи прошлаго столѣтія собирала таинственныя собранія въ квартирѣ своей матери въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ замкѣ. Это было собраніе хлыстовъ изъ высшаго общества, во многомъ сходное съ нынѣшней Редстоковщиной или Пашковщиной. Оно называлось «духовнымъ союзомъ». Послѣ того, какъ собранія Татариновой были прекращены, они возобновились въ Петербургѣ же за Московской заставой, а въ тридцатыхъ годахъ снова были закрыты. Въ это время Татаринова и нѣкоторые изъ ея послѣдователей были разосланы по монастырямъ.

ныхъ юродивыхъ, ни шатуновъ-богомольцевъ, ни странниковъ; монахи съ монахинями хоть и бывали, но рѣдко. Притаились и молодые Луповицкіе, какъ-то провѣдавши, что и за ними слѣдятъ. Тогда Марья Ивановна изъ Луповицъ переѣхала въ свое Талызино и тамъ выстроила въ лѣсу домъ будто для житья лѣсника, а въ самомъ дѣлѣ для хлыстовскихъ сборищъ. Въ тѣхъ мѣстахъ хлыстовщина межъ крестьянами велась изстари, и Марья Ивановна нашла много желавшихъ быть участниками въ «тайнѣ сокровенной». Но черезъ нѣсколько лѣтъ, узнавъ, что объ лѣсныхъ ея сборищахъ дошли вѣсти до Петербурга, она рѣшилась переѣхать на житье въ другую губернію. Кто-то сказалъ ей, что продается пустошь Фатьянка, гдѣ въ старые годы бывали хлыстовскія сходбища съ самимъ Иваномъ Тимоѳеичемъ, христомъ людей Божьихъ; она тотчасъ же купила ее и построила усадьбу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по преданьямъ бывали собранья «Божьихъ людей» *).

Рады были Луповицкіе сестрину пріѣзду, давно они съ ней не видались, обо многомъ нужно было поговорить, обо многомъ посовѣтоваться. Письмамъ всѣхъ своихъ тайнъ они не довѣряли, опасаясь бѣды. Потому раза по два въ году ѣзжали другъ къ другу для переговоровъ. Луповицкіе сначала удивились, что Марья Ивановна, такая умная и осторожная, привезла съ собой незнакомую дѣвушку; но когда узнали, что и она быть желаетъ «на пути», осыпали Дуню самыми нѣжными ласками. Съ хорошенькой, но какъ смерть блѣдной племянницей Марьи Ивановны, Варенькой, Дуня Смолокурова сблизилась почти съ перваго же дня знакомства. Молодая дѣвушка съ небольшимъ лѣтъ двадцати, съ умными и немножко насмѣшливыми глазами, приняла Дуню съ такой радостью, съ такой лаской и привѣтливостью, что казалось, будто встрѣчаетъ она самую близкую и всей душой любимую родственницу послѣ долгой разлуки.

Обстановка дома Луповицкихъ поразила Дуню, до тѣхъ поръ сидѣвшую въ четырехъ стѣнахъ отцовскаго дома и не видавшую ничего подобнаго. Налюбоваться не могла она на убранство комнатъ, сохранившихъ еще остатки былой роскоши. Огромныя комнаты, особенно большая зала съ бѣломраморными стѣнами и колоннами, съ дорогими, хоть и закоптѣлыми люстрами, со стульями и диванчиками, обитыми хоть и

---

*) *Божьими людьми* называютъ сами себя хлысты. Иванъ Тимоѳеичъ Сусловъ, христосъ людей Божьихъ, жилъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, проповѣдывалъ свое ученье въ нынѣшнихъ Владимірской, Нижегородской, Костромской и Ярославской губерніяхъ, а также въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

полинявшею, но шелковой тканью, другія комнаты, обитыя гобеленами, китайскія вазы, лаковыя вещи, множество стараго саксонскаго и севрскаго фарфора, вся эта поблѣднѣвшая, износившаяся роскошь когда-то изящно и свѣжо разубраннаго барскаго дома на каждомъ шагу вызывала громкое удивленье Дуни. Варенька снисходительно улыбалась ей, какъ улыбается взрослый человѣкъ, глядя на любопытнаго ребенка. На восторженныя похвалы Дуни она холодно, презрительно даже сказала:

— Суета!.. Язычество!.. Удивляюсь, какъ до сихъ поръ не выкинутъ всего этого въ помойную яму.

— Какъ это можно! — воскликнула Дуня. — Такія прекрасныя, такія красивыя вещи.

— Суета и пустота! — молвила Варенька. — Это вѣдь все отъ врага, это все на усладу язычникамъ.

— Какимъ язычникамъ? Кажется, теперь ихъ больше нѣтъ, — съ удивленьемъ сказала Дуня.

— Земля полна язычниками; избранное стадо невелико, — отвѣчала Варенька.

— Кто-жъ язычники? — спросила Дуня.

— Всѣ, — отвѣтила Варенька. — Всѣ, кого до сихъ поръ вы знали, кромѣ развѣ одной тетеньки, — сказала Варенька и, не давъ Дунѣ слово вымолвить, спросила у нея:

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Девятнадцать, — отвѣтила Дуня

— Пора отложить суету, время вступить вамъ на «путь». Я сама въ ваши годы пошла путемъ праведнымъ, — понизивъ голосъ, сказала Варенька. — Однако пойдемте, я вамъ садъ покажу... Посмотрите, какой у насъ хорошенькій садикъ — цвѣтовъ множество, дядя очень любитъ цвѣты, онъ цѣлый день въ саду, и мама тоже любитъ... Какія у насъ теплицы, какія растенія — пойдемте, я вамъ все покажу.

И дѣвушки, взявшись подъ руку, вышли на обильно уставленную цвѣтами мраморную террасу, а потомъ медленными шагами спустились въ садъ по широкимъ ея ступенямъ

Межъ тѣмъ Марья Ивановна сидѣла въ комнатѣ старшаго брата съ меньшимъ братомъ и съ его женою.

— Ну, какъ, Машенька, устроилась ты въ Фатьянкѣ? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Слава Богу, совсѣмъ почти обстроилась, остается внутри кой-что отдѣлать да мебель изъ Талызина перевезти, — отвѣчала Марья Ивановна. — Къ осени, Богъ дастъ, все покончу, тогда все пойдетъ своей колеей.

— Что-жъ? Въ самомъ дѣлѣ былъ тамъ корабль Ивана Тимоѳеича *)? — спросила Варвара Петровна.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчала Марья Ивановна. — И по преданіямъ такъ выходитъ и по всѣмъ примѣтамъ. Тутъ и святой ключъ, и надгробный камень преподобнаго Фотина, замѣтны ямы, гдѣ стоялъ домъ, замѣтны и огородныя гряды.

— Хорошо, что въ твои руки досталось мѣсто, — сказала Варвара Петровна. — Лѣтомъ на будущій годъ непремѣнно у тебя побываю. Теперь, говоришь, ничего еще у тебя не приспособлено?

— Еще ничего, — отвѣчала Марья Ивановна. — Сіонскую горницу **) сдѣлали, не очень велика, однако человѣкъ на двадцать будетъ. Мѣсто въ Фатьянкѣ хорошее — уютно, укромно, отъ селенья не близко, сосѣдей-помѣщиковъ нѣтъ, заборы поставила я полторы сажени вышиной. Шесть избъ возлѣ дома также поставила, двадцать пять душъ перевела изъ Талызина. Всѣ «наши».

— А по близости есть ли Божьи-то люди? — спросилъ Андрей Александрычъ.

— Еще не знаю, — отвѣчала Марья Ивановна: — пока до меня не доходило. Да я, впрочемъ, и разыскивать не стану. Не такое время теперь, Долго ли до бѣды?

— Ну, а эта дѣвушка, что съ тобой пріѣхала? въ самомъ дѣлѣ близка она въ пути? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Совсѣмъ готова, — сказала Марья Ивановна. — Больше восьми мѣсяцевъ надъ Штиллингомъ, Гіономъ и Эккартсгаузеномъ сидѣла. И такая стала восторженная, такая мечтательная, созерцательная и нервная. Изъ нея выйдетъ избранный сосудъ.

— Ну, это еще не угадано, — молвилъ меньшой Луповицкій. — Бывали и восторженныя, бывали и мечтательныя, а послѣ назадъ возвращались въ язычество, замужъ даже выходили.

— Эта замужъ не пойдетъ, — сказала Марья Ивановна. — Любовь житейская ей противна, въ этомъ я успѣла настроить ее. И другая есть тому причина — я и той воспользовалась, хоть и ни разу даже не намекнула Дунѣ объ ея сердечныхъ ранахъ. Понравился ей какой-то купчикъ, познакомилась я съ нею тотчасъ послѣ разрыва, поговорила съ ней, посовѣтовала читать мистическія книги, а теперь, проживши у нихъ больше двухъ недѣль, кажется, совсѣмъ ее укрѣпила. Многое поразсказала я ей, и теперь она горитъ желаньемъ услышать

*) «Кораблемъ» называется общество хлыстовъ.

**) *Сіонской горницей* у хлыстовъ называется комната, гдѣ происходятъ ихъ собранія.

«живое слово». Въ первое же собранье можно будетъ ее допустить, разумѣется, пока безъ «приводу» *). Я увѣрена, что она озарится. Когда будетъ у васъ собранье-то?

— Хотѣлось бы въ субботу на воскресенье, — сказалъ Николай Александрычъ. — Не знаю, соберутся ли.

— А по многу-ль теперь собираются? — спросила Марья Ивановна.

— Умалился корабль, очень умалился, — скорбно промолвилъ Николай Александрычъ. — Которыхъ на землѣ не стало, которые по дальнимъ мѣстамъ разошлись. Рѣдко когда больше двадцати Божьихъ людей наберется... Насъ четверо, изъ дворни пять человѣкъ, у Варварушки въ богадѣльнѣ семеро. Еще человѣка два-три со стороны. Не прежнее время, сестрица. Теперь, говорятъ, опять распыхались злобой на Божьихъ людей язычники, опять іудеи и фарисеи **) воздвигаютъ бурю на христовы корабли. Надо имѣть мудрость змiину и какъ можно быть осторожнѣй.

И съ покорнымъ видомъ, съ умильнымъ взоромъ на Спасителя съ апостолами во время бури на Галилейскомъ морѣ, знаменитой кисти извѣстнаго художника Боровиковскаго, запѣлъ Николай Александрычъ вполголоса заунывную пѣсню. Другіе вполголоса припѣвали ему, а у него щеки такъ и орошались слезами.

Кораблик заливаетъ морскими волнами,
Сверху грозятъ тучи, стоючи надъ нами.
Заставляютъ бѣдныхъ страдать подъ водами.
Скудны мы, бѣдны — нищета вся съ нами,
Скудость и бѣдность всегда жила съ нами
Какъ въ прежнихъ вѣкахъ, такъ и нынѣ тоже.
Охъ, много зачинающихъ, да мало скончаевающихъ!
Припадаемъ колѣнами на мать сыру землю,
Пролiемъ мы слезы, какъ быстрыя рѣки,
Воздохнемъ въ печали къ Создателю свѣта:
„Боже ты нашъ, Боже, Боже отецъ нашихъ,
Услыши Ты, Боже, сію Ти молитву,
Сію Ти молитву, какъ блуднаго сына,
Преклони Ты ухо къ сердечному стону,
Прими Ты къ престолу текущія слезы,
Пожалѣй, Создатель, бѣдное созданье,
Предѣли насъ, Боже, къ избранному стаду,
Запиши, Родитель, въ животную книгу,
Огради насъ бѣдныхъ Своею оградой:
Приди въ наши души съ небесной отрадой,
Всѣхъ поставь насъ, Боже,

*) *Приводъ* — обрядъ поступленія въ секту.

**) Іудеями и фарисеями хлысты называютъ православныя власти, преимущественно духовныя.

Здѣсь на крѣпкомъ камнѣ,
Чтобъ мы были крѣпки во время печали:
Мы всегда желаемъ быть въ избранномъ стадѣ,
Ты нашъ учитель, Ты нашъ попечитель,
Просимъ милости богатой у Тебя, Владыки,
И всегда ходить желаемъ подъ Твоимъ покровомъ,
Ты насъ, Батюшка, питаешь и всѣмъ одѣляешь,
Въ нашихъ скорбяхъ и печаляхъ самъ насъ подкрѣпляешь,
Тебѣ слава и держава въ пречистыя руки" *).

Всѣ сидѣли съ благоговѣніемъ и плакали. Не вдругъ успокоились, долго сидѣли послѣ того молча, вздыхая и отирая слезы. Наконецъ Марья Ивановна спросила у Николая Александрыча:

— А въ словѣ кто теперь ходитъ **)?

— Да все тѣ же. Племяненка наша Варенька стала въ словѣ сильна и съ каждымъ разомъ сильнѣе становится, — сказалъ Николай Александрычъ. — Златой сосудъ!.. По времени будетъ въ немъ благодать великая.

— Слава въ вышнихъ Богу! — благоговѣйно поднявши глаза, проговорила Марья Ивановна. — На Дуню я тоже много разсчитываю. Помните, какъ въ прошломъ году я подъ осень гостила у насъ, про нее тогда я вамъ сказывала, что какъ скоро заговорила я съ ней, едва открывая «тайну», Духъ на нее накатилъ ***)—вся задрожала, затрепетала, какъ голубь, глаза загорѣлись, и безъ чувствъ упала она ко мнѣ на руки. Великимъ знаменіемъ тогда я это сочла. А теперь, какъ гостила у нихъ, каждый почти день бывала она въ восторгѣ, такъ и трясетъ ее всю: судороги, истерика, пѣна у рта. Ни словомъ ей не заикнулась я, что̀ бываетъ у насъ на радѣніяхъ, а все-таки ее поднимало.

— Дай Господи такую подвижницу, подай истинный свѣтъ и новую силу въ словѣ ея, — сложивъ руки, набожно сказалъ Николай Александрычъ. — Ежели такъ, можно будетъ ее допустить на собраніе, и если готова принять «благодать», то можно и «приводъ» сдѣлать... Только вѣдь она у отца живетъ, Помнится мнѣ, говорила ты, Машенька, что онъ раскольни-

*) Эта пѣсня не безъ основанія приписывается одному изъ участниковъ Татариновскаго корабля (рязанскому помѣщику Дубовицкому), отправленному лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ Саровскую пустынь, а потомъ едва ли не въ Соловки. Первоначальная же редакція принадлежала Александру Иванычу Шилову, крестьянину изъ Орловской губерніи, сначала хлысту, а потомъ скопческому Іоанну Предтечѣ, умершему въ самыхъ послѣднихъ годахъ восемнадцатаго столѣтія въ Шлиссельбургѣ.

**) *Ходить въ словѣ* — пророчествовать во время изступленія, находящаго на иныхъ хлыстовъ во время радѣнія и послѣ него.

***) *Духъ накатилъ*, то-есть сошелъ духъ (по понятіямъ хлыстовъ Святой Духъ).

частъ и совсѣмъ плотскій язычникъ, духовнаго въ немъ, говорила ты, нѣтъ ни капельки.

— Это такъ, — подтвердила Марья Ивановна. — Какъ есть плотскій — только деньги на умѣ.

— Какъ же Авдотьюшка, познавъ тайну, станетъ въ Гоморрѣ жить? — сказалъ Николай Александрычъ. — Тяжело вѣдь ей будетъ межъ язычниками... Некому будетъ ни утѣшить ее ни поддержать въ ней святого пламени. Устоитъ ли она тогда на «правомъ пути», сохранитъ ли «тайну сокровенную»? Объ этомъ надо обсудить хорошенько. То помни, Машенька, что ангелы небесные ликуютъ и радуются, когда языческая душа вступаетъ въ ограду спасенія, но всѣ небесныя силы въ тоскѣ и печали мечутся по небу, ежели «приведенная» душа возвратится вспять и снова вступитъ на погибельный путь фарисейскій.

— Со мной часто будетъ видаться, я буду ее поддерживать. Отецъ обѣщалъ отпускать ее ко мнѣ въ Фатьянку. При мнѣ не пойдетъ она въ адскія ворота, не возвратится въ язычество, — твердо и рѣшительно сказала Марья Ивановна.—На «приводѣ» я, пожалуй, буду ея поручницей и все время, пока обитаю въ этомъ грѣховномъ тѣлѣ, стану поддерживать ее на «правомъ пути».

— А дашь ли за нее страшное священное заручене? — строго спросилъ у сестрицы Николай Александрычъ.

— Дамъ, — отвѣтила Марья Ивановна. — Дамъ, потому что ручаюсь за нее, какъ за самое себя.

— Но вѣдь ты знаешь, Машенька, что бываетъ съ заручниками, если приведенные ими отвергнутся «пути»? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Знаю, — слегка кивнувъ головой, отвѣтила Марья Ивановна.

— Отлученіе отъ части праведныхъ, отлученіе отъ небесныхъ силъ, отторженіе отъ святѣйшаго сонма поющихъ хвалебныя пѣсни предъ Агнцемъ, вѣчное страданье души въ грѣховномъ тѣлѣ, низведеніе въ геенну на нескончаемую власть врага *), — торжественно говорилъ Николай Александрычъ. — Вспомни, сестрица, вспомни, душевная моя.

---

*) Хлысты никогда не употребляютъ словъ: «дьяволъ», «сатана», «чортъ» и тому подобныхъ, дабы не осквернить проклятымъ именемъ своего языка. Одно у нихъ имя ему — «врагъ», иногда «врагъ Божій», рѣдко «врагъ человѣческій». Нѣкоторые учители ихъ о дьяволѣ такъ говорятъ: «Какой онъ врагъ человѣкамъ? — онъ другъ имъ и покровитель, какъ любимымъ своимъ созданьямъ. Онъ врагъ только намъ, пришедшимъ изъ внѣшняго міра и познавшимъ правый путь и сокровенную тайну». Хлысты вполнѣ увѣрены, что смертное тѣло человѣка сотворилъ Сатаніилъ по образу и подобію

— Не давала-бъ я, Николаюшка, великаго и страшнаго заручения, не ставила-бъ за чужую душу въ залогъ свою душу ежели-бъ не знала Дунюшки, — въ изступлении, дикимъ дрожащимъ голосомъ, сказала брату Марья Ивановна.

И, крѣпко стиснувъ руками грудь, со слезами на глазахъ, задыхаясь отъ безпрерывныхъ вздоховъ и сильныхъ судорожныхъ движеній тѣла, стала она «выпѣвать» *):

— Высока будетъ ходить во «святомъ во кругу» **). Высока ея доля небесная, всѣмъ праведнымъ будетъ она любезная. Велики будутъ труды, да и правильны суды...

Всѣ встали. На Марью Ивановну «накатило». Она была въ восторгѣ, въ изступленіи, слово ея было «живое слово, святое, вдохновенное, пророческое». Всѣмъ тѣломъ дрожа и сжимая грудь изо всей силы, дикимъ, но торжественнымъ какимъ-то голосомъ запѣла она:

Изведетъ изъ темницъ
Сонмы чистыхъ дѣвицъ.
Привлечетъ въ Божій чинъ
Сонмы грѣшныхъ мужчинъ.
Самъ Спаситель ей радъ,
Возведетъ въ вышній градъ,
Осѣнитъ Святой Духъ
Ея огненный духъ,
И на радость она
Будетъ Богу вѣрна.
Поручусь за нее
И молюсь на нее,
То — невѣста Христа
Сниметъ насъ со креста,
Силу вышнюю дастъ,
Благодать преподастъ.

Съ поникшими головами и сокрушеннымъ сердцемъ слушали Луповицкіе сестрицу свою, затрубившую въ трубу живогласную, возглашавшую златыя вѣщанія, чудоносныя, цѣльбоносныя ***).

своему, потому онъ и владѣетъ тѣломъ, а Богъ въ это тѣло вдунулъ дыханіе жизни, то-есть душу, по Своему образу и подобію, оттого душа и безсмертна. Только познавшіе правый путь и сокровенную тайну, по мнѣнію ихъ, войдутъ въ селенія праведныхъ, остальные вѣчно будутъ мучиться, заключенные въ тѣла и находясь въ полной власти отца своего Сатаніила.

*) *Выпѣвать*—въ безпамятствѣ говорить съ рифмами, импровизовать.

**) «Святымъ кругомъ» у хлыстовъ называется нѣчто въ родѣ хоровода исполняющихъ религіозныя пляски.

***) «Трубой живогласною» и «златыми вѣщаніями, чудоносными, цѣльбоносными» хлысты называютъ слова пророковъ, сказанныя во время изступленія.

Въ изнеможеньи, безъ чувствъ упала Марья Ивановна на диванъ. Глаза ея закрылись, всю ее дергало и корчило въ судорогахъ. Покрытое пóтомъ лицо ея горѣло, бѣлая пѣна клубилась на раскрытыхъ, трепетавшихъ губахъ. Нѣсколько минутъ продолжался такой припадокъ, и въ это время никто изъ Луповицкихъ не потревожился: и корчи и судороги они считали за дѣйствіе Святого Духа, внезапно озарившаго пророчицу. Съ благоговѣньемъ смотрѣли они на страдавшую Марью Ивановну.

Мало-по-малу она успокоилась, корчи и судороги прекратились, открыла она глаза, отерла лицо платкомъ, сѣла на диванъ, но ни слова не говорила. Подошла къ ней Варвара Петровна со стаканомъ воды въ рукѣ. Большими глотками, съ жадностью выпила воду Марья Ивановна и чуть слышно промолвила:

— Еще.

Другой стаканъ подала Варвара Петровна, Марья Ивановна и его выпила, волненіе стало въ ней прекращаться, только грудь поднималась тяжело и порывисто.

«Живымъ словомъ» Марьи Ивановны была рѣшена участь Дуни. Луповицкіе съ радостью согласились открыть ей всю «сокровенную тайну». Въ словѣ Марьи Ивановны и въ постигшемъ ее послѣ того припадкѣ они видѣли явную на то волю Божью.

— Я пойду... раздѣнусь... лягу въ постель... — слабымъ, упавшимъ голосомъ проговорила Марья Ивановна, приподнимаясь съ дивана. Варвара Петровна подхватила ее подъ-руку и тихонько, съ осторожностью повела едва передвигавшую ноги пророчицу.

Въ родительскомъ домѣ въ послѣднее время всѣ дни съ утра до ночи Дуня проводила съ Марьей Ивановной, въ Луповицахъ стала она неразлучна съ Варенькой. Погода на ту пóру стояла тихая, теплая, и обѣ дѣвушки изъ саду почти не выходили, онѣ бывали въ домѣ только за обѣдомъ и за чаемъ. Постель Дуни на первое время поставили въ Варенькиной спальнѣ, пока не приготовили заѣзжей гостьѣ особой комнаты. Все это сдѣлано было по желанью Марьи Ивановны. И во время прогулокъ и по ночамъ, лежа на постеляхъ, Дуня водила съ Варенькой такіе же разговоры, какъ прежде съ Марьей Ивановной. Разсказы молодой дѣвушки о таинственной вѣрѣ нравились Дунѣ больше, чѣмъ разсказы Марьи Ивановны. Они были ей проще и понятнѣе. Иногда приходили къ нимъ въ садъ и Варвара Петровна и Марья Ивановна,

но всегда на короткое время. Въ совѣтѣ Луповицкихъ Дуня отдана была для вразумленій Варенькѣ, потому что эта ближе подходила къ ней возрастомъ и потому могла имѣть больше на нее вліянія.

Однажды Варенька съ Дуней, крѣпко обнявшись, сидѣли на уютномъ диванчикѣ въ обширной теплицѣ, уставленной однѣми пальмами. Другихъ растеній въ теплицѣ не было. Говорили дѣвушки о «союзѣ», къ которому такъ неудержимо влеклась мечтательная Дуня.

— Варенька, я тебѣ еще, кажется, не сказывала, что Марья Ивановна обѣщалась мнѣ здѣсь, въ Луповицахъ, показать такихъ праведныхъ, что̀ говорятъ «живое слово», — сказала Дуня.—Теперь каждый день я ее спрашиваю, когда-жъ это будетъ, а у нея только и отвѣтовъ: «погоди да погоди».

— А тебѣ хочется видѣть ихъ?—съ улыбкой спросила Варенька.

— Господи! Да я бы жизнь отдала, только бы взглянуть на нихъ, только бы одно «живое слово» услышать, — съ живымъ нетерпѣньемъ отвѣчала Дуня.

— Развѣ ты никогда не видала ихъ?—улыбаясь, спросила Варенька.

— Гдѣ-жъ мнѣ видѣть ихъ?—грустно промолвила Дуня.— Не такая жизнь выпала на долю мнѣ. Не знаешь развѣ, что я выросла въ скиту, а потомъ жила у тятеньки въ четырехъ стѣнахъ. До знакомства съ Марьей Ивановной о духовности и понятія у меня не было. Только она открыла мнѣ глаза.

— А ты и не догадалась, что сама она «просвѣтлена», что въ ней самой Духъ Божій живетъ, что сама она вѣщаетъ «глаголы живота»?—спросила Варенька.

— Какъ? Неужели?—въ изумленьи вскрикнула Дуня и порывисто вскочила съ диванчика.

— Да, «просвѣтлена», — сказала Варенька. — Она ужъ давно таинственно умерла и давно таинственно воскресла. Нѣтъ въ ней грѣховнаго человѣка, нѣтъ въ ней ветхаго Адама. Недоступны ей ни грѣхъ ни страсти, свойственныя человѣку.

Припомнила Дуня слова Марьи Ивановны о людяхъ, что̀ послѣ таинственной смерти таинственно воскресаютъ. Ея слова были памятны ей, въ сердцѣ носила ихъ.

— Такъ въ ней самъ Богъ?.. Такъ отъ нея отъ самой можно слышать слово вѣчной жизни?—воскликнула Дуня задрожавшимъ отъ волненья голосомъ.

— Да, она «труба живогласная», — молвила Варенька.— Она святая пророчица, устами ея Духъ волю Свою вѣщаетъ.

— А я и не знала... И въ голову мнѣ не приходило... — тихо опускаясь на диванчикъ, едва слышно промолвила Дуня.

— Чужому знать этого нельзя, — сказала Варенька.

— Зачѣмъ же она не сказала мнѣ?.. Зачѣмъ говорила, что увижу такихъ людей только здѣсь, въ Луповицахъ?..—тоскливо говорила Дуня, не слушая Вареньки.

— Услышишь... И ее услышишь и другихъ услышишь,— сказала Варенька. — Въ пророческомъ словѣ не одна она ходитъ.

— Кто же еще? — спросила Дуня.

— Дядюшка и еще другіе, — отвѣтила Варенька.

— Какъ? Николай Александрычъ?

— Да. Силенъ въ немъ Духъ, сильнѣе, чѣмъ въ тетѣ Машенькѣ. Онъ вѣдь кормщикъ корабля, всѣмъ руководитъ. Въ немъ давно ужъ нѣтъ своей воли, она вся попалена небеснымъ огнемъ, совсѣмъ уничтожена. Въ немъ одна только святая воля Духа. Что-бъ онъ ни приказалъ, чего-бъ ни захотѣлъ, все исполняй, какъ Божье повелѣнье. Что-бъ ни сказалъ онъ, во всякомъ словѣ его премудрость Божья... Слѣпымъ, что̀ живутъ языческой жизнью въ плѣнѣ вавилонскомъ, тѣмъ, что̀ валяются въ смрадной тинѣ грѣховъ, слова его, конечно, покажутся безуміемъ. Но помни, Дунюшка, слово, сказанное въ писаніи: «безумное Божье мудрѣе людей и немощное Божье сильнѣе человѣковъ» *). Всякій кормщикъ такой, какъ дядюшка, что̀ бы ни сдѣлалъ, все свято сдѣлалъ. Какъ бы его поступокъ ни показался сквернымъ, даже беззаконнымъ, все-таки онъ безмѣрно выше, нравственнѣе и законнѣе высшей чистоты и праведности человѣческой. Не кормщикъ такъ поступаетъ, а живущій въ немъ Духъ. Читала ли ты преподобнаго отца Макарія Египетскаго?

— Какъ же не читать? — отвѣчала Дуня.

— Вспомни. что̀ говоритъ онъ: «Душа, которую Духъ, уготовляющій Себѣ въ престолъ и жилище, удостоитъ пріобщенія Его свѣта, осіяетъ неизреченною красотой Его славы. Она сама вся становится свѣтомъ, въ ней не остается ни одной части, которая бы не была исполнена духовныхъ очей». А со многими очами, многоочитые кто?

— Херувимы, — сказала Дуня.

— Ну да, — подтвердила Варенька. — Такъ ты понимай, кому подобны Божьи люди, особенно кормщики кораблей, одаренные Духомъ сугубой благодатью. Макарій Египетскій вотъ еще что̀ говоритъ: «Не остается въ той просвѣтленной душѣ

*) I Корин., 1, 25.

ничего темнаго, она вся дѣлается свѣтомъ и духомъ. Такіе люди, соединенные съ Духомъ Божьимъ, дѣлаются подобными самому Христу, сохраняя въ себѣ постоянно силы Духа и являя для всѣхъ духовные плоды, потому что, когда они Духомъ содѣланы чистыми и непорочными, то невозможно, чтобы внѣ себя приносили они плоды злые. Всегда и во всемъ являются у нихъ добрые плоды Духа» *).

Долго ничего не могла сказать на это Дуня.

— Когда-жъ и гдѣ Николай Александрычъ или Марья Ивановна говорятъ «живое слово»? Когда бы послушать ихъ, Варенька? — послѣ долгаго молчанья спросила Дуня.

— Когда корабль соберется, когда властью и велѣніемъ Духа будутъ собраны люди Божьи во едино мѣсто въ Сіонскую горницу,— отвѣтила Варенька:— если будетъ на то воля Божья, и тебя допустятъ посмотрѣть и послушать, хоть ты пока еще язычница... Кто знаетъ? Можетъ-быть, даже слово будетъ къ тебѣ. Рѣдко, а это иногда бываетъ.

— Ахъ, всѣмъ бы сердцемъ, всей бы душой я хотѣла войти въ корабль, — съ глубокимъ вздохомъ сказала Дуня.

— Покамѣстъ нельзя, Дунюшка. Вдругъ никакъ невозможно,—отвѣчала Варенька.—Можетъ-быть, собраніе-то, когда побываешь въ немъ, соблазнитъ тебя. Можетъ-быть, ты станешь избѣгать его, какъ грѣховнаго.

— Что̀ ты, что̀ ты, Варенька, — воскликнула Дуня. — Я и такъ, кажется, довольно ужъ знаю... Сколько книгъ перечитала, сколько Марья Ивановна со мной говорила. Во все, во все вѣрю и всей душой стремлюсь къ раскрытью «сокровенной тайны».

— Не говори такъ, Дунюшка, — прервала ее Варенька: — не говори съ такой увѣренностью. Сказала я тебѣ, что Божье безумное премудрѣй человѣческой мудрости, но вѣдь обыкновенные люди, язычники, въ проявленіяхъ Духа видятъ либо глупость, либо юродство, либо даже кощунство и богохульство, кликушами Божьихъ людей называютъ, икотниками да икотницами, даже бѣсноватыми **). Когда явишься ты въ

---

*) Св. Макарія Египетскаго «Бесѣда 1», п. 2. «Слово о любви», п. 7.

**) *Кликуши,* на сѣверо-востокѣ *икотницы* — люди, одержимые особаго рода падучей болѣзнью, въ припадкахъ которой теряется сознаніе, и больная (у мужчинъ эта болѣзнь бываетъ чрезвычайно рѣдко) въ корчахъ и судорогахъ безпрестанно икаетъ либо кричитъ звѣриными голосами, изрыгая брань, ругательства и даже богохульство. Народъ приписываетъ эту болѣзнь напуску отъ злыхъ колдуновъ. Сами кликуши всегда почти выкликаютъ, что такой-то испортилъ ихъ. Считая эту нервную болѣзнь, истерику въ самой сильной степени, за притворство, пробовали лѣчить бабъ розгами: инымъ это лѣкарство помогало, но въ большей части случаевъ сводило больныхъ въ могилу.

средѣ малаго стада, въ сонмѣ племени новаго Израиля, и Божьи люди станутъ молиться на твоихъ глазахъ истинной молитвой, не подумаешь ли ты по-язычески, не скажешь ли въ сердцѣ своемъ: «зачѣмъ они хлопаютъ такъ неистово въ ладоши, зачѣмъ громко кричатъ странными голосами?»... А когда услышишь вдохновенныя, непонятныя тебѣ рѣчи, не скажешь ли: «безуміе это, сумасбродство»?.. Мало того — не скажешь ли ты самой себѣ: «это кощунство». Такъ всегда говоритъ про Божьихъ людей слѣпой и глухой языческій міръ, такъ, пожалуй, скажешь и ты, потому что ты язычница.

— Зачѣмъ же однако на молитвѣ хлопать въ ладоши? — съ удивленьемъ спросила Дуня.— По-моему, это нехорошо. Такъ не водится.

— «Псалтырь» читывала?—спросила Варенька.

— Какъ же не читать? Училась по «псалтырю». Чуть не весь знаю наизусть, — отвѣтила Дуня.

— Помнишь: «восплещите руками, воскликните Богу...» А дальше: «взыде Богъ во воскликновеніи», — сказала Варенька.

— Псаломъ сорокъ шестой, въ конецъ о сынѣхъ Кореовыхъ,—промолвила Дуня и смолкла.

— Оттого люди Божьи и плещутъ руками. Царь-пророкъ ихъ тому научилъ. И восклицаютъ они громкими радостными голосами хвалебныя пѣсни,—сказала Варенька.—То не забудь, что самъ Богъ ходитъ при восклицаніяхъ и въ гласѣ трубномъ, то-есть съ пѣніемъ, съ музыкой. Тебѣ покажется это соблазнительнымъ, потому что привыкла ты къ мертвому богопочтенію. У васъ только поклоны да поклоны. Знай одну спину гнуть — и будешь спасенъ... Такъ вѣдь по-вашему? А у Божьихъ людей не такъ, у нихъ все тѣло, всѣ члены его поклоны бьютъ. А когда увидишь, какъ это дѣлается — непремѣнно соблазнишься...

— Что-жъ это за поклоны всѣмъ тѣломъ? — съ напряженнымъ вниманьемъ спросила у Вареньки Дуня.

— Съ перваго взгляда похожи они на скачку, на пляску, на языческіе хороводы, — отвѣтила Варенька.— И если бы увидалъ язычникъ святое «радѣніе» людей Божьихъ, непремѣнно назвалъ бы его неистовымъ скаканьемъ, богопротивною пляской. Но это «радѣніе» къ Богу. Сказано: «вселюся въ нихъ и похожду» — и вотъ, когда вселится Онъ въ людей Своихъ, тогда и ходитъ въ нихъ. Божьи люди въ восторгѣ тогда пребываютъ, все забываютъ, землю покидаютъ, въ небесахъ пребываютъ.

— Какъ же это можно плясать на молитвѣ? — сказала со-

всѣмъ изумленная Дуня.—Вѣдь это грѣхъ... Подумать, такъ страшно...

— Службу на Пасху знаешь? — спросила Варенька.

— Всю наизусть, — отвѣтила Дуня.

— «Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣнным ковчегомъ скакаше играя...» помнишь? — спросила Варенька.

— Помню, — тихо въ раздумьѣ отвѣтила Дуня.

— А въ писаніи читала, какъ царь Давидъ плясалъ передъ Господомъ? — спросила Варенька.

— Что-то не помню, — отвѣтила Дуня.

— Шелъ онъ въ Іерусалимъ съ кивотомъ Божьимъ, скакалъ передъ нимъ и игралъ. Мельхола, дочь Саулова, какъ язычница, надъ нимъ насмѣхалась, а онъ ей сказалъ: «буду играть и плясать передъ Господомъ» *). Теперь онъ въ райскихъ свѣтлицахъ препрославленъ, а она въ адскихъ мукахъ томится во власти Божья врага.

Не отвѣчала Дуня. Поражена была она словами Вареньки. Та продолжала:

— Увидишь людей Божьихъ, и мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, въ однѣхъ бѣлыхъ рубашкахъ, съ пальмами въ рукахъ— и тоже соблазнишься... А между тѣмъ тутъ тайна... Почему святыхъ, праведныхъ зовутъ «людьми Божьими»? Потому что запечатлѣны они печатью Бога живого!

— Объ этомъ я въ книгѣ госпожи Гіонъ читала,—молвила Дуня **).

— Ну да,—подтвердила Варенька:—и въ «Апокалипсисѣ» тоже есть. Тамъ сказано: «вотъ множество людей ото всѣхъ племенъ стоятъ предъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ пальмовыми вѣтками въ рукахъ, и восклицаютъ громкимъ голосомъ...» ***). Потому люди Божьи и «радѣютъ» Господу въ бѣлыхъ одеждахъ съ пальмами въ рукахъ... Конечно, не вездѣ можно достать пальмъ, — а у насъ вотъ ихъ цѣлая теплица для того заведена. По другимъ мѣстамъ вмѣсто пальмъ вербы держатъ въ рукахъ, либо зеленыя вѣтви отъ какого-нибудь дерева, не то бѣлые платки либо жгутики... Вотъ отчего люди Божьи молятся въ однѣхъ бѣлыхъ рубашкахъ... А тебѣ, пожалуй, и это за соблазнъ покажется.

Не отвѣчала Дуня, погрузившись въ сильное раздумье.

— А когда услышишь, что̀ восклицаютъ въ то время Божьи люди, какія слова говорятъ и поютъ они — соблазнишься, непремѣнно соблазнишься, —продолжала Варенька.

---

*) II «Царствъ», гл. 6.

**) Госпожи Гіонъ Изъясненіе на Апокалипсисъ». Москва 1821.

***) «Апокалипсисъ», гл. 7.

— Что-жъ такое они восклицаютъ? — пытливымъ взоромъ глядя на Вареньку, спросила Дуня.

— Они поютъ,—сказала Варенька: — поютъ «пѣснь нову», и кромѣ нихъ никто не можетъ научиться ее пѣть, — прибавила она послѣ короткаго молчанья. — Пѣвцы тѣ искуплены, они первенцы Богу и Агнцу... Въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства... Непорочны они передъ Божьимъ престоломъ... На нихъ печать Божья *).

— То же читала я въ книгѣ госпожи Гіонъ,—сказала Дуня.— Я бы, кажется, услышавши такую пѣсню, слушала ее не наслушалась.

— А все-таки она бы соблазнила тебя,—отвѣтила Варенька, устремляя пристальный взоръ на Дуню.—Не забывай, милый другъ, что ты еще пока язычница, и что врагъ имѣетъ надъ тобой полную власть. Онъ-то и вложитъ въ твою душу нечистый помыслъ, онъ то и скажетъ тебѣ, что «новая пѣсня»— безуміе... Но помни всегда, всегда помни, моя милая, желанная, что «безумное Божье премудрѣй человѣческой мудрости». Чтò если услышишь ты въ собраньи Божьихъ людей не тотъ напѣвъ, къ которому привыкла въ своихъ часовняхъ? Услышишь, что новыя пѣсни поются на голосъ мірскихъ пѣсенъ— хороводныхъ, напримѣръ, или такихъ, чтò пьяные мужики поютъ на гуляньяхъ либо крестьянскія дѣвки на посидѣлкахъ, иной разъ плясовую даже услышишь?

— Зачѣмъ же такъ пѣть? — въ сильномъ смущеньи спросила Дуня.—Развѣ нельзя пѣть какъ слѣдуетъ!

— Можно бы,—отвѣтила Варенька.—Очень бы можно, ежели бы новую пѣсню пѣли, какъ у васъ, бездушные кимвалы бряцающіе. Но вѣдь на радѣньяхъ людей Божьихъ не сами они поютъ, не своей волей, не своимъ хотѣньемъ; Духъ, живущій въ нихъ, и слова пѣсенъ и напѣвъ имъ внушаетъ... Опять-таки прежнее тебѣ скажу, не знаю ужъ въ который разъ, помни слова писанія: «безумное Божье премудрѣй человѣческой мудрости»... Да во всемъ, во всемъ у людей Божьихъ для языческаго грѣховнаго міра тайна великая. Люди Божьи ежечасно славятъ Творца, чтò далъ имъ познать Его тайны,— прибавила Варенька.—Утаилъ Онъ тайны отъ премудрыхъ и разумныхъ, открылъ младенцамъ Своимъ неразумнымъ!

— Какія-жъ это пѣсни? Ты знаешь какую-нибудь? — спросила Дуня.

— Знаю, но далёко не всѣ,—отвѣтила Варенька.—Пѣсенъ много—на каждомъ почти собраньи новая бываетъ, и не одна,

*) Тамъ же.

а сколько Духъ Святой захочетъ, столько и даетъ ихъ. Вѣдь это не то, что у язычниковъ по тысячѣ лѣтъ одно и то же поется. Прислушались и въ старыхъ пѣсняхъ смысла не понимають. А и тѣ пѣсни святы, потому что въ свое время и онѣ внушены были Духомъ же Святымъ. У Божьихъ людей новыя пѣсни поются по наитію Духа, и никто не можетъ навыкнуть пѣть эти пѣсни, какъ сказано въ писаніи... Но есть и старыя пѣсни, такія, что давно пѣвались пророками и теперь по церквамъ и по вашимъ скитскимъ часовнямъ поются. Ихъ тоже поютъ на собраньяхъ люди, познавшіе «тайну сокровенную».

— Если можно, Богомъ тебя прошу, Варенька, спой какую-нибудь новую пѣсню,— просила Дуня. крѣпко сжимая Вареньку въ объятьяхъ.

Немножко призадумалась Варенька, сказала наконецъ:

— Изволь, такъ и быть, спою одну, но смотри, наблюдай за собой — не посѣялъ бы врагъ соблазна въ твоемъ сердцѣ.

— Нѣтъ, Варенька, нѣтъ. Не мнѣ, самому Богу повѣрь, что не соблазнюсь. Пой, Варенька, пой,—со страстнымъ увлеченьемъ говорила Дуня. А сама такъ и млѣетъ, такъ и дрожитъ всѣмъ тѣломъ.

Помолчала Варенька, потомъ яснымъ, чистымъ голосомъ запѣла:

Бога человѣкамъ невозможно видѣти,
На Него-жъ не смѣютъ чины ангельскіе взирати.

— Да это и у насъ поется,—сказала Дуня.—Напѣвъ только не тотъ. У насъ этотъ тропарь поютъ на гласъ шестый.

Не слыхала Варенька словъ Дуни, громче и громче раздавалась ея пѣсня въ теплицѣ подъ сѣнью длиннолистныхъ пальмъ.

Тобою, Пречиста, Дѣва благодатна,
Къ намъ Господь явился въ плоти человѣка.
Люди не познали, что Богъ съ ними ходитъ,
Надъ нимъ надругались—вины не сыскали:
Всѣ не знали въ злобѣ, что Тебѣ сказати,
Рученьки пречисты велѣли связати,
На тебя плевали, вѣнецъ накладали,
Отвели къ Пилату, чтобъ велѣлъ распяти,
А Ты, милосердый, терпѣливый Агнецъ,
Грѣхъ со всѣхъ снимаешь, къ Отцу воздыхаешь:
„Отпусти имъ, Отче—творятъ что̀, не вѣдятъ“.
Благообразный Іосифъ упросилъ Пилата
Съ древа тѣло сняти, пеленой обвити,
На Тебя глядѣвши, сталъ онъ слезы лити,
И во гробѣ новѣ положилъ покрывши,
Зарылъ тѣло въ землю, камень положивши.

— Это псальма, — сказала Дуня.—Не эту самую, а другія такія же у насъ по скитамъ поютъ, не въ часовнѣ только, а въ келарнѣ, либо въ кельѣ у какой-нибудь матери, гдѣ дѣвицы на посѣдки сбираются.

Не отвѣчала Варенька. Она ужъ пришла въ восторгъ и, не слушая Дуни, продолжала:

Нынѣ нашъ Спаситель проситъ отпущенья.
Плачемъ и рыдаемъ, на страды взираемъ —
Сокати Святый Духъ царствовать на землю!..
Повелѣлъ Спаситель—вамъ врагамъ прощати,
Пойдемъ же мы въ царствіе тѣсною дорогой,
Царіе и князи, богаты и нищи,
Всѣхъ Ты, нашъ Родитель, зовешь къ Своей пищѣ,
Придетъ пора-время—всѣ къ Тебѣ слетимся,
На Тебя, нашъ Пастырь, тогда наглядимся.
Отъ пакостна тѣла борютъ здѣсь насъ страсти.
Ты, Господь всесильный, дай намъ не отпасти,
Дай Ты, Царь Небесный, вѣру и надежду,
Одѣнь наши души въ небесны одежды,
Въ путь узкій, прискорбный идемъ—помогай намъ!
Злые люди тати ищутъ насъ предати,
Идутъ въ путь просторный—надъ нами хохочутъ,
Пышность, лесть и гордость удалить не хочутъ,
Злого князя міра мы не устрашимся,
Всегда другъ ко другу какъ птицы слетимся...
Что же намъ здѣсь, други, на землѣ дѣлити?
У насъ единъ Пастырь, а мы Его овцы,
Силенъ все намъ дати, силенъ и отняти.
Мы Его не видимъ, а гласъ Его слышимъ:
Заповѣдь блюдите, въ любви всѣ ходите,
„Во Христово имя вездѣ собирайтесь".
Хоть васъ и погонятъ—вы не отпирайтесь,
У пламя вы, други, стойте, не озябьте.
Надо утѣшати Батюшку родного,
Агнца дорогого, Сына всеблагого,
Авось нашъ Спаситель до насъ умилится.
Въ нашихъ сокрушенныхъ сердцахъ изволитъ явиться,
Съ нами вмѣстѣ будетъ, покажетъ всѣ лести.
Нашихъ силъ не станетъ тайну всю познати,
Надо крѣпкимъ быти и всегда молиться,
Тогда и злодѣй всякъ отъ насъ удалится *).

Пропѣвъ «новую пѣснь», Варенька склонилась на диванчикъ и долго оставалась въ забытьѣ. Слезы орошали блѣдныя ея ланиты. Молчала Дуня, перебирая складки передника, и она погрузилась въ какое-то особенное состояніе духа, не то забытье, не то дремоту... Когда наконецъ Варенька пришла въ себя, она спросила у нея:

*) Эта хлыстовская пѣсня тоже принадлежитъ одному изъ участниковъ общества Татариновой.

— А въ собраніяхъ вашихъ крестятся ли?

— Какъ же можно безъ креста? — чуть слышно, слабымъ голосомъ проговорила Варенька. — Но ты и тутъ, пожалуй, соблазнишься, увидавши, какъ Божьи люди крестятся,—прибавила она.

— Неужли щепотью?—тревожно спросила Дуня.

— Нѣтъ. Крестятся больше двумя перстами, но не одной рукой, а обѣими,—отвѣчала Варенька.

— Какъ обѣими руками? Да развѣ это можно?—вскликнула Дуня.

— А что̀ такое значитъ крестное знаменье на молитвѣ? Что̀ такое значитъ самая молитва?—спросила Варенька.

— Кто-жъ не знаетъ этого?—слегка улыбнувшись, молвила Дуня.—Молиться — значитъ молитвы читать, у Бога милости просить.

— Молитва—возношеніе души къ Богу,—прервала ее Варенька.—Молитва—полетъ души отъ грѣшной земли къ праведному небу, отъ юдоли плача къ неприступному престолу Господню. Такъ али нѣтъ?

— Конечно,—тихо отвѣтила Дуня.

— А крестное знаменье что̀ значитъ въ этомъ полетѣ? — спросила Варенька.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать...—въ недоумѣньи отвѣтила Дуня.—А какъ по-твоему?

— Въ полетѣ къ небу, въ пареньи къ огнезрачному престолу Творца крестное знаменье—крылья означаетъ,—сказала Варенька.

— Да, и я не помню гдѣ-то объ этомъ читала, — сказала Дуня.—Не въ тѣхъ книгахъ, что̀ Марья Ивановна совѣтовала читать, а въ отеческихъ... Въ «Цвѣтникѣ» въ какомъ-то, или въ «Торжественникѣ»,—не припомню. Еще бывши въ скиту читала объ этомъ.

— Ну, хорошо, — молвила Варенька.—А гдѣ-жъ ты видала, чтобы птица летала однимъ крыломъ? Понимаешь теперь, почему Божьи люди крестятся обѣими руками?

Призадумалась Дуня. Послѣ короткаго молчанья спросила она:

— Когда-жъ я увижу все это?

— Скоро, — молвила Варенька.—Твердо ли только рѣшилась вступить на путь праведныхъ?

— Цѣлый годъ объ этомъ только и думаю,—съ увлеченьемъ отвѣтила Дуня. — Сердцемъ жажду, душой алчу, умомъ горю, внутреннее чувство устремляетъ меня къ исканію истины, — говорила она языкомъ знакомыхъ ей мистическихъ книгъ.

— А знаешь ли, какъ горька и тяжела, какъ полна скорбей и лишеній жизнь Божья человѣка?—сказала Варенька.— Тѣсный путь, тернистый путь избираешь ты... Совладаешь ли съ собой, устоишь ли противъ козней врага?.. А вѣдь онъ ополчится на тебя всей силой, только бы сбить тебя съ пути праведныхъ, только бы увлечь въ подвластный ему міръ, исполненный грѣховъ и суеты...

— Не послушаю я навѣтовъ дьявола...—начала-было Дуня, но порывистымъ движеньемъ Варенька крѣпко схватила ее за руку.

— Не поминай, не поминай погибельнаго имени!..—оторопѣлымъ отъ страха голосомъ она закричала.—Одно ему имя — врагъ. Нѣтъ другого имени. Станешь его именами уста свои сквернить, душу осквернишь — не видать тогда тебѣ праведныхъ, не слыхать ни «новой пѣсни» ни «живого слова».

Смутилась Дуня, но, оправившись, сказала:

— Не знала я этого хорошенько.

— То-то, смотри,—молвила Варенька.—Не только не называй его, даже въ мысляхъ не держи скверныхъ именъ его. Не то станетъ онъ въ твоей душѣ сѣять соблазны. Возбудитъ подозрѣнье и недовѣріе... Будешь тогда навѣки лишена ангельскихъ лобзаній.

— Это что̀ за ангельскія лобзанья?—съ живымъ любопытствомъ спросила Дуня.

— Взаимные поцѣлуи Божьихъ людей на собраніяхъ. Эти лобзанья—великая тайна,—отвѣтила Варенька.

— Какъ? И съ мужчинами цѣловаться?—съ испугомъ вскрикнула Дуня.

— У Божьихъ людей, какъ у ангеловъ—нѣтъ ни мужчинъ ни женщинъ,—сказала Варенька.

— Все-таки стыдно,—вся зардѣвшись, промолвила Дуня.

— Видишь ли? Врагъ-отъ не дремлетъ... Едва сошло съ языка твоего прескверное его имя, онъ ужъ тутъ, онъ ужъ то̀тчасъ къ тебѣ съ соблазномъ подъѣхалъ,—сказала Варенька.— Люди Божьи, другъ милый, живутъ не по-вашему, не по-язычески. Они живутъ въ Богѣ, въ нихъ вселена благодать, мірскимъ людямъ недоступная. Нѣтъ у нихъ приличій, нѣтъ запрещеній, ни закона нѣтъ, ни власти, опричь воли Божьей. И грѣха у нихъ нѣтъ, потому что они умертвили его въ себѣ. Всѣ они братья и сестры одного святого семейства, живутъ въ чистотѣ небесной, въ ангельской свободѣ. Въ ихъ поцѣлуяхъ ни стыда нѣтъ ни соблазна, ничего нѣтъ дурного. Ангельскія лобзанья — славословіе Бога. Великая въ нихъ тайна. Къ духовному супругу ведутъ они.

— Скажи мнѣ, Варенька, пожалуйста, что̀ это такое «духовный супругъ»? — съ живостью спросила Дуня. — Слыхала я объ немъ отъ Марьи Ивановны, и въ книгахъ тоже попадалось, но не могу ясно понять, что̀ это такое.

— О! еще шагу не ступивши по правому пути, ты ужъ захотѣла проникнуть въ одну изъ самыхъ сокровеннѣйшихъ тайнъ,—улыбаясь, сказала Варенька.—Но такъ какъ ты хорошо подготовлена, то можно передъ тобой хоть немножко приподнять завѣсу этого таинства. Видишь ли — одинъ человѣкъ несовершенъ, самъ Богъ сказалъ: «не добро быть человѣку единому», и создалъ Еву для Адама. Это было еще до грѣха праотцевъ. Первые супруги, созданные Богомъ, были «духовные супруги», на всю вѣчность супруги. Грѣхъ, внушенный имъ отъ врага, все измѣнилъ въ нихъ. Съ тѣхъ поръ супружество стало только временнымъ, на одну лишь земную жизнь. Со смертью одного супруга обыкновенному, плотскому, языческому браку конецъ, онъ не можетъ продолжаться на вѣки вѣчные. А между людьми, умертвившими въ себѣ грѣхъ и ветхаго Адама, заключается такое духовное супружество, въ какомъ праотцы жили въ раю. Духовное супружество безсмертно, какъ человѣческая душа. Оно не разрывается при освобожденіи души изъ созданной врагомъ темницы смертью,— смертью, какъ зовете вы, язычники, освобожденіе души отъ вражескихъ узъ и плачете при томъ и рыдаете. А люди Божьи смерти праведника радуются — потому что освободилъ его Господь, вывелъ изъ смрадной темницы тѣла, созданнаго врагомъ... Поняла?

— Кажется, немного понимаю,—думчиво отвѣтила Дуня.— Но какъ же вступаютъ въ эти духовныя супружества?

— Разумѣется, они не такъ совершаются, какъ браки язычниковъ, — отвѣтила Варенька. — Нѣтъ ни предложеній, ни сватовства, никакихъ обрядовъ. Нѣтъ даже выбора... Самъ Духъ указываетъ, кому надо соединиться, кому изъ двухъ составить одно. Тутъ тайна великая!.. Знаю я ее, испытала. но теперь больше того, что̀ сказала тебѣ, открыть не могу.

Весь день послѣ этого разговора Дуня была сама не своя. Много думала она о томъ, что̀ узнала отъ Вареньки, мысли роились у ней, голова кругòмъ шла. Почти до изступленья дошедшая восторженность овладѣла ею.

Межъ тѣмъ Варенька разсказала Луповицкимъ и Марьѣ Ивановнѣ о разговорѣ съ Дуней. Увлеченную въ сѣти дѣвушку на весь вечеръ оставили въ покоѣ одну — пусть ее думаетъ и надумается.

— Кажется, овечка на пажить готова, — сказала Варвара Петровна. — Когда ее приведемъ?

— До привода надо ей побывать на соборѣ, — сказалъ Николай Александрычъ. — Да и не все вдругъ обнаруживать.

— Кажется, завтра и Лукерьюшка изъ Маркова въ богадѣльню придетъ, — сказала Варвара Петровна. — Надо и ее уговорить. Кажется, въ ней много и силы и духа.

У Варвары Петровны было большое хозяйство — скотный дворъ, тонкорунныя овцы, огромный птичникъ, обширные, прекрасно воздѣланные огороды, а за садомъ, возлѣ рощи вѣковыхъ густолиственныхъ липъ, большая пасѣка. Все было въ такомъ порядкѣ, что изъ сосѣдей, кто ни взглянетъ, всякъ позавидуетъ. Полевое хозяйство въ Луповицахъ также шло на славу, хотя и велось стариннымъ трехпольнымъ порядкомъ, и не было заведено хитрыхъ заморскихъ машинъ. Оба брата рѣдко-рѣдко бывало когда выѣдутъ въ поле или на ригу, а межъ тѣмъ ни у кого такъ хорошо хлѣбъ не родится, хоть земля была и не лучше сосѣдской. На садовые плоды тоже никогда не бывало неурожая, въ рѣкѣ и въ озерахъ рыбы налавливалось чуть ли не больше, чѣмъ въ цѣломъ уѣздѣ, о лѣсныхъ порубкахъ, потравахъ, прорывахъ мельничныхъ плотинъ и слуховъ не бывало. Народъ въ имѣніи Луповицкихъ былъ хоть не богатъ, но достаточенъ. Всѣ были богомольны, каждый праздникъ въ церкви яблоку бывало негдѣ упасть, воровства и пьянства почти вовсе не было, убійствъ и дракъ никогда. И ни малѣйшей отъ господъ строгости. Всѣ мужики, жены и дочери ихъ барской грозы никогда не видывали, даже суроваго слова отъ нихъ не слыхивали. Луповицкіе считали крѣпостныхъ своихъ за равныхъ себѣ по человѣчеству и, говоря съ ними, звали ихъ Иванушкой да Романушкой, Харламушкой да Егорушкой, а бабъ и дѣвокъ — Маланьюшкой, Оленушкой, Катеринушкой *).

Завидовали Луповицкимъ сосѣди и не могли придумать, отчего у нихъ все спорится. Сами лѣтомъ они каждый день съ утра до ночи въ полѣ, за всякой бездѣлицей слѣдятъ зорко, каждое яблоко у нихъ на перечетѣ, а все ровно вѣтромъ метется — нейдетъ въ прокъ, да и полно. И народъ совсѣмъ иной у нихъ, чѣмъ у Луповицкихъ — избаловался до-нельзя, воровъ не оберешься, пьяницъ не перечтешь, лѣнь, нищета въ каждомъ домѣ. А, кажется, все держится строго — всякая

*) Хлысты своихъ и тѣхъ изъ непосвященныхъ, что по общественному положенію ниже ихъ, всегда зовутъ ласкательными именами.

вина виновата. «Тутъ не безъ колдовства,—говаривали сосѣди про Луповицкихъ: — отецъ былъ фармазономъ, зато на старости лѣтъ и въ монастырь попалъ грѣхи замаливать. А что̀ фармазонство, что̀ чернокнижье — одно и то же. Пошло отъ колдуна Брюса и досель не переводится проклятое. Сынки по стопамъ родителя пошли, яблочко недалеко отъ яблони падаетъ, такіе же фармазоны. Съ бѣсами знаются. Чему-жъ тутъ дивиться, что имъ удается все? Сатана на послугахъ — а такого работника не всякій найметъ... Зато каково-то будетъ имъ, какъ на томъ свѣтѣ очутятся въ лапахъ у теперешнихъ работниковъ! Другую пѣсню запоютъ!» То особенно досадно было сосѣдямъ, что Луповицкіе при такомъ состояніи отшельниками живутъ — ни псарни, ни отъѣзжихъ полей, ни картежной игры, ни безумной гульбы, ни попоекъ. Два-три раза въ году зададутъ обѣдъ и баста, а сами ни къ кому ни ногой... Какъ ни досадовали сосѣдушки, какъ ни честили они Луповицкихъ, а ихнихъ обѣдовъ не пропускали. Хоть и противно было Луповицкимъ, а все-таки сзывали они изрѣдка сосѣдей на кормежку — иначе нельзя, не покормишь — какъ разъ бѣду накачаютъ.

Рано поутру осмотрѣвъ хозяйство, Варвара Петровна съ пасѣки пошла въ богадѣльню. Устроенная ею женская богадѣльня стояла въ самомъ отдаленномъ углу сада и была обсажена кругомъ густымъ вишеньемъ. Только крыша виднѣлась изъ-за кустовъ, а окна совсѣмъ были закрыты вишневыми деревьями, оттого въ комнатахъ даже и въ лѣтніе дни былъ постоянный сумракъ. Одна комната была во всю длину дома, и въ ней, какъ въ крестьянскихъ избахъ, вдоль стѣнъ стояли скамьи. Въ переднемъ углу, какъ водится, кіотъ съ образами, рядомъ на стѣнѣ «Распятіе плоти» *), «Сошествіе благодати» **) и два портрета какихъ-то истощенныхъ, блѣдноликихъ людей. Комната эта называлась «столовою», хоть въ ней ни посуды ни другихъ домашнихъ вещей не было видно. Сзади столовой

---

*) «Распятіе плоти» — печатная мистическая картина, въ особенности любимая хлыстами. Изображается распятый на крестѣ монахъ съ замко̀мъ на устахъ, съ открытымъ сердцемъ въ груди, въ рукахъ у него чаша съ пламенемъ, а по сторонамъ дьяволъ и міръ, въ видѣ вооруженнаго человѣка съ турецкой чалмой на головѣ, стрѣляющаго изъ лука въ монаха, отъ его рта лента, на ней написано: «сниди со креста». Въ Чернухинскомъ скитѣ на Керженцѣ (поповщинскаго толка) было такое изображеніе, писанное на доскѣ: оно стояло въ часовнѣ въ видѣ мѣстной иконы.

**) «Изліяніе благодати» рисуется красками отъ руки, оно изображаетъ отрока въ бѣлой рубашкѣ съ поднятыми къ небу руками и очами. Въ небесахъ изображенъ окруженный ангелами Святой Духъ въ видѣ голубя, изливающій на отрока благодать въ видѣ сіянія и огненныхъ языковъ.

отъ конца дома до другого былъ коридоръ. а изъ него двери въ темныя кельи. Ихъ было семь, и въ каждой жило по женщинѣ. Къ богадѣльнѣ примыкала постройка, тамъ была стряпущая, еще три кельи и множество чулановъ.

Войдя въ столовую, Варвара Петровна сѣла у окна, и къ ней медленнымъ шагомъ одна за другою подошли семь женщинъ. Всѣ были одѣты въ черные сарафаны и повязаны черными платками. Ни серегъ ни даже мѣдныхъ пуговицъ, обыкновенно пришиваемыхъ къ бабьимъ сарафанамъ, ни у которой не было. Четыре женщины были пожилыя, три помоложе, одной по виду и двадцати лѣтъ еще нельзя было дать. У всѣхъ въ лицѣ ни кровинки, глаза тусклые, безжизненные, не было видно въ нихъ ни малѣйшаго оживленья. Ровно мертвецы изъ своихъ могилъ пришли на поклонъ къ Варварѣ Петровнѣ.

Одна за другой подходя къ барынѣ, онѣ съ ней цѣловались.

— Здравствуй, сестрица, — обращалась къ каждой изъ нихъ Варвара Петровна.

— Здравствуй, Варварушка, — каждая ей отвѣчала.

Затѣмъ усѣлись на скамьяхъ по ту и другую сторону отъ Варвары Петровны.

— Ну что̀, Матренушка, какъ тебя государь Святой Духъ милуетъ? — обратилась Варвара Петровна къ сидѣвшей возлѣ нея старушкѣ.

— Милуетъ, Варварушка, милуетъ. Въ Немъ государѣ каждый день пребываю. Велика милость, голубушка, велика благодать! — поникнувъ головой, отвѣчала старушка.

— Что̀ дочка твоя духовная? — спросила Варвара Петровна, съ ласковой улыбкой взглянувъ на сѣвшую одаль молодую дѣвушку.

— Пріобыкаетъ, Варварушка, пріобыкаетъ помаленьку, другиня моя, — отвѣчала Матренушка. — Нельзя вдругъ — не сразу благодать-то дается... А скоро можно будетъ ее и къ «приводу», — шопотомъ промолвила Матренушка, наклонясь къ уху Варвары Петровны. — Совсѣмъ на пути, хоть сейчасъ во «святой кругъ» *), родимая.

— Доброе дѣло, спасённое дѣло, Матренушка, — отвѣчала Варвара Петровна. — Приведетъ Господь, такъ дёнь этакъ черезъ десятокъ, что ли, разомъ двухъ приведемъ.

— Еще-то кого? — спросила Матренушка.

— А ту дѣвицу, что̀ гоститъ у насъ, — сказала Варвара Петровна. — Съ Волги, купеческая дочь, молоденькая, еще

---

*) Нѣчто въ родѣ хоровода пляшущихъ или вертящихся хлыстовъ.

двадцати годовъ не будетъ, а ужъ во многомъ искусилась, знаетъ даже кой-что и про «тайну сокровенную».

— Не та ли, что̀ съ Марьюшкой пріѣхала? — спросила Матренушка.

— Та самая, — отвѣтила Варвара Петровна. — Самъ Николаюшка долго къ ней приглядывался и говоритъ: великъ будетъ сосудъ.

— Хорошее дѣло, Варварушка, дѣло хорошее, — сказала Матренушка. — А родители-то ея? Тоже пойдутъ по правому пути?

— Не пойдутъ, — отвѣчала Варвара Петровна. — Матери у ней нѣтъ, только отецъ. Сама-то я его не знаю, а сестрица Марьюшка довольно знаетъ — прежде онъ былъ ихнимъ алымовскимъ крѣпостнымъ. Старовѣръ. Да это бы ничего—мало-ль старовѣровъ на праведномъ пути пребываетъ, человѣкъ-отъ не такой, чтобы къ Божьимъ людямъ подходилъ. Ему Богъ—карманъ, вѣра въ наживѣ. Стропотенъ и къ тому же и лютъ. Страхомъ и бичомъ подвластными правитъ. И ни къ кому опричь дочери любви нѣтъ у него.

Подъ эти слова растворилась дверь, и въ «столовую» вошла молодая крестьянская дѣвушка, босая и бѣдно одѣтая. Истасканная понева изъ ватулы и синяя крашенинная занавѣска *) были у ней заплатаны разноцвѣтными лоскутками. Въ одной рукѣ держала она лукошко грибовъ, въ другой деревянную чашку съ земляникой.

— Здравствуй, Лукерьюшка, здравствуй, родная. — привѣтливо молвила ей Варвара Петровна. — Какъ поживаешь. красавица?

— Все такъ же, — тихимъ, робкимъ голосомъ сказала Лукерьюшка и, подойдя къ Варварѣ Петровнѣ, подала ей грибы и ягоды, примолвивъ: — не побрезгуйте.

— Спасибо, родная, спасибо, — ласково отвѣтила Варвара Петровна и поцѣловала Лукерьюшку. — Поставь на скамейку, а ужо зайди ко мнѣ, я тебѣ за этотъ гостинецъ платочекъ подарю, а то вонъ у тебя какой дырявый на головѣ-то.

— Не жалуйте платка, Варвара Петровна, — съ горькой.

---

*) *Понева* въ Рязанской, Тамбовской. Тульской, а отчасти и въ Курской губерніяхъ — юбка изъ трехъ разнополосныхъ полотнищъ. *Ватула* или *ватола*—самая грубая деревенская ткань въ Рязанской. Тамбовской и Воронежской губерніяхъ. Основа ватулы изъ самой толстой пряжи. утокъ изъ скрученныхъ льняныхъ охлопковъ. Идетъ больше на покрышу возовъ. на подстилку и на одѣяла. То же самое. что̀ *ряднома* или *веретьемъ* по другимъ мѣстамъ зовется. *Занавѣска* — передникъ съ лифомъ и рукавами. Иногда. особенно у бѣдныхъ, она прикрываетъ только задъ и бока женщины.

жалобной улыбкой сказала Лукерьюшка. — Тетенька отниметъ, Паранькѣ отдастъ.

— Жаль мнѣ тебя, сиротку бѣдную... Тяжело у дяди-то? — спросила Варвара Петровна.

— Какъ же не тяжело? — съ глубокимъ вздохомъ молвила Лукерьюшка. — Въ дому-то вѣдь все на мнѣ одной, тетенька только стряпаетъ. Дровъ ли принести, воды-ль натаскать, огородъ ли вскопать, корму ли коровушкѣ замѣсить, все я да я.

— Что-жъ нейдешь сюда подъ началъ къ Матренушкѣ? — спросила Варвара Петровна. — И сыта бы здѣсь была, и одѣта, и обута, и никогда работы на тебѣ не лежало бы.

— Этого мнѣ никакъ сдѣлать нельзя, сударыня Варвара Петровна. Какъ же можно изъ дядина дома уйти? — пригорюнившись, съ навернувшимися на глазахъ слезами, сказала Лукерьюшка. — Намедни по вашему приказанью попросилась-было я у него въ богадѣльню-то, такъ онъ и слышать не хочетъ, ругается. Живи, говоритъ, у меня до поры до времени, и ежель выпадетъ случай, устрою тебя. Сначала, говоритъ, потрудись, поработай на меня, а тамъ, дастъ Богъ, такъ сдѣлаю, что будешь жить своимъ домкомъ.

— Замужъ прочитъ тебя? — спросила Варвара Петровна.

— Не знаю, что у него на разумѣ, — отвѣчала Лукерьюшка.

— А самой-то охота замужъ идти? — спросила старая Матренушка.

— Гдѣ ужъ мнѣ объ этомъ думать! Кто нынче возьметъ безприданницу? — отвѣчала Лукерьюшка.

— И сыщется, такъ не ходи, — строго сказала Матренушка. — Только грѣхъ одинъ. Путнаго мужа по твоему сиротству и по твоей бѣднотѣ тебѣ не найти, попадется какой-нибудь озорникъ, вѣкъ будетъ надъ тобой потѣшаться, станетъ пить да тебя же бить, ломаться надъ тобой: «то сдѣлай, да это подай, это не ладно, да и то не по-моему!..» А все изъ озорства, чтобы только надъ тобой надругаться... Съ пьянства да съ гульбы впутается въ нехорошія дѣла, а ты должна ему будешь потакать да помогать — на то жена. Узнаютъ, раскроется дѣло — угодишь съ нимъ, куда воронъ костей не заноситъ... А въ богадѣленкѣ-то не такая-бъ тебѣ жизнь была. Была бы ты здѣсь человѣкъ Божій, всѣ бы тебя почитали, и денежки бы завелись у тебя, а работы да заботы нѣтъ никакой. Знай только молись да душеньку спасай.

Призадумалась Лукерьюшка. Хотѣлось ей привольной жизни, хотѣлось отдохнуть отъ тяжкой, непосильной работы у дяди.

— Дяденька-то не пуститъ, — со слезами, жалобно она промолвила.

— Пустить ли онъ даровую работницу! — сказала старая Матренушка. — Да ты пришита, что ли, къ нему?.. Какой онъ тебѣ дядя? Внучатнымъ братомъ твоей матери доводился. И родства-то между васъ никакого нѣтъ, хоть попа спроси, и онъ то же скажетъ. Сиротинушка ты одинокая, никого-то нѣтъ у тебя сродничковъ, одна сама какъ перстикъ — вотъ что̀... Какъ же можетъ онъ насильно держать тебя на работѣ? Своя у тебя теперь воля... На̀большаго надъ тобою нѣтъ.

— Не пуститъ, — чуть слышно промолвила Лукерьюшка.

— А какъ онъ не пуститъ-то? — сказала Матренушка. — Что̀ у тебя пожитковъ, что ли, больно много? Сборы, что ли, долгіе у тебя пойдутъ? Пошла изъ дому по̀ воду, а сама сюда — и дѣло съ концомъ... Да чего тутъ время-то волочить — оставайся теперь же. Барыня пошлетъ сказать дядѣ, чтобъ онъ тебя не ждалъ. Какъ, Варварушка, по-твоему? — прибавила она, обращаясь къ Варварѣ Петровнѣ.

— Что-жъ? Это можно, — сказала Варвара Петровна. — Оставайся въ самомъ дѣлѣ, Лукерьюшка.

— Боязно мнѣ, — вздрогнувъ, промолвила оторопѣлая дѣвушка.

— Чего боишься?.. Кого?.. — воскликнула Матренушка. — Дяди, что ли, али тетки? Такъ ужъ сказано тебѣ, что нѣтъ у нихъ надъ тобой власти. Плюнь на нихъ, да и все тутъ.

— Прибьетъ тетенька-то... — шопотомъ сказала Лукерьюшка.

— Руки коротки — сюда не досягнутъ, — замѣтила Матренушка. — Ты то̀ пойми, подъ чьей защитой будешь жить. Господа-то вѣдь сильнѣй твоего дяди.

— Скажетъ, за хлѣбъ за̀ соль не заработала... — молвила Лукерьюшка, утирая рукавомъ слезы.

— Мало-ль что̀ скажутъ, да вѣдь на всякій сказъ есть свой приказъ, — сказала Матренушка.

— Намедни, какъ сказала я ему, что зовутъ меня въ Луповицы за старушками въ богадѣльнѣ ходить, такъ и дядя и тетка такъ развоевались, что даже страшнехонько стало, — молвила Лукерьюшка. — «Судомъ, говорятъ. тебя вытребуемъ, никому, говорятъ, не уважимъ».

— Пустыя рѣчи, — молвила Матренушка. — Напугать только хотѣли. Не бойсь, не выдадутъ. Такъ али нѣтъ, Варварушка?

— Конечно, не выдадимъ, — отозвалась Варвара Петровна. — Нечего въ самомъ дѣлѣ тебѣ, Лукерьюшка, слушать ихнія угрозы. Ну еще въ самомъ дѣлѣ родной бы дядя былъ, а то и сродникомъ-то онъ тебѣ не доводится.

— Грозится дядя-то: «господамъ, говоритъ, своимъ стану

жалобиться, чтобы взяли изъ Луповицъ ихнюю дѣвку»,—сказала Лукерьюшка.

— Я у Оборонинныхъ тебя выкуплю — будешь моя, — молвила Варвара Петровна. — Съ Оборонинымъ, съ Михайлой Григорьевичемъ, съ бариномъ вашимъ въ ладахъ живемъ.

— Чего-жъ тебѣ еще, глупенькая? — подхватила Матренушка. — Цѣлуй ручку, благодари барышню-то, да и пойдемъ, я тебѣ мѣстечко укажу. А къ дядѣ и не думай ходить—вотъ что. Живи съ Божьими людьми; въ міру нечего тебѣ дѣлать... Здѣсь будетъ тебѣ хорошо, никто надъ тобой ни ломаться ни надругаться не станетъ, битья ни отъ кого не примешь, брани да попрековъ не услышишь, будешь слезы лить, да не отъ лиха, а ради души спасенья.

Колебалась Лукерьюшка, но когда всѣ пристали къ ней съ уговорами, выхваляя богадѣльню, гдѣ нѣтъ ни холоду ни голоду, есть во что одѣться, есть во что обуться, а жизнь ровно у птицы небесной — о завтрашнемъ днѣ и помышленья не имѣй, она согласилась остаться.

Выйдя изъ богадѣльни вдвоемъ съ Матренушкой, Варвара Петровна сказала ей:

— Пріучай ее помаленьку, учи, испытывай...

— Будетъ она, Варварушка, на кораблѣ, безотмѣнно будетъ. Объ этомъ, голубушка, не безпокойся. Скоро уготоваемъ дѣвицу къ Божьему дѣлу... — сказала Матренушка. — Когда собранье-то думаете сдѣлать? — спросила она. — Надо бы поскорѣе. Охъ, какъ бы надо-то — давненько ужъ я не радѣла.

— Съ той субботы на воскресенье, думаю, соберемся, — отвѣчала Варвара Петровна. — Приводи Лукерьюшку-то.

— Приведу, Варварушка, приведу, моя родная. Какъ не привесть? Пущай пріобыкаетъ... Прощай, голубушка, прощай.

— Прощай, — сказала Варвара Петровна и медленными шагами пошла въ домъ.

Глава вторая.

Кормщикъ корабля возвѣстилъ вѣрнымъ праведнымъ, что въ ночь съ субботы на воскресенье будетъ сборъ. Съ радостной вѣстью Варвара Петровна поспѣшила къ своимъ богадѣленнымъ и велѣла имъ, готовясь къ великому дѣлу, пребывать въ постѣ, молитвѣ и душевномъ смиреніи. Велѣла въ субботу, какъ только смеркнется, приходить ко вратамъ Сіонской горницы и пребывать тамъ въ благоговѣйномъ молчаньи, пока не отверзутся врата истинной жизни и не снимется завѣса съ сокровенной тайны. Наказывала Варвара Петровна

Матренушкѣ, приводила-бъ она и Лукерьюшку, пусть ее поглядитъ, какъ радѣютъ Господу вѣрны праведные. Сказала Варвара Петровна про соборъ и двумъ своимъ наперсницамъ: старой ключницѣ Прохоровнѣ, что̀ за нею еще въ нянькахъ ходила, да Серафимушкѣ, молодой, но невзрачной и сильно оспой побитой горничной Вареньки.

Самъ Николай Александрычъ объявилъ «сіонскую вѣсть» дворецкому Сидору Савельеву, что̀ безъ малаго сорокъ годовъ, еще съ той поры, какъ молодые барчата освободились отъ заморскихъ учителей, находился при немъ безотлучно. Сказалъ Николай Александрычъ и пасѣчнику Кирилѣ Егорову, старичку сѣденькому, приземистому, что̀ принятъ былъ въ корабль еще покойникомъ Александромъ Ѳедорычемъ. Не часто «ходилъ въ словѣ» Кирила, зато грозно грѣхи обличалъ, громомъ гремѣлъ въ изступленномъ восторгѣ, въ ужасъ и трепетъ всѣхъ приводилъ, въ иное же время ни съ кѣмъ почти не говаривалъ, рѣдко кто слово отъ него слыхалъ. Тихъ былъ и кротокъ, на все безотвѣтенъ, изъ пасѣки ходу ему только и было — въ церковь на каждую службу да въ Сіонскую горницу на радѣнья.

За три дня до собранья призвалъ къ себѣ Николай Александрычъ конторщика Пахома Петрова. Былъ тотъ конторщикъ человѣкъ пожилой, немногимъ помоложе господъ, грамотѣ зналъ, силёнъ былъ въ счетоводствѣ, велъ книги по имѣнью и служилъ правой рукой Андрею Александрычу по управленью деревнями. Цѣлые дни корпѣлъ онъ въ вотчинной конторѣ, но, ежели случалось послать куда-нибудь по дѣламъ, всегда его посылали, ловкій былъ человѣкъ, во всякихъ случаяхъ находчивъ, умѣлъ обращаться съ людьми, умѣлъ и дѣла обдѣлывать съ ними. Пахома разсылалъ Николай Александрычъ и къ Божьимъ людямъ съ вѣстями о дняхъ, назначенныхъ для радѣнья.

— Надо потрудиться, Пахомушка, — говорилъ онъ ему: — объѣзжай святую братію, повѣсти, что въ ночь на воскресенье будетъ радѣнье. Въ Коршуново прежде всего поѣзжай, позови матроса Семенушку, оттоль въ Порошино заверни къ дьякону, потомъ къ Дмитрію Осипычу, а отъ него въ городъ къ Кисловымъ поѣзжай. Постарайся пріѣхать къ нимъ засвѣтло, а утромъ пораньше поѣзжай въ Княжъ-Хабаровъ монастырь за Софронушкой.

— Не натворилъ бы онъ опять чего-нибудь, — молвилъ Пахомъ.

— А что̀?

— Да какъ въ тотъ разъ, — сказалъ Пахомъ — Въ ра-

дѣльной рубахѣ къ попу на село не побѣжалъ бы. Долго-ль до огласки? И то, слышь, попъ-отъ грозилъ тогда—«до архіерея, говорилъ, надо довести, что у господъ по ночамъ какія-то сборища бываютъ... и на нихъ монаховъ въ рубахи тонкаго полотна одѣваютъ».

— Хорошенько надо смотрѣть за нимъ, съ глазъ не спускать, — молвилъ на то Николай Александрычъ. — А безъ Софронушки нельзя обойтись — велика въ немъ благодать — на соборахъ ради него на корабль Духъ Святъ скоро нисходитъ. Не для словесъ на святой кругъ принимаемъ его, того ради, что при немъ благодать скорѣе съ неба сходитъ.

— Говоритъ-то всегда такое непонятное—смущаетъ иныхъ,— замѣтилъ Пахомъ.

— Разсуждать о странныхъ и непонятныхъ словахъ, Пахомушка, намъ съ тобой не приходится и смысла въ нихъ искать не слѣдуетъ, — молвилъ Николай Александрычъ. — Сказано: «Аще неблагоразумныя—невразумительныя, значитъ, слова кто говоритъ на собраніи вѣрныхъ языкомъ страннымъ и непонятнымъ — какъ узнаютъ, что̀ онъ говоритъ? Будетъ онъ на воздухъ глаголющъ... А ежели я, или ты, или другой кто не понимаемъ страннаго языка, то глаголющій для насъ все одно, что иноязычный чужестранецъ. Какъ поймемъ его?» А что Софронушка угодное Духу творитъ и угодное Ему на соборахъ глаголетъ, такъ и объ этомъ сказано: «Ежели кто въ собраніи вѣрныхъ на странномъ, непонятномъ языкѣ говоритъ, не людямъ такъ говоритъ, а Богу. Хоть его никто не понимаетъ, а онъ все-таки тайны Духомъ говоритъ» *).

Сомнительно покачалъ Пахомъ головою и, немного помолчавъ, сказалъ Николаю Александрычу:

— Къ игумну-то письмецо, что ли, пожалуете? Безъ того не пуститъ.

— Какъ къ нему писать?—молвилъ въ раздумьѣ Николай Александрычъ.—Дѣло невѣрное. Хорошо, если въ добромъ здоровьѣ найдешь его, а ежели запилъ? Вотъ что̀ я сдѣлаю, — вложу въ пакетъ деньги, безъ письма. Отдай ты его, если не самому игумну, такъ казначею, или кто у нихъ дѣлами теперь заправляетъ. А не отпустятъ Софронушки, и пакета не отдавай... А войдя къ кому доведется — прежде всего золотой на столъ. «Вкладу, дескать, извольте принять». Да опричь того кадочку меду поставь. Съ пудъ хоть, что ли, возьми у Прохоровны.

И, подавая Пахому запечатанный пакетъ и золотой, Николай Александрычъ примолвилъ:

*) I Корине., гл. 14.

— Отправляйся же. Покровъ Божій надъ тобою!.. Молви конюху Панкратью, заложилъ бы тебѣ рыженькую въ таратайку... Спѣши, пожалуйста, Пахомушка. Завтра къ вечеру жду тебя. А о Софронушкѣ не отъ меня проси, Марья Ивановна, молъ, пріѣхала и очень, дескать, желаетъ повидать его. Ее тамъ уважаютъ больше, чѣмъ насъ съ братомъ; для нея отпустятъ навѣрно...

И черезъ часъ Пахомъ на рыженькой кобылкѣ ѣхалъ ужъ возвѣщать Божьимъ людямъ радость велію — собирались бы они въ Луповицы въ Сіонскую горницу, собирались бы со страхомъ и трепетомъ поработать втайнѣ Господу, узрѣть свѣтъ правды Его, пріять Духа небеснаго, исповѣдать вѣру истинную, проникнуть въ тайну сокровенную, поклониться духомъ Господу и воспѣть Духу и Агнцу пѣсню новую.

Съ поля на поле отъ Луповицъ, въ котловинѣ, надъ безводной лѣтомъ рѣчкой раскинулась деревня Коршуново. Еще за три часа до полудня Пахомъ былъ ужъ тамъ. Проѣхавъ улицей въ концѣ деревни, своротилъ онъ направо, спустился по косогору въ «келейный рядъ», что выстроенъ курмышомъ *) возлѣ овражка. Тамъ остановилъ онъ свою рыженькую у низенькой, старенькой, на бокъ скривившейся избушки. Ворота были заперты; Пахомъ постучалъ въ окошко, отклика нѣтъ.

Бѣжитъ мимо дѣвочка-подростокъ съ кузовками въ рукахъ. Спрашиваетъ у нея Пахомъ:

— Куда, красавица?

— Въ лѣсъ по грибы да по ягоды, — бойко отвѣчала ему дѣвочка.

— Изъ коего дома? — спросилъ Пахомъ.

— У тетушки, у келейницы Катерины въ сиротахъ живу, — молвила дѣвочка.

— Семена Иваныча знаешь?

— Какъ не знать дѣдушки Семенушки? — улыбнулась дѣвочка. — Съ тетушкой онъ въ любви да въ совѣтѣ, въ келью къ намъ похаживаетъ, божественны книги почитываетъ.

— Что-жъ онъ? Ушелъ, что ли, куда изъ деревни? — спросилъ Пахомъ.

---

*) *Курмышъ* — рядъ избъ, построенныхъ не улицей, а односторонкой на окраинѣ селенія, иногда даже за околицей. *Келейнымъ рядомъ* въ Нижегородской губерніи и въ сосѣднихъ съ нею зовутъ особый рядъ избушекъ, въ родѣ курмыша, гдѣ живутъ безтягольные, одинокіе, солдаты, солдатки, а также вдовы и дѣвки, склонныя къ отшельничеству, къ иночеству, къ хлыстовщинѣ.

— На огородѣ работаетъ, гряды полетъ. Завороти за уголъ-отъ, видно оттоль.

— Спасибо, дѣвонька, спасибо, — молвилъ Пахомъ и, привязавъ рыженькую у воротъ, пошелъ по указанью.

Надъ грядкой капусты наклонился восьмидесятилѣтній старикъ, сѣдой какъ лунь, приземистый и коренастый. Полетъ онъ грядку, а самъ что-то вполголоса напѣваетъ. То былъ отставной матросъ Семенъ Петровъ Фуркасовъ. Тридцать лѣтъ съ годомъ служилъ онъ въ ластовыхъ экипажахъ въ Кронштадтѣ и тамъ вступилъ въ корабль Божьихъ людей. Много было тогда матросовъ, даже и офицеровъ, принявшихъ «тайну сокровенную». Сначала изъ любопытства хаживалъ въ ихъ собранія Фуркасовъ и въ «братскомъ обществѣ» *) сошелся съ пророкомъ Яковомъ **) и былъ имъ увлеченъ въ хлыстовскую вѣру. Съ Яковомъ Фуркасовъ ѣзжалъ въ Зеленецкій монастырь къ старцамъ Пармену и Савватею ***), бывалъ съ ними на сходбищахъ у Фролова въ Царской-Славянкѣ °), у купца Ненастьева въ Петербургѣ °°), а подружившись съ пророкомъ Никитушкой, былъ принятъ въ Сіонскую горницу Татариновой. Тамъ познакомился онъ со старикомъ Луповицкимъ и съ его женою °°°). И когда генералъ завелъ въ Луповицахъ «домъ Божій», Фуркасовъ вышелъ въ отставку и поселился на родинѣ, въ деревнѣ Коршуновой, что̀ была отъ Луповицъ съ поля на поле. Тутъ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ первыхъ участниковъ на соборахъ Луповицкаго. Усердно радѣлъ на нихъ престарѣлый матросъ, и Божьи люди надивиться не могли, какъ это онъ, такой дряхлый, съ переломленной на государственной службѣ ногой, скачетъ, пляшетъ, кружится

---

*) Такъ назывались сходбища хлыстовъ, бывавшія въ Кронштадтѣ, на Низкой Широкой улицѣ, въ домѣ Родіонова.

**) Яковъ Андреевъ Кушеревскій, хлыстовскій пророкъ — матросъ, находившійся постоянно на вѣстяхъ у корабельнаго мастера.

***) Зеленецкій монастырь въ Петербургской губерніи. Въ немъ бывали хлысты, даже скопцы. Инокъ Савватій — въ мірѣ Сафонъ Авдеевъ Поповъ, родомъ изъ Моршанскаго уѣзда, въ молодости (въ 1775 г.) за сектаторство сѣченный публично батогами и сосланный въ Динамюндъ. Онъ съ инокомъ Парменомъ увлекъ въ секту самого зеленецкаго архимандрита.

°) Царская (прежде Графская) Славянка близъ Царскаго Села. Тамъ у купца Якова Фролова бывали хлыстовскія сходбища.

°°) Въ Басковомъ переулкѣ. Дочь купца Ненастьева Вѣра Сидоровна была пророчицей и въ Ненастьевскомъ кораблѣ и у К. Ф. Татариновой.

°°°) Никитушка (Никита Ивановъ Ѳедоровъ), солдатъ, музыкантъ перваго кадетскаго корпуса, былъ пророкомъ сначала на кораблѣ Ненастьева, а потомъ у Татариновой, гдѣ, благодаря хлыстамъ изъ высокопоставленныхъ лицъ, получалъ чины. И онъ и жена его за сектаторство сосланы были въ новгородскіе монастыри.

ровно молоденькій. «Святъ Духъ укрѣпляетъ его, Святъ Духъ его водитъ»,—говорили они.

— Христосъ воскресъ! — сказалъ Пахомъ Фуркасову и поклонился ему до земли.

— Христосъ воскресъ! — отвѣчалъ матросъ и тоже до земли поклонился.

Сказалъ ему Пахомъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Ровно малый ребенокъ давно желанному гостинцу, обрадовался старый матросъ.

— Пора бы, давно бы пора Николаюшкѣ парусами корабль снарядить, оснастить его да въ Сіонское море пустить,— радостно сказалъ онъ Пахому. — Вотъ ужъ больше шести недѣль не томилъ я грѣшной плоти святымъ радѣньемъ, не святилъ души на Божьемъ кругу... Буду, Пахомушка, безпремѣнно буду къ вамъ въ Луповицы... Апостольски радуюсь, архангельски восхищаюсь столь радостной вѣсти. Поклонъ до земли духовному братцу Николаюшкѣ. Молви ему: доброе, молъ, дѣло затѣялъ ты, старикъ Семенушка очень, дескать, тому радуется...

— Тебѣ бы, Семенушка, въ Луповицы-то наканунѣ пожаловать. Переночевалъ бы у меня, голубчикъ... Поговорили бы съ тобой, побесѣдовали, прославили бы Божью милость и чудеса Господни, — сказалъ Пахомъ.

— Ладно, — отвѣтилъ матросъ.—Радъ гостить у тебя, Пахомушка, радъ и побесѣдовать, Духомъ Святымъ съ тобой, духовный братецъ, утѣшиться. А теперь пойдемъ-ка въ келью да потолкуемъ, сколько Господь намъ бесѣды пошлетъ.

Келья у Фуркасова была маленькая, но свѣтлая, и держалась чисто, опрятно. Въ божницѣ стоялъ литой изъ мѣди крестъ да три образа — Спасителя, Богородицы, Іоанна Предтечи. Подъ божницей лежали пять-шесть книгъ и небольшой запасъ восковыхъ свѣчъ. На стѣнѣ «Распятіе плоти».

Введя гостя въ келью, Фуркасовъ накрылъ столъ скатерткой, поставилъ на нее деревянную чашку съ медомъ, горшокъ молока да бѣлый ровно снѣгъ папушникъ. Затѣмъ сталъ просить гостя преломить хлѣбъ и, чѣмъ Господь послалъ, потрапезовать.

— Много-ль на соборѣ-то Божьихъ людей частe? — спросилъ за трапезой матросъ у Пахома.

— Человѣкъ двадцать будетъ, а можетъ, и больше,—отвѣтилъ тотъ.—Домашнихъ пятнадцать, ты, Семенушка, дьякона стану звать, Митеньку, Кисловыхъ, въ монастырь по Софронушку ѣду.

— Малится Божье стадо, малится, — грустно покачавъ головой, промолвилъ Фуркасовъ. — Много больше бывало въ

прежніе годы. Съ той поры, какъ услали родимаго нашего Александрушку, зачалъ нашъ корабликъ умаляться. При Александрушкѣ-то, помнишь, иной разъ святыхъ праведныхъ по пятидесяти и больше вкупѣ собиралось... Въ двухъ горницахъ заразъ радѣли — въ одной мужескъ полъ, въ другой женскій. А подула-повѣяла погодушка холодная, признобила-поморозила зеленъ Божій садъ.

— Да, — съ тяжелымъ вздохомъ молвилъ Пахомъ. — Великой злобой дышатъ духи поднебесные, злобные начальники, власти вражія, міродержатели тьмы вѣка сего. Какъ противостать имъ въ день лютый?.. Какъ ихъ преодолѣть?.. Какъ противъ нихъ устоять?..

— И духомъ и умомъ надо молиться Духу Святому. Пой Ему духомъ, пой и умомъ... Только тѣмъ и побѣдишь злобу лукаваго, — поднявъ сѣдую голову, восторженно сказалъ Фуркасовъ. — Вѣдь мы сыны свѣта, Пахомушка, сыны дня, не стать же намъ спать да дремать, какъ язычникамъ... Мы дѣти дня и свѣта, они сыны ночи и тьмы... Ихъ дѣло спать, намъ же подобаетъ бодрствовать и трезвиться... Тѣмъ только и побѣдимъ врага, тѣмъ только міродержатель тьмы вѣка сего и посрамится отъ свѣтло сіяющаго зрака людей Божьихъ... Со всѣхъ сторонъ видимъ козни супротивника, хочетъ онъ насъ обокрасть, и аще возможетъ, то и погубитъ... Но не дастъ Отецъ Небесный въ обиду Своихъ дѣтушекъ. Даруетъ милость, оградой оградитъ, покровомъ святымъ покроетъ насъ...

— —

Съ часъ времени бесѣдовалъ Фуркасовъ съ Пахомомъ, наконецъ они разстались. Рѣзвая кобылка съ конюшни Луповицкихъ быстро побѣжала въ сосѣднее село Порошино. Тамъ на поповкѣ *) возлѣ кладбища стояла ветхая избенка дьякона Мемнона Панфилова Ляпидаріева. Возлѣ нея остановился Пахомъ Петровичъ.

Мемнонъ прежде служилъ въ соборѣ уѣзднаго городка, потомъ за какую-то провинность былъ уволенъ за штатъ. Въ чемъ состояла провинность его, никто хорошенько не зналъ. Одни говорили, что владыка, объѣзжая епархію, нашелъ у него какія-то неисправности въ метрикахъ, другіе увѣряли, будто дьяконъ явился передъ лицомъ владыки на второмъ взводѣ и сказалъ ему грубое слово, третьи разсказывали, что Мемнонъ, овдовѣвъ вскорѣ послѣ посвященья, сталъ «сестру

---

*) *Поповка* — слободка близъ церкви, гдѣ живетъ сельское духовенство. Если при церкви нѣтъ крестьянскихъ домовъ, а одни только поповскіе, поселокъ зовется *погостомъ*.

жену водити» и тѣмъ навелъ на себя гнѣвъ владыки. Близко знавшіе Ляпидаріева говорили, что все это неправда.

Съ архіереемъ Мемнонъ учился въ однихъ классахъ. Прошли многіе годы — вдовый дьяконъ служилъ себѣ да служилъ, а товарищъ его, постригшись въ монахи и затѣмъ подвигаясь дальше и выше, сдѣлался на родинѣ владыкой. Сильно возрадовался тому Мемнонъ. Заронились въ головѣ его золотыя мечты, спитъ онъ и видитъ, какъ бы скорѣй повидаться со старымъ товарищемъ... Увидались наконецъ... Мемнонъ былъ скоръ на языкъ, молвилъ владыкѣ нѣчто неугодное, и съ той поры черная полоса началась въ его жизни. Его уволили за штатъ. Въ Порошинѣ, гдѣ въ прежніе годы отецъ Мемнона былъ священникомъ, оставалась ветхая его избенка. Тамъ и поселился заштатный дьяконъ. Другой бы на его мѣстѣ спился съ кругу, либо пустился во вся тяжкая, но онъ не упалъ духомъ. При веселомъ, шутливомъ и крайне безпечномъ нравѣ онъ относился къ превратностямъ судьбы безстрастно и оттого не зналъ ни горя ни печали.

Проживъ послѣднія, чтò оставались отъ дьяконства, деньженки, Мемнонъ долженъ былъ идти по міру; въ это время объ его судьбѣ узнали Луповицкіе. Николай Александрычъ, убѣдившись, что это былъ человѣкъ для него подходящій, звалъ его къ себѣ, предлагая и столъ, и квартиру, и все, чтò ему понадобится. Мемнонъ не согласился, но коротать время въ бесѣдахъ съ Луповицкими былъ радъ, живалъ у нихъ по недѣлямъ, бесѣдуя о созерцательной жизни, о спасеніи души, объ умерщвленіи плоти, и осыпая насмѣшками монашество; доставалось, впрочемъ, и бѣлому духовенству. Далъ ему Николай Александрычъ мистическихъ книгъ, и пытливый умъ Мемнона весь погрузился въ нихъ. Года черезъ два пожелалъ онъ войти въ общество сокровенной тайны и былъ «приведенъ». Со страстной пылкостью предался Мемнонъ ученію людей Божьихъ, усердно исполнялъ ихъ обряды, но не всегда могъ совладать съ собой — нѣтъ-нѣтъ, да и отпуститъ какое-нибудь словечко на соблазнъ святымъ праведнымъ. Всѣ они, сами даже Луповицкіе, смотрѣли на его выходки, какъ на юродство Христа ради, и нимало не соблазнялись. Привыкнувъ къ дьяконству, Мемнонъ нерѣдко нарушалъ заведенный на радѣньяхъ порядокъ пѣніемъ церковной пѣсни, а не то пустится въ присядку во время радѣнья, либо зачнетъ ругать, кто ему подвернется. Но и это люди Божьи почитали юродствомъ и въ выходкахъ Мемнона думали видѣть неизреченную тайну.

Палитъ іюньскій зной. Солнце только-что своротило съ по-

лудня и льетъ съ безоблачнаго неба на землю обильные потоки ослѣпительнаго блеска и нестерпимаго жгучаго жара. По всему Порошину тихо, безмолвно, ни вѣтерокъ не потянетъ, ни воробушекъ не чиликнетъ, ни ласточка не прощебечетъ. Душно, чуть можно дышать — все примолкло, все притихло... Облитые потомъ на утренней полевой работѣ, крестьяне, пообѣдавши чѣмъ Богъ послалъ, завалились часокъ-другой соснуть, кто въ клѣти, кто въ амбарѣ, кто на погребицѣ. Высунувъ языки и тяжко дыша, пріютившіяся въ тѣни собаки ни одна не тявкнетъ — всѣ спятъ, свернувшись въ кружокъ. Лишь изрѣдка въ какой-нибудь избѣ послышится слабый голосокъ соннаго младенца и затѣмъ скрипъ оцѣпа зыбки — то полусонная мать укачиваетъ своего ребенка. Издали по временамъ доносятся веселые клики, рѣзкій хохотъ и пронзительный визгъ рѣзвой, шумной гурьбы купающихся въ прудѣ ребятишекъ. Изрѣдка пропищитъ парящій въ поднебесьѣ ястребъ; зорко слѣдитъ онъ, не задремалъ ли гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни оплошный, но годный на обѣдъ цыпленокъ... И на поповкѣ все тихо, лишь изъ крайней, ближайшей къ кладбищу избенки черезъ растворенныя окна несутся громогласные густые звуки здороваго баса. Кто-то распѣваетъ духовное.

У той избенки остановился Пахомъ. Вошелъ въ калитку, растворилъ ворота и, поставивъ рыженькую въ тѣни крытаго двора, по скривившемуся крылечку безъ перилъ и безъ двухъ ступенекъ вошелъ въ тѣсную, грязную кельенку. Тамъ, задравъ ноги кверху и ловя рукой мухъ, осыпавшихъ потолокъ и стѣны, лежалъ спиной на лавкѣ, въ одной рубахѣ, раскосмаченный дьяконъ Мемнонъ и во всю мочь распѣвалъ великій прокименъ перваго гласа: «Кто Богъ велій яко Богъ нашъ»... Прерывалъ онъ пѣніе только руганью, когда муха садилась ему на лицо либо залѣзала въ носъ или въ уста, отверстыя ради славословія и благочестнаго пѣнія.

— Христосъ воскресъ! — входя въ избенку, сказалъ Пахомъ.

— «Ты еси Богъ творяй чудеса!» — допѣлъ дьяконъ прокименъ и, лѣниво привставъ на лавкѣ, молвилъ:—ну, Христосъ воскресъ!.. Эку жару Богъ послалъ, яйца на солнышкѣ въ пескѣ пеку. Вечоръ вкрутую испекъ на завалинкѣ. Что хорошенькаго?

— Заѣхалъ навѣстить тебя, Мемнонушка, — сказалъ Пахомъ.—На воскресенье будетъ у насъ собранье. Придешь, что ли?

— Приду, — отвѣтилъ дьяконъ: — чаю давно не пивалъ. Скажи тамъ: цѣлый бы самоваръ на мою долю сготовили. Новую пѣсню зато вамъ спою. Третій день на умѣ копошится, только надо завершить.

— Та только пѣсня Богу угодна и пріятна, что̀ поется по наитію, когда Святой Духъ накатитъ на пѣвца, — сказалъ Пахомъ. — А что̀ напередъ придумано, то не годится; все одно, какъ старая, обветшалая церковная пѣсня.

— Зато выходитъ складнѣй, — молвилъ дьяконъ. — Такъ въ субботу приходить?

— Въ субботу, — отвѣтилъ Пахомъ.

— Жарко, — молвилъ дьяконъ. — Хоть бы дождичка.

— Богъ-отъ лучше насъ съ тобой знаетъ, Мемнонушка, какъ надо міромъ управлять, въ кое время послать дождикъ, въ кое время жаръ, зной и засуху, — замѣтилъ Пахомъ. — Не слѣдъ бы тебѣ на небесную волю жалиться.

Не отвѣтилъ дьяконъ, опять легъ спиной на лавку, опять задралъ ноги и, глядя въ потолокъ, забасилъ церковную стихиру на сошествіе Святого Духа: «Преславная днесь видѣша во градѣ Давидовѣ».

Сколько Пахомъ ни заговаривалъ съ нимъ, онъ не переставалъ распѣвать стихиры и не сводилъ глазъ съ потолка. Посидѣлъ гость и, видя, что больше ничего не добьется отъ распѣвшагося Мемнона, сказалъ:

— Поѣду я, Мемнонушка. Покровъ Божій надъ тобою!

Дьяконъ только рукой махнулъ.

Дальше погналъ Пахомъ. Проѣхавъ верстъ пятокъ рѣденькимъ мелкимъ лѣскомъ, выѣхалъ онъ на совсѣмъ опаленную солнцемъ поляну. Трава сгорѣла, озимые пожелтѣли, яровые поблекли. Оводъ тучей носился надъ отчаянно махавшей хвостомъ, прядавшей ушами и всѣмъ тѣломъ безпрестанно вздрагивавшей рыженькой кобылкой... Но вотъ почуяла, видно, она остановку, — во всю прыть поскакала къ раскинувшемуся вдоль пруда сельцу всего-то съ двѣнадцатью дворами. За тѣмъ сельцомъ виднѣлась водяная мельница, а повыше ея небольшая усадьба одинокаго помѣщика, отставного поручика Дмитрія Осипыча Строинскаго.

Въ молодости служилъ онъ въ 34-мъ егерскомъ полку, а въ томъ полку въ двѣнадцатыхъ годахъ сильна была хлыстовщина. Стоя на зимнихъ квартирахъ въ Бендерахъ, Строинскій, какъ самъ послѣ Божьимъ людямъ разсказывалъ, впалъ въ плотскіе грѣхи и, будучи съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ вѣрующимъ и набожнымъ, вдругъ почувствовалъ въ себѣ душевный переворотъ. Полная страстей жизнь вдругъ показалась ему гадкою, и онъ съ ужасомъ сталъ вспоминать объ адскихъ мукахъ, считая ихъ для себя неизбѣжными. День ото дня больше и больше приходилъ двадцатилѣтній юноша

въ умиленіе, плакалъ горькими слезами, часто исповѣдывался, пріобщался и, по наставленію духовника, рѣшился совершенно измѣнить образъ своей жизни. Наложилъ на себя постъ, сталъ всѣ ночи напролетъ молиться Богу, не пропускалъ ни одной церковной службы. Товарищи надъ нимъ подсмѣивались, осыпали набожность его колкостями. Стронскій все сносилъ, все терпѣлъ, не возражая ни единымъ словомъ насмѣшникамъ и не входя съ ними ни въ какія разсужденія. Не утаилось это отъ солдатъ, стали они съ большимъ уваженьемъ глядѣть на молодого поручика.

Разъ приходитъ къ нему съ приказомъ по полку извѣстный набожностью вѣстовой. Разговорился съ нимъ Дмитрій Осипычъ, и вѣстовой, похваляя его постъ, молитву и смиреніе, сказалъ однако, что по евангельскому слову явно молиться не слѣдуетъ, а должно совершать Божье дѣло втайнѣ, затворивъ двери своей клѣти, чтобы люди не знали и не вѣдали про молитву. Призадумался Стронскій, сказалъ вѣстовому:

— Да вѣдь въ церкви-то молятся же явно.

— Оттого, ваше благородіе, внѣшняя церковь и не даетъ полнаго спасенья, — сказалъ вѣстовой. — Господь-отъ вѣдь прямо сказалъ: «Не воструби предъ собою, яко же лицемѣры творятъ въ сонмищахъ и на стогнахъ, яко да прославятся отъ человѣкъ». Путь ко спасенью идетъ не черезъ церковь... Это путь не истинный, не совершенный... Есть другой, вѣрный, надежный...

— Ты назвалъ церковь внѣшнею. Развѣ есть другая какая-нибудь? — спросилъ удивленный Стронскій.

— Есть, ваше благородіе, — отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Какая же это?..

— Внутренняя, ваше благородіе,—отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Хорошо, ступай, — приказалъ онъ унтеръ-офицеру, и тотъ ушелъ.

Смутилъ онъ поручика... Съ недѣлю Стронскій ходилъ ровно въ туманѣ. Досталъ евангеліе и увидалъ, что въ самомъ дѣлѣ тамъ сказано о тайнѣ молитвы, и что уставлена Спасителемъ только одна молитва: «Отче нашъ». Поразили его слова евангелія: «Молящеся не лишше глаголите, яко же язычники, мнятъ бо, да яко во многоглаголаніи услышаны будутъ, не подобитеся имъ»... — «Яко же язычники!.. Яко же язычники!.. А у насъ въ церквахъ молитвъ сотни, тысячи, по цѣлымъ часамъ читаютъ да поютъ ихъ. А что̀ поютъ и что̀ читаютъ, не разберешь. Дьячокъ что̀ барабанщикъ вечернюю зорю бьетъ. Яко же язычники, яко же язычники!.. Вотъ кто мы... Многія молитвы Христомъ отвержены, и мы язычникамъ подобимся,

читая много молитвъ». — Такъ разсуждалъ поколебленный въ основѣ вѣрованій Стронскій и послалъ за смутившимъ его унтеръ-офицеромъ. Тотъ пришелъ. Завязалась новая бесѣда.

— Ты увѣрилъ меня, — сказалъ поручикъ. — Читалъ я евангеліе и увидѣлъ, что твои слова правильны... Но, если церковью нельзя спастись, гдѣ же вѣрный путь?

— Знаю я, ваше благородіе, «путь прямой и совершенный», — молвилъ унтеръ-офицеръ. — Идя по тому пути, человѣкъ здѣсь еще на землѣ входитъ въ общеніе съ ангелами и архангелами.

— Гдѣ-жъ этотъ путь? Укажи мнѣ его, — сказалъ удивленный словами нижняго чина поручикъ.

— Есть, ваше благородіе, на землѣ люди святые и праведные... На нихъ Господь животворящій Духъ Святой сходитъ съ небеси,—сказалъ унтеръ-офицеръ.—Онъ пречистыми ихъ устами возвѣщаетъ всѣмъ спасеніе, а кто въ сомнѣнье приходитъ, чудесами увѣряетъ.

— Гдѣ-жъ такіе люди? — со страстнымъ любопытствомъ спросилъ Дмитрій Осипычъ.

— Много есть такихъ людей, ваше благородіе, — отвѣчалъ унтеръ-офицеръ. — Въ Бендерахъ есть такіе, и въ нашемъ полку есть, только всѣ они сокровенны.

— Кто же въ нашемъ полку? — спросилъ поручикъ.

— До времени не могу сказать о томъ, ваше благородіе, а ежели рѣшитесь вступить на правый путь, открою вамъ всю сокровенную тайну, — сказалъ унтеръ-офицеръ. — Господь утаилъ ее отъ сильныхъ и великихъ и даровалъ ея разумѣніе людямъ простымъ, нечиновнымъ, гонимымъ, мучимымъ, опозореннымъ за имя Христово...

— Можешь ли довести меня до этой сокровенной тайны? — спросилъ Стронскій. — Можешь ли поставить меня на вѣрный путь ко спасенію?

— Могу, ваше благородіе, — отвѣчалъ унтеръ-офицеръ. — Могу, ежели Духъ Святой откроетъ на то Свою святую волю.

Послѣ этого разговора Стронскій по цѣлымъ ночамъ просиживалъ съ унтеръ-офицеромъ и мало-по-малу проникалъ въ «тайну сокровенную». Мѣсяцевъ черезъ восемь тотъ же унтеръ-офицеръ ввелъ его въ Бендерахъ въ Сіонскую горницу. Тамъ всѣ были одѣты въ бѣлыя рубахи, всѣ съ зелеными вѣтвями въ рукахъ; были тутъ мужчины и женщины. Съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ, встрѣтилъ Стронскаго при входѣ пророкъ. Грозно, даже грубо спросилъ онъ:

— Зачѣмъ пришелъ? Тайны развѣдывать? Хищнымъ волкомъ врываться въ избранное стадо Христово?

Изумился Дмитрій Осипычъ, узнавъ въ пророкѣ капитана ихняго полка Бориса Петровича Созоновича *), молодого сослуживца, скоро нахватавшаго чиновъ благодаря связямъ. Больше всѣхъ насмѣхался онъ надъ постомъ и молитвами Стронскаго, больше всѣхъ задорилъ его, желая вывести изъ терпѣнья. Наученный унтеръ-офицеромъ, Стронскій съ твердостью отвѣчалъ Созоновичу:

— Душу желаю спасти, а не тайну врагамъ предать, какъ Іуда... И сердцемъ и душой желаю вѣчнаго спасенья. Жажду, ищу.

— На то есть архіереи, на то есть попы и монахи, а я человѣкъ неученый, — возразилъ Созоновичъ.

Но Стронскій настаивалъ, чтобъ допустили его на собранье, а потомъ и «привели» бы, ежели будетъ то угодно Духу Святому.

— Безъ надежной поруки того дѣла открыть тебѣ нельзя, — сказалъ Созоновичъ. — Нельзя и въ соборѣ праведныхъ оставаться. Оставьте насъ, Дмитрій Осипычъ... Одно могу позволить вамъ — посмотрите, чѣмъ занимаемся мы, слушайте, что̀ читаемъ... Кого-жъ однако ставите порукой, что никому не скажете о нашей тайнѣ, хотя бы до смертной казни дошло?..

Наученный унтеръ-офицеромъ, Стронскій отвѣчалъ:

— Христа Спасителя ставлю порукой.

— Хорошо, — сказалъ на то Созоновичъ. — Но въ нашемъ обществѣ должно вѣдь навсегда удалиться отъ вина, отъ женщинъ, отъ срамословія и всякаго разврата. Можешь ли снести это?.. Если не можешь, тайна тебѣ не откроется.

На все согласился Дмитрій Осипычъ и съ клятвою далъ обѣщаніе. Его допустили на бесѣду. Читали на ней «Печерскій Патерикъ», сказанія о жизни святыхъ, объ ихъ молитвенныхъ подвигахъ, о смиреніи, самоотверженіи и полной покорности волѣ Божьей... И самъ Созоновичъ и другіе объясняли читанное, и Стронскому понравилась тайная бесѣда хлыстовъ. Чаще и чаще сталъ онъ бывать на ихъ собраньяхъ, узналъ, что̀ такое радѣнье, и самъ сталъ въ скоромъ времени скакать и кружиться во «святомъ кругу». Съ каждымъ днемъ больше и больше увлекался онъ новою вѣрою... Но вдругъ о сектѣ узнали, началось дѣло, участниковъ разослали по монастырямъ; до Стронскаго не добрались. Тяжко ему было оставаться въ полку послѣ удаленія собратьевъ по вѣрѣ... Вышелъ онъ въ отставку и поселился въ маленькомъ имѣніи

*) Созоновичъ, штабсъ-капитанъ 34-го егерскаго полка, въ 1824 г. былъ сосланъ за ересь въ Соловки, гдѣ, кажется, и умеръ. Во время ссылки ему было всего 22 года.

своемъ, въ сельцѣ Муравьевкѣ. Это было въ то время, когда генералъ Луповицкій, возвратясь изъ Петербурга, завелъ у себя корабль людей Божьихъ. Стронскій сталъ ежедневнымъ и больше всѣхъ любимымъ гостемъ генерала, а когда старикъ попался, Дмитрію Осипычу опять, какъ и въ Бендерахъ, посчастливилось. Его даже не заподозрѣли. Съ молодыми Луповицкими Стронскій сошелся еще ближе, чѣмъ со старикомъ. Ни одного собора безъ него не бывало.

Маленькій, чистенькій, уютный домикъ Дмитрія Осипыча со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ цвѣтниками. Садоводство и музыка только и остались отъ прежнихъ страстей у достигшаго полнаго безстрастія человѣка. Лѣтомъ съ утра до вечера проводилъ онъ въ саду, долгіе зимніе вечера за роялью. И въ лѣтнія ночи нерѣдко изъ раскрытыхъ оконъ его домика лились звуки Гайдна, Генделя, Моцарта, Бетховена: новой музыки Стронскій не любилъ и говаривалъ, что никогда не осквернитъ ею ни своего слуха ни пальцевъ. Вѣковые дубы и липы, густолиственные клены, стройные тополи и чинары во множествѣ росли въ саду Стронскаго. Плодовыя деревья всѣхъ возможныхъ сортовъ разведены были его руками и содержались прекрасно. Но всего больше заботился Дмитрій Осипычъ о цвѣтахъ. Цѣлыя рощи высокоствольныхъ розановъ, красныхъ, бѣлыхъ, желтыхъ, бенгальскихъ, чайныхъ, махровыхъ и центифольныхъ, росли вкругъ его домика, цѣлыя рабатки засажены были разнородными лиліями, нарцисами, тацетами, тюльпанами, гіацинтами. Въ трехъ теплицахъ содержались рѣдкія растенія, полученныя большей частью изъ стариннаго Луповицкаго сада. Имѣя съ маленькаго имѣнья доходъ незначительный, Стронскій больше половины его употреблялъ на растенія. Безъ страстей, безъ прихотей, ведя жизнь, подобную жизни древнихъ отшельниковъ, питаясь только молокомъ, медомъ да плодами и овощами, онъ почти ничего не тратилъ на себя. Одно еще доставляло ему утѣшеніе и удовлетворяло прирожденное чувство красоты и изящества, но оно ничего не стоило. По цѣлымъ часамъ слушалъ онъ пѣвчихъ пташекъ, а весной цѣлыя ночи перекликался съ соловьями. Соловьи заливаются, а онъ отвѣчаетъ имъ звуками рояля, и слезы, сладкія слезы ручьями текутъ изъ очей его.

Дмитрій Осипычъ копался въ цвѣтникахъ, пересаживая изъ ящиковъ въ грунтъ лѣтники *), какъ заслышалъ конскій топотъ и стукъ Пахомовой таратайки. Досадно ему стало, нахмурился. «Кому это нужно мѣшать мнѣ?» — подумалъ онъ,

*) Однолѣтніе цвѣты.

но, завидѣвъ Пахома, тотчасъ повеселѣлъ и радостно засмѣялся, какъ смѣется ребенокъ, когда послѣ отчаяннаго, повидимому, ничѣмъ неутѣшнаго плача вдругъ сдѣлаютъ ему что-нибудь пріятное. Не этимъ однимъ Стронскій походилъ на ребенка: младенческая простота его души и полное незлобіе, дѣтская откровенность, чистота души, не исказившейся въ омутѣ праздныхъ и суетныхъ страстей, привлекали къ нему всѣхъ, кто только ни зналъ его. Съ распростертыми объятьями пошелъ онъ навстрѣчу Пахому.

— Христосъ воскресъ! — радостно сказалъ онъ.

— Христосъ воскресъ! — съ ясной улыбкой отвѣчалъ Пахомъ. — Все въ трудахъ, все за цвѣточками!

— Люблю, Пахомушка, цвѣточки, люблю, мой дорогой... Утѣшаютъ они меня, — сказалъ Дмитрій Осипычъ. — Налюбоваться не могу на нихъ. И, глядя на цвѣточки и любуясь ими, ежечасно славлю и хвалю Творца видимыхъ всѣхъ и невидимыхъ... Какъ Онъ премудростью Своей ихъ разукрасилъ!.. Истинно евангельское слово, что самъ Соломонъ никогда не украшался столь драгоцѣнными одеждами, какъ эти Господни созданья... Посмотри, какая свѣжесть красокъ, какая нѣжность въ каждомъ цвѣточкѣ... А запахъ!.. Это они, мои милые, молятся Творцу всяческихъ, изливаютъ изъ себя хвалебный оиміамъ, возносятъ къ небесамъ его, какъ кадило, какъ жертву хваленія.

— А все-таки суета! — едва слышно, но строго промолвилъ Пахомъ. — Конечно, и цвѣты Божья тварь, да все-жъ не слѣдъ къ ней имѣть пристрастье. Душа, Митенька, одна только душа стòитъ нашего попеченья.

— Да вѣдь и душа и цвѣты одного же Создателя творенье. Не отъ врага же родились и древа и цвѣты, какъ невѣсту въ брачный день украшающіе землю, — возразилъ Стронскій.— Врагъ только злобу сѣетъ, и потому всѣ творенья его гадки, мерзки, противны... А взгляни на красоту этихъ цвѣточковъ... Развѣ они мерзки, развѣ противны? Нѣтъ, Пахомушка, и въ цвѣтахъ и въ плодахъ видится великая милость Господня къ намъ. Любуешься на чистыя, прекрасныя Его творенія, а трудясь надъ ними до поту лица, какъ повелѣно первому человѣку, съ любовью лобызаешь край Господней ризы...

— Нѣтъ, Митенька, не такъ говоришь, — возразилъ Пахомъ. — Особенно про невѣстъ да про брачные дни не то что говорить, но и въ помышленьи не слѣдъ держать!.. Опричь души, чтò мы ни видимъ, чтò ни слышимъ, все отъ врага. Душа только дорогà намъ, тѣло и все ублажающее его — тюрьма души, темница, врагомъ сограждениая. Не любить, не

ублажать надо эту темницу, а ненавидѣть и всѣми мѣрами сокрушать ее. По-настоящему, человѣку-то Божьему не слѣдъ бы и глядѣть на видимый міръ. Слѣпъ и глухъ долженъ быть праведникъ ко всему тлѣнному... Довольно съ него заботы и о душѣ... И ту помоги Богъ управить — а тутъ еще суета, мірскія попеченья, тщета плотской жизни — одинъ только грѣхъ. Нельзя такъ, Митенька, нельзя, мой возлюбленный, ежели хочешь нескончаемые вѣки предстоять Агнцу, пребывать на великой Его брачной вечери и воспѣвать Господу аллилуію спасенія, славу, честь и силу *).

Не отвѣчалъ Дмитрій Осипычъ — зналъ онъ, что упрямаго Пахома не переспоришь. И Пахомъ замолчалъ, опустивъ въ землю глаза, не соблазниться бы какъ-нибудь пышно расцвѣтшими розами и душистыми піоніями.

— Что̀ новенькаго? — послѣ недолгаго молчанья спросилъ у него Стронскій.

— Сестрица Марьюшка пріѣхала, дѣвицу съ собой привезла, купеческая дочь — кажется, желаетъ на путь праведный стать. Пріѣзжай въ субботу, въ ночь на воскресенье будетъ собранье. Повѣстить велѣлъ тебѣ Николаюшка, — сказалъ Пахомъ.

— Насилу-то надумалъ, давно бы пора, — молвилъ Дмитрій Осипычъ.

— Пріѣдешь?

— Какъ же не пріѣхать! Жаждетъ душа Духа Святого, алчетъ небесной пищи и новыхъ пѣсенъ, — сказалъ Стронскій. — Кого еще повѣщалъ?..

— Въ Коршуновѣ у матроса побывалъ, въ Порошинѣ у дьякона, отъ тебя проѣду въ городъ къ Кисловымъ, а отъ нихъ въ монастырь за Софронушкой.

— Чайку не желаешь ли? — спросилъ Стронскій, но Пахомъ отказался наотрѣзъ.

— Ѣхать пора, за̀свѣтло, покамѣстъ у Кисловыхъ спать не легли, надо въ городъ поспѣть, — сказалъ онъ. — Отдохну маленько у нихъ, да пораньше и въ монастырь. Къ вечеру завтра надо домой поспѣть...

— Выпей хоть чашечку. Успѣешь, — уговаривалъ его Дмитрій Осипычъ.

— Нѣтъ, Митенька, не должно плоти угождать, когда творишь дѣло Божье, — сказалъ, выходя изъ сада, Пахомъ. — Кстати ли чаи распивать, когда не успѣлъ еще повѣстить всю братію?..

---

*) «Апокалипсисъ», гл. XIX.

И, не слушая уговоровъ Стронскаго, спѣшно влѣзъ въ таратайку и крупной рысью погналъ со двора. Дмитрій Осипычъ къ цвѣточкамъ воротился.

Среди необозримыхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ полей, стоитъ уѣздный городокъ на рѣчкѣ, впадающей въ Донъ въ его маловодныхъ верховьяхъ. Въ сухое время та рѣчка совсѣмъ изсякаетъ, и горожане испытываютъ всякаго рода невзгоды и лишенья отъ недостатка въ водѣ. Хоть при каждомъ почти домѣ выкопанъ колодецъ, но колодезная вода жестка и для варки пищи непригодна. Городокъ бѣдный, крытъ соломой, по окраинамъ и въ подгородныхъ слободахъ Казачьей и Солдатской не въ рѣдкость и черныя, курныя избы, безъ трубы, съ однимъ дымволокомъ *). Улицы прямы, широки, но отъ малаго ѣзду травой поросли. Тонутъ дома въ зелени яблонныхъ, вишневыхъ и грушевыхъ садовъ, а кругомъ города ни лѣсинки — степь, голая степь. Въ томъ городишкѣ нѣтъ никакихъ промысловъ. Опричь поповъ да чиновниковъ, горожане пашутъ землю, а зимой ѣздятъ въ извозъ, только тѣмъ и кормятся. Торговля въ городкѣ грошовая, съ выгодой одной водкой торгуютъ. Ярмарокъ нѣтъ, базары плохіе, непривычному худо живется въ томъ городишкѣ.

Солнце ужъ закатилось, когда пріѣхалъ Пахомъ. Почти на самомъ краю городка, въ самомъ укромномъ, уединенномъ уголкѣ, стоялъ обширный деревянный домъ, обшитый тесомъ, выкрашенный дикой краской съ девятью окнами по лицу. И домъ и надворныя строенья были построены изъ хорошаго лѣса, а это большая рѣдкость въ томъ краю. Былъ тотъ домъ даже желѣзомъ крытъ, а это ужъ совершенная невидаль въ такомъ городишкѣ. Обширный плодовый садъ за домомъ былъ безъ малаго на трехъ десятинахъ. Урожай плодовъ бывалъ въ немъ обильный, и каждый годъ горожане отъ перваго до послѣдняго завидовали Степану Алексѣичу Кислову, отставному почтмейстеру, хозяину того дома, и обкрадывали его садъ безъ всякаго милосердія. Напрасно бы Степанъ Алексѣичъ сталъ хлопотать по начальству объ опустошеніи его садовъ — земля безсудная. Къ тому-жъ Кисловъ неохочъ былъ до судовъ и тяжебъ. Кроткій и мирный, для всѣхъ безобидный нравъ не позволялъ ему ни на кого жаловаться. Миролюбіемъ и смиренствомъ думалъ онъ обезоружить мелкихъ враговъ, но — воры и воришки въ глаза насмѣхались надъ нимъ, больше и чаще опустошая его садъ. И скоту Кислова порой доста-

---

*) Волоковое окно для выхода изъ избы дыма.

валось: то барана, то теленка украдутъ, о курахъ да уткахъ нечего и говорить, лошадей даже съ конюшни сводили, и все оставалось безъ взысканья и наказанья. Тихоней горожане прозвали Степана Алексѣича и открыто говаривали, что украсть у тихони и Богъ не взыщетъ и люди не осудятъ — тащи со двора, что̀ кому полюбилось да подъ руку попало.

Кисловъ былъ старожиломъ въ томъ городкѣ: и отецъ и дѣдъ его служили тамъ; самъ Степанъ Алексѣичъ, не выѣзжая изъ своего захолустья, выслужилъ Владимірскій крестъ за тридцать за пять лѣтъ. Съ ранней молодости былъ онъ набоженъ и до страсти любилъ церковную службу, жизнь велъ тихую, скромную, удаляясь отъ шумныхъ сборищъ, гдѣ господствовали картежъ да водка. За то его не любили, звали святошей, чуждались. Любимымъ обществомъ Кислова были духовные, но и тѣ мало удовлетворяли пытливую его душу. Любимымъ чтеніемъ его были церковныя книги. Сначала читалъ онъ «Четьи-Минеи», «Прологи», «Патерики». Сказанія о древнихъ пустынникахъ, объ ихъ отверженіи отъ міра сильно занимали Степана Алексѣича, возвышали нравственныя его силы, но не могли удовлетворить любознательности. Зналъ онъ, что въ пустынѣ ему не живать, что проводить жизнь, подобную жизни отшельниковъ первыхъ вѣковъ христіанства, теперь невозможно; зналъ и то, что подвигъ мученичества теперь больше немыслимъ, ни страданій ни смертныхъ казней за Христа не стало. И началъ Степанъ Алексѣичъ смотрѣть на житія святыхъ, какъ на любопытныя сказанья. Зато сталъ углубляться въ значеніе церковныхъ пѣснопѣній, отъ однихъ умилялся душой, отъ другихъ приходилъ въ священный восторгъ; поэзія Дамаскина его восхищала. Но, слушая его пѣснопѣнія въ церкви, слушая чтеніе возвышающихъ душу псалмовъ Давида и молитвъ, сложенныхъ древними учителями, Кисловъ доходилъ до отчаянья. Небрежность служенія, мертвенность въ духовной средѣ, господство одной внѣшности раздражали его и не давали покоя безпокойному и пытливому уму. Хотѣлъ доискаться всемірной истины, дѣйствительно спасительной вѣры, обращался съ вопросами къ духовнымъ, но они либо не понимали вопросовъ его, либо совѣтовали ему не мудрствовать, а, положась на волю Божью, ходить усердно въ церковь, чаще заказывать молебны да поднимать на домъ иконы. Смѣялись даже иные надъ нимъ, а исканіе истины называли ересью. Сталъ тогда Кисловъ углубляться въ чтеніе священнаго писанія, особенно евангелія — это подняло его нравственную силу и еще больше смягчило кроткій отъ природы нравъ. А все-таки не могъ

онъ нигдѣ сыскать духовнаго врача, ни отъ кого не могъ услыхать разумнаго слова. Тутъ онъ понялъ пословицу: «бывали встарь сосуды деревянные, да попы золотые, а нынѣ сосуды золотые, да попы деревянные». Неотвязная мысль, гдѣ же всемірная истина, неискаженная Христова церковь, мучительно тяготила Кислова. Тутъ познакомился онъ съ Луповицкими и по ихъ совѣту принялся читать мистическія книги.

Кислову показалось, что эти книги все ему разъясняли. Дни и ночи проводилъ онъ за ними. Еще больше удовлетворяли его пытливость бесѣды съ Николаемъ Александрычемъ. Прошло три года, и Степанъ Алексѣичъ вошелъ въ корабль Луповицкаго. За нимъ пошла и жена его, тихая, добрая, кроткая женщина, примѣрная жена и мать, преданная церкви. Съ восторженной радостью ринулись Кисловы въ секту, гдѣ все казалось имъ новымъ, истиннымъ, святымъ; церкви не покинули, какъ и вообще всѣ Божьи люди ея не покидаютъ. Усерднѣй другихъ исполняли они церковные обряды, чаще другихъ приступали къ таинствамъ, чаще другихъ принимали поповъ для служенья молебновъ и щедро имъ за то платили. Духовенство ихъ считало лучшими, примѣрными чадами церкви.

Дочь росла у Кисловыхъ — только всего и дѣтей было у нихъ. Изъ нея, выросшей въ набожной семьѣ, вышла богобоязненная и богомольная дѣвушка. Никогда никто не слыхивалъ, чтобъ она громко говорила, смѣялась или пѣла мірскую пѣсню, никто не видалъ, чтобъ она забавлялась какими-нибудь играми либо вела пустые разговоры со сверстницами. Угрюмая, молчаливая, сосредоточенная въ самой себѣ, никѣмъ, кромѣ отца съ матерью, она не была любима. Ее считали полоумной, ни на что негодной. Время проводила она за работой либо за книгами. Читала то же, что̀ и отецъ съ матерью, и оттого, будучи еще лѣтъ пятнадцати, стала стремиться къ созерцательной жизни, желая монастыря. И мать и отецъ ее отъ того отговаривали, представляя жизнь монахинь вовсе не такою, какъ она думала. «Что̀ за жизнь въ монастырѣ? — убѣждала ее мать. — Одинъ только грѣхъ... По наружности тамъ добры, привѣтливы и снисходительны, готовы на всякую послугу, благочестивы, набожны. А поживи-ка съ ними, иное увидишь...» Не внимала Катенька словамъ родителей. Случилось ей прогостить нѣсколько дней въ одномъ монастырѣ у знакомой монахини: тамъ была она окружена такою любовью и внимательностью, провела время такъ пріятно, что монастырь показался ей раемъ. Вспоминая о томъ, дни и ночи плакала она, умоляя отца съ матерью позволить ей

поселиться въ какой-нибудь обители... Видя, что никакія убѣжденія не могутъ поколебать намѣреній дочери, Степанъ Алексѣичъ сказалъ женѣ:—«Отпустимъ, пусть насмотрится на тамошнее житье. Вѣкъ свой послѣ того ни въ какомъ монастырѣ порога не переступитъ». Такъ и случилось. Полугода не выжила Катенька въ честной обители. Послала къ отцу письмо, слезно моля взять ее домой поскорѣе.

Болѣзненно отозвалась на ней монастырская жизнь. Дымомъ разлетѣлись мечты о созерцательной жизни въ тихомъ пристанищѣ, какъ искры угасли тщетныя надежды на душевный покой и безстрастіе. Стала она приглядываться къ мірскому, и міръ показался ей вовсе не такимъ грѣховнымъ, какъ прежде она думала; Катенька много нашла въ немъ хорошаго... «Подобаетъ всѣмъ симъ быти», — говорилъ женѣ Степанъ Алексѣичъ, и Катеньку оставили въ покоѣ... И тогда міръ обольстилъ ея душу и принесъ ей большія сердечныя тревоги и страданья.

Вскорѣ послѣ ея возвращенья изъ монастыря, былъ поставленъ въ городокъ на зимнія квартиры гусарскій полкъ. Постой большой, вовсе не по крохотному, бѣдному городку, квартиръ понадобилось много, и Степанъ Алексѣичъ волей-неволей долженъ былъ принять къ себѣ постояльца. У него въ особомъ флигелькѣ поселился красивый, съ свѣтскимъ лоскомъ, молодой офицерикъ князь Рахомскій, владѣлецъ восьмисотъ душъ въ одной изъ черноземныхъ губерній. Приглянулась ему семнадцатилѣтняя Катенька, и онъ, помирая со скуки въ уѣздной глуши, отъ-нечего-дѣлать сталъ за ней ухаживать. Молоденькой, неопытной простушкѣ трудно было устоять предъ обаятельнымъ красавцемъ—она полюбила его со всѣмъ пыломъ сердца, еще не извѣдавшаго любви. Зорко слѣдили за ней отецъ съ матерью, но не противились сближенью ея съ молодымъ человѣкомъ. «Что-жъ, — говорили Степанъ Алексѣичъ съ женой: — ступитъ ли она на правый путь, познаетъ ли сокровенную тайну, еще неизвѣстно. Тѣ вѣдь только праведны и святы, кого Духъ привлекаетъ, а кто своей волей, не по избранію Духа, входитъ въ корабль, повиненъ вѣчному осужденью. А въ Катенькѣ нѣтъ «движеній Духа». Будетъ ли еще она угодна на служеніе Богу, кто ее знаетъ? Если-жъ не будетъ это, пускай ее въ міру остается... И тогда чего бы лучше, если-бъ стала она богатой княгиней. При нашей старости и насъ бы призрѣла. А князь, по всему видится, человѣкъ хорошій, къ подвластнымъ справедливъ и милостивъ, много потаеннаго добра онъ дѣлаетъ. И уменъ, и благочестивъ, и родство у него знатное. Вдругъ наша дочушка ста-

нетъ княгиней, съ царскими вельможами въ родствѣ... А впрочемъ, буди во всемъ власть Господня».

Сближались молодые люди. Сказалъ князь Катенькѣ, что любитъ ее, она тѣмъ же ему отвѣчала. Онъ хотѣлъ-было идти дальше, но кромѣ поцѣлуевъ ничего не получилъ. Тогда сталъ онъ увѣрять Катеньку, что женится на ней, только-что съѣздитъ въ Петербургъ на короткое время. Катенька сказала о томъ отцу съ матерью. Степанъ Алексѣичъ завелъ съ княземъ рѣчь, князь смутился, но просилъ руки Катеньки. Согласіе было дано, и князь съ Катенькой стали женихомъ и невѣстой. Отъѣздъ князя замедлялся; ставъ въ свободныя отношенія къ невѣстѣ, молодой человѣкъ усилилъ исканья, но Катенька чиста и непорочна вышла изо всѣхъ похожденій съ нимъ. Князь сталъ тревоженъ, сумраченъ, осыпалъ невѣсту упреками и страстными своими порывами то и дѣло до слезъ доводилъ ее. Наконецъ уѣхалъ, обѣщалъ черезъ мѣсяцъ воротиться и обвѣнчаться... Получила отъ него два письма Катенька, одно другого холоднѣе; въ послѣднемъ писалъ онъ, что раньше трехъ мѣсяцевъ ему нельзя воротиться, и звалъ невѣсту въ Петербургъ, обѣщая до свадьбы окружить ее такою роскошью, такимъ довольствомъ, какихъ она и понять не можетъ. По совѣту отца, Катенька отвѣчала, что пріѣдетъ въ незнакомый ей городъ не иначе, какъ съ законнымъ мужемъ. Отвѣта не было. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ узнали о женитьбѣ князя Рахомскаго и объ отъѣздѣ его съ молодой женой за границу.

Когда узнала объ этомъ Катенька, она вскрикнула, тяжело опустилась на стулъ и, сжавъ грудь руками, затрепетала, какъ подстрѣленный голубь, но ни одного слова не молвила, ни одной слезинки не выронила. Вдругъ быстро вскочила и бѣгомъ изъ дому. Едва успѣли оттащить ее отъ колодца. Три дня ни слова не сказала она, потомъ начались у ней припадки падучей. Придя въ себя, ничего не помнила, забыла и жениха. Прошлое исчезло для нея, какъ бы его совсѣмъ не бывало. Рѣдко-рѣдко вымолвитъ слово, все молчитъ, всегда въ какомъ-то тяжеломъ раздумьѣ.

Каждый отецъ, каждая мать убивались бы горемъ при такихъ страданьяхъ дочери, Кисловы были имъ рады ровно счастью какому.—«Открылись движенія Духа»,—сказалъ Степанъ Алексѣичъ, жена согласилась съ нимъ, и оба благодарили Бога за милости, изліянныя на ихъ дочь.- «Пророчицей будетъ во святомъ кругу», —сказалъ Степанъ Алексѣичъ. «Можетъ-быть, и богородицей!» — отвѣчала жена. И стали готовить Катеньку ко вступленію на «правый путь истинной

вѣры»; когда-жъ привезли ее въ Луповицы и она впервые увидала радѣнье, съ ней случился такой сильный припадокъ, что, лежа на полу въ корчахъ и судорогахъ, стала она какъ кликуша странными голосами выкрикивать слова никому непонятныя. Это людьми Божьими было признано за величайшую благодать. Всѣ стали относиться къ Катенькѣ съ благоговѣніемъ, звать ее «златымъ сосудомъ», «избранницей Духа», «Божьей отроковицей». Черезъ недѣлю она была «приведена» и тотчасъ начала пророчествовать. И не бывало послѣ того собранья людей Божьихъ безъ участья въ нихъ Катерины Степановны. Прежде ѣзжала она на соборы съ отцомъ и матерью, но вотъ ужъ четыре года минуло, какъ параличъ приковалъ къ постели ея мать, и Катенька ѣздитъ къ Луповицкимъ одна либо со Степаномъ Алексѣичемъ.

Пріѣхалъ къ Кисловымъ Пахомъ и, не входя въ домъ, отпрягъ лошадку, поставилъ ее въ конюшню, задалъ корму, втащилъ таратайку въ сарай и только тогда пошелъ въ горницы. Вообще онъ распоряжался у Кисловыхъ, какъ у себя дома. И Степана Алексѣича и Катеньку нашелъ онъ въ спальнѣ у больной и вошелъ туда безъ доклада. Всѣ обрадовались, сама больная издала какіе-то радостные звуки, весело поглядывая на гостя.

— Христосъ воскресъ,— сказалъ Пахомъ, входя въ комнату.

— Христосъ воскресъ, — отвѣчали и Степанъ Алексѣичъ и Катенька. Больная тоже какое-то слово прошамкала.

— Какъ тебя Духъ Святой соблюдаетъ, Пахомушка? — спросилъ хозяинъ, когда пріѣзжій усѣлся на стулѣ возлѣ больной.

— Хранитъ покамѣстъ милостивый,— отвѣчалъ Пахомъ.— Слава въ вышнихъ Ему!

— Давно-ль изъ Луповицъ? — спросила Катенька.

— Съ утра, — отвѣчалъ Пахомъ. — Въ объѣздъ посланъ. Оповѣстить. Пріѣзжайте. На воскресенье будетъ собранье. Ждать али нѣтъ?

— Будемъ, будемъ, — отвѣчалъ Степанъ Алексѣичъ. — Какъ же не быть? И то давненько не святили душъ.

— Лошадку-то я поставилъ къ тебѣ на конюшню, Степанушка. Переночую у тебя, а только-что поднимется солнышко, поѣду въ монастырь.

— Къ Софронушкѣ? — спросилъ Кисловъ.

— Да. Съ собой возьму блаженнаго, ежель отпустятъ, — отвѣчалъ Пахомъ. — У тебя, другъ, все-ль по-доброму да по-хорошему?

— Ничего. Все слава Богу, — отвѣчалъ Степанъ Алексѣичъ. — Хозяйка только вотъ насъ съ Катенькой сокрушаетъ. Нѣтъ лучше, не поднимаетъ Господь.

Больная жалобно зашамкала, печальнымъ взоромъ взглянувъ на Пахома.

— Не испытывай, Степанушка, судебъ Божьихъ, — сказалъ Пахомъ. — Не искушай Господа праздными и неразумными мыслями и словесами. Онъ, милостивый, лучше насъ съ тобой знаетъ, что̀ дѣлаетъ... Звѣзды небесныя, песокъ морской, пожалуй, сосчитаешь, а дѣлъ Его во вѣки вѣковъ не постигнешь, мой миленькій. Потому и надо предать себя и всѣхъ своихъ святой Его волѣ... Къ худу Святъ Духъ не приведетъ, все Онъ творитъ къ душевной пользѣ избранныхъ людей, искупленныхъ первенцевъ Богу и Агнцу.

Замолчалъ Степанъ Алексѣичъ, благоговѣйно поникнувъ головою.

— Марья Ивановна не пріѣхала-ль? — спросила Катенька.— Ждали вѣдь ее въ Луповицахъ-то?

— Пріѣхала, Катеринушка, вотъ ужъ больше недѣли какъ пріѣхала, — отвѣтилъ Пахомъ. — Гостейку привезла. Купецкая дочка, молоденькая, Дунюшкой звать. Умница, скромница — описать нельзя, съ Варенькой водится больше теперь. Что̀ пошлетъ Господь, неизвѣстно, а хочется, слышь, ей на пути пребывать. Много, слышь, начитана и большую охоту къ Божьему дѣлу имѣетъ... Будетъ и она на собраньи, а потомъ какъ Богъ совершитъ.

— Молодая, говоришь ты? — спросила Катенька.

— Молодая, — отвѣтилъ онъ. — На видъ и двадцати годковъ не будетъ. Сидорушка дворецкій говорилъ, что и въ пищѣ и въ питіи нашего держится по-Божьему и дома, слышь, воздерживаетъ себя и отъ мясного и отъ хмельного.

— Родители-то ея на пути?—спросилъ Степанъ Алексѣичъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Пахомъ: — родитель у ней старовѣръ и не такой, чтобы слѣдовать по Божьему пути.

— Откуда онъ?

— Съ Волги откуда-то. Тамъ вѣдь Марьюшка-то наша купила имѣнье, Фатьянку, гдѣ въ стары годы Божьи люди живали. Былъ тамъ корабль самого батюшки Ивана Тимоѳеича.

— Наслышаны мы о томъ, Николаюшка сказывалъ, — молвилъ Степанъ Алексѣичъ.

— Родитель нашей гостейки по сосѣдству съ Фатьянкой живетъ, — продолжалъ Пахомъ. — Оттого и знакомство у него съ Марьюшкой, оттого и отпустилъ онъ дочку съ ней въ Луповицы погостить. Кажись, скоро ее приводить станутъ.

— Слава въ вышнихъ Богу! — набожно промолвилъ Степанъ Алексѣичъ.

Катенька повторила отцовскія слова.

Послѣ короткаго молчанья Степанъ Алексѣичъ, взявъ съ полочки книгу, сказалъ Пахому:

— Не почитать ли покуда? А послѣ и порадѣть бы для больной. Теперь при немощахъ ея рѣдко ей, бѣдной, доводится освящать свою душу.

Согласился Пахомъ, и Степанъ Алексѣичъ, раскрывъ книгу, подалъ ее Катенькѣ. Та стала читать житіе Іоасафа, индѣйскаго царевича, и учителя его, старца Варлаама.

Послѣ чтенія началось пѣніе и скаканье. «Въ словѣ ходила» Катенька. Придя въ изступленье, начала она говорить восторженно глядѣвшей на нее матери, а Степанъ Алексѣичъ и Пахомъ, крестясь обѣими руками, стали предъ пророчицей на колѣни.

— Духомъ не мятись, сердцемъ не крушись, — «выпѣвала» Катенька, задыхаясь почти на каждомъ словѣ. — Я, Богъ, съ тобой, Моей сиротой, за болѣзнь, за страданье, Духа дамъ дарованье!.. Радуйся, веселись, вѣрна-праведная!.. Звѣзда свѣтлая горитъ и восходитъ мѣсяцъ ясный, будетъ, будетъ день прекрасный, нескончаемый вовѣкъ!.. Богъ тебя просвѣтитъ, ярче солнца освѣтитъ... Оставайся, Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою!

И накрыла лицо больной платкомъ, что̀ былъ у ней въ рукахъ во время радѣнья.

Перецѣловались всѣ, приговаривая: «Христосъ посреди насъ со ангелами, со архангелами, съ серафимами, съ херувимами и со всею силою небесною».

Одинъ за другимъ съ тѣми же словами поцѣловали и болящую.

Затѣмъ перешли въ другую комнату, тамъ ужъ давно кипѣлъ самоваръ. Чаю напились, бѣлаго хлѣба съ медомъ поѣли, молока похлебали. Солнце стало всходить, и Пахомъ пошелъ закладывать быстроногую рыженькую. Не уснувъ ни на капельку, погналъ онъ въ Княжъ-Хабаровъ монастырь, чтобы къ поздней обѣднѣ поспѣть туда.

Глава третья.

Княжъ-Хабаровъ монастырь былъ основанъ больше двухъ съ половиною вѣковъ тому назадъ. Строенъ онъ былъ вскорѣ послѣ лихолѣтья однимъ изъ самыхъ родовитыхъ московскихъ служилыхъ людей, княземъ Хабаровымъ. Было у князя пять

сыновей, но всѣ они изгибли въ смутное время московской разрухи. Трое честно пали въ бою съ людьми литовскими, четвертый живьемъ погорѣлъ, когда поляки Китай и Бѣлый городъ запалили, а пятый перекинулся ко врагамъ Русской земли, утекъ за рубежъ служить королю польскому, и не стало вѣстей о немъ. Говорили, что померъ, говорили, что въ латинство ушелъ и сталъ католицкимъ монахомъ, а навѣрное никто сказать не могъ.

Изводился старый, славный родъ князей Хабаровыхъ, одинъ послѣдышъ въ живыхъ оставался — престарѣлый князь Ѳедоръ княжъ Иванычъ, что, будучи еще въ молодыхъ годахъ, подъ Казань ходилъ съ первымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ... Много было у князя Хабарова и вотчинъ и всякаго добра — денегъ, дорогихъ уборовъ, золотой и серебряной посуды ни взвѣсить ни сосчитать. А послѣ смерти его некому тѣмъ богатствомъ владѣть — не оставалось ни рода ни подродка, ни близкихъ сродниковъ ни дальнихъ. То пуще всего крушило князя Ѳедора, то всего больше его печалило, что некому было приказать свою душу, некому по смерти его быть помянникомъ... И то немало его сокрушало, что въ грядущихъ поколѣньяхъ забудется громкое имя князей Хабаровыхъ...

Однажды князь Ѳедоръ Иванычъ рано проснулся. Утренняя заря еще не загорѣлась. И былъ ли то сонъ, была ли явь, самъ онъ не зналъ того — видитъ у своего ложа святолѣпнаго старца въ ветхой одеждѣ, на шеѣ золотой крестъ съ самоцвѣтными каменьями, такой дорогой, что не только у князя, да и въ царской казнѣ такого не бывало... И сказалъ невѣдомый старецъ:—«Почто всуе мятешися, человѣче, помышляя о тлѣнныхъ сокровищахъ? Кто далъ тебѣ богатство, тому и отдай его». Услышавъ старцевы рѣчи, помыслилъ князь: «Кто-жъ далъ мнѣ мои имѣнья? То моя отчина, то моя дѣдина, какъ же могу я отдать ихъ родителямъ, дѣдамъ и прадѣдамъ, въ давнихъ лѣтѣхъ скончавшихъ животъ свой». И едва помыслилъ, старецъ сказалъ: — «Не отъ родителей, не отъ дѣдовъ и прадѣдовъ получилъ ты богатства: Христосъ далъ ихъ роду твоему, Христу и отдай ихъ, ибо родъ твой преходитъ на землѣ... Монастырь сгради на горѣ возлѣ твоего села, сгради его во имя Спаса милостиваго, и не будетъ забвенно на землѣ имя твое, станутъ люди честные обитель звать Княжь-Хабаровымъ монастыремъ. И много за то будетъ тебѣ милостей отъ Господа, егда предстанешь предъ лицо Его». И по семъ невидимъ былъ старецъ, князь же, разсудя о видѣніи, позналъ, что онъ отъ самого Бога, и все исполнилъ по велѣнію святолѣпнаго старца. Такъ писано въ старыхъ

монастырскихъ записяхъ о началѣ Княжъ-Хабаровой Спасской обители.

Княжеское наслѣдство сразу сдѣлало тотъ монастырь однимъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, братіи было въ немъ число многое, строенія всѣ каменныя, церкви украшены иконами въ драгоцѣнныхъ окладахъ, золотой и серебряной утварью, златотканными ризами и всякимъ инымъ церковнымъ имуществомъ. За трапезу меньше четырехъ яствъ, а за ужиномъ меньше трехъ не ставили. Меды. квасы сыченые, пиво мартовское бочками въ монастырскихъ погребахъ во льду засѣкались. По праздникамъ на трапезѣ опричь водки ставились и фряжскія вина и всякія сладкія овощи: дыни, арбузы, яблоки, груши и сливы. Рыбу изъ Саратова да изъ Черкаска каждый годъ по первопутицѣ цѣлыми обозами въ монастырь привозили. Во всемъ было обиліе и довольство.

По времени упалъ монастырь. Набѣги разбойниковъ и нерѣдко бунтовавшихъ инородцевъ, нескончаемыя поземельныя тяжбы, а больше всего непорядки, возникшіе съ тѣхъ поръ, какъ люди изъ хорошихъ родовъ перестали сидѣть въ настоятеляхъ обители Всемилостиваго Спаса, а въ монахи начали поступать лишь поповичи да отчасти крестьяне, отъемъ населенныхъ не одною тысячью крестьянъ имѣній — довели строенье князя Хабарова до оскудѣнья; затѣмъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ слѣдовалъ длинный рядъ игуменовъ изъ поповичей, какъ всегда и повсюду, мало радѣвшихъ о монастырскихъ пользахъ и много о собственной мамонѣ и карманѣ. Тогда старинныя сокровища были распроданы, и обитель вошла въ неоплатные долги. При такой нерачительности поповичей, начиная съ архіереевъ до послѣдняго привратника, почти запустѣло строенье князя Ѳедора княжъ Иваныча Хабарова. Прежде монаховъ считали сотнями, теперь ихъ стало человѣкъ двадцать пять. Прежде, когда Княжъ-Хабаровымъ монастыремъ правили люди изъ хорошихъ родовъ, призрѣвалось въ немъ до сотни на войнѣ раненыхъ и увѣчныхъ, была устроена обширная больница не для монаховъ, но и для пришлыхъ, а въ страннопріимномъ домѣ по недѣлямъ получали пріютъ и даровую пищу странники и богомольцы, было въ монастырѣ и училище для поселянскихъ дѣтей. И все это рушилось по милости жадныхъ поповичей. Деньги, что̀ шли на училище, велѣно архіереемъ доставлять въ семинарію, въ страннопріимномъ домѣ срокъ дарового корма сокращался, а потомъ и совсѣмъ прекратился, больницу закрыли, перестали принимать увѣчныхъ и раненыхъ, потому-де, что монахи должны ежечасно проводить время въ бого-

мыслін, а за больными ухаживать имъ невмѣстно. Такъ угасли и былая слава и былое богатство обители, соагражденной послѣдышемъ въ родѣ князей Хабаровыхъ... Кутейники ее съѣли да пропили.

Правилъ тѣмъ монастыремъ честной старецъ игуменъ Израиль. Роду былъ, разумѣется, поповскаго и самъ попомъ прежде былъ, но потомъ волей-неволей долженъ былъ принять на себя ангельскій чинъ. Ради насущнаго хлѣба въ монахи постригся, кстати-жъ былъ вдовъ и бездѣтенъ. Ловкій инокъ въ гору пошелъ при новомъ владыкѣ и черезъ малое время былъ поставленъ въ игумны Княжъ-Хабарова монастыря. И вотъ ужъ лѣтъ двадцать доѣдаетъ, допиваетъ и въ карманъ кладетъ скудные остатки богатствъ князя Хабарова. Четыре архіерея сидѣло при немъ на владычномъ столѣ, и каждому изъ нихъ отецъ Израиль пріятенъ и весьма любезенъ былъ.

Въ Княжъ-Хабаровой обители жилъ рясофорный монахъ. Звали его отцомъ Софроніемъ. Было ему лѣтъ за шестьдесятъ, а поступилъ онъ въ монастырь лѣтъ десяти либо одиннадцати, будучи круглымъ сиротой. Съ дѣтства нападала на него черная немочь: по часу и по два бьется, бывало, бѣдный, лежа на землѣ безъ памяти, корчитъ его и коробитъ, руки-ноги сводитъ судорогами. Такой ребенокъ былъ міру тягота, ни въ работники взять ни въ солдаты отдать, одна маята съ нимъ. Цѣлой волостью кучились мужики игумну принять убогенькаго въ монастырь, онъ-де ни на что негоденъ, развѣ только что Богу молиться. Сложились мужики, поклонились, и былъ взятъ въ монастырь полоумный. Когда мальчуганъ подросъ, увидали монастырскіе поповичи, что польза изъ него можетъ быть. Обительскій пріемышъ не былъ чутокъ къ холоду — въ трескучіе морозы босикомъ бѣгалъ въ одной рубашонкѣ и велъ нескладныя рѣчи. Вышелъ изъ него юродивый перваго, самолучшаго сорта. Хоть полоумныхъ въ монахи не постригаютъ, но ради монастырской пользы его постригли и нарекли Софроніемъ. Съ той поры пріѣзжихъ богомольцевъ стало бывать помногу. Усердствующіе съ любовью и благоговѣніемъ посѣщали блаженнаго Софронушку, а купчихи съ дочерьми верстъ даже изъ-за двухсотъ и больше пріѣзжали къ нему за полезными словами и пророчествами. Въ купеческихъ семьяхъ ни одной свадьбы не вѣнчали безъ того, чтобы мать нареченную невѣсту не свозила прежде къ блаженному узнать, какова будетъ судьба ея, не будетъ ли мужъ пьяница, жену не станетъ ли колотить, сударочекъ не заведетъ ли, а пуще всего не разорится ли коимъ грѣхомъ. Разболѣется кто изъ

богатыхъ, тоже къ Софронушкѣ узнать, къ животу али къ смерти болѣзнь приключилась, Ребенокъ родится, ѣдутъ къ юроду провѣдать, будетъ ли жить, будетъ ли уменъ да счастливъ. Затѣваетъ купецъ новое дѣло, безъ того не начнетъ его, пока не спроситъ Софронушку насчетъ удачи. Отъ окрестныхъ деревенскихъ бабъ блаженному не было отбоя, то и дѣло лѣзутъ, бывало, къ нему съ вопросами: бычкомъ али телочкой отелится коровушка, огурцы да капуста хорошо-ль уродятся, выгодно-ль на базарѣ масло да сметану баба продастъ. Софронушка когда коровой мычалъ, когда пѣлъ пѣтухомъ, а иногда и человѣчьимъ языкомъ безсмысленный вздоръ говорилъ. Но все это признавалось за пророчество, и жаждущіе познанія своей судьбы, подумавши межъ собой, оставались увѣренными, что они понимаютъ и мычаніе, и «кукуреку», и безсмысленныя рѣчи юрода. О будущемъ заключали даже по движеньямъ Софронушки. Языкъ высунетъ — къ худу, выбранитъ кого, а лучше того, если ударитъ — къ счастью, свѣчку подастъ либо деревяннаго масла — къ покойнику, просвирку — къ изобилію. Блаженный юродъ иногда пропадалъ изъ монастыря по цѣлымъ недѣлямъ. Чаще всего уходилъ онъ въ сосѣдній городокъ. Тамъ купцы наперебой его другъ у дружки въ лавки зазывали; войдетъ Софронушка въ лавку — счастье, съ пользой, значитъ, будутъ въ ней торговать; а ежель возьметъ чтò въ лавкѣ Софронушка, не то чтобы деньги съ него спросить, накланяются еще досыта за такую милость, руки и полы расцѣлуютъ, потому что, если онъ хоть самую малость возьметъ, значитъ, хозяинъ весь залежалый товаръ по скорости съ барышомъ распродастъ. Бралъ Софронушка пустяки — орѣховъ съ горсточку, два-три пряника, подсолнуховъ, пареной груши, и все раздавалъ уличнымъ мальчишкамъ, а кому дастъ, того непремѣнно за вихоръ либо за ухо. И это за благодать почиталось. Денегъ въ руки никогда не биралъ. Ежели вздумаетъ кто подать, благимъ матомъ закричитъ:— «жжется! ой, жжется!»—и убѣжитъ сломя голову. Это очень не нравилось отцу Израилю — «зачѣмъ, — говаривалъ онъ юроду:— призрѣвшая тебя обитель лишается достодолжной благостыни?». У себя въ кельѣ Софронушка только деревянное масло да восковыя свѣчи принималъ отъ приходившихъ узнавать судьбу. Иная купчиха, желая знать, кого она родитъ — сынка или дочку, пудовую свѣчу, бывало, съ собой привезетъ; а невѣста, чтò за судьбой пріѣхала, и пять такихъ свѣчей притащитъ Софронушкѣ. А блаженный все въ церковь несетъ. И бывалъ отъ того Княжъ-Хабаровой обители немалый припекъ. Иные ревнители выпрашивали у отца Израиля

Софронушку погостить къ себѣ. Великимъ Божьимъ благословеніемъ, несказаннымъ счастьемъ почиталось, ежели онъ у кого въ дому хоть ночь переночуетъ, а съ недѣлю погоститъ — такъ благодати не огребешься, какъ говаривала благочестивая старуха, первостатейная купчиха Парамонова, вѣкъ свой возившаяся съ блаженными, съ аѳонскими монахами, со странниками да со странницами. Отецъ Израиль много доволенъ бывалъ, ежели просили у него на время Софронушку— не даромъ вѣдь. Хорошей доходной статьей былъ юродъ для обители.

Еще при жизни Александра Ѳедоровича въ Луповицахъ обратили на Софронушку вниманіе. Слыхалъ генералъ Луповицкій чуть ли не отъ самой Катерины Филипповны, что въ старые годы у Божьихъ людей и Христосъ и апостолы бывали изъ юродивыхъ. Таковъ былъ Иванъ Тимоѳеичъ, таковъ преемникъ его, нижегородскій стрѣлецъ Прокопій Лупкинъ, таковъ былъ и слѣдовавшій по стопамъ его загадочный человѣкъ, извѣстный подъ именемъ лжехриста Андрюшки. Въ безуміи несчастныхъ, подверженныхъ падучей болѣзни, Божьи люди видѣли «златые сосуды благодати», вѣрили, что въ нихъ Святой Духъ пребываетъ, «ходитъ» въ нихъ и хожденіе Свое припадками изъявляетъ. Ни мычаній, ни мяуканья юродовъ, ни ихъ неразумныхъ словъ не понимали познавшіе тайну сокровенную, но вѣрили твердо, что люди, подобные Софронушкѣ, вмѣстилища божественнаго разума, и что устами ихъ говоритъ сама божественная премудрость. Они полагали, что присутствіе такихъ людей въ кораблѣ ускоряетъ нашествіе Святого Духа. Оттого въ Луповицахъ и дорожили Софронушкой.

Когда Пахомъ подъѣзжалъ ко Княжъ-Хабарову монастырю, совсѣмъ уже обутрѣло, а съ высокой колокольни благовѣстили къ поздней обѣднѣ. Несмотря на давнюю запущенность монастыря, строенья его были еще величественны. Кругомъ выведена высокая, толстая стѣна съ огромными башнями и бойницами, не разъ защищавшая обитель отъ бунтовавшей мордвы и другихъ инородцевъ, что̀, прельщаясь слухами о несмѣтныхъ будто монастырскихъ богатствахъ, вооруженными толпами подступали къ обители и недѣли по двѣ держали ее въ осадѣ. Стѣны кой-гдѣ давно ужъ обвалились, зубцы давно пошли на выстройку бани, гостиницы и двухъ игуменскихъ бесѣдокъ, башни стояли безъ крышъ... Построенныя при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ основателемъ монастыря, церкви были обширны, на нихъ запечатлѣлась искусная рука знаменитаго зодчаго Возоулина, но онѣ ужъ давно обветшали, обвалились, густо

позолоченныя главы собора облѣзли, черепица на другихъ церквахъ и на высокой колокольнѣ разсыпалась. Кельи, когда-то населенныя не одной сотней монаховъ, теперь почти всѣ пустовали. Въ нихъ и въ бывшихъ училищѣ, больницѣ, богадѣльнѣ не было ни оконныхъ рамъ ни дверей, даже полы были выломаны. Печи разобраны, потолки провалились, а отъ крышъ и слѣдовъ не осталось. Обширный дворъ заросъ бурьяномъ — на каждомъ шагу видно было запустѣнье.

Подъѣзжая ко святымъ воротамъ, Пахомъ увидѣлъ молодого, еще безбородаго монаха. Сидѣлъ онъ на привратной скамейкѣ и высокимъ головнымъ голосомъ распѣвалъ что-то грустное, заунывное.

Прислушался Пахомъ къ иноческому пѣснопѣнію:

Не спасибо игумну мому,
Не спасеніе безсовѣстному:
Молоденька во старцы постригъ,
Камилавочку на голову надѣлъ...
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны служить —
Мое дѣло поскакать да поплясать,
Мое дѣло красныхъ дѣвокъ цѣловать!
Ужъ я четки-то подъ лавочку,
Камилавочку на столъ положу...

— Дома-ль отецъ игуменъ? — поверставшись съ пѣвцомъ, спросилъ у него Пахомъ.

Дрыхнетъ, — отвѣчалъ монахъ и продолжалъ:

Я на столъ положу, мою кралю подарю,
Я кралечку подарю, гулять въ рощу съ ней пойду,
Я въ рощицѣ нагуляюсь, со игумномъ распрощаюсь:
„Ты прощай, мой лиходѣй, съ кралечкой мнѣ веселѣй“.

Съ кадочкой меда пошелъ Пахомъ въ игуменскія кельи. Въ сѣняхъ встрѣтился ему келейникъ.

— Всталъ отецъ Израиль? — спросилъ у него Пахомъ.

— Всталъ. Чаи распиваетъ съ казначеемъ, — отвѣчалъ келейникъ.

— Нездоровъ, слышь, онъ?

— Была хворость, точно что была, больше двухъ недѣль держала его. Третьяго-дня однакожъ поправился, — сказалъ келейникъ.

— Чѣмъ хворалъ-то? — спросилъ Пахомъ.

— Извѣстно чѣмъ, — отвѣчалъ келейникъ.

— А можно къ нему? — спросилъ Пахомъ.

— Отчего-жъ не можно! Теперь къ нему можно, — сказалъ келейникъ. — Обожди минуточку — доложу... Отъ господъ, аль самъ по себѣ?

— Отъ господъ изъ Луповицъ, — молвилъ Пахомъ. — Доложи отцу Израилю: приказчика, молъ, господа Луповицкіе до его высокопреподобія прислали съ гостинчикомъ.

— Ладно, хорошо, — сказалъ келейникъ и черезъ нѣсколько минутъ позвалъ Пахома къ игумну.

Высокій, плотный изъ себя старецъ, съ краснымъ, какъ переспѣлая малина, лицомъ, съ сизымъ объемистымъ носомъ, сидѣлъ на диванѣ за самоваромъ и потускнѣвшими глазами глядѣлъ на другого, сидѣвшаго противъ него, тучнаго, краснолицаго и сильно рябого монаха. Это были самъ игуменъ и казначей отецъ Анатолій.

Войдя въ келью, Пахомъ помолился на иконы и затѣмъ подошелъ къ тому и другому старцу подъ благословенье.

— Здоровенько ли, Пахомъ Петровичъ, поживаешь? — недвижно сидя на кожаномъ диванѣ, ласковымъ голосомъ спросилъ отецъ Израиль. — Господа въ добромъ ли здоровьѣ? Чтò Николай Александрычъ?.. Андрей Александрычъ? Барыня съ барышней?

— Всѣ слава Богу, — отвѣчалъ Пахомъ. — Кланяться приказали вашему высокопреподобію. Гостинчикъ извольте принять отъ ихняго усердія.

И, положивъ на столъ золотой, поставилъ кадочку у дивана.

— Медку своихъ пчелокъ прислали, — промолвилъ Пахомъ.

— Спасибо, другъ, спасибо. Пошли Господи здоровья твоимъ господамъ, что не оставляютъ меня хвораго, убогаго.... А я завсегда ихній богомолецъ. За каждой литургіей у меня по всѣмъ церквамъ части за нихъ вынимаютъ, а на тезоименитства ихъ безпереводно поются молебны Николаю чудотворцу, святителю мирликійскому, Андрею Христа ради юродивому, Варварѣ великомученицѣ. Каждый разъ во всей исправности справляемъ. А какъ яблочки у васъ въ саду?

— Яблоки хороши, — отвѣчалъ Пахомъ. — Ежель до съема хорошо выстоятъ — большой урожай будетъ. И грушъ довольно и дуль...

— А вишенки? — спросилъ отецъ Анатолій.

— И вишенъ довольно, — отвѣтилъ Пахомъ. — Слава Богу, все уродилось.

— А у насъ и на яблоняхъ и на вишеньѣ цвѣту было хоть видимо-невидимо, весь садъ ровно снѣгомъ осыпало, а плода Господь не совершилъ, — съ сокрушеннымъ видомъ, перебирая янтарныя четки, сказалъ игуменъ. — Червякъ какой-то зловредный напалъ, всю завязь, самый даже листъ паутиной затянулъ. Такъ все и погибло — теперь рѣдко-рѣдко гдѣ яблочко, а вишенъ, почитай, вовсе нѣтъ. Молви, другъ, Андрею-

то Александрычу, по осени не оставилъ бы своихъ убогихъ богомольцевъ: прислалъ бы яблочковъ на мочку, сколько Господь ему на мысли положитъ, да и вишенокъ-то въ уксусѣ пожаловалъ бы боченочекъ-другой. А что̀, поди, теперь у васъ и дыни и арбузы?

— Есть, — молвилъ Пахомъ: — только не совсѣмъ еще дозрѣли.

— Станутъ дозрѣвать, прислалъ бы Андрей Александрычъ сколько-нибудь на утѣшеніе нашему убожеству, а мы всегдашніе его богомольцы, — сказалъ отецъ Израиль. — Да медку бы свѣженькаго, сотовенькаго со своей пасѣки пожаловалъ. Прошлаго года, по осени, владыка изволилъ нашъ монастырь посѣтить, какъ очень похвалялъ онъ соты, что̀ Андрей Александрычъ прислалъ мнѣ. Чего ни видалъ, гдѣ ни бывалъ владыка, въ шестой никакъ епархіи правитъ теперь, казалось бы, ничѣмъ его удивить нельзя. А изволилъ говорить, что такого меду въ жизнь свою-де не кушивалъ. Какой-то, говоритъ, особый, съ нарочито прекраснымъ запахомъ. Повелѣлъ онъ тогда мнѣ доподлинно разузнать, отчего у васъ такой медъ выходитъ...

— Резеду вкругъ пасѣки-то сѣютъ, дикій жасминъ тоже насаженъ — пчела-то съ нихъ обножь *) беретъ, — сказалъ Пахомъ.

— Ишь ты! — качнувъ головой, молвилъ игуменъ отцу Анатолію. — Для пчелы сѣютъ особыя травы, особые цвѣты разводятъ. Вотъ бы тебѣ, отецъ Анатолій, поучиться...

— Куда ужъ намъ! — сказалъ казначей. — Пошлетъ Господь и простенькаго медку, и за то благодарни суще славимъ великія и богатыя Его милости. Гдѣ ужъ намъ съ резедами возиться!.. Вѣдь у насъ нѣтъ крѣпостныхъ, а штатные служители только одна слава — либо калѣка, либо отъ старости ногъ не волочитъ. Да и много-ль ихъ? Всего-то шесть человѣкъ. Да и изъ нихъ, которы помоложе, на архіерейскій хуторъ взяты.

— Не моги роптать, отецъ Анатолій, — внушительно сказалъ ему Израиль. — Воля святаго владыки. Онъ лучше насъ знаетъ, что̀ намъ потребно и что̀ излишне. Всякое дѣло отъ великаго до малаго по его разсужденію строится, и намъ судить объ его волѣ не подобаетъ.

— Да я и не сужу, отче святый, — робко отвѣтилъ отецъ Анатолій. — Какъ можно мнѣ судить о такомъ лицѣ, какъ

---

*) *Обножь*, также *взятокъ*, *колошка*, *поноска* — все, что̀ пчела сбираетъ съ цвѣтовъ и уноситъ на ножкахъ.

Божій архіерей? Ума достаточнаго не имѣю на то... Къ слову только про штатныхъ помянулъ, говоря про наши недостатки.

— И того не дерзай,—рекъ игуменъ.—И къ слову не моги поминать о владыкѣ, развѣ только прославляя святую его жизнь, ангельскую кротость, душевное смиреніе, неумытное правосудіе и иныя многія архипастырскія добродѣтели... Да... Повѣждь людямъ о милостяхъ на насъ бывшихъ, о великой премудрости святителя... а ты вдругъ про хуторъ да про штатныхъ. Не годится, даже очень не годится. Одобрить не могу. О томъ помысли, что̀ было бы, ежели-бъ, коимъ ни на есть случаемъ, свѣдалъ владыка о таковыхъ мятежныхъ рѣчахъ твоихъ? Похвалилъ бы тебя?.. Ась?.. Какъ думаешь, отецъ казначей?

Вскочилъ Анатолій и, припавъ къ стопамъ игуменскимъ, промолвилъ со слезами:

— Прости, отче святый. Не отринь покаянія. Прости великое мое прегрѣшеніе, прости мое неразуміе и скаредную дерзость мою.

— Богъ проститъ. Разрѣшаю и благословляю. Покаяніе покрываетъ всѣ грѣхи. Впередъ не грѣши, отецъ Анатолій.

Всталъ казначей и облобызалъ игуменскую десницу.

А Пахомъ все стоитъ передъ монастырскими властями. Наконецъ игуменъ сказалъ ему:

— Вотъ, другъ мой, Пахомъ Петровичъ, молви-ка господамъ, сколько мнѣ труда и заботы предлежитъ по моей должности. Всякаго научи, всякаго наставь, иного ободри и похвали, иного же поначаль и въ чувствіе приведи, а иного по писанію и жезломъ, яко сына отецъ, поучи. Охъ, любезненькій ты мой, ежели бы господа дворяне знали нашу жизнь, много бы благоутробнѣе были до нашего убогаго смиренія... Рыбку-то съ Дону привезутъ — не оставилъ бы Андрей Александрычъ. Дорога̀ нынче рыбка-то стала, въ сапожкахъ ходитъ. Нашей обители, аще забвенна будетъ благотворителями, и въ Рождество Христово и въ Свѣтло воскресенье безъ рыбной яствы придется за трапезу сѣсть... Единая надежда на христолюбцовъ. Молви, другъ.

— Доложу, — отвѣтилъ Пахомъ.

— Конекъ угасъ *) у меня по веснѣ, любезный мой Пахомъ Петровичъ, — мало повременя сказалъ игуменъ.—А славный былъ коняжка, сильный, работящій. И что̀ поприключилось съ нимъ, ума не могу приложить. Должно-быть, опоили горячаго мошенники конюхи. На все былъ пригоденъ — въ

*) Околѣлъ.

дорогу-ль ѣхать, возы ли возить. И всего-то девять годковъ было ему. Теперь у меня на конномъ дворѣ всего шесть лошадокъ, безъ седьмой невозможно... Достатки скудные, денегъ ни копейки, а долговъ, что̀ грибовъ въ лѣсу. Озарилъ намедни меня Господь мыслью: стану, думаю, униженно просить я Андрея Александрыча, не пожалуетъ ли какого-нибудь немудраго конька... Не могу навѣрно сказать тебѣ, любезный мой Пахомъ Петровичъ, а отъ старыхъ иноковъ слыхалъ я, что преславный боярскій родъ господъ Луповицкихъ, по женскому колѣну, влечетъ племя свое отъ князей Хабаровыхъ. Значитъ, господа твои сродственники приснопамятному зиждителю нашей обители. Возрадовалъ бы Андрей Александрычъ преподобную душу во плоти своего сродника, нынѣ въ небесныхъ селеніяхъ пребывающаго князя Ѳеодора. Покучься, Пахомъ Петровичъ, не пожертвуетъ ли отъ своихъ щедротъ коняжку. Попомни, пожалуйста.

— Доложу, — молвилъ Пахомъ.

— Новенькаго нѣтъ ли чего у васъ? — послѣ недолгаго молчанья спросилъ отецъ Израиль.

— Марья Ивановна пріѣхала погостить, а больше того никакихъ нѣтъ новостей, — отвѣтилъ Пахомъ.

— Ну вотъ! Впрямь пріѣхала? Надолго ли? — спросилъ игуменъ.

— Не могу сказать.

— Не вздумаетъ ли обитель нашу посѣтить? Давненько не жаловала, третій годъ ужъ никакъ... Поклонъ ей усердный отъ меня, да молви, отецъ, молъ, игуменъ покорнѣйше проситъ его обитель посѣтить, — сказалъ Израиль.

— Доложу, — молвилъ Пахомъ. И, немного пореждавъ, сказалъ: — Марья Ивановна, почитаючи отца Софронія, наказывала попросить у вашего высокопреподобія, отпустили бы вы его повидаться съ ней.

Не сразу отвѣтилъ отецъ Израиль. Нахмурился и принялъ видъ озабоченный. Потомъ, не говоря ни слова, началъ пальцами по столу барабанить.

— Охъ, не знаю, что̀ и сказать тебѣ на это, Пахомъ Петровичъ. Дѣло-то не совсѣмъ простое. Невпримѣръ бы лучше было Марьѣ Ивановнѣ самой къ намъ пожаловать, здѣсь и повидалась бы она съ Софроніемъ. Въ прошломъ году, какъ новый владыка посѣтилъ нашу обитель, находился въ большомъ неудовольствіи и крѣпко журилъ меня, зачѣмъ я его къ стороннимъ людямъ пускаю. За ограду не благословилъ его пускать. Соблазну, говоритъ, много отъ него. Владыкѣ-то, видишь, многіе изъ благородныхъ и даже изъ про-

стыхъ жалобы на него приносили — безчинствуетъ-де повсюду. Боюсь, Пахомъ Петровичъ, боюсь прогнѣвить владыку. Онъ вѣдь строгій, взыскательный...

— Да вѣдь ежели, ваше высокопреподобіе, отпустите отца Софронія, такъ я до самыхъ Луповицъ нигдѣ не остановлюсь и назадъ такъ же повезу. А въ Луповицахъ изъ барскаго дома ходу ему нѣтъ, — сказалъ Пахомъ. — Явите милость, Марья Ивановна крѣпко-накрѣпко приказала просить васъ.

— Нѣтъ, другъ, нельзя, — рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Израиль. — Боюсь... Ну какъ вдругъ владыка узнаетъ?.. Не тебя и не Марью Ивановну станетъ тазать. Такъ али нѣтъ, отецъ Анатолій?

— Извѣстно, — молвилъ казначей, зѣвая всѣмъ ртомъ нараспашку и творя надъ нимъ крестное знаменіе.

— Видишь ли, — обратился игуменъ къ Пахому. — Нѣтъ, другъ, поклонись ты отъ меня благотворительницѣ нашей Марьѣ Ивановнѣ, но скажи ей, что желанія ея исполнить не могу. Очень, молъ, скорбитъ отецъ игуменъ, что не можетъ въ семъ случаѣ сдѣлать ей угожденія... Охъ, бѣда, бѣда съ этими господами!..—прибавилъ онъ, обращаясь къ казначею.—Откажи—милостей не жди, сдѣлаю по-ихнему—отъ владыки немилости дожидайся... Да... Нѣтъ, нѣтъ, Пахомъ Петровичъ,—не могу.

— Да вѣдь не на долгое время, ваше высокопреподобіе. Пробылъ бы онъ въ Луповицахъ какую-нибудь недѣлю, много что двѣ, — началъ-было Пахомъ.

— Ишь что̀ сказалъ! — воскликнулъ отецъ Израиль. — А развѣ неизвѣстно тебѣ, что къ отцу Софронію богомольцы частенько за благословеньемъ приходятъ? Въ двѣ-то недѣли сколько, ты полагаешь, обитель отъ того получитъ?.. Мнѣ отъ отца казначея проходу не будетъ тогда. Такъ али нѣтъ, отецъ Анатолій?

Вмѣсто отвѣта казначей громогласно икнулъ и въ строгомъ молчаньи перекрестилъ уста свои.

Вынулъ Пахомъ изъ кармана пакетъ и, подержавъ его въ рукахъ минуты двѣ, спряталъ опять за пазуху.

— Это у тебя что̀? — полюбопытствовалъ отецъ Израиль.

— Нѣтъ, это такъ, — молвилъ Пахомъ. — Теперича, значитъ, оно не годится, — и, сказавъ засимъ: «прощайте, ваше высокопреподобіе», подошелъ къ благословенію.

— Что̀ за пазуху-то сунулъ? Письмо, что ли?.. — съ живостью спросилъ игуменъ.

— Нѣтъ, это такъ... Пустое, значитъ, теперь дѣло, — молвилъ Пахомъ.

— Да что, что такое?— съ нетерпѣньемъ ставъ съ мѣста, сказалъ отецъ Израиль.

— Барышня Марья Ивановна приказала-было отдать вашему высокопреподобію этотъ пакетецъ съ деньгами, ежель отпустите отца Софронія, — сказалъ Пахомъ.

— Такъ ты долженъ мнѣ отдать его, когда барышня приказала!.. Для чего-жъ не подаешь?.. Странно!.. — молвилъ игуменъ.

— Барышня приказывала отдать пакетъ, когда получу отца Софронія, а ежель не получу, велѣла деньги назадъ привезти.

— Гм!.. Вотъ что!.. Слышишь, отецъ Анатолій?

Отецъ казначей вмѣсто отвѣта опять икнулъ.

— Что съ тобой, отче?.. — спросилъ игуменъ.

— Со вчерашняго, — пробасилъ отецъ Анатолій.

— А-а! — протянулъ игуменъ.

— Кваску чрезъ мѣру испилъ... — молвилъ казначей.—Холодный, прямо со льду, а я былъ распотѣвши.

— Осторожнѣй надо, отче, осторожнѣй, — учительно промолвилъ отецъ Израиль.—Ты ужъ не молоденькій, утроба-то обветшала.

— Точно, — замѣтилъ отецъ Анатолій и еще икнулъ на всю келью.

— Благословите, ваше высокопреподобіе, на обратный путь, — сказалъ Пахомъ, подходя къ игумну подъ благословенье.

— Постой, другъ, погоди. Дай маленько сообразиться съ мыслями, — сказалъ игуменъ Пахому, не подавая благословенія.—Какъ бы это намъ обладить по-хорошему? Отецъ Анатолій, какъ бы это?

— Мнѣніе мое таково же, какъ и вашего высокопреподобія, — молвилъ казначей, сопровождая отвѣтъ свой икотой.

— Хоть бы водицы испилъ, — молвилъ игуменъ.—Слушать даже болѣзненно. Поди къ келейнику — онъ дастъ тебѣ напиться. Да какъ стаканъ-отъ въ руки возьмешь, приподними его да, глядя на донышко, трижды по трижды прочти: «помяни Господи царя Давида и всю кротость его». Помогаетъ. Пользительно.

Безмолвно поднялся съ мѣста отецъ Анатолій и, съ поникшей главой и долу опущенными глазами, пошелъ изъ кельи.

Молчалъ игуменъ, молчалъ и Пахомъ.

— Какое-жъ будетъ рѣшенье отъ вашего высокопреподобія? — спросилъ наконецъ Пахомъ.

— Не знаю, другъ, что и сказать тебѣ, — покачивая въ

раздумьѣ головой, сказалъ отецъ Израиль.—Дѣло-то опасное. Самъ посуди! И обители изъянъ — ропотъ пойдетъ, молва межъ братіи... И Марьѣ-то Ивановнѣ желательно угодить, и владычняго-то гнѣва страшусь. — «Ты, говоритъ, не смѣй Софрона никуда пускать». Такъ и сказалъ этими самыми словами. — «И безъ того, говоритъ, много толковъ обносится про него, а читывалъ ли, говоритъ, ты «Духовный регламентъ» Петра Великаго? Помнишь ли, чтò тамъ постановлено о ханжахъ и пустосвятахъ, а равно и о разглашеніи ложныхъ чудесъ и пророчествъ?..» Вотъ какія слова говорилъ владыка. Доложи господамъ, отецъ, молъ, игуменъ радъ бы всей душой, да опасается — въ отвѣтъ не попасть бы.

— Такъ ужъ благословите меня, ваше высокопреподобіе, въ путь отправляться, — снова подходя къ благословенію, молвилъ Пахомъ.

— Да ты повремени, отдохни сколько-нибудь, — сказалъ Израиль, не подавая благословенія. — Обожди маленько, обѣдня отойдетъ сейчасъ, въ трапезу пойдешь, преломишь хлѣбъ съ братіею. Самъ-то я не совсѣмъ домогаю, не пойду, такъ отецъ Анатолій тебя угоститъ.

— Нѣтъ ужъ, увольте меня, ваше высокопреподобіе, — сказалъ Пахомъ. — Надо къ вечеру домой поспѣть.

— Да ты не торопись... Ишь какой проворный, — тебѣ бы тяпъ-ляпъ да и корабль. Скоро, другъ, только блины пекутъ, а дѣло спѣхомъ творить — только людей смѣшить. Такъ не подобаетъ, — говорилъ игуменъ.

Подъ это слово воротился казначей. Ему облегчало, и онъ спокойно усѣлся на оставленное мѣсто.

— Какъ посовѣтуешь, отецъ Анатолій? — молвилъ ему игуменъ.—Не отпустить ли ужъ отца-то Софронія?..

— Все въ вашей власти, ваше высокопреподобіе,—сквозь зубы пробурчалъ казначей.

— Конечно, дѣло такое, что колется, — сказалъ отецъ Израиль.—Страшливо... Однакожъ и то надо къ предмету взять, что нельзя не уважить Марью Ивановну — она вѣдь наша истая благодѣтельница. Какъ по-твоему, отецъ казначей, можно-ль ей не уважить?

— Не уважить нельзя, — отвѣтилъ отецъ Анатолій.

— И самъ я тѣхъ же мыслей, — рѣшилъ игуменъ.—Хоть маленько и погрѣшимъ, да вѣдь ни праведный безъ порока ни грѣшный безъ покаянія не бываютъ на свѣтѣ. Пущу я Софрона-то.

— Отчего-жъ и не пустить? — промолвилъ отецъ Анатолій.— Пускали же прежде.

— Такъ облегчись, отче, сходи за нимъ самъ, собери его да приведи ко мнѣ въ келью, — сказалъ игуменъ.

Поклонился отецъ Анатолій и пошелъ изъ кельи.

— Давай письмецо-то, — сказалъ игуменъ Пахому, какъ только вышелъ казначей.

Тотъ подалъ ему запечатанный пакетъ. Вскрылъ его игуменъ — письма нѣтъ, только три синенькія. Нахмурилъ чело Израиль и, спѣшно спрятавъ деньги въ псалтирь, лежавшую рядомъ съ нимъ на диванѣ, сказалъ вполголоса:

— Охъ, охъ, охъ, охъ, охъ! На все-то теперь дороговизна пошла. Жить невозможно, особливо съ этакой семейкой. А изъ братіи никто и не помыслитъ попещись о монастырскихъ нуждахъ. Какъ всталъ поутру, первымъ дѣломъ кричитъ: «ѣсть хочу». А доходы умалились — благочестія въ народѣ стало меньше, подаянія поизсякли. Не знаешь, какъ и концы сводить. Хорошо другимъ обителямъ: гдѣ чудотворная икона, гдѣ ярманка, гдѣ богатыхъ много хоронится, а у насъ нѣтъ ничего. А нужды большія... Великія нужды! Попомни, Пахомъ Петровичъ, объ этомъ Андрею Александрычу. Сдѣлай милость.

Воротился казначей съ Софроніемъ. Блаженный пришелъ босикомъ, въ грязной старенькой свиткѣ *), подпоясанъ бечевкой, на шеѣ коротенькая манатейка, на головѣ порыжѣвшая камилавочка. Былъ онъ сѣдъ какъ лунь, худое, блѣдное, сморщенное лицо то и дѣло подергивало у него судорогой, тусклые глаза глядѣли тупо и безсмысленно.

— Кланяйся, проси благословенія у отца игумна, — сказалъ Анатолій, нагибая голову юродивому.

Софроній засмѣялся, но игуменъ все-таки благословилъ его и поднесъ руку къ губамъ юродиваго, а тотъ запѣлъ:

— Гласъ шестый, подымай шесты на игумена, на безумена.

— Дуракъ такъ дуракъ и есть, — сквозь зубы проворчалъ отецъ Израиль. — Что̀ сегодня дѣлалъ? — обратился онъ къ Софронію.

— Ничего, — заливаясь смѣхомъ, тотъ отвѣчалъ.

— Для чего-жъ не потрудился надъ чѣмъ-нибудь? — спросилъ игуменъ.

— Грѣхъ!.. Седни праздникъ, — молвилъ юродивый.

— Какой праздникъ?

— Седни праздникъ—жена мужа дразнитъ, на печь лѣзетъ, кукишъ кажетъ—на̀ тебѣ, муженекъ, горяченькій пирожокъ!— нараспѣвъ проговорилъ Софроній и опять захохоталъ.

— Въ гости хочешь? — спросилъ Израиль.

---

*) Монашеская рубаха.

— Харалацы, маралацы, стрень брень, кремень набекрень!—зачастилъ Софроній и потомъ высунулъ игумну языкъ.

Игуменъ отвернулся.

— Запри его, отче Анатолій, покамѣстъ не срядится Пахомъ Петровичъ, — сказалъ онъ. — Въ сторожку, что ли, на паперти. А то, пожалуй, еще забьется куда-нибудь, такъ цѣлый день и не разыщешь.

— Да я бы сейчасъ же въ обратный путь, ваше высокопреподобіе, — началъ-было Пахомъ, но игуменъ не далъ ему и договорить.

— Нѣтъ, другъ, нѣтъ... Ужъ извини... Этого я сдѣлать никакъ не могу. Хоть монастырь нашъ и убогій, а безъ хлѣба безъ соли изъ него не уходятъ. Обѣдня на исходѣ, отпоютъ, и тотчасъ за трапезу. Утѣшай гостя, отецъ Анатолій, угости хорошенько его, потчуй скуднымъ нашимъ брашномъ. Да мнѣ-жъ надо къ господамъ письмецо написать... Да вели, отецъ Анатолій, Софронія-то одѣть: свитку бы дали ему чистую, подрясникъ, рясу, чоботы какіе-нибудь... Не годится въ господскомъ домѣ въ такомъ развращеніи быть.

Раздались рѣдкіе удары въ подзвонокъ *).

— Ну вотъ и братія въ трапезу пошла. Ступай, отецъ казначей, угощай Пахома Петровича, а Софронію пищи въ сторожку поставить вели, — сказалъ Израиль. — Да чтобъ чинно въ трапезѣ сидѣли. А мнѣ ушицу сварить вели — молви отцу эконому, да хоть звено осетринки съ ботвиньей, что ли, подали бы, яичекъ всмяточку да творогу со сливками и съ сахаромъ, да огурчиковъ молоденькихъ, да леща свѣженькаго зажарить, яичками начинилъ бы его поваръ, и будетъ съ меня. Неможется что-то, за трапезу не пойду — поѣмъ келейно. Ну, Богъ васъ благословитъ — ступайте со Христомъ...

Послѣ трапезы, получивъ отъ игумна письма и благословенье, Пахомъ отправился съ блаженнымъ Софронушкой въ Луповицы.

— Тебѣ бы привязать его къ таратайкѣ-то веревкой, не то, пожалуй, соскочитъ, — совѣтовалъ отецъ Анатолій, провожая Пахома.

Пахомъ не понялъ совѣта.

— —

Приближался день, когда въ Луповицкомъ кораблѣ надлежало быть собору «вѣрныхъ-праведныхъ». Ни возни, ни

*) *Подзвонокъ* — самый маленькій колоколъ, которымъ пономари начинаютъ трезвонъ.

суеты, никакихъ приготовленій не было, все шло въ домѣ обычной чередой. Блаженнаго сдали на пасѣку подъ смотрѣнье престарѣлаго Кирилы. Николай Александрычъ наказалъ ему, глазъ бы не спускалъ онъ съ Софронушки, на одну пядь отъ себя не отпускалъ бы, чтобъ опять чего не накуралесилъ. Въ прежніе пріѣзды немало отъ него бывало проказъ: то собакъ раздразнитъ, а онѣ ноги искусаютъ, то съ пѣснію: «Яко по суху путешествова Израиль» по пруду пойдетъ шагать и очутится на тинистомъ днѣ... Однажды, вообразивъ себя Христомъ, вспомнилъ, что пора ему возноситься на небеса, и вознесся съ балкона второго этажа — едва вылѣчили. Съ того вознесенья блаженный сталъ еще глупѣе, зато стали считать его еще премудрѣе. «Харалацы да маралацы», «стрень да брень» стали чаще исходить изъ его устъ, а Божьи люди говорили одно: «безумное Божье превыше человѣческой мудрости».

Вечеромъ въ пятницу пришелъ старый матросъ Фуркасовъ прямо въ вотчинную контору. Хоть отъ Коршунова до Луповицъ и трехъ верстъ не было, но Семенъ Иванычъ съ ранняго утра шелъ почти до сумерекъ. Дорòгой, чтò ни встрѣтится ему живого на пути, надо всѣмъ-то онъ остановится и, не трогаясь съ мѣста, всѣмъ налюбуется. Жаворонокъ взовьется въ поднебесье и начнетъ оттуда заливаться веселыми пѣснями—матросъ замретъ на мѣстѣ, стоитъ ровно вкопаный, устремивъ взоры кверху и любуясь Божьей пташкой. Заяцъ, заслышавъ шаги человѣка, порскнетъ изъ овсовъ къ перелѣску, присядетъ и, прядая ушами, начнетъ озираться—Фуркасовъ и на него залюбуется, стоитъ, пока косой не скроется изъ виду. Желтенькая стрекогузка *) запрыгаетъ вдоль по дорогѣ — онъ ни съ мѣста, чтобы не потревожить чуткую птичку.

Рано въ субботу въ легонькомъ тарантасикѣ одинъ, безъ кучера, пріѣхалъ Дмитрій Осипычъ Строинскій, а вслѣдъ за нимъ, распѣвая во все горло «Всемірную славу», пришелъ и дьяконъ Мемнонъ, съ сапогами за плечами, въ нанковомъ подрясникѣ и съ зимней шапкой на головѣ. Онъ тоже у Пахома присталъ и, только-что вошелъ въ контору, полѣзъ въ подполье и завалился тамъ заснуть на прохладѣ вплоть до вечера. Кисловъ съ дочерью пріѣхали поздно, передъ самымъ собраньемъ.

Часу въ шестомъ Луповицкіе съ Дмитріемъ Осипычемъ по

---

*) *Стрекогузка*, *трясогузка*, иначе *мухоловка*—двухъ видовъ—голубоватая и желтая *motacilla*. Прыгая, она безпрестанно трясетъ длиннымъ хвостомъ своимъ.

ѣхали ко всенощной. Пошли въ церковь и конторщикъ Пахомъ съ матросомъ, и дьяконъ, и пасѣчникъ Кирила съ блаженнымъ юродомъ. Пошли и богадѣленки... Кисловы тогда еще не пріѣзжали, а Марья Ивановна съ Дуней остались дома. Несмотря на рабочую пору, церковь была полнехонька, точно въ большой праздникъ. Особенно много было женщинъ. Разнеслось по селу, что Пахомъ привезъ блаженнаго, и всѣ сошлись хоть поглядѣть на него. Софронушка и въ Луповицахъ пользовался всенароднымъ уваженьемъ, и здѣсь его считали святымъ, принимая каждое слово юрода съ благоговѣньемъ.

Дьяконъ и матросъ стали на крылосѣ дьячкамъ подпѣвать, а Софронушка къ самому амвону подошелъ. Толпа разступилась передъ нимъ, и онъ, усѣвшись середь церкви на полу, принялся грызть подсолнухи и кидать скорлупами въ народъ. Ихъ тщательно подбирали и прятали. Въ кого броситъ Софронушка — тому счастье. Кто удостоился такой милости, тотъ отходитъ въ сторону, давая мѣсто другимъ, жаждущимъ благодати во образѣ подсолнушныхъ скорлупъ. Еще не отошла всенощна, какъ Софронушкѣ вздумалось выйти изъ церкви. Стремительно вскочилъ онъ на̀ ноги и, бормоча какую-то безсмыслицу, быстро побѣжалъ къ выходу. Народъ разступался, давая блаженному дорогу, и весь почти вышелъ за нимъ изъ церкви. На погостѣ сѣлъ юродъ на свѣжую могилу, и тотчасъ бабы окружили его, осыпая вопросами насчетъ судьбы. Одаль стоявшая старушка, опираясь на клюку, набожно крестилась и въ сердечномъ умиленьи плакала радостными слезами.

— На свѣтика на моего на Самойлу Иваныча сѣлъ!—говорила недавно схоронившая мужа старушка. — Хорошо, надобыть, другу моему совѣтному на томъ свѣтѣ у Христа у Батюшки! Веселится, знать, мой Самойла Иванычъ во свѣтломъ раю! Недаромъ сѣлъ на могилку его блаженненькій.

Молоденькая женщина лѣтъ двадцати подошла къ Софронушкѣ. Протягиваетъ къ нему исхудалаго, чуть живого ребенка, а сама умоляетъ:

— Молви святое слово, батюшка отецъ Софронъ, не утай воли Божьей.... Будетъ аль не будетъ жить рабъ Божій младенецъ Архипушка?

Вскочилъ блаженный съ могилы, замахалъ руками, ударяя себя по бедрамъ ровно крыльями, запѣлъ пѣтухомъ и плюнулъ на ребенка. Не отерла мать личика сыну своему, радость разлилась по лицу ея, стала она набожно креститься и цѣловать своего первенца. Окруживъ счастливую мать, бабы заговорили:

— Будетъ живъ паренекъ, будетъ живъ, родная! Молись Богу, благодари святого блаженнаго!

Вынула молодица изъ-за пазухи бумажный платокъ и, съ низкимъ поклономъ подавая его блаженному, молвила:

— Прими, батюшка отецъ Софронъ, отъ всего моего усердія. Сдѣлай милость, прими.

Софронушка взялъ платокъ, скомкалъ его и бросилъ въ стоявшую неподалеку дѣвушку.

— Замужъ скоро выйти тебѣ, Оленушка,—заговорили бабы.— Готовь ручники *), сударыня!

Закраснѣлась Оленушка, взяла платокъ и спрятала даръ праведнаго мужа.

— Совѣтно ли съ мужемъ-то будетъ жить? Въ достаткѣ ли?.. Молви, батюшка отецъ Софронъ! — пригорюнясь, спрашивала насилу пробившаяся сквозь толпу мать Оленушки.

— А у дѣдушки Кирилушки пчелки-то гудятъ-гудятъ, колòшки на ножкахъ несутъ да несутъ, — запѣлъ блаженный и, не допѣвши, захохоталъ во все горло.

— Въ богатствѣ жить Оленушкѣ, — заговорили бабы.

— Совѣтно ли жить-то будутъ — не утай, скажи, батюшка отецъ Софронъ... — приставала Оленушкина мать.

Въ это самое время сквозь толпу продрался мальчишка лѣтъ девяти. Закинувъ ручонки зà спину и настежь разинувъ ротъ, глядѣлъ онъ на Софронушку. А тотъ какъ схватитъ его за бѣлые волосенки и давай трепать. Въ источный голосъ заревѣлъ мальчишка, а юродъ во всю прыть помчался съ погоста и сѣлъ на селѣ у колодца. Народъ валòмъ повалилъ за нимъ. Осталось на погостѣ человѣкъ пятнадцать, не больше.

— Нишкни, а ты, Ермолушка, нишкни! — унимаютъ бабы разревѣвшагося парнишку. — Богъ здоровья дастъ, а вырастешь большой, ума у тебя много будетъ. Счàстливый будешь, таланливый.

Парнишка не унимался, хоть и отецъ его съ матерью утѣшали и приказывали не ревѣть, а въ церковь идти да за великую благодать Богу помолиться. Насильно увели мальчугана съ погоста.

— А Оленушкѣ житьецо-то придется, видно, не больно ахти,— говорили на погостѣ бабы.—Бить станетъ сердечную... Недаромъ блаженный Ермолкѣ вихры-то натрепалъ.

— Вѣстимо, будетъ драчунъ,—говорили другія.—Ермолку на

---

*) *Ручникъ* — полотенце. Ручниками просватанныя невѣсты дарятъ жениховыхъ поѣзжанъ.

счастье блаженный потаскалъ, а Оленушкѣ горьку судьбину напророчилъ.

— Помните, бабы, какъ онъ Настасьѣ Чуркиной этакъ же судьбу пророчилъ? — бойко, развязно заговорила и рѣзкимъ голосомъ покрыла общій говоръ юркая молодая бабенка изъ такихъ, какихъ по деревнямъ зовутъ «урви да отдай». — Этакъ же спросили у него про ея судьбину, а Настасья втѣпоры была ужъ просватана, блаженный тогда какъ хватитъ ея братишку по загорбку... Теперь братъ-отъ у ней вонъ какой сталъ, торгуетъ да деньгу копитъ, а Настасьюшку мужъ каждый Божій день бьетъ да колотитъ.

— А для че жену не поколотить, коли заслужила?.. — съ усмѣшкой молвилъ пожилой, мрачный и сердитый мужикъ. — Не горшокъ — не расшибешь!..

— А расшибешь, такъ берестой не обовьешь, — подскочивъ къ нему, подхватила юркая бабенка. — Намъ всѣмъ въ запримѣту, у всѣхъ, чать, на памяти, какъ мужья по двѣ жены въ гробъ заколачиваютъ. Теперь и на третьей рады бы жениться, да такой дуры не сыскать на всемъ вольномъ свѣту, чтобы за такого драчуна пошла.

— Смотри, егоза, не больно сорочи *), не то тако словцо при народѣ скажу, что до утра не прочихаешься, — огрызнулся драчливый вдовецъ.

— Какò тако слово?.. Какò?.. Говори, говори! — приставала бабенка, да такъ начала на вдовца наскакивать, что тотъ, не говоря худого слова, долой съ погоста.

А Оленушка стоитъ пригорюнившись, а у матери ея на глазахъ слезы. Бабы ихъ уговариваютъ, хотятъ утѣшить.

— Эхъ, Оленушка, Оленушка! Да съ чего ты, болѣзная, таково горько кручинишься?.. Такая ужъ судьба наша женская. На томъ свѣтѣ стоитъ, милая, чтобъ мужу жену колотить... Не при насъ заведено, не нами и кончится! Мужнины побои — дѣло обиходное, сыщи-ка на свѣтѣ хоть одну жену небитую. Опять же и то сказать: не бьетъ мужъ, значитъ, не любитъ жену.

Не утѣшили уговоры Оленушку, не осушили они глазъ ея матери.

А на селѣ у колодца вкругъ юродиваго такой сходъ собрался, что руки сквозь людей не просунуть. Всѣ лѣзутъ къ Софронушкѣ про судьбу спросить, а инымъ хочется узнать: какой воръ лошадушку свелъ со двора, кто новину **) съ луга

---

*) *Сорочить* — рѣзко болтать вздоръ или пустяки, языкъ чесать.

**) *Новина* — крестьянскій суровый холстъ.

скралъ, кто буренушкѣ хвостъ обрубилъ, какъ забралась она въ яровое, какой лиходѣй бабу до того испортилъ, что собакой она залаяла, а потомъ и выкликать начала. Бабы и руки и одежу у отца Софрона цѣловали. До того были усердны, что вздумали во что бы ни стало волосиковъ съ блаженнаго добыть—пользительны, слышь, очень они, ежель водицы на нихъ налить и той водицей напоить недужнаго. И до того бабы усердствовали, что блаженный крѣпился-крѣпился да какъ заоретъ во всю мочь. Насилу вытащили его изъ толпы дворецкій съ Пахомомъ и отвели изъ села въ безопасное мѣсто—на пасѣку. Бабы тѣмъ недовольны остались...

Увели блаженнаго, и всѣ разошлись по домамъ. Дослушивать службу въ церковь никто не пошелъ. Большухи *), возвратясь домой, творя шопотомъ молитву, завертывали въ бумажку либо въ чистый лоскутокъ выплюнутыя Софронушкой скорлупы, а тѣ, что̀ сподобились урвать цѣльбоносныхъ волосиковъ со главы или изъ бороды блаженнаго, тутъ же ихъ полагали, а потомъ прятали въ божницу за иконы вмѣстѣ съ хлопчатой бумагой отъ мощей, съ сухимъ артосомъ, съ огаркомъ страстной свѣчи и съ громовой стрѣлкой **). Въ каждомъ домѣ за ужиномъ только и рѣчи было, что про батюшку отца Софрона — припоминали каждое его слово, каждое движенье, и всякъ по-своему протолковывалъ, что̀ бы такое они означали. Поужинавши, спать полегли — кто въ клѣти, кто на сѣновалѣ, кто на житницѣ, а кто и на дворѣ въ уголку, либо на матушкѣ на сырой землѣ въ огородѣ... А въ избахъ пусто. Жарко ужъ очень и душно, тамъ никакъ не уснешь.

Сильнѣй и сильнѣе темнѣетъ, тихій безоблачный вечеръ смѣняется такою же тихою, теплою, душною ночью. Луны нѣтъ, на блѣдно-сѣромъ небесномъ сводѣ кой-гдѣ мерцаютъ звѣздочки, а вечерняя заря передвигается съ солнечнаго заката къ востоку. Пала роса, хоть не очень обильная, но все-таки благоуханіе испареній съ душистыхъ травъ и цвѣтовъ наполнило воздухъ. Душно. Па̀ритъ отъ долгой засухи, скоро, видно, дождется народъ православный Божьей благодати —

---

*) *Большуха* — старшая въ семьѣ женщина.

**) *Артосъ* по-гречески кислый хлѣбъ. У насъ артосомъ или *артусомъ* зовутъ хлѣбъ, носимый на Пасху вокругъ церкви, а въ субботу Святой недѣли раздаваемый народу. *Страстная свѣча* — съ которою стояли за церковными службами Вербнаго воскресенья, Великой пятницы, Великой субботы и Свѣтлаго воскресенья. *Громова стрѣлка*—пальчатая сосулька, образовавшаяся отъ удара молніи въ песокъ, часть котораго мгновенно расплавилась. Также — белемнитъ, окаменѣлый допотопный червь. И то и другое зовется также *чортовымъ пальцемъ*.

грозы съ дождемъ. Безъ того совсѣмъ бѣда, яровые пожелтѣли, озимый колосъ не наливается — травы выгорѣли. Чего ужъ ни дѣлали православные? И молебны-то пѣли, и образа-то поднимали, и по полямъ съ крестами ходили, и поповъ поили, кормили — а все Господь не шлетъ дождичка, что̀ хочешь дѣлай... По небеснымъ закроямъ поминутно вспыхиваетъ зарница. Быть грозѣ, быть дождю...

Сослалъ Господь съ тихаго неба на шумную землю покой безмятежный. Ходитъ сонъ по селамъ, дрема по деревнямъ; ни ближняго говора ни дальняго людского гомона не слышно. Все затихло, все замолкло; лишь кузнечики тянутъ неугомонныя свои пѣсни, перепела во ржи перекликаются да дергачъ *) рѣзкимъ голосомъ кричитъ на болотѣ. Изрѣдка собаки ни съ того ни съ сего поднимутъ безтолковый лай. Померещится кудлашкѣ, что чужой на дворѣ, тявкнетъ разъ, тявкнетъ другой, третій, и по всѣмъ дворамъ поднимается лай. Налаявшись досыта, одинъ песъ, опустивъ хвостъ, уляжется, бурча понемножку, зѣвнетъ и заснетъ. За нимъ и другая и третья собака, и опять на селѣ мертвая тишина, и опять нигдѣ ни звука.

Спитъ село, а въ барскомъ домѣ глазъ не смыкаютъ. Въ ночной тиши незримо отъ людей нѣчто необычное тамъ совершается.

Глава четвертая.

Въ нижнемъ этажѣ барскаго дома, подъ той самой съ мраморными стѣнами залой, что̀ такъ понравилась Дунѣ въ день ея пріѣзда, была точно такая же обширная комната, хоть и не такъ разукрашенная. Никогда не отпиралась она, и ключъ отъ нея всегда былъ въ карманѣ у Николая Александрыча. Дневной свѣтъ не проникалъ въ ту комнату, толстыя ставни, вдѣланныя въ окна, не отворялись. Во время о̀но у генерала Луповицкаго до перемѣны его бывало тутъ безпросыпное пьянство, и туда по бурмистрову приказу десятками приводили разряженныхъ дѣвокъ и молодицъ... Теперь она зовется «кладовою», хоть ни старыхъ ни новыхъ домашнихъ вещей и никакого хламу въ ней нѣтъ.

Это — сокровенная «Сіонская горница». Тутъ бываютъ радѣнья Божьихъ людей. Рядомъ вдоль всей горницы коридоръ, а по другую его сторону семь небольшихъ комнатъ, каждая

*) *Дергачъ*, иначе *коростель* — болотная птица, средняя между перепеломъ и водяной курочкой, *Rallus rex*.

въ одно окно безъ дверей изъ одной въ другую. Во время ὀно въ тѣ комнаты уединялись генеральскіе собутыльники съ дѣвками да молодками, а теперь люди Божьи, готовясь къ радѣнью, облачаются тутъ въ «бѣлыя ризы». Предъ Сіонской горницей были еще комнаты, уставленныя старой мебелью, онѣ тоже бывали назаперти. Во всемъ нижнемъ этажѣ пахло сыростью и затхлостью.

Только-что смерклось, въ комнату, что̀ передъ Сіонской горницей, стали собираться люди Божьи. Прежде всѣхъ пришли богадѣленныя. Привели онѣ и Лукерьюшку, еще не видавшую соборовъ людей, познавшихъ тайну сокровенную. Привела Матренушка и дочку свою духовную, не вполнѣ еще пріобыкшую къ таинственнымъ обрядамъ Василисушку. Раза три бывала она на радѣньяхъ, слыхала и словеса пророческія и новыя пѣсни, но еще не была «приведена». На Лукерьюшкѣ и на Василисѣ были надѣты синія поневы, новенькія съ иголочки. Въ синихъ, а не въ красныхъ, какъ ходятъ дѣвушки въ той сторонѣ, онѣ были одѣты — то знакъ отреченія отъ суеты міра и отъ замужней жизни.

Богадѣленныя разсѣлись по кресламъ и стульямъ, обитымъ обветшалымъ бархатомъ. Немного погодя пришелъ дворецкій Сидоръ съ цѣлымъ ворохомъ пальмовыхъ вѣтвей. Молча, строгимъ взоромъ окинулъ онъ богадѣленныхъ и приведенныхъ ими дѣвицъ, нѣтъ ли на комъ серегъ либо колецъ, чисты-ль у всѣхъ платки и полотенца. За дворецкимъ пришелъ приказчикъ Пахомъ съ дьякономъ и матросомъ, насѣчникъ съ Софронушкой, ключница съ Серафимушкой. Всѣ сидѣли молча, недвижно склонивши головы и не глядя другъ на друга. Блаженный присѣлъ возлѣ печки на полу и, разсыпавъ кучку лутошекъ, принялся строить изъ нихъ домикъ. Никто на него не смотрѣлъ.

— Всѣ, кажется, въ сборѣ,—тихо промолвилъ дворецкій.— Пойти доложить господамъ. Время.

Ни словомъ ни движеньемъ никто не отозвался ему. Только блаженный ни съ того ни съ сего захохоталъ во всю мочь, приговаривая:

— Баре придутъ, медку принесутъ, чайкомъ попоятъ, молочка дадутъ...

Дворецкій пошелъ наверхъ, и не прошло пяти минутъ, какъ одинъ за другимъ пришли: Николай Александрычъ съ братомъ, съ невѣсткой и племянницей, Кисловъ съ Катенькой, Строинскій Дмитрій Осипычъ.

Вошли, стали въ кругъ и начали другъ другу земно кланяться.

— Христосъ воскресе! — сказалъ Николай Александрычъ.

— Свѣтъ истинный воскресе! — пѣвучимъ голоскомъ отвѣтила Катенька Кислова.

— Богъ истинный воскресе! — громко вскрикнулъ самъ Кисловъ.

— Сударь батюшка воскресе! — еще громче закричалъ Дмитрій Осипычъ.

— «Воскресъ Іисусъ отъ гроба яко же пророче, даде намъ животъ вѣчный и велію милость», — скороспѣшно заревѣлъ дьяконъ на церковный напѣвъ.

А другіе продолжали обычныя у Божьихъ людей другъ другу привѣтствія:

— Царь царямъ воскресъ!

— Богъ богамъ воскресъ!

А блаженный, сидя на полу, строитъ себѣ домикъ да подъ носъ выпѣваетъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ».

Вынулъ изъ кармана ключъ Николай Александрычъ и отперъ тяжелый замòкъ, висѣвшій на желѣзныхъ дверяхъ Сіонской горницы. Вошелъ онъ туда только съ братомъ и дворецкимъ. Прочіе остались на прежнихъ мѣстахъ въ глубокомъ молчаньи. Одинъ Софронушка вполголоса лепеталъ какую-то безсмыслицу, да дьяконъ, соскучась, что долго не отворяютъ дверей, заголосилъ:

— «Возьмите врата князи ваша и возьмите врата вѣчныя и внидетъ царь славы! Кто есть сей царь славы? Господь силъ — той есть царь славы» *).

Какъ ни унимали Мемнона, уйму не было. Очень ужъ расходился зычный голосъ отца дьякона.

Растворились наконецъ двери, и Божьи люди одинъ за другимъ вошли въ ярко освѣщенную Сіонскую горницу. Тамъ въ двухъ старинной работы люстрахъ, похожихъ на церковныя паникадила, со множествомъ граненыхъ хрустальныхъ подвѣсокъ, горѣло больше полусотни свѣчъ. Въ трехъ углахъ и по сторонамъ дверей входной и другой, чтò выходила въ коридоръ, стояли высокіе бронзовые канделябры тоже съ зажженными свѣчами, а въ переднемъ углу передъ образами теплилось двѣнадцать разноцвѣтныхъ лампадъ. Весь потолокъ былъ расписанъ искусной кистью извѣстнаго въ свое время художника Боровиковскаго **), бывшаго въ кораблѣ Татари-

*) Псаломъ XXIV.

**) Совѣтникъ академіи художествъ, ученикъ Лампи (ум. въ 1825 г.), былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ хлыстовскаго корабля Татариновой. Въ 1819 г. онъ на потолкѣ Сіонской горницы, бывшей въ квартирѣ Татариновой, въ Михайловскомъ замкѣ, написалъ Святого Духа, окруженнаго

новой и пріѣзжавшаго въ Луповицы для живописныхъ работъ въ только-что устроенной тамъ Сіонской горницѣ. На потолкѣ были изображены парившіе въ небесахъ ангелы, серафимы, херувимы, девятью кругами летали они одинъ кругъ въ другомъ, а въ срединѣ парилъ Святой Духъ въ видѣ голубя съ сіяніемъ, озаряющимъ парящіе круги небесныхъ силъ. По стѣнамъ развѣшаны были картины того же художника: «Распятіе плоти», «Изліяніе благодати», «Ликовствованіе», «Ангельскій соборъ», точно такой же, какъ на потолкѣ, а возлѣ него соборъ Катерины Филипповны *). Она была изображена сидящею среди участниковъ «духовнаго союза», между ними генералъ Луповицкій съ женой, трое важныхъ духовныхъ особъ, нѣсколько человѣкъ со звѣздами, на одномъ низенькомъ гладко выбритомъ старичкѣ была даже андреевская. Вдоль стѣнъ разставлены были стулья и диванчики; другой мебели въ Сіонской горницѣ не было, кромѣ стола въ переднемъ углу, накрытаго чистой скатертью изъ гладкаго серебрянаго глазета. На немъ лежали золотой напрестольный крестъ и въ дорогомъ окладѣ евангеліе.

Кто ни входилъ въ Сіонскую горницу, клалъ по нѣскольку земныхъ поклоновъ передъ образами и передъ картинами и послѣ того уходилъ въ коридоръ. Остались Лукерьюшка съ Василисой; по приказу Матрены онѣ сидѣли у входной двери. Вскорѣ пришла Марья Ивановна въ черномъ платьѣ и привела Дуню. На ней было бѣлое платье изъ пике, подпоясанное бѣлой лентой, на головѣ и на шеѣ изъ плотной шелковой ткани платки, даже башмачки были бѣлые атласные. Ни серегъ въ ушахъ ни колецъ на пальцахъ. Одѣвая ее, Марья Ивановна даже золотой тѣльной крестъ смѣнила ей на деревянный и повѣсила его на бѣломъ шнуркѣ.

Посадила Марья Ивановна Дуню возлѣ Лукерьюшки, а по другую сторону сама сѣла.

Поразилъ Дуню видъ ярко освѣщенной и своеобразно убранной Сіонской горницы. Она пришла въ недоумѣнье и на все смотрѣла удивленными глазами.

— Чтò это такое? — спросила она у Марьи Ивановны, указывая на потолокъ.

— Девять чиновъ ангельскихъ въ небесномъ восторгѣ носятся кругами, а посреди ихъ Духъ Святой, — сказала Марья Ивановна.—Знаешь стихеру на Благовѣщенье: «Съ небесныхъ

девятью кругами небесныхъ силъ. Писалъ картину съ портретами членовъ корабля и другія. Онъ ѣзжалъ и въ провинцію къ богатымъ хлыстамъ-помѣщикамъ.

*) Татариновой.

круговъ слетѣлъ Гавріилъ»? Вотъ они, тѣ небесные круги. Такими же кругами и должны мы носиться предъ Богомъ и прославлять его въ «пѣсняхъ новыхъ». Увидишь, услышишь...

— А это что̀? — спросила Дуня, указывая на картину «Ликовствованіе». На ней изображенъ былъ Христосъ съ овечкой въ рукахъ, среди круга ликующихъ ангеловъ. Одни изъ нихъ пляшутъ, другіе плещутъ руками, третьи играютъ на гусляхъ, на свирѣляхъ, на скрипкахъ, на трубахъ. Внизу царь Давидъ пляшетъ съ арфой въ рукахъ и плещущіе руками пророки и апостолы. Подвела Марья Ивановна Дуню къ картинѣ.

— Читай, — сказала она. — Видишь, надъ Христомъ что̀ написано? «Обрѣтохъ овцу Мою погибшую». Читай теперь нижнюю надпись: «Тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девятидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія» *). Такое ликовствованіе бываетъ въ небесахъ, такое же и здѣсь у насъ бываетъ. Увидишь... Не соблазнись только, но съ вѣрою твердо держи на умѣ, что врагъ не дремлетъ и такія теперь противъ тебя козни будетъ строить, какихъ никогда еще не строивалъ. Не хочется ему, чтобы ты, ругаясь его міру и злой его власти, вошла во святой кругъ Божьихъ людей. Всячески будетъ онъ соблазнять тебя... Какъ только начнется святое дѣло, я ни на шагъ не отойду отъ тебя... Сказывай мнѣ каждую свою мысль, каждое сомнѣнье, каждое недоумѣнье. Нарочно не пойду во святой кругъ, чтобъ быть возлѣ тебя.

— Что-жъ здѣсь такое? Ни такого убранства ни такого множества свѣчъ никогда я не видывала, — молвила Дуня.

— Здѣсь Сіонская горница, — сказала Марья Ивановна. — Такая же, въ какой нѣкогда собраны были апостолы, когда сошелъ на нихъ Духъ Святой. И здѣсь увидишь то же самое. Смотри, — продолжала она, подходя съ Дуней къ картинѣ «Изліяніе благодати».

— Это что̀? — спросила Дуня.

— Видишь — отрокъ въ бѣлой одеждѣ, — сказала Марья Ивановна. — Видишь, раскрылись надъ нимъ небеса, видишь, Духъ Святой изливаетъ на него Свою благодать. Такъ и здѣсь, въ Сіонской горницѣ, она невидимо на кругъ Божьихъ людей изливается. «Тайная вечеря» здѣсь уготована, сокровенная небесная тайна земнымъ людямъ здѣсь открывается. Блюди же себя, храни душу отъ лукаваго, о каждомъ помыслѣ мнѣ говори... Забудь о мірѣ и суетахъ его, забудь и о тѣлѣ

*) Луки XV, 6 и 7.

своемъ, будь равнодушна ко всему, что̀ въ мірѣ... Тотъ лишь достигаетъ блаженства, кто видя не видитъ, кто слыша не слышитъ... Тотъ блаженъ, кто глухъ къ говору сердца, тотъ лишь блаженъ и преблаженъ, кто въ печали не скорбитъ и въ счастьѣ не радуется. Тотъ блаженства преисполненъ, для кого и радость и горе, и счастье и несчастье равны. Главное — возненавидь свое тѣло, возненавидь его, какъ темницу души, построенную врагомъ Бога и человѣковъ... Сама посуди, для чего это тѣло? На что оно уготовано? Чтобы черви потомъ съѣли его. Какая ни будь женская красота, хоть бы весь міръ не могъ надивиться ей — что̀ такое она?.. Пища могильныхъ червей... Да и что̀ это за тѣло? Полно нечистотъ, называть ихъ даже за стыдъ почитается самими чувственными людьми. Кости, мясо, жилы, кровь, желчь — вотъ и все!.. Возьми каждое порознь — мерзость... А все вмѣстѣ — красивая, сстроенная лукавымъ тюрьма для святой и вѣчной души человѣческой, изліянной изъ самого Божества... Давно хотѣла я сказать тебѣ все это, но, обсудивши, оставила до теперешнихъ минутъ, когда воочію увидишь корабль людей Божьихъ, управляемый небеснымъ кормщикомъ Святымъ Духомъ. Убивай грѣшное тѣло, умерщвляй пакостную плоть свою, не давай врагу веселиться. Всячески утомляй тѣло постомъ и трудомъ, чтобъ не смѣло оно, скверное, съ твоимъ духомъ бороться.

Молчала Дуня, складывая въ сердцѣ своемъ слова Марьи Ивановны.

Вошелъ въ Сіонскую горницу Николай Александрычъ въ длинной, до самыхъ пятъ, рубахѣ изъ тонкаго полотна, съ необыкновенно широкимъ подоломъ. Подпоясанъ онъ былъ малиновымъ шелковымъ шнуркомъ, на ногахъ одни чулки. Въ правой рукѣ держалъ онъ пальмовую вѣтвь, въ лѣвой бѣлый платокъ. Черезъ плечо у него было перекинуто тонкое полотняное полотенце безъ кружевъ, безъ вышивокъ. Точно такъ же были одѣты и Андрей Александрычъ, и Кисловъ, и Строинскій. Варвара Петровна съ дочерью и Катенька въ такихъ же точно рубашкахъ, шеи у нихъ были повязаны батистовыми, а головы шелковыми бѣлыми платками. Остальные люди Божьи въ такихъ же одеждахъ, только не голландскаго полотна, а тонкаго крестьянскаго холста. У всѣхъ въ рукахъ пальмы, у всѣхъ бѣлые платки и у каждаго черезъ плечо полотенце. Платки «покровцами», полотенца — «знаменами» назывались.

Медленнымъ шагомъ, съ важностью во взорѣ, въ походкѣ и голосѣ, Николай Александрычъ подошелъ къ столу, часто повторяя: «Христосъ воскресе, Христосъ воскресе!». Прочіе стали передъ нимъ полукругомъ — мужчины направо, жен-

щицы налѣво. И начали они другъ другу кланяться въ землю по три раза и креститься одинъ на другого обѣими руками.

— Зачѣмъ это они другъ на друга молятся? — прошептала Дуня. — Развѣ можно молиться на людей? Вѣдь они не святые, не угодники.

— Именно они святые угодники, — сказала Марья Ивановна. — Великой цѣной искуплены они Богу и Агнцу. Всѣ мы святые праведные, нѣтъ между нами ни большого ни малаго, всѣ едино во Христѣ. Ни мужъ ни жена, ни рабъ ни господинъ, ни богатый ни убогій, ни знатный ни нищій — не рознятся въ Сіонской горницѣ... Всѣ равны, всѣ равно святы и праведны.

— Да зачѣмъ же молиться на людей? — въ недоумѣньи спрашивала Дуня.

— А помнишь заповѣдь? — сказала Марья Ивановна. — «Не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, да не поклонишися имъ и не послужиши имъ»... Когда мы бываемъ въ искаженной и забывшей Божьи уставы мірской церкви, то и мы поклоняемся подобіямъ, то-есть образа̀мъ, но дѣлаемъ это, чтобъ избѣжать подозрѣній. А здѣсь, втайнѣ отъ темныхъ людей, не разумѣющихъ силы писанія, поклоняемся единому истинному образу и подобію Божью... Въ чемъ Его образъ и подобіе?.. Въ человѣкѣ... Одного человѣка создалъ Господь по образу Своему и подобію. Не тѣло — снѣдь червей, а душа, изліяніе Божества Его, образъ Его и подобіе. Ей Божьи люди и поклоняются.

Сѣлъ у стола Николай Александрычъ, остальные разсѣлись по стульямъ и диванчикамъ. Мало посидя, всталъ онъ и, поклонясь собранію въ землю, возгласилъ:

— Простите, братцы и сестрицы мои любезные, простите ради Государя нашего милостиваго, ради Батюшки нашего Свѣта Искупителя, ради Духа Святого нашего утѣшителя.

И всѣ земно ему поклонились. И каждый, кланяясь, приговаривалъ:

— Ты насъ прости, батюшка, ты насъ прости, красное солнышко, ты насъ прости. труба живогласная!.. Созови къ намъ съ небесъ Духа Святого утѣшителя, покрой насъ грѣшныхъ Господнимъ покровомъ!..

Снова кормщикъ сѣлъ у стола, выдвинулъ ящикъ, вынулъ книгу, сталъ ее читать. Всѣ слушали молча съ напряженнымъ вниманіемъ, кромѣ блаженнаго Софронушки. Разлегся юродъ на диванчикѣ и бормоталъ про себя какую-то чепуху. А Николай Александрычъ читалъ житіе индѣйскаго царевича Іоасафа

и наставника его старца Варлаама, читалъ еще объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, читалъ житіе Андрея Христа ради юродиваго. Потомъ говорилъ поученіе:

— Прославляйте Бога въ грѣшныхъ тѣлесахъ, прославляйте Его во святыхъ душахъ вашихъ. Плоть смиряйте, безъ жалости умерщвляйте, душу спасайте, изъ вражьей темницы свобождайте. Лукавому не предавайтесь, бѣгайте его, храните чистоту тѣлесную и душевную. Тѣлесную чистоту надо постомъ хранить, трудами, цѣломудріемъ, больше всего цѣломудріемъ. Вы, мужескъ полъ, сколь можно рѣже глядите на женъ и дѣвицъ. Вы, жены и дѣвицы, пуще огня мужчинъ опасайтесь, врагъ не дремлетъ, много святыхъ и праведныхъ погублялъ онъ плотскою страстью. Ничего, что̀ живетъ и что̀ движется на землѣ и въ воздухѣ, отнюдь не вкушайте; рыбу вкушать можно, а лучше и ее въ ротъ не брать. Вина не пейте, ни браги, ни пива, ничего хмельного — вино кровь самого князя враговъ Божьихъ — бойтесь къ нему прикасаться, проклято оно Богомъ Вышнимъ. Всего лучше, всего праведнѣй — питаться духомъ, тѣлесный голодъ утолять пѣніемъ и радѣніемъ. На свадьбы, на родины, на крестины, даже на похороны не ходите, суетныхъ мірскихъ веселій бѣгайте какъ огня, всячески ихъ чуждайтесь. То служеніе врагу, отцу лжи и всякаго зла. Сердце чисто созиждите въ себѣ, духъ правды храните въ душахъ своихъ праведныхъ.

И долго, долго говорилъ Николай Александрычъ поученіе. Дунѣ понравилось оно.

Близко къ полночи. Божьи люди стали пѣть духовныя пѣсни. Церковный канонъ Пятидесятницы пропѣли со стихирами, съ сѣдальнами, съ тропарями и кондаками. Тутъ отличался дьяконъ — гремѣлъ на всю Сіонскую горницу. Потомъ стали пѣть псальмы и духовные стихи. Не удивилась имъ Дуня—это тѣ же самыя псальмы, тѣ же духовные стихи, что̀ слыхала она въ Комаровскомъ скиту въ келарнѣ добродушной матери Виринеи, а иногда и въ кельѣ самой матушки Манефы.

На колокольнѣ сельской церкви ударило двѣнадцать. Донеслись колокольные звуки и въ Сіонскую горницу. Божьи люди запѣли церковную пѣснь: «Се женихъ грядетъ въ полунощи», а потомъ новую псальму, тоже по скитамъ знакомую Дунѣ. Хоть и не слово въ слово, а та же самая псальма, что̀ и скитская.

Тайно воcплещемъ руками,
Тайно воспляшемъ, духомъ веселяще.
Духовныя мысли словесно плодяще!
Яко руками восплещемъ устами

Духъ Святый съ нами, Духъ Святый съ нами!
Гласы различны днесь съединяйте,
Новыя пѣсни Агнцу воспѣвайте,
Духъ Святъ насъ умудряетъ,
Яко же хощетъ дары раздѣляетъ —
Дары превелики — апостольски лики,
Ангельское пѣнье, небесно радѣнье...
Дары премноги шлетъ Духъ во языки,
Шлетъ во языки, шлетъ во языки...
Мужіе и жены, силы исполнися,
Яко піаны язычникомъ явишася,
Древле не знаны, сташа познанны,
Гласы преславны, гласы преславны!..
Въ немощахъ силу намъ Богъ обѣщаетъ,
Духъ Святый здѣсь приходъ совершаетъ,
Изъ пастырей — царей, изъ немудрыхъ рыбарей
Апостоловъ творитъ, апостоловъ творитъ!

Только-что кончили эту псальму, по знаку Николая Александрыча всѣ вскочили съ мѣстъ и бросились на средину Сіонской горницы подъ изображенье Святого Духа. Прибѣжалъ туда и блаженный Софронушка. Поднявъ руки кверху и взирая на святое изображенье, жалобнымъ заунывнымъ напѣвомъ Божьи люди запѣли главную свою пѣсню, что зовется ими «молитвой Господней»:

Дай къ намъ, Господи, дай къ намъ Іисуса Христа,
Дай къ намъ Сына Божьяго и помилуй, Сударь, насъ!..
Пресвятая Богородица, упроси за насъ Сына Твоего,
Сына Твоего, Христа Бога нашего,
Да Тобою спасемъ души наши многогрѣшныя *).

Громче и громче раздавалась хлыстовская пѣсня. Закинувъ назадъ головы, разгорѣвшимися глазами смотрѣли Божьи люди вверхъ на изображенье Святого Духа. Поднятыми дрожащими руками они какъ будто манили къ себѣ свѣтозарнаго голубя. Съ блаженнымъ сдѣлался припадокъ падучей, онъ грянулся оземь, лицо его исказилось судорогами, вокругъ рта заклубилась пѣна. Добрый знакъ для Божьихъ людей — скоро на него «накатило», значитъ, скоро и на весь соборъ накатитъ Духъ Святой.

*) Изъ производившихся о хлыстахъ дѣлъ извѣстно, что эта молитва была у нихъ въ употребленіи еще въ началѣ XVIII столѣтія. Ею начинается каждое собраніе Божьихъ людей. Хлыстовскихъ пѣсенъ извѣстна не одна тысяча: иныя поются въ одномъ кораблѣ, другія въ другомъ, но «Дай къ намъ, Господи» во всѣхъ непремѣнно. Ее пѣвали у Татариновой, гдѣ участвовали очень знатныя лица, ее въ прошломъ столѣтіи пѣвали въ тѣхъ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ Москвы, откуда и распространилась по народу хлыстовщина. Ее поютъ и во всѣхъ крестьянскихъ домахъ, гдѣ только собираются Божьи люди. Есть нѣсколько варіантовъ этой пѣсни, но они незначительны. Здѣсь приведена она въ томъ видѣ, какъ пѣвалась у Татариновой и у другихъ хлыстовъ изъ образованнаго общества.

Только-что кончилось пѣніе «молитвы Господней», женщины составили кругъ, а внѣ его составился другой изъ мужчинъ. «Новую пѣсню» запѣли.

Царство, ты царство, духовное царство,
Во тебѣ во царствѣ благодать великая,
Праведные люди въ тебѣ пребываютъ.
Живутъ они себѣ, ни въ чемъ не унываютъ...
Строено ты, царство, ради изгнанныхъ,
Что на свѣтѣ были мучимы и гнаны,
Что вѣрою жили, правдою служили,
Отъ чистаго сердца Бога возлюбили.
Кто Бога возлюбитъ, Его не забудетъ,
Часто вспоминаетъ, тяжело вздыхаетъ:
„Богъ Ты, нашъ Создатель, всякихъ благъ податель,
Дай намъ ризы бѣлы и помыслы цѣлы,
Ангельскаго хлѣба со седьмого неба
Сошли къ намъ, Создатель, не умори гладомъ,
Избави отъ глада, избави отъ ада,
Не лиши духовнаго своего царства!“ *)

Еще половины пѣсни не пропѣли, какъ началось «радѣнье». Стали ходить въ кругахъ другъ за другомъ мужчины по солнцу, женщины противъ. Ходили, прискакивая на каждомъ шагу, сильно топая ногами, размахивая пальмами и платками **). Съ каждой минутой скаканье и бѣганье становились быстрѣй, а пѣніе громче и громче. Струится потъ по распаленнымъ лицамъ, горятъ и блуждаютъ глаза, груди у всѣхъ тяжело подымаются, всѣ задыхаются. А пѣсня все громче, бѣгъ все быстрѣй и быстрѣй. Переходитъ напѣвъ въ самый скорый. Поютъ люди Божьи:

Какъ у нашего Царя, Христа Батюшки,
Такъ положено, такъ уложено:
Кому въ ангелахъ быть и архангеломъ служить,
Кому быть во пророкахъ, кому въ мученикахъ,
Кому быть во святыхъ, кому въ праведныхъ...
Какъ у нашего Царя, Христа Батюшки,
Ужъ и есть молодцы, все молоденькіе,
Они ходятъ да гуляютъ по Сіонской по горѣ.
Они трубятъ во трубы живогласныя,
Отъ нихъ слышны голоса во седьмыя небеса...
Какъ у нашей-то царицы Богородицы —
У Нея свои полки, все дѣвическіе,
Онѣ ходятъ да гуляютъ во зеленомъ во саду,
Во зеленомъ во саду, во блаженномъ во раю,
Онѣ яблочки-то рвутъ, на златомъ блюдѣ кладутъ,
На златомъ блюдѣ кладутъ, въ теремъ Матушкѣ несутъ.
Государыня примала, милость Божью посылала,
Духа Свята въ нихъ вселяла и дѣвицамъ прорекала:

---

*) Редакція пѣсни изъ корабля Татариновой. Есть и варіанты.
**) Это называется «радѣнье кораблемъ».

„Ай, вы, дѣвушки, краснопѣвушки,
Вы радѣйте да молитесь, пойте пѣсни, не лѣнитесь,
За то васъ Государь станетъ жаловать, дарить,
По плечамъ ризы кроить, по всему раю водить“.

Вдругъ пѣсня оборвалась. Перестали прыгать, и всѣ молча разсѣлись — мужчины по одну сторону горницы, женщины по другую. Никто ни слова, лишь тяжелые вздохи утомившихся Божьихъ людей были слышны. Но никто еще изъ нихъ не достигъ изступленнаго восторга.

— Ни на кого не накатило! — жалобно молвилъ старый матросъ. — Никому еще не ослалъ Господь даровъ Своихъ. Не воздвигъ намъ пророка!.. Изволь, кормщикъ дорогой, отецъ праведный, святой, намъ про Духа провѣстить, — сказалъ онъ, вставъ съ мѣста и кланяясь въ ноги Николаю Александрычу.

И другіе подходили къ кормщику и земно ему кланялись, прося возвѣстить отъ святого писанія, какъ Духъ сходитъ на Божьихъ людей. И мужчины подходили и женщинъ бóльшая часть.

Подошелъ къ столу Николай Александрычъ, взялъ крестъ и высоко поднялъ его. Стали на колѣни, и Софронушка сталъ. Стихъ припадокъ его.

— Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! — торжественнымъ голосомъ возгласилъ кормщикъ. — Отъ Бога, отъ Христа, отъ Духа Святого возвѣщаю вамъ слово, братцы и сестрицы любезные!.. Скажу вамъ, возлюбленные, не свои рѣчи, не слова человѣческія, повѣдаю, что самъ Богъ говоритъ: «Въ послѣдніе дни излію отъ Духа Моего на всякую плоть и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши видѣнія узрятъ, и старцы ваши сонія увидятъ; и на рабовъ Моихъ и на рабынь Моихъ излію отъ Духа Моего и будутъ пророчествовать... И дамъ чудеса на небеси и знаменія на землѣ» *).

— Глаголетъ Богъ! — густымъ басомъ запѣлъ дьяковъ, и всѣ другіе то же пропѣли.

И, стоя на колѣняхъ, поднявъ кверху руки, потрясая пальмовыми вѣтвями и махая платками, «манятъ» Божьи люди Святого Духа:

Подай, Господи!
Тебѣ, Господи,
Порадѣть-послужить,
Во святомъ кругу кружить,
Духа съ небеси сманить
Да въ себя заманить!

*) Дѣянія II, 17 и 18.

Собирались мы дружки
Въ святы Божьи кружки,
Грѣшны плоти умерщвлять,
Души къ небу обращать,
Бога пѣть-воспѣвать.
Ужъ мы пѣли-воспѣвали,
Руки къ небу воздѣвали,
Сокола птицу манили:
Ты лети, лети, соколъ,
Высоко и далеко,
Со седьмого небеси
Намъ утѣху принеси —
Духа истиннаго,
Животворнаго,
Чудотворнаго!
Мы тѣмъ Духомъ завладаемъ,
На соборѣ закатаемъ...
Накатись, накатись,
Святый Духъ, къ намъ принесись,
Согрѣй вѣрныхъ сердца,
Сотвори въ насъ чудеса,
Избери себѣ слугу
На святомъ Божьемъ кругу,
Пророки въ немъ, прорекай,
Грѣхи наши обличай,
А праведныхъ утѣшай.
Ахъ, Ты!.. Духъ Святъ, голубокъ,
Нашъ бѣленькій воркунокъ!..
Не пора ли Тебѣ, Сударь,
На сыру землю слетѣть,
На труды наши воззрѣть?
Скати, Батюшка, скати,
Скати, гость дорогой,
Во чертогъ Свой золотой,
Въ души праведныя,
Въ сердца пламенныя.
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кончилась «новая» пѣсня, но всѣ еще оставались на колѣняхъ съ воздѣтыми руками, умиленно взирая на изображеніе Святого Духа, парящаго среди девяти чиновъ ангельскихъ. Стали потомъ Божьи люди класть земные поклоны и креститься обѣими руками, а Николай Александрычъ читалъ нараспѣвъ:

– Благослови насъ, Государь нашъ Батюшка, благослови, Отецъ родной, на святой Твой кругъ стать, въ духовной банѣ омыться, духовнаго пива напиться, духомъ Твоимъ насладиться!.. Изволь, Батюшка Творецъ, здѣсь поставить Свой дворецъ, ниспослать къ намъ благодать — Духомъ дай намъ завладать.

Тутъ разомъ всѣ вскочили. Большая часть женщинъ и нѣ-

которые изъ мужчинъ сѣли, другіе стали во «святой кругъ». Николай Александрычъ стоялъ посрединѣ, вокругъ него Варенька, Катенька, горничная Серафима и три богадѣленныя. За женскимъ кругомъ сталъ мужской... Тутъ были Кисловъ и Строинскій, дворецкій Сидоръ, Пахомъ, пасѣчникъ Кирила, матросъ. И блаженный Софронушка, напѣвая безсмыслицу и махая во всѣ стороны пальмовой вѣткой, подскакалъ на одной ногѣ и сталъ во «святомъ кругу». Началось «круговое радѣнье».

— Христосъ воскресе!—кричалъ Николай Александрычъ.— Братцы, сестрицы! Хорошенько порадѣйте, Батюшку утѣшьте!.. Не лѣнитесь, порадѣйте, своимъ пòтомъ вы облейте мать сырую землю!.. Освятите вы ее, чтобъ враги не бродили, одни ангелы ходили, чистоту бы разносили промежъ Божьихъ людей!.. Братцы, сестрицы любезны, удаляйтеся вы бездны, походите во кругу — во святомъ Божьемъ дому!.. Хорошенько порадѣйте, вы Марію позовите, грѣшну Мароу прогоните *)!.. Поднимайте знамена во послѣдни времена, послужите вы Отцу, Богу нашему Творцу!..

И вдругъ смолкъ. Быстро размахнувъ полотенцемъ, висѣвшимъ до того у него на плечѣ, и потрясая пальмовой вѣткой, онъ какъ спущенный волчокъ завертѣлся на пяткѣ правой ноги. Всѣ, кто стоялъ въ кругахъ, и мужчины и женщины, съ кликами: «поднимайте знамена!», также стали кружиться, неистово размахивая пальмами и полотенцами. Тѣ, что сидѣли на стульяхъ, разостлали платки на колѣняхъ и скорымъ плясовымъ напѣвомъ запѣли «новую пѣсню», притопывая въ ладъ лѣвой ногой и похлопывая правой рукой по колѣнямъ. Поютъ:

Рай ты мой, рай,
Пресвѣтлый мой рай!..
Во тебѣ во раѣ
Батюшка родимый,
Красное солнышко,
Весело ходитъ,
Рай освѣщаетъ,
Бочку выкатаетъ...
Бочка ты, бочка,
Серебряна бочка,
На тебѣ на бочкѣ
Обручья златые,
Во тебѣ во бочкѣ

*) Хлысты, также послѣдователи нѣкоторыхъ раціоналистическихъ сектъ (молокане, духоборцы и проч.), отрицаютъ дѣйствительность существованія евангельскихъ сестеръ Лазаря, утверждая, что это притча, и что Марія означаетъ душу, а Мароа плоть.

Духовное пиво,
Новое пиво
Духа пресвятого,
Пророка живого...
Станемте мы, други,
Бочку расчинати,
Пиво распивати,
Бога Государя
Въ помощь призывати,
Авось нашъ надежа
До насъ умилится,
Во сердца во наши
Онъ, Свѣтъ, преселится...
Завладаетъ надежа
Душою и сердцемъ,
И всѣмъ помышленьемъ,
Онъ станетъ гостити,
Про все намъ вѣстити.

Живѣй и живѣй напѣвъ, быстрѣй и быстрѣе вертятся въ кругахъ. Не различить лица кружащихся. Радѣльныя рубахи съ широкими подолами раздуваются и кажутся бѣлыми колоколами, а надъ ними вѣютъ полотенца и пальмы. Вѣтеръ пошелъ по Сіонской горницѣ: одна за другой гаснутъ свѣчи въ люстрахъ и канделябрахъ, а дьяконъ свое выпѣваетъ:

— «Бысть шумъ яко же носиму дыханію бурну и исполни домъ, идѣ же бяху сѣдяще, и вси начаша глаголати странными глаголы, странными ученіи, странными повелѣніи святыя Троицы» *).

Быстрѣй и быстрѣе кружатся. Дикіе крики, рѣзкій визгъ, неистовые вопли и стенанья, топотъ ногами, хлопанье руками, шумъ подоловъ радѣльныхъ рубахъ, нестройныя пѣсни сливаются въ одинъ зычный потрясающій ревъ... Всѣ дрожатъ, у всѣхъ глаза блестятъ, лица горятъ, у иныхъ волосы становятся дыбомъ. То одинъ, то другой восклицаютъ:

— Ай, Духъ! Ай, Духъ! Царь Духъ! Богъ Духъ!

— Накати, накати! — визгливо вопятъ другіе.

— Ой, эва! Ой, эва! — хриплыми голосами и задыхаясь, изступленно въ дикомъ порывѣ восклицаютъ третьи.

— Благодать! Благодать! — однѣ съ рыданьемъ и стонами, другія съ безумнымъ хохотомъ, голосятъ во всю мочь вертящіяся женщины.

Со всѣхъ потъ льетъ ручьями, на всѣхъ взмокли радѣльныя рубахи, а Божьи люди все радѣютъ, лишь изрѣдка отирая лицо полотенцемъ.

— Это духовная баня. Вотъ истинная, настоящая баня па-

---

*) Изъ стихиры на день Пятидесятницы.

кибытія, вотъ истинное крещеніе водою и духомъ,—говорила Дунѣ Марья Ивановна, показывая на обливающихся пóтомъ Божьихъ людей.

Съ удивленіемъ и страхомъ смотрѣла Дуня на все, что̀ происходило передъ ея глазами. но не ужасало ее невиданное доголѣ зрѣлище... Чувствовала однако она, что сердце у ней замираетъ, а въ глазахъ мутится, и будто въ сонъ она впадаетъ.

— Что̀ съ тобой? — спросила Марья Ивановна. замѣтивъ, что вдругъ она поблѣднѣла.

Дуня сказала.

— Благодари Бога, — молвила Марья Ивановна. — Это значитъ, Духъ тебя еще неприведенной въ истинную вѣру коснулся Своей благодатью... Будешь, будешь по времени Богомъ обладать!.. Велика будешь въ Божьемъ дому — во пресвѣтломъ раю.

Блаженный радѣлъ съ великимъ усердіемъ, выкликивая непонятныя слова. Наконецъ закричалъ:

— Пива, пива!

Быстрѣй закружились въ кругахъ, а сидѣвшіе, привскакивая на стульяхъ, громче и еще болѣе скорымъ напѣвомъ запѣли:

Эй, кто пиво варилъ? Эй, кто затиралъ?
Варилъ пивушко самъ Богъ. затиралъ Святый Духъ.
Сама Матушка сливала, съ Богомъ вкупѣ пребывала,
Святы ангелы носили. херувимы разносили,
Херувимы разносили, архангелы подносили...
Скажи, батюшка родной, скажи, гость дорогой,
Отчего пиво не пьяно? Али гостю мы не рады?
Рады, батюшка родной, рады, гость дорогой,
На святомъ кругу гулять, свѣта Бога прославлять,
Въ золоту трубу трубить, въ живогласну возносить *).

Громче и еще неистовѣй кричитъ блаженный:

— Пива, пива!

И упалъ въ судорогахъ и корчахъ на полъ. Пѣна пошла у него изо рта. А дьяконъ церковнымъ напѣвомъ громогласно поетъ изъ пасхальнаго канона:

— «Пріидите пиво піемъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣемое, но нетлѣнія источникъ, въ немъ же утверждаемся».

Тутъ Катенька вдругъ вся затрепетала, задрожала и, не-

*) Эта пѣсня сдѣлалась извѣстною изъ донесенія Святѣйшему Синоду одного изъ калужскихъ священниковъ (Сергѣева), который въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтия самъ участвовалъ въ хлыстовскихъ радѣніяхъ. Пѣсня эта нѣсколько разъ была напечатана.

реставъ кружиться, звонкимъ, рѣзкимъ голосомъ закричала въ ужасѣ:

— Накатилъ!.. накатилъ!..

Всѣ остановились. Едва переводя дыханье, пошатываясь, ровно пьяные, всѣ пошли къ стульямъ.

— Духъ Святъ!.. Духъ Святъ!.. накатилъ!.. накатилъ!.. — громче прежняго кричала Катенька и грянулась на руки подбѣжавшей Матренушкѣ. Та довела ее до диванчика и съ помощью Варвары Петровны уложила. На другомъ диванчикѣ уложили бившагося о полъ блаженнаго.

Только-что уложили Катеньку, радостными голосами Божьи люди запѣли:

Ай у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому,
Со ангелами, со архангелами,
Съ серафимами, съ херувимами,
И со всей-то силой небесною...
Эка милость, благодать
Стала Духомъ обладать!..
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пока пѣли, Катенька привстала. Она сѣла на диванчикъ и разъ десять провела пальцами по зардѣвшемуся, какъ маковъ цвѣтъ, лицу своему. Зарыдала она и, едва переступая, вышла на середину Сіонской горницы. Глаза горѣли у ней необычнымъ свѣтомъ. Они остолбенѣли, зрачки расширились, полураскрытыя посинѣвшія губы безпрестанно вздрагивали, по лицу текли обильныя струи пота и слезъ, всю ее трясло и било, какъ въ черной немочи *). Крѣпко стиснувъ руками голову и надрываясь отъ рыданій, неровными шагами, нетвердой поступью сдѣлала она впередъ нѣсколько шаговъ и остановилась. Всѣ встали и обѣими руками начали креститься на Катеньку, а дьяконъ возгласилъ:

— Вонмемъ! Премудрость! Глаголетъ Богъ!

Всѣ стали на колѣни, и начала Катенька возглашать «живое слово» и «трубить въ трубу живогласну». Сначала всему собранью «общую судьбу» говорила, «пророчество сказывала».

— Вы, любезныя Мои дѣтушки! Святые, праведные. Агнцу и Мнѣ Богу искупленные первенцы!.. Молите Меня Отца и будьте Мнѣ вѣрны до конца, за то не лишу васъ золотого вѣнца... Я Духъ Святъ съ вами пребываю, душеньки ваши въ небесный уборъ убираю... всѣ ваши помышленія самъ Я Духъ Святъ въ сердцахъ вашихъ читаю... За добрый помыселъ сто-

*) Эпилепсія — то же почти, что̀ падучая болѣзнь.

рицей заплачу, а лукаваго врага во гробъ заколочу... Не смѣлъ бы пугать Мой небесный синодъ, не смѣлъ бы тревожить Моихъ вѣрныхъ рабовъ... А надъ вами, Мои дѣтушки, Мой благодатный покровъ... Вотъ вамъ отъ Бога сказъ, отъ Меня Духа Свята указъ... Оставайтесь, Господь съ вами и покровъ Божій надъ вами!..

И на всѣхъ махала Катенька платкомъ, что̀ былъ въ рукахъ у ней. Покровцемъ называютъ его Божьи люди.

Всѣ встали и разсѣлись по стульямъ, одинъ блаженный все еще бился въ припадкѣ на диванчикѣ. Едва переступая, покачиваясь, медленно подошла Катенька къ Николаю Александрычу, и тотъ, хоть и кормщикъ, сталъ передъ нею на колѣни. Стала Катенька ему «пророчество» выпѣвать:

— Здравствуй, вѣрный, дорогой, изобранный воинъ Мой... Со врагомъ храбрѣй воюй, ни о чемъ ты не горюй! Я тебя, сынокъ любезный, за твою за вѣрну службу благодатью награжу — во царствіе предѣлю, съ ангелами поселю. Слушай отъ Меня приказъ: оставайся, Богъ съ тобой, и покровъ Мой надъ тобой.

И трижды махнула на него платкомъ, а онъ ей еще разъ до земли поклонился.

Пошла послѣ того отъ одного къ другому и каждому судьбу прорекала. Кого обличала, кого ублажала, кому семигранные вѣнцы въ раю обѣщала, кому о мірской суетѣ вспоминать запрещала. «Милосердныя и любовно все покрывающія обѣтованія» больше говорила она. Подошла къ лежавшему еще юроду и такое слово ему молвила:

— Ты, блаженный, преблаженный, блаженная твоя часть, и не можетъ прикоснуться никакая къ тебѣ страсть, и не сильна надъ тобою никакая земна власть!.. Совѣсть крѣпкая твоя — сманишь птицу изъ рая. Ты радѣй, не робѣй: змѣя лютаго бей, ризу бѣлую надѣнь и духовно пиво пей!.. Изъ очей слезы лей, птицу райскую лелѣй, — птица любитъ слезы пить и научитъ, какъ намъ жить, Отцу Богу послужить, Святымъ Духомъ поблажить, всѣмъ праведнымъ послужить!.. Оставайся, Богъ съ тобой, покровъ Божій надъ тобой!..

Къ Марьѣ Ивановнѣ подошла, хоть та и сидѣла одаль отъ круга Божьихъ людей. Встала Марья Ивановна, перекрестилась обѣими руками, поклонилась въ землю и осталась на колѣняхъ. Затрубила пророчица въ трубу живогласную:

— Тебѣ, любезная овца — живое слово отъ Отца, всемірнаго Творца, изъ небеснаго дворца. Пребудь въ вѣрѣ до конца. Къ Богу сердцемъ ты пылай! свое сердце надрывай!.. Я тебя, Богъ, доведу до Едемскаго края, до блаженнаго рая.

Я тебя доведу, да и дочку приведу, будешь съ нею ликовать въ вѣчной славѣ пребывать!.. Ты на мѣстѣ на святомъ, надъ чистымъ ключомъ, устрояй Божій домъ, буду Я, Богъ, жить въ немъ... Благодать наведу и къ Себѣ васъ приведу. А послѣдній тебѣ сказъ, крѣпкій Божій Мой наказъ — оставайся, Богъ съ тобой, покровъ Божій надъ тобой!..

Удивились люди Божьи, когда Катенька, отступя отъ Марьи Ивановны, подошла къ неприведенной еще Дунѣ, въ первый только разъ бывшей въ собраніи познавшихъ тайну сокровенную. Подошла она къ Дунѣ, хоть никогда ея прежде не видывала.

Оторопѣла Дуня, недвижно сидѣла она, вперя испуганный взоръ на Катеньку.

— На колѣни стань!.. на колѣни!.. — тихонько сказала ей Марья Ивановна.

Но Дуня будто не въ себѣ была, ничего не слышала, ничего не видѣла, кромѣ изступленьемъ сверкавшихъ глазъ пророчицы и жаромъ пышущаго ея лица.

— На колѣни становись!.. Крестись передъ Духомъ Святымъ! Въ землю кланяйся! — заговорили вкругъ нея, но Катенька вдругъ «затрубила въ трубу живогласную», и люди Божьи смолкли.

— Стой, стой, крѣпко стой на ногахъ, зеленое Мое древо, избранное, возлюбленное!.. Открою Я тебѣ, Отецъ, великое Божье дѣло, утѣшу, ублажу, въ сердце благодать вложу! Сокровенную тайну открою и чисту овечку тебя въ седьмомъ небѣ устрою... Дамъ тебѣ ризу свѣтлу, серафимскія крылья, семигранный вѣнецъ, и тутъ еще милости Моей не конецъ. Я, Богъ, никогда тебя не оставлю, сотню ангеловъ къ тебѣ приставлю. Со страхомъ и съ вѣрою, съ надеждой и съ любовью слушай, непорочная дѣва, Мое пречистое слово живое: въ тайну проникай, знамя Божье поднимай, душу Духу отдавай! Хоть головушку ты сложишь, зато вѣрно мнѣ послужишь, всѣмъ праведнымъ угодишь, свою душу украсишь, будешь Духомъ обладать, хвалы Богу возсылать, будешь въ трубушку трубить, въ живогласну возносить. Оставайся, Богъ съ тобой, покровъ Божій надъ тобой!..

И трижды по трижды махнула на нее покровцемъ.

Всѣ были въ конецъ изумлены. Рѣдко «ходящіе въ словѣ» обращаются къ неприведеннымъ въ корабль, не давшимъ страшныхъ клятвъ сохранять сокровенную тайну. И вдругъ такія обѣтованія Дунѣ!

— Преславное видимъ, пречудное слышимъ здѣсь, братцы и сестры любезные! — возгласилъ Николай Александрычъ.—

Видимъ Духа пришествіе, слышимъ обѣтованія. Да исполнятся наши надежды скорымъ исполненьемъ пророчества! Да сбудется славное, великое прореченіе!

Какъ мертвецъ блѣдная, въ оцѣпенѣніи стояла Дуня. Внѣ себя была она, дрожала всѣмъ тѣломъ и плакала. Бережно довела ее Марья Ивановна до ближайшаго диванчика и уложила. Варенька сѣла возлѣ Дуни, махая надъ ней пальмовой вѣткой.

А дьяконъ, обращаясь къ Дунѣ, изо всей мочи заголосилъ изъ «Пѣсни Пѣсней»:

— «Вся добра еси, ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ! Гряди отъ Ливана, невѣсто, гряди отъ Ливана!.. Пріиди и прейди изъ начала вѣры, отъ главы Сапира и Аэрмона, отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалеовъ...»

— Подальше отъ нея, отецъ Мемнонъ, она непривычна,— сказала дьякону Варвара Петровна.

Дьяконъ отошелъ, но не могъ уняться. Восторгъ и его обуялъ. Легъ онъ въ переднемъ углу на спинѣ и, неистово размахивая надъ собой пальмой, свое продолжалъ:

— «Сердце наше привлекла еси, сестро моя, невѣсто! Сердце наше привлекла еси единымъ отъ очію твоею, единымъ монистомъ выи твоея! Что удобрѣста сосца твоя, сестро моя, невѣсто? Что удобрѣста сосца твоя паче вина, и воня ризъ твоихъ паче всѣхъ ароматъ? Сотъ искапаютъ устнѣ твоя, невѣсто! Медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ и благовоніе ризъ твоихъ, яко благоуханіе Ливана!»

— Да уймись же ты, Мемнонушка! — тихонько сказалъ ему Николай Александрычъ.—Зачѣмъ нестроеніе творишь въ домѣ Божьемъ?

— Духомъ вѣщаю, — отвѣчалъ Мемнонъ.

— И вовсе не Духомъ,—сказалъ Николай Александрычъ.— Не возлагай хулы. Вѣдь это грѣхъ, никогда и никѣмъ непрощаемый. Уймись, говорю!

— По мнѣ и замолчу, пожалуй, — молвилъ сквозь зубы дьяконъ и, сѣвши на диванчикъ, низко склонилъ голову, думая: «хоть бы чайку поскорѣй да поѣсть».

Очнулся блаженный, тоже на диванчикъ сѣлъ, зѣвнулъ раза четыре и, посидѣвъ маленько, платкомъ замахалъ.

— На Софронушку накатило! На блаженнаго накатило!.. — заговорили люди Божьи.

Вышелъ блаженный на середину Сіонской горницы и во всѣ стороны сталъ платкомъ махать. Потомъ, ломаясь и кривляясь, съ хохотомъ и визгомъ понесъ безсмысленную чепуху. Но люди Божьи слушали его съ благоговѣньемъ.

— Слушай лѣсъ—боръ говоритъ,—началъ юродивый.—Игуменъ безуменъ—бомъ, бомъ, бомъ!.. Чайку да медку, да сахарцу! Нарве стане наризонъ, рами стане гаризонъ *).

И, захохотавъ во все горло, началъ прыгать на одномъ мѣстѣ, припѣвая:

Тень, тень, потетень,
Выше города плетень,
Садись, галка, на плетень!
Галки хохлуши—
Спасеныя души,
Воробьи пророки—
Шли по дорогѣ,
Нашли они книгу.
Что̀ въ той книгѣ?

Хоть и знали люди Божьи, что Софронушка завелъ извѣстную дѣтскую пѣсню, но все-таки слушали его съ напряженнымъ вниманьемъ... Хоть и знали, что «изъ пѣсни слова не выкинешь», но слова: «нашли пророки книгу» возбудили въ нихъ любопытство. «А что̀ ежели вмѣсто зюзюки **) онъ другое запоетъ и возвѣститъ какое-нибудь откровеніе свыше».

Въ самомъ дѣлѣ, блаженный не зюзюку запѣлъ, а другое:

А писано тамо:
„Савишраи само,
Капиласта гандря,
Дараната шантра
Сункара пуруша
Моя дѣва, Луша" ***).

Только и поняли Божьи люди, что устами блаженнаго Духъ возвѣстилъ, что Луша — Его дѣва... Такъ иные звали Лукерьюшку и съ того времени всѣ такъ стали звать ее. Твердо

*) Эти безмысленныя слова и подобныя имъ въ ходу у хлыстовъ, особенно на Кавказѣ, гдѣ тамошніе «прыгунки» (то же, что̀ хлысты) увѣряютъ, будто это на іерусалимскомъ языкѣ. Непонятныя слова въ корабляхъ говорятся больше безумными и юродивыми, которыхъ охотно принимаютъ въ корабли, въ увѣренности, что при ихъ участіи на другихъ Духъ Святой сходитъ скорѣе.

**) Дѣтская пѣсня. Послѣ словъ: «что̀ въ той книгѣ», она такъ продолжается:

Зюзюка, зюзюка,
Куда намъ катиться?
Вдоль по дорожкѣ и пр.

Зюзюка—картавый, шепелявый.

***) Въ двадцатыхъ годахъ въ кораблѣ людей Божьихъ отставного полковника Александра Петровича Дубовицкаго этими словами говорилъ одинъ изъ пророковъ. Члены корабля думали, что это по-индѣйски. Послѣдній стихъ въ нашей рукописи: «Майя дива луча».

вѣрили, что Луша будетъ «золотымъ избраннымъ сосудомъ Духа».

И стали ее ублажать. Варвара Петровна первая подошла къ ней и поцѣловала. Смутилась, оторопѣла бѣдная дѣвушка. Еще немного дней прошло съ той поры, какъ, угнетенная непосильной работой въ домѣ названнаго дяди, она съ утра до ночи терпѣла попреки да побои ото всѣхъ домашнихъ, а тутъ сама барыня, такая важная, такая знатная, цѣлуетъ и милуетъ ее. А за Варварой Петровной и другія — Варенька, Марья Ивановна, Катенька — ее поцѣловали.

— Пріидите другъ ко другу, люди Божьи,—церковнымъ напѣвомъ запѣлъ Николай Александрычъ.—Воздадимъ цѣлованіе ангельское, лобызаніе херувимское. Тако Духъ Святый повелѣ.

И всѣ стали цѣловаться, говоря: «Христосъ воскресе!». Только къ Дунѣ да къ Лукерьюшѣ съ Василисой никто не подходилъ — онѣ не были еще «приведены».

Всѣ вышли въ коридоръ. Марья Ивановна осталась съ Дуней въ Сіонской горницѣ. Остались тамъ и Луша съ Василисой.

— Ну что?—спросила Марья Ивановна у Дуни.

— Я какъ во снѣ,—отвѣтила Дуня.—Все такъ странно, такъ диковинно... А сердце такъ и горитъ, такъ и замираетъ.

— Пресвятый голубь пречистымъ крыломъ коснулся сердца твоего, Дунюшка,—сказала Марья Ивановна.—Вѣрь и молись, больше углубляйся въ себя, а будучи на молитвѣ, старайся задерживать въ себѣ дыханье *), и тогда скоро придетъ на тебя благодать. Насколько силъ твоихъ станетъ, не вдыхай въ себя воздуха, вѣдь онъ оскверненъ врагомъ, день и ночь летающимъ въ немъ... Бывали такіе праведники, что, задерживая дыханье, достигали высочайшаго блага освобожденія святой, чистой, Богомъ созданной души изъ грязнаго, грѣшнаго тѣла, изъ этой тюрьмы, построенной ей на погибель лукавымъ врагомъ. Конечно, такихъ немного, но блаженны и треблаженны они въ селеніяхъ горнихъ. Мѣсто ихъ среди серафимовъ, а серафимы самые великіе чины небеснаго воинства. Они одни окружаютъ огневидный престолъ Царя царей и во всякое время видятъ лицо Его.

Подъ эти слова воротились люди Божьи. Они были уже въ обычной одеждѣ. Затушивъ свѣчи, всѣ вышли, Николай Александрычъ заперъ Сіонскую горницу и положилъ ключъ въ карманъ. Прошли нѣсколько комнатъ въ нижнемъ этажѣ...

*) Хлысты на молитвѣ и во время радѣній задерживаютъ дыханіе. Этому учили и древніе отшельники и пустынножители. Это же въ практикѣ и у индѣйскихъ факировъ и у трамблеровъ Америки.

Глядь, ужъ утро, лѣтнее солнце поднялось высоко... Пахнуло свѣжестью въ растворенныя окна большой комнаты, гдѣ былъ накрытъ столъ. На немъ были разставлены разныя яства: уха, ботвинье съ осетриной, караси изъ барскихъ прудовъ, сотовый медъ, варенье, конфеты, свѣжіе плоды и ягоды. Кипѣлъ самоваръ.

И сидѣли Божьи люди за трапезой чинно и спокойно. Проводили они время въ благочестныхъ разговорахъ. Послышался благовѣстъ къ обѣднѣ, и тогда разошлись они по своимъ мѣстамъ и улеглись утомленные на постеляхъ.

Глава пятая.

Умаялись люди Божьи отъ радѣльныхъ трудовъ. Солнце давно ужъ съ полденъ своротило, а они все еще покоятся. Дуня пробудилась всѣхъ прежде. Тихо поднялась она съ постели, боясь разбудить Вареньку, и неодѣтая сѣла на кровати.

Сидитъ и вспоминаетъ сновидѣнья... Вспоминаетъ и видѣнное въ Сіонской горницѣ. Мутится на умѣ, и не вдругъ можетъ она различить, что̀ во снѣ видѣла и что̀ наяву...

Не того она ждала отъ Божьихъ людей. Не такіе обряды, не такое моленіе духомъ она представляла себѣ. Иного страстно желала, къ иному стремилась душа ея. Бѣшеная скачка, изувѣрное круженье, прыжки, пляска, топотъ ногами, дикіе вопли и завыванья мужчинъ, изступленный визгъ женщинъ, неистовый ревъ дьякона, безсмысленные крики юрода казались ей необычными, странными и возбуждали сомнѣнье въ святости видѣннаго и слышаннаго. Ни о чемъ подобномъ въ мистическихъ книгахъ Дунѣ читать не доводилось. Говорили ей про тайные обряды и Марья Ивановна и Варенька, но не думала Дуня, что это будетъ такъ дико, неистово и безсмысленно.

«Не врагъ ли смущаетъ меня?—приходитъ ей на мысль.— Ему хочется не допускать меня до общенія съ людьми Божьими? Такъ и Марья Ивановна говорила, и Варенька, и всѣ. Хитрой, злобной силой ополчается онъ на меня... Прочь, лукавый!.. Не смутить тебѣ меня, не совратить!.. Помню писаніе: «безумное Божье премудрѣй человѣческой мудрости».

А на сердцѣ болѣзненно. То сомнѣнья пронесутся въ отуманенной головѣ, то былая, давнишняя жизнь вдругъ ей вспомнится.

Вотъ завываетъ вьюга, закидало снѣгомъ оконныя стекла. Въ жарко натопленной кельѣ Манеѳы обительскія дѣвицы, усѣвшись кругомъ стола, въ строгомъ молчаньи слушаютъ

мать казначею Таифу. Читаетъ она «Стоглавъ», и послѣ каждаго «отвѣта» [1]) Манеѳа толкуетъ прочитанное. Всѣ за рукодѣльемъ, кто шьетъ, кто вяжетъ, Дуня кончаетъ голубой бисерный кошелекъ отцу въ подаренье. До того мѣста доходитъ Таифа, гдѣ соборъ отцовъ хулитъ и порицаетъ пляски, сканья, плещеванія руками, ножной топотъ и кличъ неподобный. «Все сіе отъ дьявола,—учительно говоритъ Манеѳа:—сими кобями приводитъ онъ къ себѣ людей, дабы души ихъ въ вѣчной гибели мучились съ нимъ». И начинаетъ, бывало, разсказывать про адскія муки, уготованныя уловленнымъ въ сѣти врага Божья, отца лжи и всякаго зла. «Не то-ль и у нихъ въ Сіонской горницѣ?..—приходитъ въ голову Дунѣ.—Не то ли же самое, о чемъ въ «Стоглавѣ» говорится?» И сильнѣй и шире растутъ въ ней сомнѣнья, колеблются мысли, и нападаетъ тяжелое раздумье...

Вотъ она еще маленькая, только-что привезли ее въ Комаровъ... Лѣто, въ небѣ ни облачка, вѣтерокъ не шелохнется, кругомъ кричатъ кузнечики, высоко въ поднебесьѣ заливается пѣснями жаворонокъ; душно, знойно... Съ матерью Манеѳой да съ тетенькой Дарьей Сергѣвной идетъ Дуня по полю возлѣ Каменнаго Вражка. Пробираются онѣ въ перелѣсокъ на прохладѣ въ тѣни посидѣть... Вотъ яркая зеленая луговина вся усѣяна цвѣтами—тутъ и голубыя незабудки, и бѣлоснѣжные кувшинчики, и ярко-желтыя купавки, и пестро-алые одолени. Вскрикнула отъ радости маленькая Дуня и въ дѣтскомъ восторгѣ вихремъ помчалась къ красивымъ цвѣточкамъ... Манеѳа не можетъ за нею бѣжать, Дарьѣ Сергѣвнѣ тоже не подъ силу догнать рѣзваго ребенка...—«Стой, Дуня, стой!—кричитъ ей Манеѳа.—Тутъ болото!.. Загрязнешь, утонешь!..» И теперь, только-что вспомнитъ она про радѣнье, Манеѳы голосъ ей слышится: «загрязнешь, утонешь!..»

«Отчего-жъ во время радѣнья такъ горѣло у меня въ головѣ, отчего такъ пылало на сердцѣ?—размышляетъ Дуня.—Отчего душа замирала въ восторгѣ? Марья Ивановна говоритъ, что благодать меня озарила, святой голубь пречистымъ крыломъ коснулся души моей... Такъ ли это?..»

И стали вспоминаться ей одно за другимъ только-что оставившія ее сновидѣнья... Вотъ она въ какомъ-то чудномъ саду. Высокія, чуть не до неба пальмы, рощи банановъ, цвѣты орхидей и кактусовъ, да не такіе, что цвѣтутъ въ луповицкихъ теплицахъ, а больше, ярче, красивѣй, душистѣй. Бездна

---

[1]) «Стоглавъ» состоитъ изъ вопросовъ царя Ивана Васильевича и отвѣтовъ московскаго собора.

ихъ, бездна... Тутъ и диковинныя деревья — золотыя на нихъ яблоки, серебряныя груши, а на листочкахъ ни капли росы, а все крупные алмазы... И птицы распѣваютъ на разные голоса, и тихая музыка играетъ гдѣ-то вдали... А вотъ и луговина, усыпанная цвѣтами, да не такими, что̀ видала она когда-то у Каменнаго Вражка, здѣсь все чудные, нигдѣ невиданные... А какъ свѣтло, хоть солнышка и нѣтъ. Какъ тепло, хорошо... И вдругъ все мракомъ подернулось. Гремитъ несмолкаемый громъ, по всѣмъ сторонамъ сверкаютъ синепламенныя молніи... Мчатся въ воздухѣ крылатыя чудища, раскрыты ихъ пасти, высунуты страшные клыки, распущены острые когти, зелеными огнями сверкаютъ глаза. И по землѣ со всѣхъ сторонъ ползутъ седмиглавые зміи, пламенемъ пышутъ ихъ пасти, все вокругъ себя пожигая, громадными хоботами ломаютъ они кусты и деревья. А изъ-подъ земли, изъза кустовъ, изо всѣхъ овраговъ выбѣгаютъ какіе-то ужасные, невѣдомые люди, — дикіе крики ихъ трепетъ наводятъ, въ рукахъ топоры и ножи... Все на Дуню. Все кидается на беззащитную... Ножъ у груди. Кто-то взмахнулъ топоромъ надъ ея головой... Хочетъ бѣжать — недвижимы ноги, хочетъ кричать— безгласны уста... И вдругъ — Петръ Степанычъ... Не то на землѣ онъ, не то на воздусѣхъ... Недвижно стоитъ въ величавомъ покоѣ, свѣтлые взоры съ любовью смотрятъ на Дуню, проникая въ глубь ея сердца... Въ рукѣ у него пальмовая вѣтка. Разъ махнулъ — исчезли чудовища, вдругорядь махнулъ — скрылись страшные люди... Опять свѣтло, опять дивный садъ, опять поютъ птички и слышится упоительная, тихая музыка... Нѣтъ, это не музыка — это поютъ... Мужскіе голоса... Поютъ стройно и громко. Страстью, любовью дышитъ ихъ пѣсня:

Я принесъ тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой,
На бѣлую грудь цѣпочку,
На шею жемчужокъ.
Ты гори, гори, цѣпочка,
Разгорайся, жемчужокъ!..
Полюби меня, Дуняша,
Люби, миленькій дружокъ!

Замерло сердце у Дуни... Вспомнила пѣсню... Вотъ по сонной, широкой рѣкѣ тихо плыветъ разубранная, расцвѣченная лодка... Вечерѣетъ, темно-вишневыми пятнами стелются тѣни облаковъ по зеркальному водному лону, разноцвѣтными переливами блистаетъ вечернее небо... Вотъ красавецъ собой, удалой молодецъ со стаканомъ «волжскаго кваса»... стоитъ пе-

редъ нею... Низко кланяется онъ, и слышно Дунѣ перерывчатое, жаркое дыханье удалого добра молодца... «Пожалуйте-съ! сдѣлайте такое ваше одолженіе!..»—говоритъ онъ, глядя на нее палючими глазами... Но гдѣ-жъ онъ, гдѣ ея избавитель отъ страшныхъ чудовищъ, отъ ужасныхъ людей?.. Исчезъ... «Да, онъ уѣхалъ, уѣхалъ,—вспадаетъ на умъ Дунѣ.—Покинулъ, къ Фленушкѣ уѣхалъ!.. Богъ съ нимъ!.. Не надо мнѣ его, не надо!»

И смѣняются воспоминанья сновидѣній воспоминаньями о Манефиной кельѣ. Сидитъ игуменья середи дѣвицъ. Вотъ и бойкая, разбитная Фленушка, вотъ и задумчивая Настя, и сонливая Параша, и всѣмъ недовольная Марья головщица... Вотъ и сама Дуня съ бисернымъ кошелькомъ въ рукахъ. Перебирая лѣстовку, кротко, любовно, учительно говоритъ имъ игуменья:—«Блюдитесь, дѣвицы, да не како лукавый коснется васъ своими навожденьями — тѣлесною страстью или душевнымъ бѣснованіемъ. Ежечасно, ежеминутно строитъ окаянный врагъ Божій коби и козни, всякими способами соблазняетъ правовѣрующихъ, хотяй отъ благочестія къ нечестью привесть. Всякіе соблазны творитъ онъ — даже въ свѣтлую ризу ангеловъ иногда облекается и слабыхъ якобы ко спасенію ведетъ въ ровъ вѣчной погибели. Чудеса даже творитъ премерзкій, якобы отъ Господа бываемыя — ложныхъ пророковъ воздвигаетъ, влагая въ уста ихъ словеса неправды, якобы слово Господней истины».

Смущаютъ Дуню забытыя слова Манефы...—«А ту пророчицу, чтò мнѣ судьбу прорекала, неужели и ее врагъ воздвигъ?.. Чтò если и она отъ врага?.. Но нѣтъ!.. Ясно было видимо наитіе свыше на Катеньку. Въ Духѣ была она, въ восторгѣ неизреченномъ, преисполнена была благодати... Лицо сіяло, изъ глазъ огненные лучи лились... Дрожа и млѣя, въ священномъ трепетѣ не свои слова изрекала она — Духъ, въ нее вселившійся, устами ея говорилъ... Никогда меня она не знавала, никогда слыхать обо мнѣ не слыхивала, а чтò говорила!.. Ровно по книгѣ читала въ душѣ моей!.. Нѣтъ... Нѣтъ тутъ ни спора ни сомнѣній... Зачѣмъ же этотъ «кличъ неподобный», зачѣмъ эти круженья, неистовые крики, бѣшеныя пляски? О! кто бы вразумилъ, научилъ меня!..»

И рѣшилась Дуня Богу помолиться, трижды по трижды прочесть псаломъ «Да воскреснетъ Богъ» на отогнаніе супротивнаго. «Тогда, по моей вѣрѣ, Господь пошлетъ извѣщенье, гдѣ истина... тамъ ли, откуда хочу уйти, тамъ ли, куда иду... Пускай Онъ самъ спасаетъ меня какими хочетъ путями!.. Пожалѣетъ же Онъ созданье Свое!.. Долженъ же Онъ пожа-

лѣть, долженъ вразумить, указать на путь истинный и правый!.. Если нѣтъ — такъ что-жъ это за Богъ!..» И вотъ Дуня, еще такъ недавно, стоя на молитвѣ, говорившая въ сердечномъ сокрушеньи:—«Не вниди въ судъ съ рабой Твоей», теперь гордостно и высокомѣрно вздумала судить Бога Вышняго!..

Встала съ кровати, чтобы стать передъ иконой, и нечаянно задѣла стоявшій у изголовья столикъ. Онъ упалъ. Варенька отъ испуга проснулась.

— Что̀ я надѣлала! — подбѣгая къ ней, вскрикнула Дуня.— Ты такъ крѣпко спала, а я разбудила!.. Господи!.. Да что-жъ это!.. Прости меня глупую, прости, Варенька, неопасливую.

— Полно, полно, — потягиваясь и зѣвая на постели, говорила Варенька. — Пора вставать. Который часъ?

— Третій, — отвѣчала Дуня.

— Вонъ какъ долго я нѣжилась, — молвила Варенька. — А плоти не надо угождать, не надо нѣжиться, не надо пребывать въ лѣности, не то Мареа какъ разъ поборетъ Марію.

И, быстро спрыгнувши съ кровати, стала надѣвать утреннее платье.

— А ты давно проснулась? — спросила она.

— Давненько ужъ, — отвѣтила Дуня. — Часа полтора.

— Видишь, какая ты! — улыбнувшись, молвила Варенька.— Нѣтъ, чтобъ разбудить меня, сонливую, нерадивую. Что-жъ ты дѣлала, сидя одна?

— Все думала, — чуть слышно проговорила Дуня.

— О чемъ?

— Да все о томъ... о вашемъ радѣньи...

— Что-жъ ты думала?

— Чудно мнѣ, Варенька, — прошептала Дуня.

— Да. Ты правду сказала. Дѣла поистинѣ чудныя. Устами людей самъ Богъ говоритъ... При тебѣ это было. И чѣмъ говорилъ Онъ, превѣчный, всесовершенный, всевысочайшій Разумъ? Тѣлесными устами ничтожнаго человѣка, снѣдью червей, созданьемъ врага!.. Поистинѣ чудное тутъ дѣло Его милосердья къ душамъ человѣческимъ.

— Не про то говорю я, — молвила Дуня. — То чудно мнѣ, то непонятно, зачѣмъ у васъ скачутъ, зачѣмъ кружатся, кричатъ такъ безчинно?

— Врагъ тебя соблазняетъ, — строго сказала Варенька, ставъ передъ Дуней. — Сколько разъ говорила я тебѣ, сколько и тетенька говорила: чѣмъ ближе часъ привода, тѣмъ сильнѣй лукавый строитъ козни. Ежель теперь, именно теперь напало на тебя невѣріе въ тайну сокровенную, явленную однимъ только избраннымъ — его это дѣло. Не хочется ему, чтобы

вышла ты изъ-подъ его злой и темной власти, жаль ему потерять рабыню грѣха. Всегда такъ бываетъ... Погоди, не то еще будетъ. Тоску нагонитъ онъ на тебя, такую тоску, что хоть руки на себя наложить. Ему отъ того вѣдь польза, барышъ, ежели кто руки на себя наложитъ... Къ нему пойдетъ... Лишнее ему козлище...

— Ахъ, Варенька! — въ сильномъ смущеньи, всплеснувши руками, воскликнула Дуня.

И опустилась на стулъ и закрыла руками лицо.

— Сама я, — медленно продолжала Варенька, не глядя на Дуню: — сама я передъ самымъ приводомъ хотѣла съ тоски посягнуть на свою душу... Изъ петли вынули... Вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ... Видишь крюкъ въ потолкѣ, лампа тутъ прежде висѣла... И быть бы мнѣ теперь въ работѣ лукаваго, быть бы вѣковѣчно въ его тьмѣ кромѣшной!.. Но избавлена была Богомъ бѣдная душа моя. Наблюдали тогда за мной, на шагъ отъ меня не отступали... И я теперь не отступлю отъ тебя, ночи спать не буду, сидючи надъ тобою... И всѣ будутъ наблюдать, чтобы врагъ не одолѣлъ тебя... Надо скорѣй «привести» тебя. Тогда навожденье врага какъ рукой снимется, и Святой Духъ освятитъ твою душу. Какъ дымъ исчезнутъ всѣ сомнѣнья, какъ восходящее солнце возвысится душа твоя во свѣтѣ, и посрамленный врагъ убѣжитъ... И съ того часа навсегда пребудешь въ неизглаголанномъ блаженствѣ, въ общеніи съ Творцомъ.

— Охъ, ужъ не знаю я, Варенька, что̀ и сказать тебѣ на это, — съ отчаянной тоской отвѣчала Дуня. — Влечетъ меня сокровенная тайна. Но зачѣмъ эти скаканья, зачѣмъ прыганья и круженья? Соблазняетъ... Зачѣмъ кричать, зачѣмъ машутъ полотенцами?.. Ей-Богу, ровно пьяные...

— Ты правду сказала, — молвила Варенька. — Не ты первая это говоришь... Тысяча восемьсотъ лѣтъ, даже побольше того, то же самое говорили язычники, увидавши Божьихъ людей, когда на нихъ сошелъ Духъ Святой. Да, мы всѣ были пьяны, напившись духовнаго пива... Не глумись!.. Вспомни, что̀ сказано въ писаніи о сошествіи Святого Духа на апостоловъ? Невѣрные, глядя на нихъ, говорили, что они пьяны. «Ругающеся глаголаху, яко виномъ исполнени суть». Не новое сказала ты Дунюшка; восьмнадцать вѣковъ тому назадъ... рабами лукаваго твое слово было ужъ сказано.

— Да вѣдь апостолы не плясали, не кружились, — сказала Дуня.

— О томъ въ писаніи прямо не говорится, но преданіе осталось. А въ самомъ писаніи нигдѣ нѣтъ отрицанья, чтобъ

у апостоловъ не было тѣхъ самыхъ радѣній, какія дошли до насъ, — сказала Варенька. — Говорится тамъ: «вселюся въ нихъ и похожду». Вотъ Онъ и ходитъ въ Своихъ людяхъ, и тогда не своей волей они движутся, но волей Создателя ихъ душъ... И прежде, гораздо прежде апостольскихъ временъ бывало то же самое. Вспомни царя Давида, какъ плясалъ онъ передъ кивотомъ. Что̀ ты ни видѣла въ Сіонской горницѣ, что̀ ни слышала тамъ — это все земное выраженье небесной радости... Пока ты еще не можешь постигнуть священнаго таинства, поймешь его, когда будешь приведена. Разверзутся тогда очи твои, и все непонятное станетъ тебѣ ясно, какъ день... О!.. велика благодать постигнуть тайну сокровенную!

Задумалась Дуня. Спустилась съ ея плечъ сорочка, обнажилась бѣлоснѣжная грудь. Стыдливо взглянула она и торопливо закрылась.

— Что̀? На тѣло свое полюбовалась? — съ усмѣшкой спросила ее Варенька. — Что̀?.. Хороша пища для могильныхъ червей? Красиво созданье врага? На темницу своей души залюбовалась!.. Есть чѣмъ любоваться!.. Что̀ росинка въ морѣ-океанѣ, то̀ жизнь земного тѣла въ вѣчности!.. Не замѣтишь, какъ жизнь кончится, и станешь прахомъ... Гадко тогда будетъ живому человѣку прикоснуться къ твоей красѣ... Презирай, угнетай, умерщвляй пакостное тѣло свое, душу только блюди, ее возвышай, покоряла-бъ она скверную плоть твою!.. Да будетъ мерзка тебѣ красота!.. Она отъ врага!.. Презирай, губи ее, губи ее, гадкую, мерзкую!..

Такъ говорила дѣвушка въ полномъ цвѣтѣ молодости, пышная, здоровая, несмотря на давнее ужъ умерщвленіе плоти.

Промолчала Дуня.

— Что-жъ однако это за тайна сокровенная? — промолвила она послѣ недолгаго молчанья. — Сколько времени слышу я про нее... Вотъ и на собраньи была, а тайны все-таки не узнала... Гдѣ-жъ она, въ чемъ?.. Не въ пляскѣ же, не въ круженьи, не въ безумныхъ рѣчахъ Софронушки, не въ дурацкомъ ревѣ дьякона...

— Тайна, отъ вѣковъ сокровенная, избраннымъ только открыта, — строгимъ, не допускающимъ противорѣчія голосомъ, садясь на диванъ, проговорила Варенька. — Тайна отъ вѣковъ и родовъ сокровенная, нынѣ-жъ однимъ святымъ только открытая, которымъ восхотѣлъ Богъ показать, сколь велико богатство славы Его, сокрытое отъ язычниковъ въ тайнѣ сей *). Поняла?

*) «Посланіе къ Колоссеямъ», I, 26.

Молчала Дуня.

— Ты внѣшній только образъ сокровенной тайны видѣла,— продолжала Варенька: — а пока останешься язычницей, не можешь принять «внутренняя» этой тайны. Когда приведутъ тебя — все поймешь, все уразумѣешь. Тогда тайна покажетъ тебѣ богатство Господней славы... Помнишь, что̀ сказалъ Онъ тебѣ устами Катеньки?.. Не колебли же мыслей, гони прочь лукаваго — и будешь избраннымъ сосудомъ славы... Истину говорю тебѣ.

А Дунѣ слышится голосъ Манеѳинъ:—«Болото!.. Загрязнешь, утонешь, утонешь!..»

— Не знаю, что̀ тебѣ сказать... — молвила она Варенькѣ послѣ долгаго раздумья. — Сомнѣнье... — чуть слышно она прибавила.

— А ты кто, что съ Богомъ споришь? — восторженно воскликнула Варенька. — Господь тебя сотворилъ сосудомъ избраннымъ, а ты смѣешь спорить, сомнѣваться?.. Что̀ Катенька сказала тебѣ?.. Не ея было слово, а слово Вышняго... «Дамъ тебѣ ризу свѣтлу, серафимскія крылья, семигранный вѣнецъ, и тутъ милости Моей не конецъ!..» Вотъ слова Духа Святого о тебѣ, а ты вздумала съ Богомъ бороться!.. Онъ тебя призываетъ, а ты слушаешь врага!.. Не внимай кознямъ его, плюнь на супостата, отвернись отъ него, милая Дунюшка!

— Боюсь я... Страшно... — послѣ недолгаго молчанья, трепетнымъ голосомъ промолвила Дуня. — Все у васъ такъ странно!.. Какъ же можно Богу пляской молиться?

— Боязнь твоя отъ лукаваго. Онъ вселяетъ въ тебя страхъ, — сказала Варенька. — Не въ тѣлесныхъ движеньяхъ, не въ круженьяхъ, не въ пляскѣ Богъ силу Свою являетъ, но въ откровеньяхъ... Наитіе Святого Духа — вотъ цѣль радѣній... Иного средства призвать Его сошествіе не знаемъ. Но такъ ли, этакъ ли привлечь Его на себя — все равно... Видѣла Катеньку? Какова она была въ святомъ восторгѣ?.. А не все ли равно, какимъ путемъ благодать ни сошла на нее? Скаканьемъ ли, пляской ли, земными ли поклонами? Подумай хорошенько объ этомъ, обсуди безъ пристрастья... Пойми, что слава Божья, какимъ бы путемъ ни сошла она на избранныхъ, — спасительна. Сомнѣнья твои — хула на Святого Духа, а этотъ грѣхъ не прощается. И въ писаніи такъ сказано... Помнишь?

— Не то я въ книгахъ читала, — дрожащимъ голосомъ скорбно промолвила Дуня.

— А ты хочешь, чтобъ сокровенная тайна въ книгахъ была открыта?., — возразила Варенька, — Да вѣдь книгу-то всякій

можетъ читать, а тайна Божья совершается тайно... Нельзя ее всякому открывать — сказано: «не мечите бисера передъ свиньями»... Ты только тѣлесными очами видѣла и тѣлесными ушами слышала, какъ совершается тайна; но вѣдь ты еще не познала ее. Вотъ когда будешь приведена, тогда очи души твоей откроются, и уши твоего ума разверзнутся. Тогда и въ прочитанныхъ тобой книгахъ поймешь все. Сотканная врагомъ темная завѣса спадетъ съ твоихъ глазъ и со слуха.

Молчала Дуня. Борьба вѣры съ сомнѣньями все ее потрясала... И къ тайнѣ влекло, и радѣльные обряды соблазняли. Чувствовала она, что разумъ сталъ мутиться у ней. Послѣ долгаго колебанья сказала она Варенькѣ:

— Ни Марья Ивановна ни ты не говорили мнѣ про то, что̀ видѣла и слышала я на радѣньяхъ. Я представить себѣ не могла, чтобъ это было такъ изступленно, безъ смысла, безъ разума.

— «Безумное Божье превыше человѣческой мудрости». Кто сказалъ это?—вскликнула Варенька.—Да, ни я ни тетенька тебѣ не открыли всего, и сдѣлано это не безъ разума. Скажи мы тебѣ обо всемъ прежде времени, не такъ бы еще врагъ осѣтилъ твою душу. Впрочемъ, я говорила, что радѣльные обряды похожи на пляску, на хороводы... Говорила вѣдь?

— Говорила, — тихо промолвила Дуня.

— Говорила, что въ минуты священнаго восторга самъ Богъ вселяется въ людей и ходитъ въ нихъ по писанію: «вселюся въ нихъ и похожду»?—съ жаромъ продолжала Варенька.

— Говорила, — чуть слышно отвѣтила Дуня.

— А про то говорила, что въ эти минуты люди все забываютъ, землю покидаютъ, въ небесахъ пребываютъ?—еще съ большей горячностью въ страстномъ порывѣ вскликнула Варенька.

— Да, помню... Подъ пальмами ты говорила это, — отвѣтила Дуня.

— Что̀ дѣлаютъ въ то время избранные люди — они не знаютъ, не помнятъ, не понимаютъ... Только Духъ Святой знаетъ, Онъ ими движетъ. Угодно ему — люди Божьи скачутъ и пляшутъ, не угодно — пребываютъ недвижны... Угодно Ему — говорятъ, не угодно — безмолвствуютъ. Тутъ дѣло не человѣческое, а Божье. Страшись его осуждать, страшись изрекать хулу на Святого Духа... Сколько ни кайся потомъ — прощенья не будетъ.

— Непостижимо уму и страшно, — чуть слышно промолвила Дуня.

— Мысль вражья!.. — вскликнула Варенька. — Гони губи-

теля душъ, гони отъ себя!.. Вѣруй безъ разсужденій, безъ колебаній!.. Вѣруй, и вѣра твоя спасетъ тебя. На Господа возложи тревожныя думы — Онъ избавитъ тебя отъ сѣти ловчей и отъ словъ мятежныхъ.

Долго говорила съ Дуней Варенька. Одѣвшись, онѣ пошли въ пальмовую теплицу и тамъ еще много говорили. Разсѣялись отчасти сомнѣнія Дуни.

Идутъ дни за днями, идетъ въ Луповицахъ обычная жизнь своей чередою. На другой день послѣ радѣнья разошлись по домамъ и матросъ и дьяконъ, уѣхали Строинскій и Кисловъ; Катенька осталась погостить. Остался на пасѣкѣ и блаженный Софронушка; много было съ нимъ хлопотъ старому пасѣчнику Кирилѣ... Нѣтъ отбоя отъ бабъ... Изъ-за пятнадцати, изъ-за двадцати верстъ старыя и молодыя гурьбами приходили въ Луповицы узнавать у юрода судьбу свою. Съ пасѣки его никуда не пускали, бѣдъ бы не натворилъ, потому Кирилина пасѣка съ утра до ночи была въ бабьей осадѣ.

Катеньку помѣстили въ комнатѣ возлѣ Вареньки и Дуни. Всѣ вечера дѣвушки втроемъ проводили въ бесѣдахъ, иной разъ зайдетъ, бывало, къ нимъ и Марья Ивановна либо Варвара Петровна. А день весь почти дѣвушки гуляли по саду либо просиживали въ теплицѣ; тогда изъ богадѣльни приходили къ нимъ Василиса съ Лукерьюшкой. Эти бесѣды совсѣмъ почти утвердили колебавшуюся Дуню въ вѣрѣ людей Божьихъ, и снова стала она съ нетерпѣньемъ ждать той ночи, когда примутъ ее во «святый блаженный кругъ вѣрныхъ-праведныхъ». Тоска однако ея не покидала.

Грустить, а сама не знаетъ, о чемъ тоскуетъ. По отцѣ Дуня не соскучилась, къ Дарьѣ Сергѣвнѣ давно охладѣла, Груню забыла, забыла и скитскихъ пріятельницъ.—«По разнымъ мы пошли дорогамъ, — думаетъ она: — зачѣмъ же мнѣ объ нихъ думать? Имъ своя доля, мнѣ иная...» Не могла однако равнодушно вспомнить про Фленушку. Не знала еще Дуня, чѣмъ кончилась поѣздка къ ней Самоквасова, и хоть всячески старалась забыть былое, но каждый разъ, только-что вспомнится ей Фленушка, ревность такъ и закипитъ въ ея сердцѣ. И вспадаетъ ей тогда на память либо сонъ, что видѣлся послѣ радѣнья, либо катанье въ косной по Окѣ. Нѣтъ-нѣтъ и послышится пѣсня гребцовъ:

Полюби меня, Дуняша,
Люби, миленькій дружокъ.

«Да вѣдь не мнѣ была та пѣсня пѣта... — думаетъ она, а тоска щемитъ да щемитъ ей сердце, — Наташа замужемъ, а

онъ меня покинулъ... Не надо его, не надо!.. И думать о немъ не хочу!»

А сама все думаетъ.

Разъ съ Катенькой вдвоемъ сидѣла Дуня въ тѣнистой аллеѣ цвѣтущихъ липъ. Было тихо, безмолвно въ прохладномъ и благовонномъ мѣстечкѣ, только пчелы гудѣли вверху, сбирая сладкую добычу съ душистыхъ цвѣтовъ. Разговорились дѣвушки, и обмолвилась Дуня, помянула про Самоквасова.

— Когда я въ первый разъ увидала тебя, Дунюшка, была я тогда въ Духѣ, и ничто земное тогда меня не касалось, ни о чемъ земномъ не могла я и помышлять, — сказала Катенька, взявши Дуню за руку. — Но помню, что, какъ только я взглянула на тебя — увидала въ сердцѣ твоемъ неисцѣлѣвшія еще язвы страстей... Знаю я ихъ, сама болѣла тѣми язвами, больше болѣла, чѣмъ ты.

— Ахъ, нѣтъ, вѣдь я покинутая. Какъ было мнѣ горько, какъ обидно, — низко склонивъ голову и зардѣвшись, чуть слышно промолвила Дуня.

— Цѣловалъ онъ тебя?.. Обнималъ? — блѣднѣя и пылая глазами, спросила Катенька.

— Какъ можно!.. — пуще прежняго зардѣвшись, отвѣтила Дуня. — Развѣ бы я позволила?

— Говорила ему, что полюбила его?

— Что ты?.. — почти съ ужасомъ воскликнула Дуня.

— Такъ онъ одинъ говорилъ тебѣ про любовь?.. Что-жъ онъ? Увѣрялъ, заклиналъ, что вѣкъ будетъ любить?.. Сватался?.. — спрашивала Катенька.

А глаза у ней такъ и пышутъ, и трепетно поднимается высокая грудь. Едва переводитъ дыханье.

— Никогда не было того, — потупившись, отвѣчала Дуня.

— Вѣрно говоришь?

— Вѣрно.

— Значитъ, межъ вами ничего и не было, — молвила Катенька. — Не о чемъ тутъ и говорить — не язва у тебя на сердцѣ, а пустая царапинка.... Не то я испытала... Не то я перенесла...

— Ахъ, Катенька, не знаешь ты, каково мнѣ было тогда... Изстрадалась я совсѣмъ, — крѣпко прижимаясь къ подругѣ, воскликнула Дуня. — Даже и теперь больно, какъ только вспомню... Царапина!.. Не царапина, а полсердца оторвалось, покой навѣкъ рушился, душа стала растерзана.

И, стремительно махнувъ рукой, вперила на Катеньку страстно загорѣвшіяся очи.

— Слушай теперь мою исповѣдь, — съ грустной улыбкой

молвила Катенька. — Слушай, словечка не пророни, а потомъ и ровняй себя со мной... Твоихъ лѣтъ я была, какъ спозналась съ любовью. Собой красавецъ, тихій, добрый, умница, скромникъ, какихъ мало, богатъ, молодъ, со всей петербургской знатью родня, военный, князь... Мнѣ, бѣдной, незнатной, неученой, и въ голову не приходило, что я могу понравиться такому человѣку... А онъ ищетъ моей любви, открывается въ ней... И я полюбила его... И какъ полюбила-то!.. Присватался... Батюшка съ матушкой согласны, обо мнѣ и говорить нечего — себя не помнила отъ радости и счастья... И не видала я, какъ пролетѣли три мѣсяца, пролетѣли они ровно три минутки... Однѣ были у насъ съ нимъ чувства, однѣ думы, и ни въ чемъ желанья наши не расходились... Страстенъ и пылокъ онъ былъ, но смирялъ порывы... Предупреждалъ каждое мое желанье, а когда, бывало, по неумѣнью не такъ что̀ скажу, научитъ такъ кротко, съ такою любовью... Наглядѣться на него я не могла... Возненавидѣла ночи, нельзя было по ночамъ оставаться съ нимъ, жадно желала вѣнца, чтобы послѣ вѣнчанья ни на мигъ не разлучаться съ нимъ... Пришла надобность ему быть въ Петербургѣ, поѣхалъ ненадолго, и уговорились мы на другой же день послѣ его возврата вѣнчаться... Сколько было слезъ на разставаньи, и онъ рыдалъ, жгучими слезами плакалъ, а я ужъ и не помню ничего, была внѣ ума... Писалъ... Сколько счастья, сколько радостей письма его приносили!.. Въ разлукѣ еще сильнѣй я полюбила его... И вдругъ!.. Женился на другой, уѣхалъ за границу... Съ ума, слышь, сходила я... Поднялъ меня Всемогущій Отецъ, возвратилъ потерянный разумъ, возвратилъ и память... Тогда я возненавидѣла князя... Если бы, кажется, попался онъ мнѣ, я-бъ на куски его растерзала... Никому ни слова о немъ не говорила, и всѣ думали, что онъ у меня изъ памяти вонъ... Но я ничего не забыла... Все думала, какъ бы зломъ за зло ему заплатить... Не могла придумать... Писать къ нему, осыпать проклятьями, но въ объятьяхъ жены онъ и не взглянетъ на мое писанье, а ежель и прочитаетъ, такъ только развѣ насмѣется... Ѣхать къ нему собралась-было, пощечиной думала въ глазахъ жены его осрамить, либо подкупить кого-нибудь, чтобъ его осрамили — на поѣздку средствъ недостало... Да и то разсудила я — оплеуха женщины мужчинѣ не безчестье, они цѣлуютъ ударившую руку и потомъ всякому поперечному разсказываютъ объ этомъ и вмѣстѣ смѣются... Станутъ говорить о тебѣ, какъ о брошенной наложницѣ... Будь чиста, будь свята и непорочна — все-таки на тебѣ безчестье...

Съ каждымъ словомъ Катенька воспламенялась больше и

больше. И вдругъ, облокотившись на столикъ руками и закрывъ лицо ладонями, она замолкла, сдерживая подступавшія рыданья. Дуня ни слова.

Отвела руки отъ лица Катенька, гордо закинула назадъ красивую головку и сказала, ровно отчеканила:

— Что̀ было, то минуло. Отъ прожитаго не осталось ничего.

Глаза горѣли, но ужъ не попрежнему. Иной огонь, яркій и рѣзкій, блисталъ въ ея взорахъ, — то былъ огонь изступленья, огонь изувѣрства.

— Все съ меня сошло, все во мнѣ исчезло, — восторженно продолжала она. — Утолились сердечныя боли, насталъ душевный покой. Новое счастье, ни съ чьимъ несравнимое, я познала... Не можетъ разсказать о немъ языкъ человѣческій... Самое полное счастье земной любви ничто передъ тѣмъ блаженствомъ небесной любви, что̀ ощущаешь въ себѣ во время наитія Святого Духа. То мракъ, а это свѣтъ лучезарный; то земля, полная горя и плача, а это свѣтлое небо, полное невообразимыхъ радостей; то блужданье во тьмѣ кромѣшной, это — паренье души въ небеса.

— Въ чемъ же то счастье? Въ чемъ блаженство? Я все еще не могу понять, — послѣ короткаго молчанья спросила Дуня.

— Когда Духъ Святой снидетъ на тебя, душа твоя и тѣло обратятся въ ничто, — сказала Катенька. — Ни тѣло тогда не чувствуетъ ни душа. Нѣтъ ни мыслей, ни памяти, ни воли, ни добра, ни зла, ни разума, ни безумія... Ты паришь тогда въ небесныхъ кругахъ, и нѣтъ словъ разсказать про такое блаженство... Не испытавши, невозможно его понять... Одно слово — соединенье съ Богомъ. Въ самомъ раю нѣтъ радостей и наслажденья больше тѣхъ, какія чувствуешь, когда Духъ Святой озаритъ твою душу.

— А въ другое время? — спросила, подумавши, Дуня. — Тоскуешь? Вѣдь ежели кто узналъ хорошее, и потомъ нѣтъ его, тогда и скорбь, и грусть, и тоска.

— Душѣ, коснувшейся огненнаго языка Святого Духа, озаренной Его свѣтомъ, нѣтъ ни тоски, ни скорби, ни грусти. Нѣтъ для нея ни горя ни печали, нѣтъ и грѣховныхъ земныхъ радостей... Безстрастна та душа — и бѣды и счастье, и горе и радость, и скорбь и веселье не могутъ коснуться ея... Она безстрастна — нѣтъ для нея ни злобы, ни любви, ни желаній, ни стремленій... Она спитъ въ вѣчномъ, невозмутимомъ покоѣ... Сердце умерло, страстей нѣтъ — сожжены онѣ огненнымъ языкомъ Святого Духа, ихъ нѣтъ, и ничего нѣтъ, что̀ исходитъ изъ страстей: злобы, лжи, вражды, зави-

сти, нѣтъ и добра, нѣтъ и любви, нѣтъ и заботъ о чемъ бы то ни было... Одна только забота, одно желанье — поскорѣй разбить темницу, врагомъ для души построенную, умертвить грѣховную плоть... Все остальное чуждо таинственно умершему и таинственно воскресшему... Если-бъ передъ его глазами и земля и весь небесный сводъ разрушились, и тогда бы онъ съ полнѣйшимъ безстрастьемъ, безучастно глядѣлъ на такое разрушенье. Оно бы и не коснулось его, разрушилось бы только тлѣнное тѣло, но туда ему и дорога!

Еще долго говорила Катенька и совсѣмъ склонила Дуню на прежнее. И душой и сердцемъ стала теперь она стремиться къ «приводу».

И ночь привода не замедлила.

Ровно черезъ недѣлю послѣ собора Божьихъ людей, также въ субботу, подъ вечеръ, пріѣхали въ Луповицы Кисловъ и Строинскій, пришли матросъ Фуркасовъ и дьяконъ Мемнонъ. Былъ на тотъ день назначенъ приводъ Дуни и Василисушки.

Смерклось, собрались Божьи люди передъ входомъ въ Сіонскую горницу. Когда Николай Александрычъ, освѣтивъ ее, отворилъ двери, прежде всѣхъ вошли Дуня съ Марьей Ивановной, Варенькой и Катенькой, а за ней Василисушка съ Варварой Петровной, съ Матренушкой и еще съ одной богадѣленной старушкой. Изъ Сіонской горницы онѣ тотчасъ пошли въ коридоръ. Тамъ въ одной комнатѣ Дуню стали одѣвать въ «бѣлыя ризы», въ другой Василисушку.

Когда другіе Божьи люди облеклись въ «бѣлыя ризы», они пошли другъ за другомъ въ Сіонскую горницу, а Дуня и Василисушка остались въ полномъ уединеньи.

— Углубись въ себя, Дунюшка, помни, какое время для души твоей наступаетъ, — говорила ей передъ уходомъ Марья Ивановна. — Отложи обо всемъ попеченіе, только о Богѣ да о своей душѣ размышляй... Близишься къ свѣтозарному источнику благодати Святого Духа — вся земля, весь міръ да будетъ скверной въ глазахъ твоихъ и всѣхъ твоихъ помышленіяхъ. Безъ сожалѣнья оставь житейскія мысли, забудь все, что было — новая жизнь для тебя наступаетъ... Всѣмъ пренебрегай, все презирай, возненавидь все мірское. Помни — оно отъ врага... Молись!..

Поцѣловала Дуню, перекинула ей черезъ плечо «знамя», а сама тихими шагами пошла въ Сіонскую горницу.

Долго еще оставалась Дуня въ одиночествѣ. Пока у Божьихъ людей было общее прощеніе, пока кормщикъ читалъ житія и говорилъ поученіе, она была одна въ пустой комнатѣ. И чего тогда она ни передумала.

Вспомнила наставленье Марьи Ивановны — думать лишь о Богѣ и душѣ, и стала молиться на стоявшій въ углу образъ. Въ небреженьи онъ былъ — весь въ паутинѣ... Молилась Дуня, какъ съ дѣтства привыкла — съ крестнымъ знаменьемъ, съ земными поклонами.

Много разъ говорила ей Марья Ивановна, говорила и Варенька, что, вступая на путь Божій, должно отречься отъ міра, отъ отца съ матерью, ото всего рода, племени. «Вѣдь сказано, — стоя на молитвѣ, думаетъ Дуня: — «оставитъ человѣкъ отца и матерь свою и грядетъ по Мнѣ»... Ахъ тятя, тятя!.. Ахъ, ты, милый мой, милый тятенька!.. Какъ же я покину тебя, какъ забуду, что я дочь твоя, рожденье твое?.. «Притворяйся, — говорила намедни мнѣ Марья Ивановна: — притворяйся, чтобъ отецъ не замѣтилъ въ тебѣ перемѣны»... Не умѣю я, не смогу притвориться... Вѣдь это значитъ лукавить... А лукавить — служить лукавому, его волю творить... А я отъ него бѣжать хочу... Какъ же это?..»

Съ того времени, какъ познакомилась Дуня съ Марьей Ивановной и начиталась мистическихъ книгъ, ко всѣмъ ближнимъ своимъ, даже къ отцу, она стала холодна и непривѣтлива. Не то чтобъ она разлюбила отца, но какъ-то, сама не постигая отчего, сдѣлалась къ его горячей, беззавѣтной любви совсѣмъ равнодушною. Не заботили ее отцовскія заботы, не радовали его радости, не печалили его неудачи. А когда, поддаваясь увлеченьямъ крутого, вспыльчиваго нрава, Марко Данилычъ оскорблялъ кого-нибудь, тогда Дуня почти ненавидѣла его. Охлажденье росло съ каждымъ днемъ и особенно усилилось во время разлуки подъ вліяньемъ Марьи Ивановны и другихъ людей Божьихъ. По нѣскольку дней отецъ даже на память ей не прихаживалъ... И вдругъ передъ самымъ тѣмъ часомъ, какъ должна она разорвать навсегда сердечныя съ нимъ связи, воскресла въ ея душѣ прежняя любовь. Такъ бы вотъ вольной пташкой и полетѣла къ нему, такъ бы вотъ и бросилась въ его объятья, такъ бы и прижалась къ груди родительской.

Припоминаетъ Дуня отцовскія ласки, вспоминаетъ его доброту къ ней и заботливость, вспоминаетъ и тотъ день, когда онъ подалъ ей обручальное кольцо... «Къ чему оно теперь?.. Кому?..» — думаетъ Дуня, и вдругъ передъ душевными ея очами возстаетъ Петръ Степанычъ... Неясные, однообразные звуки чтенія Николая Александрыча едва доносятся до Сіонской горницы, но вмѣсто нихъ Дунѣ слышится пѣсенка:

Я принесъ тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой...

Вздрогнула она, перекрестилась... «Искушеніе, — подумала она: — князь міра смущаетъ... Отыди, исчезни!..» Но не слышитъ князь міра ея заклинаній, попрежнему слышится ей:

> На бѣлую грудь цѣпочку,
> На шеюшку жемчужокъ,
> Ты гори, гори, цѣпочка,
> Разгорайся, жемчужокъ!..

«Господи, Господи! — молится Дуня, взирая на подернутый паутиною образъ. — Запрети лукавому... Къ Тебѣ иду... Порази его, супротивнаго, Своей яростью...»

А Петръ Степанычъ ровно живой стоитъ передъ ней. Вьются темно-русые кудри, пышетъ страстью лицо, горятъ любовью искрометныя очи, гордо, отважно смотритъ онъ на Дуню; а гулъ чтенія въ Сіонской горницѣ кажется ей страстнымъ напѣвомъ:

> Полюби меня, Дуняша,
> Люби, миленькій дружокъ!

Бросилась она на колѣни и, опершись локтями на кресло, закрыла руками лицо. Слезы ручьями текутъ по блѣднымъ щекамъ.

Звонъ на колокольнѣ — двѣнадцать.

Тихо, беззвучно растворилась дверь, — въ бѣлой радѣльной рубахѣ, съ пальмовой вѣткой въ рукѣ, съ пылающимъ взоромъ вошла Марья Ивановна.

— Молилась? Это хорошо! — сказала она. — Идемъ.

И, не выждавъ отвѣта, торопливо схватила Дуню за руку и повлекла въ Сіонскую горницу.

Тамъ сидѣли Божьи люди, у всѣхъ въ рукахъ зажженныя свѣчи, пальмы лежали возлѣ. Стоя у стола, Николай Александрычъ держалъ крестъ и евангеліе.

Дуня остановилась въ дверяхъ, рядомъ съ ней ея воспріемница Марья Ивановна. Божьи люди запѣли церковную пѣснь: «Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу». Дьяконъ Мемнонъ такъ и заливался во всю мочь богатырскаго своего горла.

— Зачѣмъ ты пришла сюда? — строгимъ голосомъ спросилъ Дуню Николай Александрычъ.

Дуня смѣшалась. Забыла наставленья, изъ памяти вонъ, чтò надо ей отвѣчать. Марья Ивановна подсказала, и она, опускаясь на колѣни, слабымъ голосомъ отвѣтила:

— Душу спасти.

— Доброе дѣло, спасённое дѣло, — сказалъ Николай Александрычъ. — Благо твое хотѣніе, дѣвица. Но безъ крѣпкой поруки невозможно мірскому войти во святой кругъ вѣрныхъ-праведныхъ. Кого дашь порукой?

— Матушку Царицу Небесную, — чуть слышно промолвила Дуня.

— Хорошо, если такъ,— сказалъ Николай Александрычъ.— Смотри же, блюди себя опасно, не была-бъ тобой поругана Царица Небесная.

— Всегда обѣщаюсь пребывать въ заповѣдяхъ истинной вѣры, никогда не поругаю свою поручительницу.

— Доброй ли волей пришла въ сей освященный соборъ?— продолжалъ Николай Александрычъ. — Не по страху ли, или по неволѣ, не отъ празднаго ли любопытства?

— Доброй волей пришла. Спасенье получить желаю, — отвѣчала Дуня.

— А извѣстны-ль тебѣ тягости и лишенія, что̀ тебя ожидаютъ? Не легко знать, не легко и носить утаенную отъ міра тайну, — сказалъ Николай Александрычъ. — Иго тяжелое, неудобоносимое хочешь ты возложить на себя. Размыслила ли о томъ? Надѣешься ли на свои силы?

— Размыслила, рѣшилась и на себя надѣюсь, — подсказала Дунѣ Марья Ивановна, и та повторила.

— Должна ты отречься отъ міра и ото всего, что̀ въ немъ есть, — продолжалъ Николай Александрычъ. — Должна забыть отца и мать, братьевъ, сестеръ, весь родъ свой и племя. Должна отречься отъ своей воли, не должна имѣть никакихъ желаній, должна все исполнять, что-бъ тебѣ ни повелѣли, хотя-бъ и подумалось тебѣ, что это зазорно или неправедно... Должна ты не помышлять о грѣховной мірской любви, ничего не вспоминать, ни о комъ не думать. Должна избѣгать суеты, въ гости не ходить, на пирахъ не бывать, мясного и хмельного не вкушать, пѣсни пѣть только тѣ, что̀ въ соборахъ вѣрныхъ поются. Должна ты быть смиренною, изо всѣхъ грѣховъ нѣтъ тяжелѣй гордости, это самый великій грѣхъ, за гордость свѣтлѣйшій архангелъ былъ низвергнутъ во адъ. Ничѣмъ не должна ты гордиться, ни даже своимъ цѣломудріемъ... Если-бъ даже было тебѣ повелѣно лишиться его — не колеблясь должна исполнить сказанную тебѣ волю... О тайнѣ же сокровенной, о святомъ служеніи Богу и Агнцу не должна никому сказывать: ни отцу родному, ни отцу духовному, ни царю и никому, кто во власти... Доведется пострадать за тайну, должна безропотно принять и гоненія и всякія муки — огонь, кнутъ, плаху, топоръ, но тайны сокровенной никому не повѣдать... Если же предашь ее — будетъ тебѣ одна участь съ Іудой. Исполнишь ли все, что̀ говорю?

— Исполню, — дрожа отъ волненья, прошептала Дуня.

— Поди сюда, — сказалъ Николай Александрычъ.

Дуня подошла къ столу. Положивъ кресъ и евангеліе, кормщикъ взялъ ее за руку и трижды посолонь обвелъ вокругъ стола. Марья Ивановна шла за нею. Всѣ пѣли: «Елицы отъ Христа въ Христа креститеся, во Христа облекостеся».

Поставивъ Дуню передъ крестомъ и евангеліемъ, Николай Александрычъ велѣлъ ей говорить за собою:

— Пришла я къ Тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія не по неволѣ, а по своей волѣ, по своему хотѣнью. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, про сіе святое дѣло никому не открыть даже предъ смертною казнью, въ чемъ порукою даю Царицу Небесную Пресвятую Богородицу. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, на всякій день и на всякій часъ удаляться отъ міра и всей суеты его, и всего разврата его. Обѣщаюсь я Тебѣ, Господи, не имѣть своей воли, во всемъ творить волю старшихъ, что-бъ они ни повелѣли мнѣ — все исполнять, безо всякаго сомнѣнія... Прости меня, Господи, прости, Владычица Богородица, простите, ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся сила небесная!.. Прости, небо, прости, солнце, простите, мѣсяцъ, звѣзды, земля, озера, горы, рѣки и всѣ стихіи небесныя и земныя!..

После того Дуня приложилась ко кресту и евангелію, и кормщикъ сказалъ ей:

— Въ сіе время Божій ангелъ сходилъ съ неба. Онъ стоялъ передъ тобой и записывалъ обѣщанья твои. Помни это.

По слову Марьи Ивановны, Дуня перекрестилась обѣими руками и поклонилась въ землю Николаю Александрычу. Онъ тѣмъ же отвѣтилъ ей. Потомъ Марья Ивановна подводила ее къ каждому изъ людей Божьихъ, и на каждаго она крестилась и каждому отдавала земной поклонъ. И они тѣмъ же ей отвѣчали, поздравляя съ обновленіемъ души, съ крещеніемъ Святымъ Духомъ. Поздравляли и другъ друга съ прибылью для корабля, съ приводомъ новой праведной души.

Подала Марья Ивановна Дунѣ бѣлый батистовый платокъ, пальмовую вѣтку и рядомъ съ собой посадила. Послѣ того былъ приводъ Василисушки. Затѣмъ, обращаясь къ обѣимъ новымъ сестрицамъ, Божьи люди запѣли «приводную пѣснь»:

Ай, вы, дѣвушки, дѣвицы,
Вы духовныя сестрицы,
Когда Богомъ занялись,
Служить Ему задались —
Вы служите, не робѣйте,
Живу воду сами пейте,
На землю ее не лейте,
Не извольте унывать,
А на Бога уповать,
Рая въ Немъ ожидать.

Потомъ запѣли — «Дай къ намъ, Господи», и началось радѣнье. Сначала тихо и робко Дуня ходила въ женскомъ кругу, но потомъ стала прыгать съ увлеченьемъ, потрясая пальмой и размахивая батистовымъ покровцемъ.

На другой день послѣ привода Дуни ей отвели особую отъ Вареньки комнату. Въ то же время привезли къ Луповицкимъ почту изъ города. Между письмами было и къ Дунѣ отъ Марка Данилыча. Послано оно изъ Казани. Было въ немъ писано:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Любезной и дражайшей дочкѣ моей Авдотьѣ Марковнѣ при семъ кланяюсь и посылаю родительское мое благословеніе, навѣки нерушимое. Желаю ото всего моего родительскаго сердца знать про здоровье и благополучно ли ты доѣхала съ почтеннѣйшей и нами завсегда уважаемой госпожою Марьей Ивановной до своего мѣста. Потому отпиши безпремѣнно, единаго дня не медля, на мое имя въ Саратовъ, въ гостиницу Голубова, для того, что тамъ я располагаю пристать, а въ Саратовъ намѣреніе имѣю сплыть изъ Казани на пароходѣ послѣзавтрашняго числа. А еще болѣе того желаю знать, каково тебѣ въ гостяхъ; ты еще николи не покидала дома родительскаго, и для того мнѣ оченно желательно знать, какъ съ тобой господа обходятся, потому что, ежели что̀ нехорошее, такъ я свое рожденіе въ обиду не дамъ, и будь обидчикъ хоша разгенералъ, добромъ со мной не раздѣлается. Всего имѣнія и капиталовъ не пожалѣю, а до него доберусь и сдѣлаю надъ нимъ свое дѣло. Такъ ты и скажи господамъ Луповицкимъ и другимъ господамъ, которы компанію съ ними водятъ, что, молъ, тятенька за какую ни на есть обиду полмилліона, а надо, такъ и больше не пожалѣетъ, а обидчика, молъ, доѣдетъ. Скажи имъ всѣмъ — потому они и поопасятся. Ежели какую хоша самую малую обиду отъ кого получила, отпиши безъ замедленія на мое имя въ Саратовъ, въ гостиницу Голубова, а я тѣмъ же часомъ сряжусь и пріѣду, и тогда обидчикъ милосердія и ожидать не моги. А ежели тебѣ, дражайшая моя дочка Авдотья Марковна, житіе въ Луповицахъ хорошее и безобидное, то живи у Марьи Ивановны дольше того срока, какой я тебѣ на прощаньи далъ, для того, что я изъ Саратова сплыву въ Астрахань, а управившись тамъ, проѣду, можетъ статься, въ Оренбургъ по нѣкоему обстоятельству, а домой ворочусь развѣ къ самому Макарью. А потому или я самъ пріѣду за тобой, или Дарью Сергѣвну

съ Корнеемъ пришлю, а не то съ Васильемъ Ѳаддеевымъ, чтобы доставила тебя домой въ сохранности, ежель Марья Ивановна заблагоразсудитъ долго гостить у сродниковъ. А мнѣ было бы желательно по-прошлогоднему свозить тебя на ярмарку и потѣшить въ Нижнемъ, какъ прошлаго года. А ежели, паче чаянія, отпишешь ты ко мнѣ про обиды, тогда не токма въ Оренбургъ — и въ Астрахань не поѣду, Корнея замѣсто себя пошлю, а самъ самолично прiѣду въ Луповицы и за всякое зло воздамъ сторицею. Такъ они это и знай, такъ имъ и скажи. Оченно мнѣ гребтитъ, что ты, любезная дочка, возлюбленное мое рожденіе, отчуждена, живучи у господъ, отъ истинной, святоотеческой древле-православной вѣры — смотри же у меня, не вступай во дворъ козлищъ, иже имутъ лѣвое стояніе предъ Господомъ на страшномъ судѣ. Въ ихнюю церковь входить не дерзай и ото всякихъ ересей блюди себя опасно, дабы не погрѣшить и къ осужденнымъ на вѣчныя муки не быть сопричтенной. А насчетъ рыбы дѣла плохія, одначе сего не сказывай никому. Веденеевъ съ Меркуловымъ все дѣло испортили. Убытковъ хоша не приму, а барышей и половины не доспѣю супротивъ того, какъ по веснѣ разсчитывалъ. Одно только и есть утѣшеніе, что Орошину при такихъ цѣнахъ совсѣмъ не сдобровать, и ежели явитъ Господь такую милость, такъ ему, пожалуй, по скорости придется и несостоятельнымъ объявиться. Оченно вздонжили его Веденеевъ съ Меркуловымъ — изо рта кусокъ вырвали. А здѣсь, будучи въ Казани, повстрѣчалась мнѣ въ Коровинской часовнѣ комаровская мать Таифа. Покамѣстъ до Макарья поѣхала за сборами на Низъ, сказывала она про твоихъ подругъ: Флена Васильевна благую часть избра, яже не отымется отъ нея — ангельскій чинъ приняла и постриженіе, и, какъ надо полагать, по кончинѣ матушки Манеѳы сидѣть ей въ игуменьяхъ. А Патапа Максимыча дочка Прасковья Патаповна тяжела, на сносяхъ, а зятька ихняго Таифа не одобряетъ — былъ-де архіерейскій посолъ, а сталъ собачій мосолъ — отъ одного берега отсталъ, къ другому не присталъ. Такъ этими самыми словами и говоритъ. Аксинья Захаровна, сказывала мать Таифа, оченно скорбна, разболѣлась вся, на ладанъ, слышь, дышитъ. Аграфена Петровна тоже недомогаетъ. Отъ Дарьи Сергѣвны третьяго-дня письмо получилъ — въ домѣ у насъ все благополучно, только Василій Ѳаддеевъ ненарокомъ ногу себѣ топоромъ порубилъ. А здѣсь, въ Казани, въ Рыбнорядскомъ трактирѣ третьяго-дня видѣлся съ Петромъ Степанычемъ Самоквасовымъ — можетъ, не забыла, тотъ самый, что̀ въ прошломъ году у матери Манеѳы въ оби-

тели съ нами на Петровъ день кантовалъ*), а послѣ того у Макарья насъ съ Дорониными въ косной по рѣкѣ каталъ. Еще рыбу тогда ловили. Дѣльцо у него есть съ дядей по наслѣдству. Хоша его дѣло и чисто, да у дяди, надо думать, рука сильна, не миновать, слышь, Петру Степанычу, чтобъ до московскаго сената не дойти, посудятъ ли тамъ по-божески — одинъ Господь вѣдаетъ, а теперь покамѣстъ все закрыто. А Петръ Степанычъ ровно самъ не свой — «одинъ конецъ, говоритъ, хоть въ омутъ головой!». А насчетъ Коровинской часовни дѣла происходятъ не очень того чтобы ладныя; склоняются многіе на единовѣріе. Засимъ, прекратя сіе письмо, еще посылаю тебѣ, любезная дочка моя Авдотья Марковна, заочное родительское благословеніе, навѣки нерушимое, и ото всего моего сердца желаю тебѣ добраго здравія и всякаго рода благополучія, а засимъ остаюсь любящій тебя отецъ твой Марко Смолокуровъ. А отъ бояръ и ото всякихъ господъ мужеска пола всячески берегись, дражайшая моя дочка Авдотья Марковна, блюди себя во всякой сохранности, дабы не было безчестья, на то посылаю тебѣ строгій мой родительскій приказъ. Сколько ни люблю тебя и ни жалѣю, а ежели, помилуй Богъ, такой грѣхъ случится, тогда не токмо ему треклятому, но и тебѣ, моей дочкѣ, съ плечъ голову сорву. Болѣе сего писать не предвижу и потому, прекративъ сіе письмо, посылаю тебѣ родительское благословеніе, навѣки нерушимое».

Равнодушно прочитала отцовское письмо Дуня. Тому лишь порадовалась, что можно ей дольше гостить въ Луповицахъ. Что̀ за дѣло ей до разъѣздовъ отца, до Параши, до Аксиньи Захаровны, до всѣхъ, даже до Груни. Иныя теперь мысли, иныя стремленія. Злорадно однакожъ подумала она о постригѣ Фленушки...

«Ото всякихъ ересей блюди себя опасно...» — при первомъ чтеніи письма эти слова прошли незамѣченными, но потомъ то и дѣло стали звучать въ ушахъ Дуни. Слышала она, ясно слышала, особенно въ ночной тиши, голосъ отца, тихій и ласковый, какимъ всегда онъ говаривалъ съ ней. И задумывалась Дуня, вспоминая, гдѣ она теперь, куда ее привели... Всѣми силами старается прогнать тревожную мысль. «Вражье искушеніе! — думаетъ она. — Отецъ — человѣкъ плоти, надъ нимъ власть лукаваго. Онъ эти слова ему подсказалъ... Какая тутъ ересь?.. Служеніе Богу и Агнцу!»

А все-таки ни одной ночи Дуня не можетъ провести спокойно: то звучатъ отцовскія слова, то видится ей Петръ Сте-

---

*) *Кантовать* — пировать, съ гульбой, съ пѣснями.

панычъ, скорбный, унылый... И становится Дунѣ жалко отца, жалко становится и Петра Степаныча.

Изъ писемъ къ Николаю Александрычу одно всѣхъ порадовало. Прислано было оно изъ Тифлиса племянникомъ Варвары Петровны, Егоромъ Сергѣичемъ Денисовымъ. Ѣздилъ онъ за Кавказъ по какому-то казенному порученью. Вотъ что̀ писалъ онъ между прочимъ:

«Дѣла подходятъ къ концу, скоро ворочусь въ Россію, сверну съ прямой дороги и заѣду къ вамъ въ Луповицы. Былъ въ Ленкоранѣ и вездѣ вокругъ Александрополя видѣлъ, бесѣдовалъ, лично обо всемъ разскажу».

Всѣ, кромѣ не знавшей Денисова Дуни, просіяли отъ этого посланія.

— Егорушка пріѣдетъ, Егорушка Денисовъ! — радостно говорилъ Николай Александрычъ женѣ, брату, невѣсткѣ и племянницѣ. И тѣ были также въ восторгѣ.

Егоръ Сергѣичъ Денисовъ повсюду у хлыстовъ былъ великъ человѣкъ. Знали его и образованные люди Божьи, и монахи съ монахинями, и сестры женскихъ общинъ, приведенныя къ познанію тайны сокровенной, слыхали о немъ по всѣмъ городамъ, по всѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ только живутъ хлысты. Не радѣньями, не пророчествами достигъ онъ славы, а бесѣдами своими, когда объяснялъ собратьямъ правила сокровенной вѣры, служеніе Богу и Агнцу. Былъ еще онъ молодой человѣкъ съ небольшимъ тридцати лѣтъ. Былъ бы рѣдкимъ красавцемъ, если-бъ не мертвенная блѣдность истомленнаго лица, не видъ полуживого человѣка. Зато большіе черные глаза горѣли у него такимъ огнемъ, и было въ нихъ такъ много жизни, что онъ, смотря на человѣка, казалось, проникалъ въ его душу. Никто не могъ долго смотрѣть на Денисова, невольно потуплялись глаза, не вынося блеска проницательныхъ глазъ его. Еще въ дѣтствѣ, лишившись отца съ матерью, былъ онъ подъ опекой Луповицкаго. Въ ранней молодости служилъ онъ морякомъ и тогда въ Кронштадтѣ хаживалъ въ «братское общество», гдѣ ужъ мало тогда оставалось людей образованныхъ. Татаринову изъ Петербурга ужъ выслали, одновѣрцевъ ея тоже разослали по монастырямъ *). Еще въ Луповицахъ, гдѣ жилъ онъ въ дѣтствѣ до поступленія въ мор-

---

*) Это было въ 1837 г. Татаринова сослана въ Кашинскій монастырь, тайный совѣтникъ Поповъ — въ Зилантовъ монастырь въ Казани, Ѳедоровы мужъ и жена — въ новгородскіе монастыри. Дубовицкій — въ Саровскую пустынь, а потомъ въ суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь либо въ Соловки, и т. д.

свой корпусъ, Денисовъ зналъ кое-что про людей Божьихъ, но былъ еще такъ малъ, что не рѣшались ему показать радѣнья. Въ Кронштадтѣ случайно узналъ онъ, что тамошнее «братское общество» — тѣ же Божьи люди, что̀ и въ Луповицахъ. Сталъ онъ туда похаживать, но не могли матросы объяснить ему таинственной вѣры своей. Тогда рѣшился Денисовъ искать разъясненій ея по хлыстовскимъ кораблямъ. Разсудивъ, что на морскомъ кораблѣ не доѣхать ему ни до какого корабля людей Божьихъ, онъ вышелъ въ отставку и въ гражданской службѣ занялъ должность небольшую, но и немалую. То было ему дорого, что она требовала дальнихъ разъѣздовъ. Сряду нѣсколько лѣтъ разъѣзжалъ Егоръ Сергѣичъ то по средней Россіи, то по Волгѣ, то по Новороссіи, былъ даже въ Сибири и за границей въ Молдавіи. Вездѣ сводилъ онъ знакомство съ людьми Божьими и теперь возвращался изъ-за Кавказа, познакомившись тамъ съ «вѣденцами» *), извѣстными больше подъ именемъ «прыгунковъ».

Съ нетерпѣніемъ ждали Луповицкіе Егора Сергѣича. Ѣхалъ онъ съ подошвы Арарата, съ верховьевъ Евфрата, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ при началѣ міра былъ насажденъ Богомъ земной рай и гдѣ, по вѣрованьямъ людей Божьихъ, онъ вновь откроется для блаженнаго пребыванія святыхъ-праведныхъ, для вѣчнаго служенія ихъ Богу и Агнцу. Доходили слухи до Луповицъ, что тамъ, гдѣ-то у подножья Арарата, явился царь, пророкъ и первосвященникъ, что онъ торжественно короновался и, облачась въ порфиру, надѣвъ корону съ другими отличіями царскаго сана, подражая Давиду, съ гуслями въ рукахъ, радѣлъ среди многочисленной толпы на широкой улицѣ деревни Никитиной **). Доходило до Луповицъ и то, что царь Комаръ, опричь плотской жены, взялъ еще духовную, и что у каждаго араратскаго святого есть по одной, по двѣ и по три духовныхъ супруги. О духовныхъ супругахъ Луповицкіе

---

*) *Вѣденцами* (отъ слова *вѣдать*) они только сами себя зовутъ, утверждая, что вѣдаютъ Духа Святого. Зовутъ еще себя *духовными*. Посторонніе, за то, что они радѣютъ, какъ хлысты, зовутъ ихъ *прыгунками*, *трясунами*, а потому, что они увѣряютъ, будто «вѣдаютъ Духа» — *духами*. Эта секта — смѣсь молоканства съ хлыстовщиной — возникла между сосланными за Кавказъ съ Молочныхъ Водъ молоканами. Она считаетъ своимъ основателемъ Лукьяна Соколова. Бо̀льшая часть прыгунковъ живетъ въ деревнѣ Никитиной, близъ Александрополя. Есть они и въ Эриванскомъ уѣздѣ, и въ Ленкоранскомъ, и по другимъ мѣстамъ Закавказья. Преемникомъ Соколова былъ Максимъ Рудометкинъ или Комаръ — христосъ, пророкъ, первосвященникъ и царь духовныхъ. Онъ торжественно короновался въ деревнѣ Никитиной.

**) Тутъ анахронизмъ. Комаръ коронованъ позже, именно 19 декабря 1857 года.

имѣли самыя неясныя понятія. Читывали они про нихъ въ мистическихъ книгахъ, знали, что тотчасъ послѣ паденія Бонапарта духовныя супруги явились въ высшемъ прусскомъ обществѣ между придворными, принявшими секту мукеровъ; знали, что есть духовныя жены у сектантовъ Америки, знали, что изъ Пруссіи духовное супружество проникло и въ Петербургъ, но не могли понять, какъ это ученіе проникло за Кавказскія горы, и какъ ссыльный крестьянинъ Комаръ могъ усвоить ученіе кёнигсбергскаго архидьякона Эбеля, графини Грёбенъ и другихъ знатныхъ дамъ и государственныхъ людей Пруссіи... «Денисовъ знакомъ съ царемъ Комаромъ, онъ все разъяснитъ», — думали Луповицкіе. Больше другихъ ожидала гостя Марья Ивановна, хотѣлось ей хорошенько разузнать о духовныхъ супругахъ. Дуня, съ перваго знакомства, то и дѣло приставала къ ней съ вопросами о духовномъ супружествѣ, но старая дѣва не умѣла ей вполнѣ объяснить, въ чемъ тутъ дѣло.

Глава шестая.

Управившись съ дѣлами въ Астрахани и раздумавши ѣхать въ Оренбургъ къ Субханкулову, Марко Данилычъ домой поспѣшилъ. Дуня еще не возвращалась, и онъ написалъ къ ней письмо, съ приказомъ ѣхать скорѣе домой. «Макарій на носу, — писалъ онъ: — а мнѣ желательно тебя на ярманку свозить и потѣшить по-прошлогоднему».

— Что-жъ теперь дѣлать? — спрашивала Дуня Марью Ивановну.

— Не ѣхать, — отвѣтила та.

— Какъ же можно? — возразила Дуня. — Вѣдь онъ будетъ ждать; а не дождется, пріѣдетъ самъ, либо пришлетъ кого за мной.

— На ярманку, что ли, тебѣ хочется? — улыбнувшись, спросила Марья Ивановна.

— Что мнѣ до ярманки? — презрительно молвила Дуня. — Чего тамъ не видала? Въ лодкѣ катанья али театра?..

— Такъ вотъ что, — сказала Марья Ивановна. — Пиши отцу, что тебѣ на ярманку не хочется, а желаешь ты до осени прогостить въ Луповицахъ, а впрочемъ, молъ, полагаюсь на всю твою волю. Поласковѣй пиши, такъ пиши, чтобъ ему не вспало никакого подозрѣнія. Я тоже напишу.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Марья Ивановна писала Марку Данилычу, что Дунѣ у Макарья будетъ скучно, что дѣвушка она строгая, степенная, веселостей и развлеченій не

любитъ. Изо всего, дескать, видно, что она дочь благочестиваго отца и выросла въ истинно-христіанскомъ домѣ.

Льстивыя слова знатной барышни понравились надменному купчинѣ. «Видите, Дарья Сергѣвна, — говорилъ онъ: — видите, какъ знатные господа, генеральскія дѣти объ насъ отзываются! Спасибо Дунюшкѣ, спасибо голубушкѣ, что такъ заслужила у господъ Луповицкихъ!» Онъ согласился оставить Дуню у Луповицкихъ до сентября. Дарья Сергѣвна была тѣмъ недовольна. Расплакалась даже.

А плакала она при Маркѣ Данилычѣ, такія слова приговаривая:

— Погубятъ ее! Съ толку собьютъ сердечную!.. Ея ли дѣло съ господами водиться? Не пристанетъ она къ нимъ, никогда съ ними не сровняется... Глядятъ свысока на нее — «ты, дескать, глупа ворона, залетѣла въ высоки хоромы». А есть господа молодые — тутъ до грѣха недалеко... Имъ ни почемъ, а ей вѣкъ горевать.

— Закаркала!.. — рѣзкимъ голосомъ, сурово всклнкнулъ Марко Данилычъ. — Чѣмъ бы радоваться, что Дунюшка со знатными людьми въ компаніи, она невѣсть что̀ плететъ. Я на Марью Ивановну въ полной надеждѣ, не допуститъ она Дуню ни до чего худого, да и Дуня не такая, чтобъ на дурныя дѣла идти.

— Дай Богъ, чтобы было по-вашему, Марко Данилычъ, — съ тоской и рыданьями отвѣчала Дарья Сергѣвна. — А все-таки заботно, все-таки опасливо мнѣ за нее. Во снѣ ее то и дѣло вижу, да все таково нехорошо: либо разодѣтую, разубранную въ шелкахъ, въ бархатахъ, въ жемчугахъ да въ золотѣ, либо мстится мнѣ, что пляшетъ она съ какимъ-то бариномъ, а не то вижу всю въ цвѣтахъ какихъ-то диковинныхъ... Не къ добру такіе сны, Марко Данилычъ.

— Ужъ вы пойдете, — съ досадой промолвилъ Марко Данилычъ. А самъ, задумавшись, поспѣшно вышелъ изъ горницы.

Долго еще, долго плакала Дарья Сергѣвна по любимой воспитанницѣ. Причитаетъ въ горючихъ слезахъ, такія рѣчи приговариваетъ: «Не носила, не родила, не кормила я тебя, Дунюшка, а любила завсегда и теперь люблю, какъ родную дочь. Будь жива покойница Оленушка, и ей бы такъ не любить свою дочку рожоную да кормлёную... Ростила я тебя, ненаглядная, учила всему доброму, на твою пользу душевную, положила въ тебя сердце свое, свѣтъ очей моихъ!.. И всегда-то одну завѣтную думушку я думывала, какъ выростешь, заневѣстишься и какъ выйдешь за человѣка добраго, хорошаго, изъ честнаго роду-племени... Думала я, горемычная, что на

старости лѣтъ повожусь съ твоими дѣточками, поучу ихъ уму-разуму, наставлю въ Божьихъ заповѣдяхъ... По грѣхамъ моимъ не такъ сталося-случилося, не по моимъ гаданьямъ дѣло содѣялось!.. Умчали бѣлую лебедушку во чужіе люди незнаемые, что незнаемые, завистливые, что завистливые, гордые, высокоумные!.. Счастливая ты была дѣвушка, счастливая и таланная: ни тяжелой работой не была окружена ни бранным словечкомъ огрублена!.. Думала-ль, гадала-ль я, что придетъ такое горе великое?.. Думала-ль я, что придется жить безъ тебя въ тоскѣ да въ бѣдѣ, въ печаляхъ да въ горестяхъ?.. Бьется сердце по тебѣ, убивается, и некому успокоить меня, утѣшити!.. Ни заѣмъ ни запью горя великаго!.. Ты душа-ль моя Дунюшка — была ты, бѣлая голубушка, бѣлѣй снѣгу бѣлаго, была ты, румяная красавица, румянѣй солнца краснаго, была ты, свѣтъ-зорюшка ясная, милѣй мѣсяца серебрянаго!.. Поднялись мятели со снѣгами, расходились сизы тучи выогой грозною — унесли отъ насъ ненаглядный цвѣтъ... Ахъ, ты, крошечка-малиновка, золотая моя рыбонька!.. Воротись скорѣй подъ батюшкинъ кровъ, убѣги отъ людей недобрыхъ, пріѣзжай въ свою свѣтлую горенку, во родительскій домъ бѣлокаменный...»

И ни на одинъ мигъ не вспомянулась горько плакавшей Дарьѣ Сергѣвнѣ холодность къ ней Дуни.

Первый Спасъ на дворѣ — къ Макарью пора. Собрался Марко Данилычъ безъ дочери и поселился на Гребновской пристани въ своемъ караванѣ. Нехорошо попахивало, да Марку Данилычу это ни почемъ — съ малыхъ лѣтъ привыкъ съ рыбой возиться. Дня черезъ два либо черезъ три послѣ его пріѣзда пришелъ на Гребновскую огромный рыбный караванъ. Былъ онъ «Зиновья Доронина съ зятьями».

— Грому на васъ нѣтъ! — стоя на своей палубѣ, вскричалъ Марко Данилычъ, когда тотъ караванъ длиннымъ строемъ ставился вдоль по Окѣ. — Завладали молокососы рыбной частью! — ворчалъ онъ въ досадѣ. — Чтò ни помню себя, никогда больше такого каравана на Гребновской не бывало... Не дай вамъ Богъ торговъ, не дай барышей!.. Новости затѣяли заводить!.. Дуй васъ горой!.. Умничать задумали, ровно мы, старые, посѣдѣлые рыбники, дураками до васъ жили набитыми.

А самъ дивуется. Стали баржи на мѣстѣ безъ руготни, безъ суетни, даже безъ лишнихъ криковъ, никого не задѣли, никого не зацѣпили, никому выхода на плесъ не загородили. Много баржей пришло, а постановкой каравана только двое распо-

ряжались, Меркуловъ съ Веденеевымъ. На крайнихъ баржахъ подавали они сигналы свистками. Смѣялся на такое новшество Марко Данилычъ, но въ смѣхѣ его зависть и злоба слышались. Хохотали по всей Гребновской и хозяева, и приказчики, и рабочіе. Немало и такихъ было, чтò досадовали и злились на тихую постановку каравана, — никого онъ не затронулъ, и не было ни брани, ни драки, ни свалки, а у гребновскихъ молодцовъ кулаки давно ужъ почесывались.

Сталъ караванъ, и рабочіе отъ перваго до послѣдняго на мѣстахъ остались, никто не сбѣжалъ, никто ничего не укралъ, никто не запьянствовалъ, все было тихо и мирно. Много дивились тому.

Оба зятя Зиновья Алексѣича съ женами пріѣхали на ярманку, съ тестемъ и съ тещею. Пристали они въ той же гостиницѣ Бубнова, гдѣ жили и прошлаго года. Самъ Зиновій Алексѣичъ рыбнымъ дѣломъ не занимался, не взглянулъ даже на караванъ, носившій имя его, а Меркуловъ съ Веденеевымъ каждый день съ утра до сумерекъ по очереди тамъ бывали.

Едва успѣлъ установиться караванъ, на немъ, какъ водится, явились покупатели. Не настоящіе то были покупатели, а ищейки. Сами ничего они не покупаютъ, но покупщики рыбнаго товара подсылаютъ ихъ разузнать цѣны да посмотрѣть, какова рыба. Рыбники, особенно приказчики, охотно принимаютъ ищеекъ, хоть и знаютъ, что ни одинъ изъ нихъ фунта не купитъ, но всего товара ни за что имъ не покажутъ, прямыхъ цѣнъ не скажутъ, а заломятъ непомѣрныя. Явились ищейки и на баржи «Зиновья Доронина съ зятьями». Тамъ имъ все показали, а Меркуловъ каждому сорту товара сказалъ настоящую цѣну. Подсыльные подивились — низки ужъ очень были объявленныя цѣны. Зато другая новинка ихъ смутила — въ кредитъ только третья доля товара отпускалась, за остальное наличныя деньги клади на столъ.

Вечеромъ въ Рыбномъ трактирѣ собрались и рыбники и покупатели. Былъ тутъ Орошинъ, былъ Марко Данилычъ, лысый Сусалинъ и копнѣ подобный богатырь, писклявый Иванъ Ермолаичъ Сѣдовъ. И другихъ рыбниковъ, большого и малаго полета, было тутъ довольно. Сидѣли они въ круговую за столомъ, уставленнымъ чайниками, и мирно, благодушно опрастывали дюжины чашекъ съ отваромъ китайской травки. Только и рѣчи было у всѣхъ, что про зятьевъ Доронина. Ругали ихъ ругательски, особливо Орошинъ, а покупатели подшучивали надъ рыбниками. Однакожъ и они говорили, что безъ отдачи рыбы въ кредитъ дѣло идти не можетъ.

— А все-таки Меркуловъ-отъ настоящія цѣны открылъ, и спасибо ему за то, — съ усмѣшкой глядя въ упоръ на Орошина, сказалъ маленькій, тщедушный старичокъ Лебякинъ, одинъ изъ самыхъ первыхъ покупателей. — Теперича, примѣрно сказать, ужъ нельзя будетъ хоть вашей милости, Онисимъ Самойлычъ, очённо-то высоко заламывать, потому что прямыя цѣны ужъ извѣстны.

— Мы знаемъ свою цѣну, — надменно взглянувъ на Лебякина, прошипѣлъ Орошинъ. — Хочешь дешево у нихъ купить, припасай больше наличныхъ. Мы возьмемъ свое, у насъ все по старинѣ будетъ — кредитъ, какъ бывало, а цѣны, какія межъ собой постановимъ... Такъ али нѣтъ, Марко Данилычъ?

— Вѣстимо, — пробурчалъ молчаливый на этотъ разъ Смолокуровъ.

— А ежель и мы со своей стороны въ сговоръ войдемъ? — вскричалъ Колодкинъ Алексѣй Никифорычъ, широкоплечій, объемистый тѣломъ купчина, съ богатырской головой, обросшей рыжими курчавыми волосами. — Ежели, значитъ, и мы межъ собой цѣны свои установимъ и свыше ихъ копейки не накинемъ? Куда рыбу-то тогда сбудете? Не въ Оку-жъ ее пошвырять.

— Найдемъ мѣсто, — сурово взглянувъ на Колодкина, сквозь зубы промолвилъ Орошинъ. — Не одни вы покупатели.

— Оптовые всѣ здѣсь наперечетъ, — сказалъ Лебякинъ. — Вы станете сговариваться, а мы на васъ глядя. Тогда, хочешь не хочешь, вся рыба-то у васъ на рукахъ и останется.

— Нешто по фунтикамъ станете продавать, ну тогда, пожалуй, расторгуетесь, — со смѣхомъ подхватилъ слова Лебякина Колодкинъ. — Тогда можно будетъ васъ съ барышами поздравить.

— Развѣ только и свѣту въ окошкѣ, что вы?. — насмѣшливо пропищалъ, подбоченясь, Сѣдовъ. — Не фунтиками, а тысячами пудовъ станемъ продавать и все распродадимъ безпремѣнно.

— Кому распродать-то, Иванъ Ермоланчъ? — поворотивъ къ Сѣдову громадную голову, медленно проговорилъ Колодкинъ. — Развѣ по мелочнымъ лавочкамъ думаете разсовать, такъ у мелочниковъ ни денегъ ни мѣста на то не хватитъ.

— Сыщутся люди и помимо мелочниковъ, — пропищалъ Сѣдовъ. — Будьте спокойны, мы тоже знаемъ, что̀ знаемъ: не вчера торговать-то зачали.

— Да кто сыщется-то? — приставалъ Колодкинъ къ Сѣ-

дову. — Нештo зазимуете здѣсь да мороженую рыбу мужикамъ въ развозъ продавать *) будете?

— А хоша-бъ и въ развозъ, — пискнулъ Сѣдовъ. — А вы все-таки ни съ чѣмъ останетесь. Нештo кладъ выроете да наличными уплатите.

— И безъ клада, поможетъ Богъ, обойдемся, — молвилъ Колодкинъ.

— Вотъ это такъ. Чтò дѣло, то дѣло... Это какъ есть совершенно вѣрно, — захохоталъ Сѣдовъ. — Ежели Богъ наличными поможетъ вамъ, ежели, значитъ, деньги на васъ съ неба свалятся, тогда можно вамъ и безъ клада обойтись.

— Не извольте безпокоиться, Иванъ Ермоланчъ, обернемся, это ужъ наше дѣло, — задорно проговорилъ Колодкинъ и поднялся съ мѣста. — Счастливо оставаться! — примолвилъ онъ.

И, поклонясь честной компаніи, вонъ пошелъ.

За нимъ и Лебякинъ ушелъ, а потомъ и всѣ остальные. Остались одни рыбники. Молча поглядывали они другъ на друга.

— Чтò, братцы, дѣлать-то? — послѣ долгаго молчанья, вытирая вспотѣвшее отъ чая лицо бумажнымъ платкомъ, заговорилъ Степанъ Ѳедорычъ Сусалинъ.

— По-моему, надо объ этомъ дѣлѣ посудить, — молвилъ Марко Данилычъ.

— Безпремѣнно надо, — подхватили и Сѣдовъ, и Сусалинъ, и другіе рыбники.

— Только чуръ, напередъ уговоръ, — началъ молчавшій Орошинъ: — ежель на чемъ порѣшимъ, кажду малость дѣлать сообща, по совѣту, значитъ, со всѣми. Другъ отъ дружки дѣлъ не таить, другъ дружкѣ ножки не подставлять. Безъ того всѣмъ можно разориться, а ежели будемъ вести дѣла вкупѣ, тогда и барыши возьмемъ хорошіе и досыта насмѣемся надъ Лебякинымъ, надъ Колодкинымъ и надъ зятьями Доронина.

— Самъ-отъ только не сфинти, Онисимъ Самойлычъ, мы-то заодно будемъ, — насмѣшливо промолвилъ Марко Данилычъ.

— Чего мнѣ финтить-то? — гордо взглянувъ на недруга, вскинулъ заносчиво Орошинъ.

— Не знаю, чтò напредки будетъ, а доселева еще ни одной ярманки не бывало, чтобъ ты кого-нибудь не подкузьмилъ, — сказалъ ему Марко Данилычъ и захохоталъ на всю комнату. —

*) Зимой торговые крестьяне, покупая въ Саратовѣ соленую и вяленую рыбу, развозятъ ее на продажу по базарамъ средняго и верхняго Поволжья. Это называется «торговать въ развозъ».

На всѣхъ шлюсь, на всѣхъ, сколько здѣсь насъ ни есть,—продолжалъ онъ. — Нечего узоры-то разводить, любезный другъ!.. Достаточно всѣ тебя знаемъ. Всѣмъ извѣстно, что ловокъ ты на обманы-то.

Замѣтно было, что Смолокурову пришла смертная охота разозлить Орошина, чтобъ ушелъ онъ изъ бесѣды. Орошинъ не замѣчалъ того.

— Что-жъ? — хихикнулъ онъ, окинувъ нахальнымъ взглядомъ собесѣдниковъ. — На войнѣ обманомъ города берутъ, на торгу неумѣлаго что̀ липку обдерутъ. Для того не плошай да не глазѣй, рядись да оглядись, дѣло верши да не спѣши... Такъ-то, почтеннѣйшій Марко Данилычъ.

— Да полно вамъ тутъ! — во всю мочь запищалъ Сѣдовъ.— Чѣмъ бы дѣло судить, они на брань лѣзутъ. У Бога впереди дней много, успѣете набраниться, а теперь надо рѣшать, какъ помогать дѣлу. У доронинскихъ зятьевъ видѣли каковъ караванъ! Страсть! Какъ имъ цѣнъ не сбить? Какъ разъ собьютъ, тогда мы и сиди у праздника.

Кой-кто присталъ къ Сусалину, и общими силами убѣдили Орошина со Смолокуровымъ на брань не лѣзть, а держать «разсужденіе».

Молчатъ пріятели, другіе не заводятъ рѣчей.

— Что-жъ не зачинаете? — пропищалъ Сѣдовъ. — Молчанкой дѣлу не пособить. Говори хоть ты, Марко Данилычъ.

— Пущай Онисимъ Самойлычъ начинаетъ. Его дѣло большое, наше маленькое, — сказалъ съ усмѣшкой Смолокуровъ.

— Маленькое! Хорошо маленькое! — прошипѣлъ Орошинъ.— А кто верховодитъ на Гребновской?.. Кто третьяго года у всѣхъ цѣны сбилъ?

— А кто нынѣшней весной въ Астрахани всю икру и рыбу хотѣлъ скупить?.. А?.. Ну-ка, скажи! Да, видно, бодливой-то коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Не то быть бы всѣмъ намъ у праздника, всѣмъ бы карманы-то на изнанку ты повыворотилъ... Не выкинь Меркуловъ съ Веденеевымъ своей штуки, всѣмъ бы намъ пришлось по твоей милости зубы на полку класть.

— Да перестаньте вы, Христа ради! — вступился опять Сусалинъ. — Этакъ намъ никогда толку не дождаться. Успѣете, говорю, набраниться. Теперь дѣло не въ спорѣ, а въ сговорѣ. Говори, что ли, впрямь, Онисимъ Самойлычъ.

И стали всѣ просить Орошина, сказалъ бы свое слово о томъ, что̀ надо дѣлать. Одинъ Марко Данилычъ сидѣлъ молча. Отвернувшись отъ Орошина, барабанилъ онъ по столу пухлыми красными пальцами

Поломался Онисимъ Самойлычъ, потомъ зачалъ говорить:

— Если, примѣрно будь сказано, теперича намъ сложиться наличными, сколько у кого есть, и скупить у доронинскихъ зятьевъ весь ихній товаръ, тогда бы ставь покупатели цѣны, какія хотятъ, пуда никому изъ нихъ негдѣ будетъ купить. Поневолѣ къ намъ придутъ и заплатятъ, сколько мы ни запросимъ. А купивши у Меркулова съ Веденеевымъ весь караванъ по объявленной ими цѣнѣ, какіе барыши мы получимъ!..

— Что-жъ это такое будетъ? — перебилъ Орошина Марко Данилычъ. — Складчина, компанія на акціяхъ, какъ нонѣ стали называть?

— А хоша-бъ и такъ, — тряхнувъ окладистой, бобровой съ искрой бородой и нахмуря брови, молвилъ Онисимъ Самойлычъ, спесиво поглядѣвъ на Смолокурова.

— Складчиной торгъ барышей не даетъ, — отвернувшись отъ него, сказалъ Марко Данилычъ.

Почти всѣ согласились со Смолокуровымъ. Тò было у всѣхъ на умѣ, что ежели складочныя деньги попадутъ къ Орошину, охулки на руку онъ не положитъ — возись послѣ съ нимъ, выручай свои кровныя денежки. И за то «слава Богу» скажешь, ежель свои-то изъ его лапъ вытянешь, а насчетъ барышей лучше и не думай... Марку Данилычу поручить складчину — тоже нельзя, да и никому нельзя. Кто себѣ врагъ?.. Никто во грѣхъ не поставитъ зажилить чужую копейку.

Зубами даже скрипнулъ Онисимъ Самойлычъ, видя, что лакомой складчинѣ въ руки его не попасть. Замолчалъ.

— А вѣдь Онисимъ-отъ Самойлычъ сказалъ правду, — помолчавъ нѣсколько, молвилъ Сусалинъ. — Ежели бы, значитъ, весь товаръ былъ въ нашихъ рукахъ, барышей столько бы пришлось, что и вздумать нельзя. Ежели другъ дружку не подсаживать, рубль на рубль получить можно. Потому всѣ цѣны будутъ въ нашихъ рукахъ... Чтò захотимъ, то и возьмемъ.

«Рубль на рубль! — подумалъ каждый изъ рыбниковъ. — Да вѣдь это золотое дно, сто лѣтъ живи, такого случая въ другой разъ не выпадетъ. Только вотъ бѣда — складчину кому поручить?.. Кому ни поручи — всякъ надуетъ».

Долго молчали, потомъ опять запищалъ дородный Сѣдовъ:

— Хоша я давеча надъ покупателями маленько и подтрунилъ, а вѣдь надо правду сказать, они наличными, пожалуй, раздобудутся. Нонче вонъ эти банки завелись, чтò подъ закладъ товаровъ деньгами за малые проценты ссужаютъ.

— Да вѣдь товаръ-отъ надо купить, безъ того банкъ денегъ не дастъ, — промолвилъ рыбникъ мелкая сошка, человѣкъ небогатый.

— Нешто доронински зятья на каку-нибудь недѣлю либо

денъ на десятокъ не повѣрятъ. Векселя возьмутъ, — сказалъ Сѣдовъ.

— Какъ не повѣрить?.. Повѣрятъ, — заговорили рыбники.

— Тогда, значить, у насъ по усамъ текло, а въ ротъ не попало, — продолжала то же мелкая сошка. — Бьемъ на барыши, а, пожалуй, получимъ голыши *). Безпремѣнно надо у нихъ перебить. А начинать такъ начинать тотчасъ — завтра же.

— Что правда, то правда, — вступился Бѣлянкинъ Евстратъ Михайлычъ. Родомъ и жительствомъ былъ костромичъ, рыбникъ не крупный, такая же мелкая сошка. — Дѣло тутъ самое спѣшное, — сказалъ онъ: — товарищества на вѣрѣ составить некогда, складочны деньги въ однѣ руки отдать нельзя, потому что въ смерти и въ животѣ каждаго Богъ воленъ. Примѣромъ сказать, поручили бы вы мнѣ свои капиталы. Не къ тому говорю, чтобы въ самомъ дѣлѣ такое довѣріе вы мнѣ сдѣлали, человѣкъ я махонькій, и мнѣ этого ни въ какомъ разѣ нельзя ожидать. Единственно для-ради примѣру говорю. Ну-съ, вотъ вы мнѣ свои капиталы и препоручили, чтобъ я завтрашній день ранымъ-ранехонько сдѣлалъ покупку. Хорошо. А я, пришедши отсюда изъ Рыбнаго трактира, возьми да и помри. Потому въ смерти и животѣ Богъ воленъ. Ну вотъ я и померъ, а деньги-то ваши у меня налицо, а у васъ документовъ никакихъ на меня нѣтъ. Нешто, вы думаете, наслѣдники-то мои отдадутъ вамъ деньги?.. Какъ же! держи карманъ... Ни въ какомъ разѣ! Припрячутъ, и вся недолга. И всякъ то же сдѣлаетъ, до кого ни доведись... Сами не хуже меня знаете. Послѣ тамъ судись да возись, а денежки — пиши пропало... Потому какія у васъ доказательства?.. Какіе документы можете вы въ судѣ предъявить?

— Векселя можно взять, — замѣтилъ Сусалинъ.

— Ладно-съ, оченно даже хорошо-съ. Можно и векселя взять, — сказалъ Бѣлянкинъ. — Да дѣло-то, Степанъ Ѳедорычъ, завтра раннимъ утромъ надо покончить. Когда же векселя-то писать? Ночью ни одинъ маклеръ не засвидѣтельствуетъ... А послѣ давешняго разговора съ Лебякинымъ да съ Колодкинымъ они завтра же пойдутъ умасливать доронинскихъ зятьевъ, чтобъ повѣрили имъ на недѣлю тамъ, что ли... Вѣрно знаю о томъ, самъ своими ушами вечоръ слышалъ, какъ они сговаривались.

Всѣ замолчали, а Марко Данилычъ ровно ото сна проснулся и, лѣниво позѣвывая, промолвилъ:

— Надо ковать желѣзо, поколь горячо.

---

*) *Голышъ* — твердый камешекъ, окатанный и оглаженный водою.

Орошинъ словечка не выронилъ, другіе рыбники, и тузы и мелкая сошка, тоже помалчиваютъ себѣ.

А Бѣлянкинъ свое:

— Къ примѣру я вамъ про себя говорилъ. А ежели-бъ у меня своего капитала не тридцать тысячъ, а три милліона было, а векселей-то съ меня не взяли, тогда бы наслѣдникамъ моимъ и прятать вашихъ денегъ не было надобности. «Тятенькины», да и дѣло съ концомъ. Вотъ оно что̀.

Всѣ молчали. Злобно смотрѣлъ Орошинъ на Бѣлянкина.

— Что-жъ дѣлать-то?—спросилъ наконецъ, оглядывая собесѣдниковъ, Сусалинъ.

Никто ни полслова. Немного подумавши, молвилъ Сусалинъ:

— А по-моему вотъ бы какъ. Складчины не надо, ну ее совсѣмъ!.. Пущай всякъ при своемъ остается... Смекнемте-ка, много-ль денегъ потребуется на закупъ всего каравана, и сколь у кого наличныхъ. Можемъ ли собрать столько, чтобы все закупить? Кто знаетъ, чего сто̀итъ весь товаръ по заявленнымъ цѣнамъ?

— Тысячъ триста, пожалуй, и больше, — молвилъ Бѣлянкинъ.

— Хорошо, — сказалъ Сусалинъ и постучалъ ложечкой о чайную чашку.

Стремглавъ вбѣжалъ половой, широко размахивая салфеткой.

— Вотъ что̀, любезный, — сказалъ ему Сусалинъ. — Попроси ты у буфетчика чистый листокъ бумажки да перышко съ черниленкой. На минуточку, молъ.

— Сейчасъ-съ, — отрывисто промолвилъ проворный половой и полетѣлъ вонъ изъ комнаты.

Подали бумагу, перо, чернила. Сусалинъ сказалъ:

— Пущай каждый подпишетъ, сколько кто можетъ внести доронинскимъ зятьямъ наличными деньгами. Когда подпишетесь, тогда и смекнемъ, какъ надо дѣломъ орудовать. А помоему бы такъ: пущай завтра пораньше ѣдетъ кто-нибудь къ Меркулову да къ Веденееву и каждый свою часть покупаетъ. Складчины тогда не будетъ, всякъ останется при своемъ, а товаръ весь цѣликомъ изъ нашихъ рукъ все-таки не уйдетъ, и тогда какія цѣнь ни захотимъ, такія и поставимъ... Ладно-ль придумано?..

— Ладно, ладно, — заголосили всѣ опричь Орошина, Марка Данилыча и Бѣлянкина. У нихъ у троихъ было что-то свое на умѣ.

— Съ молодшихъ начинай, — пропищалъ Сѣдовъ. — Большаки добавятъ, чего у мелкоты не хватитъ.

Бѣлянкинъ протянулъ руку за бумагой, промолвивъ:

— Слабѣй меня здѣсь нѣтъ никого.

И подписалъ. Листъ пошелъ въ круговую. Когда всѣ, кромѣ первѣйшихъ тузовъ, подписали его, листъ подали Орошину.

Надменно передвинулъ онъ его къ Смолокурову.

— Марко Данилычъ завсегда говоритъ, будто я много его богаче, — съ усмѣшкой сказалъ Онисимъ Самойлычъ. — Хоша это и несправедливо, да ужъ пущай сегодня будетъ по-его. Уступаю... Пущай напередъ меня пишетъ.

Усмѣхнулся Марко Данилычъ, переглянувшись съ Бѣлянкинымъ. Не говоря ни слова, взялъ онъ перо, сосчиталъ, насколько подписано, и затѣмъ, подписавшись на триста тысячъ, подвинулъ листъ къ Орошину.

Вздѣлъ очки Онисимъ Самойлычъ и весь посоловѣлъ, взглянувъ на бумагу.

— Мнѣ-то что-жъ осталось? — злобно вскликнулъ онъ, глядя звѣремъ на Марка Данилыча.

Никто ни слова, а Онисимъ Самойлычъ больше да больше злобится, крѣпче и крѣпче колотитъ кулакомъ по столу. Двѣ чайныя чашки на полъ слетѣли.

— Подписывайтесь, — съ легкой усмѣшкой сказалъ ему Бѣлянкинъ. — Послѣ сдѣлаемъ разверстку.

— Убирайся ты къ чорту съ разверсткой!.. — зарычалъ Орошинъ, бросая на столъ подписной листъ. — Ни съ кѣмъ не хочу имѣть дѣла. Завтра чѣмъ свѣтъ одинъ управлюсь... Меня на это хватитъ. Дуракъ я былъ, что въ Астрахани всего у нихъ не скупилъ, до того они, подлецы, еще цѣнъ не объявляли... А теперь доронинской рыбы вамъ и понюхать не дамъ.

И, плюнувъ, скорыми шагами пошелъ вонъ изъ комнаты.

Рыбники, кромѣ Марка Данилыча да Бѣлянкина, головы повѣсили... «Рубль на рубль въ двѣ-три недѣли — и вдругъ ни гроша!» — думали они. Злобились на Орошина, злобились и на Марка Данилыча.

Взялъ Смолокуровъ подписной листъ и громко сказалъ честной компаніи:

— Себѣ я возьму этотъ листъ. Каждый изъ васъ отъ меня получитъ за наличныя деньги товару, насколько кто подписался. Только чуръ уговоръ — чтобъ завтра же деньги были у меня въ карманѣ. Пущай Орошинъ хоть сейчасъ ѣдетъ къ Меркулову съ Веденеевымъ — ни съ чѣмъ поворотитъ оглобли... Я ужъ купилъ караванъ... Извольте разсматривать... Только, господа, деньги безпремѣнно завтра сполна, — сказалъ Марко Данилычъ, когда рыбники размотрѣли доку-

ментъ. — Кто опоздаетъ, пеняй на себя — фунта тотъ не получитъ. Согласны?

— Согласны, согласны, — закричали рыбники, и каждый отъ усердія старался всѣхъ перекричать.

Поднялись благодарности Марку Данилычу. Заказали ужинъ, какой только можно было состряпать въ Рыбномъ трактирѣ. Холодненькаго выпили. Пили за здоровье Марка Данилыча, за здоровье Авдотьи Марковны, на рукахъ качали благодѣтеля, «многолѣтіе» пѣли ему. Долго на весь Рыбный трактиръ раздавались радостно пьяные голоса:

Еще дай Боже, еще дай Боже!
Еще дай Боже, еще дай Боже
Здравствовати!
Господину, господарю,
Господину, господарю
Нашему!..
Свѣтъ ли Марку, свѣтъ ли Марку,
Свѣтъ ли Марку, свѣтъ ли Марку
Даниловичу!
Еще дай Боже, еще дай Боже!
Еще дай Боже, еще дай Боже
Многая, многая,
Многая лѣта!
Многая лѣта!

Благодушно улыбался Марко Данилычъ, глядя на воздаваемый ему почетъ. А больше всего тѣмъ былъ онъ счастливъ, тѣмъ доволенъ, что подставилъ ножку Онисиму Самойлычу. «Лопнетъ съ досады песъ смердящій! — въ радостномъ восторгѣ думалъ Марко Данилычъ: — передернетъ его, какъ услышитъ онъ, что я весь караванъ скупилъ».

А обработалъ Марко Данилычъ это дѣльцо тайкомъ и совсѣмъ невзначай. Не онъ товаръ искалъ, самъ товаръ привалилъ къ нему.

Узнавъ, что Марко Данилычъ живетъ на караванѣ, Меркуловъ улучилъ минутку, чтобъ, по прежнему знакомству, повидаться съ нимъ, узнать про Авдотью Марковну и справить ей поклоны отъ жены, отъ тещи и своячиницы.

Не очень привѣтливо встрѣтилъ его Смолокуровъ, но, какъ обычаевъ рушить нельзя, тотчасъ велѣлъ Василью Ѳаддееву чайку собрать, мадерцы подать, водочки и разныхъ соленыхъ и сладкихъ закусокъ.

— Ну что? Каково поживаетъ тестюшка? — спросилъ гостя Марко Данилычъ.

— Помаленьку, — отвѣчалъ Меркуловъ. — Здѣсь теперь, у Макарья. Съ нами вмѣстѣ пріѣхалъ.

— Вотъ какъ! А я и не зналъ... Гдѣ онъ на квартирѣ-то присталъ?

— Да тамъ же все, въ той же гостиницѣ, чтò и въ прошломъ году.

— Надо будетъ навѣстить стараго пріятеля, безпремѣнно надо. Да вотъ все дѣла да дѣла, — говорилъ Марко Данилычъ. — А Татьяна Андревна тоже пріѣхала?

— Здѣсь, — отвѣчалъ Меркуловъ.

— А вы съ супругой?

— Какъ же, и Дмитрій Петровичъ съ Натальей Зиновьевной. Всей семьей пріѣхали.

— Вотъ какъ! Весело, значитъ, всѣмъ-то, нескучно въ чужомъ городу.

— Конечно, — замѣтилъ Меркуловъ. — А вы Авдотьи-то Марковны, видно, не привезли?

— Нѣтъ, не привезъ, — сухо отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— Что-жъ такъ?

— Да не случилось.

— Какъ она въ своемъ здоровьѣ?

— Ничего, слава Богу, здорова.

— Жена много ей кланяется, и Татьяна Андревна, и Наталья Зиновьевна. Надѣялись съ ней повидаться, — молвилъ Меркуловъ. — Что-жъ это она?... Такъ и не пріѣдетъ вовсе на ярманку?

— Такъ и не пріѣдетъ, — сказалъ Марко Данилычъ. — Въ гостяхъ теперь гоститъ.

— У сродниковъ?

— У господъ Луповицкихъ, въ Рязанской губерніи, — съ важностью приподнявъ голову, съ разстановкой проговорилъ Марко Данилычъ. — Люди съ большимъ достаткомъ, знатные, генеральскія дѣти — наши хорошіе знакомые... Ихняя сестрица Алымова сосѣдка будетъ намъ. Съ нашимъ городомъ по сосѣдству купила имѣнье. Дунюшку очень она полюбила и выпросила ее у меня погостить, поколь я буду на ярманкѣ.

— Алымова Марья Ивановна? — спросилъ удивленно Меркуловъ.

— Такъ точно, — подтвердилъ Марко Данилычъ.

— Не та ли, чтò прошлаго года въ той же гостиницѣ жила, гдѣ и вы и батюшка тесть останавливались?..

— Она самая, — отвѣчалъ Марко Данилычъ. — А чтò?

— Нѣтъ... такъ, ничего, — съ недоумѣньемъ молвилъ Меркуловъ.

— Знакомы, что ли, съ ней? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Нѣтъ, въ прошломъ году на одномъ пароходѣ съ ней ѣхалъ, — отвѣтилъ Никита Ѳедорычъ.

— Хорошая барышня, — замѣтилъ Марко Данилычъ: — разумная такая и ласковая. А ежели взять ее насчетъ доброты, такъ лучше и не надо. И хоша знатная, а ни спеси ни гордости въ ней ни капельки.

Пересталъ разспрашивать Меркуловъ, а самъ про себя думаетъ: — «Съ какой стати связалась Авдотья Марковна съ фармазонкой? Вотъ наши-то удивятся, какъ узнàютъ».

— Ну чтò, какъ пошли дѣла? — немножко погодя спросилъ Марко Данилычъ. — Караванище-то какой вы пригнали на Гребновскую!.. Сколько ни торгую, такого у Макарья не видывалъ. Теперь вы у насъ изъ рыбниковъ самые первые...

— Да вѣдь тутъ не я одинъ, — сказалъ Меркуловъ.—Дѣло общее: тутъ и мой капиталъ, и женинъ, и Дмитрія Петровича, и его жены, и батюшки Зиновья Алексѣича доля есть.

— Значитъ, и онъ въ рыбники записался, — съ добродушной усмѣшкой молвилъ Марко Данилычъ. — А бывало, какъ вздумаешь уговаривать его рыбой заняться, такъ—«ни за что на свѣтѣ», — говоритъ.

— Онъ и теперь въ эти дѣла не входитъ, — сказалъ Меркуловъ. — Капиталомъ только участвуетъ.

— Такъ, — протянулъ Марко Данилычъ. — Продали сколько ни на есть рыбки-то?

— Гдѣ-жъ еще? — отозвался Меркуловъ. — Рано. Кажется, ни съ одного каравана не было еще продажъ.

— Опричь мелочей точно что не бывало, — подтвердилъ Смолокуровъ. — Какъ же вы насчетъ цѣнъ располагаете? Заодно со всѣми будете уставлять, аль особнякомъ поведете дѣло?

— У насъ все напередъ разсчитано, — сказалъ Меркуловъ. — Сегодня отдадимъ печатать объявленіе о цѣнахъ и объ нашихъ условіяхъ, наклеимъ на столбахъ, разошлемъ по рыбнымъ покупателямъ, въ газетѣ напечатаемъ.

Повернулся на стулѣ Марко Данилычъ. «Всю торговлю вверхъ дномъ перевернутъ, проклятые. Эки штуки откалываютъ!»—подумалъ онъ.

— Не сходнѣй ли будетъ вамъ, Никита Ѳедорычъ, келейно съ кѣмъ-нибудь сдѣлаться?—умильнымъ голоскомъ заговорилъ Марко Данилычъ. — А то эти объявленія да газеты!.. Первое дѣло — расходы, а другое, что васъ же могутъ на смѣхъ поднять.

— Расходы пустячные, — сказалъ Никита Ѳедорычъ: — а станутъ смѣяться, такъ мы за обиду того не поставимъ. Смѣйся на здоровье, коль другого смѣха нѣтъ.

— Такъ вы не будете цѣнъ таить? — спросилъ Марко Данилычъ, зорко глядя въ глаза Меркулову.

— И не подумаемъ, — тотъ отвѣчалъ.

— И условій таить не станете?

— Да какъ же таить-то ихъ, Марко Данилычъ, ежели на фонарныхъ столбахъ объявленія объ нихъ приколотимъ?..— смѣясь, отвѣчалъ Никита Ѳедорычъ. — Вотъ наши условія, читайте... Въ кредитъ на двѣнадцать мѣсяцевъ третья доля, а двѣ трети получаемъ наличными здѣсь, на ярманкѣ, при самой продажѣ.

— Тяжеленьки условія, Никита Ѳедорычъ, оченно даже тяжеленьки, — покачивая головой, говорилъ Марко Данилычъ.— Этакъ, чего добраго, пожалуй, и покупателей вамъ не найти... Вѣрьте моему слову — люди мы бывалые, рыбное дѣло давно намъ за обычай. Еще вы съ Дмитріемъ-то Петровичемъ на свѣтъ не родились, а я ужъ давно всю Гребновскую вдоль и поперекъ зналъ... Изстари на ней по всѣмъ статьямъ повелось, что безъ кредита сдѣлать дѣла нельзя. Смотрите, не пришлось бы вамъ товаръ-отъ у себя на рукахъ оставить.

— Ну и оставимъ, — равнодушно сказалъ Никита Ѳедорычъ. — Анбары наймемъ, зима придетъ — рыбу гужомъ повеземъ на продажу.

— Останетесь въ накладѣ, Никита Ѳедорычъ, — съ притворнымъ участьемъ покачивая головой, сказалъ Марко Данилычъ.—За анбары тоже вѣдь платить надо, гужевая перевозка дорогà теперь, поневолѣ цѣны-то надо будетъ повысить. А кто станетъ покупать дороже базарной цѣны? Да еще за наличныя... Не расчетъ, право, не расчетъ. Дѣло видимое: хоть по всей Россіи развезите—фунта никто не купитъ у васъ.

— Купятъ, да какъ еще раскупятъ-то!.. Съ руками оторвутъ,— спокойно улыбаясь, сказалъ Меркуловъ.

— Какъ же это такъ? — съ недоумѣньемъ спросилъ Марко Данилычъ. — Развѣ тайна какая?

— Нашу тайну черезъ три либо четыре дня на фонарныхъ столбахъ можно будетъ всякому читать... А вамъ, пожалуй, сію-жъ минуту открою ее. Вотъ она, — сказалъ Меркуловъ, подавая Марку Данилычу приготовленное къ печати объявленіе о цѣнахъ. — Извольте читать.

Глазамъ не вѣрилъ Марко Данилычъ — по каждой статьѣ цѣны поставлены чуть не вполовину дешевле тѣхъ, чтò въ тотъ день гребновскіе тузы хотѣли установить за чаемъ въ Рыбномъ трактирѣ.

— Никакъ вы съ ума сошли, Никита Ѳедорычъ! — вскочивъ со стула, вскричалъ Марко Данилычъ. — По міру насъ

хотите пустить?.. ограбить?.. И себя разорите и насъ всѣхъ!.. Хорошее дѣло съ ближними такъ поступать?

— Съ какими-жъ это ближними, Марко Данилычъ? — спокойно спросилъ Меркуловъ.

— Съ нами, значитъ, со всѣми съ нами, съ гребновскими рыбниками!.. — кричалъ Смолокуровъ.

— Не одни рыбники, Марко Данилычъ, наши ближніе, — отвѣчалъ Никита Ѳедорычъ, оглядывая смолокуровскую каюту.

— Да вамъ-то какая тутъ польза? — горячился Марко Данилычъ. — Вѣдь вы и десяти копеекъ на рубль не получите.

— Не получимъ, Марко Данилычъ, — отвѣчалъ Меркуловъ. — Мы только на пять разсчитали. По этому расчету и цѣны назначили. Пять процентовъ, право, довольно. Мы вѣдь за скорой наживой не гонимся. За границей купцы-то много побогаче насъ, а довольствуются и меньше чѣмъ пятью процентами.

— Да ну ее ко псамъ вашу заграницу-то, — вскричалъ во всю мочь Марко Данилычъ. — Надо вести дѣла по-русски, а не по-басурмански!.. А то всѣхъ разорять... грабить!..

И вдругъ стихъ Марко Данилычъ. Вдругъ прояснилось мрачное лицо его. Блеснула мысль: — «А не скупить ли весь караванъ цѣликомъ? Тогда по ихней дурости какіе можно взять барыши!»

— На сколько у васъ въ караванѣ-то, Никита Ѳедорычъ?..— кротко и ласково спросилъ онъ Меркулова.

— Тысячъ на триста по нашей расцѣнкѣ, — отвѣтилъ тотъ.

— Покупатели предвидятся?

— Пока еще нѣтъ, — сказалъ Меркуловъ. — Приходили вчера, имъ и цѣны и условія сказали и товаръ показали весь безъ остатка. Да вѣдь это не настоящіе покупатели, — щейки.

— А если-бъ кто изъ рыбниковъ предложилъ вамъ купить весь караванъ дочиста. Продали бы? — подумавши нѣсколько, спросилъ Марко Данилычъ.

— Отчего-жъ не продать? — отвѣтилъ Меркуловъ.

— И уступочка будетъ?

— Ни копейки.

— Хоть бы процентикъ одинъ, — прикинувшись казанскимъ сиротой, молвилъ Марко Данилычъ. — Важная вещь копейка въ рублѣ! Пустое дѣло, плюнуть не на что.

— Сейчасъ вы сами говорили, Марко Данилычъ, что наши пять процентовъ чуть не смертный грѣхъ, а теперь хотите, чтобы мы взяли четыре, — съ ясной усмѣшкой отвѣтилъ Никита Ѳедорычъ.

— Да вы все шутите!.. Балагуръ этакій!.. Ей-Богу, балагуръ...—съ веселымъ смѣхомъ заговорилъ Марко Данилычъ.—Скиньте процентикъ-отъ... Право, надобно скинуть.

Меркуловъ и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ. Тогда Марко Данилычъ на иныя штуки поднялся, говоритъ ему:

— Такъ хоша условійца-то посмягчите. Третью бы долю наличными послѣ спуска флаговъ вамъ получить, а двѣ трети на предбудущей ярманкѣ.

— Ни отъ единой буквы условій не оступимъ. Ни отъ единой буквы,—сказалъ Меркуловъ.

— Такъ вотъ что, Никита Ѳедорычъ,—молвилъ Марко Данилычъ, подойдя къ Меркулову и дружески положивши ему на плечо увѣсистую руку.—Съ батюшкой съ тестемъ вашимъ, какъ сами знаете, старинные пріятели мы.

— Нельзя, нельзя, ни по какой причинѣ нельзя мѣнять условій, Марко Данилычъ,—рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Меркуловъ.

— Послушайте меня, старика, почтеннѣйшій Никита Ѳедорычъ,—продолжалъ Марко Данилычъ, положивъ и другую руку на плечо Меркулова.—Хоша для того облегчите условія насчетъ наличныхъ, что я завсегда любилъ и уважалъ вашу супругу Лизавету Зиновьевну. Ей-ей, любилъ не меньше, чѣмъ свою Дунюшку. И теперь люблю, ей-Богу. Мнѣ не вѣрите, Богу повѣрьте... Сдѣлайте такое ваше одолженіе — сейчасъ же бы заключили мы съ вами условіе: третью долю наличными тутъ же вы бы съ меня получили, другую по вашему условію оставили бы до предбудущей ярманки, а третью потерпите мѣсяцевъ шесть—на ростовской бы съ вами полный расчетъ учинилъ...

— Нельзя, Марко Данилычъ, никакъ нельзя,—сказалъ Меркуловъ.—Мы положили ни одной іоты не опускать изъ условій.

— Я бы особую запись далъ... Неустойку назначьте... Какую хотите, такую и назначьте.

— Нельзя, Марко Данилычъ.

— Хоть на мѣсяцъ...

— Нельзя.

— На три недѣли?

— Нельзя.

— На двѣ?

— Нельзя.

— День на десять?

— Нельзя, нельзя и нельзя, Марко Данилычъ. Лучше и не говорите... Лучше совсѣмъ оставимъ это,—сказалъ, вставая, Мер-

куловъ. — Прощайте... Засидѣлся я у васъ, — давно ужъ пора кой-куда съѣздить.

— Послушайте, — крѣпко ухватившись за руку Никиты Ѳедорыча, задыхающимся почти голосомъ вскричалъ Смолокуровъ. — Хоть на три дня!.. Всего только на три денька!.. Въ три-то дня вѣдь пятой доли товара не свезти съ вашего каравана... Значитъ, не выйду изъ вашихъ рукъ... На три дня, Никита Ѳедорычъ, только на три денечка!.. Будьте милостивы, при случаѣ самъ заслужу.

Подумалъ Меркуловъ и согласился, но съ тѣмъ, что ежели Смолокуровъ черезъ три дня не уплатитъ до послѣдней копейки всего, чтò слѣдуетъ, то условіе уничтожается, и Марко Данилычъ заплатитъ неустойку въ двадцать тысячъ.

Рѣшились и поѣхали къ маклеру писать условіе.

Возвращаясь отъ маклера на баржу, Марко Данилычъ увидалъ на Гребновской Бѣлянкина. Садился тотъ въ лодку на свою тихвинку ѣхать.

— Евстратъ Михайлычъ! Куда, другъ, спѣшишь? — крикнулъ ему Смолокуровъ.

— До своей тихвинки, — снимая картузъ и почтительно кланяясь рыбному тузу, отвѣчалъ Бѣлянкинъ.

— Чтò за спѣхъ приспѣлъ? — весело спросилъ у мелкой рыбной сошки тузистый рыбникъ Марко Данилычъ.

— Самый важнѣйшій спѣхъ, — шутливо отвѣчалъ Бѣлянкинъ.—На всемъ свѣтѣ больше того спѣху нѣтъ — ѣсть, сударь, хочу, обѣдать пора.

— Охота ѣсть одному!.. Скучно. Айда ко мнѣ на баржу — пообѣдаемъ вмѣстѣ, чѣмъ Богъ послалъ. У меня щи знатныя изъ свѣжей капусты, щецъ похлебаемъ, сторлядку въ разварѣ съѣдимъ, барашка пожуемъ, винца малу толику выпьемъ.

— Да мнѣ, право, какъ-то совѣстно, Марко Данилычъ, — говорилъ Бѣлянкинъ, смущенный необычной привѣтливостью спесиваго и надменнаго Марка Данилыча. Прежде Смолокуровъ и шапки передъ нимъ не ломалъ, а теперь ни съ того ни съ сего обѣдать зоветъ.

Схвативъ Бѣлянкина за руку, Марко Данилычъ безъ дальнихъ разговоровъ увезъ его въ своей косной на баржу.

За обѣдомъ разсказалъ Смолокуровъ про сдѣлку съ зятьями Доронина... Бѣлянкинъ даже ротъ разинулъ отъ удивленья.

— Говори ты мнѣ, Евстратъ Михайлычъ, прямо на чистоту, безо всякой, значитъ, утайки, — наливая ему рюмку диковинной вишневки, сказалъ Смолокуровъ. — Сколько у тебя наличныхъ?

— Какія у меня деньги, Марко Данилычъ! — смиренно от-

вѣчалъ Бѣлянкинъ.—Вѣдь я человѣкъ маленькій. Есть, конечно, невелика сумма — кой-чего для дома въ ярманкѣ надо искупить... А товаръ еще Богъ знаетъ когда продамъ.

— Да сколько, спрашиваю я, наличныхъ-то теперь при тебѣ? — сказалъ Марко Данилычъ.

— Тысчонки двѣ наберется, — смиренно промолвилъ Бѣлянкинъ.

— Хочешь третью нажить, а можетъ, и четвертую? — пристально глядя на Бѣлянкина, спросилъ Смолокуровъ.

— Какъ не хотѣть, Марко Данилычъ, — съ веселой улыбкой отвѣтилъ Евстратъ Михайлычъ.

— Такъ вотъ что̀: парень ты рѣчистый, разговоры водить мастеръ. Такого мнѣ теперь и надо, — сказалъ Марко Данилычъ. — Сегодня вечеркомъ приходи въ Рыбный трактиръ, тамъ будутъ всѣ наши. А дѣло будетъ тебѣ вотъ какое...

И подробно разсказалъ, что̀ надо Бѣлянкину дѣлать и что̀ говорить.

Затѣя Марка Данилыча удалась вполнѣ.

На другой день послѣ сидѣнья рыбниковъ въ Рыбномъ трактирѣ, чуть не на разсвѣтѣ Орошинъ подъѣхалъ въ лодкѣ къ каравану зятьевъ Доронина. Ему сказали, что они еще не бывали. Спросилъ, гдѣ живутъ, и погналъ извозчика на Нижній базаръ. Ровно молоденькій взбѣжалъ онъ на лѣстницу Бубновской гостиницы, спрашиваетъ Меркулова, а ежели его дома нѣтъ, такъ Веденеева.

— Еще почиваютъ, — ему отвѣчали.

Досадно, а нечего дѣлать. Пришлось обождать. Ему, никого выше себя не признававшему, пришлось теперь дожидаться слетышковъ, молокососовъ!.. Зато никто изъ рыбниковъ раньше его съ зятьями Доронина не увидится, никто лакомаго кусочка не перебьетъ. А все-таки жутко надменному гордецу дожидаться... Да еще, пожалуй, кланяться придется имъ, упрашивать. Что̀ дѣлать? Выпадетъ случай — и свиньѣ въ ножки поклонишься.

Ходитъ по гостиницѣ Онисимъ Самойлычъ, а самъ такъ и лютуетъ. Чаю спросилъ, чтобъ безъ дѣла взадъ и впередъ не бродить. Полусонный половой подалъ чайный приборъ и, принимая Орошина за какую-нибудь дрянь, усѣлся по другую сторону столика, гдѣ Онисимъ Самойлычъ принялся-было чай распивать. Положивъ руки на столъ, склонилъ половой на нихъ сонную голову и тотчасъ захрапѣлъ. Взорвало Орошина, толкнулъ онъ полового, крикнулъ на всю гостиницу:

— Нѣтъ, что ли, тебѣ другого-то мѣста?

— А ты, братъ, не больно толкайся, — нахально отвѣчалъ половой.

Вскочилъ Орошинъ, схватилъ его за шиворотъ и прочь отпихнулъ.

— Мотри ты, проходимецъ! — закричалъ ярославецъ. — Тронь-ка еще, попробуй. Половины зубовъ не досчитаешься.

Онисимъ Самойлычъ вышелъ изъ себя, поднялъ палку. Быть бы непремѣнно побоищу, если-бъ вошедшій приказчикъ Доронина не сказалъ, что господа проснулись.

Бросилъ Орошинъ деньги за чай, молча погрозилъ палкой половому и пошелъ вслѣдъ за приказчикомъ.

Встрѣтилъ его Веденеевъ. Онисимъ Самойлычъ не видалъ его съ того вечера, какъ у нихъ въ Рыбномъ трактирѣ вышла маленькая схватка изъ-за письма о тюленѣ.

— Онисимъ Самойлычъ!..—привѣтливо встрѣтилъ его Дмитрій Петровичъ. — Какими судьбами?.. Да еще въ такую рань?.. Садитесь, пожалуйста... Чаю скорѣе! — прибавилъ онъ, обращаясь къ приведшему Орошина приказчику.

Угрюмо и мрачно молчалъ Онисимъ Самойлычъ. Маленькіе, хитрые глазки его такъ и прыгали. Помолчавъ, напрямки повелъ онъ рѣчь къ Веденееву.

— Наслышанъ я, Дмитрій Петровичъ, что вы на свой товаръ цѣны въ объявку пустили. Нахожу для себя ихъ подходящими. И о томъ наслышанъ, что желаете вы двѣ трети уплаты теперь же наличными получить. Я бы у васъ весь караванъ купилъ. Да чтобъ не тянуть останной уплаты до будущей ярманки, сейчасъ же бы отдалъ всѣ деньги сполна... Вотъ извольте — тутъ на триста тысячъ билетъ. Только бы мнѣ желательно, чтобы вы сейчасъ же поѣхали со мной въ маклерскую, потому что мнѣ неотложная надобность завтра дёнъ на десятокъ въ Москву отлучиться.

— Не можемъ вамъ продать, Онисимъ Самойлычъ, — пожавъ плечами, сказалъ Веденеевъ.

— Отчего-жъ это? — повысивъ голосъ, промолвилъ озадаченный Орошинъ

— Все продано, — отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ.

— Какъ?.. Кому?.. Да когда-жъ это успѣли? — вскочивъ со стула, заговорилъ Онисимъ Самойлычъ. и голосъ его задрожалъ отъ волненья.

— Вчера подписано условіе, и деньги получены.

— Да кому? кому, я спрашиваю? Цѣлый караванъ!.. Нѣтъ такого человѣка въ ярманкѣ, чтобы могъ все купить... Кто, говорю, купилъ, кто?

— Кому ни продано, Онисимъ Самойлычъ, Сидору ли, Карпу ли, не все ли равно? — отвѣчалъ, улыбаясь, Дмитрій Петровичъ.

— Тайности, что ли, какія тутъ у васъ?.. Сказывайте — вѣдь все одно, не сегодня, такъ завтра узнается, — задыхающимся отъ злобы голосомъ вскричалъ Орошинъ.

— Никакихъ тайностей у насъ нѣтъ, да и быть ихъ не можетъ. Мы со свойкомъ ведемъ дѣла въ открытую, начистоту. Скрывать намъ нечего, — молвилъ Дмитрій Петровичъ. — А если ужъ вамъ очень хочется узнать, кому достался нашъ караванъ, такъ я, пожалуй, скажу — Марку Данилычу Смолокурову.

— Чортъ!.. Дьяволъ!.. Издохнуть бы ему! — неистово вскрикнулъ Онисимъ Самойлычъ, хвативъ изо всей мочи кулакомъ по столу. Схватилъ картузъ и, надѣвъ его въ комнатѣ, кивнулъ головой Веденееву и вонъ побѣжалъ.

— Чайку-то, Онисимъ Самойлычъ? — сказалъ ему вслѣдъ Дмитрій Петровичъ, увидя приказчика, вошедшаго съ чайнымъ приборомъ.

— Ну его къ чорту! — крикнулъ взбѣшенный Орошинъ и скрылся.

Только-что проснулся Марко Данилычъ, опрометью вскочилъ съ постели, и, Богу не молясь, чаю не напившись, неумывкой поспѣшилъ ко вчерашнимъ собесѣдникамъ. Къ первому Бѣлянкину подъѣхалъ въ косной. Тотъ еще не просыпался, но племянникъ его, увидавъ такого важнаго гостя, стремглавъ бросился въ казенку дядю будить. Минуты черезъ двѣ, протирая глаза и пошатываясь спросонья, Евстрагъ Михайлычъ стоялъ передъ козырнымъ тузомъ Гребновской пристани.

— Здорово, дружище, — протягивая ему руку, молвилъ Марко Данилычъ. — Спасибо за вчерашнее. Ловко сварганилъ, надо тебѣ чести приписать. Заслушался даже я, какъ ты пошелъ валять. Зато и мной вполнѣ останешься доволенъ. Пойдемъ въ казенку, потолкуемъ.

Бѣлянкинъ повелъ гостя въ грязную, неприглядную казенку. Все тамъ было невзрачно и неряшливо: у одной стѣны стояла неприбранная постель, на ней весь въ пуху дубленый тулупъ; у другой стѣны хромой на трехъ ножкахъ столъ и на немъ давно нечищенный и совсѣмъ почти позеленѣвшій самоваръ, немытыя чашки, растрепанныя счетныя книги, засиженные мухами счеты, засохшія корки калача и рѣшетнаго хлѣба, порожніе полуштофы и косушки; тутъ же приготовленное въ портомойню грязное бѣлье. Обмахнувъ полой совсѣмъ почти развалившійся деревянный некрашенный стулъ, Бѣлянкинъ просилъ присѣсть Марка Данилыча.

Присѣлъ тотъ. Предложилъ-было ему Бѣлянкинъ чайку па-

питься, но Марко Данилычъ наотрѣзъ отказался, хоть и говаривалъ: «отъ чаю, отъ сахару отказовъ у меня нѣтъ».

— На двѣ тысячи подписалъ? — спросилъ онъ.

— Точно такъ, Марко Данилычъ, — отвѣчалъ Бѣлянкинъ.

— Давай.

Замялась мелкая сошка. Самъ ни слова, только вздыхаетъ да суется изъ угла въ уголъ.

— Чего сталъ? Не ждать мнѣ тебя! — нахмуривъ брови и повышая голосъ, сказалъ Марко Данилычъ.

— Да я, ей-Богу... Марко Данилычъ... не знаю... Сами изволите знать... въ смерти и въ животѣ Богъ воленъ, — робко заговорилъ Бѣлянкинъ, увидавъ, что Смолокуровъ даже побагровѣлъ отъ досады.

— Что̀ еще тутъ? — крикнулъ тотъ. — Деньги!.. Не задерживай!.. Много васъ, надо ко всѣмъ поспѣть.

— Да помилуйте, Марко Данилычъ, тутъ вѣдь весь мой наличный капиталъ... — дрожа отъ робости, чуть слышно проговорилъ Бѣлянкинъ.

— Украду, что-ль, я твои двѣ тысчонки? — вскинулся на него Марко Данилычъ. — Зажилю?.. Сегодня вечеромъ получай товаромъ, а теперь — не смѣй задерживать!

— Въ смерти и животѣ Богъ воленъ... — шепталъ Бѣлянкинъ.

— Да говори толкомъ, чего тебѣ надо?.. — зарычалъ Марко Данилычъ. Бѣлянкинъ въ уголъ со страха прижался.

— Векселекъ... потому въ смерти и животѣ... — забормоталъ онъ, а самъ ровно въ лихорадкѣ трясется.

— Дуракомъ родился, дуракомъ и помрешь, — грозно вскрикнулъ Марко Данилычъ и плюнулъ чуть не въ самого Бѣлянкина. — Что-жъ, съ каждымъ изъ васъ къ маклеру ѣздить?.. Вашего брата цѣла орава — однимъ днемъ со всѣми не управишься... Вѣдь вотъ какія въ васъ душонки-то сидятъ... Имъ дѣлаешь добро, рубль на рубль предоставляешь, а они: «векселекъ»!.. Честно по-твоему, благородно?.. Давай бумаги да чернилъ, расписку напишу, а ты по ней хоть сейчасъ товаромъ получай. Яви приказчику на караванѣ и бери съ Богомъ свою долю.

Покорно исполнилъ Бѣлянкинъ приказанье Марка Данилыча. Смолокуровъ сталъ писать, выговаривая вслухъ каждое слово:

— «Предъявителю сего»... Перо-то анаѳемское какое! вовсе не пишетъ... «приказа»... По Костромѣ, что ли, въ гильдіи-то?

— По Парѳентьеву посаду, подати тамъ маленько полегче, — перебирая пальцами, отвѣчалъ Бѣлянкинъ.

— «Пароентьева посада... купцу»... По которой гильдіи пишешься?

— По третьей, Марко Данилычъ, мы вѣдь люди маленькіе, чуть концы съ концами сводимъ, — плаксиво проговорилъ Бѣлянкинъ.

— «Третьей гильдіи... Евстрату Михайлову сыну... Бѣлянкину... отпустить подъ собственноручную... его расписку безъ промедленія»... Видишь, какія тебѣ милости: «безъ промедленія... изъ купленнаго мною отъ господъ Меркулова и Веденеева... рыбнаго... каравана слѣдующее»... Сказывай, что̀ требуется.

Бѣлянкинъ сталъ говорить, а Марко Данилычъ писалъ. Наконецъ приказъ былъ подписанъ, и Евстратъ Михайлычъ обмѣнялся двумя тысячами на тотъ приказъ со Смолокуровымъ.

— Прощай, Евстратъ Михайлычъ, — сказалъ Марко Данилычъ, выходя спѣшными шагами изъ казенки. — Разживайся съ моей легкой руки! А это, братъ, не похвально, что мнѣ не довѣряешь.

Цѣлый почти день разъѣзжалъ Марко Данилычъ взадъ и впередъ по Гребновской, а все-таки подписныхъ денегъ не собралъ. И Сѣдовъ и Сусалинъ только половину отдали, а ихъ подписки были самыя крупныя. Посчиталъ собранныя деньги Марко Данилычъ, тридцати тысячъ нѣтъ. Что̀ дѣлать, какъ извернуться? Въ банкѣ заложить товаръ, да когда-то еще изъ банка-то пріѣдутъ его смотрѣть, а деньги нужны черезъ двое сутокъ. Поѣхалъ по должникамъ — шестьдесятъ тысячъ должны были они ему выплатить, но до срока платежа ему мѣсяцъ оставался. Христомъ Богомъ проситъ, молитъ ихъ, кланяется, унижается, чуть не плачетъ и всѣми святыми заклинаетъ поплатиться раньше срока. Пошелъ даже на скидки-было — пять, потомъ десять копеекъ съ рубля скидывалъ, только ради Господа уплатите хоть часть... И рады бы должники на такую сдѣлку идти, да ни у кого нѣтъ въ сборѣ наличныхъ. Пустились должники рыскать по ярманкѣ денегъ искать, нашли самую малость. Ярманка была безденежная, только-что начиналась, платежей никто еще не получалъ, свободныхъ денегъ ни у кого не было. Измучился Марко Данилычъ, измучились и должники его, а все-таки недоставало на расплату съ зятьями Доронина.

На другой день рано поутру подплылъ Марко Данилычъ къ доронинскому каравану и крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Есть ли изъ хозяевъ кто?

— Есть, — отвѣчалъ съ палубы рабочій.

— Который?

— Дмитрій Петровичъ.

«Этотъ помягче будетъ, скорѣй Меркулова дастъ отсрочку,— подумалъ Марко Данилычъ.—Онъ же, поди, не забылъ, какъ мы въ прошломъ году кантовали съ нимъ на ярманкѣ, и ужинали, бывало, вмѣстѣ, и по рѣкѣ катались, разокъ согрѣшили — въ театръ съѣздили... Обласканъ былъ онъ у меня... Дастъ, чай, вздохнуть, согласится на маленькую отсрочку!.. Охъ, вынеси, Господи!»—сказалъ онъ самъ про себя, влѣзая на палубу.

А на баржѣ снялъ шапку и три раза набожно перекрестился.

Въ просторной каютѣ, по убранству во всемъ походившей на торговую контору, Веденеевъ встрѣтилъ радушно Марка Данилыча.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Какъ поживаете? Авдотья Марковна какъ въ своемъ здоровьѣ?

И засыпалъ Марка Данилыча вопросами, усадилъ его въ мягкое кресло, чаю подать приказалъ, любезенъ былъ съ гостемъ какъ нельзя больше.

Отлегло отъ души у Марка Данилыча. — «Съ этимъ, Богъ дастъ, сладимъ», — подумалъ онъ.

— Такъ вы нашимъ покупателемъ стали, Марко Данилычъ, — подавая стаканъ лянсина, съ веселой улыбкой сказалъ Веденеевъ. — Да еще покупатель-отъ какой... Главный... Единственный даже!..

— Привелъ Господь и съ вами, Дмитрій Петровичъ, дѣлишки завести, — потирая руки, отвѣчалъ Марко Данилычъ. — Напредки просимъ не оставить. А я ото всей души и во всякое время желаю вашимъ покупателемъ быть... Условійца только стѣснительны. Такъ я думаю, что, сколько ни стоитъ Макарьевская ярманка, такихъ условій на ней никогда не бывало...

— Чѣмъ же тяжелы-то? — спросилъ Веденеевъ.

— Какъ же? Помилуйте! Слыхано-ль по всей нашей коммерціи, чтобы двѣ трети платежа наличными сейчасъ на столъ выкладывать? — сказалъ Смолокуровъ.

— А слыхано ли, Марко Данилычъ, чтобы рыбу гдѣ-нибудь такъ дешево покупали? — молвилъ Веденеевъ.

— Это расчетъ особливый, Дмитрій Петровичъ. Въ цѣнѣ хозяинъ воленъ, а въ торговыхъ порядкахъ ему воли нѣтъ,— замѣтилъ Марко Данилычъ.

— Дѣло добровольное: хотите — берите, не хотите — просить не станемъ, — съ улыбкой молвилъ Веденеевъ.

— Конечно, въ этомъ спору быть не можетъ, — сильно нахмурясь, отозвался Марко Данилычъ. — Только послушайте вы меня, Дмитрій Петровичъ. Жизнь моя, вы сами знаете, не коротенькая. Чего, живучи на свѣтѣ, ни навидался я, вотъ ужъ именно, какъ пословица молвится: «и въ людяхъ живалъ, топоръ на ногу обувалъ, и топорищемъ подпоясывался». Такъ я, по моей старости и опытности, скажу вамъ, Дмитрій Петровичъ: старые обычаи преставлять не годится — наши отцы, дѣды, прадѣды не глупѣе насъ съ вами были, а заведенныхъ порядковъ держались крѣпко. Съ умомъ, значитъ, дѣлали. И по писанію выходитъ то же. Сказано: «горе народу, иже отеческая преданія преставляетъ». Гдѣ, сударь, Дмитрій Петровичъ, новизна, тамъ и кривизна. Повѣрьте мнѣ — недаромъ дожилъ я до сѣдыхъ волосъ.

— Да нельзя же вѣдь, Марко Данилычъ, и старымъ-то однимъ жить, — сказалъ Веденеевъ. — Времена и лѣта переходчивы. Что̀ встарь бывало хорошо, то вновѣ зачастую никуда не годится.

— А все-таки не слѣдъ ломать старое, — молвилъ Марко Данилычъ. — Крой новый кафтанъ, да къ старому почаще прикидывай, а то, пожалуй, не впору сошьешь.

Ничего на то не отвѣтилъ Веденеевъ. Смолокуровъ межъ тѣмъ вынулъ узелокъ изъ кармана, развязалъ его и подалъ пачки ассигнацій.

— Должокъ припасъ, — сказалъ онъ. — Извольте сосчитать и расписочку, какъ водится.

— Какой вы поспѣшный! — улыбнувшись, молвилъ Веденеевъ. — Срокъ-отъ завтра еще...

— Не опоздано, значитъ, — сказалъ Марко Данилычъ, смакуя лянсинъ. — Чаекъ-отъ новый, видно, купили? — спросилъ онъ.

— Гдѣ-жъ еще новаго теперь достать? — развязывая пачки, сказалъ Дмитрій Петровичъ. — У кяхтинскихъ дѣла еще не начались. Это прошлогодній чай, а недуренъ; нынѣшній, говорятъ, будетъ поплоше, а все-таки дороже.

— Не слыхалъ, — промолвилъ Марко Данилычъ и снова принялся за стаканъ. Веденеевъ продолжалъ деньги считать.

— Семьдесятъ пять тысячъ? — сказалъ Дмитрій Петровичъ, вопросительно посмотрѣвъ на Смолокурова.

— Семьдесятъ пять, — подтвердилъ тотъ.

— Двадцать пять завтра додадите?

— Постараюсь, — сказалъ Марко Данилычъ. — Признаться, въ наличности такихъ денегъ теперь при себѣ не имѣю, да не знаю, буду ли и завтра имѣть, — дружески улыбаясь, при-

бавилъ онъ. — Теперича не то что двадцати пяти тысячъ — ста рублей во всей ярманкѣ не сыщете на самый короткій срокъ. Такое безденежье, что просто хоть волкомъ вой...

— Да, — сказалъ Веденеевъ. — Денегъ на ярманкѣ въ самомъ дѣлѣ недостаточно.

— Такъ я ужъ вамъ векселя принесъ, — кладя на столъ три векселя. сказалъ Смолокуровъ. — Водопьянова на десять тысячъ, Столбова на пять, Сумбатова на пять. Останныя пять тысячъ до спуска флаговъ, пожалуйста, обождите.

Взглянулъ Веденеевъ на векселя и сказалъ Смолокурову:

— Мы съ Никитой Ѳедорычемъ рѣшили вести дѣла безо всякаго кредита, на чистыя. Сами не будемъ векселей давать и отъ другихъ не станемъ брать. Спора нѣтъ, эти векселя надежные — и Столбовъ и Сумбатовъ люди крѣпкіе, объ Васильѣ Васильичѣ Водопьяновѣ и говорить нечего, да вѣдь уплата-то по ихъ векселямъ послѣ спуска флаговъ.

— Да какъ же вы съ меня-то на сто тысячъ векселей получили?.. — прищуривъ правый глазъ, спросилъ съ усмѣшкой Марко Данилычъ.

— Ошиблись. Въ другой разъ не будетъ этого, — сказалъ Веденеевъ. — Если-бъ знали мы, что на другой же день, какъ съ вами мы покончили, явится другой покупатель и всѣ триста тысячъ наличными на столъ выложитъ, не такъ бы распорядились, не согласились бы отдать вамъ третью долю товара на векселя...

Побагровѣлъ Марко Данилычъ. Спрашиваетъ Веденеева:

— Кто-жъ это былъ у васъ?.. Триста тысячъ разомъ на столъ!.. Шутка сказать!.. При такомъ безденежьѣ!.. Куетъ, что ли, онъ деньги-то?!

— Орошинъ Онисимъ Самойлычъ, — отвѣчалъ Веденеевъ.

— Такъ и есть, — проворчалъ подъ носъ Смолокуровъ и, въ досадѣ вскочивъ со стула, прошелся раза три взадъ и впередъ по каютѣ.

Потомъ остановился и, закинувъ руки за спину, сказалъ Веденееву:

— Такъ какъ же у насъ будетъ, Дмитрій Петровичъ?

— Завтра ровно въ полдни будемъ ждать васъ съ полной уплатой, — съ равнодушнымъ спокойствіемъ отвѣчалъ Веденеевъ.

— Надо обождать, Дмитрій Петровичъ, — перебирая пальцами, сказалъ Смолокуровъ.

— Нельзя. На то условіе. А въ немъ что? Извольте-ка посмотрѣть.

И, вынувъ условіе, прочелъ:

«По уплатѣ всей суммы сполна я, Смолокуровъ, немедленно вступаю во владѣніе купленнымъ у насъ, Меркулова и Веденеева, товаромъ, если же паче чаянія вся сумма сполна мною, Смолокуровымъ, къ назначенному сроку уплачена не будетъ, условіе сіе уничтожается, при чемъ мы, Меркуловъ и Веденеевъ, повинны уплатить мнѣ, Смолокурову, деньги съ меня ими полученныя немедленно за вычетомъ двадцати тысячъ неустойки».

Холодный потъ выступилъ на широкомъ, совсѣмъ побагровѣвшемъ лицѣ Марка Данилыча. Такъ и растерзалъ бы онъ въ ту минуту на клочки Орошина.

— Кстати,—сказалъ Веденеевъ. — Приходили къ намъ на караванъ кой-кто изъ рыбниковъ съ вашими приказами насчетъ рыбы. Имъ не отпустили.

— Отчего-жъ такъ?.. — весь вспыхнувши, воскликнулъ Марко Данилычъ. — Нешто я ста тысячъ рублевъ вамъ не выдалъ?.. На что-жъ это похоже, сударь мой?

— А въ условіи-то, Марко Данилычъ, что̀ написано? — хладнокровно отвѣчалъ Веденеевъ раскипятившемуся Смолокурову.—Извольте-ка читать: «по уплатѣ же всей суммы сполна, согласно сему условію, я, Смолокуровъ, вступаю во владѣніе товаромъ». Значитъ, какъ отдадите вторыя сто тысячъ сполна, тогда и будете хозяиномъ купленнаго вами товара, а до тѣхъ поръ хозяева мы.

— Да вамъ бы, почтеннѣйшій Дмитрій Петровичъ, ей-Богу, не грѣшно было по-дружески со мной обойтись, — мягко и вкрадчиво заговорилъ Смолокуровъ. — Хоть попомнили бы, какъ мы съ вами въ прошломъ году дружелюбно жили здѣсь, у Макарья. Опять же вѣкъ не забуду я вашей милости, какъ вы меня отъ большихъ убытковъ избавили, — помните, показали въ Рыбномъ трактирѣ письмо изъ Петербурга. Завсегда помню ваше благодѣяніе и во всякое время желаю заслужить...

— Въ дѣлѣ я не одинъ, Марко Данилычъ. Со мной Никита Ѳедорычъ, — сказалъ Веденеевъ.

Передернуло Смолокурова. Вспомнилъ, какъ хотѣлъ онъ въ прошломъ году Меркулова на тюленѣ разорить... Однако не смутился.

— Вотъ вамъ расписка въ семидесяти пяти тысячахъ рублей, а двадцать пять тысячъ ожидаемъ завтра въ полдень, — сказалъ Дмитрій Петровичъ, написавши расписку и подавая ее Смолокурову.

— А ежель не исправлюсь? — спросилъ Марко Данилычъ.

— Тогда будетъ нарушено условіе. За вычетомъ неустойки

тогда вы семьдесятъ пять тысячъ и векселя обратно получите, а мы весь караванъ продадимъ Онисиму Самойлычу. Онъ и вчера вечеромъ и сегодня чѣмъ свѣтъ присылалъ развѣдать, совсѣмъ ли мы съ вами покончили, — сказалъ Дмитрій Петровичъ.

— Такъ не будетъ милости? — сумрачно спросилъ Смолокуровъ.

— Чтò за милости?.. Помилуйте, Марко Данилычъ! — сказалъ Веденеевъ.

— Въ такомъ разѣ просимъ прощенья, — сказалъ Смолокуровъ и поспѣшно ушелъ.

Ругаетъ мысленно Марко Данилычъ Веденеева за его несговорчивость, злобится на Орошина, что того и гляди выхватитъ онъ у него изъ рукъ выгодное дѣло, такое, какого на Гребновской никогда еще не бывало, а пуще всего свирѣпѣетъ на Сѣдова, на Сусалина и другихъ рыбниковъ, чтò не дали ему столько денегъ, на сколько подписались. Не правитъ и себя Марко Данилычъ, досадуетъ и на себя, самъ съ собой разсуждая: — «Какъ это я обмишурился?.. На такое условіе согласился. Заживо гробъ себѣ сколотилъ... отдалъ себя своей волей недругамъ... Конечно, не уганешь *), гдѣ упадешь, гдѣ потонешь, на всякъ часъ ума не напасешься, а все-таки обидно... Молокососы, слетышки стараго воробья объѣхали!.. Видно, старъ становлюсь... Одурѣлъ годами — пустобородые мальчишки травленаго волка загнали въ тенета».

А тутъ какъ нарочно Сѣдовъ. Пищитъ Иванъ Ермоланчъ на всю Гребновскую, обманщикомъ, мошенникомъ Марка Данилыча обзываетъ.

— Чужой товаръ облыжно за свой выдавать!.. Обманомъ денежки вытягивать изъ насъ!.. Вотъ твой приказъ! Смѣются только надъ нимъ. Бери его, а деньги назадъ подавай, не то въ полицію.

Сусалинъ тоже подходитъ, ругается, въ драку лѣзетъ даже. И другіе рыбники сбираются, и всѣ съ яростью кидаются на Марка Данилыча. Одинъ Бѣлянкинъ стоитъ одаль. Самъ ни слова, а слезы дрожатъ на рѣсницахъ: — «Пропали кровныя, годами нажитыя денежки!» Такую горькую думу онъ думаетъ.

Закричалъ во всю мочь Марко Данилычъ на рыбниковъ:

— Эй, вы, остолопы!.. Черти этакіе!.. Дичь необразованная!.. Чего попусту горла-то дерете? Слушай, чтò хочу говорить!

Полюбились ли, не полюбились ли рыбникамъ такія рѣчи Марка Данилыча, ихъ надо спросить, но своего онъ добился.

*) Вмѣсто «угадаешь».

Безъ ругани, безъ крика, безъ шума выслушали его рыбники. А сказалъ онъ имъ вотъ что̀:

— Глядите: вотъ расписка въ моихъ ста тысячахъ, что̀ внесъ третьяго-дня. Вотъ расписка въ семьдесятъ пять тысячъ рублей, что̀ съ васъ собралъ. Двадцати пяти тысячъ не хватаетъ, а завтра въ полдень надо ихъ уплатить. Есть у меня довольно векселей — смотрите — люди вѣрные: Водопьяновъ, Столбовъ, Сумбатовъ, а Веденеевъ за грошъ ихъ не принимаетъ. А ежели завтра къ полуднямъ останныхъ двадцати пяти тысячъ ему не уплачу̀ — все пиши пропало. Орошинъ перебьетъ — онъ имъ сполна триста тысячъ на столъ кладетъ... И ежель мы завтра всѣхъ денегъ не внесемъ — убытокъ всѣмъ... Орошинъ рыбнымъ дѣломъ завладаетъ и каждаго изъ насъ подъ свой ноготь подогнетъ... То-то будетъ издѣваться надъ вами!.. То-то заважничаетъ!.. Да и покупатели и сторонніе люди вдоволь надъ вами насмѣются!.. Хотите того?.. Аль не охота сраму принимать?

Крики осиплыхъ голосовъ, вопли, гамъ, даже дикія завыванья раздались по Гребновской. Ругательства, проклятья, угрозы, стоны и оханья съ каждой минутой усиливались...

— Да что-жъ вы, ровно псы, воете только да лаетесь? Путнаго слова, видно, отъ васъ не дождаться? — въ источный голосъ закричалъ Марко Данилычъ и покрылъ всѣ голоса. — Хотите барышей, такъ нечего галдѣть — двадцать пять тысячъ гдѣ хотите добывайте, а если вамъ барыши ни почемъ, въ такомъ разѣ орите, ругайтесь, покамѣстъ печенка не лопнула... А если жалко заведеннаго дѣла, ежель не охота вѣрныхъ барышей смердящему псу Орошину подъ хвостъ метать — такъ нечего тутъ галдѣть... Хоть изъ земли копайте, а завтра къ полудню двадцать пять тысячъ чтобъ были у меня въ рукахъ... Вотъ вамъ векселя на Водопьянова, на Столбова, на Сумбатова... Давайте за нихъ чистоганомъ, а я на васъ векселя переведу... Чего еще вамъ?.. Тутъ главное дѣло, чтобъ треклятаго Орошина одурить. Не то онъ, песъ треклятый, и барыши-то одинъ заграбастаетъ, и всѣмъ дѣломъ на Гребновской завладаетъ, а вдобавокъ надо всѣми надъ вами насмѣется: «было, дескать, у собачонокъ мясцо во рту, да проглотить щенкамъ не довелось». А щенки-то кто? Вы, вы, гребновскіе рыбники.

Примолкли рыбники — кто чешетъ въ затылкѣ, кто бороду гладитъ. Будто и не бывало въ нихъ ни ярости ни злобы на Марка Данилыча. Тузы молчали призадумавшись, но изъ мелкой сошки иные еще покрикивали.

— Отчего-жъ намъ по твоимъ распискамъ не выдаютъ товару?

— Такъ поди вотъ съ ними толкуй! — кроткимъ, обиженнымъ голосомъ, вздохнувъ даже отъ глубины души, отвѣчалъ Марко Данилычъ. — Тогда, говоритъ Веденеевъ, будешь хозяиномъ въ караванѣ, когда все до копейки заплатишь.

— Съ чего-жъ они, бѣсовы угодники, взбѣленились? Съ роду на Гребновской такъ не водилось, — кричала мелкая сошка, кромѣ Бѣлянкина. Тотъ молча столбомъ стоялъ.

— Поди вотъ съ нимъ! — говорилъ Марко Данилычъ. — Сколько ни упрашивалъ, сколько ни уговаривалъ, — все одно, что̀ къ стѣнѣ горохъ. Самъ не знаю, какъ теперь быть. Ежель сегодня двадцати пяти тысячъ не добудемъ — все пойдетъ прахомъ, а Орошинъ цѣны какія захочетъ, такія и уставитъ, потому будетъ онъ тогда сила, и мы всѣ съ перваго до послѣдняго въ ножки ему тогда кланяйся, милости у него проси. Захочетъ миловать — помилуетъ, не захочетъ — хоть въ гробъ ложись.

Призадумалась и мелкая сошка. Стали рыбники совѣтоваться.

— Что̀ же намъ дѣлать теперь? — пропищалъ наконецъ Сѣдовъ Марку Данилычу.

— Двадцать пять тысячъ добыть! Вотъ что̀ надо дѣлать! — сказалъ Марко Данилычъ. — Берите мои векселя на Водопьянова, на Столбова, на Сумбатова. Останныя пять тысячъ сбирайте, какъ знаете... Что̀?.. И на пять-то тысячъ силенки не хватитъ?.. А еще торговцы гребновскіе!.. Мочалка вы поганая, а не торговцы — вотъ что̀!.. На Гребновской у всѣхъ милліона на три рыбныхъ товаровъ стоитъ, а плевыхъ пяти тысячъ достать не могутъ!.. Эхъ, вы!.. Не рыбой бы вамъ торговать, а лапти плести — да и на тотъ промыселъ врядъ ли сгодитесь! Была бы поближе Москва, я бы и слова не молвилъ, тамъ въ ломбардѣ у меня много побольше трехсотъ тысячъ лежитъ... Да какъ ихъ къ завтрему доспѣешь? А Веденеевъ ни векселями ни билетами не беретъ.

Толковали-толковали рыбники. Наконецъ Сѣдовъ, Сусалинъ и еще двое-трое согласились купить векселя у Марка Данилыча и тутъ же деньги ему выложили. А пяти тысячъ все-таки нѣтъ.

Въ Рыбный трактиръ пошли. Тамъ за московской селянкой да за подовыми пирогами сладили дѣло.

Чуть свѣтъ на другой день кинулись къ ростовщикамъ. Этого народа у Макарья всегда бываетъ довольно. Подъ залогъ чего ни попало — добыли пять тысячъ.

Къ полудню опять собрались на Гребновской. Шумно вели разговоры и, когда Марко Данилычъ поплылъ къ доронинскому

каравану, молча съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за нимъ, пока не спустился онъ въ каюту.

И Онисимъ Самойлычъ тоже глядѣлъ со своей палубы. Невольно сжимались у него кулаки.

Мало погодя показался Марко Данилычъ. Весело махнулъ онъ картузомъ рыбникамъ. У всѣхъ нахмуренныя лица прояснились.

Волкомъ взглянулъ на нихъ Орошинъ, плюнулъ и тихо спустился въ свою каюту.

Веселъ, радошенъ Марко Данилычъ по своей каютѣ похаживаетъ. Хоть и пришлось ему безъ малаго половину дешевой покупки уступить товарищамъ, а все-жъ-таки остался онъ самымъ сильнымъ рыбникомъ на всей Гребновской. Установилъ по своему хотѣнью цѣны и на рыбу, и на икру, и на клей, и на тюленя. Властвовалъ на пристани, и какъ ни вертѣлся Орошинъ, долженъ былъ подчиниться недругу.

«Вѣрныхъ семьдесятъ тысячъ, не то й побольше, будетъ мнѣ припену отъ этой покупки, — размышляетъ Марко Данилычъ. — Дураки же, да какіе еще дураки пустобородые зятья Доронина!.. Сколько денегъ зря упустили, все одно, что въ печкѣ сожгли. Вотъ они и торговцы на новый ладъ!.. Вотъ и новые порядки!.. Бить-то васъ некому!.. Да пускай ихъ — у Дунюшки теперь лишнихъ семьдесятъ тысячъ — это главное дѣло!»

Съ Сусалинымъ встрѣтился. Тотъ говоритъ:

— Слышалъ, Марко Данилычъ, новости какія? Меркуловъ да Веденеевъ, только-что получили наши деньги, въ другую коммерцію пустились. Красный товаръ закупаютъ и все безъ кредита, на чистоганъ. А товаръ все такой, что̀ къ киргизамъ да къ калмыкамъ идетъ — красные плисы, позументы, бахту, бязь и разное другое по этой же самой части.

— Рыбой, видно, не хотятъ промышлять, — съ насмѣшливой улыбкой молвилъ Марко Данилычъ.

— Кто ихъ знаетъ, — сказалъ Сусалинъ. — Только слышалъ я отъ вѣрнаго человѣка, что краснаго товара они тысячъ на двѣсти накупили и завтра, слышь, хотятъ на баржу грузить, да и на Низъ.

Въ самомъ дѣлѣ Меркуловъ съ Веденеевымъ на вырученныя деньги тотчасъ накупили азіатскихъ товаровъ, а потомъ быстро распродали ихъ за наличныя калмыкамъ и по Киргизской степи и въ какіе-нибудь три мѣсяца оборотили свой капиталъ. Вырученныя деньги въ степяхъ же остались — тамъ накупили они пушного товара, всякаго сырья, а къ Рождеству распродали скупленное по заводамъ. Значитъ, еще оборотъ.

А рыбники надъ ними смѣются да потѣшаются. «Всякой вся-

чиной зачали торговать,—говорятъ они.—Обожди маленько—избоиной, пареной рѣпой да грушевымъ квасомъ зачнутъ торговлю вести». Но по скорости зятьевъ Доронина считали въ двухъ милліонахъ, опричь того, что получатъ они послѣ тестя.

Чего ни хотѣлось Марку Данилычу—все исполнилось. Рыбой въ томъ году торговали бойко, къ Ивану Постному на Гребновской все до послѣдняго фунта было раскуплено, и кромѣ того сдѣланы были большіе заказы на будущій годъ. Покончивъ такъ удачно дѣла, Смолокуровъ домой собрался, а оттуда думалъ въ Луповицы за дочерью ѣхать. Сильно соскучился онъ по Дунѣ, совсѣмъ истосковался, и во снѣ и наяву только у него и думъ, что про нее. Ходитъ по лавкамъ, покупаетъ ей гостинцы—брильянты, жемчуга, дорогую шубу чернобурой лисицы и другіе подарки... «Все годится на приданое... Охъ, поскорѣй бы оно понадобилось!.. Тогда бы много заботъ у меня съ плечъ долой»,—думаетъ онъ. Марьѣ Ивановнѣ въ благодарность за Дуню тоже хорошую шубу купилъ. «Совсѣмъ исправился, завтра домой»,—рѣшилъ онъ наконецъ и сталъ укладываться.

Тутъ только вспомнилъ онъ про брата-полонянника да про татарина Субханкулова. Въ ярманочныхъ хлопотахъ они совсѣмъ у него изъ ума и памяти вонъ, а ежели когда и вспоминалъ о Мокеѣ, такъ каждый разъ откладывалъ въ долгій ящикъ — «успѣю да успѣю». Такъ дѣло и затянулось до самаго отъѣзда.

«Надо будетъ повидать татарина, — подумалъ Марко Данилычъ, укладывая дорогіе подарки, купленные для Дуни.— Дорого запроситъ собака!.. Хлябинъ говоритъ, меньше тысячи цѣлковыхъ нельзя!.. Шутка сказать!.. На улицѣ не подымешь!.. Лучше-бъ на эту тысячу еще что-нибудь Дунюшкѣ купить. Ну, да такъ ужъ и быть — пойду искать Махметку».

Въ темномъ углу каюты стоялъ у него небольшой деревянный ящикъ, весь закиданный хламомъ. Открывъ его, Марко Данилычъ вынулъ бутылку вишневки и сунулъ ее въ карманъ своей сибирки. Отправляясь на ярманку, вспомнилъ онъ, какъ выходецъ изъ полону, Хлябинъ, сказывалъ ему, что Махметъ Субханкуловъ русской наливкой поитъ царя хивинскаго, потому на всякій случай и велѣлъ уложить въ дорогу три дюжины бутылокъ. А вишневку у Смолокурова Дарья Сергѣвна такую дѣлала, что подобной по другимъ мѣстамъ и днемъ съ огнемъ не сыщешь. Въ надеждѣ соблазнить ею татарина, Марко Данилычъ тихимъ, ровнымъ шагомъ пошелъ съ Гребновской въ казенный гостиный дворъ.

Тамъ въ Бухарскомъ ряду скоро отыскалъ онъ лавку Субханкулова. Богатый, именитый татаринъ, почитавшійся потомкомъ Тамерлана, былъ тоже на отъѣздѣ. Передъ лавкой стояло десятка полтора роспусковъ *) для отвоза товара на пристань, лавка заставлена была тюками. Человѣкъ шесть либо семь сергачскихъ татаръ, сильныхъ, крѣпкихъ, съ широкими плечами и голыми, жилистыми руками, упаковывали макарьевскіе товары, накупленные Субханкуловымъ для развоза по Бухарѣ, Хивѣ, Киргизскимъ степямъ. Другіе татары, слегка покрякивая, перетаскивали на богатырскихъ спинахъ задѣланные тюки на роспуски. Возни было много, но не было ни шуму, ни криковъ, ни ругани, столь обычныхъ въ ярманочныхъ лавкахъ русскихъ торговцевъ, когда у нихъ грузятъ или выгружаютъ товары. Въ сторонѣ, въ углу, за грязнымъ деревяннымъ столикомъ сидѣлъ татаринъ въ полинявшемъ, засаленномъ архалукѣ изъ аладжи и всѣмъ распоряжался. По сторонамъ сидѣло еще двое татаръ-приказчиковъ; одинъ что-то записывалъ въ толстую засаленную книгу, другой клалъ на счетахъ.

Пробираясь между тюками, подошелъ Марко Данилычъ къ старому татарину и, немножко приподнявъ картузъ, сказалъ ему:

— Мнѣ бы хозяина надо повидать.

— Махметъ Бактемирычъ наверхъ пошла. У палатка, — отвѣчалъ татаринъ, оглянувъ съ ногъ до головы Смолокурова. — Айда наверхъ!

Вошелъ Марко Данилычъ наверхъ въ домашнее помѣщеніе Субханкулова. И тамъ короба да тюки, готовые къ отправкѣ. За легкой перегородкой, съ растворенной дверью, сидѣлъ самъ бай **) Махметъ Бактемирычъ. Былъ онъ въ архалукѣ изъ тармаламы, съ толстой золотой часовой цѣпочкой по борту; на головѣ сіяла золотомъ и бирюзами расшитая тюбетейка, и чуть не на каждомъ пальцѣ было по дорогому перстню. Изъ себя Субханкуловъ былъ широкъ въ плечахъ и дороденъ, имѣлъ важный видъ крупнаго богача. Широкое, скуластое его лицо было какъ въ маслѣ, а узенькіе, черные, быстро бѣгавшіе глазки изобличали человѣка хитраго, умнаго и такого плута, какихъ на свѣтѣ мало бываетъ. Бай сидѣлъ на низенькихъ нарахъ, крытыхъ персидскимъ ковромъ и подушками въ полушелковыхъ чехлахъ. Передъ нимъ на столѣ стоялъ кумганъ съ горячей водой, чайникъ, банка съ вареньемъ и

---

*) Дроги для возки клади.

**) Бай — богатый, сильный, вліятельный человѣкъ.

принесенныя изъ татарской харчевни кабартма, куштыли и баурсакъ *). Бай завтракалъ.

— Сала маликамъ **), Махметъ Бактемирычъ! — сказалъ Марко Данилычъ, подходя къ Субханкулову и протягивая ему руку.

— Алейкюмъ селямъ, знакомъ ***)!—обѣими руками принимая руку Смолокурова и слегка приподнимаясь на нарахъ, отвѣчалъ Субханкуловъ. — Какъ зовутъ?

— А я буду купецъ Смолокуровъ Марко Данилычъ, рыбой въ Астрахани и по всему Низовью промышляемъ. И на морѣ у насъ свои ватаги есть. Сюда къ Макарью рыбу вожу продавать.

Кивнулъ Субханкуловъ головой и сталъ пристально разглядывать Марка Данилыча, но въ отвѣтъ не сказалъ ему ни слова.

— Дѣльцо у меня есть до тебя, Махметъ Бактемирычъ,— помолчавъ немножко, заговорилъ Марко Данилычъ.—Покалякать съ тобой надо.

— Караша, садійсь, калякай, — сказалъ Субханкуловъ, подвигаясь на нарахъ и давая мѣсто Марку Данилычу.—Чай пить хочешь?

— Чашечку, пожалуй, хлебну, — сказалъ Смолокуровъ.

Тяжело поднявшись съ нарь, Субханкуловъ подошелъ къ стоявшему въ углу шкапчику, отперъ его, досталъ чайную чашку и, повернувъ назадъ голову, съ масляной широкой улыбкой молвилъ черезъ плечо Марку Данилычу:

— Арышъ-май хочешь?

— Какой такой арышъ? — не понимая словъ бая, спросилъ Смолокуровъ.

— Ржано масло, — по-русски пояснилъ Махметъ Бактемирычъ и, чтобъ гостю было еще понятнѣй, вынулъ изъ шкапчика бутылку со сладкой водкой и показалъ ее Марку Данилычу.

Улыбнулся Марко Данилычъ и сказалъ, что не прочь отъ рюмочки ржаного масла.

Заваривъ свѣжаго чаю, Субханкуловъ налилъ двѣ рюмки водки и поставилъ одну передъ гостемъ.

---

*) Татарскія печенья къ чаю: кабартма — въ родѣ нашихъ пышекъ, куштыли — то же, что̀ у насъ хворосты или розаны, баурсакъ — куски пшеничнаго тѣста, вареные въ маслѣ.

**) Вмѣсто «эсселямъ алейкюмъ» — обыкновенное татарское привѣтствіе при встрѣчѣ, то же, что̀ наше «здравствуй». «Алейкюмъ селямъ» — отвѣтное привѣтствіе.

***) Татары всякаго и преимущественно незнакомыхъ обыкновенно зовутъ «знакомъ».

— Хватымъ! — тряхнувъ головой и принимаясь за рюмку, сказалъ веселый бай Марку Данилычу.

Выпили. Махметъ Бактемирычъ пододвинулъ къ гостю тарелку съ кабартмой, говоря:

— Ку̀сай, кусай. Караша̀.

— А нѐшто можно это тебѣ употреблять, Махметушка? — съ усмѣшкой молвилъ Марко Данилычъ, показывая на водку.— Кажись бы, по вашему татарскому закону не слѣдовало.

— Законъ вина не велитъ, — сказалъ бай, такъ прищурившись, что совсѣмъ не стало видно узенькихъ глазокъ его.— Вино не велитъ; «арышъ-май» можна̀. Вотъ тебѣ чай, кусай, караша̀, три рубля фунтъ.

Принялся за чай Марко Данилычь, а Субханкуловъ, развалясь на подушкахъ, сказалъ ему:

— Калякай, Марка Данылышъ, калякай!

Откашлянулся Марко Данилычъ и сталъ разсказывать про свое дѣло, но не сразу заговорилъ о полонянникѣ, а издалека повелъ разговоръ.

— Въ Оренбургѣ проживаешь? — спросилъ онъ.

— Аранбургъ, такъ, Аранбургъ, — отвѣчалъ бай. — Перва гильдя купса, три мендаль на шея, — съ важностью отвѣчалъ татаринъ.

— А торговлю, слыхалъ я, въ степяхъ больше ведешь? — продолжалъ Марко Данилычъ.

— Киргизка степа̀ торгумъ, Бухара торгумъ, Коканъ торгумъ, Хива торгумъ, вездѣ торгумъ, — съ важностью молвилъ татаринъ и, подвигая къ Марку Данилычу тарелку съ куштыли, ласково промолвилъ: — ку̀сай куштыли, Марка Данылышъ — болна караша̀.

— Такъ впрямь и въ Хивѣ торгуешь? — сказалъ Смолокуровъ. — Далеко, слышь, это Хивинско-то царство?

— Далека̀, болна далека̀, — отвѣчалъ бай. — Съ Макаръ на Астрахань дорога знашь?

— Какъ не знать? Хорошо знаю, — сказалъ Марко Данилычъ.

— Два доро̀га, три доро̀га, четыре дорога — Хива, — сказалъ Субханкуловъ, пригибая палецъ за пальцемъ правой руки.

— Ой - ой, какая даль! — покачавъ головой, отозвался Марко Данилычъ. — А правду-ль говорятъ, Махметушка, что въ Хивинскомъ царствѣ наши русскіе полонянники есть?

— Минога есть, очинно минога на Хива русска кулъ *), доволна минога есть, — сказалъ Субханкуловъ.

*) Кулъ — рабъ.

— Что-жъ? Такъ имъ и нѣтъ возвороту?—спросилъ Марко Данилычъ.

— Не можна... Ни-ни!.. — жмуря глаза и тряся головой, сказалъ Субханкуловъ. — Кулъ бѣгялъ — бай ловилъ, кулу—такъ.

И, чтобъ пояснить Марку Данилычу, что̀ значитъ «такъ», стукнулъ себя по затылку ребромъ ручной кисти.

— А выкупить можно?—немного помолчавъ, спросилъ Марко Данилычъ.

— Можна̀, очинна можна̀, — отвѣчалъ Субханкуловъ. — Я болна минога купалъ, очинна доволна. Нашъ ампаратаръ золоту мендаль съ парсуной *) давалъ, красна лента на шея. Гляди!

И, вынувъ изъ шкапчика золотую медаль на анненской лентѣ, показалъ ее Марку Данилычу.

— А какъ цѣна за русскаго полонянника? — спросилъ Марко Данилычъ, разглядывая медаль и не поднимая глазъ на Субханкулова.

— Разна цѣна — болша бывать, мала бывать, — отвѣтилъ Субханкуловъ. — Караша кулъ — минога деньга, худа кулъ— мала деньга.

— У меня бы до тебя была просьбица, Махметушка, хотѣлось бы мнѣ одного полонянника высвободить изъ Хивы... Не возьмешься ли?..

— Можна, болна можна, — сказалъ бай, и узенькіе его глазки, чуя добычу, вспыхнули.—А ты куштаначи **) кусай, Марка Данылышъ, кусай — вотъ тебѣ баурсакъ, кусай — караша. Друга рюмка арышъ-май кусай!..

И, наливъ двѣ рюмки водки, одну самъ хлопнулъ на лобъ. а другую подалъ Марку Данилычу.

— Видишь ли, Махметушка, надо мнѣ нѣкоего полонянника высвободить, — выпивши водки и закусивъ вкусной кабартмой, молвилъ Марко Данилычъ. — Годовъ двадцать пять, какъ онъ въ полонъ попалъ. А живетъ, слышь, теперь у самого хивинскаго царя во дворцѣ. Можно-ль его оттуда высвободить?

— Можна, болна можна, — отвѣчалъ Субханкуловъ. — Только дорога кулъ. Ханъ дорога за кула бралъ, очинна дорога.

— А не случалось ли тебѣ, Махметушка, у ихняго царя полонянниковъ выкупать? — спросилъ Марко Данилычъ.

---

*) Парсуна — персона, царскій портретъ.
**) Куштаначъ — гостинецъ.

— Купалъ, многа купалъ русска кула... Купалъ у мяхтяра, купалъ у кушъ-бека *), у хана купалъ, — поднявъ самодовольно голову, отвѣчалъ Субханкуловъ. — А ты кусай баурсакъ, Марка Данылышъ, болна караша баурсакъ, сладка.

— А что-бъ ты взялъ съ меня, Махметушка, чтобъ того полонянника высвободить? — спросилъ Марко Данилычъ. — Человѣкъ онъ ужъ старый, моихъ этакъ лѣтъ, ни на каку работу сталъ негоденъ, задаромъ только царскій хлѣбъ ѣстъ. Ежели бы царь-отъ Хивинскій и даромъ его отпустилъ, изъяну его казнѣ не будетъ, потому, зачѣмъ же понапрасну поить-кормить человѣка? Какая, по-твоему, Махметушка, тому старому полоняннику будетъ цѣна?

— Тысяча тиллэ и болше тысячи тиллэ ханъ за кула бралъ... Давай пять тысячъ рублевъ хану, тысячу мнѣ!.. Шесть тысячъ цѣлкова, Марка Данылышъ.

— Что̀ ты, Махметушка? Въ умѣ ли, почтенный?—воскликнулъ Марко Данилычъ. Хоть и думалъ онъ, что бай заломитъ непомѣрную цѣну, но никакъ не ожидалъ такого запроса. — Экъ какое слово ты сказалъ, Махметъ Бактемирычъ!.. Вѣдь этотъ кулъ и смолоду-то ста рублей не стоилъ, а ты вдругъ его, стараго старика, ни на какую работу негоднаго, въ шесть тысячъ цѣлковыхъ цѣнишь!.. Ай-ай, нехорошо, Махметушка, ай-ай, больно стыдно!

— Шесть тысячъ, — крѣпко прищурясь, сказалъ Субханкуловъ. — Дешева не можна. Кулъ у хана — дешева не можна.

— А какъ же ты, Махметушка, Махрушева-то, астраханскаго купца, Ивана Филипыча, у царя за семьсотъ съ чѣмъ-то цѣлковыхъ выкупилъ?.. — сказалъ Марко Данилычъ, вспоминая слова Хлябина. — А Махрушевъ-отъ вѣдь былъ не одинъ, съ женой да съ двумя ребятками. За что-жъ ты съ меня за одинокаго старика непомѣрную цѣну взять хочешь? Побойся Бога, Махметъ Бактемирычъ, вѣдь и тебѣ тоже помирать придется, и тебѣ Богу отвѣтъ надо будетъ давать. За что-жъ ты меня хочешь обидѣть?

— Кто калякалъ, Махрушева я купалъ? — весь встрепенувшись, спросилъ Субханкуловъ.

— Слухомъ земля полнится, Махметушка, — съ усмѣшкой молвилъ Марко Данилычъ. — И про то знаемъ мы, какъ ты лѣтошній годъ солдатку Пелагею Аѳанасьевну выкупалъ, взялъ меньше двухсотъ цѣлковыхъ, а за мѣщанина города Енотаевска за Илью Гаврилыча всего-на-все триста рублевъ.

*) Мяхтяръ — знатный вельможа. Кушъ-бекъ — министръ.

— Кто калякалъ? — смущаясь отъ словъ Смолокурова, спрашивалъ бай.

— Да ужъ кто бы тамъ ни калякалъ, а ты самъ знаешь, что говорю не облыжно, — отвѣчалъ Марко Данилычъ, глядя пристально на прищуренные глазки татарина.

Субханкуловъ что-то пробормоталъ самъ съ собой по-татарски.

— Такъ какъ же у насъ дѣло-то будетъ, Махметушка? — спросилъ Марко Данилычъ.

Не сразу отвѣтилъ татаринъ. Подумалъ-подумалъ онъ, посчиталъ на пальцахъ и сказалъ наконецъ:

— Давай, Марка Данылышъ, пять тысячъ цалкова. Вывезу кула. Весна — получай.

— Не многонько-ль будетъ, Махметушка? — усмѣхнувшись, молвилъ Смолокуровъ. — Слушай: хоть тотъ кулъ и старикъ, а Махрушевъ молодой, да къ тому-жъ у него жена съ ребятами, да ужъ, такъ и быть, обижать не хочу — получай семьсотъ цѣлковыхъ, и дѣло съ концомъ.

— Не можна, Марка Данылышъ, не можна, — горячо заговорилъ татаринъ. — Не можна семьсотъ цалкова. Четыре тысяча.

— Не дамъ, — сказалъ Смолокуровъ и, вставши съ наръ, взялся за картузъ. — Дѣла, видно, намъ съ тобой не сдѣлать, Махметушка, — прибавилъ онъ. — Вотъ тебѣ послѣднее мое слово — восемьсотъ цѣлковыхъ, не то прощай. Согласенъ — деньги сейчасъ, не хочешь, какъ хочешь... Прощай.

— Не хады, Марка Данылышъ, не хады, — схвативъ за руку Смолокурова, торопливо заговорилъ Субханкуловъ.—Караша дѣла — караша сдѣламъ. Три тысячи дай.

— Не дамъ, — рѣшительно сказалъ Марко Данилычъ, выдергивая руку у Субханкулова. — А чтобъ больше съ тобой не толковать, такъ и быть, даю тысячу, а больше хочешь, такъ и калякать съ тобой не хочу...

— Калякай, Марка Данылышъ, пажалыста, калякай, — перебилъ Субханкуловъ, хватая его за обѣ руки и загораживая дорогу. — Слушай — караша дѣла: тащи съ карманъ два тысяча.

— Жирно будетъ, Махметушка — водой обопьешься! Сказано: тысяча — не прикину мѣдной копейки. Прощай — недосугъ мнѣ, некогда съ тобой балясы-то точить,—молвилъ Марко Данилычъ, вырываясь изъ жилистыхъ рукъ татарина.

— Тысяча?.. Караша. Еще палтысяча, — умильно, даже жалобно не сказалъ, а пропѣлъ Субханкуловъ.

— Сказано: не прибавлю ни копейки, — молвилъ Марко

Данилычъ. — А какъ вижу я, что человѣкъ ты хорошій, такъ я отъ моего усердія дюжину бутылокъ самой лучшей вишневки тебѣ подарю. Наливка не покупная. Нигдѣ такой въ продажѣ не сыщешь, хоть всю Россію исходи. Домашняго налива—густая ровно масло, и такая сладкая, что, ежель не поопасишься, языкъ проглотишь.

У татарина глазки запрыгали. Зачмокалъ даже.

— Такой тебѣ, Махметъ Бактемирычъ, наливки предоставлю, что хивинскій царь за нее со всѣхъ твоихъ товаровъ копейки пошлинъ не возьметъ. Вѣрь слову — не лгу, голубчикъ... Говорю тебѣ какъ передъ Богомъ.

Субханкуловъ только рѣдкую бородку свою пощипываетъ. «У, какой урусъ *),—думаетъ онъ.—Какъ онъ узналъ?.. Муллѣ скажетъ — ай-ай... ахунъ узнаетъ — бѣда...»

— Не калякай, не калякай, Марка Данылышъ, — тревожно заговорилъ онъ. — Не можнà калякать! Пажалыста, не калякай.

— Чтò мнѣ калякать? Одному тебѣ сказываю, — добродушно усмѣхаясь, весело молвилъ Марко Данилычъ. — Зачѣмъ до времени вашимъ абызамъ сказывать, что ты, Махметушка, вашей вѣры царя наливкой спаиваешь... Вотъ ежели бы въ цѣнѣ не сошлись, тогда дѣло иное — молчать не стану. Всѣмъ абызамъ, всѣмъ вашимъ мулламъ и ахунамъ буду разсказывать, какъ ты, Махметушка, Богу своему не вѣруешь и басурманскаго вашего закона царей вишневкой отъ вѣры отводишь.

— Малши, пажалыста, малши, — тревожно сталъ упрашивать татаринъ Марка Данилыча.

Не на шутку струсилъ бай, чтобъ служители Аллаха не провѣдали про тайную его торговлю. Тогда бѣда, со свѣта сживутъ, а въ степяхъ чего добраго либо подъ пулю киргизовъ, либо подъ саблю трухменъ попадешь.

— А доведется тебѣ, Махметушка, съ царемъ вашей вѣры бражничать, да попотчуешь ты его царское величество моей вишневочкой, такъ онъ — вѣрь ты мнѣ, хорошій человѣкъ — бутылку-то на изнанку выворотитъ да всю ее и вылижетъ, — подзадоривалъ Субханкулова Марко Данилычъ.

— Съ ханомъ не можнà наливка пить, — чинно и сдержанно отвѣтилъ татаринъ. — Ханъ балшой человѣкъ. Одинъ пьетъ, никаво не глядитъ. Не можна глядѣть — ханъ голова руби, шея на веревка, пожа на горлà.

— Экій грозный какой! — шутливо усмѣхаясь, молвилъ Марко Данилычъ. — А ты полно-ка, Махметушка, скрытничать,

---

*) Урусъ — русскій.

я вѣдь, слава Богу, не вашего закона. По-мнѣ цари вашей вѣры хоть всѣ до единаго передохни, либо перетопись въ винѣ, аль въ иномъ хмельномъ пойлѣ. Намъ это не обидно. Стало-быть, умный ты человѣкъ, со мной можно тебѣ обо всемъ калякать по правдѣ и по истинѣ... Понялъ, Махметка?.. А ужъ я бы тебя такой вишновкой наградилъ, что вѣкъ бы сталъ хорошимъ словомъ меня поминать. Да на̀-ка вотъ, попробуй...

И съ этимъ словомъ Марко Данилычъ вытянулъ изъ кармана бутылку вишневки и налилъ ее въ рюмки. У бая такъ и разгорѣлись глазенки, а губы въ широкую улыбку растянулись.

— На̀-ка, Махметка, отвѣдай, да отвѣдавши и скажи по правдѣ, пивалъ ли ты когда такую, привозилъ ли когда этакую царю Хивинскому.

Отвѣдалъ Субханкуловъ и ровно котъ зажмурилъ глаза.

— Якши̇, болна якши̇ *)! — промолвилъ онъ внѣ себя отъ удовольствія.

И, осушивъ рюмку, поспѣшно протянулъ ее къ Марку Данилычу, говоря:

— Якши̇!.. Давай... Ешшо давай... Болна караша.

— Что-жъ молчишь, Махметка? Говори — пивалъ ли такую? — спрашиваетъ Марко Данилычъ, а самъ другую рюмку наливаетъ.

— Ни... — молвилъ Субханкуловъ, принимая рюмку. И дрожала рука татарина отъ удовольствія и волненья.

— Идетъ, что ли, дѣло-то? — спросилъ Марко Данилычъ, держа въ рукѣ бутылку и наливая вишневки въ рюмку, подставленную баемъ. — Тысячу рублевъ деньгами да этой самой наливки двѣнадцать бутылокъ.

— Ладна... Пошла дѣла!.. Хлопай рукамъ!..

И ударили по рукамъ. Татаринъ тотчасъ же протянулъ рюмку, говоря:

— Ешшо, Марка Данылышъ, пажалыста, ешшо давай!

Покончили бутылку. Грустно вздохнулъ Махметъ Бактемирычъ, глядя на порожнюю посудину.

— Какъ кула звать? — спросилъ онъ, вынимая изъ шкапчика бумажки клочокъ.

— Мокей... Мокей Даниловъ, — сказалъ Смолокуровъ.

Не назвалъ брата по прозванью, не вдогадку бы было татарину, что полонянникъ братомъ ему доводится. Узна̀етъ некрещеный лобъ, такую цѣну заломитъ, что только ахнешь.

— Давно ли въ Хивѣ? — продолжалъ свои разспросы Субханкуловъ, записывая на бумажкѣ отвѣты Марка Данилыча.

---

*) *Якши̇* — хорошо.

— Лѣтъ двадцать пять, — сказалъ Смолокуровъ. — Спервоначалу трухмены Зерьяну Худаеву его продали, отъ Худаева къ царю поступилъ. Высокій такой, рослый, чернявый.

— Зерьянъ Худаевъ знакомъ, кунакъ до меня, — сказалъ Субханкуловъ. — Якши купса, болна караша.

Дѣло сладилось. Марко Данилычъ на прощанье съ баемъ даже маленько пошутилъ.

— Слушай, Махметъ Бактемирычъ, — сказалъ онъ ему: — хоть ты и некрещеный, а все-таки я полюбилъ тебя. Каждый годъ стану тебѣ по дюжинѣ бутылокъ этой вишневки дарить... Вотъ еще чтò: любимая моя сука щенна — самаго хорошаго кутенка Махметкой прозову, и будетъ онъ завсегда при мнѣ, чтобъ мнѣ не забывать, что кажду ярманку надо пріятелю вишневку возить.

Нимало не обидѣлся на то Субханкуловъ, осклабился даже, головой потряхивая. Наливка-то ужъ очень хороша была.

Выдалъ Марко Данилычъ деньги, а вишневку обѣщалъ принести на другой день. Субханкуловъ далъ расписку. Было въ ней писано, что ежели Субханкулову не удастся Мокея Данилова выкупить, такъ повиненъ онъ на будущей ярманкѣ деньги Марку Данилычу отдать обратно. Къ маклеру пошли для перевода расписки на русскій языкъ и для записи въ книгу.

Разстались. Воротясь домой и развалясь на подушкахъ, Махметъ Бактемирычъ думалъ о томъ, какъ угодитъ онъ хану рѣдкостной наливкой, за десятокъ бутылокъ Мокея выкупитъ, а тысячу рублей себѣ въ карманъ положитъ.

А Марко Данилычъ, шагая на Гребновскую, такъ размышлялъ: — «Тысяча цѣлковыхъ бритой плѣши!.. Лбу некрещеному тысячу цѣлковыхъ!.. Легко сказать!.. Дунюшкѣ изъянъ — вотъ оно главное-то дѣло!»

Глава седьмая.

На другой день послѣ того, какъ Марко Данилычъ поладилъ съ оренбургскимъ «баемъ», поднялась съ ранняго утра сильная буря. Забѣлѣлись на Окѣ и Волгѣ снѣжки-бѣлячки *), захлестали валы о пристани, и, громко скрипя, закачались суда, барки, бѣляны, иныя даже съ якорей сорвались. Съ каждымъ часомъ буря лютуетъ пуще и пуще, на лѣсныхъ пристаняхъ разбиваетъ плоты унженскіе и немдинскіе **) и

*) *Снѣжками*, а также *бѣлячками* зовутъ бѣлые пѣнистые верхи волнъ.

**) Строевой лѣсъ сплавляется преимущественно изъ притоковъ Волги (въ Костромской губерніи), Унжи и Немды.

по широкому волжскому лону разноситъ толстыя бревна. Расплываются по могучей рѣкѣ дрова изъ разбитыхъ барокъ, захлестываетъ волнами донщаники и лодки, наноситъ на песчаныя мели шитики, тихвинки, кладнушки *). Такая страшная, такая грозная буря разыгралась, что такой не запомнятъ и старожилы.

Опасно было бѣжать на пароходѣ, и Марко Данилычъ поѣхалъ во-свояси сухимъ путемъ на лошадяхъ... Пріѣхалъ домой; на дворѣ пусто, а на крыльцѣ встрѣтила его грустная, печальная Дарья Сергѣвна.

— А Дунюшка? — быстро спросила она, когда весь прозябшій и промокшій до костей Марко Данилычъ, поохивая и покрякивая, медленно вылѣзалъ изъ тарантаса.

— Нешто она у Макарья была? — отрывисто, съ видимой досадой отвѣтилъ сумрачный Смолокуровъ. — А я было-чаялъ ее дома найти. Такъ полагалъ, что Марья Ивановна привезла ужъ ее.

Ни словечка Дарья Сергѣвна не молвила, но двѣ слезы заструились по блѣднымъ ея щекамъ. Недоброе что-то почуяло любящее ея сердце. Изныла она, изболѣла душой по Дунюшкѣ, и не съ кѣмъ было ей раздѣлить неутѣшное горе. Три мѣсяца одна-одинешенька выжила она въ обширномъ и пустомъ смолокуровскомъ домѣ, и не съ кѣмъ ей было слова перемолвить, не съ кѣмъ было размыкать гнетущее горе, некому разсказать про печаль свою. Только глухая старушка-стряпка Степановна да разбитная, быстроглазая молодка Матрена, что̀ приставлена была къ горницамъ, видали Дарью Сергѣвну. Всѣ дни проводила она либо на молитвѣ, либо за чтеніемъ Ефрема Сирина.

Молча вошелъ въ домъ Марко Данилычъ, молча шла за нимъ и Дарья Сергѣвна. Положивъ уставной семипоклонный началъ передъ родительскими иконами, оглянулъ онъ пустыя комнаты и сказалъ вполголоса Дарьѣ Сергѣвнѣ:

— А я было-думалъ, что Дуня воротилась. Пора бы, кажется. Двѣнадцату недѣлю гоститъ. Самому, видно, придется ѣхать за ней.

— Пора бы ужъ, давно бы пора ей воротиться, — съ глубокимъ вздохомъ промолвила Дарья Сергѣвна.— Ужъ не приключилось ли чего съ ней? Оборони Господи, грѣхомъ не захворала ли?

---

*) *Шитикъ* — небольшое судно, крытое округлою палубой. *Тихвинка* — такого же устройства судно, поднимающее отъ двухъ до двѣнадцати тысячъ пудовъ груза. *Кладнушка* — судно съ палубой шире бортовъ, поднимаетъ до восьми тысячъ пудовъ груза.

— Нѣтъ, этого нѣтъ, слава Богу, — отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Недѣли двѣ тому получилъ я отъ нея письмецо невеликое. Пишетъ таково весело, извѣщаетъ, что жива и здорова, и что Марья Ивановна зачала въ дорогу сряжаться... А вотъ чтò на умъ мнѣ пришло, — продолжалъ Марко Данилычъ и кликнулъ въ окно: — Ѳаддеевъ!

— Чтò будетъ угодно вашей милости? — отвѣчалъ приказчикъ.

— Свѣжую тройку запрячь въ тарантасъ. Въ Фатьянку поѣдешь.

— Въ какую Фатьянку? — робко спросилъ Василій Ѳаддеевъ у хозяина.

— Дурова голова! — закричалъ зычнымъ голосомъ Марко Данилычъ. — Тебя же вѣдь я посылалъ туда, какъ съ Низу воротился. Тебя посылалъ узнавать, не у тамошней ли барышни гоститъ Авдотья Марковна.

— Возлѣ Миршени-то? — догадался Василій Ѳаддеевъ.

— Ну да... возлѣ Миршени. Новый поселокъ у ручья въ долинѣ, — сказалъ Марко Данилычъ. — Тутъ она Фатьянка и есть. Туда поѣдешь. Тамошняя помѣщица Марья Ивановна, чтò на Троицу гостила у насъ, надо думать, теперича въ Фатьянкѣ, а съ ней должна пріѣхать и Авдотья Марковна. Такъ ты повидай Авдотью-то Марковну да скажи ей отъ меня: тятенька, молъ, седни только отъ Макарья пріѣхали; ѣхали, молъ, на лошадяхъ, потому-де маленько пріустали, письма не пишутъ, а велѣли на словахъ вашей чести доложить, чтобы, дескать, на сихъ же самыхъ лошадяхъ безотмѣнно домой жаловали... Понялъ?

— Какъ не понять? — сказалъ Василій Ѳаддеевъ. — Попаду ли только я на барскій-отъ дворъ? Въ тотъ разъ не пустили, насилу отвѣта добился.

— Опасятся, — промолвилъ Марко Данилычъ. — Люди новые, переселенцы, а мѣсто глуховато. Ежели Марья Ивановна въ Фатьянкѣ, тебя тотчасъ пустятъ. Да нечего балясы-то точить — сряжайся... Эй, вы!.. Черти!.. Чтò тарантасъ-отъ не закладаете? Ждать мнѣ, что ли, васъ, анаѳемскіе разбойники?.. Смотри у меня!.. Шевелись, пошевеливайся!.. Нешто забыли расправу!.. Ироды!..

И, еще крѣпче выругавшись, тихими стопами отошелъ домовладыка отъ косящата окна.

Тутъ подошла къ нему Дарья Сергѣевна и такую рѣчь повела:

— Послушайте глупаго моего слова, Марко Данилычъ. Какъ же это будетъ у насъ? Какъ наша голубушка одна съ Васильемъ поѣдетъ? Да еще даль такую, да еще ночью. Хорошо

ли это, сами извольте разсудить. А по-моему нехорошо, даже больно нехорошо. Какъ молоденькой дѣвицѣ ночью съ мужчиной одной ѣхать! Долго-ль до грѣха?

— Смѣетъ онъ! — хватаясь за ручку кресла, не своимъ голосомъ вскрикнулъ Марко Данилычъ. Потемнѣло суровое лицо, затряслися злобой губы, а изъ грозныхъ очей ровно каленые уголья посыпались. Самъ задрожалъ, голова ходенемъ пошла.

— Не о томъ я вамъ, Марко Данилычъ, докладываю, — опустя глаза и поблѣднѣвъ пуще прежняго, трепетнымъ голосомъ промолвила Дарья Сергѣвна. — О томъ хочу сказать вамъ какъ отцу, какъ родителю, что послѣ этого какъ разъ, пожалуй, сплетки да худыя розсказни пойдутъ по сосѣдству. Чужи языки на цѣпь вѣдь не прикуешь. Окрикомъ да грозой ничего тутъ не подѣлаете, пуще еще, пожалуй, смотники зачнутъ языки чесать. Дѣвушкино дѣло обидливое, а сами вы знаете, сколь здѣсь недобрыхъ людей. Превознесъ васъ Господь передъ другими, а превознесенному всегда отъ людей бываетъ зависть и злоба!

Больше прежняго нахмурился Марко Данилычъ, но ни словомъ ни видомъ не возразилъ Дарьѣ Сергѣвнѣ. Мало подумавъ, сказалъ:

— Василій знаетъ дорогу, его на козлы, а Степановну либо Матрену въ тарантасъ. Вмѣстѣ съ Дунюшкой и пріѣдутъ. Не будетъ тогда глупыхъ рѣчей, не изъ чего будетъ анаѳемамъ поганые языки свои разнуздывать.

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите, Марко Данилычъ, гнѣвайтесь, а того, что̀ вы вздумали сдѣлать, никакъ невозможно, — горячо вступилась Дарья Сергѣвна. — Какъ можно Дунюшкѣ съ глухой тетерей Степановной ѣхать? А Матрена не заграда. Про нее про самоё и правды и неправды много плетутъ. Ѣхать съ ней нашей голубушкѣ, пожалуй, еще хуже, чѣмъ съ однимъ Васильемъ. Нѣтъ, ужъ какъ вы хотите, а я сама съѣзжу. Тотчасъ сберусь, не успѣютъ коней запрячь, какъ буду готова.

Подумалъ Марко Данилычъ и молвилъ:

— Пожалуй, такъ-то лучше будетъ. Только ужъ Богомъ васъ прошу, Дарья Сергѣвна, не мѣшкайте — пожалуйста, какъ можно скорѣй ворочайтесь. Не терпится, скорѣй хочется наглядѣться на мою ненаглядную. Пріѣдете въ Фатьянку, тѣмъ же часомъ и обратно выѣзжайте. Ежель у Дунюшки пожитки какіе не собраны, безъ нея сберутъ, а я завтра за ними подводу вышлю. Лишняго бы не хлопотала, скажите ей отъ меня... А ежель въ Фатьянкѣ нѣтъ еще ихъ, тоже не медлите ни часу, скорѣй домой оборачивайте... Ежели не пріѣхали, тогда завтра же придется самому за Дунюшкой ѣхать.

Лошадей заложили, и Дарья Сергѣвна съ Васильемъ Ѳаддеевымъ поѣхали въ Фатьянку. Напившись чаю, Марко Данилычъ пошелъ хозяйство осматривать: обошелъ прядильни и лѣсопильни, погреба и сараи, садъ и огороды. Въ конюшню зашелъ — лошадокъ навѣстилъ, на скотномъ дворѣ поглядѣлъ на коровушекъ, въ овчарню завернулъ, въ свиной хлѣвъ, въ птичникъ, даже слазилъ на голубятню и любимыхъ турмановъ *) маленько погонялъ. А на душѣ какъ-то все неспокойно—смотритъ на хозяйство, глядитъ въ тазъ съ водой **), любуясь, какъ турмана кувыркаются въ поднебесьѣ, а ровно ничего не видитъ. Не о томъ дума. Никогда еще въ голову ему не прихаживало, чтобы злые люди чистую, непорочную Дунюшку осмѣлились сплетнями позорить. Дарья Сергѣвна разговорами своими возбудила въ немъ незнакомое до тѣхъ поръ чувство. «Все могутъ, все анаѳемы могутъ,—думаетъ онъ.— Всякую пакость сдѣлать смогутъ... А главное, никого не доищешься—некому головы будетъ свернуть... Ну, да попробуй они, окаянные!.. Первому встрѣчному такую встряску задамъ, что во вѣки вѣковъ не забудетъ... Охъ, не роди васъ на свѣтъ мать сыра земля!..»

Подъ конецъ дня Дарья Сергѣвна доѣхала до Миршени и, не останавливаясь тамъ, своротила въ Фатьянку. Не совсѣмъ еще наступила ночь, когда Ѳаддеевъ остановилъ коней у воротъ усадьбы Марьи Ивановны. Полный мѣсяцъ, то и дѣло выходя изъ тучъ, разливалъ серебристый свѣтъ по долинѣ, сверкалъ въ струйкахъ святого ключа и озарялъ новыя, еще бѣлыя постройки. Людей замѣтно не было, въ избахъ огня не видно, все будто вымерло. Ворота въ помѣщичью усадьбу были заперты изнутри, и, сколько ни стучался въ нихъ Василій Ѳаддеевъ, отклика не было, однѣ собаки, заливаясь въ пять либо въ шесть голосовъ, лаяли, рычали и визжали на дворѣ, просовывая злобныя, оскаленныя морды въ низкую подворотню. Наконецъ послышался сдержанный людской говоръ. Василій Ѳаддеевъ громче прежняго сталъ стучать и кричать. То бранился онъ на чемъ свѣтъ стоитъ, то умильно просилъ отпереть ворота либо подойти поближе и дать отвѣтъ какой-нибудь. Но нѣтъ отвѣта. А межъ тѣмъ ночь наступаетъ

---

*) *Турманъ*—голубь, который кувыркается въ воздухѣ. Одни турмана перекидываются черезъ голову, другіе ничкомъ черезъ хвостъ, третьи бокомъ черезъ крыло.

**) Голубятники на летъ голубей смотрятъ не прямо (такъ какъ свѣта глазъ не выноситъ), а въ мѣдный тазъ со свѣжей водой. Въ ней какъ въ зеркалѣ отражается голубиный полетъ.

и тучки начинают сплошь заколакивать западный край небосклона. Потянуло свѣжимъ вѣтромъ, мѣсяцъ прячется за облака, а на западѣ то и дѣло вспыхиваетъ. То не зарница, что̀ хлѣбъ зaритъ, а то грозовая туча надвигается. Пошелъ вдоль по поселку Ѳаддеевъ: у одного дома постучится, у другого въ источный голосъ покричитъ—вездѣ ровно мертвые.

— Что-жъ намъ дѣлать теперь, Дарья Сергѣвна?—отчаяннымъ голосомъ спросилъ Василій Ѳаддеевъ.—Гроза!.. Не ночевать же подъ дождемъ... Пожалуй, волки еще набѣгутъ... По здѣшнимъ мѣстамъ этого ворога много.

— Дѣлать нечего, Васильюшка, поѣдемъ на село,—сказала Дарья Сергѣвна. — Должно-быть, онѣ еще не пріѣзжали. На селѣ узна̀емъ. Да врядъ ли пріѣхать Марьѣ Ивановнѣ — во всемъ ея дому темнехонько, а время еще не позднее — всего только семь часовъ, восьмой.

Поѣхали въ Миршень. Крупныя капли дождя дробно стучали по крышѣ тарантаса, когда подъѣзжали къ селу. Блеснула и ослѣпила путниковъ яркая молнія, грянули трескучіе раскаты грома.

Стоитъ на краю села большая, но ветхая, убогая изба. Только взглянуть на нее, такъ замѣтно, что пріютились въ ней голь да нищета. А было время, и не очень чтобы давнее, когда эта изба лучшимъ и богатѣйшимъ домомъ по всей Миршени была. Кой-гдѣ виднѣлась еще прежняя домовитость — полусгнившая изба строена высоко и широко, а поросшая сѣро-зеленымъ мохомъ крыша была крыта въ два теса. Ставни въ старые годы были выкрашены, а теперь краска облѣзла, ворота набокъ покосились, въ красныхъ окнахъ вмѣсто стеколъ промасленная бумага да грязныя тряпки. Видно, что какая-то невзгода разразилась надъ хорошимъ, исправнымъ домомъ и превратила его исподволь въ развалину. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Во время о̀но жилъ въ томъ домѣ богатый, домовитый крестьянинъ Степанъ Мутовкинъ. Мельницу имѣлъ, торговымъ дѣломъ занимался, говядиной по базарамъ промышлялъ, барыши биралъ хорошіе и жилъ съ семьей припѣваючи. Да не въ мѣру былъ горячъ — и ушелъ туда, гдѣ ловятъ соболей, а слѣдомъ за нимъ и двое взрослыхъ сыновей за нимъ туда же пошло.

Осталась ни вдова ни мужня жена Аграфена Ивановна Мутовкина съ шестерыми дѣтьми, малъ мала меньше... Поднимала ихъ мать одного за другимъ на ноги, но, какъ только подрастетъ работничекъ, смерть тотчасъ придетъ къ нему. Осталась Аграфена съ двумя дочерьми, и пошло бабье хозяйство врозь да мимо.

Въ окнахъ Аграфенина дома свѣтъ еще виденъ былъ. Постучался кнутовищемъ подъ оконьемъ Ѳаддеевъ. Отворилось оконце, выглянула пожилая женщина. Добрымъ, ласковымъ голосомъ спросила она:

— Чего вамъ надо, добрые люди?

— Въ дорогѣ, тетушка, запоздали,—отозвался Василій Ѳаддеевъ.—А вотъ дождикъ припустилъ, гроза поднимается. Пусти на ночлегъ, родимая.

— Да вы сами-то кто будете?—спросила Аграфена.

— Проѣзжаетъ по своему дѣлу купчиха Дарья Сергѣвна. Слыхали, можетъ, про Смолокуровыхъ, про Марка Данилыча—изъ его семьи, —отвѣчалъ Василій Ѳаддеевъ.

— Куда мнѣ съ вами, батюшка!—повысивъ голосъ, сказала Аграфена Ивановна. — Мнѣ-ль убогой такихъ гостей принимать?.. И подумать нельзя! И неприборно-то у меня и голодно. Поѣзжайте дальше по селу, родимые,—много тамъ хорошихъ домовъ и богатыхъ, въ каждый васъ съ великимъ удовольствіемъ пустятъ, а не то на площади, супротивъ церкви, постоялый дворъ. Туда въѣзжайте—хорошій постоялый дворъ, чистый, просторный, и тамъ во всемъ будетъ вамъ уваженье. А съ меня сироты чего взять? Съ корочки на корочку, любезный, перебиваемся.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, матушка, позвольте намъ у васъ грозу обождать. Сдѣлайте такое одолженіе, — выходя изъ тарантаса, сказала Дарья Сергѣвна. — Женщина, видится, вы добрая, очень бы хотѣлось мнѣ у васъ пристать. Невпримѣръ было бы мнѣ спокойнѣе, чѣмъ на постояломъ дворѣ.

— Да какъ же это будетъ, сударыня?.. Мнѣ вѣдь и попотчевать вашу милость нечѣмъ, и изба-то у насъ неприборна, — возразила Аграфена Ивановна. — Наше дѣло убогое, сиротское. Сама одна съ двумя дочками-дѣвицами. Какое тутъ хозяйство?

— Никакого, матушка, угощенья мнѣ не надобно и убранства не надобно. Пустите только Бога ради, укройте отъ непогоды.

Подумала Аграфена Ивановна и на просьбы Дарьи Сергѣвны, мокнувшей подъ расходившимся дождемъ, сказала:

— Инъ нечего дѣлать... Иодь, Аннушка, отопри калитку да посвѣти гостьѣ по крыльцу пройти, чтобъ, грѣхомъ, не зашиблась какъ-нибудь.

Молодая дѣвушка рѣдкой красоты, съ зажженной лучиной въ рукѣ, встрѣтила Дарью Сергѣвну и проводила ее въ избу. То была первая миршенская красавица, сердечная зазноба удалого молодца, отецкаго сына Алеши Мокеева, старшая дочка убогой вдовы Аграфены Мутовкиной.

«Экая красавица. Словно Дунюшка-голубушка», — подумала Дарья Сергѣвна. Больше такой похвалы она придумать не могла.

Василій Ѳаддеевъ растворилъ межъ тѣмъ ворота и поставилъ тарантасъ съ лошадьми на крытомъ дворѣ. Овесъ взятъ былъ изъ дома, задалъ онъ его по гарнцу каждой лошадкѣ и завалился спать въ тарантасѣ.

— Добро пожаловать, милости просимъ, сударыня,—встрѣчая въ сѣняхъ Дарью Сергѣвну, радушно привѣчала ее Аграфена Ивановна. — Только ужъ вы не обезсудьте на нашихъ недостаткахъ. Было, матушка, время, и насъ изъ хорошихъ людей не выкидывали, и мы живали въ достаткѣ, и у насъ домъ полная чаша былъ, да вотъ Господь горемъ посѣтилъ. Согрѣшили передъ Нимъ мы, окаянные. Въ разоръ теперь пришли... Божья воля да царскій указъ — супротивъ нихъ не пойдешь!.. Сиротствуемъ, слезами обливаемся, а роптать не ропщемъ — хранилъ Богъ отъ такого грѣха. Ему Батюшкѣ-Свѣту извѣстно, что̀ съ коимъ человѣкомъ надо подѣлать... Святая воля... Скорбѣть скорбимъ, а ропотомъ, далъ Господь, не согрѣшали.

И поникла головой и тяжелымъ вздохомъ облегчила грудь.

— Садитесь, матушка, — обметая передникомъ лавку въ красномъ углу подъ иконами, сказала Аграфена Ивановна.— Садитесь, сударыня—гостья будете. Аннушка, возьми-ка тамъ въ чуланѣ яичекъ да состряпай яишенку.

— Зачѣмъ это? Полноте, пожалуйста! Совсѣмъ этого не нужно, — сказала Дарья Сергѣвна.

— Какъ же можно, сударыня? Безъ того нельзя. Мы вѣдь тоже люди крещеные, святъ законъ памятуемъ: «сущаго въ пути напой, накорми, безъ хлѣба безъ соли изъ дома своего не отпусти», — сказала Аграфена.

— Нѣтъ, пожалуйста, не хлопочите, матушка. Напрасно утруждаете себя, — возразила Дарья Сергѣвна. — Лучше вотъ что: скажите моему кучеру, поискалъ бы у кого-нибудь на селѣ самоварчика. Чай, сахаръ у меня есть, и вы бы со мной искушали.

— Охъ, самоварчикъ, самоварчикъ! — скорбно вздохнувъ, проговорила Аграфена Ивановна, и слезы навернулись на глазахъ ея.—Два у насъ было самовара; раза по три да по четыре на дню-то чаи распивали. Бывало, кто изъ стороннихъ какъ переступитъ порогъ въ избѣ, сейчасъ самоваръ на столъ... Дарёнушка! — кликнула въ сѣни Аграфена Ивановна, и на зовъ ея вошла молодая дѣвушка, такая-жъ высокая, стройная, какъ и Аннушка, такая-жъ, какъ и сестра ея, была

бы она и красивая, да оспа лицо ей попортила. — Сбѣгай, родная, къ Родивону Захарычу, покучься у него самоварчика. Гостей, молъ, Господь къ намъ прислалъ — чайку испить гостямъ желательно.

Не говоря ни слова, схватила Дарёнушка съ печи заплатанный шушунъ и, накрывшись имъ съ головы, пошла по материнскому приказу. Какъ ни уговаривала ее Дарья Сергѣевна не ходить въ такую непогодь, она таки-пошла.

— Вонъ какая грязь, а дождикъ такъ и хлещетъ! — говорила Дарья Сергѣевна.

— Не сахарная, не растаетъ, — сказала Аграфена Ивановна.—Опять же и недалече, всего черезъ два двора—не заплутается.

— Что-жъ у васъ за несчастье случилось, матушка?.. Отчего лишились вы достатковъ? — съ участьемъ спросила у Аграфены Ивановны Дарья Сергѣевна, какъ только вышла Дарёнушка.

— Охъ, сударыня!.. Велико наше несчастье!..—со слезами сказала Аграфена Ивановна. — Такое несчастьице выпало намъ, что горше его на свѣтѣ, кажется, нѣтъ. Двадцать годовъ теперь ужъ прошло, какъ сгинулъ нашъ богатый домъ. Хозяина да двухъ сыновъ работниковъ: одному было двадцать, другому девятнадцать лѣтъ — женить-было обоихъ собирались—по царскому указу на поселенье въ Сибирь сослали.

И разсказала Аграфена Ивановна про ссоры и драки миршенцевъ съ якимовскими изъ-за Орѣхова поля, изъ-за Рязановой пожни, изъ-за Тимохина бора, и про то разсказала, что мужъ ея съ сыновьями въ тѣхъ дѣлахъ бывали всегда первыми зачинщиками и каждый разъ начальству бывали ослушниками.

— Хотѣли міру порадѣть, міру послужить, а вонъ оно куда пошло,—пригорюнясь, молвила Аграфена Ивановна.—Шестеро осталось тогда на рукахъ у меня — четыре мальчика да Аннушка съ Дарёнушкой,—эти были самыя махонькія. Аннушкѣ-то восемь мѣсяцевъ было, когда нашихъ сослали, а Дарёнушку принесла я черезъ двадцать недѣль послѣ мужниной ссылки. Ни одинъ изъ четырехъ пареньковъ не дожилъ до возраста, одинъ за другимъ на погостъ ушли. А мое-то дѣло женское, какъ безъ большака, безъ семейной головушки хозяйствомъ станешь заправлять? И дошло у насъ до бѣдноты, до того дошло, сударыня, что въ домѣ теперь хоть шаромъ покати.

— Хоть бы дочекъ-то пристроить вамъ, Аграфена Ивановна,—послѣ недолгаго молчанья сказала Дарья Сергѣевна.— Обѣ невѣсты. Какъ бы, кажется, не найтись женихамъ.

— Эхъ, сударыня!—отвѣчала съ горькой улыбкой Аграфена Ивановна.—Не такіе нонѣ годы, чтобы замужъ выходить безприданницамъ. Чтò у господъ, чтò у купцовъ, чтò по нашему крестьянству въ теперешни времена все на деньгу пошло. Ну, пущай Аннушка, та личикомъ по крайности взяла, а Дарёнушка и тѣмъ злой судьбою обижена. Пяти годковъ оспа побила ее; не побей, тоже была бы красивая. За кого-жъ ей рябенькой-то замужъ идти? За вдовца развѣ за какого-нибудь, на чужихъ на малыхъ дѣтей, а не то за пьянчугу урѣзнаго?.. По нашимъ мѣстамъ, сударыня, народъ промысловый, потому и давай здѣшнему жениху дѣвку красовитую да еще съ деньгами. Здѣсь не то, чтò по хлѣбопашеннымъ мѣстамъ. Тамъ берутъ не жену, а работницу, а по нашимъ мѣстамъ такую, чтобъ и собой была пригожа, и въ ларцѣ-бъ у нея побрякивало. А безъ денегъ хоть волкомъ вой съ дѣвками. Вотъ хоть бы Аннушку мою взять — полюбилась она одному пареньку, третій годъ сохнетъ сердечный по ней и опричь ея ни на какой дѣвушкѣ не желаетъ жениться, да и моя-то, пожалуй, не прочь отъ него. Одинъ сынъ у отца, а отецъ богатей—у него двѣ мельницы-точильни и залежныхъ денегъ достаточно. Какъ сынъ отца ни упрашиваетъ, какъ онъ его ни умаливаетъ, заладилъ старый одно: «клади невѣста триста рублевъ на столъ, въ такомъ разѣ хоть сегодня же вѣнчайтесь». А гдѣ такія деньги возьмешь? Была бы прежняя пора — вдвое, втрое бы выложили, а теперь не изъ земли триста рублевъ копать. Такъ сиротки мои бѣдненькія въ дѣвкахъ и засидятся, такъ и покончатъ жизнь свою гдѣ-нибудь въ кельяхъ. Онѣ-жъ и грамотѣ обучены. Сама-то вѣдь я тоже за Волгой въ скитахъ росла, сподобилъ тамъ меня Господь грамотѣ. Потомъ святому дѣлу и дочушекъ обучила.

— А въ какомъ скиту учились вы, Аграфена Ивановна?— спросила Дарья Сергѣвна.

— Въ Комаровѣ, сударыня, — отвѣчала Аграфена Ивановна.

— А въ которой обители? — еще спросила Дарья Сергѣвна.

— Въ Манеѳиной, сударыня, — отвѣтила Аграфена. — Возлѣ самаго Каменнаго Вражка. Много ужъ тому времени-то. Двадцатый теперь годъ, какъ услали моего хозяина, да двадцать два годочка, какъ жила съ нимъ замужемъ. Больше сорока годовъ, стало-быть, тому, какъ я изъ обители.

— Уходомъ? — улыбнувшись, спросила Дарья Сергѣвна.

— Знамо, уходомъ, — также улыбнувшись, отвѣтила Аграфена Ивановна. — Нешто изъ обители дѣвку честью отпустить можно? Такъ не полагается, сударыня.

— А какая мать при васъ въ игуменьяхъ сидѣла? — спросила Дарья Сергѣвна.

— Матушка Екатерина, — отвѣчала Аграфена Ивановна.— Строгая была старица, разумная, благочестивая. Всякимъ дѣломъ управить умѣла. И предобрая была — какъ есть ангелъ во плоти, даромъ что на видъ сурова и ровно бы недоступная. Настоящая всѣмъ мать была. И необидчивая— всѣ у ней равны бывали, что̀ богатыя, что̀ бѣдныя; къ бѣднымъ-то еще, пожалуй, была милостивѣй.

— А нынѣшнюю игуменью знаете? — спросила Дарья Сергѣвна.

— Какъ же не знать матушку Манеѳу? — сказала Аграфена Ивановна. — При мнѣ и въ обитель ту поступила. Въ бѣличествѣ звали ее Матреной Максимовной, прозванье теперь я забыла. Какъ не знать матушку Манеѳу? Въ послушницахъ у матери Платониды жила. Отецъ горянщиной у ней торговалъ, темный былъ богачъ, гремѣлъ въ свое время за Волгой... много пользовалась отъ него Платонидушка.

— А еще кого изъ теперешнихъ обительскихъ знаете? — спросила Дарья Сергѣвна.

— Многихъ знала, всѣхъ отъ первой до послѣдней знала я, сударыня, — сказала Аграфена Ивановна. — Не знаю только, въ живыхъ ли теперь онѣ. Знала матушку Таифу, матушку Аркадію, матушку Виринею-келаршу даже очень близко знала, а живы-ль онѣ теперь, того ужъ не знаю.

— Живы, — молвила Дарья Сергѣвна. — Всѣ три живы.

— А нешто вы бывали въ скитахъ? — съ живостью спросила Аграфена Ивановна.

— Больше шести годовъ у матушки Манеѳы выжила я въ обители, — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Сродница моя, дочка купца Смолокурова, обучалась тамъ, такъ я при ней жила. Всѣхъ знаю: и матушку Таифу, теперь она въ казначеяхъ, и уставщицу мать Аркадію, и Виринею, эта попрежнему все келарничаетъ.

— Ну вотъ, сударыня, до чего мы съ вами договорились. Такъ впрямь и въ Комаровѣ живали и матушекъ тамошнихъ знаете, — молвила Аграфена Ивановна. — А матушка Неонила здравствуетъ ли? Подруга была мнѣ самая ближняя, самая любимая, Натальей Васильевной въ бѣличествѣ-то звали ее.

— Лѣтъ пять какъ преставилась, — сказала Дарья Сергѣвна.—Я еще застала ее въ обители. Хворая была такая, немощная, сама, бывало, все у Бога проситъ, чтобъ прибралъ ее съ сего свѣта поскорѣе.

— Эхъ, Натальюшка, Натальюшка! — съ глубокимъ вздохомъ

промолвила Аграфена Ивановна и, вставъ съ лавки, положила передъ иконами семипоклонный началъ за упокой души рабы Божьей инокини Неонилы.

Пока у хозяйки съ гостьей шли разговоры про Манеоину обитель, воротилась съ самоваромъ и чайнымъ прибором҄ъ Дарёнушка, въ то же время Аннушка пришла изъ задней избы съ яичницей. Дарья Сергѣвна съ хозяйкой и ея дочерьми сѣла за чай.

— Что̀ вы, сударыня, осмѣлюсь спросить васъ, въ дальній путь отправляетесь, аль куда неподалеку отсель ѣдете? — спросила Аграфена Ивановна.

— Сюда было-ѣхала, матушка, да, кажется, понапрасну. Никакого толка добиться не могла,—отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Утишится, Богъ дастъ, гроза, прояснится на небѣ, поѣду домой обратно. Мы вѣдь не дальніе — нашъ-отъ городъ всего верстъ сорокъ.

— Такъ вы только до Миршени? — спросила Аграфена Ивановна.

— Не до Миршени, а по близости отъ васъ, — отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Рядомъ тутъ поселокъ новый есть, Фатьянкой прозывается.

Оставивъ недопитую чашку чая, Аграфена Ивановна пристально поглядѣла на гостью. И Аннушка съ Дарёнушкою тоже стали смотрѣть на Дарью Сергѣвну съ удивленьемъ.

А Дарья Сергѣвна свое продолжаетъ:

— Думали мы, не воротилась ли въ Фатьянку тамошняя помѣщица Марья Ивановна. У сродниковъ гоститъ она въ Рязани, и, кажется, пора бы ей воротиться...

— Не слыхать, чтобы пріѣхала, — сдержанно и сухо промолвила Аграфена Ивановна. — А у васъ какое дѣло до нея?

— Особеннаго дѣла нѣтъ, — сказала Дарья Сергѣвна: — а гоститъ въ тѣхъ же мѣстахъ, куда она уѣхала, въ Рязанской губерніи, дочка моего сродника Марка Данилыча Смолокурова... Марья Ивановна, фатьянская-то помѣщица, обѣщала ее въ наши края привезти. Вотъ и полагали мы, не въ Фатьянкѣ ли она теперь. Марко Данилычъ у Макарья въ ярманкѣ былъ и, только-что воротился, тотчасъ меня за дочкой послалъ, безъ малаго три мѣсяца съ ней не видался... Пріѣхали мы въ Фатьянку — въ барскомъ дому ни огонечка, ворота изнутри заперты, частоколъ высокій-превысокій. Стучались мы, стучались, больше часа стучались, такъ никакого отвѣта и не добились. Послышались-было людскіе голоса, и кучеръ громче сталъ кричать, а все-таки не было отвѣта. Поѣхали по дворамъ — и тамъ ни въ одномъ не видать огонька, а

еще не больно поздно было. Такъ и не добились отвѣта. А межъ тѣмъ гроза собралась, дождикъ пошелъ, мы къ вамъ въ Миршень и поѣхали — здѣсь хоть не узнàемъ ли, воротилась въ Фатьянку Марья Ивановна или нѣтъ еще.

— Это у нихъ, у фатьянскихъ, завсегда такъ, — немного погодя молвила Аграфена Ивановна. — Богъ ихъ знаетъ, чтò за люди. Почитай ужъ полгода, какъ они въ сосѣдство къ намъ поселились, а ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ словомъ даже не перемолвились. Чудные!.. Только и видно ихъ, что иной разъ на базаръ придутъ — хлѣба аль другого чего искупить. А барыни въ Фатьянкѣ нѣтъ еще. За вѣрное говорю. Ежели-бъ пріѣхала, безпремѣнно бы прислала за чѣмъ-нибудь на село, насчетъ съѣстного тамъ, что ли, али чего другого. Дѣло-то у нея еще пановѣ, хозяйства покамѣстъ никакого, запасеннаго нѣтъ ничего. Хоть за капустой аль за огурцами прислала бы.

— Въ лѣсъ по грибы сегодня ходила я, — молвила рябая Дарёнушка. — Всю Фатьянскую долину вдоль и поперекъ исходила. Въ барскомъ дому окошки всѣ скрыты *). Должно-быть, барыня еще не пріѣзжала. И никакого знака нѣтъ, чтобы домъ былъ жилой.

— Вѣрно, что не пріѣхала, — подтвердила слова дочери Аграфена Ивановна. — На этотъ счетъ будьте спокойны, сударыня.

— Кузнецъ Вахрамей говорилъ въ воскресенье, — прибавила Аннушка: — что къ нему на кузницу приходилъ изъ Фатьянки какой-то тамошній покузнечить, такъ онъ, слышь, поминалъ, что ихняя барыня раньше Покрова въ Фатьянку не будетъ. А зиму, слышь, здѣсь будетъ жить — конопатчиковъ ужъ наняли домъ-отъ конопатить. Хотѣли-было и штукатурить, да время-то ужъ поздненько, да къ тому-жъ и домъ-отъ еще не осѣлъ.

— До Покрова не будетъ, говоришь ты, красавица? — молвила въ раздумьѣ Дарья Сергѣвна.

— До Покрова. Такъ говорилъ Вахрамей, — отвѣтила Аннушка.

— Господи милостивый! — вполголоса проговорила тоскливо Дарья Сергѣвна.

— Насчетъ самой барыни я вамъ ничего не скажу, сударыня, потому что вовсе ея не знаю, — сказала Аграфена Ивановна. — А крестьяне у нея и дворовые, чтò при домѣ живутъ — самые чудные люди. Ни сами ни къ кому, ни къ

*) Ставнями закрыты.

нимъ никто. Только и видишь ихъ на селѣ, что въ базарные да воскресные дни. А въ церковь ходятъ всѣ отъ мала до велика. Здѣшній церковный попъ не ухвалится ими — не пропустятъ ни одной праздничной службы, будь дождикъ проливной, будь грязь по колѣно, они безпремѣнно въ церковь идутъ. Богомольны, надо правду говорить, очченно даже богомольны. А всѣ тремя перстами молятся, по Никонову, значитъ, новшеству. И барыня тоже, слышь, богомольная, и она въ церкви кажинный праздникъ бываетъ, а теперь вотъ не видно ея, стало-быть, не пріѣзжала. И то взять, ежели ѣхать въ Фатьянку, нашего села не миновать; съ какой стороны ни поѣзжай — другой дороги нѣтъ. А барыню изъ сельскихъ никто не видалъ, чтобъ она проѣзжала.

— А что̀ у васъ про нее слышно, про барыню-то? Да не барыня она, впрочемъ, а старая барышня,—сказала Дарья Сергѣвна.

— Мало ее знаютъ у насъ,—отвѣчала Аграфена Ивановна:— хоть сначала она и проживала на селѣ. У Мокея Сергѣнча жила въ домѣ, человѣкъ онъ большой, зажиточный, домъ полная чаша, на міру воротила — что̀ на сходѣ ни молвитъ, тому такъ и быть. Кажись бы, добрая она. Всѣхъ обдарила, парнишки да дѣвчата особливо остались ею довольны — пряниковъ, бывало, орѣховъ, стручковъ, всякаго другого лакомства чуть не каждый день, бывало, покупаетъ имъ. Изъ сосѣднихъ деревень даже ребятишки стаями къ ласковой барынѣ прибѣгали. И нашихъ сельскихъ дѣвушекъ къ себѣ зазывала, потчевала ихъ всѣмъ хорошимъ, и была такая привѣтливая, что ровно бы и не барскаго рода, а изъ простыхъ. И все доброму ихъ учила, какъ жить дѣвицамъ по-хорошему, а и то, признаться, еще имъ говорила: «не ходите замужъ, пташечки, живите на всей своей волѣ». А сама великая постница — ни мясного, ни вина, ни пива въ ротъ не беретъ и другимъ не совѣтуетъ, зато въ постные дни и молоко хлебаетъ и яйца ѣстъ. Такая чудна̀я, а добрая. А въ церковь къ службѣ обо всяку пору. Церковнымъ попамъ спервоначалу-то это не больно было въ охоту, потому что у нихъ по буднямъ-то одни колокола службу правятъ, а попъ съ дьячкомъ да причетники либо спятъ, либо бражничаютъ, а тутъ каждый при своемъ дѣлѣ будь. Барыня не рядовая, изъ знатныхъ, родовитая, генеральская дочь, скажетъ архіерею про поповскую неисправность, космы-то затрясутся. Однакожъ по времени и попы ею остались довольны — богатую благостыню имъ подаетъ.

— А люди-то ея въ Фатьянкѣ что̀ подѣлываютъ? — спросила Дарья Сергѣвна.

— А кто ихъ знаетъ, чтò они дѣлаютъ, — отвѣчала Аграфена Ивановна. — А надо думать, что у нихъ неспроста что-нибудь... Недоброе что-то у нихъ кроется, потому что доброму человѣку съ какой же стати отъ людей хорониться? А они всегда на запорѣ, днемъ ли, ночью ли, никогда не пущаютъ къ себѣ. Мудреные!..

Призадумалась Дарья Сергѣвна.—«А чтò, какъ и Марья Ивановна такая же?.. А чтò, какъ и Дунюшка?»—подумала она, и кровью облилось сердце ея.

— А по ночамъ все, слышь, пѣсни поютъ. Вѣрные люди про это сказывали, — сказала Аннушка: — идутъ еще на селѣ разговоры, что по ночамъ у святого ключа они сбираются въ однѣхъ бѣлыхъ рубахахъ. И поютъ надъ ключомъ и пляшутъ вокругъ.

— Такъ ли это, вѣрно ли? — спросила Дарья Сергѣвна.

— Завѣряю васъ, сударыня, — молвила Аннушка. — Самовидцы говорили. Пляшутъ и мірскія пѣсни поютъ, а словъ разобрать нельзя, потому что далеко. Охаютъ, кричатъ. иные визжатъ. И чтò такое у нихъ дѣлается, никто не знаетъ.

— Говорятъ старики, что въ прежніе годы, лѣтъ съ сотню назадъ, въ той же самой долинѣ, у того же святого ключа такія-жъ бывали дѣла, — сказала Аграфена Ивановна. — Тоже, слышь, по ночамъ въ бѣлыхъ рубахахъ пѣсни распѣвали, тоже, слышь, плясали и кружились вкругъ святого ключа ровно бѣшеные. Годовъ пятнадцать, пожалуй, и больше такъ велось у нихъ, потомъ ихъ накрыли, сковали и Богъ знаетъ куда увезли. Говорили, что въ сибирскую ссылку, говорили и то, что по монастырямъ въ заточенье разослали. Господь знаетъ, какая имъ въ самомъ-то дѣлѣ судьба была.

— Что-жъ у нихъ было такое? Какъ о томъ говорятъ старики? — спросила Дарья Сергѣвна.

— Никому ихнее дѣло доподлинно не вѣдомо, — отвѣчала Аграфена Ивановна. — И тогдашнихъ-то людей теперь никого не осталось. Былъ у насъ древній старикъ Маркелъ Пименычъ, безъ малаго сто годовъ прожилъ онъ, древній былъ надревній, всего только пять лѣтъ какъ преставился. Такъ онъ сказывалъ, что втѣпоры, какъ тѣ люди были въ Миршени, онъ еще махонькимъ парнишкой сельскихъ коней на ночное ганивалъ, и слыхалъ ихнія пѣсни и видалъ ихъ въ бѣлыхъ рубахахъ, въ длинныхъ по щиколку, ровно бы женскія, а надѣвали тѣ рубахи и бабы, и дѣвки и мужчины. И плясали они, сказывалъ Маркелъ Пименычъ, и охали, и кричали благимъ матомъ, и визжали, и пѣсни пѣли, все одно какъ теперь вотъ фатьянскіе.

— Что-жъ про тѣхъ людей толковали? Какъ говорилъ о томъ Маркелъ Пименычъ? — спросила Дарья Сергѣвна.

— Разно, говорилъ онъ, тогда толковали про нихъ, — отвѣчала Аграфена Ивановна. — Кто полагалъ, что они колдуютъ; кто думалъ, что у нихъ особая тайная вѣра.

— Тайная вѣра? — быстро поднявъ голову, спросила Дарья Сергѣвна.

— Кто ихъ тамъ знаетъ? И вѣру-то называлъ онъ, да я запамятовала, — молвила Аграфена Ивановна. — Вы, дѣвицы, не помните-ль?

— Фармазоны, слышь, какіе-то были, — промолвила Дарёнушка.

— Фармазоны!.. Такъ вотъ оно что̀!.. — прошептала Дарья Сергѣвна. — А теперешнихъ фатьянскихъ тоже фармазонами зовутъ?.. — прибавила она, обращаясь къ Аграфенѣ Ивановнѣ.

— Не слышно этого, — отвѣчала та. — Фатьянскими зовутъ, а то еще алымовскими. А что потаенные они, такъ въ самомъ дѣлѣ потаенные. Ни къ себѣ никого ни сами ни къ кому. Чудные, право, чудные. Кажись, какъ бы человѣку не жить на людяхъ?.. И думать, такъ не придумать, что̀ за люди такіе... Мудреные!..

Межъ тѣмъ гроза миновалась, пересталъ и дождикъ. Разсѣянныя тучки быстро неслись по небу, лишь изрѣдка застилая полный мѣсяцъ. Скоро и тучки сбѣжали съ неба, стало совсѣмъ свѣтло... Дарья Сергѣвна велѣла Василью Ѳаддееву лошадей запрягать. Какъ ни уговаривала ее Аграфена Ивановна остаться до утра, какъ ни упрашивали ее о томъ и Аннушка съ Дарёнушкой, она не осталась. Хотѣлось ей скорѣй домой воротиться и обо всемъ, что̀ узнала, разсказать Марку Данилычу.

Когда Дарья Сергѣвна воротилась домой, Марко Данилычъ давно ужъ съ постели всталъ. Сидѣлъ у окна, пристально глядя на дорогу, а самъ все про Дунюшку думалъ. «Коль не бывала въ Фатьянку, надо будетъ ѣхать въ Луповицы. А то, пожалуй, ее не дождешься и до зимы. И дернуло-жъ меня отпустить ее съ Марьей Ивановной... Вотъ теперь и жди да погоди».

Разсказала ему Дарья Сергѣвна, что въ Фатьянкѣ они не могли достучаться, что застала ихъ въ дорогѣ гроза съ ливнемъ, и что укрылась она въ Миршени у вдовы Аграфены. И про то разсказала, что̀ узнала про Фатьянку и про тамошнихъ поселенцевъ.

— Да что-жъ это за люди? — досадливо вскрикнулъ Марко

Данилычъ.—Что они взаперти-то фальшивы деньги куютъ аль разбойную добычу дѣлятъ? Исправникъ-отъ со становымъ чего смотрятъ? Доброе дѣло скрытности не любитъ, только худое норовитъ отъ чужихъ глазъ укрыться...

— Нѣтъ ли тутъ чего насчетъ вѣры, Марко Данилычъ? — вполголоса сказала Дарья Сергѣвна, робко поднимая глаза на хмураго Марка Данилыча.

— Какъ насчетъ вѣры?—спросилъ удивленный Марко Данилычъ.

— Какая-то, слышь, у нихъ особая тайная вѣра,—сказала Дарья Сергѣвна.—И въ старину, слышь, на ту же долину люди сбирались по ночамъ и тоже вкругъ святого ключа пѣсни распѣвали, скакали, охали и визжали. Неподобныя дѣла и кличи бывали тутъ у нихъ, а прозывались они фармазонами...

— Фармазонами! — чуть слышно промолвилъ Марко Данилычъ и крѣпко задумался.

— И тѣхъ фармазоновъ по времени начальство изловило,— продолжала Дарья Сергѣвна. — И разослали ихъ кого въ Сибирь, кого въ монастырь въ заточенье. Безъ малаго теперь сто годовъ тому дѣлу, и съ той поры не слышно было въ Миршени про фармазоновъ, а теперь опять объявились, — а вывезла тѣхъ фармазоновъ изъ Симбирской губерніи Марья Ивановна и поселила на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ старину бывали тайныя фармазонскія сборища...

— Нешто и теперешніе тоже фармазоны?—спросилъ Марко Данилычъ, облокотясь на столъ и склонивъ на ладони пылавшее лицо.

— Видится, что такъ, Марко Данилычъ, — отвѣтила Дарья Сергѣвна.—По всѣмъ примѣтамъ выходитъ такъ. И нынѣшніе, какъ въ старину, на тотъ же ключъ по ночамъ сходятся, и какъ тогда мужчины и женщины въ однѣхъ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ. И тоже пляшутъ, и тоже кружатся, мірскія пѣсни поютъ, кличутъ, визжатъ ровно безумные аль бѣсноватые, во всю мочь охаютъ, стонутъ, а къ себѣ близко никого не подпускаютъ.

— Вранье, можетъ-быть, — протяжно проговорилъ Марко Данилычъ, а самъ пуще прежняго задумался.

— И сдается мнѣ, Марко Данилычъ, что сама-то Марья Ивановна не заодно ли со своими переселенцами, — продолжала Дарья Сергѣвна. — И тѣ тоже мясного не ѣдятъ и не пьютъ ни вина, ни пива, ни даже браги, а молочное разрѣшаютъ и въ постные дни — все одно, какъ и Марья Ивановна. И, какъ она, также въ черномъ всѣ ходятъ. Сумлѣнье меня беретъ. Сердитесь вы на меня, не сердитесь, Марко Да-

нилычъ, а по любви моей къ Дунюшкѣ все, что ни есть у меня на душѣ, я теперь открою вамъ. Немало я дорогой-то въ это утро надумалась, на волосокъ не вздремнула, все про Дунюшку раздумывала.

— Что-жъ вы думали про нее столько времени? — съ нахмуреннымъ видомъ промолвилъ Марко Данилычъ. Тиха была рѣчь его, но видно было, что на душѣ у него бушевала грозная буря.

— Помните ли, какъ на Духовъ день я вамъ сказывала, что подслушала разговоръ Марьи Ивановны съ Дунюшкой? — сказала Дарья Сергѣевна. — Говорила я вамъ тогда, что смущаетъ она нашу голубушку, толкуетъ про какую-то вѣру, а вы и вѣрить мнѣ не захотѣли. Думала тогда я, что Марья Ивановна хочетъ ее въ великороссійскую привести. Хоть тутъ хорошаго и немного, хоть каждому человѣку должно помереть, въ чемъ родился, однакожъ великороссійская все-таки отъ Господа не отступная. А ежели Марья-то Ивановна про фармазонскую ей говорила? Кто ее знаетъ, можетъ, она съ фатьянскими въ одномъ согласѣ?.. Что у ней за тайна такая сокровенная, про которую Дунюшкѣ она говорила? Что за безгрѣшные такіе люди? Какъ это въ нихъ самъ Господь пребываетъ? Тутъ есть что-нибудь, вѣрьте моему слову, Марко Данилычъ.

— Вы ужъ и невѣсть чего нагородите, — выходя изъ комнаты, сумрачно и досадливо сказалъ Марко Данилычъ и крѣпко хлопнулъ за собой дверью. А самъ рѣшилъ какъ можно скорѣй ѣхать за Дуней.

Въ досадѣ на Марью Ивановну и даже на Дуню, въ досадѣ на Дарью Сергѣевну, даже на самого себя, пошелъ Марко Данилычъ хозяйство осматривать. А у самого сердце такъ и кипитъ... Охъ, узнать бы обо всемъ повѣрнѣе! И ежели есть правда въ рѣчахъ Дарьи Сергѣевны, да попадись ему въ руки Марья Ивановна, не посмотрѣлъ бы, что она знатнаго роду, генеральская дочь — такую бы ческу задалъ, что своихъ не узнала бы... И теперь ужъ руки чешутся.

И рветъ и мечетъ, на кого ни взглянетъ, всякъ виноватъ. Пришелъ въ работную, и потолокъ и стѣны новой избы ровно сажа. Развоевался на работниковъ, будто они виноваты, что печи дымятъ. Кричитъ, лютуетъ, то на того, то на другого кидается съ бранью, съ руганью, а самъ рукава засучаетъ. Но теперь не весна, работники окрысились, зашумѣли, загалдѣли, и только-что крикнулъ хозяинъ: «сейчасъ велю всѣхъ со двора долой», они повскакали и закричали задорно въ одинъ голосъ: «расчетъ давай, одного часа не хотимъ работать у облая».

Оттого работники отвѣтили такъ хозяину, что теперь по сельщинѣ-деревенщинѣ новый хлѣбъ поспѣлъ, а въ огородахъ всякій овощъ дозрѣвалъ, значитъ, больше нѣтъ голодухи. Весной во время безхлѣбья любого работника колоти, сколько влѣзетъ, даже выпори своимъ судомъ—словечка не молвитъ, а въ осеннее хлѣбное время послѣднему наймиту лишняго слова сказать нельзя. Тотчасъ стачка, тотчасъ работники гурьбой со двора. Придетъ опять весенняя безкормица, и они густыми толпами повалятъ къ тому же хозяину, слезно станутъ просить и молить о работѣ, въ ногахъ будутъ у него валяться и всѣми святыми себя заклинать, что и тихи-то они, и смирны-то, и безотвѣтны, а пришла новая осень—сиволапый ужъ бариномъ глядитъ, и лучше не подступайся къ нему. Но на этотъ разъ не больно угрозили работники Марку Данилычу — на прядильняхъ снасти почти допрядены, на пристани тоже дѣло къ концу идетъ. И безъ того недѣли черезъ три пришлось бы распускать лѣтнихъ работниковъ.

На пристань изъ работной избы пошелъ Марко Данилычъ, а тамъ лѣсники, разваляcь на плотахъ, спятъ себѣ, пригрѣтые солнышкомъ. Сталъ ихъ хозяинъ будить суковатой козьмодемьянской палкой. Тѣ повскакали и тотчасъ въ брань. Расходился Марко Данилычъ, лицо ровно краснымъ кумачомъ подернулось, губы задрожали, и какъ раскаленные угли запылали злобныя очи. Пошла работать козьмодемьянка, а лѣсники, ровно стая спуганныхъ птицъ, съ крикомъ, съ гикомъ, съ хохотомъ понеслись вверхъ по крутой горѣ. Марко Данилычъ за ними, но какъ тяжелому на ходьбу старику догнать быстроногую молодежь?.. Кричитъ въ источный голосъ, задыхается, на каждомъ шагу спотыкается. Не добѣжавъ до вѣнца горы, грохнулся оземь Марко Данилычъ.

Пластомъ лежитъ на голой землѣ. Двинуться съ мѣста не можетъ, голосу не въ силахъ подать, лежитъ одинъ-одинехонекъ, припекаемый полуденными лучами осенняго солнца. Ни на горѣ ни подъ горой никого нѣтъ, стая галокъ съ громкимъ крикомъ носится, въ высотѣ надъ головой милліонщика, Лежитъ гордый, своенравый богачъ безпомощенъ, лежитъ всѣми покинутый и слова не можетъ промолвить. Тускнѣетъ у него въ очахъ, мутится въ головѣ, ни рукой ни ногой шевельнуть не можетъ. Забытье нашло на него...

Долго бы лежать тутъ Марку Данилычу, да увидѣла его сосѣдка Акулина Прокудина. Шла Акулина съ ведрами по воду близъ того мѣста, гдѣ упалъ Марко Данилычъ. Вглядѣлась.. «Батюшки свѣты!.. Самъ Смолокуровъ лежитъ». Окликнула — не отвѣчаетъ, въ другой, въ третій разъ окликнула—ни сло-

вечка въ отвѣтъ. Поставила Акулина ведра, подошла: недвижимъ Марко Данилычъ, безгласенъ, ротъ на сторону, а самъ глухо храпитъ. Перепугалась Акулина, взяла за руку Марка Данилыча — не владѣетъ рука.

«Господи! Что̀ это? Что̀ ему попритчилось? — думаетъ Акулина. — Надо домашнихъ повѣстить, всяко можетъ случиться. Еще, пожалуй, къ отвѣту притянутъ».

И, покинувъ ведра, поднявши подолъ, бѣгомъ побѣжала къ дому Марка Данилыча.

По ея вѣстямъ прибѣжала Дарья Сергѣвна, прибѣжали всѣ домашніе — приказчики и прислуга. Прибѣжали и работники поглазѣть-поглядѣть, что̀ приключилось съ бранчивымъ, драчливымъ хозяиномъ. Обступили домашніе вкругъ Марка Данилыча, стоятъ, охаютъ да молитву творятъ, а работники шепчутся межъ собой: «а кто-жъ теперь будетъ насъ разсчитывать?»

Первая нашлась Дарья Сергѣвна.

— Василюшка, — сказала она Ѳаддееву. — Бѣги, родной, за лѣкаремъ. Онъ въ городу — давеча видѣла я, какъ съ исправникомъ мимо насъ шелъ.

Пошелъ Василій Ѳаддеевъ, хоть и не такъ спѣшно, какъ бы хотѣлось Дарьѣ Сергѣвнѣ. Идетъ, а самъ съ собой разсуждаетъ: — «Кто-жъ теперь дѣлами станетъ заправлять? Дочь молода, умомъ еще не вышла; развѣ что Дарья Сергѣвна? Да не бабье это дѣло... Дай-ка, Господи, чтобъ не очнулся!.. Пятьсотъ рублевъ у меня на рукахъ, а опричь его никто про это не знаетъ».

Лѣкарь жилъ на самой набережной. Случилось, что онъ былъ дома, за обѣдомъ сидѣлъ. Ни за какія бы коврижки не оставилъ онъ неконченную тарелку жирныхъ лѣнивыхъ щей съ чеснокомъ, если бы позвали его къ кому-нибудь другому, но теперь дѣло иное — самъ Смолокуровъ захворалъ; такого случая нескоро дождешься, тутъ столько отвалятъ, что столько съ цѣлаго уѣзда въ три года не получишь. Сбросивъ наскоро халатъ и надѣвъ сюртукъ, толстенькій, приземистый лѣкарь побѣжалъ къ Марку Данилычу.

— Маркеловъ!.. — на бѣгу крикнулъ онъ городовому, штопавшему рубаху сидя на чурбанѣ возлѣ развалившейся будки. — Живѣе къ фельдшеру! Тащилъ бы все съ собой, и банки, и піявки. все, все до капельки. Подъ гору тащилъ бы. Да забѣги въ аптеку, скажи тамъ: ежели Карлъ Христьянычъ куликовъ стрѣляетъ, на спѣхъ бы бѣжали за нимъ, отперъ бы аптеку и лѣкарство дѣлать готовъ былъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, — съ оттѣнкомъ досады

отвѣчалъ, унося въ будку рубаху, лѣнивый полусонный стражъ богоспасаемаго града.

— Поспѣшай, — крикнулъ ему лѣкарь, быстро удаляясь отъ будки.—Зайди потомъ на дворъ къ Смолокурову, хорошую подачку на водку получишь, я скажу тамъ. Самъ захворалъ.

Оживѣлъ городовой, спѣшно заперъ будку и скорымъ шагомъ пошелъ исполнять приказанье лѣкаря. Съ кѣмъ по дорогѣ ни встрѣтится, всякаго извѣщаетъ, что съ Маркомъ Данилычемъ случилось недоброе: подъ горой, возлѣ казначейства лежитъ безъ памяти. И каждый о томъ же повѣщалъ встрѣчнаго и поперечнаго, и всѣ опрометью бѣжали подъ гору — каждому было лестно поглядѣть, какъ пришибло спесиваго милліонщика. Бѣжали какъ на пожаръ, и вскорѣ больше сотни людей столпилось вкругъ лежавшаго безъ чувствъ Марка Данилыча. И городскія власти пришли: городничій, исправникъ съ засѣдателемъ, стряпчій, секретари, чуть не всѣ приказные; пришелъ и штатный смотритель училища, а за нимъ стая ребятишекъ, только-что распущенныхъ изъ класса; поспѣшилъ подъ гору и отецъ протоіерей, чтобъ еще разокъ щегольнуть передъ горожанами только-что полученною камилавкой. Ковыляя, приплелся на всякій случай хромой столяръ Панкратьичъ—не понадобится ли гробъ сколотить. Городскія вѣстовщицы тоже прибѣжали поглядѣть на рѣдкостное и небывалое еще въ ихнемъ городѣ зрѣлище. Тутъ были и чиновница Ольга Панфиловна и уставщица Красноглазиха. Всѣ шушукаютъ, каждый думаетъ и говоритъ про Марка Данилыча по-своему.

— Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать, —стоя въ сторонкѣ, назидательно говорилъ отецъ протопопъ окружавшимъ его дьякону, церковному старостѣ и другимъ. — Наказующій перстъ Божій того ради коснулся сего прегордаго, что, ревнуя богомерзкому расколу, всю свою жизнь чуждался святой церкви. Притомъ же, хотя и раскольникъ, однакожъ все-таки долженъ былъ принимать въ домъ духовныхъ лицъ со святынею. А нашъ причтъ отъ него мѣднаго гроша никогда не видывалъ.

— Вотъ что̀ значитъ съ никоніанами-то водиться!..—строго и учительно говорила уставщица Красноглазиха.—Повелся съ еретиками, за одной съ ними трапезой насыщался, изъ одной пивалъ посудины, и себя тѣмъ сквернилъ и соблазны чинилъ христіанамъ древляго благочестія.

— Вотъ всякій гляди да казнись, — тараторила разбитная приживалка, чиновница Ольга Панфиловна.—Всякимъ добромъ ублаготворялъ мерзкихъ паскудъ, какъ вонъ эта злоязычница

Аниська Красноглазиха. Не чѣмъ другимъ, а этимъ самымъ и навелъ на себя гнѣвъ Господень. И осетрины-то ей, бывало, и бѣлужины, и икры, и дровъ, и муки, и всякой всячины. Чѣмъ бы настоящимъ бѣднымъ подать, тѣмъ, что̀ въ нищетѣ проводятъ жизнь благородную, онъ только этой гадинѣ. А пошарь-ка въ коробкѣ у проклятой Аниськи, увидишь, сколь бѣдна она.

А у самой на умѣ:—«А ну, какъ помретъ, пропцай тогда и рыбка, и мучка, и дровешки... Хоша и непутный и самый непостоянный человѣкъ, а все-таки продли ему вѣку, Господи!»

И не одна Ольга Панфиловна такія думы думала. И городничій, и стряпчій, и другіе чиновные были озабочены, будетъ ли смолокуровская наслѣдница попрежнему икрой да рыбой ихъ награждать. И всѣ жалѣли Марка Данилыча. Одинъ протопопъ изъ-подъ новенькой камилавки злобно на него поглядывалъ.

Осмотрѣвъ больного, лѣкарь крѣпко ущипнулъ его за руку. Марко Данилычъ хоть бы глазомъ моргнулъ. Тогда лѣкарь только посвистѣлъ. Бросилась къ нему Дарья Сергѣвна.

— Что̀ съ нимъ, батюшка? Скажите на милость!.. Сдѣлайте такое ваше одолженіе, — говорила она, обливаясь слезами.

И другіе, что̀ тутъ были, тоже наперерывъ другъ передъ дружкой спрашивали лѣкаря, что̀ случилось съ Маркомъ Данилычемъ.

— Не мѣшайте, — съ важностью въ осанкѣ и голосѣ сказалъ толстенькій лѣкарь, а потомъ попросилъ городничаго, чтобъ велѣлъ онъ всѣмъ подальше отойти отъ больного.

Повелъ рукой градоначальникъ, ругнулся вполголоса, и почтительно отхлынула разнородная толпа. Возлѣ Марка Данилыча остались Дарья Сергѣвна да еще чиновные люди и приказчики.

Сталъ лѣкарь на колѣни, вынулъ изъ кармана ящикъ съ инструментами, однимъ ланцетомъ ловко разрѣзалъ рукавъ, другимъ кровь пустилъ. Тихо потекла изъ ранки совсѣмъ почти черная кровь.

— Скверно! — шепнулъ лѣкарь наклонившемуся къ нему городничему. — Надо бы его домой перенесть. Носилки бы какія-нибудь, — прибавилъ онъ, обращаясь къ приказчикамъ.

Василій Ѳаддеевъ и еще трое пошли за носилками. Городничій спросилъ ставшаго на ноги лѣкаря:

— Что̀ съ нимъ?

— Кондрашка! — равнодушно отвѣтилъ врачъ, укладывая ланцеты.—Ѳедуловъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ фельдшеру:—

ступай въ домъ паціента, тамъ и останешься, будешь дежурить у кровати... А что̀, Карлъ Христьянычъ дома?.. — спросилъ онъ потомъ у будочника Маркелова, пришедшаго на мѣсто не столько ради порядка, сколько изъ любопытства.

— Съ лягавой сукой съ Динкой на заводъ къ Окѣ отбыть изволили, — буркнулъ чуть не во все горло городовой.

Городничій поднялъ кулакъ и промолвилъ своему подначальному:

— Чего горло-то развязалъ?.. Скотина... На пожарѣ, что ли, ты?

Оторопѣлъ будочникъ, сталъ втупикъ и вытянулся передъ начальствомъ въ струнку.

Принесли носилки, что̀ дѣланы для переноски дровъ. Василій Ѳаддеевъ догадался навалить на нихъ побольше трепаной пеньки, помягче бы лежать было хозяину. Бережно положили на носилки Марка Данилыча и тихо понесли въ домъ. Густой толпой повалилъ народъ за носилками, пошли и чиновные люди. Дорогой однако они разошлись, каждый пошелъ во-свояси. До дому проводили больного только лѣкарь да городничій. За ними двинулась - было на смолокуровскій дворъ толпа горожанъ и работныхъ людей, но бдительный градоначальникъ не пустилъ ихъ. Поставивъ у воротъ Маркелова, онъ строго-настрого приказалъ ему не дозволять входить на дворъ никому изъ стороннихъ, опричь чиновныхъ людей. Толпа остановилась передъ домомъ Марка Данилыча, а мѣщанскіе парнишки съ учениками уѣзднаго училища взлѣзли на заборъ, что̀ стоялъ насупротивъ смолокуровскаго дома, и какъ вороны разсѣлись на немъ. И того не потерпѣлъ градоначальникъ.

— По домамъ! — крикнулъ онъ такимъ голосомъ, какимъ командовалъ въ сраженіи подъ Остроленкой, гдѣ раненъ въ руку, за что и получилъ мѣсто городничаго... — А васъ, пащенки, — прибавилъ онъ, обращаясь къ мальчишкамъ: — всѣхъ велю забрать въ полицію да такихъ горячихъ засыплю, что вѣкъ будете меня помнить.

Слѣзли съ забора мальчишки и разбѣжались вразсыпную. Разошлись и взрослые, что̀ отъ-нечего-дѣлать глазѣли еще на домъ Марка Данилыча ровно на диковину какую.

— Слушай-ка ты, любезный, — сказалъ городничій Василью Ѳаддееву, побѣжавшему-было въ аптеку за лѣкарствомъ. — Ты вѣдь приказчикъ Марка Данилыча?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, — почтительно скинувъ картузъ, вытянувъ шею и самодовольно улыбаясь, отвѣтилъ Ѳаддеевъ.

— Такъ вотъ что̀: сейчасъ распорядись, чтобъ улицу про-

тивъ дома и противъ всего двороваго мѣста устлали соломой, — продолжалъ городничій. — Это для порядка. Во всѣхъ хорошихъ городахъ и въ самомъ даже Петербургѣ такъ дѣлается, если занеможетъ знатный или богатый человѣкъ, — замѣтилъ градоначальникъ стоявшему возлѣ лѣкарю. — Чтобъ сейчасъ же устлали,—прикрикнулъ онъ Василью Ѳаддееву.— А ежели черезъ полчаса мое приказанье исполнено не будетъ, розгачей отвѣдаешь. Шутить не люблю... Смотри-жъ, любезный, распорядись.

— Да вотъ я въ аптеку прежде сбѣгаю, — началъ-было Ѳаддеевъ, но городничій громко крикнулъ на него.

— Не умничать, дѣлай, что̀ начальство приказываетъ. Въ аптеку поспѣешь, аптекарь за куликами охотится. Сію минуту распорядись — безъ соломы нельзя, это для порядка требуется!

И устлали соломой улицу, хоть она травой поросла и въ цѣлый день по ней развѣ двѣ либо три телѣги, бывало, проѣдутъ.

Нѣтъ лучше Марку Данилычу. Правая сторона совсѣмъ отнялась, ротъ перекосило, языкъ онѣмѣлъ. Хочетъ что-то сказать, но только мычитъ да чуть-чуть маячитъ здоровой рукой. Никто однако не можетъ понять, чего онъ желаетъ. Лѣкарь объявилъ Дарьѣ Сергѣвнѣ, что если и будетъ ему облегченье, все-таки онъ съ постели не встанетъ и до смерти останется безъ языка.

Нежданно-негаданно нагрянула бѣда на Смолокурова. Какой еще горше бѣды? Какое богатство на долю человѣка ни выпади, какое ни будь у него изобиліе, а нагрянетъ недугъ да приведетъ съ собою калѣчество, такъ и несмѣтное богатство выйдетъ хуже нищеты и всякой нужды. Пропалъ Марко Данилычъ, пиши его вонъ изъ живыхъ.

А въ домѣ и по хозяйству все врозь поѣхало. Правду говорятъ старые люди: «хозяинъ лежитъ — весь домъ лежитъ, хозяинъ съ постели — всё на ногахъ». А тутъ приходится лежать хозяину до той поры, какъ его въ могилу уложатъ.

Всю жизнь Марко Данилычъ никому не довѣрялъ вполнѣ, ни на кого не полагался и въ торговыхъ и въ другихъ дѣлахъ. Отъ приказчиковъ да прислужниковъ только и ждалъ, что обмановъ да воровства. И былъ въ томъ правъ. Никто не любилъ его, никто не былъ ему преданъ, каждый только и норовилъ поживиться на его счетъ. Подозрительный въ каждой мелочи, ко всѣмъ недовѣрчивый, самъ онъ велъ торговыя

книги, никогда не бывало у него конторщика, самъ все записывалъ, самъ и переписку велъ. Въ какомъ положеньи остались у него дѣла, никто не зналъ. Никто не зналъ и о томъ, сколько у него наличнаго капитала, сколько и на комъ въ долгахъ, сколько самъ долженъ другимъ. Тяжело было Дарьѣ Сергѣвнѣ — за всѣмъ гляди, всѣмъ распорядись, все управь, охрани и за все будь въ отвѣтѣ. А тутъ приказчики просятъ распорядковъ, рабочіе требуютъ расчетовъ, а у нея на рукахъ и денегъ столько нѣтъ, чтобъ со всѣми раздѣлаться. Къ сундуку съ деньгами и бумагами она безъ Дуни не смѣетъ прикоснуться, а Дуня Богъ еще знаетъ когда домой воротится. Послала къ ней Дарья Сергѣвна эстафету съ извѣстьемъ о внезапной болѣзни отца... Но съ кѣмъ она поѣдетъ и какъ проѣдетъ такую даль по незнакомымъ мѣстамъ? Чего ни встрѣтится ей на пути?.. Въ конецъ растерялась Дарья Сергѣвна. Обратиться не къ кому — никто не любилъ Смолокурова, а теперь каждый того еще опасался, что ежель подниметъ его Богъ съ одра болѣзни, такъ, пожалуй, добромъ съ нимъ и не раздѣлаешься — скажетъ, что обокрали его во время болѣзни, дѣла привели въ разстройство. Къ кому въ городѣ ни обращалась Дарья Сергѣвна за помощью, всѣ уклонялись.

Ужъ послѣ отправки къ Дунѣ письма вспомнила Дарья Сергѣвна про Аграфену Петровну. Хоть въ послѣднее время Дуня и перемѣнилась къ своему «другу любезному», стала къ ней холодна и почти совсѣмъ избѣгала разговоровъ съ ней, однако, зная доброе сердце Аграфены Петровны, Дарья Сергѣвна послала къ ней нарочнаго. Слезно просила ее пріѣхать къ больному вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьичемъ и со всѣми дѣтками, самой съѣздить за Дуней, а Ивана Григорьича оставить для распорядковъ по дѣламъ Марка Данилыча.

Глава восьмая.

Въ самый тотъ день, когда Марку Данилычу болѣзнь приключилась, за Волгой, у Патапа Максимыча было шумное, веселое пированье. Принесла Прасковья Патаповна перваго сыночка Захарушку, перваго внучка Патапу Максимычу. Свѣтелъ, радошенъ заволжскій тысячникъ, радовался онъ великою радостью.

Когда бабушка-повитуха показала ему новорожденнаго младенца, дѣдушка благословилъ его и вслухъ всѣмъ промолвилъ:

— Расти, Захарушка, выростай, мой родимый, будь матери умнѣй, будь отца дѣльнѣй!

Василій Борисычъ тутъ же былъ. Не по нраву ему были

слова тестевы, но вѣдь онъ изъ его рукъ глядѣлъ, а потому, не разводя лишнихъ словъ, вздохнулъ и только промолвилъ вполголоса:

— Охъ, искушеніе!

Полетѣли отъ Патапа Максимыча посланцы по всѣмъ сторонамъ — и въ Нижній, и въ Городецъ, и въ Красную-Рамень созывать друзей-пріятелей на крестины, а самъ онъ поѣхалъ за «проѣзжающимъ попомъ», жившимъ при городецкой часовнѣ. Много гостей наѣхало въ Осиповку — много навезли они Прасковьѣ Патаповнѣ родильныхъ пироговъ и каравайчиковъ *). Аграфена Петровна пріѣхала съ мужемъ и съ дѣтками, пріѣхалъ перепелиный охотникъ, удѣльный голова Михайла Васильичъ въ жалованномъ своемъ кафтанѣ, прикатилъ изъ Нижняго дружокъ Патапа Максимыча Колышкинъ, со всѣхъ сторонъ пожаловали гости званые, почетные, не пріѣхала, не пожаловала одна матушка Манеѳа. Ни слова не сказала она посланному, пріѣзжавшему въ Комаровъ звать ее на крестины новорожденнаго внучка, а когда вышелъ тотъ изъ игуменьиной кельи, остановила его въ сѣняхъ мать-уставщица Аркадія и гнѣвно ему выговаривала, что, дескать, видно, съ ума онъ спятилъ, затесавшись съ такимъ зовомъ къ игуменьѣ.

— Нешто твой Патапъ Максимычъ не знаетъ, что инокинямъ на свадьбахъ да на кстинахъ быть не подобаетъ?..— не въ мѣру распалившись, кричала она на всю обитель.— Съ ума, что ли, сошли со своимъ хозяиномъ?.. На смѣхъ, что ли, онъ послалъ тебя? Вонъ, сейчасъ же вонъ изъ обители!.. Чтобы духомъ твоимъ не пахло здѣсь!...

И выгнала. Добродушная мать Виринея позвала-было посланнаго къ себѣ въ келарню угостить, какъ слѣдуетъ, но мать Аркадія и того не допустила. Досталось отъ нея и Виринеѣ и всѣмъ подначальнымъ матери-келарю послушницамъ. Такъ расходилась дебелая старица, что еще долго по уходѣ изъ обители несолоно хлебавшаго посланца не вдругъ успокоилась. И отчитала-жъ Аркадія Патапа Максимыча. Думать надо, что долго и много икалось ему.

Привезли въ Осиповку попа городецкаго, окрестилъ онъ въ чапуринской моленной младенца Захарія. Въ кумовьяхъ Иванъ Григорьичъ былъ съ женой удѣльнаго головы, а знаменитая повариха Никитична за бабушку-повитуху была.

Тотчасъ послѣ крестинъ поданъ былъ крестильный обѣдъ. Сошлись въ большой горницѣ всѣ, кромѣ потаеннаго попа,

---

*) Родильницѣ знакомыя замужнія женщины приносятъ либо посылаютъ сладкіе пироги или сдобные каравайчики въ родѣ пасхальныхъ куличей.

родильницы да больше года хворавшей и рѣдко когда выходившей изъ боковушки Аксиньи Захаровны. Повариха Никитична тоже не вышла къ обѣду, много было ей хлопотъ и въ стряпущей и у больныхъ. Проѣзжающаго попа тотчасъ послѣ крестинъ, прикрывъ рогожей *), спровадили обратно въ Городецъ. На всякій случай Патапъ Максимычъ отложилъ сколько надо денегъ ради умягченія консисторскихъ сердецъ, на случай ежели-бъ свибловскій попъ Сушила подалъ заявленіе, что, дескать, повѣнчанный имъ въ церкви купецъ Василій Борисовъ со своимъ тестемъ, торгующимъ по свидѣтельству перваго рода крестьяниномъ Патапомъ Максимовымъ Чапуринымъ, главнѣйшимъ коноводомъ зловреднаго раскола, окрестили новорожденнаго младенца въ домѣ означеннаго Чапурина въ недозволенной правительствомъ моленной, при дѣйствіи тайно проживающаго при городецкой часовнѣ бѣглаго священника Іоанна Бенажавскаго. Денежки предусмотрительнаго Патапа Максимыча пошли куда слѣдуетъ и отвели бурю, воздвигнутую-было враждебнымъ попомъ Сушилой.

За столомъ хозяйничала богоданная дочка Патапа Максимыча, Аграфена Петровна. И кругомъ стола за каждой перемѣной кушанья она обхаживала и гостей упрашивала, не обезсудили бы хлѣбъ-соль хозяйскую, кушали бы, что̀ на столъ поставлено, не безчестили-бъ усерднаго угощенья чѣмъ Богъ послалъ. И все-то старозавѣтными приговорками она приговаривала, безъ коихъ наши прадѣды куска хлѣба, бывало, не съѣдятъ въ гостяхъ, пока не услышатъ ихъ изъ ласковыхъ устъ хлѣбосольной хозяйки.

— Садитесь, гости дорогіе, за скатерти браныя, за напитки пьяные, за хлѣбъ за соль, за крестильную кашу да за курничокъ, — приговаривала Аграфена Петровна, усаживая гостей за обѣденный столъ.

— Уговоръ дороже денегъ, — подхватилъ Патапъ Максимычъ, когда усѣлись всѣ. — Слушайте хозяина, гости дорогіе — на собакъ покидайте однѣ кости, остальное сами доѣдайте, чтобъ на столѣ у меня все было чистехонько. Теперича воля не ваша, а моя да хозяюшкина. Сами знаете, что по старому святому завѣту гость хозяину не указчикъ — что̀ поставятъ передъ нимъ, то и кушай да хозяевъ во всемъ слушай. Ваше дѣло ѣсть да пить, а наше дорогихъ гостей потчевать. Кланяйся, зятекъ, да за гостями приглядывай, пили бы хоть помаленьку да выпили все.

---

*) Такъ обыкновенно старообрядцы возили бѣглыхъ отъ церкви поповъ, чтобъ не попались они въ руки полиціи.

Курникъ поставили на столъ. Отличилась Дарья Никитична — такой спекла, что чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше хочется. Ходитъ вкругъ стола Аграфена Петровна, ласковыя слова гостямъ приговариваетъ:

— Кушайте, гости, покушайте! Запросто безъ чиновъ, чѣмъ Господь послалъ. Приневольтесь еще маленечко, по другому кусочку курничка-то скушайте. Что перестали? Аль хозяйскаго хлѣба-соли вамъ жаль?

— Распредовольны, сударыня Аграфена Петровна, — молвилъ ей на отвѣтъ удѣльный голова, отирая бороду.

— А ты, дружище Михайла Васильичъ, хозяйкѣ-то не супротивничай, ѣшь, доѣдай, крохи не покидай, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Нельзя, любезный другъ, видитъ Богъ, невмоготу. Всего у тебя не переѣшь, не перепьешь, — тяжело отдуваясь, промолвилъ голова.

— А тебѣ бы, Михайла Васильичъ, да и всѣмъ вамъ, дорогимъ гостямъ, распоясаться, кушаки-то по колочкамъ бы развѣсить, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Зятекъ! Василій Борисычъ! Сымай кушаки съ гостей, вѣшай по колочкамъ. Ну, архіерейскій посолъ, живѣй поворачивайся.

Сняли гости кушаки, и всѣмъ облегчало. Сызнова пошло угощенье. И гости веселы и хозяинъ радошенъ. А уху какую сварила Дарья Никитична, буженину какую состряпала, гусей да индюшекъ какъ нажарила — за какой хочешь столъ подавай. Каждый кусокъ самъ въ ротъ просится. На славу вышелъ крестильный пиръ: и подносятъ частенько, и бесѣда ведется умненько.

Манеѳа къ слову пришлась, и повелась бесѣда про обители.

— Какъ слышно?.. Что скитскія дѣла? — спросилъ Сергѣй Андреичъ Колышкинъ у Патапа Максимыча.

— Ничего пока неизвѣстно, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Думать надо, по-старому все останется. Видно, только попугали матерей, чтобъ жили посмирнѣй. А то ужъ паче мѣры возлюбили онѣ пространное житіе. Вотъ хоть бы сестрица моя родимая — знать никого не хотѣла, въ усъ никому не дула, вотъ за это ихъ маленько и шугнули. Еще не такъ бы надо. Что живутъ? Только небо коптятъ.

— А вѣдь я до сихъ поръ хорошенько не знаю, что сдѣлалъ генералъ, что изъ Питера въ скиты наѣзжалъ, — сказалъ Сергѣй Андреичъ.

— Только страху задалъ, а больше ничего, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Пачпорты спрашивалъ, часовни описы

валъ, иконы, что̀ тамъ поставлены, строенья обительскія — а больше ничего.

— Матери-то ублаготворили, видно?.. — спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Ни-ни! — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Подъѣзжали-было, первая сестрица моя любезная, да онъ такого имъ пару задалъ, что у нихъ чуть не отнялись языки. Нѣтъ, пришло, видно, время, что скитамъ больше не откупаться. Это вѣдь не исправникъ, не правитель губернаторской канцеляріи. Дѣло шло на чистоту.

— А послѣ его отъѣзда такъ-таки ничего и не вышло? — опять спросилъ Колышкинъ.

— Ровнехонько ничего, опричь того, что воспретили матуньямъ со сборными книжками шляться, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Да этихъ чернохвостницъ одной бумагой не уймешь: въ острогъ бы котору-нибудь, такъ невпримѣръ бы лучше было.

— Ну, ужъ и въ острогъ! — вступился удѣльный голова.

— А для чего-жъ не въ острогъ? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Вѣдь онѣ дармоѣдницы, мірскія обиралы, ханжи, да къ тому-жъ сплетницы и смотницы. За такія художества ихнюю сестру не грѣхъ и въ острогѣ поморить.

— Онѣ Богу молятся за міръ христіанскій, — замѣтила жена удѣльнаго головы. — Намъ-то самимъ какъ молиться?.. Дѣло непривычное, неумѣлое. У насъ и дѣла, и заботы, и все, а пуще всего не сумѣть намъ Бога за грѣхи умолить, а матушки, Христосъ ихъ спаси, на томъ ужъ стоятъ — молятся какъ слѣдуетъ и тѣмъ творятъ дѣло нашего спасенія.

— Молятся! Какъ же!.. Держи карманъ!.. Знаю я ихъ вдосталь! — сказалъ на то Патапъ Максимычъ. — Одна только слава, что молятся. У нихъ Богъ — чрево... Вотъ что̀... Давно бы пора въ порядокъ ихъ привести... Что̀ молчишь, зятекъ?.. — съ лукавой улыбкой обратился Патапъ Максимычъ къ Василью Борисычу. — Изрони словечко — ихнее дѣло тебѣ за обычай. Молви гостямъ, правду аль нѣтъ говорю.

— Трудно на это что-нибудь сказать, — робко, уклончиво, сквозь зубы проговорилъ бывшій архіерейскій посолъ. — Съ какой стороны посмотрѣть...

— Гляди прямо и толкуй прямо, — немного возвыся голосъ и слегка нахмурясь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Чего вертѣться-то? Прямо сказывай, безъ отлыниванья, безъ обиняковъ...

— Оно, конечно, ихней сестры много шатается, — переминаясь, заговорилъ-было Василій Борисычъ. — Однакожъ, ежели взять...

— Чего тутъ еще «однако да однако»? — вспылилъ Патапъ Максимычъ. — Тебя до сихъ поръ хорошенько еще не провѣтрило. Все еще Рогожскимъ да скитами тебѣ отрыгается. Никуда, братъ, негоденъ ты — развѣ что въ игумены тебя поставить... Хочешь на теткино мѣсто, на Манеѳино?

— Охъ, искушеніе! — вполголоса, опуская глаза въ тарелку, молвилъ Василій Борисычъ.

— А, право, знатная бы вышла изъ тебя игуменья, — смѣясь, продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Сталъ бы ты въ обители-то какъ сыръ въ маслѣ кататься! Тамъ бы тебѣ разъ по десяти на году-то пришлось крестины справлять. Право!

И раскатился Патапъ Максимычъ громкимъ хохотомъ на всю горницу.

И всѣ мужчины хохотали, а женщины, потупивши глаза, молчали. Василій Борисычъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и полными кручины глазами одно твердилъ:

— Охъ, искушеніе!

— Ей-Богу, — продолжалъ свои глумленья развеселившійся Патапъ Максимычъ. — А вотъ мы, отобѣдавши, въ игумены тебя поставимъ. У канонницы иночество на прокатъ возьмемъ и какъ слѣдуетъ обрядимъ тобя... Бородишку-то платкомъ завяжи, невеличка выросла, упрятать можно...

Пожалѣлъ Колышкинъ Василья Борисыча, перервалъ рѣчи Патапа Максимыча, спросилъ у него, какъ скитницы, что̀ перевезли строенья изъ скитовъ въ городъ, распорядятся теперь, сжели нечего имъ бояться выгонки.

— Каждая по - своему распорядилась, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Сестрица моя любезная три дома въ городу-то построила, ни одного не трогаетъ, ни ломать ни продавать не хочетъ. Ловкая старица. Много такого знаетъ, чего никто не знаетъ. Изъ Питера да изъ Москвы въ мѣсяцъ раза по два къ ней письма приходятъ. Есть у нея что-нибудь на умѣ, коли не продаетъ строенья. И покупатели есть, выгодныя цѣны даютъ, а она и слышать не хочетъ. Что-нибудь смекаетъ. Она вѣдь лишняго шага не ступитъ, лишняго слова не скажетъ. Хитрая!

— А другія какъ? — спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Однѣ продали, другія назадъ въ скиты перевезли, иныя внаймы отдали, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Оленевская мать Минодора подъ кабакъ кельи-то отдала, выгоднымъ нашла. И теперь игумены съ первой до послѣдней ругательски ругаютъ Манеѳу, что смутила ихъ, запугала петербургскимъ генераломъ и уговорила загодя перевозить изъ скитовъ строенья. «Разорила, разстроила насъ Манеѳа Комаров-

ская»,—въ одинъ голосъ кричатъ онѣ. Ну, вотъ тебѣ и весь сказъ. А теперь разскажи-ка мнѣ, Сергѣй Андреичъ, не слыхалъ ли чего про Алешку Лохматаго? Давно ничего про него я не слыхивалъ.

— Въ Самару на житье переѣхалъ, — отвѣтилъ Сергѣй Андреичъ. — Дѣла ведетъ на широкую руку — теперь у него четыре либо пять пароходовъ, да опричь того салотопенный заводъ. Барановъ въ степи закупаетъ, рѣжетъ ихъ въ Самарѣ и сало вытапливаетъ. По первой гильдіи торгуетъ, того и жди, что въ городскіе головы попадетъ.

— Вотъ какъ! — промолвилъ Чапуринъ. — А про Марью Гавриловну что слышно?..

— Что Марья Гавриловна? Житьишко ея самое послѣднее,— сказалъ Колышкинъ. — За душой мѣдной полушки не осталось. Все мушенекъ забралъ... Ситцевое платьишко сшить понадобится, такъ мѣсяца полтора у него клянчитъ о какихъ-нибудь трехъ рублишкахъ... Мало того, въ горничныя попала къ мужниной полюбовницѣ.

— Мамошкой, значитъ, обзавелся? — замѣтилъ удѣльный голова.

— Много у него ихъ. И, самъ пожалуй, не перечтетъ, сколько ихъ у него перебывало, — съ легкой усмѣшкой сказалъ Колышкинъ. — А набольшая одна... И красавица же!.. Мало такихъ на свѣтѣ видано.

— Откуда-жъ онъ добылъ такую кралю? — спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Въ приданство Марья Гавриловна принесла, — отвѣчалъ Сергѣй Андреичъ. — Молоденькая дѣвчонка, Татьяной Михайловной звать.

— Не та ли ужъ, что у Марьи Гавриловны въ Комаровѣ жила? — спросила Аграфена Петровна.

— Она самая, — молвилъ Колышкинъ.

— Какъ же это? — воскликнула Аграфена Петровна. — Да вѣдь она души не чаяла въ Марьѣ Гавриловнѣ. Въ огонь и въ воду была готова идти за нее. Еще махонькой взяла ее Марья Гавриловна на свое попеченье, вырастила, воспитала, любила, какъ дочь родную! Говорила, что по смерти половину имѣнья откажетъ ей. И вдругъ такое дѣло!.. Господи! Господи!.. Что-жъ это такое?.. Да какъ рѣшилась она?

— Зачались дѣла еще, кажется, съ той поры, какъ только замужъ вышла Марья Гавриловна, — сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Сначала Татьяна отъ Алексѣевыхъ приставаній изъ дому хотѣла уйти, утопиться либо удавиться, а Марьѣ Гавриловнѣ не сказывала, что тому за причина. А тотъ не отстаетъ

и денегъ не жалѣетъ. Крѣпилась-крѣпилась Татьяна Михайловна, наконецъ покорилась. Ка̀къ у нихъ это сдѣлалось, знаютъ одни они. А между тѣмъ Лохматовъ до послѣдней нитки все перевелъ на свое имя, и какъ только перевелъ, такъ во всей красѣ и развернулся. Марьѣ Гавриловнѣ ни копейки, а Татьянѣ шелковыя платья да бархатные салопы на собольемъ мѣху. А Марья Гавриловна хоть бы словечко на то промолвила, хоть бы слезинкой на мужа пожаловалась...

— Какъ же это? Какъ же это такъ? Какъ могла Таня рѣшиться на такое дѣло? — дрожащимъ отъ волненья голосомъ заговорила Аграфена Петровна. — Ну, не смогла устоять, не угасила постомъ да молитвой демонскихъ стрѣляній, такъ ка̀къ же можно было ей такъ обидѣть благодѣтельницу свою, столько горя принести ей?..

— А вино-то на что? — перервалъ ея рѣчи Колышкинъ. — Сперва шампанское да венгерское, потомъ сладенькіе ликеры, а потомъ дѣло дошло и до коньяка... Теперь не дошло ли ужъ и до хлѣбной слезы, что̀ подъ тынъ человѣка кладетъ... Совсѣмъ скружилась дѣвка, и стыдъ и совѣсть утопила въ винѣ, а передъ Марьей Гавриловной, въ угоду любовнику, стала дерзка, заносчива, обидлива. Терпитъ Марья Гавриловна, пьетъ чашу горькую!

— Такъ-таки и прислуживаетъ Танькѣ? Такъ-таки и живетъ Марья Гавриловна въ своемъ дому, какъ работница? — волнуясь, спрашивала Аграфена Петровна у Сергѣя Андреича.

— Совсѣмъ какъ есть, — отвѣтилъ Колышкинъ. — И одѣваетъ ее, и самоваръ приноситъ, и кофей варитъ, и постель стелетъ мужу съ Татьяной. Совсѣмъ какъ есть работница. Еще удивительно, какъ бѣдная Марья Гавриловна изъ ума не выступила. Богу, слышь, только молится, а говорить — ни съ кѣмъ ни слова не молвитъ.

— Бѣдная, бѣдная! — промолвила Аграфена Петровна.

— А я такъ полагаю, что глупая она бабенка и больше ничего, — вставилъ слово свое удѣльный голова. — Подвернулся вдовѣ казистый молодецъ, крѣпкій, здоровенный, а она сдуру-то и растаяла, и капиталъ, и все, что̀ было у нея, отдала ему... Сѣчь бы ее за это — не дури... Вотъ теперь и казнись — подѣломъ вору и му̀ка, сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ.

— Грѣхъ ее осуждать, Михайла Васильичъ, — вступилась Аграфена Петровна. — Нешто знала она, что̀ будетъ впереди? Ежели-бъ знала, не такъ бы дѣломъ повела... Изъ любви все дѣлала, и потому не взыщутся ея грѣхи. Въ писаніи-то что̀ сказано?.. Сказано, что любовь много грѣховъ покрываетъ. Дастъ Богу отвѣтъ одинъ Алексѣй.

— Такъ-то оно такъ, — отвѣчалъ голова: — а по-человѣчески судя, этакъ поступать бы ей не слѣдовало. Что̀ она теперь?.. Была богачка — стала нищая, была женщина почтенная, всѣми уважена, а теперь хуже послѣдней судомойки!.. Плоть-то ужъ больно распалила она тогда — вотъ что̀... Оттого и попала въ кабалу негодному человѣку. И хоть бы что-нибудь хорошаго въ немъ было! Такъ вѣдь нѣтъ ничего. Вонъ теперь онъ своровашными у жены сотнями тысячъ ворочаетъ, а отцу съ матерью поѣсть нечего. Не разъ Христомъ Богомъ старикъ Трифонъ просилъ сына о помощи. Отвѣта даже не выслалъ. А семья въ разоръ разорилась, дѣвки загуляли, сколько разъ ворота дегтемъ у нихъ мазали *). Саввушка у Трифона меньшой сынъ — добрый паренекъ, смышленый, по всему хорошій, и тотъ, по недостаткамъ родителей, мертвую запилъ, а теперь, слышь, въ солдаты нанимается. А непутный Алексѣй швыряетъ тысячами, и горя ему нѣтъ, что родная семья въ конецъ разорилась и изъ честнаго родительскаго дома вышелъ Содомъ и Гоморъ... Не потерпитъ ему Богъ. Нельзя тому быть, чтобъ не покаралъ Онъ его въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Ни слова не сказалъ Патапъ Максимычъ, слушая рѣчи Михайлы Васильича. Безмолвно сидѣлъ онъ, облокотясь на столъ и склонивъ на руку сѣдую голову. То Настю покойницу вспоминалъ, то глумленье Алешки надъ нимъ самимъ, когда былъ онъ у него по дѣлу о векселяхъ. Хватилъ бы горячимъ словомъ негодяя, да языкъ не ворочается: спесь претитъ при всѣхъ вымолвить, какъ принялъ его Алешка послѣ своей женитьбы, а про Настю даже намекнуть оборони Господи и помилуй!

Вдругъ передъ честной бесѣдой явилась знаменитая повариха, а теперь и бабушка-повитуха, Дарья Никитична. Въ полушелковомъ темно-красномъ сарафанѣ, въ гарнитурномъ холодникѣ, въ коричневомъ платкѣ съ затканными серебряными цвѣточками на головѣ, павой выплыла она въ горницу съ уемистымъ горшкомъ пшенной каши. Съ низкимъ поклономъ поставила она его передъ Васильемъ Борисычемъ и такія рѣчи промолвила ему по-старинному, по-уставному:

— Что̀ туманъ на полѣ, такъ сынку твоему помоленному, покрещенному счастье-таланъ на весь вѣкъ его! Дай тебѣ Богъ сынка воспоить, воскормить, на коня посадить! Кушай

---

*) Повсемѣстный почти деревенскій обычай — мазать дегтемъ ворота того дома, гдѣ живетъ зазорнаго поведенія дѣвушка. Это у крестьянъ считается величайшимъ оскорбленіемъ для всей семьи, а для дѣвушки особенно. Ту, у которой мазаны ворота, замужъ никто не возьметъ.

за здоровье сынка, свѣтъ родитель-батюшка, опростай горшечекъ до послѣдней крошечки—жить бы сынку твоему на бѣломъ свѣтѣ подольше, смолоду отца съ матерью радовать, на поконъ жизни поить-кормить, а помрете когда — поминки творить!

Взялъ ложку Василій Борисычъ. А каша-то крутымъ-накруто насолена, перцу да горчицы въ нее понакладено. Съѣлъ ложку родитель, закашлялся, а бабушка Никитична не отстаетъ отъ него:

— Изволь, государь-батюшка, скушать все до капельки, не моги, свѣтъ-родитель, оставлять въ горшкѣ ни малаго зернышка. Кушай, докушивай, а ежель не докушаешь, такъ бабка-повитуха съ руками да съ ногтями. Не доѣшь—глаза выдеру. Не захочешь докушать, моего приказа послушать — рукамъ волю дамъ. Старый отецкій уставъ не смѣй нарушать—изстари такъ дѣдами-прадѣдами уложено и навѣки ими установлено. Кушай же, свѣтъ-родитель, докушивай, чтобы дно было наголо, а въ горшкѣ не осталось крошекъ и мышенку поскресть.

Хоть бѣжать, такъ въ ту же пору Василью Борисычу. Да бѣжать-то некуда — горница людей полна, и всѣ надъ нимъ весело смѣются. Съ одной стороны держитъ его Никитична, а съ другой—самъ Патапъ Максимычъ стоитъ, ухвативши за плечо зятя любезнаго.

— Умѣлъ выкрасть жену, умѣлъ и сынка родить, доѣдай же теперь бабину кашу, всю доѣдай безъ остатка, — съ хохотомъ говорилъ Патапъ Максимычъ.

Кашляетъ Василій Борисычъ, что̀ ни ложка, то поперхнется. Давится, охаетъ и шепчетъ любимое свое: «охъ, искушеніе!».

А гости хохочутъ, сами приговариваютъ:

— Ѣшь кашу, свѣтъ-родитель, кушай, докушивай! Жуй да глотай бабину кашу на ростъ, на выростъ, на долгую жизнь сынка! Все доѣдай до капельки, не то сынокъ рябой выростетъ.

Три пота сплло съ Василья Борисыча, покамѣстъ не справился онъ съ крестильной кашей. Ни живъ ни мертвъ сидитъ за столомъ, охаетъ громче и громче, хоть въ слезы да въ рыданья, такъ въ ту же бы пору. Но Богъ его не оставилъ, помогъ ему совладать съ горшкомъ.

— Теперь, свѣтъ-родитель, ложку изволь выкупа̀ть, — сказала Никитична, ставя передъ Васильемъ Борисычемъ подносикъ.

Выкупилъ ложку Василій Борисычъ, положивши бабушкѣ пятишницу.

Пошла Никитична вкругъ стола, обносила гостей кашею,

только не пшенною, а пшена сарачинскаго, не съ перцемъ, не съ солью, а съ сахаромъ, съ вареньемъ, со сливками. И гости бабушку-повитуху одаривали, на подносъ ей клали, сколько кто произволилъ. А Патапъ Максимычъ на подносъ положилъ пакетецъ; что въ немъ было, никто не зналъ, а когда послѣ обѣда Никитична вскрыла его, нашла пятьсотъ рублей. А на пакетцѣ рукой Патапа Максимыча написано было: «бабкѣ на масло».

Съѣли кашу и, не выходя изъ-за стола, за попойку принялись. Женщины пошли въ заднія горницы, а мужчины разсѣлись вокругъ самовара пунши распивать. Пили за все и про все, чтобы умникомъ росъ Захарушка, чтобы далъ ему здоровья Господь, продлилъ бы ему вѣку на сто годовъ, чтобъ во всю жизнь было у него столько добра въ дому, сколько въ Москвѣ на торгу, былъ бы на ногу легокъ да ходокъ, чтобы всякая работа спорилась у него въ рукахъ.

— А тебѣ, Василій Борисычъ, — обратился къ свѣту-родителю удѣльный голова: — пошли Господь столько сынковъ, сколько въ полѣ пеньковъ, да столько дочекъ, сколько на болотѣ кочекъ, и всѣмъ вамъ дай Господи, чтобъ добро у васъ вотъ этакъ лилось.

И выплеснулъ стаканъ пунша на полъ.

— Зачѣмъ же столько?—въ смущеньи и замѣшательствѣ тихо и робко промолвилъ Василій Борисычъ. — Этакъ-то ужъ не очень ли много будетъ?

— А за каждаго ребенка тебѣ по сту палокъ, — прибавилъ къ пожеланьямъ головы маленько подгулявшій Патапъ Максимычъ.

— За что-жъ это?—сталъ-было говорить въ защиту Василья Борисыча Михайла Васильичъ.

— Дураковъ не плоди. И безъ того отъ нихъ на свѣтѣ проходу нѣтъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ.— Вѣдь сынъ по отцу—значитъ, дураковъ сынъ и самъ дуракъ будетъ... А нашъ пѣвунъ развѣ не дуракъ?.. Къ какому дѣлу онъ пригоденъ? Пѣть да въ моленной читать, да еще за дѣвками гоняться, только и есть у него; на другое ни на что не годится. Прасковья-то у меня плоха, дрыхнуть бы ей только, да и она, хоть и сонная дура, а раза четыре драла мужу глаза за дѣвокъ-то. По-моему выстегать бы его хорошенько, чтобъ ума прибыло. Да ужъ когда-нибудь дождется онъ у меня .

Всѣ захохотали, а Василій Борисычъ только вздыхаетъ да подъ носъ шепчетъ себѣ:

— Охъ, искушеніе!

— Нѣтъ, посудите въ самомъ дѣлѣ, гости дорогіе, — про-

должалъ Патапъ Максимычъ, поставивъ локти на столъ и положивъ бороду на ладони. — Думалъ я спервоначалу, что парень онъ толковый. Помните, какъ онъ при вашей бытности, на сорочинахъ покойницы Насти, расписывалъ про народныя нужды и промыслы по разнымъ мѣстамъ?.. Любо-дорого было послушать. Помнишь, Михайла Васильичъ, при тебѣ тогда я его уговаривалъ заняться дѣломъ — на Горахъ промысла разводить. Денегъ давалъ и во всемъ полную довѣренность, бросилъ бы только чернохвостницъ да наплевалъ бы на своихъ посконныхъ архіереевъ. И согласился-было онъ, шесть недѣль только сроку просилъ. Такъ нѣтъ, келейницы-то, видно, ужъ больно тянули его къ себѣ. А какъ женился и пришлось ему пошабашить и со скитами, и съ Рогожскимъ, и съ шатущими архіереями, подумалъ я тогда: — «Слава Тебѣ, Господи, выплываетъ человѣкъ на вольную воду, дурости покидаетъ, за разумъ берется». Не тутъ-то было. Языкомъ мы съ нимъ города беремъ, а подойдетъ дѣло, сейчасъ и отлынивать. На повѣрку вышло, что мой Василій Борисычъ ни на что негоденъ — только и знаетъ, что съ дѣвками пѣть да по лѣсочкамъ межъ кусточковъ съ ними валандаться. Кажись бы, маленькій да приземистый, и слабенекъ и жиденекъ, что̀ ивовый прутъ, поглядѣть, кажись, не на что, а по женской части ухъ какой ходокъ! Ни одной проходу не дастъ: на что работница Матрена и ряба и неуклюжа, вотъ что̀ кушанья-то носила сюда,—больше на чорта, чѣмъ на дѣвку похожа, и ту въ покоѣ не оставилъ. Теперь запалъ ему въ скиты ходъ, а то бы у него по честнымъ обителямъ и въ самомъ дѣлѣ было сынковъ, что̀ пеньковъ, а дочекъ, что̀ кочекъ. Правду аль нѣтъ говорю я тебѣ, зять ты мой любезный, Василій Борисычъ?

И, лукаво прищуривъ глаза, насмѣшливо поглядѣлъ Патапъ Максимычъ на Василья Борисыча, а подъ тѣмъ стулъ ровно желѣзный да каленый. Такъ бы и вскочилъ, такъ бы и побѣжалъ изъ горницы вонъ, да какъ убѣжишь? И сталъ онъ безотвѣтенъ.

Тесть изъ зятя только веревокъ не вилъ, былъ у него Василій Борисычъ во всей власти и на всей его волѣ. И никоимъ образомъ нельзя было Василью Борисычу себя высвободить. Уйти изъ тестева дома все одно, что̀ руки на себя наложить. Послѣ вѣнчанья у попа Сушилы изъ прежнихъ друзей-пріятелей никто къ дому близко его не подпуститъ, и всякъ будетъ радехоненекъ какую-нибудь пакость ему сдѣлать. Нечего дѣлать, покоряйся судьбѣ, терпи попреки отъ тестя, безотвѣтно принимай издѣвки и насмѣшки, а самъ не смѣй и

рта разинуть. Давно клянетъ себя Василій Борисычъ за сладкую ночку въ лѣсочкѣ Улангерскомъ, ругательски-ругаетъ Петра Степаныча съ Фленушкой, что ради потѣхи окрутили его чуть не насильно съ Прасковьей Патаповной.

Колокольчикъ послышался.

— Кого лѣшій несетъ? — съ гнѣвомъ, съ досадой неистово вскрикнулъ Чапуринъ. — Не исправникъ ли почуялъ, что мы пуншикомъ забавляемся, аль не къ тебѣ-ль изъ удѣльной конторы, Михайла Васильичъ?

— Некому меня разыскивать, — отвѣтилъ голова. — Къ тебѣ, должно-быть, какой-нибудь запоздалый гость.

— Некому ко мнѣ быть, да еще съ колокольцами, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Гости мои всѣ налицо. Должно-быть, кто-нибудь незваный-непрошеный. Испортитъ нашу бесѣду окаянный.

Телѣжка, запряженная почтовыми лошадьми, остановилась у воротъ Патапа Максимыча. Бросились къ окнамъ — нѣтъ, не исправникъ пріѣхалъ, не изъ удѣльной конторы, а какой-то незнакомый человѣкъ въ синей сибиркѣ съ борами назади и въ суконномъ картузѣ. Не то городской мѣщанинъ, не то купецъ небойкаго полета.

— А что, старичокъ почтенный, — спросилъ пріѣхавшій у сидѣвшаго возлѣ воротъ Пантелея: — не здѣсь ли Аграфена Петровна изъ Вихорева?

— Здѣсь. — отвѣчалъ Пантелей: — а тебѣ на что ее?

— Письмецо есть, — сказалъ пріѣзжій. — Изъ смолокуровскаго дома отъ Дарьи Сергѣевны. На спѣхъ посланъ. Несчастье у насъ случилось.

— Какое? — вскрикнулъ изъ окна Патапъ Максимычъ. — Съ кѣмъ?

— Съ самимъ. Съ хозяиномъ, значитъ, съ нашимъ, съ Маркомъ Данилычемъ, — отвѣчалъ посланный.

— Померъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Померсть не померъ, а близко того, — сказалъ посланный. — Рука, нога отнялись, ротъ перекосило, слова не можетъ сказать.

— Ступай въ горницу, — сказалъ Патапъ Максимычъ, и посланный пошелъ на зовъ.

Аграфена Петровна пришла изъ задней и стала читать письмо.

— Ахъ, Господи, Господи! Вотъ бѣда-то!.. Бѣдная ты моя Дунюшка! — говорила она, читая.

— Ты, любезный, ступай покамѣстъ въ подклѣтъ, — сказалъ

посланному Патапъ Максимычъ. — Съ дороги-то и выпить и закусить не лишнее... Ступай — тамъ напоятъ и накормятъ тебя.

Когда тотъ вышелъ, Аграфена Петровна передала письмо мужу, и тотъ прочелъ его вслухъ.

Извѣщая о болѣзни Марка Данилыча, Дарья Сергѣвна писала о своей безпомощности и о томъ, что Дуня все еще не бывала изъ Рязанской губерніи отъ Луповицкихъ и когда воротится, не знаетъ. Молила, просила Дарья Сергѣвна Аграфену Петровну съѣздить за ней въ Луповицы, слегка намекнувъ объ опасности для Дуни, у тѣхъ-де господъ завелась какая-то тайная вѣра, та, чтò въ народѣ слыветъ фармазонскою, и боязно ей, чтобы Дуню они туда не совратили. Ивана Григорьича просила Дарья Сергѣвна пріѣхать къ безгласному, недвижимому Марку Данилычу вступиться въ его дѣла и научить ее, какъ чѣмъ надо распорядиться и какъ въ домѣ порядокъ держать, чтобы Дунѣ не потерпѣть убытковъ. «Всѣ отъ большого до малаго только и норовятъ теперь по сторонамъ добро тащить — каждому лакомо поживиться достатками Марка Данилыча. И приказчики, и рабочіе, и городничій съ городскимъ головой, и стряпчій съ секретарями, всѣ, у кого нѣтъ совѣсти, всячески стараются обобрать сироту». Отвѣтъ Дарья Сергѣвна просила прислать съ тѣмъ же посланнымъ, написала бы только Аграфена Петровна, пріѣдутъ они или нѣтъ, и ежели согласны Дунѣ порадѣть, такъ сколь возможно поспѣшали бы.

Вслухъ прочелъ письмо Иванъ Григорьичъ. Всѣ молчатъ, призадумались, нежданное извѣстье озадачило всѣхъ. Каждый подумалъ: «всѣ подъ Богомъ ходимъ, со всякимъ то же можетъ случиться».

Долгое было молчанье. Наконецъ Патапъ Максимычъ такую рѣчь повелъ:

— Дѣло такое, что надо спѣшить. Вѣра тамъ какая-то тайная, городничій съ секретарями — все это вздоръ да пустяки, женскія выдумки. Главная причина тутъ—болѣзнь Марка Данилыча. Судя по тому, какъ описываетъ Дарья Сергѣвна, кровяной ударъ ему приключился, попросту говоря — пострѣломъ его пошибло. Онъ же такой плечистый да короткошея, съ такими часто это бываетъ. Безъ языка, ни рукой ни ногой шевельнуть не можетъ — наврядъ подняться ему. Не молвивъ ни словечка, такъ и покончится. Страшенъ этотъ недугъ — человѣкъ все видитъ, все слышитъ, все понимаетъ, а не можетъ слова сказать. Подумайте, каково ему, ежель видитъ онъ въ домѣ безпорядокъ, понимаетъ, что добро его врознь

тащутъ, а самъ ни языкомъ ни рукой двинуть не можетъ. Хуже смерти, особенно такому горячему человѣку, какъ Марко Данилычъ. И ко всему этому дочери дома нѣтъ. А онъ-то всю свою жизнь только для нея работалъ и трудился... И тутъ на его глазахъ, можетъ-быть, станутъ грабить скопленное сѣ имѣнье!.. Такой муки, пожалуй, и на томъ свѣтѣ не будетъ. Пожалѣть надо его по человѣчеству. Безпремѣнно поѣзжай къ нему, Иванъ Григорьичъ, завтра же чѣмъ свѣтъ поѣзжай.

— Нельзя мнѣ, Патапъ Максимычъ, никакъ невозможно, — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Неотложныя дѣла приспѣли. На той недѣлѣ поярокъ привезутъ ко мнѣ, надо будетъ самому его принять, безъ своей-то бытности какъ разъ обуютъ въ лапти. А вѣдь это на цѣлый на годъ. Самъ разсуди.

Замолчалъ Патапъ Максимычъ. Гости судятъ да рядятъ, какъ бы помочь Смолокурову, а онъ никому ни словечка.

Долго-ль, коротко ли гости межъ собой разговаривали, а Патапъ Максимычъ сидѣлъ, нахмурившись какъ осенній день, въ сторонѣ отъ другихъ у окошка, молчалъ онъ и, не слушая разговоровъ, свою думу думалъ.

«Жаль бѣднягу!.. Вживѣ, а не жилецъ. Растащутъ его добро. И будетъ все видѣть, а сдѣлать ничего не сможетъ. Вотъ мука-то!.. Дарья Сергѣвна чтѐ сдѣлаетъ? А такая бѣда вѣдь до всякаго можетъ дойти. И со мной можетъ случиться и со всякимъ другимъ — всѣ подъ Богомъ, всѣмъ надо помереть, избави только Господи отъ такой кончины... Страшно и подумать... Ни въ живыхъ ни въ мертвыхъ... Конечно, доведись до меня—у меня есть и друзья и пріятели. Хоть на зятя надежда и плоха, зато Иванъ Григорьичъ, Сергѣй Андреичъ, Михайла Васильичъ въ обиду домашнихъ не дадутъ, сохранятъ все, какъ слѣдуетъ. А у него хоть бы одна душа. Пріятелей, пожалуй, и много, да друга нѣтъ, а безъ друга человѣкъ все одно, чтѐ сирота. На пиръ, на бражку пріятелей чтѐ мухъ налетитъ, а при горѣ, при бѣдѣ одинъ другъ придетъ... Надо помочь Марку Данилычу. Друзьями мы съ нимъ никогда не бывали, а знакомство и хлѣбъ-соль водили. Ивану Григорьичу отлучиться нельзя, такъ самъ я поѣду. Груню прихвачу, пущай за Авдотьей Марковной ѣдетъ».

А межъ гостями разговоры про Марка Данилыча идутъ да идутъ. Всякъ бы радъ помочь, да кому недосужно, кому нездоровится, а кто мало знакомства имѣетъ со Смолокуровымъ.

— Груня, сряжайся, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Завтра утромъ со мной поѣдешь. Ребятишки съ отцомъ останутся, я буду при болящемъ, а ты съѣздишь за Авдотьей Марковной. Такъ дѣлу быть.

— Тебѣ-то чтò?—молвилъ удѣльный голова.—Тебѣ-то изъ-за чего безпокоиться?

— Изъ-за того, что онъ безпомощенъ! По-человѣческому, Михайла Васильичъ, надо такъ, — поднявъ голову и выпрямясь всѣмъ станомъ, сказалъ Патапъ Максимычъ.—А ежели мнѣ Господь такую же участь сготовилъ? Горько вѣдь будетъ, когда обросятъ меня и никто не придетъ ни съ добрымъ словомъ ни съ добрымъ дѣломъ!..

— Въ такомъ разѣ приказчика послалъ бы, а то ни съ того ни съ сего самому трястись... — сквозь зубы проговорилъ удѣльный голова.

— А развѣ онъ на свою долю не потащитъ чего-нибудь? — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Всѣ приказчики работаны на одну колодку — чтò мои, чтò твои, чтò Марка Данилыча. Не упустятъ случая, не безпокойся.

— Да у тебя и Аксинья Захаровна въ болѣзни, и дочь въ постели лежитъ. Какъ можно тебѣ домъ покинуть? — продолжалъ Михайла Васильичъ.

— Зять останется дома, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Настолько-то хватитъ у него умишка, чтобъ больныхъ сторожить. Опять же Марко Данилычъ не за морями — отсюда всегда можно вѣсточку дать. Да чтò переливать изъ пустого въ порожнее? Дѣло рѣшено, я такъ хочу, и больше говорить нечего. Сбирайся, Груня... А гдѣ повариха наша разлюбезная?.. Эй, сударыня Дарья Никитична, подавай-ка, голубушка, холодненькаго... А вы, гости дорогіе, чару выпивать, а друзей не забывать... Подь, Грунюшка, сряжайся—сборы твои бабьи, значитъ, не короткіе, не то, чтò у вашего брата — обулся, одѣлся, Богу помолился, да и въ кибитку.

Ни слова не сказала Аграфена Петровна, даже съ мужемъ словечкомъ не перекинулась. Тятенькинъ приказъ ей все одно, чтò царскій указъ. Молча пошла въ заднія горницы укладываться.

Принесла Дарья Никитична холодненькаго, разлила его по стаканчикамъ.

— Дай Богъ нашему дитяти на ножки стати, дѣдушку величати, отца съ матерью почитати, расти да умнѣть, ума-разума доспѣть. А вы, гости, пейте-попейте, бабушкѣ кладите по копейкѣ, было-бъ ей на чемъ съ крещенымъ младенчикомъ васъ поздравлять, словомъ веселымъ да сладкимъ пойломъ утѣшать.

Такъ проговорила Никитична старорусскую крестинную поговорку, а проговоривъ, низко поклонилась на четыре стороны.

А послѣ того стала вино разносить. Сначала поднесла молчавшему Василью Борисычу, потомъ дѣдушкѣ новорожденнаго, а затѣмъ гостямъ по ихъ старшинству. И опять на подносъ деньги ей клали, хоть и не столько, сколько за кашу. Опорожнили гости стаканчики, хозяину мало того.

— Наливай, еще наливай, старый вѣрный другъ, неизмѣнное ты копье мое, Дарья Никитична, — говорилъ Патапъ Максимычъ бабушкѣ-поварихѣ. — Наливай, хозяйскаго добра не жалѣючи — седни загуляю, завтра въ путь-дороженьку!.. Самоварчикъ бы теперь хорошо, да еще бы пуншика!.. Ступай, зятекъ — не по твоему разуму бесѣда здѣсь идетъ, подька лучше въ подклѣтъ да самоваръ раздуй — спасиба отъ тестя дождешься за то.

— Охъ, искушеніе! — тихонько молвилъ Василій Борисычъ и, склонивъ головушку, пошелъ медленными стопами творить тестеву волю.

Съ той поры, какъ Патапъ Максимычъ увѣрился, что отъ рогожскаго посла все одно чтò отъ козла — ни шерсти ни молока, Василій Борисычъ кромѣ насмѣшекъ ничего не слыхалъ отъ него. И пикнуть не смѣлъ передъ властнымъ тестемъ.

На другой день послѣ крестинъ не совсѣмъ еще обутрѣло и осенній туманъ бѣлой пеленой разстилался еще по полямъ, лугамъ и болотамъ, какъ Патапъ Максимычъ, напившись съ гостями чаю и закусивши разставленными Никитичной снѣдями, отправился въ путь. Въ то же время выѣхали изъ Осиповки удѣльный голова съ женой, Сергѣй Андреичъ Колышкинъ и другіе гости. Остались Иванъ Григорьичъ съ дѣтьми да Никитична. Проводя жену, Иванъ Григорьичъ сѣлъ въ боковушкѣ за счетныя книги, а въ переднихъ горницахъ остался одинъ Василій Борисычъ. И грустно ему было и досадно. Давно ли все старообрядство почитало его за велика человѣка, давно ли въ самыхъ богатыхъ московскихъ домахъ бывалъ онъ дорогимъ, желаннымъ гостемъ, давно-ль вездѣ, куда ни являлся, не знали, какъ ему угодить и какъ доставить все нужное въ его обиходной жизни, и вдругъ — сталъ посмѣшищемъ!.. Бывало, считали его однимъ изъ умнѣйшихъ людей, а теперь онъ — шутъ, скоморохъ. Бывало, слово вымолвить, и дивятся собесѣдники его знаніямъ и мудрости, и пойдетъ по людямъ сказанное слово, а съ нимъ и слава о немъ, какъ о надеждѣ древляго благочестія, а теперь — даже тестевы токари да красильщики надъ нимъ насмѣхаются. Попавъ въ среду трудовыхъ людей, красноглаголивый рогожскій витія почуялъ себя чуждымъ для нихъ и совсѣмъ лишнимъ человѣкомъ. И тоска обуяла его, такая тоска, что хоть руки

наложить на себя. Бѣжать, воротиться къ старымъ друзьямъ и поклонникамъ?.. Но запали пути въ среду прежнюю, тѣ люди, что̀ недавно на рукахъ его носили, клянуть теперь какъ отступника, какъ измѣнника. До воротъ никто не допускаетъ его... Прискорбна душа у Василья Борисыча. Одинъ-одинешенекъ бродитъ онъ по просторнымъ горницамъ, распѣваетъ вполголоса «Всемірную славу», да иной разъ, идя мимо стола, гдѣ еще стояли графинчики да бутылочки, съ горя да съ печали пропуститъ красовулю *).

Гости Патапа Максимыча одинъ за другимъ по сторонамъ разъѣхались. Одинъ Колышкинъ доѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ до губернскаго города. Тамъ у него и присталъ Патапъ Максимычъ съ Груней, тамъ и дожидался утра, когда шедшій вверхъ по Окѣ пароходъ долженъ былъ отваливать.

Жена Колышкина была дома. Только-что воротилась она отъ вятскихъ сродниковъ, гдѣ часто и подолгу гащивала. Впервые еще увидѣлась съ ней Аграфена Петровна. Не больше получаса поговорили онѣ и стали старыми знакомыми, давнишними подругами... Хорошіе люди скоро сходятся, а у нихъ у обѣихъ — у Мараы Михайловны и Аграфены Петровны— однѣ заботы, одни попеченья: мужа успокоить, дѣтокъ разуму научить, хозяйствомъ управить, да бѣдному по силѣ помощь подать.

— Погляжу я на Патапа Максимыча, — сказала Мароа Михайловна. — И веселъ онъ, кажется, и разговорчивъ, а у него что-то на душѣ лежитъ. Горе-ль его крушитъ, али забота сушитъ?..

— Горя не видится, а заботы много! — отвѣтила Аграфена Петровна. — Вотъ теперь къ Марку Данилычу ѣдемъ. При смерти лежитъ, надобно дѣламъ порядокъ дать, а тятенька его дѣлъ не знаетъ. Вотъ и заботно.

— Давеча онъ говорилъ объ этомъ и про то говорилъ, что вамъ куда-то далеко надо за дочкой Смолокурова съѣздить,— молвила Мароа Михайловна. — Что-жъ, эти Смолокуровы сродники будутъ вамъ?

— Нѣтъ, — отвѣтила Аграфена Петровна: — ни родства ни свойства, да и знакомы не очень коротко. Да вѣдь при больномъ нѣтъ никого присмотрѣть за дѣлами. Потому тятенька и поѣхалъ.

— Какой онъ добрый, какой славный человѣкъ! — воскликнула Мароа Михайловна. — Вотъ и намъ сколько добра сдѣ-

---

*) *Красовуля* — монастырская чаша, стопа, большая кружка.

лалъ онъ, когда Сергѣй Андреичъ пустился-было въ казенные подряды; изъ бѣды насъ вызволилъ *). Тогда еще вновѣ была я здѣсь, только-что пріѣхала изъ Сибири, хорошенько и не понимала, какое добро онъ намъ дѣлаетъ... А теперь каждый день Бога молю за него. Безъ него идти бы намъ съ дѣтками по міру. Добрый онъ человѣкъ.

— Да, — примолвила Аграфена Петровна. — Вотъ хоть и меня къ примѣру взять. По десятому годочку осталась я послѣ батюшки съ матушкой. Оба въ одинъ день отъ холеры въ больницѣ померли, и осталась я въ незнакомомъ городу одна-одинешенька. Сижу да плачу у больничныхъ воротъ. Подходитъ тятенька Патапъ Максимычъ. Взялъ меня, вспоилъ, вскормилъ, воспиталъ наравнѣ съ родными дочерьми, и мало того, что сохранилъ родительское мое имѣнье, а выдавши замужъ меня, такое же приданое пожаловалъ, какое и дочерямъ было сготовлено.

И засверкали слезы на рѣсницахъ Аграфены Петровны. Эти слезы и простой, безхитростный разсказъ про «добраго человѣка» растрогали Марѳу Михайловну. Не знала еще она, что̀ сдѣлалъ Патапъ Максимычъ для богоданной дочки своей. — «Хорошо на Твоемъ свѣтѣ, Господи,» — подумала Марѳа Михайловна: — ежели есть еще такіе люди на немъ».

Вечеромъ долго сидѣли за чайнымъ столомъ. Шли разговоры веселые, велась бесѣда шутливая, задушевная. Зашла рѣчь про скиты, и Патапъ Максимычъ на свой конекъ попалъ — ни конца ни краю не было его затѣйнымъ разсказамъ про матерей, про бѣлицъ, про «лѣшихъ пустынниковъ», про бродячихъ и сидячихъ старцевъ **) и про ихъ похожденья съ бабами да съ дѣвками. До упаду хохоталъ Сергѣй Андреичъ, слушая розсказни крестнаго; молчала Аграфена Петровна, а Марѳа Михайловна сказала дѣтямъ:

— Прощайтесь-ка, дѣтушки, ложитесь спать. Пора.

Старшіе, почти ужъ подростки, вздумали маленько поспорить, говорили, что рано еще и спать имъ не хочется, но Марѳа Михайловна, съ доброй, кроткой улыбкой любящей матери, строго посмотрѣла на нихъ и молча пальцемъ погрозила. Съ грустнымъ видомъ дѣти стали прощаться. А больно хотѣлось имъ еще послушать смѣшныхъ розсказней Патапа Максимыча.

---

*) *Вызволить* — выручить, освободить. Слово сибирское.

**) «*Лѣшими пустынниками*» зовутъ бѣглецовъ, живущихъ по заволжскимъ, вятскимъ и пермскимъ лѣсамъ, подъ видомъ исканія отшельнической жизни и съ цѣлью душевнаго спасенія.

— Этого слушать имъ еще не годится, — скромно улыбаясь, молвила Мароа Михайловна по уходѣ дѣтей. — Теперь говорите, Патапъ Максимычъ, изъ дѣтей мы вышли, а я съ Аграфеной Петровной не красныя дѣвушки, ушки золотцемъ у насъ не завѣшаны, обѣ были на Божьемъ судѣ *). А все-таки вы ужъ не очень...

— Вотъ тѣ и на! Вотъ и попалъ ершъ въ вершу... А мнѣ, признаться, и невдомекъ, — воскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Ну, не взыщите на старикѣ, матушка Мароа Михайловна. Ни впередъ ни послѣ не буду. А что поначалили меня, за то вамъ великій поклонъ.

И поклонился ей въ поясъ.

— Полноте, Патапъ Максимычъ. Я вѣдь это только для дѣточекъ, — сказала Мароа Михайловна. — Молодцы еще соблазновъ пока, слава Богу, не разумѣютъ. Зачѣмъ прежде поры-времени имъ знать про эти дѣла?.. Пускай подольше въ ангельской чистотѣ остаются. По времени узнаютъ все и всего натерпятся. А память о добромъ дѣтствѣ и на старости лѣтъ иной разъ спасетъ отъ худого.

— Вѣрно ваше слово, Мароа Михайловна, — сказалъ Патапъ Максимычъ и, обратясь къ Сергѣю Андреичу, примолвилъ: — ну ихъ къ бѣсамъ старцевъ-шатуновъ да скитскихъ матерей. Зачни про нихъ говорить, какъ разъ на грѣхъ наскочишь. Ей-Богу!

— Какъ же это, крестный, ты говоришь объ нихъ такъ непочтительно и всегда готовъ надъ ними надругаться, а самъ держишься ихней вѣры?.. — спросилъ его Сергѣй Андреичъ.

— Человѣкъ въ чемъ родился, въ томъ и помри, — сказалъ на то Патапъ Максимычъ.—Вѣру перемѣнить—не рубаху смѣнить. А ежели до Бога, такъ я такихъ мыслей держусь, что, по какой вѣрѣ Ему ни молись, услышитъ Онъ созданье рукъ Своихъ. На что жиды — плутъ на плутѣ, мошенникъ на мошенникѣ, и тѣхъ Господь небесной манной кормилъ. Безъ конца Онъ милосердъ.

— А ежели держишься ты того, въ чемъ родился, такъ зачѣмъ же издѣваешься надъ своимъ духовнымъ чиномъ? — спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Для того, что набитые дураки всѣ они, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Ежели правду сказать, умнаго межъ ними и не бывало. Да къ тому — каждый изъ вора кроенъ, изъ плута шитъ, мошенникомъ подбитъ; въ руки имъ не попа-

---

*) *Принять законъ, идти на судъ Божій* — вѣнчаться.

дайся, оплетутъ какъ пить дадутъ, обмишулятъ, ошукаютъ *). Теплые ребята, надо правду говорить.

— Коли плуты, такъ не дураки, — замѣтилъ Сергѣй Андреичъ. — Плутовъ-дураковъ не бываетъ.

— Этого не скажу, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Немало есть на свѣтѣ людей, что плутовства и обманства въ нихъ цѣлыя горы, а ума и съ наперстокъ нѣтъ. Такихъ много... Изъ самыхъ даже первостатейныхъ да изъ знатныхъ бываютъ. У иного, пожалуй, ума-отъ и есть, да не втолканъ весь. Вотъ что̀, дружище!

— Значитъ, и изъ вашихъ духовныхъ сколько-нибудь умныхъ наберется же? — молвилъ Сергѣй Андреичъ.

— Мало, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Возьми хоть моего зятька. Гремѣлъ, по разуму первымъ человѣкомъ считался. А раскуси — дуракъ дуракомъ. Что на уставахъ-то собаку съѣлъ, такъ что-жъ тутъ добраго да полезнаго? Пустошь, болѣ ничего. «Пролога» да «Кормчія», «Златоусты» да «Маргариты», а лошади не умѣетъ запречь, рожь отъ овса не отличитъ. А на дѣло его и не спрашивай. Дармоѣдъ, тунеядецъ, больше ничего. И всѣ они такіе. Сестрицу мою возьми Манеѳу — славятъ умницей, а я не возьму грѣха на душу, этого не скажу, потому что знаю ее вдоль и поперекъ. Ловка, хитра—это такъ, хозяйка домовитая—и это такъ, а чтобъ ума палата у ней была—это, братъ, шалишь-мамонишь! Лукава, и лукавство ея за умъ почитаютъ. А что лукава, такъ лукава; однѣ уста и теплецомъ и холодкомъ дышатъ, глаза заразъ смѣются и плачутъ. Подъѣхать подъ кого, масляным блиномъ кому въ ротъ залѣзть, угодить угодному и неугодному — на это ее взять, тутъ она великая мастерица. Такъ развѣ это умъ? Что «Минеи»-то наизусть знаетъ отъ доски до доски, такъ и это не умъ. Умъ, Сергѣй Андреичъ, въ томъ, чтобы жить по добру да по совѣсти и къ тому-жъ для людей съ пользой. А онѣ что̀? Богу, что ли, въ самомъ дѣлѣ служатъ? Какъ не такъ! Служба-то у нихъ — работа прибытка ради, доходное ремесло, больше ничего. Какъ бондарь долбиломъ — такъ попы да матери кадиломъ деньги себѣ добываютъ. Всякъ изъ нихъ спасается, да больно кусается — попадись только въ лапы. Вериги на плечахъ, а чортъ на шеѣ... Ну ихъ къ шуту!.. И говорить не хочу... Не люблю поскудныхъ!..

— А скажи ты мнѣ, крестный, по совѣсти: какъ ты нашу

---

*) *Обмишулить* — обмануть, обсчитать, *ошукать* — обманомъ кого провести.

вѣру разумѣешь? Какъ разсуждаешь объ ней, ежель ужъ такъ про свою говоришь? — погодя немного спросилъ у Чапурина Сергѣй Андреичъ.

— Про великороссійскую то-есть? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Да, про нашу про великороссійскую, — сказалъ Колышкинъ, пристально глядя ему въ глаза.

— По правдѣ сказать тебѣ, по совѣсти?—понизивъ голосъ, началъ-было говорить Патапъ Максимычъ, но тотчасъ же смолкъ и немного призадумался. Потомъ, съ минуту помолчавъ, такъ продолжалъ: — видишь ли, Сергѣй Андреичъ, хоша я не богословъ и во святомъ писаніи большой силы не имѣю, однакожъ такъ думаю, что вѣра Христова и у насъ и у васъ — одна. Обѣ чисты, обѣ непорочны и обѣ спасительны. И намъ грѣхъ наносить хулу на великороссійскую, и вамъ не спасенье нашу хулить. А признаться: сдается мнѣ, что ваша-то маленько поправеднѣй будетъ. Это такъ. Чтò наши попы да скитницы ни толкуй, а я вѣрно говорю. Да и разница-то у насъ вѣдь только въ обрядѣ. Такъ аль нѣтъ?

— Конечно, все несогласье въ обрядѣ, — сказалъ Сергѣй Андреичъ. — А какъ по-твоему, обрядъ-отъ гдѣ правильнѣе?

— Обрядъ-отъ? Да вѣдь обрядъ не вѣра. Чтò человѣку одежда, то вѣрѣ обрядъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Кто къ какому обряду сызмальства обыкъ, того и держись. Такъ по моему разсужденью выходитъ.

Мало погодя продолжалъ онъ:

— По душѣ сказалъ я тебѣ, Сергѣй Андреичъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ, что великороссійская праведнѣй нашей. — Церковь, слышь, говорю, а не вѣра; вѣра у насъ одна. Много и у васъ по церковному дѣлу слабостей, не меньше ихъ и у насъ. У васъ люди слабоваты, а у насъ покрѣпче. Про господъ поминать не стану, а по купечеству возьми, даже изъ нашего брата иныхъ — изъ крестьянъ, кои побогаче... Ежели слѣдуетъ онъ великороссійской, постъ ли нарушить, Богу-ль не помолиться, возставъ отъ сна или на сонъ грядущимъ, въ праздникъ ли у службы не побывать — ему ни почемъ. А у насъ не такъ; есть, пожалуй, и въ нашемъ согласѣ, чтò въ среду молока не хлебнутъ, а молочницу и въ Велику пятницу не пропустятъ, а все-таки насчетъ устава крѣпки и они. Поповъ взять: вашихъ не любятъ за то, что больно ужъ жадны и притязательны; за нашими этого поменьше, потому что содержаніе отъ обчества имъ большое, зато съ перваго до послѣдняго попы у насъ горькіе пьяницы. Ваши попы бракъ честно содержать, про безобразія ихъ по

этой части вовсе почти не слышно, а нашимъ безъ сударушекъ ровно и жить невозможно. Теперь вотъ у насъ архіереи завелись, и съ первыхъ же годовъ пошла вражда между ними. Анаѳемами, отлученьями да изверженьями другъ на друга такъ и сыплютъ; у васъ архіереи тоже не съ неба сошли, такіе же человѣки, а этого не бываетъ. А отчего? Ну-ка, скажи, отчего?

— Оттого, — отвѣчалъ Сергѣй Андреичъ: — что ваши архіереи люди неученые, а у насъ неученаго не то что въ архіереи, и въ попы не поставятъ.

— Не такъ, — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Въ томъ сила, что у васъ надо всѣми духовными есть законная власть. У васъ ежели чуть кто зашумаркалъ—въ Соловки, либо въ Суздаль, а нашихъ кто и въ кое мѣсто сошлетъ? Безначаліе — вотъ гдѣ бѣда. До чего ни доведись, до духовнаго-ль, до мірского-ль, изъ безначалья да своевольства толку не будетъ никогда. Поставили бы надъ нами крѣпкую власть, и у насъ бы все пошло по-хорошему. Одного только — законной власти намъ желательно. Безъ нея все стало ни на что не похоже: другъ дружку проклинаютъ, предаютъ анаѳемѣ, и каждый въ свою дуду дуетъ... На секты пошли оттого дѣлиться, на толки да на согласы, и не стало въ старообрядствѣ ни любви ни единенья... Всякъ умствуетъ по-своему, и до какой чепухи ни дойдетъ, все-таки отыщетъ учениковъ себѣ, да такихъ, что̀ на костеръ либо на плаху пойдутъ за бредни своего учителя... И вотъ расползлись теперь старообрядцы, что̀ слѣпые котята отъ матери, во всѣ стороны. До того дошло, что въ иной избѣ по двѣ да по три вѣры — отецъ одной, мать другой, дѣти третьей—у каждаго иконы свои, у каждаго своя посуда — ни въ пищѣ ни въ молитвѣ не сообщаются, а ежель про вѣру разговорятся, тотчасъ проклинать другъ дружку. А все оттого, что власти нѣтъ.

— Да какой же вамъ власти? Двери въ церковь, гдѣ эта власть есть, открыты, — сказалъ Сергѣй Андреичъ. — А ежель есть сомнѣнье насчетъ обряда, въ единовѣріе ступай, тамъ вашъ обрядъ твердо соблюдается.

Не отвѣтилъ на это ничего Патапъ Максимычъ, и послѣ того разговоръ не ладился больше. Какъ ни старался Колышкинъ своротить бесѣду на другое, Чапуринъ отвѣтилъ двумя-тремя словами да потомъ и смолкъ. Ужинать подали — и за ужиномъ все время молчалъ.

На другой день рано поутру уѣхалъ онъ отъ Колышкина, торопясь, не опоздать бы на пароходъ.

Безгласенъ и недвижимъ лежалъ Марко Данилычъ, когда, разувшись, чтобъ не стучать сапогами, осторожно вошелъ въ его спальню Патапъ Максимычъ. Узналъ его больной, чуть-чуть протянулъ здоровую руку, что-то сказать хотѣлъ, но изъ устъ его исходило только дикое, безсмысленное мычанье. Взялъ его Патапъ Максимычъ за руку, и показалось ему, что она маленько вздрогнула и больной чуть замѣтно пожалъ его руку. Устремленный на пріятеля здоровый глазъ сверкалъ радостью, и слезы сочились изъ него. Здоровой рукой и взглядомъ указалъ Смолокуровъ Патапу Максимычу на стоявшій возлѣ желѣзный сундукъ и послѣ того себѣ подъ подушку. Догадался Чапуринъ, что тамъ ключи у него спрятаны.

— Одинъ я не вскрою, — громко сказалъ Патапъ Максимычъ. — Другое дѣло, когда будетъ налицо Авдотья Марковна... И тогда надо будетъ вскрыть при стороннихъ, а еще бы лучше при комъ изъ начальства, навѣтовъ бы послѣ не было.

Больной выказалъ недовольство рѣшеньемъ Патапа Максимыча, но тотъ продолжалъ:

— Самъ не хуже меня знаешь, Марко Данилычъ, каковы нонѣ люди. Конечно, Авдотья Марковна не скажетъ ни слова, а не сыщется развѣ людей, что̀ зачнутъ сорочить, будто мы вотъ хоть бы съ Дарьей Сергѣвной милліоны у тебя выкрали?.. Нѣтъ, безъ стороннихъ вскрывать нельзя. Подождемъ Авдотью Марковну. Груня сегодня же поѣдетъ за ней.

— Нельзя мнѣ ждать, Патапъ Максимычъ, — тихо промолвила Дарья Сергѣвна. — Рабочіе расчетовъ требуютъ, а у меня всего-на-все тридцать рублей. Какъ можно дожидаться Дунюшку?.. И то работники бунтъ подняли, спасибо еще городничему — присмирилъ ихъ.

— Не говорите, — шепнулъ ей Патапъ Максимычъ. — Онъ все слышитъ и понимаетъ.

— Да какъ же безъ денегъ-то, Патапъ Максимычъ? Вѣдь у меня послѣзавтра въ дому копейки не останется, — на каждомъ словѣ всхлипывая, чуть слышно промолвила Дарья Сергѣвна.

— Не безпокойтесь, — сказалъ Чапуринъ. — Деньги будутъ. Не къ тому я сундукъ поминалъ, чтобъ деньги вынимать, а надо бы знать, кому сколько платить, съ кого получить и въ какіе сроки... Да мало-ль какихъ дѣловъ тамъ найдется — а нужно, чтобы все было на описи.

Марко Данилычъ видимо былъ тронутъ нежданнымъ пріѣздомъ Патапа Максимыча. Много и сильно чувствовалъ онъ, но ни мыслей ни чувствъ передать не могъ. Одинъ лишь слезящійся глазъ говорилъ, что больной все понимаетъ.

Выйдя изъ спальни, Патапъ Максимычъ съ Груней и съ Дарьей Сергѣвной сѣлъ въ той же горницѣ, гдѣ въ обычное время хозяева чай пили и обѣдали. Оттуда Марку Данилычу не слышно было ихъ разговоровъ.

Столъ былъ уставленъ кушаньями, большей частью рыбными, стояли на немъ и бутылки съ винами и съ той самой вишневкой, что̀ посылалъ Марко Данилычъ хивинскому царю для выручки брата изъ плѣна.

— Какъ это вы вздумали посѣтить насъ при такихъ нашихъ горестяхъ? — говорила Дарья Сергѣвна, съ любовью и благодарностью глядя на гостя.

А онъ въ первый разъ еще былъ въ домѣ у Марка Данилыча, да и Марко Данилычъ ни въ Осиповкѣ ни въ Красной-Рамени у Чапурина не бывалъ никогда. Были въ знакомствѣ, но такихъ знакомствъ у Патапа Максимыча многое множество. Хлѣбъ-соль межъ собой водили, но всегда гдѣ-нибудь на сторонѣ.

— Въ гости пріѣхалъ, — съ улыбкой промолвилъ Чапуринъ. — Груня у меня была, когда получила ваше письмо. Крестины мы справляли, внучка Господь мнѣ даровалъ. Вы Ивана Григорьича звали, а ему никакъ невозможно. Замѣсто его я и поѣхалъ. Выхожу — гость незваный, авось не буду хуже татарина.

— Благодѣтель вы нашъ, — отвѣчала плачущая и взволнованная Дарья Сергѣвна. — Нежданный-этъ гость лучше жданныхъ двухъ, а вы къ намъ не гостить, а съ Божьей милостью пріѣхали. Мы до васъ было-думали, что Маркъ-отъ Данилычъ ничего не понимаетъ, а только вы подошли, и за руку-то васъ взялъ, и радостно посмотрѣлъ на васъ, и слёзыньки покатились у него. Понимаетъ, значитъ, сердечный, разумъ-отъ, значитъ, при немъ остался. Челомъ до земли за ваше неоставленье!

И, вставъ со стула, низко поклонилась Патапу Максимычу.

— Перестаньте, — сказалъ тотъ, поднимая Дарью Сергѣвну. — Что̀ это вы? Я по-человѣческому — со всякимъ то же можетъ случиться. Со мной бы случилось, развѣ Марко Данилычъ не пріѣхалъ бы ко мнѣ?.. Сказано: «другъ друга тяготы носите и тѣмъ исполните законъ Христовъ».

Замолкла Дарья Сергѣвна, а сама про себя подумала: «заболѣй-ка Патапъ ли Максимычъ, другой ли кто, Маркъ-отъ Данилычъ пальцемъ не двинулъ бы».

— Покушайте, угощайтесь, чѣмъ Богъ послалъ, — потчевала гостей Дарья Сергѣвна. — Осетринки-то скушайте — хорошая, на выборъ для дому на Низу на ватагахъ выбирали.

Вотъ и хрѣнокъ, вотъ и уксусъ, и огурчики грядные—рѣдки теперь уже становятся: у насъ солили къ Успенью, всѣ обрали почти. А водочки-то, гость дорогой?.. Искушайте, сдѣлайте такую вашу милость. Аль винца не желаете ли? А которымъ прежде, которымъ послѣ надо потчевать, ужъ я и не знаю. Былъ бы въ добромъ здоровьѣ Марко Данилычъ, сумѣлъ бы гостя угостить, а на мнѣ, Патапъ Максимычъ, не взыщите — не мастерица я вина-то различать. А вотъ это наши русскія, не заморскія наливки, значитъ. Откушайте-ка... Сама дѣлаю; вотъ сливяночка, вотъ рябиновая, а вотъ и малиновая. Вишневочки не угодно ли? Всѣ похваляютъ, четвертый годъ на новы ягоды наливаю, а косточки въ ступѣ толку да тоже въ бутыли кладу. У васъ при домѣ вишенки-то есть ли?

— Какія у насъ, матушка, вишни? Опричь рябины, малины да черники съ гоноболемъ и въ заводѣ нѣтъ ничего,— отвѣчалъ Патапъ Максимычъ, принимаясь за звено жирной, сочной осетрины.

— Да, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, — молвила Дарья Сергѣвна.— Когда я въ вашей сторонѣ жила, здѣшнихъ ягодъ и не видывала — ни вишенъ у васъ въ лѣсахъ, ни клубники, ни шпанской малины; какая ягода крыжовникъ, и той даже нѣтъ! Брусника да клюква, черника да земляника, и все тутъ. Такова ужъ, видно, у васъ земля.

— Земля холодная, неродимая, къ тому-жъ все лѣто туманы стоятъ да холодныя росы падаютъ. На что яблоки, и тѣ не родятся. Не разъ пытался я того, другого развести, денегъ не жалѣлъ, а не добился ни до чего. Вотъ ваши мѣста такъ истинно благодать Господня. Чего только нѣтъ? Ѣхалъ я сюда на пароходѣ, глядѣлъ на ваши береговыя горы: все-то вишенье, все-то яблони да разные ягодные кусты. А у насъ весь свой вѣкъ просиди въ лѣсахъ, да, не побывай на Горахъ, ни за что не поймешь, какова на землѣ Божья благодать бываетъ.

— Ушки-то покушайте, — потчевала Дарья Сергѣвна. — Стерлядки свѣженькія, сейчасъ изъ прорѣзи браты, рыбки мѣрныя *). Печенокъ-то налимьихъ извольте взять на тарелочку... Грунюшка, а ты что̀ же сложа руки сидишь. Покушай ушки-то, матушка — дай-ка я тебѣ сама положу... Седни вѣдь середа — рыбнымъ потчую дорогихъ гостей, а завтра доспѣемъ и гусятинки и поросятинки, уточекъ домашнихъ, ежель въ угоду, и барашка можно зарѣзать али курочку. Не то буженинки изъ свинины скушать не пожелаете-ль?

*) *Прорѣзь* — живорыбный садокъ на Волгѣ и на низовьяхъ Оки. *Мѣрная* стерлядь — отъ глаза до пера аршинъ и больше.

— Благодарю покорно, матушка, — премного довольны остаемся на вашемъ угощеньи. Много объ насъ не хлопочите. что на столѣ, тому и рады, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Лучше теперь про дѣла потолкуемъ. Помянули вы, что работники расчета требуютъ. Нешто лѣтнія работы всѣ кончены?..

— Ничего, благодѣтель, не знаю, никогда до этого не доходила, — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Гдѣ бы, кажись, кончить?.. Въ прежни годы къ Покрову да на Казанскую работниковъ отпускали, а теперь еще и Вздвиженье не пришло, и хлѣбъ съ поля на гумна еще не двинулся. Поговорите съ приказчикомъ, съ Васильемъ Ѳаддеевымъ, онъ долженъ знать. Сегодня же велю ему побывать къ вамъ.

— Ладно, потолкуемъ съ Васильемъ Ѳаддеевымъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — а работникамъ, напередъ говорю вамъ, не дамъ своевольничать. На этотъ счетъ у меня ухо держи востро, терпѣть не могу потачекъ да поблажекъ. Будьте, матушка, спокойны, вздорить у меня не станутъ, управлюсь. Поговоря съ приказчикомъ, деньги кому слѣдуемъ отдамъ, а ежели кто забунтуетъ—усмирю. Въ городу-то у васъ начальство тоже вѣдь, чай, есть?

— Есть-то оно есть, благодѣтель, какъ начальству не быть?— сказала Дарья Сергѣвна. — Только начальные-то люди потаковщики да поноровщики. Нѣтъ чтобы дѣлать дѣла по справедливости. Много съ ними бился Марко Данилычъ.

— Можетъ, ладить не умѣлъ, — молвилъ, улыбаясь, Патапъ Максимычъ. — Матушка!.. Вѣдь у начальства-то четыре полы да восемь кармановъ, а каждый карманъ на свою долю проситъ. А карманъ у полиціи что поповское брюхо — сколько въ него ни клади, полно не будетъ. Въ полиціи нельзя не давать, безъ поджоги и дрова не горятъ. Нуженъ тебѣ подьячій — сунь ему калачъ горячій, нуженъ судья — вина сулея, да не простого, а заморскаго, что не хмельно да разымчато. Понадобился самъ воевода, гляди ему въ оба да съ задняго крыльца тащи хоть мертвеца, лишь бы золотцемъ былъ посыпанъ. Въ такомъ разѣ и благо ти будетъ, и какое у тебя хотѣнье, такое выйдетъ и рѣшенье. Не свои рѣчи говорю, дошли онѣ до насъ отъ дѣдовъ отъ прадѣдовъ... А какъ при нихъ бывало, такъ, видно, и до насъ дошло. Только въ томъ и разница, что теперь берутъ поискуснѣе — не подточишь иголочки. Зато много дороже. Къ тому говорю, что надо будетъ подмаслить кого нужно... Что дѣлать-то? Не нами началось, не нами и кончится.

— А ежель не явитъ начальство помощи, тогда что дѣлать? — пригорюнившись, молвила Дарья Сергѣвна.

— Были бы денежки святыя, грѣшная помощь будетъ. Не безпокойте, не тревожьте себя. Протремъ начальству очи золотцемъ — все будетъ какъ слѣдуетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Денегъ-то такихъ нѣтъ, благодѣтель, при мнѣ, — начала-было Дарья Сергѣвна.

— И не надо, — перебилъ ее Патапъ Максимычъ. — Безъ нихъ управимся. А вотъ покамѣстъ до пріѣзда Авдотьи Марковны извольте-ка получить отъ меня на домашнее хозяйство, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Да денегъ-то не жалѣйте, чтобы все шло попрежнему. А приказчику сейчасъ же велите придти ко мнѣ. Да лошадокъ готовили бы, Грунѣ ѣхать пора. Изготовьте, что̀ нужно на дорогу Авдотьѣ Марковнѣ.

— А сундукъ-отъ какъ же? — спросила Дарья Сергѣвна.— Марко Данилычъ самъ подъ подушку вамъ указывалъ — ровно бы говорилъ, чтобы вскрыли...

— Покамѣстъ не пріѣхала Авдотья Марковна, сундука никому тронуть не дамъ, — рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Патапъ Максимычъ. — Пошлите же поскорѣй приказчика.

Дарья Сергѣвна пошла изъ комнаты.

Послѣ того чрезъ четверть часа Патапъ Максимычъ съ глазу на глазъ бесѣдовалъ съ Васильемъ Ѳаддеевымъ.

Съ того часу, какъ пріѣхалъ Чапуринъ, въ безначальномъ до того домѣ Марка Данилыча все само собой въ порядокъ пришло. По прядильнямъ и на пристани пошелъ слухъ, что заправлять дѣлами пріѣхалъ не то сродникъ, не то пріятель хозяина, что денегъ у него куры не клюютъ, а своевольничать не дастъ никому и подумать. И все присмирѣло, каждый за своимъ дѣломъ, а дѣло въ рукахъ такъ и горитъ. Еще никто въ глаза не видалъ Патапа Максимыча, а властная его рука уже чуялась.

— Что̀ за начальство такое у насъ проявилось? — заговорили-было самые задорные изъ пильщиковъ. — Генералъ, что ли, онъ какой, аль архіерей? Всякихъ видали... Ежели артель положитъ не уважать его, въ жизнь никто не уважитъ.

— Экій ты пырткій, Маркелъ Аверьянычъ! — сказалъ молодому пильщику, парню лѣтъ двадцати пяти, пожилой, бывалый работникъ Абросимъ Степановъ. Не разъ онъ за Волгой въ лѣсахъ работалъ и про Чапурина много слыхалъ. — Поглядѣть на тебя, Маркелушка, — продолжалъ Абросимъ: — орелъ, какъ есть орелъ, а ума что̀ у тетерева. Борода стала велика, а смыслу въ тебѣ не хватитъ на лыко.

Услыхавъ потѣшныя рѣчи Абросима, артель со смѣху покатилась. Маркелъ замолчалъ и, какъ волкъ въ засадѣ, со

злобы да съ досады только зубами постукивалъ. Величался онъ въ артели своимъ высокоуміемъ, но смѣхъ и не таковскихъ въ лоскъ уложитъ.

— Много слыхалъ я про Чапурина, — обращаясь къ артели, продолжалъ Абросимъ Степановъ. — Опричь хорошаго слова, ничего про него нельзя сказать. Не одна тысяча людей отъ него кормится — кто на токарняхъ, кто въ красильняхъ, кто въ Красной-Рамени на мельницѣ, кто на Низу — тамъ у него возлѣ Иргиза большое хлѣбопашество. Спуску не дастъ никому, у него всяко лыко въ строку, у него гляди въ оба да оглядывайся, не то сейчасъ расправа, а иной разъ и своей пятерней за провинность раздѣлается. Горячій человѣкъ. Нашего, пожалуй, будетъ горячѣе. Только отъ него не то чтобъ сойти не додѣлавши, аль сдѣлать что̀ супротивное либо наперекоръ ему сказать; нѣтъ, этого никогда не бываетъ... Ежели кого онъ прогналъ, тотъ себѣ мѣста нигдѣ не найдетъ и по времени къ нему же придетъ плакаться, взялъ бы опять въ работники... Сила большая!.. Съ губернаторомъ водитъ знакомство, а мелкое начальство ему ни почемъ... Одно слово — человѣкъ властный... Что̀ ни скажетъ, все по-его будетъ. А самъ на правдѣ стоитъ, сроду никого не обидѣлъ, а добра дѣлаетъ много. Ни обчстовъ ни обмѣровъ у него и не слыхано, обманства и въ помышленьи ни у кого не бываетъ, все идетъ по правдѣ да по Божьей истинѣ.

Долго еще разсказывалъ Абросимъ Степановъ про заволжскаго тысячника, и по однимъ его словамъ артель возлюбила Патапа Максимыча и стала уважать его и побаиваться. «Вотъ какъ бы явилъ онъ милость да протурилъ бы Ваську Ѳаддеева съ Корнюшкой Прожженымъ, можно бы тогда было и Богу за него помолиться и винца про его здоровье испить», — говорили обѣ артели — и прядильная и лѣсная.

Пришелъ къ Патапу Максимычу Василій Ѳаддеевъ, шопотомъ читая псаломъ Давида на умягченіе злыхъ сердецъ. Сдавалось ему, что пріѣзжій тысячникъ либо знаетъ, либо скоро узна̀етъ про всѣ плутни и каверзы. Не поплатиться бы спиной тогда, не угодить бы на казенную квартиру за рѣшетку. Вытянувъ гусиную шею, робко вошелъ онъ въ горницу и, понуривъ голову, сталъ у притолки.

— Ты будешь Василій Ѳаддеичъ? — ласково спросилъ у него Патапъ Максимычъ.

— Такъ точно-съ, — съ покорнымъ видомъ отвѣчалъ Ѳаддеевъ, а самъ диву дался, отчего это Чапуринъ не кричитъ на него, не ругается. — «Должно-быть, еще ничего ему неизвѣстно», — думаетъ онъ самъ про себя.

— Садись, Василій Ѳаддеичъ, — указывая возлѣ себя на стулъ, еще ласковѣе сказалъ ему Патапъ Максимычъ. — Вотъ сюда садись, къ столу-то.

— Можемъ и постоять, — отвѣчалъ смущенный непривычнымъ для него обхожденьемъ Ѳаддеевъ. Сколько годовъ живетъ онъ у Марка Данилыча, а тотъ ни разу его не саживалъ.

— Садись же, сдѣлай милость, Василій Ѳаддеичъ, — настаивалъ Патапъ Максимычъ: — а то вѣдь придется и мнѣ на ногахъ передъ тобой стоять, а я съ дороги-то пріусталъ, старые ходуны *) спокоя просятъ.

И тутъ не согласился сѣсть Василій Ѳаддеевъ и не сѣлъ бы, если бы Чапуринъ не взялъ его за плечи и насильно не усадилъ. Присѣлъ на краешкѣ стула Ѳаддеевъ, согнулся въ три погибели, вытянулъ шею, а самъ не смигаючи раболѣпно глядитъ на Чапурина.

— Ты здѣсь главнымъ приказчикомъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

Заморгалъ глазами, ровно взглянулъ на солнышко Ѳаддеевъ. Вытянулъ шею длиннѣй прежняго, робко и тихо отвѣтилъ онъ:

— Не то чтобы главный, а имѣлъ иной разъ хозяйскія порученности по заведеніямъ и по дому, иной годъ и на рыбныхъ караванахъ бывалъ.

— А книги кто велъ и счета сводилъ? — спросилъ Чапуринъ.

— Марко Данилычъ этимъ сами распоряжаются, намъ не довѣряютъ, — заикаясь, медленно проговорилъ Ѳаддеевъ. — Ни книгъ ни счетовъ до меня никогда не доходило.

— Да вѣдь онъ бывалъ въ долгихъ отлучкахъ. Кто-жъ безъ него распоряжался?.. — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Дарья Сергѣвна, — чуть слышно промолвилъ Ѳаддеевъ.

— То-есть чѣмъ она распоряжалась? Насчетъ питья да ѣды да насчетъ другого домашняго хозяйства?

— Такъ точно-съ, — еще тише прошепталъ Василій Ѳаддеевъ.

— А расчеты съ рабочими кто велъ? Деньги въ артель на припасы кто выдавалъ? Кто съ почты деньги получалъ аль съ покупателей? — продолжалъ разспросы Патапъ Максимычъ.

Василій Ѳаддеевъ молчалъ.

— Не Дарья же Сергѣвна, не Авдотья же Марковна. Я самъ не одинъ разъ слыхалъ отъ Марка Данилыча, что обѣ онѣ въ эти дѣла у него не входятъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Кто-нибудь распоряжался же, у кого-нибудь были же деньги на рукахъ?

---

*) *Ходуны* — ноги.

— У разныхъ бывали-съ. Чаще всего у Корнея Евстигнеича, — на каждомъ словѣ запинаясь, чуть слышно проговорилъ Ѳаддеевъ.

— А кто таковъ этотъ Корней Евстигнеичъ? — спросилъ Чапуринъ.

— Самый первый и довѣренный приказчикъ, — бойче прежняго промолвилъ Ѳаддеевъ. — Онъ больше другихъ про хозяйскія дѣла знаетъ.

— А гдѣ онъ?

— Надо-быть, на Унжѣ теперь. Марко Данилычъ лѣса тамъ на срубъ купилъ и по веснѣ, около Троицына дня, туда его отправилъ.

— Надо будетъ за нимъ послать, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А когда Марко Данилычъ въ послѣдній разъ у Макарья былъ, кто изъ васъ здѣсь оставался?

— Я-съ, — весь красный, какъ вареный ракъ, прошепталъ Василій Ѳаддеевъ.

— Счета велъ? — строго спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Велъ-съ.

— Подать на просмотръ... Сейчасъ же, — строже прежняго приказалъ Чапуринъ.

Совсѣмъ смѣшался Ѳаддеевъ. Едва слышно проговорилъ онъ:

— Счета у Марка Данилыча. Были ему представлены на другой день, какъ съ ярманки воротились.

— Хорошо. Вскроемъ сундукъ, такъ посмотримъ. Они вѣдь тамъ?

— Не могу знать-съ. Намъ до хозяйскихъ дѣловъ доходить не доводится, — сказалъ Василій Ѳаддеевъ.

— Сколько теперь у тебя налицо хозяйскихъ денегъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Самая малость, вниманія даже не стôитъ. Работниковъ нечѣмъ разсчитать, — отвѣчалъ Ѳаддеевъ, весь дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Сколько однакожъ? — спросилъ Чапуринъ.

— Какъ есть пустяки-съ. Пятидесяти рублей не наберется, — сказалъ Ѳаддеевъ. — А работникамъ на плохой конецъ надо больше трехсотъ цѣлковыхъ уплатить.

— Составь списокъ работникамъ поименно, отмѣть, за сколько кто подряженъ, сколько кому уплачено, сколько кому остается уплатить, — вставая съ мѣста, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Сегодня же къ вечеру изготовь, а завтра поутру всѣхъ рабочихъ сбери. Ступай, торопись.

Не говоря ни слова, поклонился Ѳаддеевъ въ поясъ и трепетно вышелъ изъ горницы. «Этотъ нашему не чета, — по-

думалъ онъ.—Съ виду ласковъ и повадливъ, а, видно, мягко стелетъ, да жестко спать!..»

Въ тотъ же день вечеромъ послали эстафету на Унжу.

Дарья Сергѣевна писала Прожженому, что Марко Данилычъ вдругъ заболѣлъ и велѣлъ ему, оставя дѣла, сейчасъ же ѣхать домой съ деньгами и счетами. Не помянула она, по совѣту Патапа Максимыча, что Марку Данилычу ударъ приключился. — «Ежель о томъ узнаетъ онъ,—говорилъ Чапуринъ: — деньги-то подъ ноготокъ, а самъ махъ чрезъ тынъ, и поминай его какъ звали». Въ тотъ же вечеръ поѣхала за Дуней и Аграфена Петровна.

Василій Ѳаддеевъ, узнавъ, что Патапъ Максимычъ былъ у городничаго и видѣлся съ городскимъ головой и со стряпчимъ, почуялъ недоброе, и хоть больно ему не хотѣлось переписывать рабочихъ, но дѣлать нечего, присѣлъ за работу и, боясь чиновныхъ людей, писалъ вѣрно, безъ поддѣлокъ и подлоговъ. Утромъ работники собрались на широкой луговинѣ, гдѣ лѣтомъ пеньковую пряжу сучатъ. Вышелъ къ нимъ Патапъ Максимычъ съ листомъ бумаги; за нимъ смиреннымъ, неровнымъ шагомъ выступалъ Василій Ѳаддеевъ, сзади шли трое стороннихъ мѣщанъ.

— Здравствуйте, крещеные, многолѣтствуйте, люди добрые! Жить бы вамъ Божьими милостями, а намъ вашими!.. — громко крикнулъ Чапуринъ артели рабочихъ и, снявъ картузъ, поклонился.

— На добромъ словѣ благодарны. Съ пріѣздомъ проздравляемъ!.. Всякаго добра пошли тебѣ Господи!.. Жить тебѣ сто годовъ съ годомъ!.. Богатѣть еще больше, изъ каждой копейки сто рублевъ тебѣ! — весело и привѣтливо заголосили рабочіе.

— Вашего хозяина Господь недугомъ посѣтилъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Болѣзнь хоша не смертная, а дѣлами Марку Данилычу пока нельзя займоваться. Теперь ему всего пуще нуженъ спокой, потому и позвалъ онъ меня, чтобы распорядиться его дѣлами. И только мы съ нимъ увидѣлись, первымъ его словомъ было, чтобы я васъ разсчиталъ и заплатилъ бы каждому сполна, кому что̀ доводится. Вотъ я и велѣлъ Василью Ѳеддеичу составить списочекъ, сколько кому изъ васъ денегъ заплатить слѣдуетъ. Кого кликну, тотъ подходи... Пименъ Семеновъ!..

Выступилъ изъ толпы молодой, широкоплечій парень, волосомъ черенъ, нравомъ бранчливъ и задоренъ. Всѣмъ взялъ: ростомъ, дородствомъ, шелковыми кудрями, взялъ бы и очами соколиными, да они у Пимена завсегда подбиты бывали. По-

дошелъ онъ къ Чапурину, шапку снялъ и глядитъ бирюкомъ — коли, молъ, что̀ не такъ, такъ у меня наготовѣ кулакъ.

— За девять рублей рядился? — спросилъ у него Патапъ Максимычъ.

— За девять рублевъ въ мѣсяцъ, — нахально отвѣтилъ Пименъ Семеновъ, глядя въ упоръ на Чапурина.

— Расчету за послѣдній мѣсяцъ не дано?

— За мѣсяцъ съ тремя днями, — сказалъ Пименъ и сталъ брюхо чесать.

— Значитъ, слѣдуетъ тебѣ девять рублей девяносто копеекъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ, видно, будетъ, — нѣсколько помягче отвѣчалъ Пименъ Семеновъ.

— Праздниковъ не вычитаетъ, — зашептали въ артели: — не то что Смолокуровъ. У того праздники изъ счету вонъ, а въ субботу, если въ баню пойдешь, вычетъ за половину дня.

— Да вѣдь это не самъ онъ, а вотъ анаѳема эта — Васька Ѳаддеевъ, — заговорили-было иные.

— Одинъ чортъ на дьяволѣ, на одномъ бы сучкѣ обоихъ повѣсить, — громко сказалъ пильщикъ изъ самыхъ задорныхъ. Съ крикомъ на него всѣ накинулись.

— Маркелка, чортъ ты этакій, дурова голова! Для-че доброму дѣлу мѣшаешь? Аль языкъ-отъ у тебя, что̀ вѣдьмино помело, зря мететъ?

А у самихъ на умѣ: «услышитъ Чапуринъ, не будетъ такой добрый». Шепнули Маркелу Аверьянову про то. Тотъ смекнулъ и больше ни гу-гу.

— Получай, — отдавая Пимену деньги, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Вѣрно ли?

— Вѣрно, — процѣдилъ сквозь зубы Пименъ Семеновъ и пошелъ къ сторонѣ.

— Будьте свидѣтелями, честные господа, что Пименъ Семеновъ деньги сполна получилъ, а ты, Василій Ѳаддеичъ, изволь записать.

Такъ, подзывая рабочихъ одного за другимъ, Патапъ Максимычъ разсчитывалъ ихъ.

Иные, получивъ деньги, прочь было-пошли. Давненько не пивали зелена вина, каждаго въ кабакъ тянуло, но Патапъ Максимычъ сказалъ, чтобы покуда оставались они на мѣстѣ, что ему надо еще съ ними потолковать, и ежели хоть одинъ кто уйдетъ, другимъ денегъ раздавать онъ не станетъ. Всѣ остались, и тѣ, до кого не дошла еще очередь раздачи, зорко караулили, чтобы кто-нибудь тягу не задалъ.

Кончилась расплата. На вынесенномъ столикѣ Василій Ѳаддеевъ написалъ расписку, грамотные сами расписались, за неграмотныхъ одинъ изъ мѣщанъ-свидѣтелей руку приложилъ.

— Ну, добрые люди, — сказалъ тогда Патапъ Максимычъ работникамъ: — вотъ про что говорить хочу я съ вами, по душѣ поговорить, по правдѣ по совѣсти. Рядились вы кто до Покрова, кто до Казанской, иные даже до Михайлова дня. А теперь, какъ слышу, съ того дня, какъ захворалъ Марко Данилычъ, половина васъ не работаетъ, а ѣстъ-пьетъ хозяйское. Праведно ли такое дѣло?—сами посудите. Конечно, могъ бы я на васъ пожаловаться, и начальство васъ по головкѣ не погладило бы, только этого дѣлать не хочу, по-моему невпримѣръ лучше покончить дѣло добрымъ порядкомъ. Оставайтесь-ка каждый до срока, на какой кто рядился, да работайте какъ слѣдуетъ, а не такъ, чтобы черезъ пень колоду валить.

Загалдѣли-было рабочіе. Ругательства на Василья Ѳаддеева послышались, онъ-де обсчитываетъ да обманываетъ. Послышались жалобы и на Марка Данилыча, безъ пути, дескать, драться охочъ — чуть что̀ не такъ, тотчасъ въ зубы.

— А вы не всяко лыко въ строку, — хладнокровно и спокойно сказалъ имъ Патапъ Максимычъ. — Зато вѣдь и не оставляетъ васъ Марко Данилычъ. Сейчасъ заходилъ я въ вашу стряпущую, посмотрѣлъ, чѣмъ кормятъ васъ. Такую пищу, братцы, не у всякаго хозяина найдете. Въ деревнѣ-то живучи поди, чать, такой пищи и во снѣ не видали... Полноте пустое городить... Принимайтесь съ Богомъ за дѣло, а для-ради моего пріѣзда и перваго знакомства вотъ вамъ красненькая. Пошабашивши, винца испейте. Такъ-то будетъ лучше.

Красненькая подѣйствовала, рабочіе согласились отработать свои сроки, и хваламъ заволжскому тысячнику конца у нихъ не было.

Аграфена Петровна спѣшила въ Луповицы. Хранила она благодарную память о Марьѣ Ивановнѣ, спасшей ребенка ея отъ неминучей смерти, но разговоры съ Дарьей Сергѣвной и замѣчанья свои надъ Дуней, пристрастившейся, по указанью Марьи Ивановны, къ какимъ-то страннымъ и непонятнымъ книгамъ, и въ ней возбуждали подозрѣніе, не кроется ли тутъ и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь неладнаго. И про мирщенскіе толки узнала она отъ Дарьи Сергѣвны, но не могла придумать, что̀ это за фармазоны такіе, что̀ это за секта... Въ лѣсахъ за Волгой про нихъ слыхомъ не слыхать.

Неспокойно ѣхала Аграфена Петровна по незнаемымъ дорогамъ, робко и недовѣрчиво встрѣчалась она съ людьми незнакомыми, много безпокойства и тревоги, до того ей неизвѣстныхъ, перенесла она во время пути. Все было ей ново: и невиданная за Волгой черная какъ уголь земля, и красныя либо полосатыя понявы вмѣсто темно-синихъ заволжскихъ сарафановъ, и голое безлѣсье, что, куда ни посмотри, ни кустика ни прутика нѣтъ. Безъ малаго цѣлую недѣлю провела она въ дорогѣ, наконецъ, подъ вечеръ мрачнаго, дождливаго дня, ямщикъ указалъ ей кнутовищемъ на каменный помѣщичій домъ, на сады съ вѣковыми деревьями, на большую церковь и сотни на полторы маленькихъ, невзрачныхъ, свѣжей соломой покрытыхъ домишекъ. — «Вотъ и Луповицы!» — сказялъ онъ, подстегнувъ пристяжную.

. Темнѣло. Хмурыя, какъ будто свинцовыя тучи со всѣхъ сторонъ облегли небосклонъ; мелкій дождикъ при холодномъ сиверкѣ моросилъ, какъ сквозь сито, когда кибитка Аграфены Петровны по густой, клейкой, по самую ступицу грязи подъѣхала къ Луповицамъ. А дождикъ все пуще да пуще, а вѣтеръ порывистѣй и сильнѣе. Сипитъ и воетъ непогода; видно, что подходитъ затяжное осеннее ненастье. «Гдѣ же мнѣ остановиться?» — тутъ только пришло на мысль заволжской тысячницѣ. И прежде приходило это ей въ голову, но, зная, что въ Луповицахъ больше полутораста дворовъ, и судя по-заволжскому, гдѣ нѣтъ такихъ большихъ селеній, она была увѣрена, что найдется въ селѣ не одинъ постоялый дворъ. Но, въѣзжая въ село, узнала отъ ямщика, что въ Луповицахъ постоялыхъ дворовъ нѣтъ; народъ хлѣбопашецъ, ни базаровъ, ни съѣздовъ, ни ярмановъ въ селѣ нѣтъ, большая дорога далеко въ сторонѣ, оттого и постоялыхъ дворовъ никто не заводитъ.. На барскій дворъ не хотѣлось ѣхать Аграфенѣ Петровнѣ, тамъ мерещились ей фармазоны. Дѣлать нечего, надо пристать, гдѣ Богъ приведетъ, провѣдать про Дуню и, ежели не уѣхала, позвать ее къ себѣ.

— Гдѣ-жъ остановиться? — спросила она у ямщика.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ. — У крестьянъ избы-то не больно приборны. Невзрачно живутъ, съ телятами, съ поросятами, избенки махонькія, тѣсныя, лѣсу вѣдь здѣсь ни пруточка. Вошища одна чего стоитъ!

— Гдѣ же пристать-то мнѣ? — тревожно спросила Аграфена Петровна.

— У попа развѣ. Домишко у него все-таки пригляднѣй крестьянскаго, — сказалъ ямщикъ.

— А каковъ попъ-отъ? — спросила Аграфена Петровна.

И на мысли никогда не вспадало ей, чтобы пришлось когда-нибудь искать пріюта у никоніанскаго попа. Претило ей, но все-таки попъ лучше фармазоновъ.

— Ничего, попъ хорошій, — отвѣчалъ ямщикъ на вопросъ ея. — Обстоятельный, хвалятъ его. До денегъ охочъ, да ужъ это поповское дѣло, на томъ ужъ они всѣ стоятъ. У нихъ вѣдь толстый карманъ святѣе угодниковъ. Обойди весь вольный свѣтъ — безсеребренника межъ попами не сыщешь. А здѣшняго похваляютъ, — добрый, слышь.

— Вдовецъ онъ, али семейный? — спросила Аграфена Петровна.

— Семейство при немъ — матушка попадья еще вживѣ, да три дочери, одна-то за здѣшнимъ же дьякономъ, двѣ въ дѣвкахъ сидятъ. Ихъ тоже похваляютъ — добрыя поповны, рукодѣльницы...

— Вези къ попу, — рѣшилась наконецъ Аграфена Петровна. — Какъ его звать-то?

— Отецъ Прохоръ будетъ, — отвѣтилъ ямщикъ.

— Вези къ нему, вези, — сказала Аграфена Петровна.

Хлестнулъ ямщикъ лошадокъ, и хоть шибко онѣ пріустали, протащивъ по размокшему чернозему грузную кибитку, однакожъ бойко подкатили къ поповскому двору. Тамъ привѣтливо встрѣтили Аграфену Петровну. Она сказала, что ѣдетъ на богомолье въ Кіевъ.

— Доброе дѣло, спасенное дѣло, при томъ же весьма благочестивое и душѣ многоспасительное, — сказалъ отецъ Прохоръ, прибирая уютную горенку, гдѣ по стульямъ и на обветшаломъ диванѣ были разбросаны домашнія вещи. — И мы вотъ съ матушкой который ужъ годъ сбираемся къ печерскимъ угодникамъ, да все недосуги да недостатки. Опять же по нашему званію отлучки отъ прихода, особливо въ чужія епархіи, крайне затруднительны. Степанидушка! — обратился онъ къ старшей дочери: — поставь-ка, родная, самоварчикъ, гостьѣ-то съ дороги надо отогрѣться.

Окинула Аграфена Петровна свѣтленькую, чистенькую горенку. Все было старенько, но держалось въ порядкѣ... У оконъ стояло двое пялецъ, одна поповна вышивала воздухи для церкви, другая широкій поясъ къ отцовскимъ именинамъ. На окнахъ висѣли бѣлыя, чистыя занавѣски и стояли горшки съ бальзаминомъ, стручковымъ перцомъ и розанелью, по угламъ большія кадки: въ одной огромный, чуть не до потолка поднявшійся жасминъ, въ другой фига. Все у отца Прохора нравилось Аграфенѣ Петровнѣ, а матушка попадья, полуслѣпая и плохо слышавшая старушка,

показалась ей такою доброю и ласковою, что она ее полюбила съ перваго раза. Дочери отца Прохора тоже понравились Аграфенѣ Петровнѣ. Какъ всѣ поповны на Руси, были онѣ изъ себя некрасивы, но дѣвушки добрыя, скромныя и тихія. Манеѳина воспитанница и ревностная старообрядка забыла даже про ихъ никоніанство и послѣ долгаго задушевнаго разговора за самоваромъ рѣшилась сказать отцу Прохору, что она пріѣхала въ Луповицы за Дуней Смолокуровой. Но не вдругъ, не сразу заговорила съ нимъ объ этомъ, прежде издали рѣчь повела, напередъ бы у отца Прохора вывѣдать про житье-бытье Луповицкихъ. «Можетъ-быть, — она думала: — я узнàю отъ него, чтò это за фармазонская вѣра такая».

— Вѣдь здѣсь помѣстье господъ Луповицкихъ? — спросила она у отца Прохора.

— Такъ точно, — отвѣчалъ онъ. — Нераздѣльное имѣнье двухъ родныхъ братцевъ, Андрея Александрыча и Николая Александрыча. А съ того края села домовъ до сорока принадлежитъ ихней двоюродной сестрѣ, дѣвицѣ Марьѣ Ивановнѣ Алымовой, дочери покойнаго генерала Алымова. По службѣ находился онъ въ воинскихъ чинахъ, теперь ужъ болѣе двадцати годовъ, какъ преставился. Тамъ, на томъ концѣ села у Марьи Ивановны и усадебка есть невеликая, только она никогда тамъ не проживаетъ. У нея въ другихъ губерніяхъ находятся большія и хорошія вотчины, а пріѣзжаетъ сюда въ нарочитое токмо время и тогда проживаетъ въ большомъ домѣ у своихъ двоюродныхъ братьевъ...

— И село Луповицы и помѣщики Луповицкіе, — замѣтила Аграфена Петровна. — Должно-быть, они по селу прозвались.

— Нѣтъ, неправильно заключать изволите, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — Совершенно противоположно. Предки господъ Луповицкихъ основали и своимъ коштомъ выстроили наше село, по сей причинѣ и назвали его именемъ своего рода. Ихъ родъ весьма старинный. Недалеко отсюда Княжъ-Хабаровъ монастырь находится. Сей святой обители основаніе положилъ князь Ѳедоръ Іоанновичъ Хабаровъ еще во дни царя Михаила Ѳеодоровича, а тотъ князь Хабаровъ, основатель и строитель монастыря, приходился ближайшимъ сродникомъ жившимъ въ тѣ отдаленныя ужъ теперь времена боярамъ Луповицкимъ. Наше же село съ небольшимъ сто лѣтъ получило основаніе отъ господъ Луповицкихъ, именно-жъ отъ генералъ-поручика и кавалера Стефана Ѳеодоровича Луповицкаго, бывшаго въ царствованіе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Екатерины Алексѣевны Первыя въ важныхъ го-

сударственныхъ должностяхъ. Такъ и въ церковныхъ записяхъ значится у насъ. Да-съ, родъ господъ Луповицкихъ старинный и даже весьма древній. Столбовые, родовитые дворяне, не то что другіе, которые государственной службой пріобрѣли себѣ дворянское званіе...

— Усердны къ нашей церкви они? — спросила Аграфена Петровна.

— Очень даже усердны, весьма усердны,—съ одушевленьемъ отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — По нынѣшнимъ временамъ, при всеобщемъ, съ прискорбіемъ можно сказать, паденіи благочестія, господа Луповицкіе, равно какъ и сестрица ихъ Марья Ивановна, могутъ служить назидательнымъ примѣромъ какъ для господъ дворянъ, такъ равно и для поселянъ. Весьма привержены къ церкви Божьей и христіанскія обязанности исполняютъ съ достодолжнымъ благоговѣніемъ и неупустительно. Каждый годъ не токмо во святую великую четыредесятницу, но въ каждый изъ четырехъ церковью установленныхъ постовъ святымъ божественнымъ тайнамъ тѣла и крови Господней пріобщаются. Правда, что разрѣшеніе грѣховъ не отъ моего недостоинства пріемлютъ, а въ монастырѣ, что здѣсь неподалеку. Не Княжъ-Хабаровъ, а другой, Рясовскимъ называется. Монастырь тотъ весьма богатъ иконами, въ немъ есть икона Пресвятыя Богородицы Троеручицы, и отъ нея по вѣрѣ много исцѣленій бываетъ. Въ лѣтніе мѣсяцы много богомольцевъ притекаетъ на поклоненіе... На Пасху, на Рождество Христово, на Богоявленіе Господне, на Происхожденіе честныхъ древъ животворящаго креста, а также и на Успеніе Пресвятыя Богородицы, храмъ у насъ въ этотъ день, и на дни памяти преподобнаго отца нашего Стефана Савваита и священномученика Ѳеодора, архіепископа александрійскаго, придѣлы симъ угодникамъ Божьимъ устроены при нашемъ храмѣ, — во всѣ оные праздники здѣшніе помѣщики господа Луповицкіе принимаютъ насъ съ животворящимъ крестомъ и со святой водой съ достодолжнымъ благоговѣніемъ и, могу сказать, съ радостью. И каждый разъ въ тѣ нарочитые дни даютъ они всему церковному причту предостаточное даяніе и угощаютъ обѣдомъ. И моихъ семейныхъ, и дьяконовыхъ, и причетниковъ приглашаютъ тогда трапезовать; старушка дьяконица вдовая въ просфирняхъ состоитъ при нашемъ храмѣ, и ту даже приглашаютъ. Съ постной молитвой и на освященіе плодовъ земныхъ также постоянно ходимъ къ нимъ въ домъ и, опричь того, въ первое число каждаго мѣсяца поемъ молебное пѣніе съ акаѳистомъ и водосвятіемъ. Ну, и мучки, и крупки, и сѣнца, и овсеца, и прочаго по хозяйству потреб-

наго господа Луповицкіе жертвуютъ преизобильно. А потому долгомъ обязуюсь сказать, что господа они очень, даже очень усердные. Богадѣльня у нихъ есть при домѣ — ну, да это особое дѣло.

— Какъ особое дѣло? — спросила Аграфена Петровна, удивленная тѣмъ, что, помянувъ про богадѣльню, отецъ Прохоръ понизилъ голосъ и нахмурился.

— Такъ, — отрывисто и сдержанно отвѣтилъ онъ. — Не намъ судить, Господь разсудитъ.

И круто повернулъ разговоръ на другое.

Пошли обычные деревенскіе разговоры: какая лѣтомъ стояла погода, каковъ урожай былъ, каковы были наливы и пробные умолоты, и про ягоды была рѣчь ведена, и про то, что яблоковъ мало въ этомъ году уродилось, а все отъ тенетника — по веснѣ онъ еще въ цвѣту погубилъ яблоки, да и вишнямъ досталось, зато грибовъ изобильно было, и огурцы хорошо уродились.

Вдругъ разговоръ оборвался. Молчанье настало: либо тихій ангелъ пролетѣлъ, либо дуракъ родился. Послѣ недолгаго молчанья Аграфена Петровна сказала:

— Ѣхавши сюда, ночевала я въ одномъ селѣ — забыла, какъ оно называется. Разговорилась съ хозяевами — люди они простые, хорошіе. Зашла у насъ рѣчь про ваши Луповицы. И они говорили, правду иль нѣтъ, этого я ужъ не знаю, будто здѣшніе господа какую-то особую вѣру втайнѣ содержатъ.

— Ничего на это сказать вамъ не могу, — склонивъ голову и опустивъ глаза, едва слышно промолвилъ отецъ Прохоръ. — Не знаю... Не намъ судить, единъ Господь все разсудитъ на праведномъ судѣ Своемъ.

Опять дуракъ родился. Опять никто ни слова.

— А давно въ послѣдній разъ были вы у господъ Луповицкихъ? — послѣ недолгаго молчанья спросила Аграфена Петровна у растерявшагося отца Прохора.

— Да вотъ на Успеньевъ день со святыней ходили къ нимъ... и трапезовали у нихъ, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ.

— Недалеко отъ насъ, въ поволжскихъ мѣстахъ живутъ у меня знакомые, — сказала Аграфена Петровна. — Богатый купецъ, милліонщикъ, Марко Данилычъ, чуть ли не самый первый по всей Россіи рыбный торговецъ — Смолокуровымъ прозывается. Дочка у него есть молоденькая, Дуняшей звать. Сказывали мнѣ, что гоститъ она у господъ Луповицкихъ, у здѣшнихъ помѣщиковъ. Марья Ивановна Алымова завезла, слышь, ее сюда еще около Троицына дня. Не видали-ль вы эту дѣвицу?

— Какъ не видать?.. Всѣ мы видѣли, за однимъ столомъ сиживали во время обѣдовъ. Бѣлокуренькая така, голубые глаза, стройная, нѣжная и, по видимости, весьма кроткаго нрава.

— И теперь она у нихъ? — спросила Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, — отрывисто сказалъ отецъ Прохоръ.

— Уѣхала? По письму, должно-быть. Письмо къ ней недавно было послано отъ домашнихъ съ эстафетой. Отецъ у нея при смерти, — молвила Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, кажется, не къ отцу она поѣхала... А впрочемъ, Богъ ее знаетъ, можетъ-быть, и къ отцу, — медленно проговорилъ отецъ Прохоръ. — Эстафета точно приходила, только это было ужъ дня черезъ четыре послѣ того, какъ оная дѣвица оставила Луповицы.

— Гдѣ-жъ она? — быстро поднявшись и опершись о столъ дрожащими руками, вскрикнула Аграфена Петровна.

— Пропала безъ вѣсти, — сказалъ отецъ Прохоръ.

Глава девятая.

Лѣто на исходѣ, совсѣмъ надвигается на землю осень. Пчелы перестали носить медовую взятку, смолкли пѣвчія птицы, съ каждымъ днемъ вода холодѣетъ больше и больше. Пожелтѣли листья на липахъ, поспѣли въ огородахъ овощи, на Николу Кочаннаго стали и капустные вилкѝ въ кочни завиваться. Успенскій постъ на дворѣ — скоро придется вѣять макъ на Маккавеевъ *).

А Дуня все въ Луповицахъ, Марья Ивановна и рѣчей не заводитъ о возвратѣ въ Фатьянку.

Не смущается этимъ Дуня и нимало не печалится. Всей душой она предалась новой вѣрѣ. На всякій день и на всякій часъ ищетъ общенья съ божествомъ, стремится къ изступленному душевному восторгу, къ тому, чтѐ у «Божьихъ людей» зовется «наитіемъ». Все теперь ей чуждо — и родительскій домъ, и любящій ее всѣмъ сердцемъ отецъ, и заботливая Дарья Сергѣевна, и столь много любимая Аграфена Петровна. Петръ Степанычъ, пробудившій-было въ Дунѣ дремавшее чувство любви, изъ памяти вонъ. Правда, возставалъ иногда образъ его передъ душевными очами Дуни, но тотчасъ же она старалась отогнать отъ себя этотъ «грѣховный помыслъ», посланный ей злымъ и лукавымъ ради соблазна... Во снѣ случится увидать его, въ страхѣ и трепетѣ просыпается она, скорбитъ по цѣлымъ часамъ и со слезами и рыданіями мо-

*) Николы Кочаннаго — 27-го іюля, свв. мучениковъ Маккавеевъ — 1-го августа. Въ этотъ день собираютъ въ деревняхъ макъ и вѣютъ его.

лится Богу, да избавитъ впредь отъ такой напасти. Наслушавшись чужихъ толковъ, Дуня вообразила, что въ самомъ дѣлѣ Богъ въ ней пребываетъ, что въ самомъ дѣлѣ Онъ разверзаетъ уста ея на пророчества, движетъ ею на радѣніяхъ и водитъ по путямъ непорочнымъ. И въ такомъ самообольщеньи день и ночь помышляетъ она, что ужъ больше ничто земное не должно омрачать ея просвѣтленныхъ думъ... Возненавидѣла она и прекрасное свое тѣло, съ омерзѣніемъ и злобой смотритъ на роскошныя дѣвственныя перси, на стройный, гибкій станъ, на ноги, будто величайшимъ художникомъ изваянныя изъ бѣлоснѣжнаго мрамора, и... все прокляла, все мірское возненавидѣла. Прекрасно созданное тѣло теперь на взглядъ ея — построенная злымъ духомъ темница для мученій души ея. И стремится она умертвить ненавистную плоть, освободить душу изъ темничнаго заключенья. Какъ веселится больной, долгое время лежавшій на смертномъ одрѣ, когда начинается въ немъ возрожденіе силъ, когда видитъ, что румянецъ снова начинаетъ оживлять истощенное лицо его и опять блещутъ потухшія-было очи, — такъ радовалась Дуня, глядя на худобу лица своего, на пожелтѣвшія ланиты, на изсохшія, пурпуровыя прежде губки, на потухающій блескъ прекрасныхъ очей... «Слава Тебѣ, Господи!.. — она мысленно говоритъ. — Тлѣетъ ненавистное тѣло!.. Изведи меня скорѣй изъ смрадной темницы и всели въ сонмѣ непрестанно поющихъ передъ престоломъ Агнца».

Со страстнымъ нетерпѣньемъ ожидаетъ Дуня племянника Варвары Петровны — Денисова. Ждали его въ семьѣ Луповицкихъ, какъ родственника; любопытно было узнать отъ него про араратскихъ «вѣденцевъ» *). Въ Денисовѣ Дуня надѣялась увидѣть небеснаго посланника. — «Приближается къ печальной нашей юдоли избранный человѣкъ, — такъ она думаетъ. — Принесетъ онъ благія вѣсти, возвѣститъ глаголы мудрости, разскажетъ о царствѣ блаженныхъ на Араратѣ».

Больше всего хочется Дунѣ узнать, что̀ такое «духовный супругъ». Вотъ ужъ годъ почти миновалъ, какъ она въ первый разъ услыхала о немъ, но до сихъ поръ никто еще не объяснилъ ей, что̀ это такое. Доходили до Луповицъ неясные слухи, будто «араратскій царь Максимъ», кромѣ прежней

---

*) «Вѣденцы» — сліяніе молоканства съ хлыстовщиной. Это сліяніе возникло въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія за Кавказомъ. Потомъ оно обнаружилось (въ пятидесятыхъ годахъ) въ Таврической, Екатеринославской и другихъ губерніяхъ. Сліяніе продолжается до сихъ поръ, такъ что во многихъ мѣстахъ нѣтъ болѣе ни чистыхъ молоканъ ни прежнихъ хлыстовъ.

жены, взялъ себѣ другую, духовную, а послѣдователямъ велѣлъ брать по двѣ и по три духовныхъ жены. Егоръ Сергѣичъ все знаетъ объ этомъ, онъ разскажетъ, онъ разъяснитъ. Николай Александрычъ и семейные его мало вѣрили кавказскимъ чудесамъ.

Божьи люди, или хлысты, какъ обыкновенно зовутъ ихъ въ народѣ, вѣрятъ въ прямое и всегда возможное сообщеніе человѣческой души съ божествомъ. Подобно духоборцамъ проповѣдуютъ они, что воплощенный Христосъ живетъ на землѣ постоянно. Эту секту нельзя назвать даже христіанской ересью. Она стоитъ внѣ христіанства, хоть и заимствуетъ изъ него самыя священныя имена. Ученье хлыстовъ — смѣсь разныхъ ученій, и древнихъ и новыхъ, противныхъ ученію и преданіямъ истинной вѣры. Подобно древнимъ персамъ и дреговичскому ученію *), они признаютъ два искони существующія безначальныя и конца не имѣющія существа, доброе и злое, ведущія между собой нескончаемую борьбу. Хлысты думаютъ, что оба эти существа равносильны. Подобно дреговичской отрасли богомиловъ, русскіе хлысты увѣряютъ, будто все видимое и осязаемое создано злымъ духомъ, и потому тѣла наши, какъ темницы душъ, должны быть умерщвляемы трудами на радѣньяхъ, постомъ и созерцаньемъ. Подобно квіетистамъ, они думаютъ, что таинственный человѣкъ **) въ самомъ своемъ существѣ уничтожается и преобразуется въ Бога. Такой человѣкъ не можетъ помрачить себя никакой нечистотой и никакими пороками, ежели только онъ не нарушаетъ своего покоя. Покой, праздность, бездѣйствіе — вотъ высшее состояніе человѣка по хлыстовскимъ понятіямъ. Проповѣдуя чистоту и дѣвственность, они, подобно вальденсамъ, иногда въ собраніяхъ своихъ предаются грубой чувственности ***).

---

*) Дуалистическая секта богомиловъ вышла отъ павсикіанъ, а эти отъ манихеевъ, придерживавшихся во многомъ ученію Зердушта (Зороастра); занесена въ Болгарію изъ Арменіи и на новомъ мѣстѣ раздѣлилась на двѣ отрасли — одна у славянскаго народа дреговичей, другая у болгаръ (богомильство).

**) Таинственно умершій и таинственно воскресшій.

***) По Балюзіусу въ 1303 г. вальденсы cenebant illi Deo nocturnos hymnos, ut aliquo pietatis praetextu flagitum tegerent. Confluecant mulieres ad orgia magis, quam sacra. Coeremonia peracta sacerdos clamabat, ut extinctis luminibus, alto spiritu invocato promiscue coirent. Hinc incestus, pollutiones etc. Рожденнаго послѣ того младенца вальденсы зажигали и, высыпавъ пепелъ въ вино, пріобщали имъ вновь поступающихъ въ секту. У насъ первое извѣстіе о подобномъ изувѣрствѣ явилось у св. Дмитрія Ростовскаго и подтвердилось многими дѣлами, особенно въ XVIII вѣкѣ. См. «Тайныя секты» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1868.

Хлыстовщина появилась во всѣхъ слояхъ русскаго общества, отъ образованныхъ людей до безграмотныхъ крестьянъ степныхъ селъ и деревень. И ученіе и вѣрованія ихъ разнятся: образованные люди стремятся болѣе къ совершенствованію духа, но и они, какъ простолюдины, стараются «умерщвлять» плоть усиленными движеніями и неистовыми плясками до изнеможенія, и они, подобно послѣднимъ, убѣждены, что во время изступленія на нихъ нисходитъ благодать, зато не вѣрятъ въ сказанія о новыхъ, безпрерывныхъ появленіяхъ божества въ человѣческомъ образѣ. А сказанья объ этихъ явленіяхъ и составляютъ почти всю сущность ученія людей простыхъ, людей «малаго вѣдѣнія», какъ называютъ ихъ образованные хлысты. Зато грубая чувственность, похожая на оргіи вальденсовъ, увлекаетъ молодыхъ и сладострастныхъ людей какъ въ образованные, такъ и въ безграмотные хлыстовскіе корабли.

Егоръ Сергѣичъ Денисовъ везъ любопытныя для сектантовъ извѣстія. Давно ужъ, лѣтъ полтораста тому назадъ, явилось у хлыстовъ вѣрованье, что на горѣ Араратѣ для нихъ будетъ насажденъ новый земной рай, и только одни они будутъ въ немъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Съ каждымъ годомъ увѣренность въ осуществленіе «благодатнаго царства араратскаго» росла, а между тѣмъ хлысты стали сливаться съ молоканами, отвергающими церковь и всю ея обрядность. Изъ такого сліянья вышла, сначала за Кавказомъ, а потомъ и по другимъ мѣстамъ южной Россіи, секта «вѣденцевъ», или «прыгунковъ». Въ іюнѣ 1840 года за Кавказомъ было страшное землетрясеніе. Льдины и скалы, упавшія съ вершинъ Арарата, засыпали окрестности верстъ на двадцать. Въ этомъ грозномъ явленіи природы «вѣденцы» усмотрѣли признакъ приближенія къ нимъ араратскаго царства. Явился какой-то «іерусалимскій старецъ»... Они каялись ему въ грѣхахъ, и онъ, въ знакъ прощенія, осѣнялъ ихъ широкимъ разноцвѣтнымъ поясомъ. Черезъ шесть дней онъ скрылся, и у вѣденцевъ явился царь, пророкъ и первосвященникъ. Этотъ царь Максимъ *) принялъ безграничную власть надъ «прыгунками» и во многомъ способствовалъ сліянію ихъ съ молоканствомъ. Говорили, будто онъ измѣняетъ старое ученіе хлыстовъ, предписываетъ новые законы, велитъ заводить духовныхъ женъ... Но все это до Луповицъ доходило въ видѣ неясныхъ слуховъ.

*) То былъ молоканинъ, крестьянинъ казеннаго села Алгасова, что̀ на рѣкѣ Оптѣ, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, Максимъ Рудометкинъ, онъ же Комаръ, сосланный на Кавказъ за распространеніе секты на родинѣ и неповиновеніе властямъ. Въ 1840 году было ему 46 лѣтъ.

Кормщикъ Луповицкаго корабля хоть и былъ недовѣрчивъ къ сказаньямъ людей малаго вѣдѣнія, однако рѣшился созвать «великій соборъ» ближнихъ и дальнихъ хлыстовъ, чтобы предварить ихъ объ ожидаемомъ послѣ съ Арарата.

Не день и не два по разнымъ мѣстамъ разъѣзжали конторщикъ Пахомъ да дворецкій Сидорушка, сзывая «вѣрныхъ-праведныхъ» на соборъ въ Луповицы. За иными приходилось ѣхать верстъ за восемьдесятъ, даже за сто. Не успѣть бы двоимъ всѣхъ объѣхать, и вотъ вызвались имъ на подмогу Кисловъ Степанъ Алексѣичъ, Строинскій Дмитрій Осипычъ, да еще матросъ Фуркасовъ. Напрашивался въ объѣздъ и дьяконъ Мемнонъ, но ему не довѣрили, опасаясь, не вышло бы отъ того какихъ непріятностей.

И собралось къ назначенному дню въ Луповицы больше пятидесяти человѣкъ. Пѣшкомъ, бодрымъ еще шагомъ пришли старые друзья-пріятели, отставной каптенармусъ Григорій Устюговъ да отставной фельдфебель Кузьма Богатыревъ. У обоихъ на рукавахъ по три нашивки, у обоихъ по четыре медали, у обоихъ егорьевскіе кресты за штурмъ Варшавы. Смолоду въ любви и дружествѣ межъ собой жили, изъ одного села были родомъ, въ одинъ годъ сданы въ рекруты, въ одномъ полку служили и, получивши «чистую», поселились на родинѣ въ кельѣ, ставленной возлѣ келейнаго ряда на бобыльскихъ задворкахъ. Всегда они бывали людьми трезвыми и набожными, начальство за службу ихъ жаловало и большое имѣло къ нимъ довѣріе. Подъ конецъ ихъ службы полкъ сряду шесть лѣтъ стоялъ въ Орловской губерніи, а тамъ изстари бывало много хлыстовъ. Любя чтеніе церковныхъ книгъ, а больше того устныя бесѣды отъ писанія, Устюговъ съ Богатыревымъ стали похаживать въ келейный рядъ на «вечорки» къ одной старой дѣвкѣ, хлыстовской пророчицѣ, и познали отъ нея «тайну сокровенную». По выходѣ въ отставку услыхали, что верстахъ въ шестидесяти отъ ихъ села, у богатыхъ помѣщиковъ Луповицкихъ, бываютъ хлыстовскія собранья, и вскорѣ вошли въ корабль Николая Александрыча. За дальностью мѣста и за старостью, рѣдко бывали они въ Луповицахъ, но «великихъ соборовъ» и годовыхъ радѣній не пропускали. И ближніе и дальніе хлысты уважали егорьевскихъ кавалеровъ, особенно Устюгова, за то, что зналъ онъ много сказаній.

На долгихъ изъ уѣзднаго городка пріѣхалъ старецъ Семенушка. Бывалъ онъ прежде богатымъ купцомъ, многіе годы на Моршѣ *) хлѣбомъ торговалъ, и кончилъ тѣмъ, что про-

*) Моршанскъ.

торговался до тла. Когда дошелъ онъ до того, что не стало у него за душой ни копейки, смирился духомъ и пустился въ набожность. Долго жилъ онъ въ монастырѣ у старца Христофора. И настоятель и братія того старца считали полоумнымъ и юродомъ за «неподобныя» его рѣчи, за срамныя дѣла, особенно за то, что, уединясь въ келью, пѣвалъ мірскія пѣсни, поминая Христа, Богородицу, ангеловъ и пророковъ. Инокъ Христофоръ держался хлыстовщины и восторженными бесѣдами склонилъ прогорѣвшаго купчину принять сокровенную тайну. Послѣ смерти Христофора Семенушка переѣхалъ въ городъ, а тамъ ужъ было три - четыре человѣка «вѣрныхъ-праведныхъ», и у нихъ завелся маленькій корабликъ. И Семенушка и товарищи его кормились именемъ Христовымъ, сбирая по домамъ и базарамъ мірское подаянье, а кромѣ того получали вспоможенья отъ Луповицкихъ. На «великій соборъ» съ сѣдовласымъ старцемъ Семенушкой пріѣхали и товарищи его, бѣдные мѣщане. На наемъ подводы Пахомушка сколько-то господскихъ денегъ далъ Семенушкѣ.

Пріѣхала небогатая помѣщица, старая барышня Серафима Ильинична Липутина. Верстахъ въ семидесяти отъ Луповицъ проживала она въ своей усадьбѣ. Было у той барышни двадцать тяголъ крестьянъ да восемнадцать человѣкъ дворовыхъ. Опричь тѣхъ дворовыхъ въ домѣ ея проживали и сторонніе. И гости и прислуга въ одномъ согласѣ съ барышней были. Сосѣди считали Серафиму Ильиничну дурочкой, да и сами хлысты путнаго ничего отъ нея не чаяли, тѣмъ только и была хороша, что не уставала на радѣньяхъ, но «въ словѣ не ходила» никогда. Чѣмъ бы пророчествовать, она хохочетъ, либо кошкой мяучитъ, либо собакой лаетъ. Привезла съ собой Серафима Ильинична двухъ не старыхъ еще монашенокъ изъ запустѣлой Аграфениной пустыни, мать Иларію да мать Сандулію. Обѣ манатейныя *), обѣ постригались въ Касимовѣ, обѣ вмѣстѣ со слѣпой матерью Крискентіей поселились въ убогой кельѣ, уцѣлѣвшей отъ упраздненной пустыни, и стали жить возлѣ гробницы игуменьи Аграфены, изъ боярскаго рода Глѣбовыхъ, почитаемой въ окрестности святою и блаженною. Тамъ слѣпая, дряхлая Крискентія увѣрила сожительницъ, что въ нынѣшнія послѣднія времена истинную вѣру надо искать только у людей Божьихъ, что они одни знаютъ великую тайну, отъ міра утаенную. Вскорѣ въ Луповицкомъ кораблѣ Иларія и Сандулія были приведены въ новую вѣру, а по смерти

*) *Манатейными* зовутъ монаховъ и монахинь, еще не имѣющихъ полнаго постриженія.

Крискентіи чуть не насильно водворились у юродивой Серафимы Ильиничны. И доставалось же отъ нихъ полоумной хозяйкѣ. Сами день-денской межъ собой бранятся да здорятся и всегда почти кончатъ ссору дракой, при чемъ достается, бывало, больше всего гостепріимной хозяйкѣ. Даже колачивали страннопріимницу. А творилось это, какъ думали всѣ, по наитію.

Кромѣ Иларіи да Сандуліи, еще нѣсколько духовныхъ пришло на «великій соборъ». Пришелъ заштатный попъ Меркуловъ, два монаха изъ окрестныхъ монастырей—люди постные, набожные, незлобивые, строгіе въ жизни и совершенные безсребренники.

Иные люди разнаго званья, кто пѣшкомъ, кто на подводѣ, добрались до Луповицъ къ назначенному дню. Были тутъ и крестьяне и крестьянки, больше все вдовы да перезрѣлыя дѣвки. Софронушки не было: игуменъ Израиль на Луповицкихъ прогнѣвался, дынь мало ему прислали, къ тому-жъ отецъ игуменъ на ту пору закурилъ черезъ мѣру. Сколько ни упрашивали его, уперся на своемъ, не пустилъ юрода изъ-за древнихъ стѣнъ Княжъ-Хабаровой обители.

Насталъ часъ «великаго собора». Стемнѣло. Утомленные цѣлодневнымъ жнитвомъ, крестьяне спать полегли. И отецъ Прохоръ спитъ со своей семьей. Спитъ село, однѣ собаки насторожѣ.

Когда все стихло и улеглось, Божьи люди неслышными стопами обычнымъ порядкомъ пошли въ Сіонскую горницу. Тамъ они переодѣлись въ радѣльныя рубахи и расселись по диванамъ, кресламъ и стульямъ. На этотъ разъ мѣстъ едва достало — такъ много набралось вѣрныхъ-праведныхъ. Вступившая ужъ въ корабль Дуня сѣла не у входной двери, а на почетномъ мѣстѣ, близъ кормщика, рядомъ съ Варварой Петровной, съ Марьей Ивановной, съ Варенькой и Катенькой. Всѣ вѣрны-праведные считали ее уже достигшею полнаго совершенства, всѣ надѣялись, что вотъ на соборѣ она дойдетъ до изступленія, заиграетъ въ струны золотыя, затрубитъ въ трубу живогласную, и живыми рѣками польются изъ устъ ея чудныя пророчества. Всѣ въ томъ были увѣрены; всѣ говорили, что Дуня — избранный сосудъ благодати.

Начался соборъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и обычныя радѣнья. Крестясь обѣими руками и поклонясь другъ другу земными поклонами, хлысты простились, благословились и, усѣвшись по мѣстамъ, пребывали въ невозмутимомъ покоѣ. Николай Александрычъ сидѣлъ у стола, склонивъ голову, но не читалъ ни житія царевича ни сказаній объ Алексѣѣ Божьемъ

человѣкѣ. Минуть черезъ пять молчанья всталъ онъ съ мѣста и началъ махать пальмовой вѣткой. Тогда хлысты запѣли громогласно «Царю Небесный», канонъ Пятидесятницы, а затѣмъ «Дай къ намъ, Господи, дай къ намъ Іисуса Христа»,— пѣсня, безъ которой ни одно хлыстовское сборище не обходится, гдѣ-бъ оно ни совершалось, въ Петербургѣ ли, какъ бывало при Катеринѣ Филипповнѣ, въ московскихъ ли монастыряхъ, когда они были разсадниками хлыстовщины *), у старой ли богомолки въ избѣ сельскаго келейнаго ряда или въ барскомъ дому какого-нибудь помѣщика. Послѣ пѣсни сталъ говорить Николай Александрычъ:

— Братцы и сестрицы! Возвѣщу вамъ радость великую, хочу огласить вамъ веселіе.

Всѣ встрепенулись, повскакали со стульевъ и дивановъ. Еще не зная, въ чемъ дѣло, иныя женщины уже стали впадать въ изступленный восторгъ... Послышались вздохи, радостныя рыданья, громкіе клики и визгъ — ровно десятки кликушъ въ одно мѣсто собрались.

Примѣняясь къ людямъ «малаго вѣдѣнія», а такихъ больше всего было въ Сіонской горницѣ, Николай Александрычъ обратился къ каптенармусу Устюгову:

— Братецъ Григорьюшка! Лучше всѣхъ ты знаешь сказанья про дивныя чудеса, въ старые годы содѣянныя. Изрони златое слово изъ устъ твоихъ... Повѣдай собору про богатаго-богатину Данилу Филиппыча, про великаго учителя людей праведныхъ Ивана Тимоѳеича.

Не отвѣчаетъ Устюговъ, сидитъ молча, склонивъ голову.

Всѣ ему кланяются, просятъ и молятъ, отверзъ бы уста, усладилъ бы слухъ сидящихъ въ Сіонской горницѣ своими чудными сказаньями.

Цѣлымъ соборомъ долго молили, усердно просили Устюгова. Наконецъ онъ началъ сказанья.

Ни слова еще не сказалъ онъ, какъ Марья Ивановна прошептала сидѣвшей возлѣ нея Дунѣ:

— Слушай сказанья, но не вѣрь ничему, что ни скажетъ Григорьюшка. Это притча, это басня для людей малаго вѣдѣнія. Но, хоть они и покажутся тебѣ странными, на правду

*) Въ первой половинѣ XVIII столѣтія хлыстовщина была сильно распространена въ московскихъ монастыряхъ — мужскихъ: Петровскомъ (іеромонахи Филаретъ Муратовъ и Тихонъ Струковъ казнены за то смертію — головы отсѣчены), въ Чудовѣ, въ Симоновѣ, также въ Перервинскомъ, въ Богословской пустыни и въ Троицко-Сергіевой лаврѣ; въ женскихъ: въ Ивановскомъ (монахинѣ Анастасіи Карповой отсѣчена голова), Новодѣвичьемъ, Никитскомъ, Рождественскомъ, Страстномъ, Варсонофьевскомъ (монахинѣ Маріи Трофимовой отрублена голова) и Георгіевскомъ.

нимало не похожими, не унижай въ сердцѣ своемъ Григорьюшку... Не глумись даже мысленно... Напередъ тебѣ говорю: не важно сказанье, важно иносказанье, важенъ таинственный смыслъ того, чтò станетъ онъ теперь говорить... Людямъ малаго вѣдѣнія не понять ни Бема ни Сенъ-Мартена, какъ тебѣ или мнѣ. Не могутъ они питаться твердой пищей; какъ дѣтямъ, имъ нужно еще молоко. Не глумись же, ни надъ чѣмъ не глумись, чтò ни услышишь отъ Григорьюшки.

Промолчала Дуня.

Разсказываетъ Устюговъ, какъ въ стародавніе годы на рѣкѣ Окѣ, въ Стародубской сторонѣ *), на горѣ Городинѣ явился «верховный гость», «богатый-богатина» Данила Филиппычъ и какъ жилъ онъ потомъ въ деревнѣ Старовой, въ верховой Костромской сторонѣ **), поучая къ нему приходившихъ. Такъ пришелъ онъ однажды на Волгу, а народу было тутъ многое-множество. И шли средь людей великіе споры о томъ, которыя книги лучше: старыя или новыя, Никономъ печатанныя. И спросили люди богатаго-богатину:—«По какимъ книгамъ велишь молиться намъ? Старыя опорочены, новыя многимъ сумнительны». И собралъ Данила Филиппычъ старыя книги и новыя, побросалъ всѣ въ Волгу рѣку и такія слова Божьимъ людямъ сказалъ:—«Ни старыхъ ни новыхъ книгъ не пріемлите, да и грамота вся и ученье вамъ не надобны. Есть у васъ писаніе. Писано оно не на бумагѣ, не на хартіи, не на скрижаляхъ золотыхъ или каменныхъ, а на скрижаляхъ сердецъ вашихъ. Чтò на сердцахъ вашихъ напишется, то прорицайте на радѣніяхъ, и, чтò ни скажете въ восторгѣ неизглаголанномъ, то и будь вамъ закономъ и заповѣдьми. Будучи въ восторгѣ, самъ своихъ словъ не поймешь и не услышишь ихъ, зато другимъ они будутъ поученіемъ».

Замолкъ сказатель, и снова стали поклоняться ему бывшіе въ Сіонской горницѣ. Плакали, рыдали, припадая къ ногамъ его.

---

*) Стародубье, Стародубская сторона въ восточной части Владимірской губерніи (на Клязьмѣ есть село Кляземскій городокъ, въ старину Стародубъ). Гора Городина, Муромскаго уѣзда, близъ деревни Михалицъ, на правой сторонѣ Оки, верстахъ въ трехъ отъ нея и верстахъ въ 15-ти отъ извѣстнаго села Павлова (въ старину Павловъ перевозъ). Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

**) Деревня Старово на лѣвой сторонѣ Волги, верстахъ въ пятнадцати отъ нея и верстахъ въ двадцати отъ Костромы, въ приходѣ села Кріушева. На погостѣ Кріушева и схороненъ Данила Филиппычъ, на могилу его хлысты ходили на поклоненіе. Незадолго до пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія умерла послѣдняя въ родѣ Данилы Филиппыча, Устинья Васильевна. Хлысты ее называли «богинею». Данила Филиппычъ былъ изъ бѣглыхъ «солдатъ иноземнаго строя».

— Это притча, иносказаніе, — шопотомъ сказала Марья Ивановна Дунѣ. — Смыслъ его тотъ, что истина не въ книгахъ, а въ словѣ вдохновеннаго пророчества, сказанномъ на радѣніи.

Потомъ сталъ Устюговъ разсказывать о похожденіяхъ Данилы Филиппыча, какъ странствовалъ онъ въ рабскомъ, нищенскомъ образѣ, какъ учредилъ радѣнія, и какъ родился ему преемникъ, Иванъ Тимоѳеичъ Сусловъ.

Такъ говорилъ Устюговъ:

— А по близости горы Городины, въ той же сторонѣ Стародубской, бѣдная была, убогая деревня Максакова. А приходъ той деревни въ погостѣ Егорья *). И содѣялось въ той деревнѣ неслыханное чудо. Жилъ въ ней и долгій вѣкъ доживалъ старый-престарый нищій Тимоѳей Сусловъ. Смолоду опричь бороны да сохи ничего не зналъ и не вѣдалъ онъ, споконъ вѣка былъ безсемейнымъ, подъ оконьемъ христолюбцевъ подаяньемъ питался. Сбиралъ милостынку Христа ради и весь вѣкъ старцемъ былъ благочестивымъ. Отъ роду было ему сто лѣтъ и двадцать, а подружію его Аринѣ Нестеровнѣ сто лѣтъ ровно. А дѣтей у нихъ во всю жизнь не рожалось. Разъ, въ зимнюю стужу, въ бурную вьюгу пришелъ къ нимъ въ холодную избу невѣдомый нищій. У стариковъ была только одна сухая корочка хлѣбца. Нѣкая сердобольная вдовица кинула ее старой, безногой собакѣ своей Лыскѣ. Лыска корочку обнюхала, а грызть не стала. Тогда богатая вдовица, завидя проходившаго старца Тимоѳея, подняла корочку и подала ему Христа ради. И той корочкой люди Божьи Тимоѳей да Арина съ нищимъ, убогимъ человѣкомъ подѣлились, на печкѣ его спать положили, а сами въ холодную клѣть ночевать пошли. На утро нищій сталъ въ путь собираться, а старикъ со старухой его не пускаютъ. Всего животовъ **) у нихъ была курочка-хохлатка. Какъ дочку родную они ее любили, иной разъ сами голодаютъ, а хохлаточку накормятъ; сами холодаютъ, а курочку въ теплое мѣстечко на нашестку сажаютъ. Миловались они на нее, любовались, и была имъ та курочка въ бѣдной долѣ единой утѣхой, была старику со старухой единой отрадой. А къ нимъ ужъ лѣтъ съ пятьдесятъ никто въ домъ не заглядывалъ, никто не переступалъ ихъ порога. Къ богатому да къ чивому на крыльцо не протолкаться, у

---

*) Въ Егорьевѣ погостѣ (поселокъ одного только церковнаго причта) есть приходская церковь св. Георгія. Къ приходу ея принадлежитъ деревня Максакова.

**) Животы — имѣнье.

нищаго, убогаго нечего взять. Возрадовались нежданному гостю старецъ Тимоѳей со старицей Ариной, ровно сокровище какое Богъ даровалъ имъ. На разставаньи съ нищимъ, угостили они его, чѣмъ только могли. Горючими слезами обливаючись, съ острымъ ножомъ пошелъ Тимоѳей къ возлюбленной курочкѣ. Свѣту не взвидѣлъ, какъ изъ горлышка ея брызнула горячая, алая кровь. Стонала, рыдала старица Арина, ощипывая ненаглядную пеструшку... И когда нищій уходилъ отъ Тимоѳея, а старица Арина пошла до околицы котомку его донести, сказалъ онъ имъ:—«Заплачу̀ вамъ, добрые люди, за курочку вашу сыномъ. Ты, Аринушка, родишь сына Тимоѳеюшкѣ». Старецъ со старицей хотѣли-было сказать нищему, что несбыточно пророчество его, но убогій не сталъ говорить съ ними... Пошелъ, и нѣтъ его.

— То былъ богатый-богатина Данила Филиппычъ, Господь Саваоѳъ, — заговорили люди Божьи, когда смолкъ ослабѣвшій Устюговъ. Волновалась его грудь, восторженнымъ блескомъ горѣли глаза. Едва можетъ онъ сдерживать подступавшія къ сердцу рыданья.

Отдохнувши немного, такъ продолжалъ онъ сказанье:

— И родился у Арины сынъ обѣтованный. Надивиться не могли, какъ это родила столѣтняя старуха. И прежде никто къ убогому старцу въ домишко не заглядывалъ, а теперь всѣ отъ него сторонятся, каждый норовитъ Тимоѳееву избенку подальше обойти. Судятъ да рядятъ въ народѣ:—«Слыхано-ль, видано-ль, чтобъ столѣтняя старуха сына родила? Тутъ волхванье, тутъ чародѣйство!» И собрались мужики спалить убогую избенку и въ ней Тимоѳея съ Ариной и съ ихъ отродьемъ, да отвѣта передъ судомъ побоялись. Никто къ Тимоѳею въ кумовья не шелъ — кого ни попроситъ, всякъ смѣется надъ нимъ да ругается. И не во что было младенца положить: ни зыбки, ни люльки, ни колыбельки — хоть на полъ подъ лавку клади. Поднялъ Тимоѳей на улицѣ расколотое корыто; много лѣтъ изъ него сосѣди кормили свиней, а когда оно раскололось, выкинули долой со двора. И положилъ Тимоѳей въ то корыто обѣтованнаго сына. Шесть недѣль искалъ кума, и никто надъ нимъ не сжалился, никто не пошелъ младенца крестить. Тогда повстрѣчалъ Тимоѳей того нищаго, что̀ предсказалъ ему рожденіе сына. Самъ онъ къ нему въ кумовья назвался и окрестилъ младенца. И былъ нареченъ онъ Іоанномъ.

Примолкъ дряхлый сказатель. Новые клики, новые вопли, новые визги раздались по Сіонской горницѣ. Немного отдохнувъ, продолжалъ Устюговъ:

— Исполнилось Ивану Тимоѳеичу тридцать лѣтъ съ годомъ; тогда «верховный гость» призвалъ его въ свой Божій домъ въ деревню Старову. И когда тотъ пришелъ, «богатый-богатина» повелѣлъ своимъ ученикамъ, чтобъ они во всемъ слушали его возлюбленнаго сына и всякую бы волю его исполняли. И пошелъ послѣ того Иванъ Тимоѳеичъ странствовать. А ходилъ онъ въ рабскомъ образѣ, въ разодранномъ рубищѣ, безъ шапки, безъ обуви, ходилъ холоденъ, голоденъ, нищъ, безпріютенъ, и не было ему мѣста середь людей. Много страдалъ отъ людей неувѣровавшихъ, а потомъ жилъ въ Москвѣ на вольной волѣ, на полной свободѣ у Донского монастыря, возлѣ улицы Шаболовки *). И не было ему тутъ ни озлобленій ни утѣсненій, а учениковъ съ каждымъ годомъ прибывало все больше да больше. Тогда перешелъ онъ въ новый домъ на Мѣщанской третьей улицѣ. И въ тотъ домъ, по зову Ивана Тимоѳеича, приходилъ престарѣлый верховный гость, богатый-богатина Данила Филиппычъ. Не два солнышка въ чистомъ небѣ сокаталися, а Данила Филиппычъ съ Иваномъ Тимоѳеичемъ сходилися, и другъ другу они до земли поклонилися. Поклоняется Иванъ Тимоѳеичъ, а самъ такія рѣчи приговариваетъ:—«Ты добро, сударь, въ мою палатушку пожаловалъ! Не побрезгай, государь, убогой моей кельею. У меня про тебя все припасено и сготовлено: и столы-то разставлены, по столамъ-то разостланы скатертки камчатныя, приготовлены тебѣ, гость дорогой, яства сахарныя со питьями со медвяными. Добро, государь, ко мнѣ пожаловать, моего хлѣба-соли откушати, а я радъ тебя послушати. А не сахарныя яства поставлю передъ тобой, не медвяное питье я налью тебѣ — поставлю предъ тобой учениковъ моихъ!» И по семъ «верховный гость» со своимъ сыномъ возлюбленнымъ не дни, не часы, а многія недѣли за однимъ столомъ **) бесѣду вели про спасеніе вѣрныхъ-праведныхъ. И каждую ночь бывали у нихъ радѣнія. На святомъ на кругу радѣлъ богатый-богатина Данила Филиппычъ, «въ словѣ ходилъ» Иванъ Тимоѳеичъ. И по маломъ времени умеръ Данила Филиппычъ, а лѣтъ черезъ пятнадцать

*) Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что въ 1710 г. въ Москвѣ былъ домъ крестьянина г. Нарышкина, деревни Максаковой, Ивана Тимоѳеева Суслова, за Москвой рѣкой, между Шаболовской и Донской улицами. У Ивана Тимоѳеева была лавка въ масляномъ ряду, чтобы считаться ему торговымъ человѣкомъ, но самъ онъ никогда въ той лавкѣ не бывалъ.

**) Этотъ столъ, взятый въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія у московскихъ хлыстовъ, близъ Сухаревской башни, находится въ собраніи раскольничьихъ вещей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. На доскѣ его написаны по-иконному портреты Данилы Филиппыча и Ивана Тимоѳеича.

по кончинѣ его Иванъ Тимоѳеичъ отошелъ отъ земной жизни, и схоронили его въ Москвѣ при церкви Николы на Грачахъ *).

Послѣднихъ словъ Устюгова не было слышно. Дряхлый сказатель ослабъ и впалъ въ безпамятство. Тогда началось радѣнье — кто подпрыгиваетъ, кто приплясываетъ, иные ровно мертвые лежатъ на полу безъ движенія, глаза у нихъ расширились, глядятъ безсмысленно, изо рта пѣна клубомъ. Падучая **)!

А пѣсня, грустная, печальная пѣсня громче и громче поется въ Сіонской горницѣ. Ножный топотъ, изступленные визги и дикіе, неистовые крики раздаются по ней. Поютъ Божьи люди:

Пойду, пойду, сынъ гостиный,
Ко тихому Дону,
Вступлю на кораблинъ,
Стану работати,
Труда прикладати.
Потъ свой изливати,
Въ трубушку играти,
Вѣрныхъ утѣшати,
Вѣрныхъ избранныхъ,
Всѣхъ братьевъ, сестрицевъ,
Духовныхъ, любовныхъ.
Пойду, сынъ гостиный,
Въ зеленый садочекъ.
Въ саду побываю,
Древо покачаю.
Одно въ саду древо,
Оно было мило,
А нонѣча древо
Вдругъ печально стало.
Спрошу, сынъ гостиный,
Печальнаго древа:
Отчего печально,
Отчего кручинно?
Отвѣтитъ то древо
Гостиному сыну:
„Государь надёжа,
Батюшка родимый,
Оттого печально,

*) Приходская церковь тогда на Земляномъ Валу, теперь на Садовой. Третья Мѣщанская улица идетъ съ Садовой въ противную отъ той церкви сторону. Тамъ до 1845 г. былъ хлыстовскій домъ и въ немъ святой колодецъ. Тотъ домъ стоялъ на мѣстѣ «божьяго дома», устроеннаго Иваномъ Сусловымъ.

**) Между хлыстами много бывало больныхъ падучею болѣзнью. Самъ Иванъ Тимоѳеичъ Сусловъ, а также и преемникъ его Прокопій Лупкинъ подвержены были этой болѣзни. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что нижегородскій стрѣлецъ полка Батурина Прокопій Данилычъ Лупкинъ 17-го августа 1710 года былъ въ Москвѣ на смотру у Кирилы Лаврентьевича Чичерина и по осмотрѣ отъ службы отставленъ «за падучею болѣзнью».

Оттого кручинно —
Вершинку сломало
Отъ тучи отъ грозной,
Погоды холодной".
Въ томъ во садочкѣ
Стояла свѣтлица,
Въ той во свѣтлицѣ
Сидѣла дѣвица,
Плакала, рыдала,
Гостя ожидала,
Гостя дорогого,
Батюшку родного:
„Укрой ты насъ, батюшка,
Отъ тучи отъ грозной,
Погоды холодной!"

Когда все мало-по-малу стихло, мѣрнымъ голосомъ сталъ говорить кормщикъ. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Говорилъ онъ, что разсказанное Григорьюшкой въ наши дни повторятся. Говорилъ о бывшемъ землетрясеньи на горѣ Араратской, какъ вершина ея сизыми тучами облеклась, какъ изъ тучъ лились ярыя молніи потоками, какъ стонала земля и возгремѣли до той поры неслыханные никогда громы. Затряслась гора Араратская, растрескалась па части, оторвались отъ нея скалы и вѣчныя льдины... И тогда вновь явился богатый-богатина Господь Саваоѳъ. Имя его осталось невѣдомымъ, а велѣлъ онъ себя называть «старцемъ іерусалимскимъ». Разсказалъ Николай Александрычъ, что за Кавказомъ ихъ единовѣрцы, тамошніе Божьи люди, признали старца того Богомъ. Черезъ шесть дней іерусалимскаго старца не стало. Но еще прежде, чѣмъ оставилъ онъ вѣденцевъ, назначилъ имъ по себѣ преемника, былъ бы у нихъ и христомъ, и царемъ, и пророкомъ, и первосвященникомъ. И съ той поры пошли по хлыстовскимъ кораблямъ и корабликамъ смутные толки и неясныя сказанья про араратскаго царя Максима Комара. Говорили, что онъ во многомъ измѣняетъ вѣрованья и обряды, творитъ чудеса, и что всякая воля его исполняется безпрекословно, безъ сомнѣній, безъ разсужденій, и что завелъ онъ въ закавказскихъ корабляхъ духовныхъ женъ.

— Вотъ онъ пишетъ къ намъ посланіе, — сказалъ Николай Александрычъ.

И, вынувъ изъ стола письмо Егора Сергѣича, прочиталъ:

«Приведу васъ отъ сѣвера изъ хладныхъ мрачныхъ странъ въ мѣсто вѣчнаго покоя, всякой радости и всякой сладости. Съ плачемъ изыдите изъ мѣстъ вашихъ, съ весельемъ пріидите сюда въ мѣста благодатныя. Черезъ многіе воды проведу я васъ прямымъ путемъ, и вы не заблудитесь. Пріидите

же ко мнѣ избранные ото всѣхъ племенъ человѣческихъ — здѣсь, на горѣ Араратѣ, на райской рѣкѣ на Ефратѣ, обращу ваши нужды и печали на покой и отраду. Удержите же рыданія, удержите источники слезные — напою души жаждущія, напитаю души алчущія, на сердцахъ вашихъ напишу законъ правды».

— Вотъ, — продолжалъ Николай Александрычъ: — я все вамъ сказалъ. А изъ тамошнихъ мѣстъ ѣдетъ племянникъ нашъ Сергѣюшка, скоро увидимъ его. Привезетъ онъ вѣсти обо всемъ, чтò творится у нашихъ братьевъ на подножьяхъ горы Араратской. Вотъ я повѣдалъ собору о «вѣденцахъ». Сами судите, идти ли намъ изъ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстъ на югъ араратскій.

Сильно поразили Дуню сказанья Устюгова про Саваоѳа богатаго-богатину и про Ивана Тимоѳеича. Хоть и много говаривала она про новую принятую ею вѣру и съ Марьей Ивановной и съ Луповицкими, но никто изъ нихъ, даже ея подруги, Варенька съ Катенькой, о томъ ни слова не говаривали. Много бывало у нихъ бесѣдъ, но все говорилось объ умерщвленіи плоти, о радѣніяхъ, о хожденіи въ словѣ, о таинственной смерти и воскресеніи; сказаній о новыхъ христахъ разговоры ихъ не касались.

Призадумалась Дуня, услыхавъ столь много новаго и непонятнаго. «Стало-быть, не вся ихъ тайна открыта мнѣ... Всего не хотѣли сказать... И другія, вѣрно, есть тайности, а мнѣ не открываютъ ихъ... Да, я, видно, изъ малаго вѣдѣнія! Мнѣ нужно молоко, какъ сейчасъ говорила Марья Ивановна... Такъ вотъ они какіе!.. А третьяго-дня увѣряли, что вѣдѣніемъ своимъ я достигла всего; Николай Александрычъ сказалъ, что теперь великъ мой духъ на землѣ, и что мнѣ недостаетъ только духовнаго супружества... Но что-жъ это за духовный супругъ? Больше года слышу про него, а все еще не знаю, чтò это такое... Скрываютъ отъ меня, все скрываютъ, а увѣряютъ, что вся тайна мнѣ повѣдана, что я знаю все, и земное и небесное... А я ровно ничего не знаю... Зачѣмъ же увѣрять?.. Для чего они таятся?.. Живя здѣсь для нихъ, я отстала отъ многаго... Вотъ послѣзавтра первый Спасъ — Успенскій постъ начнется, а я должна буду съ ними скоромиться. Согрѣшила — середу, пятницу нарушила, Петровъ постъ нарушила, Успенскаго нарушить нельзя!.. Чтò буду дѣлать?»

Погруженная въ раздумье, Дуня не чувствовала восторга, чтò каждый разъ находилъ на нее на радѣніяхъ. Сидитъ безмолвная, недвижимая, взоры у ней строгіе, взглядъ суровый. А межъ тѣмъ громче и громче раздаются неистовые вопли,

плачъ и рыданья. Ждутъ не дождутся на кругу пророчицы. Ждутъ не дождутся Дуни. Всѣ жаждутъ слышать изъ устъ ея прореченія... А она ровно мертвая. Склонила голову въ изнеможеньи, пребывая въ строгомъ, безчувственномъ покоѣ.

— Скажи, блаженная! Вѣщай слова пророчества!.. Пролей изъ чистыхъ устъ твоихъ сказанья несказанныя!.. — Такъ самъ кормщикъ молилъ Дуню, крестясь на нее обѣими руками и преклоняясь до земли.

Молчитъ Дуня. Ни слова въ отвѣтъ.

«Зачѣмъ скрываютъ? — сама думаетъ. — Вѣдь я приведена. Зачѣмъ же смущаютъ ни съ чѣмъ несообразными богохульными разсказами про какого-то верховнаго гостя, про какихъ-то Ивана Тимоѳеича да царя Максима?.. Зачѣмъ отторгли они меня отъ всего, къ чему я съ малыхъ лѣтъ привыкла? А была я тогда безмятежна, сомнѣній не знала и тревогъ душевныхъ не знала».

— Вѣщай, чистая, святая душа!.. Скажи глаголы истины!.. Сподобилась ты дара пророческаго, освѣтилась душа твоя свѣтомъ неприступнымъ. Ты избранница, ты уготованная агница!.. — Такъ ублажали Дуню хлысты, собранные въ Сіонской горницѣ.

И съ плачемъ, и съ воплями, и съ рыданьями припадали къ ногамъ ея.

Недвижима Дуня. Не слышитъ слезныхъ моленій. Сидѣвшія возлѣ нея Варенька съ Катенькой, Марья Ивановна съ Варварой Петровной то просятъ, то понуждаютъ ее «въ словѣ ходить». И тѣхъ не слышитъ Дуня, вспоминается ей домъ родительскій.

«У Макарья теперь тятенька, — одна за другой приходятъ мысли къ ней. — Въ хлопотахъ да въ заботахъ сидитъ въ мурьѣ каравана. Не такъ жилъ лѣтошній годъ со мной... Кто его теперь порадуетъ, кто утѣшитъ, кто успокоитъ?.. Когда-то увижусь съ нимъ?.. Когда-то попрежнему стану коротать съ нимъ время, да еще съ сердечной Дарьей Сергѣвной?.. Что̀ я за агница обѣтованная? Кому я обѣтованная?.. Бѣжать, бѣжать!.. Иль въ самомъ дѣлѣ нѣтъ отсюда возврата?»

И вдругъ ни съ того ни съ сего вспомнилось ей катанье по низовью Оки... Мерещится красивый образъ пугливаго «капитана»... Стоитъ со стаканомъ волжскаго квасу, а искрометный взоръ его проникаетъ въ самую глубь души ея... Пѣсня послышалась... Послышалась она не въ Сіонской горницѣ, а въ сокровенномъ тайникѣ Дунина сердца... Вслушивается — нѣтъ, это не та пѣснь, что̀ пѣлась во время катанья... Но вотъ опять всѣ передъ ней преклоняются, горько

плачутъ, слезно просятъ, отверзла бы уста, наполнилась духомъ и прорекла «общую судьбу» кораблю. Выпѣваютъ ей молитвенными голосами, скорбными, печальными:

Ты блаженна, преблаженна,
Душа дѣвица смиренна.
Изо всѣхъ людей избранна!
Ты раскрой свои уста,
Прореки намъ чудеса!
Обличи насъ обличеньемъ
И порадуй разрѣшеньемъ
Ото всѣхъ нашихъ грѣховъ,
Напущённыхъ отъ враговъ!
Не жалѣй своихъ трудовъ —
Духомъ въ небеса лети.
За насъ, бѣдныхъ, умоли,
Милости намъ сотвори!
Смани сокола изъ рая,
Изъ небеснаго изъ края,
Духомъ правымъ возгласи,
Своимъ словомъ насъ спаси!

Не слышитъ Дуня ни пѣсни ни восклицаній. Напрасно ждутъ отъ ней вдохновеній. Видя, что сидитъ она безотвѣтная, бывшіе въ Сіонской горницѣ стали-было межъ собою переговаривать:

— Накатило!.. Духомъ завладало!.. Въ молчаньи онъ открывается.

И, оставивъ въ покоѣ Дуню, стали радѣть «Давидовымъ радѣньемъ». Не вышла на «кругъ» Дуня, попрежнему сидитъ недвижная.

Скачутъ, вертятся, кружатся. Градомъ льетъ со всѣхъ потъ. Ходитъ по горницѣ и чуть не тушитъ свѣчей вѣтеръ отъ раздувающихся радѣльныхъ рубахъ и отъ маханья пальмовыми вѣтвями. А Дуня все сидитъ, все молчитъ.

Вдругъ пронзительнымъ, рѣзкимъ голосомъ взвизгнула Варенька. Пѣна у ней на губахъ показалась. Съ криками: «накатилъ, накатилъ!», въ страшныхъ судорогахъ грохнулась она на полъ.

Очнулась, поднялась. Дикимъ изступленнымъ блескомъ горятъ широко раскрытые ея глаза, кровавымъ заревомъ пышетъ лицо, обѣими руками откидываетъ она падающіе на лицо распущенные волосы. Опять всѣ кружатся, опять поютъ, ударяя ладонями по колѣнамъ.

Дикими, громкими голосами они поютъ:

Затрубила труба, затрубила,
Затрубила труба не простая,
Не простая труба, золотая,
Золотая, архангельская!..

Загудѣли гусли-мысли,
Гусли-мысли не простыя,
Не простыя, звончатыя,
На нихъ струны не простыя,
Не простыя, жиловыя *),
Тѣ архангельскія струны — золотыя.
На тѣхъ гусляхъ звончатыхъ
Возыграли, воспѣвали
Царь Давидъ передъ ковчегомъ,
Соломонъ царь на Сіонѣ.
Гусли, гусли, самогуды!..
Сами на струнахъ играють,
Сами пѣсни воспѣвають,
Сами пляшуть, сами скачуть,
Думы за горы заносять!
Думы изъ-за горъ выносять!
Гусли, гусли звончатые,
Струны, струны золотыя,
Говорите гусли-мысли,
Воспѣвайте струны пѣсни,
Воспѣвайте Царя неба,
Возносите Христа Бога,
Возыграйте Духу Святу!
Будь Ты пастырь намъ единый,
Прими насъ въ небесно царство!

Еще не допѣли хлысты, какъ Варенька опять закричала нечеловѣческимъ голосомъ. Всѣмъ тѣломъ затряслась она. Ухватясь за уголъ кормщикова стола, изступленно озиралась она по сторонамъ, ежеминутно вскрикивая и всхлипывая отъ душившихъ ее рыданій. Говоръ пошелъ по Сіонской горницѣ:

— Накатилъ, накатилъ! Станетъ въ словѣ ходить! Пойдетъ!..

А Дуня все сидитъ, все молчитъ, едва придерживая склоненную до самаго пола пальмовую вѣтку.

«Выпѣваетъ» Варенька:

— Ай духъ! Ай духъ!.. Ой эва, ой эва **)!.. Накатилъ, накатилъ!.. Эка радость, эта милость, эка благодать, стала духомъ обладать!..

И потомъ стала говорить, что вотъ идетъ посолъ отъ закавказскихъ братьевъ. Наставитъ онъ на всяко благо. Забудемъ скорби и печали, скоро настанетъ блаженный день свѣта и славы. Съ любовью и упованьемъ станемъ ждать посланника. Что ни повелитъ, все творите, что ни возвѣститъ,

*) Жиловая струна — сдѣланная изъ сухожилья.

**) «Ой эва!» — древнее вакхическое восклицаніе, употребляется хлыстами во время ихъ изступленнаго состоянія. См. донесеніе въ Святѣйшій Синодъ (1809 года) калужскаго священника Сергѣева, бывшаго нѣкоторое время въ хлыстовской сектѣ. Употребляются также: «ой эванъ!», «эваной!», «эвоэ» — тоже клики вакханокъ.

всему вѣрьте. Блюдитесь житейской суеты, ежечасно боритесь со злымъ, боритесь съ лукавымъ княземъ міра сего, являйте другъ ко другу любовь, и благодать пребудетъ съ вами.

Сказала и безъ чувствъ упала наземь. Подняли ее, положили на диванчикъ возлѣ Дуни. Тяжело дышала Варенька. Изъ высоко и трепетно поднимавшейся груди исходили болѣзненные, жалобные стоны. Всю ее сводило и корчило въ судорогахъ. Марья Ивановна бережно прикрыла лицо ея покровцемъ. Но изъ другихъ, бывшихъ въ Сіонской горницѣ, никто не встревожился ея припадкомъ. Всѣ были рады ему. Съ набожнымъ восторгомъ говорили хлысты:

— Экая сила въ ней вдругъ проявилась!

— Велика благодать!

— Великъ въ ней духъ!

А Дуня сидитъ да молчитъ. Кончилась другая проповѣдь кормщика, кончились и пляски и пѣсни, всѣ пошли за трапезу, а Дуня, надѣвши обычное платье, ушла въ свою комнату и заперлась въ ней.

Раздвоялись ея мысли. Скучающій отецъ и призваніе отъ тьмы невѣдѣнія къ свѣту сокровенной тайны! Обычная жизнь купеческой дѣвушки и вольная, свободная, восторженная искательница благодати! Тамъ «измѣнщикъ» Петръ Степанычъ, здѣсь — таинственный духовный супругъ... «Но что-жъ это за духовный супругъ?.. Узнаю-ль когда?.. Скоро ли?»

Такъ раздумывала Дуня, и въ этихъ думахъ прошло все утро, прошелъ и цѣлый день у нея.

Подъ самый ужъ вечеръ подошла къ Дуниной комнатѣ Варенька и постучалась.

Когда Дуня отперла дверь, Варенька пристально посмотрѣла на подругу. Дуня немного смутилась.

— Отчего «не ходила въ словѣ»? — строгимъ голосомъ спросила Варенька.

— Не знаю, — чуть слышно отвѣтила Дуня.

— Опять суета отуманила? О житейскомъ раздумалась?.. — сказала Варенька.

— Нѣтъ, — прошептала Дуня.

— Духу лжи не работай, словъ неправды не говори, — строже прежняго заговорила Варенька. — Я замѣтила, что у тебя на соборѣ лицо было мрачное. Темное такое, недоброе. Видно, что врагъ въ душѣ твоей сѣялъ плевелы. Смущаетъ онъ тебя чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ во мнѣ смущенья, — твердо отвѣтила Дуня.

— Отчего-жъ ты на соборѣ была такая думчивая? — продолжала Варенька. — О чемъ раздумалась?.. Тревога житей-

ская, аль опять сомнѣнья?.. Уныніе или мірскія заботы?.. Перестань думать о нихъ. Никакія заботы, никакія житейскія попеченья не стоятъ чистыхъ твоихъ думъ... Передо мной не таясь, скажи всю правду... Моими, или устами другихъ будешь обличена на соборѣ, тогда все откроется, все, что̀ ни есть у тебя на душѣ.

Страшна, ужасна показалась Варенька Дунѣ. Прежде она такая была тихая, нѣжная, ласковая; теперь совсѣмъ иною явилась. Глаза горѣли изступленьемъ, взоры, казалось, проникали въ самую глубь Дуниной души, и Дуня невольно содрогалась передъ пытливыми взорами. Лицо Вареньки пламенѣло, блѣдныя, сухія ея губы то и дѣло судорожно вздрагивали. Не было въ ней теперь и обычной миловидности; что-то звѣрское замѣнило ее. Смутилась Дуня, трепетъ сталъ пробѣгать по ея тѣлу, не въ силахъ она была прямо смотрѣть на многолюбимую прежде подругу, слезы изъ глазъ выступали. Закрывши платкомъ лицо, робкимъ голосомъ она промолвила:

— Признаюсь. Сомнѣнье... Послѣзавтра Успенскій постъ. Что̀ ни помню себя, никогда въ этотъ постъ я не скоромилась, а здѣсь безъ того нельзя... Тяжело... Смущаетъ меня...

— Только-то? — прежнимъ голосомъ ласки промолвила съ улыбкой Варенька. — Чѣмъ же тутъ смущаться?.. Не въ одинъ Успенскій постъ, а всю жизнь надо поститься. Но что̀ такое постъ? Не въ томъ онъ, чтобы молока да яицъ не ѣсть — это дѣло тѣлесное, нечего о немъ заботиться. Душой надо поститься, скорбѣть, ежели совѣсть тебя въ чемъ-нибудь зазираетъ... Сердце смиренное, духъ сокрушенный — вотъ настоящій постъ.

— А меня совѣсть въ томъ упрекаетъ, что постовъ не держу, не соблюдаю ни середы ни пятницы, даже въ Петровъ постъ скоромилась. А тутъ Успенскій... — сильно волнуясь, говорила Дуня.

— Кто-жъ неволитъ тебя оставлять мірскіе посты? Они вѣдь тѣлесные... — сказала Варенька. — Постничай, сколько душѣ угодно, только не смущай себя. Было бы у тебя сердце чисто да вѣра истинная, безъ сомнѣній. Помни, что ты ужъ въ оградѣ спасенія... Помни клятву, что не будетъ у тебя сомнѣній, что всю жизнь будешь удаляться отъ міра и всѣхъ его заботъ и попеченій, ото всей злобы и суеты его... Вѣдь тебѣ открыта тайна Божья?.. Вѣдь ты возлюбила праведную вѣру?..

— Вполнѣ ли тайну-то открыли мнѣ? — послѣ долгаго молчанья прошептала Дуня. — Все ли разсказали?.. Все ли я знаю?

— Тайна раскрыта, — сказала Варенька.

— Вся ли? — промолвила Дуня.

— Не понимаю, что говоришь, — сказала Варенька. — Что-жь тебѣ неизвѣстно?.. Однако здѣсь душно, пойдемъ лучше въ садъ.

И пошли онѣ въ садъ и сѣли тамъ другъ противъ друга за столомъ, окруженнымъ скамьями.

— Что-жъ отъ тебя скрыто? — спросила Варенька, когда сѣли онѣ. — Какая тайна тебѣ не открыта?

— А говорилъ ли мнѣ кто про гору Городину? А говорилъ ли кто про Араратъ? — обиженно молвила Дуня. — Я приведена, отъ прежняго отреклась — отъ вѣры, отъ отца, отъ дома... И, ослѣпленная, я думала, что все знаю, все постигла, все поняла. А выходитъ—ничего не знаю. Что-жъ это? Завлекли?.. Обмануть хотѣли?

— Стой! стой! Опомнись! Удержись отъ хулы... Ничего нѣтъ тяжелѣе этого грѣха, — вскрикнула Варенька, зажимая рукой уста Дуни. — Успокойся, слушай!

Ни слова не сказала Дуня. Оперлась локтями о столъ и закрыла лицо ладонями. Стала говорить Варенька:

— Не всякому дается постигать умомъ великія тайны. Для того много надо напередъ прочитать, много уразумѣть, чтобы потомъ узнать вполнѣ тайну. Простымъ неначитаннымъ людямъ малаго вѣдѣнія она открывается будто подъ покровомъ — въ сказаньяхъ и притчахъ... Но и тутъ каждое сказанье имѣетъ таинственный смыслъ. Ты много людей видала въ Сіонской горницѣ, а у многихъ ли изъ нихъ есть духовно отверстыя уши, чтобы понять сокровенную тайну? Не божедомки *), конечно, не солдаты съ крестьянками, не дьяконъ Мемнонъ, не юродивые, не Серафима Ильинична со вздорными монахинями обладаютъ высшимъ вѣдѣніемъ. Только и есть, что наша семья, Катенька съ отцомъ, да еще развѣ Строинскій, Дмитрій Осипычъ. И тебя такою же считаемъ. Твои уши вполнѣ разверсты, ты можешь понимать таинственный смыслъ сказаній и старыхъ и новыхъ... Потому тебѣ про богатаго-богатину, про Ивана Тимоѳеича и про другихъ не говорили, а прямо открывали сокровенныя тайны. Къ чему было говорить тебѣ про эти басни?.. Лишняго не нужно тебѣ. Тетенька Марья Ивановна, когда еще привезла тебя, сказала намъ, что ты много читала, обо многомъ говорила съ ней, и что сокровенная тайна вполнѣ почти извѣстна тебѣ... Такъ и вышло. Зачѣмъ же было разсказывать тебѣ сказки про соше-

---

*) Божедомъ — призрѣваемый въ богадѣльнѣ.

ствіе на землю Саваоѳа, про небывалыя смерти и тѣлесныя воскресенія разныхъ христовъ? Все это вздоръ, пустяки, никто изъ насъ не вѣритъ имъ, а для людей малаго вѣдѣнія они необходимы... Вотъ почему не говорили тебѣ ни про гору Городину, ни про Ивана Тимоѳеича, ни про другихъ, простыми людьми святыми и даже богами почитаемыхъ...

Тяжелъ былъ Дунѣ этотъ разговоръ.—«Все, видно, у нихъ на обманѣ стоитъ,—думала она.—Если меня не обманываютъ, такъ этихъ простыхъ людей обманываютъ... Зачѣмъ же? Для чего открывать однимъ больше, другимъ меньше? Гдѣ обманъ, тамъ правды нѣтъ... Стало-быть, и вѣра ихъ не права. Страшно было даже слушать, что̀ говорили они на великомъ соборѣ!.. У нихъ какому-нибудь Ивану Суслову ни почемъ назвать себя сыномъ Божьимъ — всѣ ему вѣрятъ... А потомъ еще будто тѣло создано лукавымъ... И я тому вѣрила... Творецъ — одинъ, а имъ мало одного, нечистаго еще творцомъ признали... Грѣхъ! Грѣхъ и безуміе. Отшатнулась отъ нихъ душа моя... Въ какую однако пучину попала я! Господи, помоги, Господи, избавь отъ сѣчи ловчей!»

Какъ ни заговаривала Варенька, какихъ рѣчей ни заводила, отвѣтовъ Дуня не даетъ. Настала ночь, и разошлись по своимъ комнатамъ недовольныя другъ другомъ подруги.

Глава десятая.

Послѣ «великаго собора» сторонніе люди дня три еще прогостили въ Луповицахъ, а на четвертый стали расходиться и разъѣзжаться. Остались четыре крестьянки изъ дальнихъ мѣстъ, каптенармусъ Устюговъ съ другомъ своимъ, фельдфебелемъ Богатыревымъ, да полоумная Серафима Ильинична съ неразлучными спутницами, матерью Сандуліей да матерью Иларіей. Пріѣхавши въ Луповицы, барышня съ большого ума вздумала попасти лошадей на своей землѣ, верстъ безъ малаго за сто. Въ степяхъ у ней была небольшая пожня, никто не нанималъ ее, а каждый годъ бывала она либо скошена, либо потравлена. Опытные въ наживѣ сосѣди находили, что краденое обходится всегда дешевле купленнаго, и оттого косили и травили Липутинскіе покосы, не считая того грѣхомъ. Заѣхавши въ Луповицы, юродивая барышня разочла, что ей будетъ выгодно стравить пожню своими конями, для того и послала туда тройку, а сама съ монахинями засѣла въ Луповицахъ, въ ожиданіи, когда воротятся покормившіяся лошадки.

Катенька Кислова съ отцомъ въ городъ уѣхали. Стоскова-

лась по ней больная мать, просила хоть на короткое время побывать у ней. Не хотѣлось Катенькѣ ѣхать, но дѣлать нечего — скрѣпя сердце, разсталась съ Варенькой и Дуней. Со слезами проводила ее Варенька, сдержанно простилась Дуня.

Когда собравшіеся въ дорогу сидѣли за прощальной трапезой, привезли почту. Николай Александрычъ новое письмо отъ Денисова получилъ. Писалъ тотъ, что его опять задержали дѣла, и что пріѣдетъ онъ въ Луповицы не раньше, какъ черезъ недѣлю послѣ Успенья, зато прогоститъ недѣли три, а можетъ, и мѣсяцъ. Всѣ были рады, а кормщикъ обѣщалъ, только-что пріѣдетъ онъ, повѣстить о томъ всѣхъ Божьихъ людей. И за то были ему благодарны.

И Дуня получила письма. Бѣгло прочтя, торопливо спрятала ихъ. На блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ ея тревога показалась, но никому не сказала она, о чемъ пишутъ къ ней отецъ и Дарья Сергѣвна. Спросила-было Марья Ивановна, нѣтъ ли новенькаго, но Дуня промолчала. А когда гости разъѣхались, заперлась она въ своей комнатѣ и нѣсколько разъ перечитывала письмо Марка Данилыча отъ Макарья, гдѣ онъ одинокій тосковалъ и скучалъ по ненаглядной своей дочкѣ. Напрасно стучались къ Дунѣ и Варенька и Марья Ивановна. Притворясь спящею, не отзывалась она.

А сама, лежа на постели, думаетъ:—«Тятенька зоветъ... Сейчасъ же зоветъ. Пишетъ: ежель не скоро привезетъ тебя Марья Ивановна, самъ пріѣду за тобой»... Господи!.. Если въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ! Насквозь увидитъ все, никакая малость не ухоронится отъ него... И Дарья Сергѣвна торопитъ. А какъ уѣдешь? Одной нельзя, а Марья Ивановна совсѣмъ, кажется, забыла про Фатьянку... А оставаться нельзя. Обманъ, неправда!.. Какъ же быть? Научи, Господи, вразуми!..»

Солнце было на закатѣ, надъ потухающимъ свѣтиломъ разостлались длинныя полосы золотистыхъ облаковъ. Тускнутъ лучи, и прохлада разливается въ воздухѣ. Послѣ жаркаго, душнаго дня отрадна и сладка вечерняя прохлада! Поглощенная думами, Дуня всего и всѣхъ избѣгаетъ. Ни на что бы ей не глядѣть, никого бы не видать, никого бы не слушать... Послѣ разговора съ Варенькой сомнѣнья въ правотѣ новой вѣры растутъ съ каждой минутой...—«Какъ же это, — все думаетъ она: — одно для знающихъ Бема и Сенъ-Мартена, другое для не читавшихъ ихъ?.. А тѣмъ и другимъ отъ семьи отлученье. А сами семьей живутъ...»

Отцовское письмо такое было ласковое, такое тоскливое... И жаль стало Дунѣ старика, положившаго въ нее душу свою. Одинокій, въ тоскѣ, въ печаляхъ, въ заботахъ, быть-можетъ,

больной!.. И никто ему не молвитъ привѣтнаго слова! Одинъ, какъ перстъ, одинъ-одинешенекъ...

А въ комнатѣ жара, духота — нѣтъ силъ оставаться въ ней. Въ садъ идти — съ кѣмъ-нибудь встрѣтишься. А это Дунѣ теперь хуже всего на свѣтѣ. Хочется быть одной, совсѣмъ одной... О, если бы можно было очутиться гдѣ-нибудь на безлюдьѣ, въ степяхъ, что̀ разстилаются гладью передъ Луповицами, либо заблудиться въ темныхъ заволжскихъ лѣсахъ, либо птичкой нестись въ быстрой лодкѣ по широкому раздолью Волги... И опять катанье въ косныхъ стало ей вспоминаться... Слышится ласковый голосъ, раздается за душу хватающая сладкая пѣсня... Какъ тогда было беззаботно, какъ весело, счастливо!.. На волю, на волю!

И пришло Дунѣ на память, что по обѣимъ сторонамъ дома насажены густо заросшіе палисадники, и что тамъ никого ни въ какое время не бываетъ. Едва слышными шагами пошла она туда. Черезъ силу отворила желѣзную калитку на ржавыхъ петляхъ и медленно пошла по дорожкѣ, когда-то усыпанной битымъ кирпичомъ, а теперь густо поросшей травою. Вдоль стѣнъ разрослись сирень, дикій жасминъ, ломоносъ, трубоцвѣтъ, дикій виноградъ, плющъ и вьюнокъ. Совсѣмъ почти закрывали они стѣны нижняго жилья. Высокой чугунной огорожи, отдѣлявшей палисадникъ отъ сада, не видно было изъ-за кустарниковъ — высокая бузина, густо разросшійся боярышникъ, деренъ, шиповникъ сплошь застилали ее. Съ перваго взгляда замѣтно было, что этотъ, когда-то на славу устроенный палисадникъ былъ запущенъ съ какой-то цѣлью... Кой-гдѣ сохранились гранитныя и мраморныя подножья. Когда-то стояли тутъ изваянья, быть-можетъ, дѣло замѣчательныхъ мастеровъ... Замѣтны были полуразрушенные, обсохшіе водоемы. И все было заброшено, какъ лишняя роскошь.

Въ укромномъ мѣстечкѣ сѣла Дуня на желѣзную скамью. Ниоткуда ея не видно. Опять раздумалась о томъ, что̀ узнала отъ Вареньки.

И опять ей чудится, что гдѣ-то далеко, не то въ необозримой степи, не то на золотистыхъ облакахъ, голоса раздаются. Это не удивило ее — часто ей слышатся невѣдомые голоса, часто даже видятся незримые тѣлесными глазами безтѣлесные образы. Не чужды они ей, свыклась съ ними, не пугаютъ ее ни гласы ни образы. И вотъ слышатся отдѣльныя слова... Будто пѣсня. Не одинъ голосъ поетъ, а много-много голосовъ. Грустно поютъ, въ чудной пѣснѣ слышны мольба и печаль. И чувствуетъ Дуня, что звуки льются не съ горнихъ высотъ,

не изъ степного раздолья, а зарождаются въ ея сердцѣ и потомъ отзываются и въ степи, и въ облакахъ, и въ листвѣ кустовъ... Какимъ-то болѣзненнымъ и вмѣстѣ отраднымъ потокомъ они не слухъ ея поражаютъ, а самую душу въ глубокихъ ея тайникахъ... Не голосъ ли это просвѣтленной души? Напѣвъ знакомъ... И радостны и отрадны стали вдругъ звуки... Вѣкъ бы слушать ихъ не наслушаться... Но чтò поютъ?.. Зачѣмъ поютъ?

Прислушивается Дуня. Голоса громче и громче... Пѣсня знакомая.

Я принесъ тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой,
На бѣлу грудь цѣпочку,
На шеюшку жемчужокъ.
Ты гори, гори, цѣпочка,
Разгорайся, жемчужокъ!
Ты люби меня, Дуняша,
Люби, миленькій дружокъ!

Встрепенулось у ней сердце и заныло. Чѣмъ-то страстно томительнымъ, но свѣжимъ и здоровымъ облилось оно. Подняла Дуня опущенныя въ землю очи... И — въ густой чащѣ сирени видитъ...

Съ мѣста вскочила, крѣпко прижавши руки къ дѣвственной груди.

Смотритъ... Нѣтъ, это не сонная греза, не таинственное видѣнье. Совсѣмъ не то, чтò видала она въ минуты восторга въ Сіонской горницѣ и чтò являлось ей въ тиши полуночнаго часа, когда предавалась она созерцанію.

«Онъ»! Живой! Тотъ, по комъ когда-то сердце болѣло, въ комъ думала счастье найти.

Зорко, участливо, скорбно глядитъ на нее Петръ Степанычъ. Въ глазахъ укоръ и раскаянье, на рѣсницахъ слезы...

«Фленушка!» — вихремъ пронеслось въ мысляхъ Дуни.

Его лицо оросилось слезнымъ потокомъ. И видитъ Дуня — робко простираетъ онъ къ ней руки... О чемъ-то молитъ... Преклоняется... А гдѣ-то далеко голоса, тихое бряцаніе арфы... и чудная пѣсня незримыхъ:

Любовь все прощаетъ,
Все покрываетъ, все забываетъ.

Ринулась къ «нему» съ отверстыми объятьями... Передъ ней Варенька.

— Вотъ куда ты запропастилась, а я искала-искала тебя... Чтò за охота ходить сюда?.. Больше часа искала я тебя по саду... Здѣсь сыро, мокро — пойдемъ лучше въ садъ!.. Еще

простудишься... И лягушекъ здѣсь множество... Мы никогда сюда не ходимъ.

Все исчезло, все смолкло отъ перваго звука Варенькина голоса. Молча опустилась Дуня на скамью. Изъ свѣтлаго рая да вдругъ на скорбную землю!.. Не знаетъ, что̀ и сказать... Досадно ей на Вареньку. Зачѣмъ нарушила сладкій покой ея? Зачѣмъ исчезли прекрасныя видѣнья? Зачѣмъ смолкли чудные голоса?..

— А я, искавши тебя, въ богадѣльню заходила, — продолжала Варенька. — У Матренушки цѣлый соборъ... Хочешь послушать людей «малаго вѣдѣнія»?.. Много ихъ тамъ. Непремѣнно опять станутъ толковать про Данилу Филиппыча, про Ивана Тимоѳеича. Ежели хочешь, пойдемъ. Только не въ богадѣльню, — въ вишенье станемъ. При насъ не станутъ много говорить. Пойдемъ, послушай.

— Постой! — молвила Дуня, отстраняя рукой Вареньку. — Я устала... Отдохнуть бы мнѣ...

— Такъ лучше въ саду отдохнешь, — сказала Варенька. — Здѣсь мѣсто глухое. Нарочно забросили его, чтобы стороннимъ этихъ оконъ не было видно. Это вѣдь Сіонская горница, — прибавила она, указывая на окна нижняго этажа. — Эти восемь оконъ Сіонской горницы, рядомъ въ три окна кладовая, тутъ сложены бѣлыя ризы *), знамена, покровцы и свѣчи. А дальше окна изъ одѣвальныхъ комнатъ.

Безсознательно глядѣла на все Дуня, думая совсѣмъ о другомъ. Она все еще была подъ вліяніемъ только-что исчезнувшаго видѣнья.

— Пойдемъ же въ садъ, — стояла на своемъ Варенька. — Нельзя здѣсь оставаться. Простудишься!

И, взявши Дуню за руку, почти насильно повела ее за собой. Сѣли въ саду на скамью подъ широко раскинувшимся дубомъ, что̀ высился передъ входомъ на длинную дорожку, по бокамъ обсаженную столѣтними липами. Напрасно Варенька заводила разговоры. Дуня ни однимъ словомъ не отзывалась ей — все еще не выходило у нея изъ памяти недавнее видѣнье... И объ отцѣ раздумалась, и было ей жалко его, и опять стало замывать ея сердце при воспоминаньи, какъ онъ теперь одинъ коротаетъ время, и возлѣ его нѣтъ ни души, чтобы пожалѣла его, приласкала, приголубила. — «Одна я умѣю угодить ему, — думаетъ она: — одну меня только любитъ онъ... А меня-то и нѣтъ при немъ. Ждетъ... Какъ тутъ быть?..»

Будто поняла Варенька, о чемъ Дуня перелетныя думы рас-

*) Бѣлыя ризы — рубашки, надѣваемыя Божьими людьми для радѣній

кидываетъ. Вспомнивъ, что утромъ получила она письма, повела рѣчь объ отъѣздѣ ея изъ Луповицъ.

— Недолго придется намъ пожить съ тобой. — сказала она. — Скоро надо будетъ распрощаться... Когда въ другой разъ увидимся? Кто знаетъ?.. Можетъ-быть, навсегда распростимся, на всю жизнь.

— Кто знаетъ?.. — едва слышнымъ шопотомъ промолвила Дуня, склонивъ бѣлокурую головку. Но въ шопотѣ ея ужъ не было ничего страстнаго, ничего восторженнаго.

— Когда-жъ опять-то къ намъ соберешься? — спустя немного спросила у ней Варенька.

— Не знаю, — отвѣтила Дуня.

— Тетенька Марья Ивановна совсѣмъ-было въ дорогу собралась. Осталась только повидаться съ Егоромъ Сергѣичемъ. Она очень его любитъ, — сказала Варенька.

Ни слова Дуня.

Полна теперь она воскресшею любовью къ отцу и мечтаньями о Петрѣ Степанычѣ, не о томъ Петрѣ Степанычѣ, что̀ въ безтѣлесномъ образѣ сейчасъ являлся передъ ней, а о томъ человѣкѣ плоти и крови, чьи искрометные взоры когда-то бывали устремлены на нее и заставляли замирать ея сердце... Не могла она говорить...

И вотъ вспоминается ей, сладко вспоминается, какъ въ косной на низовьѣ Оки, пышащій здоровьемъ и весельемъ, опершись о бокъ лѣвой рукой, онъ стоялъ передъ ней со стаканомъ волжскаго квасу и дрогнувшимъ отъ сердечной истомы голосомъ говорилъ: — «Пожалуйте, сдѣлайте такое ваше одолженіе!». Слова простыя, обычныя при всякихъ угощеньяхъ, но глубоко они внѣдрились въ Дунином сердцѣ. И вотъ теперь, когда передъ ней предстаетъ его образъ, она невольно влечется къ нему... А вотъ и другой образъ, свѣтлый во мракѣ, любимый середь людской злобы, бѣдный, покинутый, одинокій... То зримый Дуниной душѣ образъ Марка Данилыча. Суровъ, молчаливъ, все передъ нимъ сторонится, никто не смѣетъ къ нему подойти, а онъ страдальчески страдаетъ одиночествомъ. Ни отъ кого участья, ни отъ кого ласки или привязанности. Одна Дуня и на умѣ и на сердцѣ. Тоскуетъ онъ, плачетъ по дочери... А она ради новой вѣры, что̀ теперь ей сомнительна, покинула и отца и домъ его... Встосковался онъ — такъ и пишетъ... Простыя, безхитростныя, но изъ души вылившіяся слова Марка Данилыча надрываютъ Дунино сердце... И зачѣмъ она его покинула? Чего искала, чего хотѣла?.. Истинной вѣры?.. Вотъ и узнала. Тотъ же туманъ, тотъ же мракъ, что̀ и у матушки Манеѳы въ скиту.

— Когда-жъ опять пріѣдешь въ Луповицы? — повторила свой вопросъ Варенька.

— Не знаю, — прошептала Дуня.

— Жили мы, жили съ тобой, подружились, съединились душами, — со страстнымъ увлеченьемъ, тоскливымъ голосомъ продолжала рѣчи свои Варенька. — И вдругъ ничего какъ не бывало!.. Станемъ мы по тебѣ тосковать, будемъ сокрушаться, а ты?.. Забудешь и насъ и святую Сіонскую горницу... Все забудешь... Опять погрязнешь въ суетѣ, погрузишься въ міръ страстей и утѣхъ... И, горючими слезами обливаючись, будемъ мы поминать тебя.

— Не пріѣдешь развѣ къ Марьѣ Ивановнѣ? — спросила Дуня. — Вѣдь отъ насъ до Фатьянки всего сорокъ верстъ. Богъ дастъ, увидимся. Погостишь у меня, тятенька радъ будетъ и тебѣ и Марьѣ Ивановнѣ.

— Какъ можно мнѣ ѣхать въ Фатьянку? — отвѣчала Варенька. — У тетеньки тамъ не все еще устроено. И сама-то она не знаю какъ проживетъ зиму. Сосѣди — неизвѣстные люди, привезенные изъ Симбирска, какіе-то дикіе. Знала я ихъ еще въ Талызинѣ.

Не отвѣчала Дуня. Надоѣла ей Варенька... Если-бъ можно было бѣжать, минуты не промедлила бы. Но какъ бѣжать, куда убѣжишь?

— Пойдутъ по окольности праздные толки и пересуды, начнутся сомнѣнья, — продолжала Варенька: — станутъ подсматривать. Долго-ль тутъ до непріятностей?.. Она же сказывала, что тамошніе мужики сердиты на нее за покупку Фатьянки. Вступаются въ какую-то землю. Сѣнные покосы, что ли. Трудно будетъ ей тамъ... Опасно даже... Каковъ еще попъ?.. Попъ много можетъ повредить. Вотъ хоть бы нашего отца Прохора взять: всѣмъ бы, кажется, долженъ быть доволенъ, а пальца въ ротъ ему не клади... Человѣкъ добрый и семья хорошая... А случись что, поможетъ супротивнымъ... Тьма, мракъ!.. Вздумай кто бѣжать изъ нашего стада, дастъ и пріютъ и помощь... Да... А каковъ попъ у тетеньки, она и сама еще не знаетъ.

— Потому-то и надо кому-нибудь ѣхать съ ней и пожить первое время, — помолчавъ немного, сказала Дуня.

— Конечно, если-бъ изъ мужчинъ кто поѣхалъ, — отвѣчала Варенька. — А кому ѣхать? Батюшкѣ хозяйства нельзя оставить, дядѣ — корабля.

— Вотъ тебѣ бы и ѣхать, — разсѣянно проговорила Дуня.

— Какая я помощница! — возразила Варенька. — Чѣмъ могу помочь? Еще чего-нибудь напутаю. Хуже, пожалуй, выйдетъ.

И снова глухое молчанье. Три длинныя, черезъ весь садъ проложенныя дорожки медленно прошли Варенька съ Дуней. Обѣ молчали.

— Вотъ и Катенька уѣхала, — сказала наконецъ Варенька. — Безъ нея какъ-то пусто... Она вѣдь такая умная, разговорчивая.

— Да, умная, — промолвила Дуня, не думая ни о Варенькѣ ни о Катенькѣ.

Опять пошли по дорожкамъ. Опять обѣ молчатъ.

— Желтѣть стали, — указывая на липы, молвила Варенька.

— Къ тому идетъ, — чуть слышно проговорила Дуня.

— Да. Недалеко и до осени, а тамъ не увидишь, какъ и зима подойдетъ, — сказала Варенька. — Вонъ клены-то какъ покраснѣли и рябины тоже. А у дикаго винограда листья, какъ кровь.

Дуня промолчала.

— Да что ты какая? Слова отъ тебя не добьешься, — съ нетерпѣньемъ всклúкнула Варенька. — Непріятныя письма, что ли, получила?

— Нѣтъ никакихъ непріятностей, — отвѣтила холодно Дуня.

А тоска такъ и разливается по блѣдному лицу ея. Такъ и гложетъ у ней сердце... То отецъ мерещится, то Самоквасовъ не сходитъ съ ума. Уйти хочется, одной остаться, но Варенька ни на шагъ отъ нея.

Подошли къ богадѣльнѣ. Она была внутри освѣщена, а окна отъ духоты растворены настежь. Громкіе, нестройные голоса оттуда несутся. Густо обсаженная вишеньемъ, невысокая богадѣльня стояла въ самомъ глухомъ мѣстѣ, въ отдаленномъ углу сада. За ней больше чѣмъ на полверсты тянулись ульи стараго пасѣчника Кириллы. Мѣсто укромное, стороннимъ людямъ недоступное. Оттого ни божедомки ни гости ихъ разговорами не стѣснялись, распѣвали свои пѣсни и громогласно читали поученья и сказанья. Невѣрныхъ фарисеевъ и злыхъ іудеевъ *) бояться нечего, а потому въ богадѣльнѣ бывали нерѣдко радѣнья съ криками, съ воплями, съ оглушительнымъ ножнымъ топотомъ. Свободно, на своей волѣ творилось тутъ все... Здѣшнія сборища бывали не таковы, какъ въ Сіонской горницѣ. Тамъ многое умѣрялось присутствіемъ господъ, а здѣсь былъ полный просторъ распущенной свободѣ и грубой чувственности.

Проходя мимо вишенья, Варенька съ Дуней остановились. Сумерки на небо въ то время надвинулись, кругомъ стемнѣло.

*) Фарисеями, іудеями и просто жидами люди Божьи зовутъ не раздѣляющихъ ихъ вѣрованій.

— Послушаемъ, — останавливаясь, сказала Варенька.

Дуня остановилась.

— Тутъ Устюговъ съ Богатыревымъ, — тихонько молвила Варенька. — Опять пойдутъ сказанья. Будь потише. Замѣтятъ, тотчасъ перестанутъ.

Опричь Устюгова съ Богатыревымъ, въ богадѣльнѣ сидѣли пришлыя крестьянки и Серафима Ильинична съ монахинями. Были тутъ и божедомки, и сѣдовласый пасѣчникъ Кирилла Егорычъ, бодрый не по лѣтамъ дворецкій Сидоръ Савельевъ и конторщикъ Пахомъ Петровъ. И молодежи было довольно: поваренокъ Трофимушка, писаренокъ Ясонушка, что у Пахома въ конторѣ пописывалъ, еще человѣкъ съ пятокъ. Они еще не были приведены, но хаживали на радѣнья, потому что одному Василиса, другому Лукерьюшка по мыслямъ пришлись.

Слышатся громкіе крики, задорная брань. Монахини ругаются, и, задыхаясь, неистово хохочетъ Серафима Ильинична. Другіе кто кричитъ, кто голоситъ, кто визжитъ, кто выкликаетъ, кто выпѣваетъ... Ни дать ни взять — шабашъ на Лысой горѣ. Ни Матренушкѣ, ни дворецкому съ конторщикомъ, ни каптенармусу съ фельдфебелемъ не унять черезъ край расходившихся дѣвокъ и бабъ. Не сразу могли понять Варенька съ Дуней, что дѣло идетъ объ Араратѣ. Въ источный голосъ вопитъ мать Иларія, размахивая четками:

— Про какіе выпѣвалъ онъ Арары? Что за Арары? Не попасть бы за нихъ въ тартарары!.. Нѣтъ Арары!.. Нѣтъ Арары!.. Есть тартарары, преисподнее царство лукаваго!.

— Праздныхъ словъ здѣсь не смѣй говорить, — унимала визжавшую Иларію Матренушка. — Не твоего ума это дѣло. Слушай тѣхъ, кто тебя поразумнѣй, слушай, матушка, да смиряй себя.

И не стало слышно рѣчей Матренушкиныхъ. Заглушили ихъ взвизги Иларіи и дикій хохотъ Серафимы Ильиничны. Попросила Матренушка мать Сандулію унять сожительницу и пригрозила, ежель она не уймется, до утра посадить ее на замокъ.

— Не дури, не ври, чего не понимаешь, — схвативъ Иларію за руку, во все горло закричала Сандулія. — Откуда взялась такая умница? — обратилась она ко всему собранію. — Откуда дурища ума набралась?.. Молчать, Иларія!.. Не то на запоръ!.. Молчать! говорю тебѣ.

— Не сама говорю... Я духомъ говорю!.. Духомъ прорекаю! — визжала Иларія. — Нѣтъ Арары!.. Никакой нѣтъ Арары!.. У лукаваго есть тартарары. Кто мнѣ не вѣритъ, тому тартарары!..

— Перестань дурить. Не блазни другихъ, не работай соблазнами лукавому, — уговаривала Матренушка черезъ мѣру раскипѣвшуюся Иларію. — Не уймешься, такъ вотъ тебѣ свидѣтели, будешь сидѣть до утра въ запертомъ чуланѣ... Серафимушка, — обратилась она къ Серафимѣ Ильиничнѣ, казалось, ни на что не обращавшей вниманія. Она теперь благодушно строила на столѣ домикъ изъ лучинокъ. — Уйми Иларію. Вишь какъ раскудахталась.

— Куда-какъ-такъ! Куда-какъ-такъ! — вскочивъ съ мѣста и разводя руками, закричала старая барышня по-куричьи, а потомъ громко захохотала.

— Не дури, Серафима, — прикрикнула на нее Сандулія. — Выходишь глупѣе Иларіи!.. Станешь дурачиться, возьму скалку да скалкой! Уймись, говорю!

Стихла въ испугѣ Серафима Ильинична. Вспрыгнула на лавку и, поджавъ ноги калачикомъ, забилась въ самый уголъ и крѣпко зажмурила глаза.

Не сразу унялась Иларія. Попрежнему кричала:

— Нѣтъ Арары! Никакой нѣтъ Арары!

А сама клобучокъ да апостольникъ подъ лавку... Рветъ волосы, деретъ лицо ногтями, вся искровенилась, раскосматилась, а сама середь горницы на одной ножкѣ подпрыгиваетъ и плечами подергиваетъ, головою помахиваетъ и визжитъ неистовымъ голосомъ:

— Накатилъ!.. Накатилъ!.. Накатилъ!..

— Никакъ вправду накатилъ? — стали поговаривать пришлыя изъ дальнихъ деревень хлыстовки, мало знавшія юродивую барышню съ буйными ея черницами.

Услыхала тѣ разговоры Сандулія и закричала на всю богадѣльню:

— На свинство ея озорство накатило! Вотъ я покажу ей, каковъ духъ въ чуланѣ у Матренушки...

И, сильной рукой охвативъ тщедушную Иларію, съ помощью божедомокъ вытащила ее въ сѣни и тамъ, втолкнувши въ чуланъ, заперла замкомъ. Съ неистовыми криками стала изо всей мочи колотить въ дверь Иларія, но никто не обращалъ на нее вниманья. Мало-по-малу смолкла честная мать, и тишина настала въ богадѣльнѣ.

Замѣтила Варенька, что безчинный шумъ и крупныя ругательства сильно поразили Дуню, никогда не видавшую и не слыхавшую ничего подобнаго. Тихонько сказала ей:

— Онѣ обѣ, и Серафима и мать Иларія, съ малолѣтства не въ полномъ разумѣ. Въ Сіонской горницѣ не смѣютъ своевольничать, а здѣсь имъ полная воля.

— Зачѣмъ же такихъ принимаютъ? — спросила Дуня. — Кромѣ шума да безобразій отъ нихъ, кажется, нечего ждать.

— А почемъ знать? Можетъ-быть, на ту либо на другую вдругъ накатитъ, а мы отвергнемъ избранный сосудъ? — восторженно сказала Варенька. — Сила въ немощахъ является. Теперь онѣ дурачатся; можетъ-быть, сегодня же изъ устъ ихъ потекутъ живоносныя струи премудрости... Пока мы во плоти, намъ не дано предвѣдѣнья...

— Не понимаю, — молвила Дуня.

— И не пытайся понимать, — сказала Варенька. — Непостижимаго умомъ нельзя постигнуть. Много я тебѣ сказывала, но, можетъ-быть, и сама многаго не знаю...

— Кто-жъ знаетъ? Кто наконецъ утвердитъ меня? Совсѣмъ утвердитъ?.. Я, признаться, колеблюсь... Одно страшно, другое непонятно...—тихо, будто сама съ собой, взволнованнымъ голосомъ говорила Дуня.

— Тетенька Марья Ивановна больше другихъ знаетъ. Она самоё Катерину Филипповну знавала, когда святая мать послѣ Петербурга и Кашина въ Москвѣ жила [*]), — сказала Варенька.—Она утишитъ твои душевныя волненья. Одна только она можетъ вполнѣ ввести тебя въ свѣтлый чертогъ полнаго духовнаго разумѣнья.

Заговорили въ тиши богадѣльни. Кого-то просятъ... О чемъ-то молятъ.

— Это они Григорьюшку просятъ, — сказала Варенька: — Устюгова. Просятъ его еще разсказать... Слушай... Бесѣда начинается.

Въ богадѣльнѣ всѣ встали. Трижды перекрестясь обѣими руками, Устюговъ сталъ выпѣвать хлыстовскія сказанья.

Опять начались длинныя сказанья про богатаго-богатину, про христа Ивана Тимофеича Суслова, про другого христа, стрѣльца Прокопья Лупкина, про третьяго, Андрея юрода и молчальника, и про многихъ иныхъ пророковъ и учителей. Поминалъ Устюговъ и пророка Аверьяна, какъ онъ палъ на полѣ Куликовѣ въ бою съ безбожными татарами, про другого пророка, что дерзнулъ предстать передъ царемъ Иваномъ Васильичемъ и обличалъ его въ жестокостяхъ. И много другого выпѣвалъ Григорьюшка въ своей пѣснѣ-сказаніи.

Долго, больше полутора часа разглагольствовалъ онъ въ богадѣльнѣ. Наконецъ до того угомился, что, какъ сноп ь, безъ

[*]) Полковница Катерина Филипповна Татаринова за сектаторство была сослана въ Кашинъ (Тверской губ.) въ монастырь. Потомъ жила почти на полной свободѣ въ Москвѣ, здѣсь умерла и погребена на Пятницкомъ кладбищѣ.

чувствъ повалился на лавку. Хлысты начали радѣть. Въ богадѣльнѣ шумнѣй и шумнѣй. Изступленные до самозабвенья кричатъ въ источный голосъ, распѣваютъ пѣсню за пѣсней, голосятъ каждый свое. Вдругъ неистово прыгавшая Сандулія схватила съ полки обѣщанную юродивой барышнѣ скалку и стала изо всей мочи колотить себя по обнаженнымъ плечамъ. Откуда-то появились толстыя веревки, плети, варовенныя вожжи, палки и свѣжіе, только-что нарѣзанные батоги. Скача и бѣгая вприпрыжку по богадѣльнѣ, хлысты съ ожесточеньемъ и дикою злобой немилосердно били самихъ себя, припѣвая:

Плоти не жалѣйте,
Мареу не щадите!

Струится кровь по плечамъ. Кровенятъ на себѣ бѣлыя радѣльныя рубахи. Иные головой о стѣну колотятся либо о печь, другіе горячей лучиной палятъ себѣ тѣло, иные до крови грызутъ себѣ руки и ноги, вырываютъ бороды и волосы. Умерщвленіе плоти!..

Затрепетала Дуня, увидя страшное самоистязанье, слыша дикіе вопли, бѣшеные крики, звонкіе удары плетей и батоговъ. Едва не упала она отъ ужаса въ обморокъ. Быстро схватила ее за руку Варенька и силой повлекла отъ богадѣльни.

— Не удивляйся,—сказала она пришедшей въ себя Дунѣ.— Люди простые, выражаютъ восторгъ попросту, по-своему. Многаго не понимаютъ и понять не могутъ. А все-таки избранные сосуды благодати.

Ушли въ домъ, а крики и бичеванья долго еще не кончались въ богадѣльнѣ.

Ушли наконецъ оттуда пасѣчникъ Кирила, Устюговъ съ Богатыревымъ и другіе старые люди. И только-что ушли они, стихли въ богадѣльнѣ и крики и вопли... Вдругъ затворились окна, вдругъ потухли огни.

До поздняго утра мужчины и женщины оставались вмѣстѣ.

Всю ночь и долгое время на другой день не могла придти въ себя Дуня. Такъ поразило ее видѣнное въ Матренушкиной богадѣльнѣ изувѣрное самоистязанье. «И это истинная вѣра... И это молитвенный подвигъ!..»—съ содроганьемъ она думала, и къ прежнимъ сомнѣньямъ въ истинахъ принятой вѣры прибавилось новое чувство страха и отвращенья къ ней... «И что-жъ это у нихъ въ самомъ дѣлѣ?—размышляла она.—Для однихъ Бемъ, Сенъ-Мартенъ, Ламоттъ Гіонъ, Юнгъ Штиллингъ,

«Сіонскій Вѣстникъ», вольные каменщики, Эккартсгаузенъ *), для другихъ басни Устюгова, дикія пѣсни, неистовыя круженья и даже кровавое бичеванье!.. Гдѣ-жъ у нихъ единая вѣра? Гдѣ единство обряда?.. И какъ я могла вступить въ ихъ корабль? Какъ могла сдѣлаться участницей нелѣпыхъ ихъ обрядовъ, доходить до самозабвенья самой себя, говорить сама не знаю чтò, и потомъ не помня ничего сказаннаго... Увѣряли меня, глупую, будто Духъ Святой сходилъ на меня, и я какъ околдованная тому вѣрила. Меня обманывали, а я кичилась и величалась увѣреньями ихъ... Пріятно, лестно было слушать ихъ лукавыя, обманныя рѣчи... Знатные люди, ученые, преклонялись передо мной, простой дѣвушкой, только грамотѣ обучившейся въ заволжскомъ скиту!.. Да, въ самомъ дѣлѣ тутъ было наитіе, но не святое, а вражье, бѣсовское... Скорѣй отсюда!.. Къ тятенькѣ!.. Къ поильцу моему, къ кормильцу!.. А я-то, глупая, чуть не девять мѣсяцевъ огорчала его то молчаньемъ, то холоднымъ безучастьемъ... А онъ-то, родимый, будто и не замѣчалъ того, всегда былъ ласковъ и привѣтливъ ко мнѣ, больше всего на свѣтѣ любилъ меня!.. Простишь ли, голубчикъ мой, простишь ли глупую дочь свою?.. Не стòю твоей любви и попеченій!.. И Дарью Сергѣвну сколько разъ оскорбляла я, а она вѣдь мнѣ была вмѣсто матери, на рукахъ своихъ вынянчила, научила, какъ умѣла, уму-разуму, полюбила, какъ родную дочь... Обидѣла я, горько обидѣла и сердечнаго друга Груню голубушку, оттолкнула отъ себя любовь ея... Негодная я, никуда негодная!.. А все отъ книгъ, чтò велѣла читать Марья Ивановна!.. Господи, Господи! помилуй Ты меня, великую грѣшницу, пошли святую помощь Свою вырваться изъ этого богопротивнаго дома!.. А если Марья Ивановна да не скоро сберется въ дорогу, если по моему письму тятенька не тотчасъ пріѣдетъ за мной—чтò тогда буду я дѣлать? Денегъ на дорогу довольно, да какъ уѣдешь? Не пустятъ, Богъ знаетъ чего наговорятъ, мало-ль чѣмъ могутъ настращать... А!.. Вчера Варенька про здѣшняго попа говорила: «вздумай кто бѣжать, дастъ и пріютъ и помощь». Къ

*) Печатный «Путь ко Христу» Бема и его же рукописные переводы книги «Аврора или утренняя заря на восходѣ», а также сочиненія Сенъ-Мартена, особенно «Des erreures et de la verité», печатныя книги масонскія, сочиненія Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена и Маріи Ламоттъ Гіонъ, «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина и другія мистическія сочиненія были въ большомъ уваженіи у хлыстовъ, масоновъ и въ другихъ мистическихъ сектахъ. Нерѣдко бывали они находимы у хлыстовъ изъ простолюдиновъ, а также у молоканъ. особенно же у духоборцевъ. Это видно изъ архивныхъ дѣлъ. Баронъ Гакстгаузенъ («Russische Zustände») говоритъ, что онъ у молоканъ (простолюдиновъ) встрѣчалъ сочиненія Юнга Штиллинга.

нему на первое время? Да вѣдь онъ никоніанскій... Новаго грѣха не нажить бы!..»

Такъ раздумывая сама съ собой, Дуня рѣшила во что бы то ни стало покинуть Луповицкій корабль людей Божьихъ, отречься отъ ихъ неправедной вѣры, во всемъ и навсегда разорвать съ ними и, какъ блудный сынъ, возвратиться въ домъ отчій... И стала она по цѣлымъ часамъ и днемъ и ночью молиться передъ иконами, прося у Бога помилованья въ томъ великомъ грѣхѣ, что не по принужденью, не по нуждѣ, не по страху, но своею волею впала она въ грѣховную пропасть, оставила отеческіе законы... И молитва утишала душевныя ея волненья. Теперь Дуня только одно и держитъ на умѣ, какъ бы выбраться изъ дома лжепророковъ и лжеучителей.

Внезапное охлажденіе Дуни къ долго желанной и потомъ столь радостно и искренно принятой ею вѣрѣ, быстрый переходъ мечтательной дѣвушки отъ увѣренности въ несомнѣнной правотѣ ученія «вѣрныхъ-праведныхъ» къ неудержимому отъ него отвращенью—явленіе нерѣдкое въ изступленныхъ и восторженныхъ сектахъ. Это замѣчается не только у насъ, но и на Западѣ Европы и въ Америкѣ; тамъ оно еще чаще случается. То же бывало и въ изступленныхъ сектахъ первыхъ вѣковъ христіанства. И всегда почти ушедшіе изъ секты, какъ бы въ отместку за временное ихъ заблуженіе, дѣлались отъявленными врагами прежнихъ братьевъ и сестеръ по вѣрованью.

Хлыстовщина влечетъ въ свои корабли людей всѣхъ состояній — отъ безграмотныхъ до высоко образованныхъ, отъ полковыхъ музыкантовъ до александровскихъ кавалеровъ, отъ нищихъ до обладателей громадными богатствами *). Что-жъ влечетъ ихъ? Конечно, не одно удовлетвореніе чувственности, въ иныхъ корабляхъ бывающее въ полночномъ мракѣ послѣ радѣній. Увлекаются въ хлыстовщину и пожилые люди, даже старцы, давно пережившіе возрастъ страстей. Да и изъ молодыхъ, даже изъ самыхъ страстныхъ людей каждый ли захочетъ купить минутное наслажденье цѣной кровавыхъ самоистязаній? Двумя путями влекутся люди въ пучину хлыстовскихъ заблужденій. Одинъ путь—русская лѣнь. Покой, праздность, отвращеніе отъ труда — вотъ куда, подобно западнымъ квіетистамъ, стремятся и наши Божьи люди. Получая отъ родныхъ и знакомыхъ вспоможенья или собирая милостыню Христа ради, они все сносятъ въ корабль, а нужды свои справляютъ на общій счетъ. Одни сектанты даютъ вспомо-

*) *Дѣло о Татариновой.*

женья нѣкоторымъ «праведнымъ братцамъ и сестрицамъ», другіе, какъ Луповицкіе, содержатъ на свой счетъ цѣлые корабли. Хлысту немного нужно, ради умерщвленія плоти онъ ѣстъ мало и притомъ самую грубую пищу, пьетъ онъ воду, ходитъ въ отрепьѣ либо въ посконномъ рубищѣ, ему только нужны деньги на радѣльныя рубахи, знамёна и покровцы. А это дается ему изъ общаго достоянья. Тѣлесный трудъ каждаго изъ нихъ всецѣло отдается пляскамъ и круженьямъ. Внѣ «святого круга» хлысту нѣтъ работы, и у него только одна забота — жить бы ему вѣкъ въ покоѣ и праздности. Другой путь, доводящій до хлыстовщины русскаго человѣка— пытливость ума его. Не оторванный отъ родной, прадѣдовской почвы, русскій человѣкъ всегда набоженъ и во всемъ ищетъ правды-истины. Таково народное свойство. Смысла писанія, даже значенья церковныхъ обрядовъ онъ, безграмотный, безъ руководителя постичь не можетъ. Ему нуженъ учитель,—такой учитель, чтобы всѣмъ превосходилъ его, и умомъ, и знаніемъ, и кротостью, и любовью, и притомъ былъ бы святой жизни, радовался бы радостямъ учениковъ, горевалъ бы о горѣ ихъ, болѣлъ бы сердцемъ обо всякой ихъ бѣдѣ, готовъ бы былъ положить душу за послѣднюю овцу стада, былъ бы немощенъ съ немощными, не помышлялъ бы о стяжаніяхъ, а, напротивъ, самъ бы дѣлился своимъ добромъ, какъ дѣлились имъ отцы первенствующей церкви... А гдѣ взять такихъ руководителей, особенно теперь, когда все на деньгу пошло?.. Нѣтъ учителя, нѣтъ руководителя, а пытливый простолюдинъ ищетъ себѣ да ищетъ разрѣшенья недоумѣній и добраго наставника въ истинной вѣрѣ... А его все-таки нѣтъ какъ нѣтъ... Хорошо еще, ежели такой искатель истины попадетъ на раскольника, хоть самаго закоренѣлаго, и самъ сдѣлается такимъ же. Расколъ, какъ порожденіе невѣжества, отторгся отъ церковнаго единенія лишь изъ-за буквы и обряда, но вѣра его такъ же чиста, какъ и въ истинной церкви... Если же пытливый искатель правды подпадетъ подъ вліяніе хлыстовскаго пророка либо хлыстовской богородицы... тогда онъ больше не христіанинъ. У него свой богъ, свои христы, свои пророки, свои богородицы, свои вѣрованья, свои обряды, все свое и все чуждое, противное христіанству.

Въ хлыстовскіе корабли по большей части попадаютъ люди нервные, раздражительные, потерпѣвшіе въ жизни, кто отъ житейскаго горя, кто отъ обидъ и огорченій. Забитыя мужьями жены, обманутыя или потерявшія надежду на супружество дѣвушки, люди мечтательные, склонные къ созерцанію, юроды, страдающіе падучей болѣзнью—вотъ кѣмъ издавна

наполняются хлыстовскія общины. Такими людьми скорѣй чѣмъ другими овладѣваетъ восторгъ на радѣніяхъ, имъ скорѣй являются призраки и видѣнья, имъ громче и яснѣй слышатся невѣдомые голоса. Кликуши и икотницы *) по переходѣ въ хлыстовщину всегда почти дѣлаются корабельными пророчицами. Самую болѣзнь кликушества хлысты считаютъ не напущенной колдуномъ порчей, какъ думаетъ весь почти народъ нашъ, а дѣйствіемъ Духа Божія.

При всей нелѣпости заблужденій, хлысты по большей части народъ правдивый, по крайней мѣрѣ со своими. Они ненавидятъ ложь, говоря, что это возлюбленная дочь нечистаго духа. И къ тому-жъ они откровенны—хлыстъ даже помысловъ своихъ не скрываетъ отъ единомысленниковъ; тутъ дѣйствуетъ на него страхъ, что пророкъ или пророчица обличатъ на соборѣ его тайныя помышленья. Зато съ посторонними хлысты лукавы и правды ни за что на свѣтѣ не скажутъ. Обманъ кого-либо изъ своихъ возмущаетъ весь корабль, а откровенность съ чужимъ—еще больше. Обманщику, или выдавшему тайну людей Божьихъ стороннимъ, такое настаетъ житье, что если не удастся ему бѣжать изъ корабля, то рано ли, поздно ли онъ кинется въ рѣку либо въ колодецъ, а не то отравится либо удавится. Еще не бывало примѣра, чтобы тутъ когда-нибудь открылось убійство отъ посторонней руки, все объясняется самоубійствомъ въ припадкѣ сумасшествія. Нѣтъ существа болѣе жалкаго, какъ отвергнутый кораблемъ хлыстъ.

Едва выйдя изъ отрочества, Дуня оставила кровъ матушки Манееы. Взросла она тамъ не на многолюдствѣ, а въ родительскомъ домѣ стала совсѣмъ одинокой. Всѣмъ сердцемъ любившаго ее отца видала рѣдко—то по дѣламъ, бывало, уѣдетъ онъ на долгое время, то день-денской возится съ прядильнями и лѣсной пристанью, то по-своему расправляется съ приказчиками и рабочими. Поглощенная домашнимъ хозяйствомъ Дарья Сергѣевна съ утра до поздней ночи то хлопочетъ, бывало, объ обѣдѣ да объ ужинѣ, иной разъ и сама постряпаетъ, то присматриваетъ она за стиркой бѣлья, то ходитъ по кладовымъ, подваламъ, погребамъ, присматривая за хозяйскимъ добромъ, считаетъ куръ, гусей, индѣекъ и утокъ, сидитъ въ коровникѣ, пока не выдоятъ коровъ, ухаживаетъ за новорожденными телятами, а по вечерамъ и вообще въ свободное отъ хозяйственныхъ заботъ время стоитъ по ча-

*) Икотницами зовутъ кликушъ въ Архангельской и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ.

самъ на молитвѣ либо читаетъ божественное. Дуня все одна; подругъ нѣтъ, знакомствъ нѣтъ, а умъ пытливъ, все ей хочется узнать, постичь то, о чемъ другіе и не помышляютъ. И стала она въ рѣчахъ сдержана, стала потомъ молчалива, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мечтательна. Отъ природы нервная и впечатлительная, она всѣмъ раздражалась. Несправедливости отца къ подначальнымъ особенно ее сокрушали, много тайныхъ слезъ отъ нихъ пролила она... Дарья Сергѣвна въ разговорахъ съ ней твердила объ однихъ только обрядахъ либо читала житія святыхъ... Но все это мало занимало любознательную и пытливую дѣвушку: еще на утрѣ жизни она додумалась, что вѣра не въ обрядѣ, что жизнь дана человѣку не для одной обрядности, и что обрядность должна имѣть таинственный смыслъ. Никто не могъ объяснить ей этого смысла, и равнодушіе ко внѣшностямъ въ дѣлѣ вѣры съ каждымъ днемъ умножалось въ ней. Охотно еще слушала она чтенія Дарьи Сергѣвны про святыхъ прежнихъ временъ, про пустынниковъ и мучениковъ. Но это еще больше усиливало ея мечтательность. Ни хозяйство ни домашнія заботы не занимали ея; она считала ихъ житейской грязью, и никакія наставленья, никакіе уговоры домовитой Дарьи Сергѣвны, хотѣвшей изъ воспитанницы своей сдѣлать хорошую хозяйку, нисколько не дѣйствовали на Дуню. Сердце ея стремилось къ чему-то невѣдомому, но правдивому, къ какой-то незнаемой еще жизни, провождаемой въ добрѣ и истинѣ. Ея чистая душа въ своихъ мечтаніяхъ стремилась къ какому-то непонятному, но доброму существу, изъ устъ котораго не могутъ исходить ни слова лжи ни слова гнѣва... О, если бы скорѣй предстало передъ нею такое существо!.. Будь онъ ангелъ, будь человѣкъ плоти и крови, все равно — со смиреніемъ и любовью преклонилась бы она передъ нимъ, и скажи ей то существо хоть одно слово привѣта, безъ малѣйшаго сожалѣнья оставила бы она домъ отца и его богатство, съ радостью и весельемъ устремилась бы къ невѣдомому, мыслями и помышленьями отдалась бы ему и всю жизнь была бы его безотвѣтною рабой и вѣрной ученицей, слила бы съ нимъ свою непорочную жизнь... Но гдѣ такой избранникъ? Вкругъ Дуни никого нѣтъ похожаго... Да есть ли и на свѣтѣ такой человѣкъ?.. Развѣ ангелъ безплотный или иная небесная сила...

Въ самыхъ тайныхъ думахъ, въ самыхъ сокровенныхъ мечтаніяхъ никогда не представлялся Дунѣ ни мужъ ни женихъ. Супружество считала она неразлучнымъ съ заботами по хозяйству, со своеправіемъ мужа, а при случаѣ даже съ неправдой, гнѣвомъ и злобой. Не къ женихамъ, а къ познанію

добра и правды стремилась ея душа... Пытливость ума, возбужденная чтеніемъ книгъ безъ разбора и руководителя, крѣпко слилась въ ней съ мечтательностью, и Дуня стала вовсе непохожею на скитскую воспитанницу. Но помыслы ея все-таки неясны и ей самой не вполнѣ понятны, а на умѣ все шатко, нетвердо. Она то и дѣло путалась въ своихъ мысляхъ.

Стали свататься къ Дунѣ женихи: каждому была охота жениться на богатствѣ Марка Данилыча. Обили свахи пороги смолокуровскіе, сватая молодыхъ купчиковъ изъ своего городка, но отъ Марка Данилыча не слыхали слова привѣтливаго, а Дуня и видѣть ихъ не хотѣла. Потомъ за «добрымъ дѣломъ» стали наѣзжать свахи изъ большихъ городовъ — изъ Мурома, изъ Шуи, изъ Ярославля, даже изъ Москвы—вездѣ по купечеству знали, что у Марка Данилыча больше милліона въ сундукѣ и одна-единственная дочка Авдотья Марковна. Но и пріѣзжія свашеньки всѣ до одной воротились домой, не видавши невѣсты. Ѣхали сватать да хвастать, ѣхали на медъ да на сладкіе пироги, на пиры да на горній столъ, анъ имъ какъ шестъ поворотъ отъ воротъ, и разъѣхались кумушки по домамъ, не солоно хлебавши. Черезъ подзорную трубку влюбился въ Дуню предводительскій сынокъ, гвардіи поручикъ, бездѣльный шалопай, игрокъ, пьяница и собачникъ, ни на какое дѣло, опричь кутежей, негодный. Разгорѣлись несытыя очи его на смолокуровскіе достатки — задумалъ поручикъ женитьбой осчастливить купецкую дочь, давъ ей дворянство, а кстати и дырявый свой карманъ починить. Однако и ему былъ отказъ, ни смотринъ, ни глядинъ, ни пропоя невѣсты, ни рукобитья не было. Не хотѣла и смотрѣть на жениховъ Дуня, а родительскаго приказу выходить замужъ ей не было— давно далъ ей отецъ полную волю въ выборѣ суженаго по сердцу и хотѣнью. Нисколько не смутили Дуню всѣ эти сватанья. Попрежнему дѣвическія думы ея носились въ области мечтаній. Но не надѣялась она найти человѣка по душѣ и по сердцу... Гдѣ-жъ найти такого человѣка, о какомъ мечтала она.

И вотъ является Петръ Степанычъ Самоквасовъ. Встрепенулось въ Дунином сердцѣ дремавшее до тѣхъ поръ, невѣданное еще чувство любви—весь міръ показался ей краше и веселѣе, и почувствовала она, что сама стала добрѣе ко всѣмъ и ласковѣе. Книги забыты, и, сидя по цѣлымъ часамъ за рукодѣльемъ, она думами увивалась вкругъ Петра Степаныча. Въ ея мечтахъ является онъ тѣмъ носителемъ добра и правды, какого такъ долго и напрасно искала она. Мало словъ сказала съ нимъ, но думала о немъ ежечасно и берегла свои думы, какъ святыню, словечка о немъ никому не про-

молвила, одному только старому, сердечному другу Аграфенѣ Петровнѣ немногими словами намекнула. И какъ же радовалась она, услыхавъ отъ Груни одобренье...—«Вотъ она гдѣ истина-то, вотъ оно гдѣ добро, какихъ напрасно искала и такъ долго найти не могла!»—Такъ она теперь думала.

И вдругъ этотъ человѣкъ добра и правды—обманулъ. Разбилъ, растерзалъ сердце дѣвушки, погасилъ въ немъ первое чувство любви... Ни слова никому не сказала Дуня о такой сердечной обидѣ. И Грунѣ не сказала — гордость не дозволяла, самолюбіе не позволяло.

Только-что успѣла Дуня открыть тайну любви своей Аграфенѣ Петровнѣ, вдругъ слышитъ, какъ въ смежной комнатѣ Дарья Сергѣвна разсказываетъ Марку Данилычу, что Петръ Степанычъ, собравшись наскоро, уѣхалъ за Волгу. Уѣхалъ въ Комаровъ... Къ Фленушкѣ!..—«Хорошо я ее знаю, — говорила Дарья Сергѣвна Марку Данилычу:—племянницей, что ли, она приходится матушкѣ Манеѳѣ, угаръ-дѣвка, самая разбитная, а теперь, слышь, и попивать начала. Къ ней-то и покатилъ онъ. У ней, говорятъ, ужъ не первый годъ съ нимъ шуры-муры». Ровно льдомъ заковали рѣчи Дарьи Сергѣвны разгорѣвшееся-было Дунино сердце. Но и тутъ никому словечка не вымолвила, виду даже не подала и ни малѣйшимъ движеньемъ не выразила нежданно нахлынувшаго на нее сердечнаго горя. Только Аграфенѣ Петровнѣ сказала, и то какъ о пустячной новости, до которой дѣла ей нѣтъ... А что̀ за буря тогда въ ея душѣ бушевала!.. Что̀ вынесла она въ это горькое время, чего ни передумала... «Нѣтъ правды на свѣтѣ, нѣтъ въ людяхъ добра!—послѣ долгихъ, мучительныхъ думъ рѣшила она.— Вездѣ обманъ, вездѣ ложь и притворство!.. Гдѣ-жъ искать правды? Гдѣ добро, гдѣ любовь? Видно, только въ средѣ безстрастныхъ духовъ, въ средѣ ангеловъ Божьихъ... А вѣдь они не совсѣмъ чужды намъ, живущимъ во плоти... Въ писаніяхъ сказано, что бывали они въ сообщеніи съ праведными. Гдѣ бы, гдѣ найти такихъ праведныхъ? Есть же они гдѣ-нибудь. Безъ праведниковъ, говорятъ, и міру не стоять... Гдѣ-жъ они, люди, вѣрные добру и правдѣ? О, если-бъ мнѣ пожить съ ними!..»

Совсѣмъ, повидимому, безчувственная и ко всему равнодушная Дуня страдала великимъ страданьемъ, хоть не замѣчали того. Все скрыла, все затаила въ себѣ, возсіявшія-было ей надежды и нежданное разочарованье какъ въ могилу она закопала. Съ каждымъ днемъ раздражалась Дуня больше и больше, а сердце не знало покоя отъ тяжелыхъ, неотвязныхъ думъ.

И вотъ стали ей являться призраки, стали слышаться невѣдомо откуда идущіе голоса... Сначала это ее испугало, а потомъ привыкла она и къ призракамъ и къ голосамъ. Пуще прежняго вдалась въ чтеніе; но путешествія, исторія, прежде столь любимыя, не занимали ея больше... Отыскать истину, невѣдомое узнать—хотѣлось ей, но такихъ книгъ не было. Въ это время встрѣтилась она съ Марьей Ивановной. Отъ опытныхъ взоровъ много искусившейся въ дѣлахъ хлыстовской секты пожилой барышни не укрылись ни душевная тревога Дуни, ни стремленье ея къ мечтательности, доходившей иногда до самозабвенья. Воспользовалась Марья Ивановна такимъ настроеньемъ неопытной въ жизни дѣвушки и хитро, обдуманно повела ее въ свой корабль. У Марка Данилыча милліонъ либо полтора, Дуня единственная наслѣдница, — это еще до перваго знакомства съ Смолокуровыми провѣдала Марья Ивановна... И задумала перезрѣлая барышня:—«Дуня въ ея кораблѣ; милліонъ при ней... Деньги — сила, деньги дадутъ полную безопасность отъ всякихъ преслѣдованій, если бы вздумали поднять ихъ на тайную секту людей Божьихъ... Такъ ли, иначе ли надо сдѣлать, чтобъ ей не было изъ него выхода». Искусно повела Марья Ивановна задуманное дѣло... Столь много перетерпѣвшая Дуня увидала въ ней отраду и утѣшеніе, душевную усладу, самое даже спасеніе. Чтеніе мистическихъ книгъ, купленныхъ у Чубалова, и ежечасныя бесѣды съ Марьей Ивановной, когда весной гостила она у Смолокуровыхъ, довели до такой восторженности Дуню, что она вѣроученье хлыстовъ стала принимать за слова божественной истины. Повѣрила она, что плоть создана дьяволомъ и потому всячески надо умерщвлять ее, повѣрила, что священное писаніе есть рядъ иносказаній и притчей, хоть и имѣющихъ таинственный и спасительный смыслъ. Начитавшись Бема, повѣрила, что радѣнія, серафимскія лобзанья и круговыя пляски снесены на землю съ небесъ, чтобы души человѣческія, еще будучи во плоти, молились такъ же, какъ молятся силы небесныя *). А когда стала она бывать на радѣніяхъ, каждый разъ приходила въ восторженное состоянье, «ходила въ словѣ», пророчествовала, но, что̀ кому говорила, не помнила ни во время прореченій ни послѣ. И вотъ она принята въ корабль, и вотъ открыто ей таинственное ученіе, и вотъ вѣритъ она ему, какъ несомнѣнной истинѣ.

---

*) У Якова Бема сказано: «у святыхъ ангеловъ есть дружеское лобзаніе и обниманіе и пріятнѣйшая круговая пляска». Сравн. «Письма митрополита Филарета къ намѣстнику Сергіевой лавры» (письмо 22-го апрѣля 1838 года).

И вдругъ на великомъ соборѣ слышитъ Дуня невѣдомыя ей тайны, слышитъ и не вѣритъ ушамъ. Разсказываютъ, что на гору Городину сходилъ Богъ-Саваоѳъ, подъ именемъ «верховнаго гостя», что долгое время жилъ Онъ среди людей Божьихъ, и недавно еще было новое Его сошествіе въ видѣ іерусалимскаго старца.—«Чтò за нелѣпость, чтò за богохульство! — думаетъ пораженная такими сказаньями Дуня. — Это что-то бѣсовское!..» Сказанья Божьихъ людей продолжаются. Дуня слышитъ о христахъ, ходившихъ и теперь ходящихъ по землѣ. Слышитъ розсказни, какъ они въ темницахъ сиживали, какъ въ Москвѣ были распинаемы, но на третій день воскресали. Слышитъ, что и теперь у подошвы Арарата новый христосъ Максимъ, пророкъ, первосвященникъ и царь людей Божьихъ, слышитъ, что онъ короновался и, подражая царю Давиду, съ гуслями въ рукахъ радѣлъ на деревенской улицѣ!

Чѣмъ дальше слушаетъ Дуня хлыстовскія сказанья, тѣмъ больше ужасается.—«А мнѣ ни слова про это не сказали, скрывали...» Тутъ обманъ, ложь, хитрость, лукавство!.. А гдѣ обманъ, тамъ правды нѣтъ... И въ ихней вѣрѣ нѣтъ правды.

И противна и мерзка ей стала новая вѣра. Отшатнулась Дуня душой отъ общества вѣрныхъ-праведныхъ... Каждое слово, чтò потомъ слышала отъ нихъ—стало ей подозрительнымъ... А тутъ еще воспоминанья объ отцѣ, о родительскомъ домѣ, о любящей Грунѣ, о Петрѣ Степанычѣ... Возненавидѣла почти Дуня и Марью Ивановну, и Вареньку, и всѣхъ, всѣхъ, кто были въ Луповицкомъ кораблѣ. И звучатъ въ ушахъ ея слова евангельскія о послѣднихъ временахъ: «тогда аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ или ондѣ — не имите вѣры, возстанутъ бо лжехристы и лжепророки и дадятъ знаменія вѐлія и чудеса, яко же прельстити...»—«Это они!.. Это они лжехристы, лжепророки!.. Они лжеучители послѣднихъ дней!.. И я, я впала въ грѣховодную ихъ пропасть... Господи! я сама была лжепророчицей!»

Глава одиннадцатая.

Всѣхъ чуждается Дуня, бòльшую часть дня запершись сидитъ въ отведенной ей комнатѣ, а встрѣтится съ кѣмъ, сама рѣчей не заводитъ, спросятъ у нея о чемъ-нибудь — промолвитъ отрывисто слова два-три, а въ разговоры не вступитъ. Такая въ ней перемѣна заботила Луповицкихъ, особенно Марью Ивановну.

Дня за два до Успенья Луповицкіе всею семьею сидѣли за утреннимъ чаемъ. Дуни не было. Тихія рѣчи велися о ней.

— Да отчего-жъ все это?—настойчиво спрашивалъ Николай Александрычъ. — Такъ внезапно, такъ неожиданно!.. Есть же какая-нибудь причина. Писемъ не получала ли?

— Получила, но послѣ великаго собора. А на этомъ соборѣ она ужъ измѣнилась,—сказала Марья Ивановна.—Я сидѣла возлѣ нея и замѣчала за ней. Нисколько не было въ ней восторга; какъ ни упрашивали ее — не пошла на кругъ. Съ тѣхъ поръ и перемѣнилась... Варенька говорила съ ней. Спроси ее.

— Чтò она?—обратился къ племянницѣ Николай Александрычъ.

— Не одинъ разъ я говорила съ ней послѣ великаго собора,—отвѣчала Варенька.—Жалуется, что увѣрили ее, будто вся сокровенная тайна ей повѣдана, что она достигла высшаго совершенства, а на соборѣ услыхала, что ей не все открыто. Съ упреками и укорами говоритъ, что искала въ нашей вѣрѣ истины, а нашла обманъ и ложь.

— Что-жъ ты ей на это? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Говорила, что сказанья о сошествіяхъ Саваоѳа и христахъ сложены не для насъ, а для людей малаго вѣдѣнья,—отвѣтила Варенька. — Все говорила, все разъясняла, но она меня съ толку сбила, такъ что не знала я, чтò и говорить. Это было вечеромъ въ саду, а у Матренушки въ богадѣльнѣ тогда было собранье. Мы съ Дуней стали въ вишенникѣ. Тутъ Серафимушка стала безобразничать со своими монахинями... Дуня ко мнѣ приставала—зачѣмъ такихъ, какъ Серафимушка, вводятъ въ корабль, и тутъ ужъ сбила меня до конца. Тогда призналась она, что стала колебаться въ нашей вѣрѣ, и спросила, кто можетъ ее утвердить... Я не знала, чтò сказать ей, уклонилась отъ прямыхъ отвѣтовъ и посовѣтовала обратиться къ тетенькѣ.

— Со мной она не говорила, — отозвалась Марья Ивановна.—Я ее совсѣмъ почти не вижу.

— Поговори и укрѣпи, — властнымъ голосомъ сказалъ Николай Александрычъ.—Не забудь про милліонъ.

— Поговорю,—отвѣтила покорно Марья Ивановна.

— Мы все стояли возлѣ богадѣльни,—опять стала говорить Варенька. — А тамъ Устюговъ со своими сказаньями. Выпѣвалъ про Ивана Тимоѳеича, какъ дважды его въ Москвѣ и на кремлевской стѣнѣ распинали, какъ два раза его на Лобномъ мѣстѣ погребали, какъ онъ дважды воскресалъ и являлся

ученикамъ на Пахрѣ *), какъ слетѣлась къ нему на радѣнье небесная сила, и какъ съ нею вознесся онъ. И о другихъ выпѣвалъ Устюговъ. Дуня стояла какъ вкопаная, ни слова не вымолвила. Потомъ началось у нихъ радѣнье, послѣ радѣнья бичеванье. Дуня почти въ обморокъ упала, насилу смогла я ее въ домъ увести.

— Какъ ты неосторожна, Варенька, — строго сказалъ Николай Александрычъ.—Зачѣмъ было водить ее туда?

— Не знала я, что это у нихъ будетъ,—отвѣтила въ смущеніи Варенька: — мнѣ хотѣлось только пріучить ее хоть немножко къ сказаньямъ. Устюговъ много тогда говорилъ, чуть ли не всѣ сказанія выпѣлъ при ней.

— Лучше бы вовсе не знать ей объ этихъ сказаньяхъ, — сквозь зубы проговорилъ Николай Александрычъ. — Такихъ людей, какъ она, въ вѣрѣ такъ не утверждаютъ, сказанья только смущаютъ ихъ. Но это ужъ моя вина, самъ я на великомъ соборѣ говорилъ объ Араратѣ, а передъ тѣмъ старыя сказанья про Данилу Филиппыча да про Ивана Тимоѳеича Устюгову велѣлъ говорить.

— Теперь она ни съ кѣмъ не говоритъ,—послѣ короткаго молчанья продолжала Варенька. — Сидитъ взаперти, плачетъ, тоскуетъ, жалуется, что ее обманули, увѣривъ, что достигла она совершеннаго вѣдѣнія, а всей тайны не открыли. Сильно въ ней сомнѣнье... Міръ влечетъ ее. Устоитъ ли она противъ прельщеній его?

— Что ты объ этомъ съ ней говорила? — задумчиво спросилъ Николай Александрычъ.

— Уговаривала ее... Что знаю, какъ умѣла, все разсказала ей,—отвѣтила Варенька.—Но безъ вѣры она слова мои принимала. Только разъ спросила у меня, кто можетъ разсѣять сомнѣнья ея и утвердить въ праведной вѣрѣ. Я на тетеньку указала.

— Совсѣмъ не узнаю ея,—сказала Марья Ивановна.—Не стало больше въ ней ни душевныхъ порывовъ, ни духовной жажды, ни горячаго влеченья къ познанію тайнъ. Молчалива, сдержанна, прежней довѣрчивости и откровенности вовсе въ ней нѣтъ. Ничто ее не занимаетъ, ничто не возбуждаетъ больше въ ней любопытства, кромѣ духовнаго супружества... Еще весной объ этомъ у насъ была съ ней рѣчь, когда гостила я у нихъ,—отвѣтила Марья Ивановна.—На неотступныя просьбы Дуни я тогда еще сказала, что если женщина

*) Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. Тамъ до послѣдняго времени водились, а можетъ-быть, и теперь водятся хлысты. У нихъ была тамъ община въ родѣ монастыря.

будетъ приведена въ свѣтлый полкъ вѣрныхъ, то пророкъ, принявшій ее, дѣлается ея духовнымъ супругомъ.

— Такъ она, пожалуй, думаетъ, что я ея духовный супругъ. Вѣдь я принималъ ее, — съ легкой улыбкой молвилъ Николай Александрычъ.

— Можетъ-быть,—тоже улыбнувшись, сказала Марья Ивановна. — Только мнѣ кажется, что тутъ она ничего не понимаетъ, да и кромѣ того многаго, многаго еще не понимаетъ.

Всѣ промолчали. Но Варенька, какъ будто что-то вспомнивъ, вдругъ покраснѣла.

— Я не вѣрю и никогда не повѣрю, — черезъ нѣсколько времени сказала Марья Ивановна: — чтобы Дуня перемѣнилась отъ подозрѣнья, что отъ нея что-нибудь скрываютъ, что ее обманываютъ. Тутъ что-нибудь другое. Послѣ великаго собора она получила письма. Прежде каждый разъ, какъ, бывало, получитъ, обо всемъ мнѣ разскажетъ, что̀ отвѣчать, а теперь хоть бы словечко. И все спрашиваетъ, скоро ли поѣдемъ въ Фатьянку... Тутъ, кажется, все дѣло въ письмахъ. Прежде совсѣмъ была равнодушна и къ отцу и къ этой Дарьѣ Сергѣвнѣ, а теперь про нихъ слово только скажешь — она тотчасъ въ слезы. Нехорошо мы сдѣлали, что отдали ей письма. Тутъ я больше всѣхъ виновата... Да кто-жъ могъ предвидѣть? Боюсь, не напрасны-ль были мои годовые труды... Въ міръ не ушла бы!

Снова всѣ примолкли. Сидятъ задумавшись. Николай Александрычъ спросилъ Марью Ивановну:

— Какъ въ самомъ дѣлѣ велико богатство Смолокурова?

— По крайней мѣрѣ милліонъ, — отвѣтила Марья Ивановна.—Сколько именно, кромѣ его самого, конечно, никто не знаетъ, а Дуня всѣхъ меньше.

— Думать надо, его обворовываютъ. Всѣ тащатъ, и приказчики, и караванные, и ватажные. Нельзя широкихъ дѣлъ вести безъ того, чтобы этого не было, — молвилъ Луповицкій хозяинъ, Андрей Александрычъ. — И въ маленькихъ дѣлахъ это водится, а въ большихъ и подавно. Чужимъ добромъ поживиться нынче въ грѣхъ не ставится, не повѣрю я, чтобы къ Смолокурову въ карманъ не залѣзали. Таковы ужъ времена. До легкой наживы всѣ больно охочи стали.

— Ну нѣтъ, у кого другого, а у Смолокурова не украдутъ,—сказала Марья Ивановна.—Не изъ такихъ. Самъ рѣдкаго не обсчитаетъ, а кто служитъ у него, не то что карманъ, а спину береги.

— А вѣрно ли знаешь, что кромѣ дочери нѣтъ у него другихъ родныхъ?—спросилъ Николай Александрычъ.

— Это вѣрно,—отвѣтила Марья Ивановна.—Ихъ было два

брата, одинъ двадцать ли, тридцать ли лѣтъ тому назадъ въ морѣ пропалъ. Дарья Сергѣвна потонувшему была невѣстой и съ его смерти живетъ у Смолокурова хозяйкой. Такъ это какая-жъ родня? Какая она участница въ наслѣдствѣ? Безродною замужъ шла, ни ближняго ни дальняго родства нѣтъ у нея.

— А сколько лѣтъ Дунѣ? — спросилъ Андрей Александрычъ.

— Двадцатый, кажется, пошелъ, — отвѣчала Марья Ивановна.—Въ мартѣ будущаго года двадцать будетъ, а можетъ, только еще девятнадцать. Хорошенько не знаю и сказать навѣрно не могу.

— Значитъ, если бы Смолокуровъ теперь же покончился, такъ года полтора либо два съ половиной ей быть при попечителѣ, — сказалъ Андрей Александрычъ. — А есть ли такіе люди, кому старикъ такъ бы вѣрилъ, что назначилъ бы къ дочери въ попечители?

— Нѣтъ,—молвила Марья Ивановна.—Видѣла я въ прошломъ году у него большого его пріятеля Доронина, такъ онъ гдѣ-то далеко живетъ, на волжскихъ, кажется, низовьяхъ, самъ ведетъ дѣла по хлѣбной торговлѣ. Нѣтъ, близкихъ людей у Смолокурова нѣтъ никого. И Дуня ни про кого мнѣ не говорила, хоть и было у насъ съ ней довольно объ этомъ разговоровъ. Сказывала какъ-то, что на Ветлугѣ есть у нихъ дальній сродникъ — купецъ Лещовъ, такъ съ нимъ они въ пять либо въ шесть лѣтъ разъ видаются.

— Ей одной, значитъ, все безъ остатку достанется?—спросилъ Андрей Александрычъ.

— Больше милліона получитъ,—сказала Марья Ивановна.— А это наличный только капиталъ, а кромѣ того по городамъ каменные дома, на Низу земли, на Унжѣ большія лѣсныя дачи. Весь достатокъ милліона въ полтора, а пожалуй, въ два надо класть.

— Неосторожно поступили вы, что до великаго собора не говорили ей про сказанья, придуманныя людьми малаго вѣдѣнія,—съ укоромъ промолвилъ Николай Александрычъ Марьѣ Ивановнѣ и племянницѣ. — Надо бы было понемножку ей открывать ихъ, говоря, какой цѣны они стоятъ. А тутъ еще Варенька бичеванья ей показала. Вотъ и запугали ее. Ты виновата, Варенька; она была тебѣ отдана, и ты должна была вести ее, не возбуждая ни сомнѣній ни опасеній. Вотъ теперь, по вашей неосторожности, милліоны-то, пожалуй, и поминай какъ звали. А какая бы сила кораблю прибыла! Испортили вы дѣло! Тебѣ-то, Машенька, какъ не стыдно—ты вѣдь опытна въ этихъ дѣлахъ. Зачѣмъ не наблюдала хорошенько?..

— Я ее предоставила Варенькѣ, — оправдывалась Марья Ивановна.—Думала, что она моложе меня, къ ея годамъ подходитъ ближе, и что Дуня больше ей станетъ довѣрять, чѣмъ мнѣ... Кто-жъ могъ этого ожидать? Впрочемъ, ничего, по времени все обойдется.

— Ну, не знаю, — покачавъ головой, молвилъ Николай Александрычъ.—Не такова она, чтобы поворотить ее на прежній путь. Ежели въ такую горячую, восторженную голову запало сомнѣнье,—кончено... Нечего себя обманывать—улетѣла золотая пташка изъ нашей клѣточки, въ другой разъ ея не изловишь.

— Надо, мнѣ кажется, скорѣй къ отцу ее отвезти, чтобы чего-нибудь не вышло, — сказалъ Андрей Александрычъ. — Главное, огласки бы не вышло. Помните, что̀ было съ батюшкой, можетъ то же и съ нами случиться. Наверху глаза зоркіе. Самой пустой молвы довольно, чтобы весь корабль погубить. Увози ее, Машенька, скорѣй до грѣха.

— Дождусь Егорушки, непремѣнно хочу его видѣть и разспросить объ араратскихъ, — сказала Марья Ивановна.

— Уговори ее какъ-нибудь хоть до Егорушкина пріѣзда остаться, — сказалъ онъ. — А тамъ, что̀ будетъ, то будетъ... Можетъ-быть, птичка и не выпорхнетъ, и богатства ея рано ли, поздно ли будутъ въ нашемъ кораблѣ. Главное — осторожность... Во что бы ни стало какъ можно крѣпче надо привязать ее къ нашему союзу, для того прежде всего нужно уничтожить въ ней сомнѣнья, чтобы не думала она, что мы хотѣли обмануть ее. Съ перваго свиданья я замѣтилъ, что она сильно восторженна и вполнѣ довѣрчива, но причудлива. Обращайтесь съ ней осмотрительнѣй, внимательнѣй, съ оглядкой. Поставить ее на прежнее—дѣло трудное, а если еще случится хоть самая малѣйшая съ ней неосторожность, дѣло будетъ непоправное. Не утратьте пророчицу, не теряйте смолокуровскаго богатства. Старайтесь больше о томъ, чтобы съ ней вполнѣ примириться, чтобы не выдала она кому-нибудь изъ стороннихъ нашей тайны сокровенной... Зима теперь, времена то-есть опасныя!.. Надо быть скромнѣй и осторожнѣе. Вотъ я получилъ извѣщеніе, — въ Москвѣ идутъ большіе розыски, и много вѣрныхъ-праведныхъ въ гоненіи. Всѣми мѣрами стараются разузнать о нашихъ корабляхъ. И доносчики, Искаріоты, явились — многихъ выдали, указали на домъ Божій и все забрали изъ него. Малѣйшая неосторожность можетъ и насъ до бѣды довести. Блюдите же себя опасно, а главное—о томъ постарайтесь, чтобъ, уѣхавъ домой, наша гостья не разсказала кому о томъ, что̀ видѣла и слышала здѣсь. Иначе все

пропало, корабль нашъ разсыплется, лукавый надъ нами посмѣется своимъ лютымъ и злораднымъ смѣхомъ, и впадемъ мы всѣ въ земную погибель... Нужнѣй всего, чтобы добровольно осталась она у насъ до пріѣзда Егорушки. Когда пріѣдетъ Егорушка, мы съ нимъ потолкуемъ насчетъ этой Дуни. Разумѣю о духовномъ съ нимъ супружествѣ. Тогда она наша и милліоны наши. Ежели Егорушка рѣшится — мы позовемъ тебя на совѣтъ, Машенька, и съ тобой вмѣстѣ установимъ, какъ достичь нашей цѣли.

Никто не противорѣчилъ, Варенька поняла слова дяди и вся внезапно зардѣлась,

На другой день послѣ совѣщанья Луповицкихъ, кто-то тихими шагами подошелъ къ Дуниной комнатѣ и чуть слышно постучалъ въ дверь. Судя по времени Дуня подумала, что горничная пришла постель убрать, поспѣшно отворила дверь и увидѣла передъ собой Марью Ивановну. Вздрогнула Дуня, и сердце у ней болѣзненно сжалось. Съ той минуты, какъ случилась съ ней перемѣна, не могла она равнодушно смотрѣть на женщину, завлекшую ее въ новую вѣру, на ту, кого еще такъ недавно звала своимъ свѣтомъ и радостью, говоря: «при васъ я ровно изъ забытья вышла, а безъ васъ и день въ тоскѣ и ночь въ тоскѣ, не глядѣла-бъ и на вольный свѣтъ».

Величавой походкой вошла Марья Ивановна. Безграничная любовь и нѣжная заботливость отражались въ голубыхъ ея глазахъ и во всемъ ея еще прекрасномъ, хоть и сильно изможденномъ лицѣ. Протянула она руки, привлекла Дуню въ объятья и нѣжно ее поцѣловала,

Ровно кольнуло у Дуни въ сердцѣ отъ этого поцѣлуя.

— Что̀ съ тобой, милая? Что̀ съ тобой, дружочекъ мой?— съ любовью и участьемъ сказала Марья Ивановна, садясь у изголовья кровати и сажая Дуню на неубранную еще постель.

— Ничего, — холодно и сдержанно отвѣчала Дуня, опуская глаза.—Домой бы скорѣй. Соскучилась я по своимъ.

— Успѣешь, красное солнышко, успѣешь, моя золотая, — тихо отвѣчала ей Марья Ивановна. — Повремени немножко. Кой-какія дѣла по имѣньямъ задержали меня здѣсь. Какъ только управлюсь, такъ и поѣдемъ. Да что̀ это вдругъ тебѣ домой захотѣлось? Прежде про домъ и не поминала, а теперь вдругъ встосковалась.

— Надо же когда-нибудь домой. — опустя глаза, тихо проговорила Дуня. —Нельзя же навсегда здѣсь оставаться.

— Конечно, пока живъ отецъ, его нельзя совсѣмъ покинуть. А ежели что̀ случится съ нимъ, мѣсто тебѣ здѣсь, либо

у меня въ Фатьянкѣ, — сказала Марья Ивановна. — Ты вѣдь отъ міра отрѣшенная... Не жить тебѣ въ немъ.

Вспыхнула Дуня, дрогнули у ней губы. Въ горькихъ слезахъ чуть слышно она промолвила:

— Не могу я тятеньку покинуть. Безъ меня помретъ онъ съ тоски... И теперь скучаетъ... Одинъ вѣдь, никого возлѣ него нѣтъ. Не съ кѣмъ слова перемолвить... Нѣтъ, не могу я жить безъ него.

— Такъ ты нарушаешь данную клятву!.. А ты давала ее вольною волей, помнишь, когда приводили тебя къ праведной вѣрѣ... Не помнишь развѣ, что ты обѣщала Богу забыть отца, родъ и племя, весь міръ съ суетой его, — строго, дрожащимъ отъ волненья голосомъ, заговорила Марья Ивановна. — Вспомни, кого ты давала по себѣ порукой... Царицу Небесную, Пресвятую Богородицу дала въ поруки!.. Неужели думаешь, что нарушеніе такой клятвы пройдетъ тебѣ даромъ? Нѣтъ. И въ писаніи сказано, что Богъ поруганъ не бываетъ... Когда ты давала клятву, въ Сіонской горницѣ былъ ангелъ Божій, онъ невидимо стоялъ передъ тобой и записывалъ твои обѣщанья... Такъ развѣ можно нарушить ихъ? Всѣ несчастья, всѣ напасти, всѣ печали и безысходное горе еще въ здѣшнемъ мірѣ надъ тобой разразятся, а въ томъ вѣкѣ вѣчная тебѣ гибель во узахъ нечистаго... Вотъ что̀ тебѣ впереди. Пришла ты на путь правыхъ, отреклась отъ міра — и вдругъ бросилась назадъ, опять хочешь ринуться въ его суетность... Вѣдь это поступокъ Искаріота... Чашу Іуды до дна изопьешь и съ нимъ раздѣлишь безконечныя мученья въ жилищахъ врага, будешь навѣки проклята Богомъ и всею небесною силой... Привела я тебя къ вѣрѣ праведной, была твоей воспріемницей и теперь несу отвѣтъ за душу твою... Прими же слова мои, какъ повелѣніе свыше... Кайся въ погибельныхъ сомнѣньяхъ, отгони нечистаго, возвратись въ ограду спасенья... Тогда будетъ на небесахъ великая радость, Отецъ Небесный вѣдь не столько радуется о девяноста девяти овцахъ, мирно пасущихся на спасительной Его пажити, какъ объ одной заблудившей и къ Нему возвратившейся.

Дуня молча плакала. Вспомнилась ей матушка Манеѳа. Было похожее дѣло въ Комаровѣ. Тогда Дунѣ было еще только десять лѣтъ. Съ покойницей Настей сидѣла однажды она за рукодѣльемъ въ игуменьиной кельѣ, за перегородкой въ боковушѣ, и отъ слова до слова слышала, какъ матушка началила молодую инокиню малаго пострига, Евникею. Круглая сирота, дочь тысячника, жила Евникея у дяди и много тамъ терпѣла отъ своихъ и чужихъ. Разъ дядя изъ дома выгналъ

купчика, завладѣвшаго сердцемъ дѣвушки, и она въ тоскѣ и слезахъ ушла въ скиты и сыскала тамъ радушный пріютъ въ Манеѳиной обители. Черезъ сколько-то мѣсяцевъ дошли до нея вѣсти, что возлюбленный ея покончилъ жизнь. А она было-дала ему довѣренность вытребовать у дяди наслѣдственный капиталъ и потомъ обѣщалась замужъ за него выйти. Письма дядя ей присылалъ, чтобъ увѣрилась она въ смерти того купчика. И когда она увѣрилась, опротивѣлъ ей Божій свѣтъ, и предалась она безотрадному отчаянію. А скитскія матери день и ночь напѣваютъ ей: «поди да поди въ ликъ дѣвственницъ, притеки къ тихому пристанищу, отрекись отъ міра, прими иночество». И съ горя она приняла его. Прошелъ мѣсяцъ послѣ пострига, вдругъ пріѣзжаетъ въ обитель молодой купчикъ живехонекъ, привозитъ Евникеѣ двадцать тысячъ выхлопотаннаго ей родительскаго достоянья... Тогда стали Евникеѣ ненавистны и черная ряса и черный куколь— и сталъ ее манить міръ, полный счастья и радости. И вздумала она выйти изъ обители. Узнавъ о томъ, Манеѳа позвала Евникею къ себѣ и съ глазу на глазъ уговаривала ее оставить суетное желаніе, и тѣмъ больше всего грозила ей, что нѣтъ больше грѣха, какъ снятіе съ себя иночества. Это значитъ, говорила она, поругаться чину ангелоподобному... «И вотъ теперь то же самое говоритъ мнѣ Марья Ивановна, — думаетъ Дуня. — Также клятвы поминаетъ, также помстою *) отъ Бога грозитъ, страшитъ проклятьемъ, отлученьемъ, вѣчною погибелью... Не смутилась того Евникея. Хоть немало слезъ пролила, а покинула обитель и теперь, окруженная дѣтками, живетъ хозяйкой честнаго дома. И нѣтъ ей помсты отъ Бога и нѣтъ ни отъ кого проклятія». Такъ думала Дуня, слушая угрозы Марьи Ивановны, а безтѣлесный образъ Петра Степаныча яснѣй и яснѣй представлялся душевнымъ очамъ ея.

— Какъ же у насъ будетъ, милая Дунюшка? — послѣ длиннаго молчанья ласково спросила у ней Марья Ивановна.

— Не знаю, что̀ сказать вамъ, — не осушая слезъ, отвѣтила Дуня.

— Въ грѣховную ли пучину внѣшняго міра ты безповоротно стремишься, иль пребудешь до конца въ стадѣ избранныхъ? — настойчиво спрашивала Марья Ивановна. — Пребудешь ли вѣрною Богородицѣ, своей поручительницѣ, или, внимая наущеньямъ лукаваго, отринешь чашу благодати и вѣчной радости? Уйдешь въ міръ или съ нами останешься?

— Что̀ мнѣ міръ! Не знаю его и никогда не знавала! Вы

*) *По̀мста* — возмездіе, месть, кара, наказаніе.

знаете мою жизнь. Кого видала я, опричь тятеньки, Дарьи Сергѣвны да скитскихъ подружекъ?.. — печально поникнувъ бѣлокурой головкой, отвѣчала Дуня. — Вы думаете, что міръ меня прельщаетъ, что мнѣ хочется забавъ его и шумнаго веселья? Бывала я въ этомъ мірѣ веселья, въ театрѣ даже бывала и музыку тамъ слышала, и пѣсни и пляски видѣла, и было мнѣ скучно, тоскливо, никакой не чувствовала я пріятности... Нѣтъ, міръ не прельщаетъ меня и никогда не прельститъ.

— Отчего-жъ ты хочешь оставить корабль? — спросила Марья Ивановна.

Дуня ни слова не сказала на то.

— Ты все думаешь, будто тебя обманули, всѣхъ нашихъ тайнъ не открыли? Ошибаешься. Варенька тебѣ сказывала, почему тебѣ не говорили о вымышленныхъ простецами сказаньяхъ. Они нужны однимъ людямъ малаго вѣдѣнія. Сколько разъ братцу я говорила, что не слѣдуетъ и поминать объ нихъ въ Сіонской горницѣ, какъ и дѣлалось это въ Петербургѣ у Катерины Филипповны — не послушались моихъ совѣтовъ. Тутъ я нисколько не виновата... Къ словамъ Вареньки мнѣ нечего прибавлять. Гдѣ ты видишь обманъ? Мы сами никакой вѣры не даемъ этимъ сказкамъ, хоть и считаемъ ихъ нужными, даже необходимыми для простыхъ людей, неначитанныхъ, необразованныхъ. Не обманывали тебя, ничего отъ тебя не скрывали, а только не хотѣли смущать тебя пустяками. Я виновата кругомъ, что не сказала объ этомъ тебѣ до собора, надо было прежде сказать — хоть за день, хоть за два... И Варенька съ Катенькой виноваты, что не сказали тебѣ напередъ объ этихъ сказкахъ.

Дуня попрежнему молчала.

— Не то тебя смущаетъ, — строго и учительно сказала Марья Ивановна. — Не подозрѣнье въ обманѣ разстроило тебя. Врагъ Бога и людей воздвигаетъ въ твоей душѣ бурю сомнѣній... Его дѣло!.. Берегись, чтобы совсѣмъ онъ не опуталъ тебя... Борись, не покоряйся. Будешь поддаваться сомнѣньямъ, сама не замѣтишь, какъ навѣки погибнешь. Скоро пріѣдетъ сюда Егоръ Сергѣичъ. Подробнѣй и прямѣе, чѣмъ братецъ Николаюшка, станетъ онъ говорить о Божьихъ людяхъ Араратской горы. Будешь тогда на соборѣ?

— Не буду, — промолвила Дуня.

— Напрасно, — сдержанно отвѣтила Марья Ивановна. — Я сказала тебѣ, что пророкъ или кормщикъ корабля, принимающій въ кругъ вѣрныхъ-праведныхъ женщину, дѣлается ея духовнымъ супругомъ. А братецъ Николаюшка говоритъ, что

это не такъ. Пріѣдетъ Егорушка, онъ объ этомъ разскажетъ точно и подробно.

Призадумалась Дуня. Хотя и рѣшилась она оставить общество людей Божьихъ, но любопытство сильно подстрекало ее. Согласилась быть въ Сіонской горницѣ и говорить съ араратскимъ гостемъ, но отказалась радѣть и пророчествовать, сказала, что будетъ одѣта въ обычное платье, а «бѣлыхъ ризъ» ни за что на свѣтѣ не надѣнетъ и сядетъ не впереди, а у входной двери. Дозволяется же вѣдь это больнымъ и недужнымъ.

Какъ ни уговаривала ее Марья Ивановна, Дуня настояла на своемъ.

Пришелъ Успеньевъ день — въ Луповицахъ храмовой праздникъ. Во время поста и Луповицкіе и всѣ жившіе у нихъ Божьи люди, кромѣ Дуни, говѣли и наканунѣ праздника пріобщились у отца Прохора. И во дни говѣнья и на самый праздникъ ничего не было противнаго церковности, все прошло спокойно и прилично.

Гостей наѣхало довольно, то были ближніе и дальніе сосѣди Луповицкихъ, понятія не имѣвшіе о тайнахъ Сіонской горницы. Два либо три раза въ году Луповицкіе, ради отклоненія подозрѣній въ принадлежности къ сектѣ, за что дорого поплатился отецъ ихъ, созывали къ себѣ постороннихъ гостей на обѣдъ. Такъ и въ храмовые праздники бывало. На эти дни въ хлыстовскомъ домѣ все измѣнялось. Столъ бывалъ изысканный и роскошный, тонкія вина и рѣдкіе плоды подавались гостямъ въ обиліи, сами хозяева въ тѣ дни отступали отъ постничества — ѣли и пили все, что̀ подавалось на столъ. «Нужды ради» женщины снимали даже черныя платья и одѣвались въ цвѣтныя, а прислуга являлась въ ливрейныхъ нарядахъ, но никогда въ числѣ ея не бывало въ эти дни ни дворецкаго Сидора ни другихъ участниковъ въ Сіонской горницѣ. Не бывало на тѣхъ праздникахъ и близкихъ къ Луповицкимъ людей — Кислова, Стронскаго. Они не ѣзжали на это время, опасаясь искушеній мірскою суетою. Послѣ обѣда по комнатамъ разставлялись карточные столы, раздавались звуки старыхъ, давнымъ-давно разстроенныхъ фортепіанъ, всюду слышались и веселый говоръ и шутливый смѣхъ. Казалось, давнымъ-давно отжитая въ Луповицахъ шумная жизнь воскресала. Только не было отъѣзжихъ полей, попоекъ на охотѣ, выводки коней, музыкантовъ, пѣвицъ и театра.

Собралось гостей больше пятидесяти человѣкъ, все почти мужчины, изъ сосѣдокъ пріѣхало не больше пяти человѣкъ.

Сосѣди хоть и считали домъ Луповицкихъ загадочнымъ, не поручились бы за благонадежность кого бы то ни было изъ семьи его хозяевъ, но обѣды и ужины у нихъ были такъ вкусны и рѣдки въ степной сторонѣ, что каждый счелъ бы за грѣхъ не пріѣхать на званый пиръ. Иные пріѣхали еще наканунѣ праздника съ вечера, другіе рано поутру, и всѣ были въ церкви. Къ обѣднѣ только Дуня не ходила. Претило ей войти въ церковь и молиться съ никоніанами. Дѣтскія впечатлѣнія, суровыя наставленія въ скитской обители, разговоры съ Дарьей Сергѣвной давно развили въ ней нетерпимость, даже ненависть къ великороссійской церкви. Въ своемъ ослѣпленьи Дуня полагала, что въ этой смущенной, по ея мнѣнію, церкви ересей больше, чѣмъ въ корабляхъ людей Божьихъ.

Послѣ обѣдни въ домъ пришелъ отецъ Прохоръ съ причтомъ и со всѣми семейными. Отслуживъ праздничный молебенъ, пошелъ онъ по комнатамъ кропить ихъ святой водой. Андрей Александрычъ несъ передъ нимъ чашу. Комнату Дуни миновали, зная, что ей будетъ непріятно посѣщеніе о. Прохора. Послѣ того и хозяева и гости, напившись чаю и покушавъ праздничнаго пирога, со всякаго рода прибавленьицами, пошли въ садъ, гдѣ ужъ были накрыты столы для угощенья крестьянъ. Три праздника въ одинъ день сошлись: Велика-Пречиста — разговѣнье, сельскій храмовой праздникъ и «дожинки». Наканунѣ еще бабы и дѣвки покончили яровое, а послѣ обѣдни, обвивъ серпы молодою соломой, а иныя остававшимися на поляхъ и лугахъ цвѣтами, и высоко держа тѣ серпы надъ головами, гурьбой повалили на барскій дворъ. Еще выше несли онѣ на рукахъ «послѣдній снопъ», одѣтый въ красный сарафанъ, разукрашенный разноцвѣтными лентами. Снявъ шапки, слѣдомъ за женщинами чинно выступали мужчины — старые, малые, женихи и подростки. Все село сошлось, пришли даже толпы изъ окольныхъ деревень — всякому въ охоту было сытно поѣсть, пьяно попить на барскомъ пиру-угощеньи.

Распахнулись ворота, и первыми на господскій дворъ жнеи вошли. Хозяинъ, Андрей Александрычъ, въ сношеньяхъ съ крестьянами строго соблюдавшій народные обряды, вышелъ навстрѣчу жнеямъ. Былъ онъ безъ шапки, а въ рукахъ держалъ покрытое расшитымъ полотенцемъ деревянное блюдо съ большимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ новой пшеницы. Завидѣвъ Андрея Александрыча, громко закричали жнеи:

— Съ двумя полями сжатыми, съ третьимъ засѣяннымъ проздравляемъ васъ, государь нашъ батюшка!

Перекрестился Андрей Александрычъ, низко поклонился жнеямъ и молвилъ:

— Жнеи молодыя, серпы золотые, милости просимъ покушать, новаго хлѣба порушать.

— На здоровье свѣтъ-государю боярину ласковому! — заголосили и мужчины и женщины. — Сіяй, государь, барской лаской-милостью, какъ на высокомъ небѣ сіяетъ красное солнышко. Свѣти добротой-щедротой, свѣтлая наша боярыня, какъ ясенъ мѣсяцъ свѣтитъ во темную ночь. Цвѣти, ненаглядная наша боярышня, расцвѣтай ровно звѣздочка яркая. Бѣлѣй, ровно бѣлый снѣгъ, румянѣй, какъ заря-зорюшка, намъ на радость, себѣ на пригожество.

И звалъ тутъ Андрей Александрычъ сельщину-деревенщину въ саду покушать, попраздновать. И повалилъ туда толпами радостный, веселый народъ.

«Послѣдній снопъ» на особомъ столѣ поставили, а вкругъ него положили цвѣтами и соломой обвитые серпы. Отецъ Прохоръ благословилъ ястіе и питіе и окропилъ столы святою водой. Поднесли всѣмъ по стаканчику водки, а непьющимъ ренскаго. Потомъ ставили на столы мясныя варева: щи со свѣжиной, лапшу со свининой, пироги, разныя каши, яблоки и кислое молоко съ толокномъ, что̀ зовется «деженемъ». Безъ деженя на Пречистую, какъ безъ кулича на Пасху, и столъ не въ столъ. Подавались вперемежку красоули зелена вина и стаканы браги сыченой, а ядренаго квасу, на трехъ солодахъ ставленнаго, было на столахъ столько, что хоть купайся въ немъ.

Кончилась тра̀песа сельщины-деревенщины. Все время кругомъ ея стояли пріѣзжіе гости, а хозяева угощали пирующихъ. Встали наконецъ крестьяне изъ-за столовъ, Богу помолились, хозяевамъ поклонились и пошли въ дальній садъ на широкую луговину. До поздняго вечера доносились оттуда веселыя пѣсни успенскихъ хороводовъ:

Закатилось красно солнышко
За зеленъ виноградъ,
Цѣлуемся, милуемся —
Кто кому радъ.

До «перваго огня» пѣлись эти пѣсни. Въ Успеньевъ день въ первый разъ послѣ лѣта вздуваютъ по избамъ огни.

Нѣтъ теперь больше добрыхъ, старорусскихъ обрядовъ, даже и по дальнимъ захолустьямъ нѣтъ. Все потерялось въ наплывѣ чуждыхъ обычаевъ и вновь создавшихся отношеній. Что ни день, то больше новшествъ, а извѣчные порядки умаляются — все отрывается отъ стараго корня.

А въ дому Луповицкихъ межъ тѣмъ убирали столы, украшали ихъ, уставляли цѣнными напитками и плодами своихъ теплицъ. Входили въ столовую гости веселые, говорливые, садились за столы по мѣстамъ. Шуткамъ и затѣйнымъ разговорамъ конца не было, одни хозяева, кромѣ Андрея Александрыча, все время оставались сдержанны и холодны. Изронятъ изрѣдка словечко, а ни за что не улыбнутся.

Отобѣдали и тотчасъ кто за карты, кто смотрѣть на хозяйство Андрея Александрыча. Иные по саду разошлись... И Дуня пошла въ садъ одинокая, молчаливая. На одной изъ дорожекъ неожиданно встрѣтилась она съ отцомъ Прохоромъ. Залюбовался онъ на высокіе, густолистные каштаны и чуть слышно напѣвалъ какую-то церковную пѣсню. Снявъ широкополую шляпу и низко поклонясь, завелъ онъ съ Дуней разговоръ, изрѣдка поглядывая на нее съ жалобною улыбкой, будто угадывая душевное ея горе и бурю тревожныхъ сомнѣній. Жаль стало ему бѣдную дѣвушку.

— Скучаете? Такъ надо понимать, — сказалъ отецъ Прохоръ, пойдя рядомъ съ Дуней.

— Нѣтъ, я не скучаю. Не о чемъ,—промолвила Дуня въ отвѣтъ.

— Та-а-акъ-съ... — какъ-то робко, подергивая рѣдкую сѣденькую бородку, сказалъ отецъ Прохоръ.

Боялся онъ, чтобы какія-нибудь неосторожныя, спроста сказанныя рѣчи не дошли въ превратномъ видѣ до Луповицкихъ... Перетолкуютъ ему во вредъ и поставятъ въ трудное положеніе по хозяйству. Прощай тогда довольство въ жизни, впереди нищета, озлобленія, а пожалуй, и хуже того, ежель вздумаютъ господа пожаловаться. Помолчалъ отецъ Прохоръ и, будто въ оправданье себѣ, сказалъ:

— А ежель и скучаете, такъ съ вашей стороны это совершенно натурально и даже, можно сказать, похвально. Въ такой великій праздникъ въ чужихъ людяхъ находитесь, отъ родителей далече. Хотя, конечно, здѣшніе господа къ вамъ расположены, и живете вы у нихъ на положеніи какъ бы ихней родственницы, однакоже родительскій кровъ всякому долженъ быть дороже всего на свѣтѣ и пріятнѣе, тѣмъ паче для такой молодой дѣвицы. Что можетъ сравниться съ домомъ родителей или даже съ мѣстомъ, гдѣ мы Божій свѣтъ увидѣли и возрасли? Ничто, поистинѣ ничто. Тамъ каждая неодушевленная даже вещь представляется родною, всякій уголокъ драгоцѣненъ по воспоминаніямъ, каждая былинка веселитъ взоры и услаждаетъ душу... Поэтому я и спросилъ васъ, не скучаете ли по матушкѣ да по батюшкѣ, а можетъ-быть, и по другимъ близкимъ по плоти.

— У меня нѣтъ матушки... Не помню даже ея... — тихо отвѣтила Дуня. — И родныхъ, кромѣ тятеньки, никого нѣтъ, — прибавила она.

— Одинъ только родитель!.. Сиротка вы поэтому, — съ участьемъ продолжалъ отецъ Прохоръ. — Что-жъ вашъ батюшка дома теперь?

— Нѣтъ, теперь онъ на ярманкѣ у Макарья, рыбой вѣдь онъ торгуетъ. Недѣли черезъ полторы либо черезъ двѣ домой воротится, — сказала Дуня.

— Тогда и вы къ нему? — спросилъ отецъ Прохоръ.

— Не знаю, — грустно отвѣтила Дуня. — Я вѣдь не на своей волѣ. Марья Ивановна привезла меня сюда погостить и обѣщалась тятенькѣ привезти меня обратно. Да вотъ идутъ день за день, недѣля за недѣлей... а что-то не видать, чтобъ она собиралась въ дорогу... А путь не близкій — больше четырехсотъ верстъ... Одной какъ ѣхать? И дороги не знаю и страшно... мало ли что̀ можетъ случиться? И жду поневолѣ... А тутъ какой-то ихній родственникъ пріѣдетъ погостить, Марья Ивановна для него остаться хочетъ — давно, слышь, не видались.

— Знаю, слыхали и мы объ этомъ, съ Кавказа ѣдетъ... — съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ отецъ Прохоръ. — Егоръ Сергѣичъ Денисовъ роднымъ племянникомъ приходится Варварѣ Петровнѣ. Довольно извѣстны о немъ... Не обезсудьте, Авдотья Марковна, дозвольте спросить, вы вѣдь не нашего православнаго стада, не церковница?

— Нѣтъ, отецъ Прохоръ, я не церковница, — нахмурясь нѣсколько, отвѣтила Дуня.

— По старообрядству, стало-быть, церкви нашей за святую не почитаете? — продолжалъ разспросы отецъ Прохоръ.

— Мы по Спасову согласію, не чуждаемся и пріемлющихъ священство, — отвѣчала Дуня. — Крестятъ у насъ и свадьбы вѣнчаютъ въ великороссійской, а хоронятъ по-своему, по старинѣ, значитъ, отдѣльныя кладбища для того отведены.

— Знаемъ мы эти положенія... Очень хорошо извѣстны, хотя по здѣшнимъ сторонамъ таковыхъ и не имѣется, — сказалъ отецъ Прохоръ. — Недостойно и даже душевредно чуждаться святой церкви, Авдотья Марковна, но не къ тому рѣчь веду. Все же вы единую съ нами вѣру исповѣдуете, разнствуете токмо въ обрядахъ, да вотъ еще духовнаго чиноначалія отрицаетесь. Тяжко, но не столь тяжко, какъ новосоставленныя ереси, совсѣмъ попирающія святую вѣру. Какъ древніе фарисеи, часто они во храмахъ бываютъ, строгіе посты содержатъ и соблюдаютъ другіе обряды, но являютъ

себя какъ повапленныя гробницы, о нихъ же Господь сказалъ: «внѣуду являются красны, внутрьуду же полны суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты» *).

Призадумалась Дуня. Отецъ Прохоръ какъ по книгѣ читалъ, что̀ было у нея на мысляхъ.

— Послушайте, Авдотья Марковна. Мнѣ очень жалко васъ,— сказалъ онъ, когда они вошли въ самый глухой, уединенный уголъ сада. — Не погнушайтесь моими словами, добрый совѣтъ желалъ бы вамъ дать. А прежде всего попрошу я васъ — не глядите на меня, какъ на попа, да къ тому-жъ, какъ называете насъ, «никоніанскаго». Смотрите на меня, какъ на старика — по моимъ годамъ вѣдь я вамъ въ дѣдушки гожусь. Добра желая, хочу вамъ говорить не своими словами, вы, пожалуй, ихъ и не примете, а вѣчными словами Господа. Вспомните, что̀ сказалъ Онъ ученикамъ: «Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ; егда объемлютъ отъ тернія гвозды или отъ репія смоквы?.. Не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ. Мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ. И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ, отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе» **). И Онъ же, Сынъ Божій, пречистыми устами сказалъ: «Блюдите да никто же васъ прельститъ, мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ, и многи прельстятъ»... И дальше изрекъ: «Аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ или ондѣ — не имите вѣры, возстанутъ бо лжехристы и лжепророки и дадятъ знаменія и чудеса, яко же прельстити, аще возможно, и избранная» ***)... Авдотья Марковна, — послѣ долгаго молчанья сказалъ отецъ Прохоръ: — доходили до меня вѣсти, что хоть ваши годы и молодые, а въ писаніи вы довольно свѣдущи. Не отъ себя и не отъ человѣческихъ писаній предлагаю вамъ, а сказанное самимъ истиннымъ Христомъ возвѣщаю. Божественныя словеса неизмѣримо выше всякихъ словъ, всякихъ писаній и всякихъ дѣяній человѣческихъ. Вѣруете ли вы во святое евангеліе?

— Конечно, вѣрую, отецъ Прохоръ, — отвѣчала Дуня, ласково поднявъ глаза на деревенскаго попа, до тѣхъ поръ

*) Матв. XIII, 27.
**) Матв. VI. 15—23.
***) Матв. XXIV, 4, 5, 23, 24.

рѣдко ею видѣннаго и никогда не обращавшаго на себя ея вниманья.

— Вѣрно ли, досконально ли я привелъ вамъ слова Господни? — спросилъ онъ.

— Вѣрно, сколько упомнить могу, — отвѣчала Дуня.

— Такъ слушайте же, — возвысивъ голосъ, величаво заговорилъ отецъ Прохоръ. — По Господню предсказанію въ наши дни явилось много лжеучителей и лжепророковъ. Явились даже лжехристы. Они пророчествуютъ, сказываютъ, будто чудеса даже творятъ, и творятъ такъ на прельщеніе многихъ. Дьяволъ помогаетъ имъ. Сатана водитъ ими, онъ въ нихъ дѣйствуетъ для утвержденія заблудшихъ и погрязшихъ въ ересяхъ. Свои у нихъ христы: Сусловъ тамъ какой-то, стрѣлецъ Лупкинъ, Андрей юродивый; свои богородицы — Акулина стрѣльчиха, другая Акулина, яко бы сошедшая съ трона царица и поселившаяся въ Орловской губерніи, среди богоборныхъ еретиковъ... Да что много говорить, чаятельно, сами наслушались такихъ басенъ.

Молчала Дуня, но слова отца Прохора сильнѣй и сильнѣй волновали ее. «Не свое вѣдь онъ говорилъ, а Господни слова», — въ смущеньи она думала.

— Забудьте, опять-таки скажу вамъ, Авдотья Марковна, забудьте на нѣкоторое время, что съ вами говоритъ, по-вашему, попъ никоніанскій, — продолжалъ отецъ Прохоръ. — Изъ жалости говорю къ вамъ, по человѣчеству. Вы еще юная, неопытная, вы добры и довѣрчивы, васъ не трудно вовлечь въ ровъ погибельный, легко низвергнуть въ бездонную пучину богомерзкихъ заблужденій. Не спрашиваю, что видѣли вы, какія льстивыя и ложныя рѣчи слышали. Объ одномъ предварю по вашей неопытности. Берегитесь, всемѣрно берегитесь Денисова, когда пріѣдетъ онъ. Каждый разъ въ свои пріѣзды онъ много памяти оставляетъ по себѣ. Много слезъ пролито по его милости, и теперь льются, да никогда и не осушатся. Это великій и самый злой еретикъ! Особенно пагубенъ для юныхъ дѣвицъ — оскверняетъ ихъ да еще богохульно говоритъ: «я-де ихъ освящаю и отъ грѣховъ очищаю». Вполнѣ достовѣрно знаю его злохудожную душу. Всѣ погрязшіе въ богомерзкой ереси, хоть и по наружности, но къ церкви Божьей усердны: четырежды въ году говѣютъ, исповѣдуются, пріобщаются, и тогда иные колеблющіеся открываютъ мнѣ, какъ отцу духовному, противныя Христову ученію тайны. Оттого-то мнѣ и извѣстно все — тридцать второй годъ состою при здѣшнемъ приходѣ — всю подноготную ихъ знаю, и пляски, и другіе обряды, и все богопротивное ихъ ученіе... Всякими

мѣрами увлекаютъ они особенно юныхъ, не устоявшихся еще въ вѣрѣ и благочестіи, всячески соблазняютъ ихъ, напускаютъ на нихъ какое-то одурѣніе, и тѣ, потерявъ волю и разсудокъ, приходятъ въ изступленье и говорятъ сами не знаютъ что̀. И такое изступленіе богохульно считается у нихъ наитіемъ Святого Духа, а безсмысленныя рѣчи пророчествами. Бѣглыхъ солдатъ и простыхъ мужиковъ признаютъ христами, скверно-словятъ, якобы самъ Господь Саваоѳъ не одинъ разъ на землю сходилъ и воплощался въ бѣглыхъ солдатахъ... Вотъ они каковы лжеучители и лжепророки, Христомъ прореченные!.. Блюдитесь ихъ!.. Особливо блюдитесь Денисова!.. Берегитесь, Авдотья Марковна, паче всего берегитесь, не ввергайте себя въ пучину гибели...

Ни слова не сказала на это Дуня. Все-таки недовѣрчива была она къ никоніанскому попу... Но вѣдь онъ говорилъ слова евангельскія. «Имъ нельзя не вѣрить,—она думаетъ.—Невѣрный онъ, этотъ попъ, но въ Сіонской горницѣ ересей больше. Тамъ нѣтъ правды, а только какая-то насмѣшка надъ вѣрой, преданной Христомъ и святыми отцами. И все это мнѣ открываетъ, предостерегаетъ отъ лжеученій и отъ Денисова никоніанинъ?.. Вѣрить ли? Не хочетъ ли онъ увлечь меня въ свою церковь?.. Ахъ, если бы кто изъ нашихъ теперь поговорилъ со мною! Но кому говорить? Сама матушка Манеѳа навѣрно не сумѣла бы утолить душевныхъ моихъ страданій... Хозяйство у ней главное дѣло, а въ писаніи хоть и сильна, но знаетъ ереси и заблужденья давнихъ только временъ, а что̀ теперь проповѣдуется и творится новыми лжеучителями, о томъ, кажется, и не слыхивала». Такъ думала Дуня, молча ходя съ отцомъ Прохоромъ по отдаленнымъ, тѣнистымъ дорожкамъ садовыхъ окраинъ. Ни словомъ ни видомъ не выразила она сочувствія къ рѣчамъ его; мысль, что говоритъ съ никоніаниномъ, соблазняла ее.

— Не искушайте, — тихо промолвила она.

— Не искушаю, — твердо, но съ душевною грустью сказалъ отецъ Прохоръ. — Вотъ что̀ я еще вамъ скажу. Быть-можетъ, вы думаете: «Съ чего это вздумалъ меня поучать? Вѣрно, ему хочется ввести меня въ свою церковь. Выгодно, дескать, у этой дѣвицы богатое наслѣдство». Мы вѣдь все знаемъ, что̀ въ этомъ домѣ творится, молчимъ только изъ страха и опасенія... Такъ забудьте все это хоть на малое время. Какъ много искусившійся въ житейскомъ опытѣ сѣдовласый старецъ говорю теперь вамъ, едва вступающей въ жизнь, говорю изъ безкорыстной любви и сердечнаго соболѣзнованья. Передъ вами ровъ погибельный; въ изступленьи чувствъ, въ безпа-

мятствѣ, въ помраченіи ума, легкомысленно, ни о чемъ не разсуждая, стремитесь вы къ его обрыву. Все одно, какъ человѣкъ внѣ ума, никѣмъ не гонимый, бѣжитъ къ омуту... И вотъ я стою возлѣ, и мимо меня бѣжитъ человѣкъ къ вѣрной гибели... Что-жъ мнѣ? Спокойно глядѣть, какъ онъ будетъ утопать? Нѣтъ, Авдотья Марковна, такъ нельзя... Такъ не повелѣлъ Христосъ Сынъ Божій. Я кинусь въ бездонный омутъ, ежель угодно Господу, спасу того человѣка; если же не угодно, самъ погибну съ нимъ... И не взыдетъ тогда мнѣ на умъ — какой онъ вѣры. Будь онъ сынъ церкви, будь обрядовый разногласникъ, какъ всѣ ваши, будь жидъ, татаринъ, даже хлыстъ, онъ все-таки человѣкъ, все-таки душа въ немъ отъ Единаго. Такимъ же образомъ и къ вамъ обратился я, и не умолчу, не загражду устъ своихъ, одно стану твердить вамъ: молитесь, Авдотья Марковна, молитесь Богу, да избавитъ Онъ васъ отъ сѣти ловчей. Какъ хотите молитесь, по-нашему ли, по-вашему ли, только не по-ихнему, не такъ, какъ бѣснуются они въ Сіонской горницѣ. Мерзки дѣла ихъ предъ Господомъ. Тамъ нѣтъ правды, гдѣ ее скрываютъ подъ спудомъ, охраняютъ клятвами, страхомъ и угрозами. Свѣтильникъ истины вжигаютъ на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ *). Такъ самъ Христосъ сказалъ.

Въ это время вдали показалась Марья Ивановна. Медленными, величавыми шагами шла она навстрѣчу, то заглядывая въ кусты, то поднимая взоры къ вершинамъ деревьевъ, то останавливаясь у цвѣтниковъ, любуясь на роскошные цвѣты и упиваясь ихъ благовоніемъ.

Смутился отецъ Прохоръ, увидавши ее. Тихимъ голосомъ сказалъ онъ Дунѣ:

— Ужъ вы, пожалуйста, Авдотья Марковна, не открывайте, о чемъ мы говорили. Больше тридцати лѣтъ здѣсь живу, привыкъ... а ежели возстановлю ихъ противъ себя, мое положеніе будетъ самое горькое. Изъ любви къ вамъ говорилъ я, изъ сожалѣнья, а не изъ чего другого. Богомъ прошу, не говорите ничего... А Денисова бойтесь... Пуще всего бойтесь... Это такой врагъ, какихъ немного бываетъ. Смотрите же, не погубите меня старика со всей семьей моей.

Онъ весь принизился, тревога и смущенье разлились по старому лицу.

— Будьте спокойны, — отвѣчала ему Дуня. — А вотъ что̀ скажите скорѣй, не случалось ли вамъ когда-нибудь, какъ вы давеча говорили, кинуться въ воду и освободить человѣка изъ

*) Матв. V. 15.

здѣшняго омута? Не случалось ли укрывать кого-нибудь изъ завлеченныхъ и потомъ тайно выпроваживать ихъ изъ Луповицъ?

— Не потаю, — шепнулъ отецъ Прохоръ. — Случалось. Закона исполненіе въ томъ вижу, обязанность свою.

— А если-бъ я попросила у васъ помощи? — трепетнымъ голосомъ промолвила Дуня.

— Только въ укромное время придите... Всего лучше ночью, — низко наклонивъ къ ней голову, прошепталъ отецъ Прохоръ.

— Вотъ гдѣ ты, милая Дунюшка, — раздался громкій и привѣтливый голосъ Марьи Ивановны. — Съ отцомъ Прохоромъ! Смотри, не пришлось бы мнѣ отвѣчать передъ Маркомъ Данилычемъ, что ты, живучи у насъ, познакомилась съ православнымъ священникомъ, — ласково она промолвила.

— Тятенька за это не взыщетъ, — сдержанно отвѣтила Дуня. — И самъ онъ водитъ знакомство съ великороссійскими, любитъ даже съ ними бесѣдовать.

Не отвѣчала Марья Ивановна. Обратясь къ Дунѣ, сказала она:

— Пойдемъ, скоро чай подадутъ. Пойдемте, батюшка.

И пошли они въ домъ. А тамъ стономъ стоятъ голоса: шумятъ, спорятъ за картами, кто-то на разстроенныхъ фортепіанахъ разыгрываетъ давно забытую сонату. На обширной террасѣ слышатся веселые клики и радостный смѣхъ молодыхъ людей.

А въ богадѣльнѣ и на пасѣкѣ ровно всѣ вымерли.

Глава двѣнадцатая.

Недѣли черезъ полторы послѣ Успенья, въ обѣденную пору, на дворъ Луповицкихъ въѣхала обрызганная засохшею грязью дорожная карета. Изъ нея вышелъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, высокаго роста, съ изможденнымъ и мертвенно пожелтѣвшимъ лицомъ. Всѣ бросились на крыльцо — и оба Луповицкіе, и Варвара Петровна, и Варенька, и Марья Ивановна. Въ передней столпилась вхожая въ Сіонскую горницу прислуга. Прибѣжала, откуда только у старухи прыть взялась, богадѣленная Матренушка со своими подначальными, приплелся съ клюкой, весь медомъ и воскомъ пропитанный, дряхлый пасѣчникъ Кирила. Дуня смотрѣла изъ окна своей комнаты.

Взглянула... «Силы небесныя!.. Что это?.. Это не Егоръ Сергѣичъ, не араратскій посланникъ, это онъ, Петръ Степа-

ничъ! Но гдѣ-жъ пылающіе отвагой и весельемъ взоры? Гдѣ алый румянецъ полныхъ ланитъ? Куда дѣлись густые черные кудри? Болѣзнь его сокрушила, или изъѣла тоска? Голосъ слабый, какой-то старческій, но вотъ-вотъ его привычныя ухватки, пріемы, самая походка! Во снѣ я, или наяву?» — думаетъ Дуня. И болѣзненно заныло у ней сердце... А голосъ отца Прохора раздается въ ушахъ: «берегись его!..». Зазеленѣло въ очахъ Дуни; не помня себя, едва дошла она до постели и ринулась на нее... Безпамятство ею овладѣло.

— Христосъ воскресе *), Егорушка! Свѣтъ ты мой ненаглядный! — съ плачемъ и рыданьями обнимая и цѣлуя племянника, голосила Варвара Петровна. — Насилу-то дождались мы тебя! Со дня на день ожидали.

— Христосъ воскресе, братецъ мой милый, желанный! Наконецъ-то обрадовалъ пріѣздомъ своимъ. Здоровъ ли, миленькій? Не было-ль какого горя?.. Ты очень измѣнился въ лицѣ! — ласкаясь и ровно ласточка увиваясь вкругъ него, съ радостными слезами щебетала Варенька.

— Христосъ воскресе, золотой мой Егорушка! — крѣпко обнимая Денисова, восклицала Марья Ивановна. — Задержалъ ты меня здѣсь въ Луповицахъ, давно пора домой, да вотъ тебя все дожидалась. Хоть денекъ хотѣлось пробыть съ тобой... Богъ знаетъ, сколько времени не видались мы... Да какъ же ты похудѣлъ, узнать тебя нельзя...

— Христосъ воскресе, племяшъ **)! Ужъ мы ждали-ждали тебя, я ужъ было-думалъ, что ты вовсе не пріѣдешь, — цѣлуясь съ гостемъ, радостно говорилъ Андрей Александрычъ.

— Христосъ воскресе, желанный Егорушка! — по-радѣльному припрыгивая на правую ногу вкругъ Денисова, восторженно вскричалъ Николай Александрычъ. — Наконецъ-то услышимъ отъ тебя новые глаголы, наконецъ-то разскажешь ты намъ про новыя правила горы Араратской.

Денисовъ никому ни слова въ отвѣтъ. Его цѣлуютъ, его ласкаютъ, привѣтствуютъ, а онъ ровно не видитъ никого, ровно ничего не слышитъ. Склонивъ голову, молча идетъ въ домъ медленными шагами.

Въ сѣняхъ встрѣтила пріѣзжаго прислуга, приведенная въ тайну сокровенную. Съ радостью и весельемъ встрѣчаетъ она барина, преисполненнаго благодати. Съ громкими возгласами: «Христосъ воскресе», и мужчины и женщины ловятъ его руки, цѣлуютъ полы его одежды, каждому хочется хоть прикоснуться

*) «Христосъ воскресе» — обычное привѣтствіе у хлыстовъ при встрѣчахъ. Этими же словами всегда почти начинаются и письма ихъ.

**) Племянникъ, а также: свой, родной, родичь, землякъ.

къ великому пророку, неутомимому радѣльщику, дивному стихослагателю и святому-блаженному. Молча, потупя взоры, идетъ онъ дальше и дальше, никому не говоря ни слова.

Удивляются люди Божьи перемѣнѣ въ Денисовѣ, какой прежде былъ онъ разговорчивый, словоохотливый.

— Съ дороги притомился, должно-быть, — тихонько межъ собой переговариваютъ. — Отдохнетъ, затрубитъ въ трубу живогласную.

Егоръ Сергѣичъ въ самомъ дѣлѣ истомленъ былъ дурною дорогой, двѣ ночи не спалъ, и теперь очень хотѣлось ему поскорѣй отдохнуть. Онъ сказалъ про это Николаю Александрычу, тотъ повелъ его въ приготовленную комнату и самъ помогъ раздѣться пріѣзжему гостю.

Подали чай, любимую Денисовымъ молочную кашу изъ сорочинскаго пшена, рыбы, пирожковъ, варенья, разныхъ плодовъ и ягодъ. Въ его комнату никто не смѣлъ войти. Изъ рукъ Варвары Петровны и Марьи Ивановны Николай Александрычъ за дверьми самъ принималъ и чай и кушанья, но Егоръ Сергѣичъ отказался отъ угощенья, пилъ только чай да съѣлъ небольшую грушу, и ту не всю.

За чаемъ Николай Александрычъ успѣлъ-таки вызвать его на разговоръ. Сначала Денисовъ разсказалъ о дорожныхъ приключеньяхъ, какъ въ сильной душевной тоскѣ приходилось ему проводить время среди невѣдущихъ тайныхъ истинъ, какъ суетными разговорами они возмущали слухъ его.

— Отъ этого мученья больше, чѣмъ отъ дороги, я утомился. Ни думать не могу, ни слушать, ни говорить, — сказалъ Денисовъ.

Николай Александрычъ однако свелъ бесѣду на араратскихъ.

— Всего не могу сегодня разсказать, — молвилъ Егоръ Сергѣичъ. — Дай успокоиться, дай въ себя придти, съ мыслями собраться. Духомъ бодръ, но плоть немощна. Отдохну, успокоюсь, завтра все разскажу, чтò видѣлъ и слышалъ за Кавказомъ, чему былъ очевидцемъ и чтò слыхалъ отъ людей, стòящихъ довѣрія.

— Максима-то Комара видалъ? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Сколько разъ, — отвѣтилъ Егоръ Сергѣичъ. — Частенько одинъ на одинъ съ нимъ бесѣдовалъ. Истинная утѣха вѣрныхъ-праведныхъ!

— Откуда онъ, и какъ начались его дѣйства? — продолжалъ свои разспросы Николай Александрычъ.

— Былъ онъ молоканиномъ. Въ молодыхъ еще годахъ сосланъ за Кавказъ и поселенъ у подошвы горы Араратской,

въ деревнѣ Никитиной, — слабымъ, прерывающимся голосомъ началъ говорить Денисовъ. — Вѣрны-праведные изъ разныхъ мѣстъ до него еще поселены были въ томъ краю — были тутъ и орловскіе, и тамбовскіе, съ Молочныхъ Водъ, изъ саратовскихъ степей, изъ самой даже Москвы. Видитъ Максимъ, что у тамошнихъ Божьихъ людей вѣра стала пестра — въ одномъ кораблѣ одинъ обрядъ, въ другомъ другой. И было ему внушено всѣхъ соединить во едино стадо, и чтобъ въ томъ стадѣ былъ одинъ пастырь. Предтечей ему былъ Семенушка, по-мірскому Семенъ Матвѣичъ Уклеинъ, тоже тамбовскій молоканинъ, сосланный съ семьюдесятью учениками за Кавказъ. А то было еще до пришествія въ обѣтованную страну Максима. Семенушка сталъ сближать молоканъ съ людьми Божьими *), а довершилъ это дѣло другой, преисполненный благодати предтеча — Сидорушка **): онъ перенялъ у людей Божьихъ радѣнья и вводилъ ихъ у молоканъ. Еще когда Сидорушка былъ въ Россіи, онъ говорилъ близкимъ и писалъ дальнимъ, что у горы Арарата, по близости райской рѣки Евфрата, есть земля вѣрнымъ-праведнымъ обѣтованная, кипящая млекомъ и медомъ. Сидорушка разсказывалъ, что самъ былъ въ той сторонѣ, и всѣ были рады вѣстямъ его и веселились духомъ, а чтобы больше еще увѣриться въ словахъ Сидора Андреича, посылали съ Молочныхъ Водъ къ Арарату учителя своего Никитушку. И тотъ былъ въ странѣ обѣтованной и, возвратясь, говорилъ ученикамъ: «Съ востока приходили волхвы поклониться Христу въ день рождества Его, на востокѣ же и та земля, что̀ Господомъ обѣщана праведнымъ послѣднихъ дней. На востокѣ былъ насажденъ земной рай, на востокѣ, на горѣ Араратѣ спасся Ной отъ потопныхъ водъ, на томъ же востокѣ Господу угодно насадить и второй земной рай, создать тамъ «благодатное» Араратское

---

*) Это слухъ невѣрный. Его стали распускать прыгунки много времени спустя по смерти Уклеина. Напротивъ, Уклеинъ былъ чистый молоканинъ, безъ всякихъ примѣсей. И теперь закавказскіе молокане зовутъ себя Уклеиными или Семенушкиными, постоянно враждуя съ прыгунками. Семенъ Уклеинъ пользовался огромнымъ уваженіемъ за умъ, знаніе священнаго писанія и строгую жизнь. Его иные молокане даже святымъ почитаютъ, несмотря на то, что молоканское ученіе отвергаетъ святыхъ. Этого-то всѣми уважаемаго человѣка прыгунки и задумали послѣ его смерти пріобщить къ своей вѣрѣ.

**) Сначала молоканинъ и, кажется, уроженецъ Тамбовской губерніи, Сидоръ Андреевъ. Онъ долго шатался по турецкимъ и персидскимъ предѣламъ и не разъ бывалъ на Молочныхъ Водахъ и у закавказскихъ вѣденцевъ. Онъ первый провозгласилъ о будущемъ блаженномъ Араратскомъ царствѣ. Біографія Сидора Андреева очень темна. Около 1812 года былъ онъ сосланъ въ Сибирь и едва ли не бѣжалъ оттуда.

царство, вѣчное жилище избранныхъ служителей Агнца. Въ томъ царствѣ земля нова и небо ново, а нынѣшняго неба и нынѣшней земли и моря нѣтъ *), тамъ сшедшій съ небесъ святый градъ Іерусалимъ, въ немъ будутъ жить люди праведные. И не будетъ тамъ ни солнца, ни луны, ни звѣздъ, ни тьмы, ни ночи, ни грозъ, ни стужи, ни зноя — отъ лица Божья проліется свѣтъ неприступный, и дыханіе устъ Его согрѣетъ и напитаетъ праведныхъ». Такъ говорилъ учитель Никитушка, а сонмъ Божьихъ людей увѣровалъ въ слова его. А тутъ начальство стало и молоканъ и Божьихъ людей ссылать за Кавказъ и селить по деревнямъ, что̀ настроены на подножьяхъ горы Араратской. Сослали туда и Сидорушку съ Никитушкой, и многихъ другихъ съ Молочныхъ Водъ. На новомъ мѣстѣ много потрудился Сидорушка, соединяя Божьихъ людей съ молоканами, чѣмъ и предварилъ Максима. Соединенныхъ узами правой вѣры невѣрные прозвали «вѣденцами» и «прыгунками», не понимая святости корабельнаго радѣнья. Много тамъ всякихъ невѣрныхъ живетъ въ однѣхъ съ Божьими людьми деревняхъ — есть «геры», все одно, что жиды, только говорятъ межъ собой по-русски, а молятся по-еврейски, пріемлютъ обрѣзаніе и празднуютъ жидовскіе праздники... Много молоканъ, отвергающихъ наитіе Святого Духа на избранныхъ, много армянъ и татаръ — и всѣ они надъ нашей вѣрой насмѣхаются.

— Да это все извѣстно намъ, Егорушка. А ты разскажи-ка лучше мнѣ про Максима, — прерывая Денисова, сказалъ Николай Александрычъ.

Помолчавъ немного, Егоръ Сергѣичъ еще выпилъ чашку чая и продолжалъ разсказъ, постепенно воодушевляясь и приходя въ изступленный восторгъ:

— Ждали Божьи люди съ нетерпѣньемъ послѣдняго дня міра сего... Ждали дни и ночи, что вотъ загремитъ въ небесахъ труба архангельская, и со всѣхъ концовъ вселенной соберутся живые и мертвые люди. Не страшились и боязни не знали люди праведные, ибо мы не уснемъ, но только измѣнимся **). По писанію, мертвые о Христѣ, то-есть умершіе наши собраты вѣрны-праведные воскреснутъ первые, потомъ мы, въ живыхъ оставшіеся, будемъ вмѣстѣ съ ними восхищены на облакахъ ***). И вотъ въ тысяча восемьсотъ тридцать второмъ году Божьи люди и всѣ другіе разныхъ вѣръ ждали послѣдняго дня и пришествія Судіи небеснаго. Собра-

*) «Апокалипсисъ», XXI, 4.
**) «Посл. къ Римлянамъ», XV, 51.
***) «Первое посланіе къ Солунянамъ», IV, 16, 17.

лись къ Арарату сокровенную тайну признавшіе ко дню Пасхи, какъ заповѣдано пророкомъ Іеремiей *). Но тщетна была надежда ихъ — не гремѣла труба архангельская, не было небесныхъ знаменій. Черезъ четыре года, въ восемьсотъ тридцать шестомъ году, снова стали ждать кончины міра, не одни праведные ждали ея, но и невѣрные, было о томъ даже въ книгахъ печатано **). Явилась звѣзда хвостатая, больше чѣмъ на половину неба раскинулся багряный хвостъ ея ***). И думали, что это та звѣзда, ей же данъ ключъ студенца бездны... Ждали — вотъ она упадетъ, и съ земли къ небесамъ поднимется дымъ студеничный, отъ него померкнетъ солнце и изыдутъ на землю пруги, подобные конямъ, на брань уготованнымъ, съ человѣческими лицами, съ золотыми вѣнцами на головахъ, со львиными зубами, съ хвостами скорпіоновыми... Ждали и пришествія царя тѣхъ чудовищъ адской бездны, царя Аполліона °). Но время шло, не было ни дыма студеничнаго, ни солнечнаго помраченія, ни чудныхъ пруговъ, ни царя бездны Аполліона — одинъ умеръ, другой тогда еще не пришелъ °°). И опять не явился Господь вѣрнымъ, опять не отверзъ вратъ въ блаженное Араратское царство. Еще четыре года прошло, и наступилъ восемьсотъ сороковой. Голодъ тогда былъ по всей землѣ и всякая нужда человѣческая. Вѣрны-праведные видѣли въ томъ знаменіе близкаго Господня пришествія. И снова въ день Пасхи пришли они съ сѣвера къ подножью горы Араратской, но и тогда не было ничего особеннаго. Не только на Пасху, но и на Вознесенье и на Троицынъ день все еще ждали вѣрны-праведные исполненія обѣтованій, но и тутъ ничего не видали и ничего не слыхали. Но отъ горы не отошли, плакали, рыдали, руки къ небу воздѣвали, громогласно вопіяли, да откроется скорѣе блаженное царство. Вдругъ, негаданно-нежданно, въ темныя тучи облачился Араратъ. Застонала земля стономъ, раздалися въ ея нѣдрахъ громовые перекаты, и она затрепетала. Разрушились домы, и много погибло людей. Не стерпѣлъ и Араратъ. Какъ

---

*) «Іеремія», XXXI, 8. «Соберу ихъ (праведныхъ) отъ конецъ земли въ праздникъ Пасхи».

**) Со словъ Бенгеля и Юнга Штиллинга. Это попало въ русскія мистическія книги и распространилось по Россіи. И молокане съ духоборцами, и хлысты, и раскольники, и даже вѣрные православной церкви ожидали страшнаго суда въ 1836 году.

***) Въ 1836 году была видима комета Галлея.

°) «Апокалипсисъ». IX, 1—11.

°°) Русское простонародье всѣхъ вѣрованій къ апокалипсическому царю бездны Аполліону по созвучію примѣняетъ обоихъ французскихъ императоровъ Наполеоновъ. Началось это еще съ 1812 года.

тростинка надломился, оторвались отъ него каменныя скалы и вѣчные льды, что̀ споконъ вѣка лежатъ на вершинѣ его. Видя такія чудеса небывалыя, ждутъ вѣрны-праведные послѣдняго часа грѣшному міру, ждутъ облаковъ для восхищенія ихъ въ горній Іерусалимъ. Но и тутъ напрасно ждали совершенія пророчествъ, не гремѣла труба архангела, не меркло солнце, не обращалась луна въ кровь, звѣзды съ неба не падали. Наконецъ престали громы, молніи угасли, трясеніе земли кончилось, и все утишилось. Попрежнему на старомъ небѣ свѣтитъ старое солнце, попрежнему обычнымъ путемъ течетъ Евфратъ, ни въ чемъ нѣтъ измѣненья. А праведные все стоятъ передъ святой горой, стоятъ нерасходно, со слезами Богу молятся, покончилъ бы скорѣе мрачные, грѣховные дни вѣка сего. И три дня они молились, не пивши, не ѣвши... И черезъ три дня на четвертый, на самый Ивановъ день, опять земля затряслась, опять вострепеталъ Араратъ, опять на всѣхъ людей напалъ ужасъ, опричь нашихъ праведныхъ... Но вскорѣ опять все утишилось, опять пошло все по-старому. И вотъ видятъ Божьи люди, что съ разрушеннаго Арарата нисходитъ святолѣпный, свѣтозарный, никому невѣдомый старецъ, брада бѣлая по локоть, ликъ же юный. Бѣлыя ризы блистаютъ на немъ, какъ снѣгъ на солнечномъ свѣтѣ; чуднымъ разноцвѣтнымъ поясомъ онъ опоясанъ, а на поясѣ слова: «отъ вышняго Сіона». И сказалъ Божьимъ людямъ невѣдомый:—«По грѣхамъ вашимъ, по невѣрію вашему мольбы ваши не услышаны, и отсроченъ входъ въ Араратское царство. Сильный, Всемогущій хочетъ, дабы до кончины міра еще больше людей пришло въ покаяніе, и стали бы они достойны небесныхъ вѣнцовъ, отъ начала вѣковъ уготованныхъ». Со страхомъ и трепетомъ Божьи люди стали у него спрашивать: — «Кто еси и откуда твое пришествіе?..» Онъ же отвѣчалъ: — «Я іерусалимскій старецъ, пришелъ съ вышняго Сіона, изъ горняго Іерусалима». И снялъ съ себя и высоко поднялъ чудный поясъ. Ницъ на сыру землю пали вѣрные, преклоняясь передъ поясомъ, исповѣдуя старцу свои прегрѣшенья. Старецъ же имъ грѣхи разрѣшалъ и каждому прощенному давалъ лоскутки отъ бѣлыхъ своихъ ризъ. И научилъ араратскихъ Божьихъ людей говорить новыми языками, ввелъ въ закавказскіе корабли новые законы, разослалъ по разнымъ сторонамъ посланіе, призывая всѣхъ въ покаянію *). Максимъ

*) Въ началѣ сороковыхъ годовъ ходило по рукамъ и во множествѣ переписывалось такъ-называвшееся «іерусалимское письмо» отъ лица какого-то іерусалимскаго старца. Оно было распространено не только среди простонародья, но и по домамъ купеческимъ, у небогатыхъ помѣ-

Комаръ первый увѣровалъ, что іерусалимскій старецъ не простъ человѣкъ, и за то старецъ во всемъ довѣрился ему и сказалъ, что много новаго надо ввести у араратскихъ, одно исправить, другое дополнить, третье отмѣнить. И объявилъ вѣрнымъ-праведнымъ, что дастъ имъ верховнаго пророка — сына своего, духовно отъ него рожденнаго, Максима Комара во христы, въ цари по сердцу и въ первосвященники. И тогда всѣ преклонились передъ нареченнымъ царемъ. По маломъ времени іерусалимскій старецъ и Максимъ цѣлую ночь радѣли на святомъ кругу, а когда Божьи люди спать разошлись, оба пошли на Араратъ къ Ноеву ковчегу. А тотъ ковчегъ до сихъ дней стоитъ на ледяной вершинѣ, и нѣтъ къ нему ни ходу ни ѣзду. Къ первому земному раю былъ приставленъ на стражу херувимъ пламенный; къ новому раю приставленъ херувимъ мразный. Хладнымъ дыханьемъ одѣлъ онъ въ снѣга и нетающіе льды верхи Арарата. Но старецъ съ Максимомъ по льдистымъ мѣстамъ прошли, какъ по прохладному саду середи цвѣтовъ и деревьевъ красоты неописанной. И тамъ старецъ повѣдалъ Максиму всѣ свои тайны. И передъ склонившимся до земли и колѣнопреклоненнымъ Максимомъ старецъ сталъ ходить въ словѣ: трубилъ въ золотую трубу живогласную, пророчествовалъ общую судьбу праведнымъ: — «Боритесь съ исконнымъ врагомъ, его же окаянное имя да не взыдетъ никому на уста. Побѣдившему его дана будетъ власть надъ языками — будетъ горы преставлять, будетъ мертвыхъ воскрешать — и все ему покорится. Ангелы будутъ ему слуги, послужатъ ему солнце, и луна, и звѣзды, свѣтъ и пламя, и нѣдра земныя, рѣки и моря, вѣтры и дождь, снѣгъ и морозъ, и всѣ человѣки, и всѣ скоты, и всѣ звѣри, и все живое по землѣ ходящее, въ воздухѣ летающее, въ водахъ плавающее. Имени же его вострепещетъ сила преисподня, и убѣжитъ лукавый врагъ въ самые темные вертепы геенскіе. И тогда данъ будетъ избраннымъ праведнымъ кровопійственный мечъ, и отдадутъ они его невѣрнымъ, и станутъ невѣрные тѣмъ мечомъ убивать другъ друга, многіе изъ нихъ погибнутъ на войнѣ и въ междоусобныхъ браняхъ. Тогда пріидетъ послѣднее наказаніе, горшее паче всѣхъ бывшихъ. Всѣ упразднятся,

---

щиковъ, даже у нѣкоторыхъ изъ духовныхъ лицъ. Въ іерусалимскомъ письмѣ не было ничего противнаго православной вѣрѣ или церковности; въ немъ говорилось только о покаяніи. И тогда утверждали, что оно привезено съ Кавказа. Кто таковъ былъ іерусалимскій старецъ, осталось неизвѣстнымъ. Думаютъ однако, что это былъ Сидоръ Андреевъ, предсказавшій прежде объ Араратскомъ царствѣ и въ 1840 году пришедшій къ закавказскимъ вѣденцамъ изъ Персіи. Вѣденцы называютъ его саваоѳомъ, а Максима — христомъ.

всѣ погибнуть, останутся одни вѣрны-праведные. Сіи же избранные изо всѣхъ племенъ человѣческихъ будутъ введены въ блаженное царство Араратское. Тако да будетъ». И на томъ словѣ замолкъ невѣдомый, восклонился Максимъ — а того ужъ нѣтъ. Самъ Максимъ такъ говорилъ мнѣ объ этомъ. И воцарился Максимъ надъ людьми Божьими, вѣнчался царскимъ вѣнцомъ и надѣлъ багряницу, и подъ открытымъ небомъ, на улицѣ деревни Никитиной, скакалъ и плясалъ по-давыдовски, на струнахъ-органахъ возыгрывалъ и, ставши христомъ, пріялъ чинъ первосвященника и пророка надъ пророками.

Отъ длинныхъ рѣчей и подступившаго изступленья Денисовъ больше не могъ говорить. Все его тѣло корчило въ судорогахъ. Учащенно и тяжело вздыхалъ онъ, то и дѣло взмахивая руками, будто что-то ловилъ, наконецъ слабымъ, дрожащимъ, перерывчатымъ голосомъ дико запѣлъ:

Кто съ Богомъ не водится,
По ночамъ Ему не молится,
На радѣньяхъ не трудится,
Сердцемъ кто не надрывается,
Горючьми слезами не обливается —
Много, много съ него спросится,
Тяжело будетъ отвѣтъ держать,
На томъ свѣтѣ въ темнотѣ лежать!
А кто съ Господомъ водится,
По ночамъ Ему молится,
На радѣньяхъ не лѣнится,
Сердцемъ своимъ надрывается,
Животъ кровью обливается,
Сердечный ключъ поднимается,
Хотя сердцемъ надрывается,
Да слезами омывается —
За то на небѣ ему слава велія!

Егоръ Сергѣичъ закашлялся. Онъ поднесъ къ губамъ платокъ и весь окровянилъ его. Тусклыми глазами сталъ онъ обводить комнату. Когда припадокъ пріутихъ, Николай Александрычъ спросилъ:

— Что-жъ Максимъ повелѣлъ творить?

— Не могу... силъ нѣтъ. Завтра... завтра... — задыхаясь на каждомъ словѣ, шепталъ Егоръ Сергѣичъ. — Мнѣ бы отдохнуть... успокоиться немножко... Давитъ, давитъ гнусную плоть мою... Не могу говорить... Завтра все разскажу... А теперь прощай... прощай!

— Не принять ли тебѣ чего-нибудь? — спросилъ Николай Александрычъ. — Не позвать ли сестру Варварушку — у ней ото всего есть снадобья... Крестьянъ лѣчитъ.

— Не надо.. Покоя... тишины... только...

И съ этимъ словомъ повернулся на другой бокъ и легъ лицомъ къ стѣнѣ.

Постоялъ надъ нимъ немного Николай Александрычъ. Смотритъ, а у Денисова лицо помертвѣло, руки похолодѣли, сердце почти не бьется. Только изрѣдка пробѣгавшія по лицу судороги показывали, что онъ еще живъ.

Вышелъ Николай Александрычъ, распорядился... Ни въ домѣ, ни въ саду, ни въ богадѣльнѣ, ни въ службахъ и жилищахъ прислуги нѣтъ звуковъ, даже самаго затаеннаго шопота.

На другой день поутру Николай Александрычъ вошелъ въ комнату Егора Сергѣича. Ни утомленья ни слабости въ араратскомъ гостѣ, повидимому, не осталось. Съ веселымъ взглядомъ, но задумчивый и сосредоточенный въ самомъ себѣ, Денисовъ весело встрѣтилъ кормщика корабля Луповицкаго.

— Отдохнулъ ли, голубчикъ, успокоился ли? — заботливо спросилъ Николай Александрычъ.

— Немощность плоти минула, духъ обновился, — отвѣтилъ Денисовъ.

— Пойдемъ къ нашимъ, или, можетъ-быть, здѣсь хочешь чай кушать? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Мнѣ бы лучше здѣсь, къ нимъ приду къ обѣду... — отвѣтилъ Денисовъ.

Николай Александрычъ распорядился. На серебряномъ подносѣ принесъ дорогой чайный приборъ дворецкій Сидорушка. Поставивъ его на столъ, подошелъ онъ къ Денисову, взялъ за руку, поцѣловалъ ее, а потомъ, обнявъ барина, сотворилъ съ нимъ «серафимское лобзаніе», приговаривая:

— Христосъ воскресъ, любезненькій ты мой, бѣлокрылый голубчикъ нашъ. Милуй тебя Господи, примай чаще на себя божеское наитіе, возвѣщай вѣрнымъ волю вышнюю. Препрославился ты, возлюбленный, во всѣхъ колѣнахъ земныхъ!.. Избранный ты сосудъ, святой и блаженный пророкъ!

— Здравствуй, любезный Сидорушка! — отвѣчалъ Денисовъ, лобызая дворецкаго. — Вотъ еще восхотѣлъ Отецъ Небесный, чтобъ мы съ тобой увидѣлись на грѣшной землѣ. Скажи мнѣ, миленькій, какъ поживаешь?

— Ото всей нетлѣнной души и отъ плотскаго сердца не престаю ежечасно благодарить Превышняго за неизреченныя милости, мнѣ бывающія. Воспѣваю зеленъ вертоградъ, садочки пречистые, утреннюю зорюнку неугасающую, солнце правды праведнымъ сіяющее, нескончаемый день Господень немерцающій. А насчетъ святого радѣнія, прости немощнаго — скоро

восемь десятковъ годовъ ляжетъ на кости мои, много радѣть на святомъ кругу не могу.

— Всему свое время, возлюбленный, — сказалъ Егоръ Сергѣичъ. — Въ Духѣ пребывай, почаще на себя Его сманивай постомъ, молитвой и пѣснопѣньемъ, — проговорилъ учительно Денисовъ. — Паче же всего пророчествуй въ назиданіе вѣрныхъ. И самъ принимай пророчества, внимай имъ и твори по ихъ повелѣніямъ. Тѣмъ душу сохранишь и законъ исполнишь. Но теперь пока до будущей бесѣды... Обо многомъ надо мнѣ потолковать съ братцемъ Николаюшкой. Теперь потолкуемъ келейно, а послѣ и съ тобой, возлюбленный, побесѣдую. И на соборѣ поговоримъ.

Низко поклонился гостю дворецкій, еще разъ поцѣловалъ руку Денисова и вышелъ. Чай пили только гость съ хозяиномъ. Нѣсколько времени они молчали. Наконецъ Николай Александрычъ сказалъ:

— Вчера говорилъ ты мнѣ, Егорушка, про явленія, бывшія въ недавнихъ годахъ на Араратѣ. Долго и много ты говорилъ, а я слова не вымолвилъ, хоть твои сказанья почти извѣстны мнѣ, и недавно еще я сказывалъ о нихъ на соборѣ, возвѣщая о скоромъ пріѣздѣ твоемъ. Теперь ты ободрился духомъ. кажется, можно съ тобой говорить. Хоть пасмуренъ ты и угрюмъ, но я увѣренъ, что можно говорить съ тобой по дѣлу, по истинѣ и по правдѣ. Мнѣ нуженъ умъ строгій, холодный, безпристрастный. Можешь ли такъ говорить? Безъ восторговъ, безъ увлеченій... Скажи... Иначе отложу до другого времени, когда будешь совсѣмъ въ холодномъ спокоѣ.

— Говори, Николаюшка,— отозвался Денисовъ. — Спокойно стану отвѣчать на твои вопросы, если только вдругъ на меня не накатитъ. А скажу я тебѣ, сподобился я дара — частенько на меня накатываетъ. Бываю внѣ ума, когда сходитъ на меня умъ божественный. Тогда, пожалуй, тебѣ и не понять моихъ словъ... Дуракомъ сочтешь, юродивымъ.

— Юродивые и блаженные — истые слуги превышняго Разума, — сказалъ на то Николай Александрычъ. — Правда, что иной разъ невмѣстимо понимать ихъ рѣчи...

— Когда бываю восторженъ духомъ, мои рѣчи еще труднѣй понять. Сочтешь меня ума лишеннымъ, богохульникомъ, невѣрнымъ... И всѣ посмѣются надо мной и поругаются мнѣ, и будетъ мое имя пречено. Орудіемъ яко зло нечистаго сочтутъ меня, человѣкомъ, уготованнымъ гееннѣ огненной! — сказалъ Егоръ Сергѣичъ. — Данъ мнѣ даръ говорить новыми языки; новые законы даны мнѣ. И тѣ дары получилъ я прямо изъ устъ христа и пророка Максима.

— Что-жъ это за новые языки? Можешь ли имъ научить насъ? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Не могу, — сказалъ Егоръ Сергѣичъ. — То дѣло святѣйшее изо всѣхъ дѣлъ. Не всякому доступно оно. Это высочайшая изо всѣхъ тайнъ, но мало доступная даже для праведнѣйшаго изъ праведныхъ... Когда говорю новыми языки, все понимаю и въ словахъ своихъ чувствую величайшій божественный смыслъ. Но лишь кончится пророчество — ничего не понимаю и не помню ничего. Другіе послѣ скажутъ, что̀ говорилъ я на соборѣ, но ни они ни самъ я — не понимаемъ смысла небесныхъ словъ. Тѣми словами, тѣмъ языкомъ говорили небесныя силы, а на землѣ это тайна, открываемая только немногимъ избраннымъ... И въ старомъ писаніи сказано: «Глаголяй языки не человѣкамъ глаголетъ, но Богу: никто же бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны... глаголяй языки себѣ зиждетъ... Хочу же всѣхъ васъ глаголати языки» *).

— Иногда это и у насъ бываетъ, — послѣ продолжительнаго молчанья сказалъ Николай Александрычъ. — Неподалеку отсюда есть монастырь, Княжъ-Хабаровъ называется; живетъ въ немъ чернецъ Софронушка. Юродивый онъ, разумнаго слова никто отъ него не слыхалъ. Иногда бываетъ онъ у насъ на соборахъ и, придя въ восторгъ, Богъ его знаетъ, какія слова говоритъ.

— Это и есть новые языки, — сказалъ Денисовъ. — Всего чаще юродивымъ они и открываются. По разнымъ мѣстамъ замѣчалъ я это, не разъ замѣчалъ и за Кавказомъ.

— Что-жъ? И Максимъ Комаръ также юродствуетъ? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Бываетъ, — нѣсколько подумавши, отвѣтилъ Егоръ Сергѣичъ. — Но, кажется мнѣ, иногда онъ прикидывается юродивымъ. Новые языки, сказалъ онъ мнѣ однажды, нужны для привлеченія въ праведную вѣру невѣрныхъ. Они увидятъ и услышатъ, и будетъ это для нихъ знаменіемъ, если же на соборѣ никого нѣтъ изъ невѣрныхъ, а одни только вѣрные, тогда не нужны и напрасны новые языки, тогда надо только радѣть и пророчествовать.

— Ты вчера изнемогъ, Егорушка, и не могъ всего договорить, — сказалъ Николай Александрычъ. — Скажи теперь, что̀ говорилъ ты про іерусалимскаго старца, въ самомъ ли дѣлѣ такъ было, какъ ты разсказывалъ, или это въ родѣ сказаній про Данилу Филиппыча да Ивана Тимоѳеича? Были ли ска-

*) «1 Коринѳянамъ», XI, 2—5.

знпному тобой послухи *) и очевидцы, и что̀ они за люди, и можно ли на слово вѣрить имъ?

— Что въ іюнѣ сорокового года на Араратѣ два раза были землетрясенія, объ этомъ изъ тогдашнихъ газетъ и изъ книгъ извѣстно, — сказалъ Егоръ Сергѣичъ. — Что во время землетрясенія тамошніе люди молились, взирая на гору, объ этомъ также всѣ изъ закавказскихъ Божьихъ людей, отъ мала до велика, въ одинъ голосъ говорятъ. Всѣ также въ одинъ голосъ говорятъ, что, какъ только кончилось трясеніе земли, явился старецъ. Всѣ говорятъ, что неоткуда было ему придти, какъ съ Арарата... Со всѣхъ сторонъ нѣтъ ни пути ни дороги — вездѣ мѣста непроходимыя. Самъ бывалъ я въ тѣхъ мѣстахъ, самъ видѣлъ, что нельзя было старцу придти иначе, какъ съ горы.

— А долго-ль жилъ онъ у араратскихъ? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Тутъ вышло что-то странное, — отвѣчалъ Денисовъ. — Все это было такъ еще недавно, и много людей, видѣвшихъ его и говорившихъ съ нимъ, еще живы; разсказы ихъ противорѣчивы. Понять нельзя... Кто говоритъ, что пробылъ онъ съ людьми Божьими только шесть дней, кто увѣряетъ, что жилъ онъ съ ними три года, а есть и такіе, что̀ увѣряютъ, будто старецъ жилъ съ ними цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, отлучаясь куда-то по временамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ странно, — молвилъ Николай Александрычъ. — За кого-жъ его признаютъ тамъ? — спросилъ онъ.

— И тутъ многое непонятно, такъ много разнорѣчій, — отвѣчалъ Егоръ Сергѣичъ. — Одни почитаютъ его посланнымъ съ неба ангеломъ, другіе—самимъ Богомъ-Саваоѳомъ, есть и такіе, что̀ называютъ его кто Сидоромъ Андреичемъ, а кто Лукьяномъ Петровичемъ **). Не разберешь. Заводилъ я объ

---

*) Послухъ — свидѣтель слышаннаго.

**) Лукьянъ Петровъ Соколовъ, молоканинъ изъ села Саламатина, Камышинскаго уѣзда, Саратовской губерніи, еще до 1836 года, будучи на Молочныхъ Водахъ, началъ стремиться къ слiянiю молоканства съ хлыстовщиной, но ни мистическое его ученіе ни восторженные обряды тамъ успѣха не имѣли. Соколовъ ушелъ неизвѣстно куда, говорили, будто въ Молдавію. Въ 1836 году, когда ждали кончины міра, на Молочныхъ Водахъ явились его сообщники (кто — неизвѣстно), называя себя апокалипсическими Энохомъ и Иліею. Дерзость ихъ до того доходила, что они вторгались въ православные храмы, кричали во время богослуженія и дѣлали разныя безчинства. Вслѣдъ за ними явился судія живыхъ и мертвыхъ, христосъ и пророкъ Лукьянъ Соколовъ. Не разъ назначалъ онъ день страшнаго суда, но архангельская труба не гремѣла, хоть комета Галлея съ каждой ночью дѣлалась свѣтлѣй и свѣтлѣй, и хоть Соколовъ и указывалъ на нее, какъ на предвозвѣстницу близкой кончины міра. Привыкли и къ кометѣ, нако-

этомъ разговоры съ самимъ Максимомъ, христомъ закавказскихъ Божьихъ людей и верховнымъ ихъ пророкомъ, но онъ отмалчивался. Между араратскими много ходитъ разсказовъ про чудеса іерусалимскаго старца, даже про чудеса царя Максима. За тайну скажу тебѣ, Николаюшка: этихъ чудесъ самъ я не видалъ и крѣпко въ нихъ сомнѣваюсь. Мертвыхъ будто бы воскрешали они, а тѣ, слышь, только прикидывались мертвыми, на небеса возносились и съ крыши падали; кто поумнѣе, ждалъ облака, чтобъ ѣхать на немъ въ горнія селенья, но облако не приходило, и чудотворецъ возвѣщалъ, что въ средѣ пришедшихъ видѣть вознесеніе его есть грѣшники, оттого не было и чуда.

— Стало-быть, это все однѣ сказки, — немного помолчавъ, сказалъ Николай Александрычъ. — Такъ я и думалъ.

— Такія же, какъ сказанья про «верховнаго гостя», про стародубскаго христа Тимоѳеича, про мученицу Настасью Карповну, — едва замѣтно улыбнувшись, отвѣтилъ Денисовъ. — Людямъ «малаго вѣдѣнія» это нужно — сказанья о чудесномъ ихъ вѣру укрѣпляютъ.

— Да, это такъ, — подумавши немножко, сказалъ Николай Александрычъ. — А какія-жъ новыя правила вводитъ Максимъ? Изъ твоихъ писемъ трудно понять, что̀ это за правила...

— Да хоть бы новые языки... Говорилъ я тебѣ про нихъ, — сказалъ Егоръ Сергѣичъ. — Приходятъ въ восторгъ неописанный, чувствуютъ напіе и пророчествуютъ. И когда говоришь новыми языки, такое бываетъ въ душѣ восхищеніе, что его ни съ чѣмъ и сравнить нельзя. На небесахъ тогда себя чувствуешь, въ невозмутимомъ блаженствѣ, земное забываешь. На себѣ испыталъ и могу поистинѣ о томъ свидѣтельствовать.

— А еще какія правила даны Максимомъ? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Полное повиновеніе ему и посланникамъ его, — отвѣчалъ Егоръ Сергѣичъ. — Не такое, какъ въ вашихъ кора-

---

нецъ стала она удаляться, и тогда неизвѣстно куда дѣвались Энохъ, Илія и самъ судія — Лукьянъ Соколовъ. Вскорѣ появился онъ въ Самарской губерніи и тамъ многихъ молоканъ и хлыстовъ увлекъ за Кавказъ. Не разъ водилъ онъ толпы увлеченныхъ имъ на Араратскія предгорья и возвращался въ заволжскія степи за новыми переселенцами, наконецъ пропалъ безъ вѣсти. Слѣды его были обнаружены въ Бессарабіи. Бывалъ Соколовъ и въ Азіатской Турціи и Персіи и, приходя оттуда въ Эриванскую губернію, соединялъ молоканство съ хлыстовщиной, и этимъ произвелъ особую ересь прыгуновъ или вѣденцевъ. Былъ онъ особенно близокъ съ Максимомъ Комаромъ или Рудометкинымъ, который, говорятъ, первый изъ молоканъ заплясалъ на хлыстовскихъ радѣніяхъ въ деревнѣ Никитиной. Конецъ похожденій Лукьяна Соколова неизвѣстенъ.

бляхъ, а совершенное уничтоженіе воли, открытіе пророку даже самыхъ тайныхъ помышленій. И намъ, посланникамъ его, то же онъ завѣщалъ. Вотъ каково повиновеніе у араратскихъ. Одинъ разъ на радѣньяхъ, — самъ я тутъ былъ, — указавъ на ближайшаго къ себѣ пророка, Максимъ сказалъ: «смерть ему!», и Божьи люди всѣмъ кораблемъ ринулись на пророка и непремѣнно бы растерзали его на клочки, если-бъ верховный пророкъ не остановилъ ихъ. Еще: въ прегрѣшеніяхъ онъ не обличаетъ на радѣньяхъ, а тайно исповѣдуетъ, какъ церковные попы, и въ знакъ разрѣшенія, подражая іерусалимскому старцу, раздаетъ лоскутки отъ бѣлыхъ своихъ ризъ и потомъ возлагаетъ грѣхи и неправды Божьихъ людей на быка, и его съ проклятіями изгоняютъ въ пустыню *).

— А что-жъ это за духовныя жены у араратскихъ? — спросилъ Николай Александрычъ.

— Тоже Максимъ завелъ. Теперь у него двѣ жены, а у иныхъ и по три и больше есть, — нисколько не смущаясь, отвѣчалъ Егоръ Сергѣичъ. — Говорятъ тамъ: мы люди Божьи, водимые духомъ, мы — новый Израиль, а у Израиля было двѣ жены, родныя между собой сестры, и кромѣ того двѣ рабыни, и ото всѣхъ четырехъ произошли равно благословенныя племена израильскія.

— Знаю, — слегка улыбнувшись, сказалъ Николай Александрычъ.

— Зачѣмъ улыбка? — грозно воскликнулъ Денисовъ. — Уничижаешь меня въ сердцѣ, какъ Мельхола, дочь царя Саула, уничижила своего мужа Давида? Не глумись надъ даннымъ свыше. Иначе участь Мельхолы тебя постигнетъ. Участь плачевная — до смерти Мельхола дѣтей не имѣла, а это у ветхозавѣтныхъ считалось Господнимъ проклятьемъ. Нынѣ время иное... Храни же себя, да не постигнетъ тебя большій гнѣвъ, чѣмъ жену Давыдову — да не будетъ твое имя изглажено въ книгѣ животной. Мельхола посмѣялась пляскѣ Давида, святому, значитъ, радѣнью, — а ты смѣешься надъ закономъ. Недалеко то время, когда этотъ законъ будетъ общимъ. Смотри, не пострадать бы тебѣ!

Не отвѣчалъ Николай Александрычъ. Въ глубокую думу онъ погрузился, но противорѣчить не смѣлъ, хотя внутренно и сознавалъ, что слова Денисова были богохульны и безнравственны.

---

*) Моисею (Левитъ, XVI, 10—21, 22) повелѣно было возлагать грѣхи людей на козла отпущенія, араратскіе же прыгунки возлагаютъ ихъ на быка, хвораго либо негоднаго для хозяйства. Этотъ обычай начался въ сороковыхъ годахъ. Мясомъ изгнаннаго быка пользуются курды, а иногда и армяне.

Глава тринадцатая.

Незадолго до обѣда Егоръ Сергѣичъ вошелъ въ столовую. Всѣ Луповицкіе были ужъ тамъ и обратились къ нему, какъ къ милому и дорогому человѣку. Наперерывъ другъ передъ другомъ каждый ласкалъ и ублажалъ его. Кто усаживаетъ на диванъ, кто подкладываетъ за спину подушку, кто подставляетъ подъ ноги скамеечку, а онъ, принимая такіе знаки вниманія, какъ нѣчто должное высокой своей особѣ, съ высокомѣріемъ на всѣхъ поглядываетъ и не говоритъ ни слова. Холодно принимаетъ ласки, держитъ себя скромно, но величаво, какъ власть имѣющій, на привѣтствія ни словомъ ни взглядомъ не отвѣчаетъ, будто показывая, что окружающіе не стоятъ его вниманія.

— А что-жъ? Думаю, пора и за столъ садиться? — чуть слышно сказалъ наконецъ Денисовъ.

— Конечно, конечно, — заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— А Дуня? — обратился Николай Александрычъ къ Марьѣ Ивановнѣ. — И сегодня не придетъ?

— Не знаю, — отвѣтила Марья Ивановна. — Схожу къ ней, авось уговорю.

И съ этими словами вышла изъ столовой.

— Всегда любуюсь вашей столовой, — оглядывая ея стѣны, вполголоса замѣтилъ Егоръ Сергѣичъ. — Что ни говори, а отцы наши и дѣды пожить умѣли. Конечно, все это суета, мірскія увлеченья, а хорошо, красиво, изящно... Что это за Дуня такая у васъ?

— Дочь одного поволжскаго купца Смолокурова, — отвѣчалъ Николай Александрычъ. — Рыбой промышляетъ и ведетъ большой торгъ — милліонъ либо полтора у него состоянія, а она единственная дочь и наслѣдница.

— О-о! Полтора милліона! — воскликнулъ Денисовъ. — Что-жъ она?

— Машенька неподалеку отъ ихъ города купила имѣнье и познакомилась со Смолокуровымъ, — сказалъ Николай Александрычъ. — Въ Дунѣ встрѣтила она дѣвушку восторженную, склонную къ восхищеніямъ. Хоть не образована, но много читала. Машенька указала ей на полезныя книги, Гіонъ, Юнга Штиллинга и на другія, что переведены по-русски. Она все это изучила, а сестрица руководила ея душевнымъ преобразованіемъ. Машенька долго гостила у Смолокуровыхъ и начитавшуюся мистическихъ книгъ Дуню привела къ оградѣ спасенія. Она выпросила ее у отца въ Луповицы, и здѣсь

Дуня познала сокровенную тайну и мною приведена въ сонмъ вѣрныхъ.

— Какихъ она лѣтъ? — быстро спросилъ Егоръ Сергѣичъ.

— Лѣтъ восемнадцати либо девятнадцати, — отвѣчалъ Николай Александрычъ. — А какая восторженная!.. Не была еще приведена, а ужъ пророчествовала. Чуть не каждый день на нее накатывало. Одно бѣда, — продолжалъ Николай Александрычъ: — недѣли за три до теперешняго она вдругъ охладѣла къ вѣрѣ.

— Отчего-жъ это? — вскинувъ глазами и нахмурясь, спросилъ араратскій посланникъ.

— Богъ ее знаетъ, — отвѣчалъ Николай Александрычъ. — Письма, что ли, какія изъ дома получила, или другое что̀. Вотъ Варенька открыла нѣкоторые изъ тайныхъ ея помысловъ. Съ малолѣтства была она мечтательна и восторженна и по природѣ своей любила возноситься умственно въ высшіе предѣлы, не всякому доступные. Бывало, говаривала она и сестрицѣ Машенькѣ и Варенькѣ, находило на нее забытье, духъ отрѣшался отъ міра, и не разъ доходила она даже до ясновидѣнья. А родилась въ раскольничьей семьѣ, училась въ раскольничьемъ монастырѣ. Съ дѣтства видѣла одну сухую обрядность, ни отъ кого не слыхала живого слова, никто не могъ разрѣшить ей вопросовъ, возникавшихъ въ юной душѣ. Тяжела была ея жизнь въ монастырѣ, тяжелѣй показалось житье въ домѣ родительскомъ. Одинокая, безъ подругъ, безъ знакомыхъ, жила ровно въ закупоренномъ теремѣ — не съ кѣмъ слова сказать, не съ кѣмъ подѣлиться мыслями. Съ каждымъ днемъ она сосредоточивалась въ самой себѣ, а умъ у ней пытливъ — ей хотѣлось до того дойти, чтобы познать въ вѣрѣ истину... Много у насъ такихъ... Но не было никого, кто бы могъ вразумить ее, кто бы растопилъ ея сердце открытіемъ истины, напрасное исканіе колебало ея душу. Она читала, много читала, но книги, бывшія подъ рукой, не удовлетворяли ея исканію правды въ дѣлѣ душевномъ. Была она всегда скромна, сдержанна, да и мало приводилось ей съ кѣмъ-нибудь говорить откровенно. Совсѣмъ чужая была для міра... Тогда случайно встрѣтилась она съ молодымъ человѣкомъ изъ ихняго же купеческаго сословія. Хоть и не говоритъ теперь, что она его полюбила, но, кажется, дѣло такъ было. Чистая, непорочная, и до сихъ поръ такою осталась, готова была она устроить съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ судьбу свою, а онъ, вѣроятно, разсчитывалъ на ея богатство, что̀ достанется ей по смерти отца. Но вдругъ купчикъ скрылся. Узнала Дуня Смолокурова, что уѣхалъ онъ въ раскольничій монастырь къ жен-

щинѣ, съ которой еще прежде бывали у него грѣховныя любовныя дѣла. Узнавши о томъ, Дуня едва не умерла, однако скрѣпилась и забыла страсть свою, если только была она. Тутъ встрѣтилась съ ней Машенька и почти цѣлый годъ привлекала ее къ истинной нашей вѣрѣ, то указывая на книги для чтенія, то проводя съ нею дни и ночи въ назидательныхъ разговорахъ. Постепенно приводила ее къ познанію сокровенной тайны и привела. Лѣтомъ здѣсь у насъ она была принята въ сонмъ праведныхъ. Духъ видимо явился въ ней — радѣла безъ устали, пламенно пророчествовала, открывая тайныя помышленія и прегрѣшенія даже тѣхъ, кого до тѣхъ поръ не видала и отъ кого ни слова не слыхала. Великую пророчицу чаяли мы въ ней со временемъ увидѣть, всѣ наши отъ перваго до послѣдняго надѣялись, что съ каждымъ днемъ благодать въ ней будетъ умножаться. Говаривала она вотъ Варенькѣ и Катенькѣ Кисловой, что въ нашемъ домѣ нашла она невозмутимый покой и радость, что долговременныя исканія правды достигнуты ею, что теперь она совершенно спокойна душой, не видя ни обмановъ ни прельщеній, обуревающихъ суетный міръ. Все было ей открыто и разсказано, но сказаній про Данилу Филиппыча и про другихъ ей не передавали — думали, что они для нея излишни. И вотъ съ самаго великаго собора», бывшаго безъ малаго мѣсяцъ тому назадъ, она совсѣмъ измѣнилась: не принимаетъ участья ни на святомъ кругу ни за столомъ, сидитъ взаперти, тоскуетъ, груститъ, просится къ отцу домой. И Варенькѣ и Катенькѣ прямо говорила, что она охладѣла къ вѣрѣ Божьихъ людей, и въ ней, говоритъ, не нашла истины... Всѣхъ упрекаетъ, будто ее хотѣли обмануть, не разсказавши сказокъ, что̀ услышала она на соборѣ. Мало этому вѣрю я, думаю, что есть другая какая-нибудь причина внезапной перемѣны. Письма получила какія-то и вдругъ затосковала. Одно теперь ее занимаетъ, одно хочется узнать, что̀ это за духовное супружество. Вотъ я все сказалъ о ней — пособи, дай совѣтъ, какъ удержать ее въ кораблѣ — подумай о томъ, что вѣдь тутъ милліонъ и даже больше.

Внимательно слушалъ Егоръ Сергѣичъ Николая Александрыча, но не сказалъ ни слова въ отвѣтъ. Вошла Марья Ивановна, слѣдомъ за ней Дуня.

Немало времени, немало убѣжденій и просьбъ стоило Марьѣ Ивановнѣ, чтобъ уговорить Дуню идти въ столовую и познакомиться съ Денисовымъ. Долго не рѣшалась Дуня, наконецъ пересилила себя — пошла. Не желанье познакомиться съ араратскимъ посланникомъ, не любопытство, возбужденное раз-

сказами о немъ, влекли ее въ столовую, — совсѣмъ другое было у ней на умѣ. Когда въ первый разъ увидала она Егора Сергѣича при его входѣ въ домъ, онъ показался ей, какъ двѣ капли воды, похожимъ на Петра Степаныча, и вотъ захотѣла она теперь увидать его, чтобы убѣдиться въ такомъ сходствѣ.

Чтобы показать Денисову, что стала она чужда людямъ Божьимъ, вмѣсто обычнаго чернаго платья, одѣлась Дуня въ цвѣтное, надѣла дорогія серьги, кольца и перстни, а на плечи накинула богатый кружевной платокъ. Напрасно убѣждала ее Марья Ивановна идти въ черномъ платьѣ, не слушалась Дуня.

— Пускай и вашъ гость, пускай и всѣ, кому до меня есть дѣло, знають, что я иду въ міръ, — рѣзкимъ голосомъ сказала она Марьѣ Ивановнѣ.

— Что̀ это? Что̀ съ тобою? — съ ужасомъ промолвила Марья Ивановна. — Образумься, пойми, что̀ дѣлаешь, вѣдь ты ужъ приведена.

— Все помню, ничего не забыла, знаю и то, что я больше не ваша, — сказала Дуня. — Въ міръ хочу, хочу его отрадъ и радостей. Я ужъ писала къ тятенькѣ, чтобы онъ скорѣе пріѣзжалъ за мной. Жду не дождусь его.

Остолбенѣла Марья Ивановна, услыхавъ отъ Дуни такія нежданныя рѣчи. Увидѣла она, что передъ ней стоитъ не прежняя смиренная, покорная и послушная дѣвушка. Гордый взоръ Дуни блисталъ яркимъ огнемъ, и Марья Ивановна нашла въ немъ поразительное сходство со взоромъ Марка Данилыча, когда, бывало, онъ съ ничѣмъ неудержимымъ гнѣвомъ напускался на кого-нибудь изъ подначальныхъ.

Должна была уступить и пошла въ столовую съ разряженной Дуней.

Луповицкіе не могли узнать ея, передъ ними была не Дуня, а какая-то новая, незнакомая имъ дѣвушка.

Варенька до ушей покраснѣла. Варвара Петровна не утерпѣла, всплеснула руками и съ удивленьемъ сказала:

— Что̀ это какая ты, Дунюшка? Вѣдь у насъ нѣтъ никого изъ постороннихъ. Это мой племянникъ, Егоръ Сергѣичъ Денисовъ. Объ немъ ты слыхала.

Дуня ни слова не сказала. Сѣла на стулъ противъ гостя и вперила въ него пытливые взоры.

«Похожъ, похожъ, а не онъ,—думаетъ она.—Этотъ ростомъ повыше того, а красотой не вышелъ. Тусклые глаза, точно оловянные, рѣдкіе волосы, лицо худое, желтое, какъ у мертвеца. А тотъ удалью и отвагой пышетъ, силой, здоровьемъ пылаетъ его молодое лицо, блещутъ умныя, искрометныя очи,

свѣжій румянецъ въ ланитахъ горитъ. Весело смотритъ, конца нѣтъ затѣйнымъ рѣчамъ, а этотъ!.. Боленъ, надо думать, видно, тяжелый недугъ его сокрушилъ. Много мнѣ приводилось видать и мужчинъ и женщинъ ихней вѣры, но такого немощнаго, такого жалкаго я еще не встрѣчала. Краше его мертвыхъ во гробъ кладутъ».

Обратился Денисовъ къ Дунѣ съ обычнымъ при первомъ знакомствѣ привѣтомъ.

«И голосъ не такой, — подумала Дуня: — хриплый, ровно могильный».

И не можетъ надивиться она, какъ это чахлый Денисовъ показался ей Петромъ Степанычемъ.

Подали кушанье, а вносили его сѣдой какъ лунь дворецкій Сидорушка, конторщикъ Пахомъ да горничная Варвары Петровны, все «праведные» корабля Луповицкаго. Передъ тѣмъ, какъ садиться, Егоръ Сергѣичъ, перекрестясь обѣими руками, съ набожнымъ видомъ прочелъ искаженную молитву:

— Отче нашъ иже еси въ насъ, освяти насъ именемъ Твоимъ и приведи насъ въ царствіе Твое, волей нашей води насъ по землѣ и небесамъ. Хлѣбъ слова Твоего дай намъ днесь и прости наши прегрѣшенья, какъ и мы прощаемъ своей братіи. Сохрани насъ отъ искушеній врага, избавь отъ лукаваго *).

Обѣдъ прошелъ въ строгомъ молчаніи. Заговорила-было Марья Ивановна, но Егоръ Сергѣичъ властно запретилъ ей разговаривать во время трапезы. И никто послѣ того не осмѣливался слова промолвить. Кончился обѣдъ, и, кромѣ Дуни, всѣ до земли поклонились Денисову, а потомъ и онъ каждому поклонился.

Марья Ивановна съ досадой шепнула Дунѣ:

— Что-жъ ты не кланяешься великому учителю?

— Не знаю его ученья,—тихимъ голосомъ промолвила Дуня.

Только плечами пожала Марья Ивановна, а всѣ прочіе злобно покосились на вышедшую изъ покорности дѣвушку. Денисовъ будто не замѣчалъ ничего.

Сейчасъ послѣ обѣда подали чай съ новыми липовыми сотами. И за чаемъ молчали по приказу Егора Сергѣича.

Выпили чашекъ по семи любимаго хлыстами напитка. Тогда

---

*) Молитва Господня, искаженная русскими хлыстами, почти отъ слова до слова похожа на ту молитву, что употребляли въ сектѣ адамитовъ-микулашенцевъ, бывшихъ у чеховъ въ XV столѣтіи. Есть основаніе полагать, что микулашенцы имѣли долю своего вліянія чрезъ русскихъ, жившихъ около Кракова («Густынская лѣтопись» подъ 1507 годомъ въ полномъ собраніи «Русскихъ лѣтописей», томъ II, стр. 365).

начались разговоры. Денисовъ разсказывалъ о Закавказьѣ, говорилъ о тамошней природѣ, о тамошнихъ жителяхъ, объ ихъ нравахъ и промыслахъ, но ни слова не сказалъ про араратскихъ вѣденцевъ. Когда же Варенька спросила его объ іерусалимскомъ старцѣ и верховномъ пророкѣ, онъ промолчалъ и заговорилъ совсѣмъ о другомъ. Попыталась Варенька немного погодя снова спросить его о томъ же, но Денисовъ опять какъ бы не слыхалъ рѣчей ея. То и дѣло поглядывалъ онъ на Дуню. Не въ силахъ была бѣдная дѣвушка выдерживать его взоровъ, то и дѣло потуплялась, наконецъ быстро встала и пошла къ двери.

— Куда-жъ это, милая Дунюшка? — нѣжно и ласково спросила ее, подойдя къ ней, Марья Ивановна. — Посиди, голубушка, послушай Егорушку. Вѣдь ты прежде любила читать путешествія, а онъ разсказываетъ лучше книги.

Не отвѣчала Дуня. Марья Ивановна шепнула ей:

— Посиди, я наведу его на разговоръ о духовномъ супружествѣ.

Поколебалась Дуня, любопытство пересилило отвращенье къ Денисову. Она осталась.

Еще поговорилъ Егоръ Сергѣичъ, разсказалъ про бакинскіе огни, про высокія горы со снѣжными, никогда не таявшими вершинами, про моря Каспійское и Черное. Разсказы его были занимательны, Дуня заслушалась ихъ, но другіе не того ждали отъ араратскаго посланника. Ждали они извѣстій о томъ, что̀ было въ послѣдніе годы за Кавказомъ, среди тамошнихъ Божьихъ людей.

Николай Александрычъ сказалъ наконецъ:

— Егорушка возлюбленный, любопытны твои разсказы про далекую сторону, но хотѣлось бы намъ послушать про царя и верховнаго пророка Максима. Писалъ ты, что онъ завелъ какія-то новыя правила, установилъ новые обряды. Разскажи объ этомъ, любезный.

И другіе, кромѣ Дуни, приставали къ нему съ такою же просьбой.

Съ укоромъ взглянулъ на Николая Александрыча недовольный словами его Денисовъ, потомъ, помолчавши немного и что-то сообразивъ, медленно сталъ говорить, тихо, съ разстановками:

— Максимъ — великій учитель и верховный пророкъ. Сила, большая сила въ духѣ его является. Всѣ тамошніе вполнѣ увѣрены, что онъ избраннѣйшій изъ избранныхъ праведныхъ послѣднихъ дней. Всѣ ему повинуются безпрекословно, всѣ признаютъ его волю волей небесною. Послушаніе ему ото

всѣхъ праведныхъ безпримѣрно. Хотя бы онъ потребовалъ отъ кого-нибудь изъ учениковъ согрѣшить или впасть въ тяжкое преступленіе, каждый безъ разсужденья исполнилъ бы, что повелѣлъ онъ, будь то воровство, грабежъ, поджогъ, убійство самаго близкаго и ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Нѣтъ границъ волѣ его. Для чистаго все чисто, говоритъ онъ, а праведному нѣтъ на землѣ закона. Послушаніе духоносному пророку, послушаніе его посланникамъ, странствующимъ по разнымъ странамъ, — вотъ главный законъ араратскій. И тотъ законъ не новый. Издавна установленъ онъ, но по слабости человѣческой забытъ, а во многихъ корабляхъ совсѣмъ почти оставленъ — рѣдко гдѣ соблюдается. Послушаніе свыше озаренному верховному пророку—самый благоуханный ѳиміамъ, воскуряемый къ небесамъ, а для врага невыносимый. Главнѣйшее свойство лукаваго — гордость, и ему злому хочется, чтобы всѣ люди пребывали въ этомъ страшнѣйшемъ и губительнѣйшемъ грѣхѣ. Но ежели кто, презирая гордеoriginal горделивость, пойдетъ противъ врага и противопоставитъ ему безграничное послушаніе своему пророку, врагъ страдаетъ и мучится отъ такой насмѣшки надъ его гордостью. Чѣмъ больше покорныхъ волѣ другихъ людей на землѣ и чѣмъ выше послушаніе ихъ, тѣмъ больше мученій нечистому. Бороться съ нимъ, уничтожая въ сердцѣ гордость, — вотъ величайшая заслуга передъ небомъ, вотъ посрамленіе врага и побѣда надъ нимъ. Не поклоняйтесь же адской гордынѣ и въ безграничномъ, беззавѣтномъ послушаніи людямъ, болѣе васъ вдохновеннымъ, ищите оправданія и спасенія.

— А ты, голубчикъ Егорушка, имѣешь этотъ даръ?—послѣ общаго молчанья спросила Варвара Петровна.

— Имѣю, — скромно опуская глаза, промолвилъ Денисовъ.— Я посланъ верховнымъ пророкомъ внушать это вѣрнымъ-праведнымъ. Была нѣкогда проповѣдь покаянія, теперь въ послѣдніе дни міра настало время проповѣди послушанія. Я и другіе посланы на такую проповѣдь. Утвердить въ людяхъ Божьихъ беззавѣтное повиновеніе волѣ пророческой — вотъ зачѣмъ послали меня.

— И вводить духовное супружество? — вполголоса спросила Марья Ивановна.

— Да, — отвѣчалъ Егоръ Сергѣичъ.

— Въ чемъ же заключается оно? — спросила Марья Ивановна.

Слышала эти рѣчи сидѣвшая вблизи Дуня. Съ напряженнымъ вниманьемъ ждала она отвѣта.

— Тоже послушанье. Кто желаетъ знать подробно, пускай тотъ спроситъ меня наединѣ. Не всякому открою, а на соборѣ не скажу ни слова. Тамъ вѣдь бываютъ и люди малаго вѣдѣнія, для нихъ это было бы соблазномъ, навело бы на грѣховныя мысли. Теперь не могу много говорить, все еще утомленъ дорогой... Пойду, отдохну. Когда соборъ думаешь собрать? — спросилъ онъ, обращаясь къ Николаю Александрычу.

— Не знаю. Какъ ты рѣшишь, — отвѣчалъ Николай Александрычъ. — Соберу дня въ три, много въ четыре, а день ты назначь.

— Не раньше, какъ черезъ недѣлю, — рѣшилъ Денисовъ и, не взглянувъ ни на кого, пошелъ изъ столовой. Николай Александрычъ слѣдомъ пошелъ.

Оба пошли въ отведенную Егору Сергѣичу комнату, и тамъ онъ прилегъ на диванѣ. Николай Александрычъ сѣлъ у изголовья.

— Нарочно не говорилъ я, что̀ араратскіе разсказываютъ про іерусалимскаго старца и про христа и царя Максима, — сказалъ Денисовъ. — Боялся запугать ее. Ты вѣдь говорилъ, что отъ этихъ сказаній возникло въ ней охлажденіе къ вѣрѣ. Если она будетъ на соборѣ, тоже ни слова объ этомъ не скажу. А надо, чтобъ она была. Пускай не радѣетъ, пускай ничего не говоритъ, одѣнется во что хочетъ... Шутка сказать — милліонъ! Не надо его упускать, надо, чтобъ она волей или неволей осталась у васъ.

Послѣ того Дуня, безъ уговоровъ Марьи Ивановны, каждый день приходила обѣдать, чтобы повидаться съ Денисовымъ. Такъ ей хотѣлось узнать подробнѣе о духовномъ супружествѣ.—«Не все же у нихъ ложь и обманъ,—она думала:— а Денисовъ, кажется, правдивъ, не то, что̀ другіе. На другой день послѣ свиданья съ нимъ онъ прямо мнѣ сказалъ, что смутившія меня сказанья сущій вздоръ, пустая, безсмысленная выдумка глупыхъ людей... Но для чего-жъ онъ хочетъ говорить со мной наединѣ?»

Стала Дуня искать одиночнаго свиданья съ Денисовымъ то въ саду, то въ теплицѣ, то въ домѣ. Съ крайнимъ любопытствомъ она заговаривала съ нимъ о вѣчномъ союзѣ душъ, но онъ не давалъ ей прямого отвѣта. А когда Дуня сказала, что вѣдь обѣщалъ же онъ ей все открыть наединѣ, и вотъ теперь они одни, никто ихъ не видитъ, никто не слышитъ, онъ все-таки уклонялся отъ прямого отвѣта, говоря, что не пришло еще время. Каждый день хоть на короткое время видаясь съ Де-

нисовымъ, Дуня, на радость Луповицкимъ, немножко привыкла къ нему... И въ то же время стала рѣже вспоминать объ отцѣ, а Петръ Степанычъ и совсѣмъ не впадалъ ей больше на память...

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ Егора Сергѣича, дворецкій Сидоръ и конторщикъ Пахомъ отправились объѣзжать ближнихъ и дальнихъ Божьихъ людей, съ зовомъ на соборъ. И, какъ бывало прежде, сошлись и съѣхались къ назначенному дню почти всѣ, бывшіе на «великомъ соборѣ», кромѣ полоумной Серафимы Ильиничны съ ея неизбѣжными спутницами. Боялся Николай Александрычъ, чтобъ онѣ не надѣлали какихъ-нибудь новыхъ безчинствъ, по той же причинѣ не звали и дьякона Мемнона, а юродиваго Софронушку игуменъ Израиль опять не пустилъ, сердился на Луповицкихъ за дыни, да къ тому же напрасно двѣ недѣли ждалъ отъ нихъ на солку огурчиковъ.

Наканунѣ собора Николай Александрычъ и Марья Ивановна долго сидѣли въ комнатѣ Егора Сергѣича и что-то обсуждали.

Когда насталъ часъ для сбора въ Сіонской горницѣ, всѣ собрались и разошлись по одѣвальнымъ комнатамъ «облачаться въ бѣлыя ризы». Потомъ вошли въ соимъ вѣрныхъ.

Пришла и Дуня, но не надѣла она радѣльной рубахи, а сѣла у входныхъ дверей. Сильно была она взволнована. Егоръ Сергѣичъ обѣщалъ ей тотчасъ послѣ радѣнья открыть тайну духовнаго супружества. Марья Ивановна также не сняла обыкновеннаго своего платья и сѣла рядомъ съ Дуней. Такъ же точно сидѣли онѣ теперь, какъ и въ тотъ разъ, когда Дуня въ первый еще разъ была въ Сіонской горницѣ.

Началось радѣнье. Николай Александрычъ сидѣлъ въ сторонѣ, на ряду съ другими. Его мѣсто занялъ Егоръ Сергѣичъ, онъ читалъ молитвы и поученія, онъ и распоряжался всѣмъ ходомъ собора. Не сказалъ онъ ни слова, что̀ могло бы и поразить внимательно слушавшую Дуню. Оттого въ ней возросло нѣсколько довѣріе къ пріѣзжему пророку. Всѣ другіе были имъ крайне недовольны. Ожидали услышать отъ него что-нибудь новое, неизвѣстное имъ, съ нетерпѣніемъ ждали, какъ разскажетъ онъ про царя араратскаго, а Денисовъ молчалъ. Просили его, цѣлымъ кораблемъ молили, чтобы повѣдалъ про новые законы, правила и обряды, данные верховнымъ пророкомъ Максимомъ.

— Мой часъ не пришелъ, — сказалъ Егоръ Сергѣичъ, когда мольбы усилились до того, что Николай Александрычъ сталъ опасаться, не услыхали бы криковъ, воплей и стоновъ на

деревнѣ, не узналъ бы о шумномъ сходбищѣ отецъ Прохоръ. Сталъ онъ унимать не въ мѣру раскричавшихся праведныхъ.

— Не мѣшайте, не безчинствуйте! Затѣмъ такъ кричать? Духъ не дастъ говорить Егорушкѣ о томъ, чего вы просите.

Но крики не унимались. Никто, кромѣ Луповицкихъ, Кисловыхъ и Строинскаго, слушать не хотѣлъ уговоровъ корабельнаго кормщика.

Тогда, дѣлать нечего, Николай Александрычъ схватилъ за шиворотъ одну больше всѣхъ кричавшую пришлую какую-то бабу и хотѣлъ вытолкать ее изъ собранья. Та завизжала неблагимъ матомъ.

— Матрена! — крикнулъ Николай Александрычъ начальницѣ богадѣльни: — возьми кого-нибудь изъ своихъ, оттащите безчинницу въ богадѣльню. Запри тамъ ее въ чуланъ или въ подполье на всю на ночь. А завтра я распоряжусь.

Матренушка съ двумя божедомками тотчасъ исполнили барскій приказъ.

Крики и вопли унялись. Стали радѣть.

Егоръ Сергѣичъ дольше всѣхъ радѣлъ. Отъ изнеможенья нѣсколько разъ падалъ онъ безъ чувствъ. И тутъ замѣтили Божьи люди, что въ минуты безчувствія не только обычная пѣна, но даже кровь показывалась на его губахъ. Это было признано знакомъ присущей величайшей благодати

Начались пророчества. Кромѣ другихъ сказывалъ ихъ и Денисовъ. И опять ни слова о закавказскихъ праведныхъ.

Когда соборъ подходилъ ужъ къ концу, Марья Ивановна шепнула Дунѣ:

— Выйдемъ минуты на двѣ въ коридоръ, нужно мнѣ съ глазу на глазъ поговорить съ тобой насчетъ того, знаешь...

— Насчетъ чего? — спросила Дуня.

— Насчетъ Егорушки, — молвила ей на ухо Марья Ивановна. — Вѣдь онъ говорилъ, что посвятитъ тебя въ эту тайну?

— Говорилъ, — отвѣтила Дуня.

— Эта тайна очиститъ и освятитъ тебя. Безплотнымъ силамъ будешь подобна, и не будетъ къ тебѣ приступа отъ горделиваго духа злобы и нечестія, — продолжала Марья Ивановна. — Пойдемъ — ты вѣдь не принимаешь участія: не радѣешь и въ словѣ не ходишь. Все равно, если уйдешь изъ Сіонской горницы. Здѣсь нельзя говорить, а я хочу кой-что сказать тебѣ. Пойдемъ же.

Дуня повиновалась и за Марьей Ивановной вышла въ коридоръ.

— Онъ мнѣ сказалъ, что только тебѣ, одной тебѣ откроетъ онъ тайну, — сказала въ коридорѣ Марья Ивановна. — Признаюсь, я оскорбилась его словами, обидны они показались мнѣ. — «Отчего это, говорю я ему, ты не хочешь мнѣ открыть? Сколько лѣтъ, какъ я въ кораблѣ!.. Еще когда жила въ Петербургѣ Катерина Филипповна, я была принята въ духовный союзъ. А ее, то-есть тебя, хочешь, говорю, посвятить въ тайну, хоть она не больше двухъ мѣсяцевъ принята». Онъ отвѣчалъ: — «Не всякому дано знать сокровенное, нужно для того имѣть особенную благодать, а я въ ней только вижу избытокъ благодати». Я сказала ему, что въ послѣднее время ты охладѣла къ союзу вѣрныхъ, а онъ отвѣтилъ: — «Полную вѣру имѣю, что она укрѣпится и будетъ вѣрною до конца». Вотъ что̀ мы говорили съ нимъ. Скажи, хочешь ли говорить съ нимъ?

— Хочу, — сказала Дуня.

— Войди же сюда, — сказала Марья Ивановна, отворяя дверь въ комнату, гдѣ обыкновенно складывались радѣльныя рубашки и другія принадлежности хлыстовскихъ моленій. — Подожди тутъ. Только-что кончится соборъ, онъ придетъ. Будь ему во всемъ послушна, во всемъ, что-бъ ни сказалъ онъ, чего-бъ отъ тебя ни потребовалъ.

Марья Ивановна ушла. Дуня одна осталась.

Оглядѣлась, видитъ — комната большая, хорошо прибранная. «Бѣлыя ризы» и другія хлыстовскія вещи лежали въ разставленныхъ по стѣнѣ глухихъ шкапахъ, безъ стеколъ. Напротивъ нихъ, по другой стѣнѣ стоялъ турецкій диванъ, обитый старымъ трипомъ, возлѣ него столъ и на немъ фарфоровый кувшинъ съ водой и нѣсколько тарелокъ съ разнымъ вареньемъ. На полу во всю комнату былъ разостланъ, хоть и старенькій, но довольно еще пушистый коверъ. Надъ диваномъ по стѣнѣ развѣшано нѣсколько масляныхъ картинъ — на всѣхъ религіозно-мистическія изображенія. Тутъ и миловидный отрокъ съ ягненкомъ на плечахъ, и три отрока, выходящіе изъ вавилонской печи, и пророкъ Іона въ шалашѣ подъ тѣнью клещевины *). Оконъ два, въ срединѣ, должно-быть, третье, но оно прикрыто большой картиной кисти извѣстнаго хлыста и искуснаго художника Боровиковскаго. Во весь ростъ изображенъ на ней медіоланскій епископъ Амвросій въ богослужебной одеждѣ, стоящій передъ престоломъ. Руки святого воздѣты къ небу, восторгомъ горятъ его очи, а изъ устъ выходитъ узенькая полоска хартіи, и на ней латинская

*) Клещевина — *Ricinus*. Это растеніе упоминается въ еврейскомъ текстѣ (Іоны, IV, 6). Въ переводѣ семидесяти вмѣсто него стоитъ «тыква».

надпись: «Te Deum laudamus» *). Разсматривая это изображеніе, Дуня безсознательно оперлась рукой на позолоченную и сильно выцвѣтшую раму и почувствовала, что она держится не твердо. Разсмотрѣвъ ее внимательнѣе, увидала, что рама съ картиной отворяются, что онѣ поставлены тутъ, чтобы только закрыть окно. На подоконникѣ было на палецъ толщиной пыли, на косякахъ висѣли клочья паутины — замѣтно было, что картина долгое время оставалась нетронутой. Окно за нею было закрыто ставнями; отпиралось оно изнутри, но рѣшетокъ не было. Вспомнилось Дунѣ, что недавно еще, когда Варенька отыскала ее въ заброшенномъ палисадникѣ, она указывала ей на кладовую съ тремя окнами, и теперь сообразила, что срединное окно было прикрыто.

Слышитъ Дуня — смолкли пѣсни въ Сіонской горницѣ. Слышитъ — по обѣимъ сторонамъ кладовой раздаются неясные голоса, съ одной—мужскіе, съ другой—женскіе. Это Божьи люди въ одѣвальныхъ комнатахъ снимаютъ «бѣлыя ризы» и одѣваются въ обычную одежду. Еще прошло нѣсколько времени, голоса стихли, послышался топотъ, съ каждой минутой слышался онъ тише и тише. Къ ужину, значитъ, пошли. Ждетъ Дуня. Замираетъ у ней сердце — вотъ онъ скоро придетъ, вотъ она узна̀етъ тайну, что̀ такъ сильно раздражаетъ ея любопытство.

«Я покину ихъ, покину и вѣру ихнюю, отброшу ихъ,—думаетъ она: — но тайну духовнаго супружества мнѣ хочется узнать... Нѣжная любовь, невыразимое словами счастье въ здѣшней жизни и въ будущей! Не останусь я съ ними, но эту тайну вынесу изъ корабля и къ другому примѣню ее, кто полюбитъ меня сердцемъ и душою».

И вспомнился ей Петръ Степанычъ, и наполнилась она восторгомъ. Сердце обливается горячей кровью, она дрожитъ и, почувствовавъ утомленье во всемъ тѣлѣ, кидается на диванъ и закрываетъ глаза.

Шорохъ ей послышался. Открыла глаза, передъ ней Денисовъ.

Страстью горятъ глаза его, губы дрожатъ, по лицу змѣятся судороги, дыханье сильное, прерывчатое.

Увидавъ его, Дуня быстро вскочила съ дивана, но онъ схватилъ ее за руки и трепетнымъ, какъ бы замирающимъ голосомъ сказалъ:

— Останься, какъ была!..

И сѣлъ возлѣ нея на диванѣ.

---

*) «Тебя Бога хвалимъ»—пѣснь, сочиненная св. Амвросіемъ Медіоланскимъ. Такая картина въ тридцатыхъ годахъ была у петербургскихъ хлыстовъ изъ образованнаго общества.

Отъ прикосновенья горячихъ рукъ Денисова вздрогнула Дуня. Она отстранилась отъ него, насколько могла, и усѣлась въ глубинѣ дивана.

— Прежде чѣмъ съ тобой бесѣдовать, должна ты исполнить святой обрядъ, установленный въ кораблѣ людей Божьихъ. Послѣ каждаго собранья даютъ тамъ другъ другу серафимскія лобзанія. Ты прежде лобзаній ушла изъ Сіонской горницы, а безъ нихъ мнѣ нельзя говорить.

Вся покраснѣла Дуня, но любопытство было такъ сильно, что она рѣшилась дать Денисову холодное лобзанье, какое дала бы каждому изъ сидѣвшихъ въ Сіонской горницѣ.

Она протянула къ нему лицо, а онъ, цѣлуя ее серафимскимъ лобзаньемъ, вдругъ сжалъ ее въ объятьяхъ.

— Что̀ это? — отчаяннымъ голосомъ вскрикнула Дуня, понявъ обманъ и вырываясь изъ рукъ Денисова. На ея крики отвѣта не было.

Вспомнила Дуня объ изображеніи Амвросія Медіоланскаго. Быстрымъ движеньемъ руки распахнула раму, вскочила на подоконникъ и, раскрывъ ставни, выпрыгнула въ палисадникъ. Другого выхода ей не было, домъ наполненъ былъ людьми Божьими — ее бы остановили и отдали на жертву Денисову. Въ отчаяніи она и кинулась въ окно, между тѣмъ какъ араратскій пророкъ изо всѣхъ силъ старался ржавымъ ключомъ отпереть входную дверь кладовой.

Епископъ Амвросій спасъ Дуню.

Хорошо знала она мѣстность. Выбѣжавъ на широкій дворъ, бросилась-было къ воротамъ, но въ зачинавшемся уже разсвѣтѣ увидала, что тамъ на лавочкѣ сидитъ караульный... Въ садъ побѣжала, тамъ ни души. Она дальше и дальше... Бѣжитъ, не переводя духа, и назади сада, вблизи Кирилиной пасѣки, перелѣзаетъ черезъ невысокій плетень, а потомъ по задамъ возлѣ длиннаго ряда крестьянскихъ овиновъ бѣжитъ къ попу на край деревни. На него одного вся надежда ея. Подбѣжавъ къ домику отца Прохора, она крѣпко постучалась въ окно.

— Кто тамъ? — спросилъ изнутри комнатъ уже вставшій съ постели и стоявшій на утренней молитвѣ отецъ Прохоръ.

— Спасите!.. Укройте! — съ громкимъ плачемъ взмолилась ему Дуня.

— Это вы, Авдотья Марковна? — спросилъ отецъ Прохоръ, узнавая ее по голосу.

— Я, я, спрячьте куда-нибудь... Скорѣй, скорѣй, — говорила навзрыдъ плачущая Дуня.

— Пожалуйте! — сказалъ отецъ Прохоръ. — Сейчасъ отопру калитку.

———

Отецъ Прохоръ, впустивъ Дуню на дворъ, провелъ ее въ заднюю горницу, говоря, что въ передней сидѣть ей опасно. Только-что узнаютъ хлысты, что она скрылась, говорилъ онъ, тотчасъ начнутъ искать ее и непремѣнно станутъ заглядывать къ нему въ окна; немудрено даже, что съ обыскомъ придутъ. Разбудивъ жену и дочерей, отецъ Прохоръ приказалъ имъ снарядить въ дорогу черезчуръ легко одѣтую Дуню, а потомъ вышелъ на дворъ и, разбудивъ работника, велѣлъ ему наскоро запрячь лошадку. Полуслѣпая и глуховатая матушка попадья надѣла на Дуню чоботы старшей дочери, свою шубейку и повязала ей голову большимъ платкомъ по-деревенски. Не прошло получаса, какъ отецъ Прохоръ сѣлъ съ Дуней въ телѣжку. Уѣзжая, наказалъ онъ домашнимъ, что ежели кто спроситъ про него, особливо изъ барскаго дома, такъ сказали бы, что еще раннимъ вечеромъ уѣхалъ съ требой, а оттуда хотѣлъ проѣхать въ городъ, куда его вызывали въ духовное правленіе.

Предосторожность не лишняя. Только-что обутрѣло, въ поповскій домъ пришелъ хозяинъ села, Андрей Александрычъ Луповицкій, съ конторщикомъ Пахомомъ.

— Дома ли батюшка? — спросилъ онъ у попадьи, встрѣтившей барина у калитки.

— Дома его нѣтъ, — почтительно она отвѣчала. — Еще съ вечера, въ сумерки уѣхалъ съ требой.

— А скоро-ль воротится? — продолжалъ разспрашивать Андрей Александрычъ.

— Не знаю, какъ доложить. Сряжался въ дорогу, такъ говорилъ, чтобъ скоро его не ждали, что ему надо въ городъ проѣхать. Въ духовное правленіе по какому-то дѣлу требуютъ, разсыльный пріѣзжалъ третьяго-дня, — сказала матушка попадья.

— Экая досада! — вскричалъ Андрей Александрычъ, садясь на диванъ въ передней горницѣ. — А я-было къ нему за дѣломъ. Какъ-то разъ батюшка говорилъ мнѣ, что у васъ и домикъ и надворныя службы обветшали, и я обѣщалъ ему сдѣлать поправки. А теперь хочу нанимать плотниковъ, теплицы поправить надо, застольную, а скотный дворъ заново поставить. Такъ я-было и пришелъ съ конторщикомъ осмотрѣть, какія поправки нужно сдѣлать у васъ, чтобъ заодно плотниковъ-то рядить.

Попадья разсыпалась въ благодарностяхъ за нежданныя, негаданныя милости. Низко кланялись Луповицкому и поповны.

— Благодѣтель нашъ, Андрей Александровичъ, — говорила со слезами матушка попадья. — Истинный вы нашъ благодѣ-

тель! Эка Петровичъ-отъ на бѣду отъѣхалъ... А впрочемъ, что-жъ его ждать, и безъ него обойдется дѣло. Велите конторщику осмотрѣть, а Степанидушка съ ключами съ нимъ пойдетъ и погребъ ему отопреть, и житницу, и клѣть, и чуланъ. Она и запишетъ все на грамоткѣ *).

— Зачѣмъ же это? Самъ осмотрю, — сказалъ Андрей Александрычъ и всталъ съ мѣста.

Осмотрѣлъ онъ переднія и заднія горницы, посылалъ Пахома въ подполье поглядѣть, не загнили ли нижніе вѣнцы срубовъ, самъ лазилъ на чердакъ посмотрѣть на крышу, побывалъ во всѣхъ чуланахъ и въ клѣти, на погребѣ самъ внизъ сходилъ, и въ банѣ побывалъ, и въ житницѣ, и въ сараяхъ, въ конюшнѣ, въ коровникѣ и на сѣновалѣ, гдѣ, похваливая поповское сѣно, вилами его потыкалъ. И все на бумажкѣ записывалъ.

Послѣ осмотра до послѣдней щелочки, Андрей Александрычъ убѣдился, что Дуни у попадьи нѣтъ. На прощанье сказалъ:

— Такъ вы, матушка, готовьтесь къ поправкамъ. Плотники къ Воздвиженью придутъ, а пока до нихъ по этой запискѣ пришлю вамъ бревенъ и тесу. Отведите свободное мѣстечко, гдѣ сложить.

— Благодѣтель нашъ! Вѣкъ за васъ будемъ Бога молить. Не оставляете убогихъ щедротами... Петровичъ-отъ какъ станетъ жалѣть, что не посчастливилось ему видѣть васъ у себя въ домѣ.

— Ну, прощайте, матушка. До свиданья, — сказалъ, собираясь уходить, Андрей Александрычъ.

— А чашечку чайку не угодно ли выкушать? — сказала попадья. — Покамѣсть вы трудили себя, Степанидушка и самоварчикъ поставила и чайку заварила ради дорогого гостя, отца нашего родного, благотворителя.

Андрей Александрычъ остался, а Пахому велѣлъ идти домой и сейчасъ же составить смѣту на постройки при барскомъ домѣ и поправки въ домѣ отца Прохора. Какъ ни упрашивала попадья, чтобы позволилъ Андрей Александрычъ Пахому выпить у ней чашечку-другую чая, но онъ не согласился и приказалъ конторщику какъ можно скорѣй домой поспѣшить, доложить Николаю Александрычу, что всѣ строенья осмотрѣны и поправки необходимы.

За чаемъ Андрей Александрычъ разговаривалъ съ глуховатой и полуслѣпой попадьей о разныхъ недостаткахъ попов-

*) Грамотка — бумажка.

скаго хозяйства. И сѣнокосишко-то у попа малъ, и въ землѣ-то скудость, и доходовъ-то отъ церковной службы недостаточно. Подъ конецъ Луповицкій далъ попадьѣ десятирублевую, примолвивши:

— Это вамъ за безпокойство. Своимъ приходомъ вѣдь я нарушилъ покой въ вашемъ мирномъ уголкѣ.

Со слезами на глазахъ попадья схватила-было его руку, чтобы поцѣловать, но Андрей Александрычъ не допустилъ ее.

— Прощайте, матушка. Кланяйтесь отцу Прохору. Скажите ему, чтобы до Ивана Богослова *) непремѣнно приготовился къ перестройкамъ дома, — говорилъ, уходя изъ поповскаго дома, Андрей Александрычъ.

До улицы проводила его попадья съ дочерьми, низко кланяясь и благодаря, какъ только умѣла. Когда же воротились домой, попадья шепнула Степанидушкѣ:

— Хоть всѣ лазы облазилъ, а не нашелъ. Пришлетъ ли, нѣтъ ли лѣску, Богъ его знаетъ, а красненькую пожаловалъ. Намъ и то годится... А вѣдь Авдотья-то Марковна богачка страшная, къ тому и добра и милостива, какъ замѣтила я. Поди, не десять рублей дастъ Петровичу. Соверши, Господи, во благо ея возвращеніе въ домъ родительскій! Такой богачки ни разу еще не приводилось Петровичу выручать изъ этого дома.

---

*) 26 сентября.

НА ГОРАХЪ

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая.

Не прежде, какъ отъѣхавши версты полторы отъ Луповицъ, отецъ Прохоръ сталъ разговаривать съ Дуней. Обливаясь слезами, разсказала она все, чтò случилось съ нею минувшей ночью. Все разсказала, ничего не потаила отъ спасшаго ее отъ гибели. Молча и внимательно слушалъ отецъ Прохоръ исповѣдь Дуни. Когда-жъ она все разсказала, спросилъ у нея:

— Зачѣмъ же вы, Авдотья Марковна, ежели рѣшились оставить ересь и самый домъ, гдѣ были совращены, зачѣмъ, говорю, пошли вы ночью на ихъ сборище и даже въ особую комнату для свиданія со злѣйшимъ еретикомъ Денисовымъ? Вѣдь я васъ предупреждалъ объ немъ... Еще слава Богу, что такъ обошлось, а то вѣдь непремѣнно сдѣлались бы его жертвой. Немало бывало примѣровъ. Лишились бы и чести и добраго имени, если бы не молитвы за васъ святого отца нашего Амвросія, епископа Медіоланскаго. Такъ я смотрю на дѣло вашего спасенія и глубоко вѣрую, что совершилось оно не иначе, какъ по ходатайству передъ Богомъ сего святителя. Примите же совѣтъ мой, примите стариковскую просьбу: ежели бы вы находились въ оградѣ истинной церкви, я бы при вашихъ достаткахъ посовѣтовалъ вамъ устроить хоть придѣлъ въ честь и славу сохранившаго васъ отъ гибели святителя; но какъ вы принадлежите къ тѣмъ, чтò разнятся съ нами въ обрядахъ и своихъ церквей не имѣютъ, такъ устройте хоть икону святителя Амвросія и всю жизнь свою утромъ и вечеромъ молитесь передъ нею теплою молитвой благодаренія.

Святитель Амвросій Медіоланскій чествуется у вашихъ равно какъ и у насъ — память его совершается въ седьмое число декабря, на другой, значитъ, день зимняго Николая. Послѣдуйте же моему совѣту, и святый отецъ не умалитъ дивныхъ своихъ къ вамъ милостей. Скажите мнѣ, исполните ли искренній и душевный совѣтъ мой?

— Исполню, отецъ Прохоръ, непремѣнно исполню, — съ горячимъ порывомъ отвѣтила Дуня.

— А ежели по молитвамъ отца нашего Амвросія, имѣющаго дерзновеніе обращаться съ ходатайствомъ къ Отцу Небесному, когда-нибудь, рано ли, поздно ли, войдете вы въ ограду святой церкви, на что имѣю полную надежду, соорудите тогда хоть придѣлъ во имя его, а ежели достанетъ средствъ, то и новый храмъ.

Не отвѣтила Дуня отцу Прохору.

— А ежели по Божію благословенію вступите въ жизнь супружескую, — продолжалъ онъ: — то первому сыну нареките имя Амвросій. Пускай и на старости вашихъ лѣтъ непрестанно напоминаетъ онъ вамъ преславное имя избавившаго васъ отъ гибели святителя.

Дуня опять промолчала... Больше версты они проѣхали молча. Наконецъ отецъ Прохоръ спросилъ:

— Скажите мнѣ теперь по чистой совѣсти самую сущую правду, что̀ побудило васъ, открыто заявивши фармазонамъ, что вы душевно и тѣлесно чуждаетесь ихъ, что̀ побудило васъ придти на сходбище оныхъ богопротивниковъ и даже идти на свиданье съ Денисовымъ?

Дуня разсказала, какъ Луповицкіе ее уговорили, и какъ она до послѣдней минуты не предвидѣла со стороны Денисова ни обмана ни злого умысла.

— Злодѣи, злодѣи! — вскрикнулъ отецъ Прохоръ. — Доколѣ терпитъ имъ Господь!

И немного погодя сказалъ:

— Я отвезу васъ въ губернію *). Тамъ будетъ вамъ безопасно — еретики тамъ ничего не посмѣютъ сдѣлать. Привезу я васъ въ хорошій купеческій домъ. Семейство Сивковыхъ есть, люди благочестивые и сердобольные, съ радостью пріютятъ васъ у себя. Только ужъ вы, пожалуйста, ни про нашихъ господъ, ни про Денисова, ни про ихъ богохульную вѣру ничего имъ не разсказывайте. Ежели донесется объ этомъ до Луповицъ, пострадать могу. Такъ ужъ вы, пожалуйста, Богомъ прошу васъ, Авдотья Марковна.

---

*) Губернскій городъ.

— Будьте увѣрены, слова никому не вымолвлю, — отвѣчала Дуня. — И развѣ можно говорить мнѣ, ежели это повредитъ вамъ? Вѣдь вы мой избавитель, я вѣдь безъ васъ непремѣнно бы пропала. А какъ бы послѣ того показалась я на глаза тятенькѣ?

— Такъ ужъ пожалуйста. Я вполнѣ надѣюсь, — сказалъ отецъ Прохоръ. — А у Сивковыхъ какъ будетъ вамъ угодно — къ батюшкѣ ли напишите, чтобы кто-нибудь пріѣзжалъ за вами, или однѣ поѣзжайте. Сивковы дадутъ старушку проводить — сродница ихняя живетъ у нихъ въ домѣ, добрая, угодливая, Акулиной Егоровной зовутъ. Дорожное дѣло знакомо ей — всю почитай Россію не разъ изъѣздила изъ конца въ конецъ по богомольямъ. У Сивковыхъ и къ дорогѣ сготовитесь, надо вѣдь вамъ бѣлья, платья купить. Деньги-то есть ли у васъ на покупку и на дорогу?

— Денегъ у меня довольно, на все достанетъ, — отвѣчала Дуня.

— Ну вотъ и хорошо, вотъ и прекрасно, — проговорилъ отецъ Прохоръ. — А если бы паче чаянія нуждались въ деньгахъ, можно бы было у Сивкова достать, онъ вѣдь каждый годъ къ Макарью ѣздитъ и порядочное число соленой рыбы закупаетъ. Надо полагать, что и родителя вашего знаетъ, можетъ статься, и знакомство съ нимъ водитъ. Онъ ни въ чемъ не откажетъ вамъ... Вотъ еще о чемъ спрошу я васъ, Авдотья Марковна, — немного подумавши, продолжалъ отецъ Прохоръ. — Не осталось ли у васъ въ господскомъ домѣ какихъ-нибудь писемъ или записокъ о вашихъ сношеніяхъ съ хлыстами?

— Нѣтъ, ничего не осталось, — отвѣтила Дуня.

— То-то, этого теперь пуще всего надо опасаться, — молвилъ отецъ Прохоръ. — Нужно вамъ сказать, — только до времени объ этомъ пока никому не говорите, — не въ долгомъ, надо полагать, времени господамъ Луповицкимъ будетъ разгромъ: наѣдетъ судъ, обыски начнутъ у нихъ въ домѣ дѣлать, пойдетъ слѣдствіе. Сохрани Боже, если найдется какой-нибудь клочокъ бумажки, гдѣ помянуто ваше имя. Это можетъ и васъ къ дѣлу припутать. А дѣло, повидимому, разгорится очень важное и для всѣхъ хлыстовъ луповицкихъ и другихъ самое непріятное по своимъ послѣдствіямъ.

— Нѣтъ, отецъ Прохоръ, никакихъ моихъ бумагъ въ ихнемъ домѣ не осталось, — сказала Дуня. — Но что-жъ это за слѣдствіе? Что̀ такое случилось?

— Всего подробно теперь объяснить вамъ не могу, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — Самъ многаго не знаю. На третій

день послѣ Успеньева дня я ѣздилъ въ губернію, въ консисторіи по одному дѣлу былъ, тамъ одинъ вѣрный человѣкъ, хорошо знающій дѣла, сказывалъ мнѣ, что новый владыка крѣпко принялся за хлыстовъ. Изъ Петербурга, слышь, изъ самаго Святѣйшаго Синода получилъ онъ указъ насчетъ господъ Луповицкихъ и о томъ, что скоро къ нимъ долженъ пріѣхать самый злѣйшій еретикъ Денисовъ... Какъ онъ пріѣдетъ, такъ ихъ и накроютъ. А дѣло о хлыстахъ началось въ Москвѣ, и по взятымъ у нихъ бумагамъ открылось, гдѣ, въ какихъ, значитъ, мѣстахъ теперь они находятся. И повсюду, слышно, розыски пошли да слѣдствія. Не знаю ужъ, отъ кого и какимъ образомъ узналъ владыка, что я въ губерніи, и велѣлъ придти къ нему. И безъ малаго цѣлый часъ изволилъ келейно со мной бесѣдовать насчетъ луповицкой хлыстовщины. Извѣстное дѣло, передъ архипастыремъ всю правду надлежитъ разсказывать. Я и разсказалъ. Тутъ владыка благословилъ меня ѣхать во-свояси и примолвилъ о нашихъ сосѣдяхъ: — «Видно, имъ того же захотѣлось, что̀ съ отцомъ ихъ было».

— А что̀ такое было съ ихъ отцомъ? — спросила ничего о старыхъ дѣлахъ не знавшая Дуня.

— Не слыхали развѣ? — сказалъ отецъ Прохоръ. — Про это не любятъ они разговаривать. Отецъ вѣдь тоже былъ въ этой самой ереси, а какъ человѣкъ былъ знатный и богатый, то никто къ нему и прикоснуться не смѣлъ. Сильная рука у него была въ Петербургѣ, при самомъ царскомъ дворѣ находились друзья его и благопріятели. А все-таки не избѣжалъ достойной участи — въ монастырь сослали, тамъ въ безысходномъ заточеньи и жизнь скончалъ.

— А давно-ль это было? — съ любопытствомъ спросила Дуня.

— Да ужъ лѣтъ тридцать прошло съ той поры, какъ его подъ стражей изъ Луповицъ увезли. Я былъ тогда еще вновѣ, только-что удостоился принять рукоположеніе, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — Но его хорошо помню — важный такой видъ имѣлъ, а корабль у него невпримѣръ больше былъ теперешняго. И въ томъ караблѣ были все больше изъ благородныхъ да изъ нашего брата, изъ духовенства... А вотъ мы и пріѣхали, — прибавилъ отецъ Прохоръ, указывая на огоньки и на бѣлѣвшія въ полумракѣ зданія губернскаго города.

Отецъ Прохоръ подъѣхалъ къ большому каменному дому купца Сивкова. Радушно встрѣтили его и хозяинъ, только-что воротившійся отъ Макарья, и жена его, и двѣ снохи, и даль-

няя сродница Акулина Егоровна, та самая, что разъѣзжала, а иной разъ и пѣшкомъ ходила по богомольямъ. Отецъ Прохоръ разсказалъ хозяину придуманный дорогой вымыселъ насчетъ Дуни.

— Не знаете ли, Поликарпъ Андреичъ, Марка Данилыча Смолокурова, рыбой у Макарья торгуетъ? — спросилъ онъ Сивкова.

— Какъ не знать Марка Данилыча!—отвѣчалъ Сивковъ.— На Гребновской онъ первый воротила. Довольно знаемъ Марка Данилыча, не разъ товаръ бирали у него, кредитовались, значитъ.

— Вотъ это его дочка, — сказалъ отецъ Прохоръ, взявши Дуню за руку.

Хозяйка, обѣ снохи и Акулина Егоровна стали обнимать и цѣловать Дуню. Какъ ни удерживалась Дуня, а отъ искреннихъ ласкъ незнакомыхъ людей слезы вдругъ въ три ручья покатились у нея изъ глазъ, а подступившія рыданья совсѣмъ было-задушили ее.

— Что съ вами, что съ вами?— услуживая Дунѣ, говорили жена и снохи Сивкова, а старушка Акулина Егоровна со всѣхъ ногъ бросилась за холодной водой и съ молитвой напоила Дуню. Той стало немного полегче.

Между тѣмъ отецъ Прохоръ разсказывалъ, что Авдотья Марковна съ одной пожилой купчихой изъ ихняго города собралась съѣздить въ Кіевъ на богомолье и далеко еще туда не доѣхала, какъ съ ней случилось несчастье. Верстахъ въ двадцати пяти отъ Луповицъ остановились богомольцы ночевать на постояломъ дворѣ у крестьянина. И въ то время, какъ всѣ ужъ заснули, на томъ дворѣ загорѣлось. Авдотья Марковна съ вечера не раздѣвалась и въ одномъ платьѣ выбѣжала изъ пылавшаго дома, а ѣхавшая съ нею купчиха и еще семь ли, восемь ли богомолокъ сгорѣли. Все имущество, и кибитка, и ямскія лошади, все погорѣло.

— А я тогда случился въ сосѣднемъ селѣ, — прибавилъ отецъ Прохоръ: — дѣльцо тамъ было одно у меня. Вотъ и взялъ я на свое попеченье безпріютную дѣвицу.

— Ахъ, Господи! Ахъ, горе-то какое! Всякаго избави и сохрани Господи отъ такой бѣды! — воскликнули женщины, осыпая ласками Дуню.

— Это въ Перегоровѣ пожаръ-отъ былъ? — спросилъ Поликарпъ Андреичъ.

— Такъ точно, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — А я на ту пору былъ въ селѣ Слизневѣ, и версты не будетъ отъ Перегорова-то, побѣжалъ на пожаръ да и нашелъ Авдотью Марковну.

— И до насъ объ этомъ пожарѣ вѣсти дошли, и про то еще разсказываютъ, что сколько-то богомольцевъ тутъ сгорѣло, — сказалъ Сивковъ.

А дня за три въ самомъ дѣлѣ былъ пожаръ въ Перегоровѣ, и нѣсколько человѣкъ, Богъ ихъ знаетъ откуда пріѣхавшихъ, сгорѣло на постояломъ дворѣ. Отецъ Прохоръ этимъ случаемъ воспользовался для своего разсказа.

— Какъ взялъ я Авдотью Марковну, такъ и порѣшилъ, не заѣзжая домой, къ вамъ ѣхать, — продолжалъ отецъ Прохоръ. — На васъ разсчитывалъ, зная, что не покинете бѣдняжку въ трудномъ ея положеніи. Опять же и то, что здѣсь можно ей будетъ во всемъ исправиться: бѣлья купить, платья и всего другого, что̀ понадобится. Деньги есть у Авдотьи Марковны, а вотъ шубейку и платокъ и черевики у Слизневской матушки попадьи на время для нея я взялъ, было бы въ чемъ до васъ доѣхать. Ужъ вы сдѣлайте милость, Поликарпъ Андреичъ, примите въ ней участіе. Родитель ея будетъ вамъ очень благодаренъ за неоставленіе единственной дочери.

— Объ этомъ, отецъ Прохоръ, нечего и толковать, — сказалъ Поликарпъ Андреичъ. — Опричь того, что Марку Данилычу я всегда и во всякое время со всякой моей радостью готовъ услужить, насколько силъ и умѣнья станетъ, мы бы и по человѣчеству должны были принять участіе въ такомъ несчастьѣ Авдотьи Марковны. Не соскучилась бы только у насъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Дунѣ.

— Помилуйте, Поликарпъ Андреичъ. Да я къ вамъ точно въ рай попала послѣ того, что̀ было со мной, — со слезами благодарности отвѣтила Дуня.

— Полноте, полноте, вы опять за слезы!—вскликнулъ Сивковъ. — По-моему, вамъ бы теперь отдохнуть, успокоиться. Семеновна, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ: — и вы, сношеньки, подите-ка, мои матушки, успокойте Авдотью Марковну. А завтра поѣзжайте съ ней за покупками. А ежели у васъ, Авдотья Марковна, въ деньгахъ, можетъ-быть, недостача, такъ вы объ этомъ не извольте безпокоиться — чѣмъ могу служить, все для васъ и для Марка Данилыча сдѣлаю.

Поликарпъ Андреичъ вдвоемъ остался съ отцомъ Прохоромъ. Долго разсуждали они, какъ быть съ Дуней. Наконецъ рѣшили такъ: только-что исправитъ она свои покупки, отправить ее къ отцу съ Акулиной Егоровной, а межъ тѣмъ послать письмо къ Марку Данилычу и отписать, гдѣ теперь она находится и въ какой день намѣрена въ дорогу выѣхать.

На другой день отецъ Прохоръ простился и съ Сивковыми

и съ Дуней. Ея прощанье было самое задушевное. Обливаясь слезами, до земли она преклонилась предъ своимъ избавителемъ, но благословенія не приняла—все-таки вѣдь онъ никоніанинъ.

На прощанье дала она отцу Прохору сторублевую. Сначала тотъ не хотѣлъ-было брать, однако взялъ. Дуня обѣщала писать къ нему, никогда не забывать его благодѣяній и помогать ему въ трудной жизни его.

На другой день стали покупать необходимое для Дуни. Она была окружена самымъ теплымъ участіемъ и безконечными ласками Сивковыхъ. А Поликарпъ Андреичъ, зная теперь, что она единственная дочь у Смолокурова, говорилъ наединѣ своей Семеновнѣ:

— Вотъ поторопились мы съ тобой Василья-то женить!.. Вотъ бы невѣста ему. При теперешнихъ обстоятельствахъ дѣло-то, можетъ-быть, сладилось бы. Поторопились, поторопились. Милліонщица вѣдь.

— Ужъ чего ты, батька, ни наскажешь, — недовольнымъ голосомъ отвѣтила жена. — Значитъ, не было на то воли Божьей. Да кто еще узналъ — пошла ли-бъ она за нашего Васильюшку.

— А отчего-жъ бы и не пойти? — возразилъ Поликарпъ Андреичъ. — Чѣмъ парень не вышелъ? Взялъ и ростомъ и дородствомъ, не обидѣлъ его Господь и красой и разумомъ. Отборный женихъ. А главное, то̀ возьми въ расчетъ, что вѣдь милліонщица! Послѣ отца одной ей все достанется.

— Перестань, батька, пустяки городить! Взбредетъ же такая чепуха въ голову, — сказала Семеновна и ушла отъ мужа въ другую комнату.

Покупки были готовы, и Дуня сбиралась въ дорогу съ Акулиной Егоровной. Поликарпъ Андреичъ подрядилъ извозчика на долгихъ довезти ихъ до того городка, гдѣ жилъ Марко Данилычъ. Рѣшено было ѣхать на другой же день, а между тѣмъ и Сивковъ и Дуня письма къ Марку Данилычу написали, ни однимъ словомъ однако не поминая о пожарѣ въ Перегоровѣ. Дуня увѣдомляла отца, что Марья Ивановна едва ли не до зимы пробудетъ у своихъ родныхъ, и что знакомый ему Поликарпъ Андреичъ Сивковъ, войдя въ ея положеніе, отправляетъ ее въ родительскій домъ съ надежной женщиной, своей сродницей.

На другой день послѣ того, какъ отецъ Прохоръ воротился домой, Аграфена Петровна къ нему пріѣхала. Сказанныя имъ слова, что Дуня «пропала безъ вѣсти», до того поразили ви-

хоревскую тысячницу, что вся она помертвѣла и долгое время въ себя не могла придти. Отецъ Прохоръ догадался, что она не просто знакомая Смолокуровымъ, а что-нибудь поближе. Когда пришла въ себя Аграфена Петровна и немного поуспокоилась, сказалъ онъ:

— Изъ такой вашей тревоги долженъ я заключить, что вы не совсѣмъ чужая Авдотьѣ Марковнѣ. Можетъ-статься, сродницей ей доводитесь?

— Не родная я ей, зато самая близкая, — едва слышнымъ, прерывающимся отъ рыданій голосомъ отвѣчала Аграфена Петровна. — Ахъ, Господи!.. Господи!.. Бѣда за бѣдой!.. Горе слѣдомъ за горемъ бѣжитъ!

— Вы сказали, что у Авдотьи Марковны родитель при смерти лежитъ, — молвилъ отецъ Прохоръ.

— Да, съ нимъ ударъ, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Безъ движенья лежитъ, безъ языка, а какъ кажется, въ памяти. И вдругъ еще это горе! И такое ужасное!

— Смиритесь, сударыня, передъ перстомъ Господнимъ, — учительно сказалъ ей отецъ Прохоръ. — Создатель лучше насъ знаетъ, что̀ намъ на пользу и что̀ во спасенье.

— Вы близко ее знали? — спросила Аграфена Петровна.

— Очень близко, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ. — И ежели, Богъ дастъ, увидитесь, лихомъ она меня не помянетъ. А могу ли я у васъ попросить какого-нибудь видимаго знака въ доказательство, что близки вы съ Авдотьей Марковной? — продолжалъ послѣ короткаго молчанія отецъ Прохоръ. — Извините, не зная васъ лично, вполнѣ довѣриться не могу.

— Дунину руку знаете? — нѣсколько подумавши, спросила Аграфена Петровна.

— Знаю.

— Вотъ ея письмо ко мнѣ, сличите.

А письмо-то писано было года полтора передъ тѣмъ. Дуня называла въ немъ Аграфену Петровну самымъ сердечнымъ другомъ своимъ и говорила, что кромѣ ея нѣтъ у нея никого близкаго.

Кликнулъ отецъ Прохоръ Степанидушку и велѣлъ принести Дунино письмо, писанное къ попадьѣ изъ губернскаго города съ благодарностями за привѣтъ и ласки. Когда Степанидушка принесла письмо, отецъ Прохоръ, внимательно разсмотрѣвъ оба, сказалъ:

— Теперь вижу, что вы близки, и могу много сообщить вамъ объ Авдотьѣ Марковнѣ.

— Гдѣ она? Гдѣ? Не мучьте ради Бога меня, скажите скорѣй! — быстро схвативъ отца Прохора за руку, съ нетерпѣньемъ воскликнула Аграфена Петровна.

— Не безпокойтесь. Она въ мѣстѣ безопасномъ, теперь ей не можетъ быть никакой непріятности, — сказалъ отецъ Прохоръ. — Поѣзжайте въ нашъ губернскій городъ, тамъ у купца Сивкова найдете Авдотью Марковну. Марку Данилычу тотъ купецъ знакомъ. Дѣла у нихъ есть торговыя.

— Такъ я сейчасъ же поѣду, — сказала Аграфена Петровна.

— Отдохните немножко, выѣдете подъ утро, — молвилъ на то отецъ Прохоръ. — Дня три либо четыре Авдотьѣ Марковнѣ надо будетъ съ дѣлами управиться. Вѣдь она въ одномъ платьицѣ изъ барскаго дома ушла. Хорошо еще, что деньги-то были при ней.

— Какъ въ одномъ платьѣ? — съ изумленіемъ спросила Аграфена Петровна. — Это какъ такъ?

— Ночью она убѣжала, — сказалъ отецъ Прохоръ. — Грозило ей большое несчастье, бѣда непоправимая. Въ окошко выпрыгнула. Не до того было ей, чтобъ пожитки сбирать... Да я лучше все по порядку разскажу. Неподалеку отъ того города, гдѣ жительствуетъ родитель Авдотьи Марковны, одна пожилая барышня, генеральская дочь, имѣнье купила. Изъ семьи здѣшнихъ господъ она — Алымова, Марья Ивановна.

— Знаю я ее, знаю, — торопливо молвила Аграфена Петровна. — Съ годъ тому назадъ сдѣлала она для меня такое благодѣяніе, что никогда его нельзя забыть. Маленькую дочку мою отъ вѣрной смерти спасла — изъ-подъ каретныхъ колесъ ребенка выхватила. Не будь Марьи Ивановны, до смерти бы задавили мою дѣвочку... Всегда Богу за нее молюсь и почитаю благодѣтельницей.

— Вотъ! Одной рукой людей отъ тѣлесной смерти спасаютъ, а другой ведутъ ихъ на вѣчную смерть, въ адскую погибель, — вздохнувъ и поникнувъ сѣдой головой, сказалъ отецъ Прохоръ. — Доколѣ, Господи, терпишь Ты имъ?

— Неужели Марья Ивановна? — сказала Аграфена Петровна. — Не могу понять, какъ это случиться могло?

— А вы тамъ, въ своей сторонѣ, не слыхали-ль чего про Марью Ивановну? — спросилъ отецъ Прохоръ.

— Богъ ее знаетъ, — сказала Аграфена Петровна. — Мало-ль какіе слухи по народу стали теперь обноситься — всего не переслушаешь. Толкуютъ, что какой-то особой вѣры держится она, фармазонской, что ли, какой.

Промолчалъ отецъ Прохоръ. Не пускался онъ съ Аграфеной Петровной въ откровенности, боясь, чтобы коимъ грѣхомъ его слова не были перенесены въ барскій домъ. Конечно, Дуня обѣщалась не оставлять его своей помощью, однакожъ

лучше держать себя поопаслпвѣй — бережнаго и Богъ бережетъ. и дѣло, что̀ началось насчетъ хлыстовъ, еще кто его знаетъ, чѣмъ кончится.

— Увидитесь, Богъ дастъ, съ Авдотьей Марковной. пусть она сама разскажетъ вамъ про все, — молвилъ отецъ Прохоръ.—А теперь вотъ что̀ я скажу вамъ: Марья-то Ивановна, стало-быть, знаетъ васъ? Знаетъ, стало-быть, и то, что вы съ Авдотьей Марковной близки?

— Знаетъ, все знаетъ,—сказала Аграфена Петровна.

— Такъ видите ли — хоть мы и рады гостямъ во всякое время, а совѣтовалъ бы я вамъ и ради Авдотьи Марковны и ради меня, чтобы вы теперь же ночью выѣхали изъ Луповицъ,—сказалъ отецъ Прохоръ.—Не то увидитъ васъ Марья Ивановна, да узнаетъ, что вы у меня остановились, тогда чтобы бѣды какой не случилось, особливо для меня. А я человѣкъ зависимый, и хоть увѣренъ, что Авдотьей Марковной оставленъ не буду, однакожъ надо мной есть начальство. Вздумаютъ здѣшніе господа пожаловаться—рука у нихъ сильная, а я человѣкъ маленькій, безо всякой защиты. Такъ вы ужъ, пожалуйста, не посѣтуйте, хоть мнѣ и очень совѣстно, да что-жъ тутъ дѣлать?

— Вы хорошо придумали, отецъ Прохоръ, — сказала Аграфена Петровна.—Лошадей я наняла въ губернскомъ городѣ, сюда и обратно. Вотъ немножко покормятъ ихъ, я тотчасъ и въ путь. Но гдѣ-жъ найду я тамъ Дунюшку?

— Въ губернскомъ городѣ, недалеко возлѣ базарной площади, большой каменный домъ купца Сивкова стоитъ, всякій его укажетъ вамъ, — отвѣчалъ отецъ Прохоръ.—Поклонитесь и Авдотьѣ Марковнѣ и Сивкову Поликарпу Андреичу со всѣмъ его благословеннымъ семействомъ. Люди сии хорошіе, сердечные—завтра сами увидите.

За полночь ужъ было, когда на покормленныхъ немножко лошадяхъ поѣхала изъ Луповицъ Аграфена Петровна. Съ любовью и радушіемъ проводили ее и отецъ Прохоръ, и матушка-попадья, и обѣ поповны, говоря, что очень соболѣзнуютъ, не угостивши какъ бы слѣдовало пріѣхавшую изъ такой дали гостью. А когда, проводя ее, воротились въ домъ, и отецъ Прохоръ вздумалъ поправить лампадку, что̀ теплилась передъ образами, на полочкѣ кіотки увидалъ сторублевую бумажку. Ясно, что ее оставила Аграфена Петровна. Не ворочать же ее съ дороги. Отецъ Прохоръ съ матушкой рѣшили написать промелькнувшей въ домѣ ихъ гостьѣ благодарное письмо — благо знали, какъ надписывать письма къ Смолокурову. Въ два дня двѣ сотни прибыли отцу Прохору, не счи-

тая десятирублевой, данной Андреемъ Александрычемъ. А луповицкій попъ въ цѣлый годъ за требы съ прихожанъ не получалъ такихъ денегъ. Да кромѣ того и впереди надежда — Авдотья Марковна со своими милліонами не забудетъ его, поможетъ при нужномъ случаѣ.

Хоть вѣтеръ стихъ немного, но непогодь не переставала. Какъ изъ сита сыпалъ мелкій осенній дождикъ и громко шумѣлъ о кожаную крышку дорожной кибитки, гдѣ сидѣла Аграфена Петровна съ глухой Степановной, взятой въ попутчицы изъ смолокуровскаго дома. Наскоро накормленная тройка чуть тащила по глубокой, по самую ступицу, грязи, больше тащилась шагомъ, а кругомъ не видно зги. Выѣхавши изъ Луповицъ и добравшись до сосѣдней деревни, Аграфена Петровна успокоилась, а до того все погони изъ барскаго дома боялась. Она думала теперь, что Луповицы—мѣсто недоброе, а барскій домъ—вертепъ самыхъ злыхъ людей. Отецъ Прохоръ не сказалъ ей, какая опасность угрожала Дунѣ и отъ какой бѣды спасена она, потому Аграфена Петровна и не могла понять, отчего это ея подруга убѣжала изъ того дома въ одномъ платьѣ, бросивши пожитки. Чего только ни приходило ей въ голову, но, не зная тайнъ фармазонской вѣры, не могла она представить себѣ о бѣдѣ, грозившей Дунѣ.

Поздно вечеромъ Аграфена Петровна добралась до «губерніи». Сыскать домъ Сивкова было нетрудно, каждый его зналъ. Супротивъ того дома былъ широкій одноэтажный деревянный постоялый дворъ; въ немъ на пути въ Луповицы останавливалась на нѣсколько часовъ вихоревская тысячница, не подозрѣвая, что напротивъ постоялаго двора была тогда Дуня.

Былъ уже часъ одиннадцатый,—огней у Сивкова не видно,—должно-быть, всѣ спать полегли. Аграфена Петровна рѣшилась переночевать въ той же гостиницѣ, гдѣ останавливалась наканунѣ. Однакожъ ей не терпѣлось. Поглядывая изъ-за своихъ запотѣлыхъ и дождемъ закрапленныхъ оконъ, она то и дѣло посматривала на домъ Сивкова. Ни единаго огонька, но вотъ растворилась вдѣланная въ широкія ворота узенькая калитка, и лѣниво вышелъ изъ нея дворникъ, закутанный въ дубленый полушубокъ, съ лицомъ наглухо обвязаннымъ платкомъ. Вышелъ онъ на улицу, снялъ шапку, трижды перекрестился на церковь, что̀ стояла середь базарной площади, и широко, во весь ротъ зѣвнувши, усѣлся на приворотной скамейкѣ. Видитъ это Аграфена Петровна, и вдругъ захотѣлось ей узнать, тутъ ли Дуня, или ужъ уѣхала. Не надѣясь на глухую и разсказавшуюся Степановну, быстро накинула

она на себя шубейку и, выйдя съ постоялаго двора торопливымъ шагомъ, перебѣжала улицу по булыжной мостовой, покрытой сплошь черной, какъ смоль, липкой, невылазной грязью.

— Послушай, голубчикъ, — сказала она, подойдя къ дворнику.—Это домъ Сивкова?

— Поликарпа Андреича Сивкова, такъ точно,—хриплымъ голосомъ, сквозь зубы промычалъ дворникъ, не вставая со скамьи и поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда рвался студеный порывистый вѣтеръ.

— Послушай, голубчикъ, я проѣзжая, часу нѣтъ, какъ пристала на этомъ постояломъ дворѣ, — начала Аграфена Петровна.

— Понимаемъ. Это намъ можно понимать, — недовольнымъ голосомъ промолвилъ дворникъ.

— Мнѣ бы надо было знать о дѣвушкѣ, третьяго-дня никакъ пріѣхавшей со священникомъ, отцомъ Прохоромъ, — проговорила Аграфена Петровна.

— Не наше дѣло, — сказалъ дворникъ и махнулъ рукой: убирайся, молъ, по-добру по-здорову.

— Въ окошкахъ не видно свѣту; надо думать, что спать полегли, а то бы я прямо къ Поликарпу Андреичу пошла,— сказала Аграфена Петровна.

Дворникъ не далъ отвѣта.

— Послушай, голубчикъ, — сказала Аграфена Петровна, вынимая зелененькую. — Праздники подходятъ, скоро будетъ Мала Пречиста *). Возьми на этотъ праздникъ.

Дворникъ взялъ бумажку и, несмотря на дождь и на крѣпкій вѣтеръ, подошелъ къ уличному фонарю, разглядѣлъ подаренье и, спрятавъ его, подошелъ къ Аграфенѣ Петровнѣ.

— Много вамъ благодарны остаемся, — сказалъ онъ ей. — Дай вамъ Господи всякаго благополучія и во всемъ добраго успѣха. Въ чемъ же вамъ до меня надобность? Съ готовностью могу все для вашей чести. Конечно, люди мы, какъ изволите знать, маленькіе, подчиненные, многаго сдѣлать не можемъ; а о чемъ спросите, отвѣтъ дадимъ съ удовольствіемъ.

— Скажи, пожалуйста, пріѣзжая дѣвица у васъ еще, иль уѣхала?—спросила Аграфена Петровна.

— Покамѣстъ у насъ, — отвѣчалъ дворникъ. — А завтра подъ вечеръ, либо послѣзавтра утромъ, поѣдетъ она, куда ей надобно, съ нашей Акулиной Егоровной, сродница хозяину-то будетъ. Погорѣла, слышь, ваша-то знакомая въ деревнѣ Пере-

*) Рождество Богородицы, 8 сентября.

горовѣ на постояломъ дворѣ. Много, сказываютъ, людей живьемъ тамъ погорѣло, и пожитковъ, и лошадей, и всякаго другого добра. Эти дни пріѣзжая-то все искупала себѣ на дорогу. По всему видится, что она при большихъ достаткахъ. А впрочемъ, дѣло не наше — вѣрно сказать не могу. А говорятъ по дому, въ застольныхъ, значитъ, и у насъ на конюшняхъ. Я вѣдь, сударыня, у хозяина-то днемъ конюхомъ, а ночью на караулѣ стой. Таковъ ужъ распорядокъ. Хуже крѣпостныхъ аль дворовыхъ живемъ, даромъ, что государевыми пишемся. Крѣпостные да дворовые излѣнились и стали въ тягость барамъ, а все-таки ихняя жизнь невпримѣръ нашей краснѣе. Купецъ вѣдь совсѣмъ тебя вымозжитъ.

— Скажи, любезный,—перерывая дворника, спросила Аграфена Петровна.—Не въ заднихъ ли комнатахъ пріѣзжая дѣвица? Можетъ, она еще не спитъ, я бы прошла къ ней. коли бы ты провелъ меня. Я бы зато тебя хорошо поблагодарила. Хочешь пятирублевую?

Жалобно дворникъ вздохнулъ. Очень хотѣлось ему получить благостыню, но сдѣлать не могъ ничего. Постоялъ молча, минуты съ двѣ раздумывая, нельзя ли какъ пробраться къ пріѣзжей, но ничего не придумалъ. Сказалъ онъ Аграфенѣ Петровнѣ:

— Теперь никакъ нельзя. Весь домъ, пожалуй, перебулгачишь. Нѣтъ, ужъ вы лучше завтра утромъ пораньше приходите. Хозяева примутъ васъ со всякимъ удовольствіемъ — будьте въ томъ несомнѣнны. А поутру, какъ только проснется пріѣзжая, я ей черезъ комнатныхъ дѣвушекъ доведу, что вы ночью ее спрашивали, а сами пристали на постояломъ дворѣ супротивъ насъ. Можетъ, и сама къ вамъ прибѣжитъ. Какъ только сказать-то ей про васъ?

Аграфена Петровна сказала свое имя, и дворникъ, удовлетворенный трехрублевою благостыней, на своихъ рукахъ перенесъ вихоревскую тысячницу черезъ заплывшую грязью улицу.

На другой день, только-что проснулась Аграфена Петровна и стала-было одѣваться. чтобъ идти къ Сивковымъ,—распахнулись двери и вбѣжала Дуня. Съ плачемъ и рыданьями бросилась она въ объятія давней любимой подруги, сердечнаго друга своего Груни. Нѣсколько минутъ прошло, ни та ни другая слова не могли промолвить. Только радостный плачъ раздавался по горенкѣ.

Изумилась Дуня, увидѣвши, что такая домосѣдка, какъ Аграфена Петровна, покинувъ мужа, дѣтей и хозяйство, пріѣхала къ ней въ такія дальнія, незнакомыя мѣста. Ея сердце

почуяло что-то недоброе—она еще ничего не знала о смертной болѣзни Марка Данилыча и засыпала Груню разспросами.

Только-что услыхала Дуня о болѣзни отца, минуты двѣ или три не могла слова сказать. Потомъ, закрывши лицо руками и громко зарыдавъ, безъ чувствъ упала на неприбранную еще постель Аграфены Петровны. Нескоро пришла въ себя, нескоро собралась съ силами.

— Тятенька, тятенька!—восклицала она.—Милый ты мой, дорогой, безцѣнный! И все это безъ меня, безъ меня!.. Куда теперь дѣнусь, куда приклоню свою побѣдную голову?

Сколько можетъ, утѣшаетъ ее Аграфена Петровна, но долго еще лились потоками горячія слезы изъ глазъ безотрадной Дуни. Утишился наконецъ первый приступъ страшнаго горя, перемогла себя Дуня и разсказала обо всемъ, что̀ случилось съ ней въ Луповицахъ. Съ ужасомъ выслушала Аграфена Петровна разсказъ ея.

— При чемъ же тутъ Марья Ивановна?—спросила наконецъ она, все еще сохраняя благодарную память о спасительницѣ своего ребенка:—неужели и она такая?

— Ахъ, ничего ты не знаешь, моя сердечная... И того не знаешь, что̀ за звѣрь такой эта Марья Ивановна. Все отъ нея сталось. Она и въ ихнюю вѣру меня заманила!.. Она и къ Денисову заманила!..—вскликнула Дуня, стыдливо закрывъ руками разгорѣвшееся лицо.—Все она, все она... На всю жизнь нанесла мнѣ горя и печали! Охъ, если-бъ ты знала, Груня, что̀ за богопротивная вѣра у этихъ Божьихъ людей, какъ они себя называютъ. Какіе они Божьи люди?.. Сатаны порожденья.

И, отвыкшая въ продолженіе долгаго времени произносить имя злого духа, Дуня невольно содрогнулась, когда съ чистыхъ дѣвственныхъ устъ ея слетѣло имя отца нечестія и вѣчной злобы.

— Да что-жъ это за вѣра?—спросила Аграфена Петровна.

— Самая богомерзкая,—быстро отвѣтила Дуня.—Это лжеучители, лжепророки и лжехристы, про которыхъ истинный Христосъ сказалъ, что явятся они въ послѣднія времена міра.

— Фармазонами, слышь, зовутъ ихъ,—молвила Аграфена Петровна.—По нашимъ мѣстамъ за Волгой такихъ нѣтъ, что-то не слышно, и ничего про нихъ я не знаю, а, слушая тебя, все-таки не возьму въ толкъ, что̀ это за вѣра. Знаю одно, что на-дняхъ въ Фатьянкѣ всѣхъ переселенныхъ туда Марьей Ивановной изъ Симбирской губерніи людей забрали и куда-то отвезли. Поэтому больше за тобой я сама и поѣхала. А то было и къ Марьѣ Ивановнѣ и къ тебѣ батюшка Патапъ

Максимычъ письма съ эстафетой послалъ, прося, чтобы везли тебя скорѣе, успѣть бы тебѣ увидать родителя въ живыхъ и послѣднее благословеніе его получить. А только-что пали слухи про фатьянковскихъ, батюшка Патапъ Максимычъ въ какіе-нибудь полчаса меня въ дорогу снарядилъ. Въ чемъ же ихъ вѣра? Нехорошая, должно-быть, ежели за нее людей цѣлыми деревнями забираютъ.

Дуня разсказала про хлыстовскую вѣру, не упоминая, конечно, ни про Сенъ-Мартена, ни про Гіонъ, ни про другихъ мистическихъ писателей. Она знала, что все это для Аграфены Петровны будетъ темна вода во облацѣхъ небесныхъ. Сказала однако Дуня, что Марья Ивановна сблизила ее со своей вѣрой сперва книгами, потомъ разговорами.

Въ ужасъ пришла Аграфена Петровна, услыхавши про радѣнія и прореченія, и больше слушать не захотѣла дальше, когда Дуня стала-было разсказывать ей о схожденіяхъ самого Господа Саваоѳа на гору Городину, а потомъ на гору Араратскую.

— Мерзость предъ Господомъ! — громко вскликнула она, перервавши Дуню.—И слушать не хочу, и не говори ты объ этомъ ни мнѣ и никому другому. Подумать страшно, даже въ помышленіи держать. Великій грѣхъ и слушать это безумное вранье!

Облилась Дуня слезами при этихъ словахъ давняго, вѣрнаго друга. Сознавала она правду въ рѣчахъ Груни и не могла ничего возразить. Въ глубокую думу погрузилась она и черезъ нѣсколько минутъ, надрываясь отъ горя, кинулась на постель Аграфены Петровны и, спрятавъ лицо въ подушки, не своимъ какъ будто голосомъ стала отрывисто вскрикивать. Если-бъ эти рыданья, эти сердечные вопли случились въ Сіонской горницѣ, соборъ Божьихъ людей возопилъ бы: «накатилъ! накатилъ!». Хлыстовскія душевныя движенья оставались еще въ Дунѣ.

Причитала она:

— Тятенька, тятенька! Золотой мой тятенька! До чего дошла твоя любимая дочка!.. Лежишь ты при смерти, а дочка твоя балованная всего натерпѣлась отъ злыхъ людей въ дальней сторонушкѣ... Зачѣмъ ты послушалъ Марью Ивановну, зачѣмъ отпустилъ меня съ ней? Весело было мнѣ и радостно, какъ поѣхала съ ней, и вотъ радость и веселье до какой бѣды довели. Охъ, ты, тятенька, тятенька! Чуетъ ли твое сердечушко, что случилось съ любимою дочкой твоей? Живучи при тебѣ, золотой мой тятенька, никѣмъ не была я обижена, никѣмъ-то не была я огрублена, жила за тобой, какъ за стѣ-

ной каменной, не посмѣлъ вѣтерокъ дохнуть на лицо мое бѣлое, ниоткуда не чаяла я невзгодушки, а теперь вотъ до чего дошла!.. Хоть бы разъ еще на тебя хоть глазкомъ посмотрѣть!.. Принять бы у твоего смертнаго одра послѣднее родительское благословеніе!.. Знаю я, знаю, красно мое солнышко, въ какой путь ты сбираешься, куда идти снаряжаешься!.. Сама знаю, сама вѣдаю, по какой дорожкѣ идти ты отправляешься — на завѣтное наше кладбище, ко своимъ милымъ родителямъ! Отставляешь меня сироту бѣдную, покидаешь безсчастную... На кого покидаешь ты побѣдную мою головушку? Оставляешь свою доченьку горькой сиротой, безутѣшною... Подломились мои ноженьки, опустились руки бѣлыя, нерадостенъ сталъ Божій свѣтъ!

Больше и больше приходя въ восторженность, Дуня приподнялась съ подушки, сѣла на постель и стала топать ногами... Опустила руки на колѣни, глаза разгорѣлись у ней, лицо побагровѣло, и вся затряслась она; мелкія судороги забѣгали по лицу. Внѣ себя стала.

— Накатилъ, накатилъ!—начала она вскрикивать, еще не вполнѣ очистивши себя отъ хлыстовскаго нечестія.—Слушайте волю, слушайте волю!.. Близится фіалъ ярости, близится міру конецъ... Конецъ, конецъ!.. Разрушенье!..

Хлебнула Аграфена Петровна холодной воды и нежданно спрыснула Дуню. Восторженность прекратилась, но корчи тѣла и судороги на лицѣ усилились еще больше. Аграфена Петровна, придерживаясь старорусскаго врачеванія, покрыла лицо Дуни большимъ платкомъ. Не прошло и четверти часа, какъ она очнулась и, слабая, изнеможенная, приподнявшись съ постели, спросила Аграфену Петровну:

— Что̀ со мной, Груня?

— Сама не знаю, — отвѣчала Аграфена Петровна. — По Маркѣ Данилычѣ причитала, а потомъ, ровно не въ своемъ умѣ, Богъ знаетъ что̀ говорила, какое-то несообразное—я понять не могла. На̀-ка, выкушай, это облегчитъ.

И подала Дунѣ стаканъ холодной воды. Та съ жадностью выпила и пришла въ себя.

Когда Дуня успокоилась, она пошла съ Аграфеной Петровной къ Сивковымъ. Тамъ съ сердечнымъ радушіемъ приняли вихоревскую тысячницу.

Покупки были сдѣланы, и пріятельницы на другой же день поѣхали домой. Узнавъ о тяжкой болѣзни Марка Данилыча, Сивковы не настаивали, чтобы Дуня, какъ слѣдуетъ по старымъ обычаямъ, осталась на сколько-нибудь погостить у нихъ.

Патапъ Максимычъ держалъ домъ умиравшаго пріятеля въ крѣпкихъ рукахъ, но незнаніе дѣлъ по прядильнымъ и лѣсной пристани затрудняло его при распорядкахъ. Повѣривъ счеты пріѣхавшаго съ Унжи Корнея Евстигнеева, онъ открылъ воровство на большую руку и, несмотря на ругательства и даже угрозы Прожженаго, при помощи городничаго отобралъ отъ него довѣренность и прогналъ со двора долой. То же постигло и Василья Ѳаддеева. Тогда въ домѣ водворился порядокъ—работные люди и годовые и временные были чрезвычайно довольны распорядками Патапа Максимыча, избавившаго ихъ отъ ненавистныхъ приказчиковъ. Они стали усердны къ работамъ и въ скоромъ времени должны были покончить ихъ. Но вотъ бѣда—въ октябрѣ Патапу Максимычу надо непремѣнно заняться своей горянщиной, а потому долго оставаться у Смолокурова было ему нельзя. Хоть бы приказчиковъ до того времени пріискать почестнѣе да подѣльнѣе и сдать бы все дѣло имъ на руки. Марку Данилычу долго не прожить, это замѣчалъ Чапуринъ, а лѣкарь говорилъ, что въ такомъ жалкомъ состояніи хоть и долго продышитъ, но до смерти останется нѣмымъ, безчувственнымъ и безо всякаго движенья. Дочь дѣвица молодая, ни къ чему не пріучена, да, кажется, и не таковская, чтобы къ дѣламъ привыкать, разсуждалъ Патапъ Максимычъ, нужно ей человѣка два «вѣрныхъ людей».

И тутъ пришелъ ему на мысли шуринъ Никифоръ Захарычъ. Послѣ Настиной смерти онъ совсѣмъ остепенился и сталъ другимъ человѣкомъ, добрымъ, хорошимъ, смѣтливымъ и добросовѣстнымъ, капли вина въ ротъ не бралъ, и Патапъ Максимычъ не разъ убѣдился, что, какое дѣло Никифору ни поручи, исполнитъ его какъ можно лучше. Вотъ ужъ больше года, какъ сталъ онъ нравомъ тихъ и спокоенъ—не то, чтобъ буянить да драться, какъ прежде бывало, теперь онъ удалялся отъ всякаго шума и, когда живалъ у Патапа Максимыча въ Осиповкѣ, только у него и выхода было со двора, что на могилу Насти. Будь проливной дождь, будь трескучій морозъ, ему все ни почемъ. Нѣсколько разъ посылалъ его Патапъ Максимычъ по своимъ дѣламъ въ дальнія мѣста, и Никифоръ Захарычъ такъ исполнялъ ихъ, какъ не всякому удается. Парень-отъ былъ онъ смышленый и умѣлый, зелено вино только губило его столько времени. Его-то и рѣшилъ Чапуринъ пристроить на время къ смолокуровскимъ дѣламъ. Но другого приказчика гдѣ сыскать?

Уныло глядѣлъ домъ Марка Данилыча, когда подъѣзжали къ нему изусталыя въ дорогѣ Дуня и Аграфена Петровна.

Передъ домомъ во всю улицу лежали снопы соломы, дня черезъ три либо черезъ четыре накладываемые по приказанію городничаго, всѣ окна въ домѣ были закрыты наглухо, а вокругъ него и на дворѣ тишина стояла невозмутимая, не то, что̀ прежде, когда день-денской, бывало, стономъ стоятъ голоса, то веселые, то пьяные и разгульные. Ровно вымерло все. На крыльцѣ встрѣтили пріѣхавшихъ Патапъ Максимычъ, возвращавшійся съ прядиленъ, и Дарья Сергѣевна, завидѣвшая кибитку изъ окошка своей горенки.

— Что̀ тятенька?—не выходя еще изъ кибитки, вскрикнула Дуня.

— То же все,—сухо и мрачно отвѣчалъ, глядя въ сторону, Патапъ Максимычъ.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ, Патапъ Максимычъ. До смерти не забуду вашихъ благодѣяній. Богъ воздастъ вамъ за ваше добро,—сказала Дуня, подходя къ Чапурину и ловя его руку, чтобы какъ дочери поцѣловать ее.

— Что̀ это вы, что̀ это, Авдотья Марковна? — не давая руки, всклѝкнулъ Патапъ Максимычъ. — Вѣдь я не попъ, чтобъ вамъ руки у меня цѣловать. Лучше вотъ такъ попросту, по старинѣ. При моихъ годахъ это вамъ не зазорно.

И обнялъ Дуню и трижды поцѣловалъ ее со щеки на щеку. Вся зардѣлась она, хоть и немного еще прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ знакомымъ и незнакомымъ мужчинамъ безъ малѣйшаго зазрѣнія стыда и совѣсти усердно раздавала она серафимскія лобзанія.

— Здравствуйте, моя милая, здравствуйте, моя сердечная,— обратилась Дуня къ Дарьѣ Сергѣевнѣ и въ слезахъ поцѣловалась съ нею. Дарья Сергѣевна зарыдала, склонившись лицомъ на плечо Дуни. Но что-то недовольное таилось въ душѣ ея съ тѣхъ еще поръ, какъ ея воспитанница поддалась вліянію ненавистной Марьи Ивановны.

— Къ тятенькѣ, скорѣй къ тятенькѣ! — надорваннымъ голосомъ всклѝкнула Дуня и, несмотря на усталость, стремглавъ бросилась вверхъ по лѣстницѣ.

Навстрѣчу ей лѣкарь. Какъ давнишній житель городка, онъ зналъ ее.

— Вотъ какая у васъ бѣда стряслась, да еще безъ вашей бытности!—сказалъ онъ.—Батюшка вашъ все въ одномъ положеніи съ того дня, какъ это съ нимъ приключилось. Голова по-моему лучше, началъ понемножку людей узнавать, говоритъ даже изрѣдка, но нетвердо, невнятно, трудно понять. Напередъ скажу — можетъ онъ прожить годъ, пожалуй, и больше, но не поправится никогда и не встанетъ съ постели,

до самой смерти останется безъ языка, безъ движенья и даже почти безъ сознанья. Ужасный ударъ, рѣдко такой бываетъ, мнѣ во всю мою долголѣтнюю практику еще не случалось такого видѣть. Каждый день я бываю у вашего батюшки, но, увѣряю васъ, Авдотья Марковна, созовите вы хоть всѣхъ самыхъ ученыхъ и самыхъ опытныхъ врачей, и тѣ его здоровья не возстановятъ.

— Благодарю васъ за ваши попеченія о бѣдномъ тятенькѣ, очень благодарю, ото всей души благодарю, но, извините, я спѣшу къ нему. Завтра, если будете у насъ, я съ вами побольше поговорю, — сказала Дуня.

— Могу и сегодня пріѣхать, ежель угодно вамъ будетъ,— отвѣтилъ лѣкарь. — А теперь прошу я васъ немножко обождать видѣться съ батюшкой. Съ четверть часа или минутъ съ двадцать подождите. Надо его приготовить къ свиданью, потому что въ этой болѣзни каждый душевный порывъ, отъ радости ли, отъ несчастія ли, сильно можетъ повредить больному, можетъ даже убить его. Я пойду и предупрежу его... А онъ васъ ждетъ, сегодня, хоть и очень невнятно, сказалъ онъ: «Дуня». А когда я сказалъ, что вы еще не пріѣхали, онъ долго металъ въ тоскѣ здоровой рукой, а потомъ и глаза закрылъ. Опасаюсь, чтобъ ваше внезапное появленье не было во вредъ ему. Нѣтъ, ужъ позвольте, я лучше предупрежу его.

Пошелъ лѣкарь къ Марку Данилычу, а Дуня въ безсиліи опустилась на кресло и не внимала словамъ Патапа Максимыча, Дарьи Сергѣвны и Аграфены Петровны.

Прошло съ четверть часа, лѣкарь вышелъ отъ больного и сказалъ Дунѣ:

— Пожалуйте. Нашъ больной пріѣзду вашему обрадовался, ждетъ васъ... Только однѣ ступайте къ нему и пробудьте не больше десяти минутъ; я, впрочемъ, за вами самъ приду... Слезъ вамъ удержать нельзя, но скрѣпите себя сколько возможно. Ни рыданій, ни вскриковъ, ни другихъ порывовъ. Помните слова мои.

Неслышными стопами вошла Дуня въ комнату, гдѣ отецъ лежалъ на страдальческомъ ложѣ. Не слыхалъ онъ, какъ вошла Дуня, и все еще оставался съ закрытыми глазами. Она безмолвно опустилась на колѣни и въ тихихъ слезахъ склонилась головой къ подушкѣ.

Такъ прошло минуты двѣ. Слышно только было тяжелое, порывистое дыханье Марка Данилыча. Наконецъ открылъ онъ глаза и, увидя возлѣ себя дочь, чуть слышно и едва понятно сказалъ:

— Дуня!

И потекли изъ глазъ его обильныя слезы. Застоналъ онъ, но въ стонѣ слышалась радость.

Дуня припала къ здоровой рукѣ отца и цѣловала ее, обливая слезами. Марко Данилычъ хотѣлъ улыбнуться, но на перекошенномъ лицѣ улыбка вышла какою-то странною, даже страшною.

Высвободя здоровую руку и грустнымъ, тоскливымъ взоромъ глядя на дочь, Марко Данилычъ показывалъ ей на искривленное лицо, на языкъ и на отнявшуюся половину тѣла. Съ большимъ трудомъ дикимъ голосомъ сказалъ онъ:

— Н-нѣтъ.

— Успокойся, тятенька, Богъ милостивъ, оправишься, — дрожащимъ отъ сдерживаемыхъ рыданій голосомъ промолвила Дуня.—Я сейчасъ говорила съ лѣкаремъ, онъ надѣется, что тебѣ скоро облегченье будетъ.

— Н-нѣтъ,—съ усиліемъ сказалъ Марко Данилычъ.

И, указывая на стоявшій возлѣ постели желѣзный сундукъ, съ чрезвычайнымъ напряженіемъ остававшихся силъ, глухо промычалъ:

— Ты... т...тебѣ.

Въ это время вошелъ лѣкарь. Обращаясь къ больному, сказалъ онъ:

— Ну, вотъ и съ дочкой увидѣлись. Теперь надо успокоиться, не то, пожалуй, утомитесь, и тогда вамъ хуже будетъ. Заснуть извольте-ка. А вы, Авдотья Марковна, со мной пожалуйте. Сосните хорошенько, Марко Данилычъ, успокойтесь. Дочка пріѣхала въ добромъ здоровьѣ, теперь нѣтъ вамъ ни тревоги ни заботы изъ-за нея. Будьте спокойнѣе духомъ — это вамъ полезно. Прощайте, до свиданья. Завтра навѣщу; смотрите же, будьте у меня молодцомъ.

Лѣкарь съ Дуней вышелъ изъ комнаты больного, и Марко Данилычъ тотчасъ же сомкнулъ глаза и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

По уходѣ лѣкаря всѣ сѣли вокругъ чайнаго стола. Немножко успокоенная, но еще вполнѣ не понимавшая опасности, въ какой былъ отецъ, грустная, печальная Дуня разсказала о своемъ съ нимъ свиданьи. Дошла рѣчь и до сундука.

— Онъ много разъ на него мнѣ указывалъ — возьми, значитъ, да вскрой,—сказалъ Патапъ Максимычъ: — однакожъ я безъ законной наслѣдницы, безъ васъ то-есть, Авдотья Марковна, на это не отважился. Злыхъ людей на свѣтѣ не перечтешь—мало-ль чего наплести могутъ. Пожалуй, скажутъ, что я тутъ попользовался. Полицію да подьячихъ призывать не хотѣлось бы. Поэтому и поджидалъ я васъ, Авдотья Марковна,

чтобы вскрыть сундукъ на вашихъ глазахъ. Тамъ, говорятъ, у вашего батюшки и деньги и векселя положены. Надо все привести въ извѣстность. Завтра, а не то послѣзавтра покончимъ это.

— Что-жъ? Я готова, потому что знаю теперь волю тятенькину, — отвѣтила Дуня.

— И прекрасно, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Такъ мы завтра же вскроемъ.

— Какъ вамъ угодно, а я всегда готова, — отвѣтила Дуня. — Только ужъ сдѣлайте милость, устройте сколько можно наши дѣла. Вѣдь я ничего въ нихъ не понимаю и сдѣлать ничего не умѣю. А кромѣ васъ, у меня нѣтъ никого, кто бы помогъ.

— Будьте спокойны, что̀ могу, то сдѣлаю, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А теперь вотъ о чемъ хочу спросить я васъ; отъ слова не сдѣлается, а все-таки... сами вы видѣли Марка Данилыча... Вонъ и лѣкарь говоритъ и по всѣмъ замѣчаніямъ выходитъ, что не жилецъ онъ на свѣтѣ. Надо бы вамъ хорошенько подумать, какъ дѣлами распорядиться.

— Ахъ, что̀ вы говорите, Патапъ Максимычъ! — вскликнула Дуня. — Богъ милостивъ, тятенька встанетъ, будетъ совсѣмъ здоровъ. Зачѣмъ же прежде времени объ этомъ говорить?

И горько заплакала.

— Конечно, у Бога милостей много, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — и во власти Его чудеса творить. Но мы по-человѣчески разсуждаемъ. Напередъ надо все обдумать и къ новой жизни приготовиться.

Дуня молчала. Аграфена Петровна сказала Патапу Максимычу:

— Не видишь развѣ, тятенька, что Дуня ничего не можетъ теперь придумать... Лучше эти разговоры отложить до другого времени.

— Откладывать нельзя, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Долго мнѣ здѣсь гостить невозможно — свои дѣла есть. Наѣзжать когда дня на два, когда на три—могу, но подолгу проживать мнѣ нельзя. Поэтому надо теперь же рѣшить, какъ вести дѣла Авдотьѣ Марковнѣ. Продолжать ихъ, какъ при Маркѣ Данилычѣ, нельзя — нужны люди, а гдѣ ихъ возьмешь? На улицѣ не сыщешь, на базарѣ не купишь. Надо людей вѣрныхъ и знающихъ, какъ дѣло вести. Ежели и при Маркѣ Данилычѣ Корней съ Ѳаддеевымъ все по сторонамъ тащили да рабочихъ обирали, что̀ же будетъ, какъ Авдотья Марковна сама въ дѣла вступитъ — облупятъ ее ровно липочку. Поэтому

и думалъ бы я такъ распорядиться — къ Покрову, а можетъ, и раньше, всѣ работы будутъ окончены; отпустивши работныхъ людей, надо будетъ счета очистить. Долги окажутся — расплатиться, съ должниковъ деньги получить, рыбные промыслы на Низу и лѣсныя дачи на Унжѣ продать, а не то отдать въ кортому — охотники найдутся. А сдѣлавши все это, жить на капиталъ, положивши его въ ломбардъ, не то держать въ серіяхъ. Чтобы устроить все это, я бы пожилъ здѣсь до Покрова, а пожалуй, немножко и подольше. Что̀ вы на это скажете, Авдотья Марковна?

— Не знаю, что̀ и сказать вамъ, Патапъ Максимычъ, — утопая въ слезахъ, отвѣтила Дуня. — Ничего я не знаю, ничего не понимаю. Дѣлайте какъ угодно, какъ вамъ Господь Богъ на мысли положитъ.

— Хорошо-съ. Постараемся услужить, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Теперь люди нужнѣе всего: Корнея да Василья Ѳаддеева я разсчиталъ — минуты невозможно было терпѣть — отъявленные мошенники! Понять не могу, какъ столько времени терпѣлъ ихъ Марко Данилычъ! Одного человѣка я нашелъ, сегодня-жъ къ нему напишу, и денъ этакъ черезъ пятокъ либо черезъ недѣлю онъ будетъ здѣсь. А другого надо пріискать, а этого скоро не сдѣлаешь. Я, Груня, полагаю Никифора сюда прислать.

Аграфена Петровна въ недоумѣньи покачала головой.

— Что̀ головой-то мотаешь? — досадливо сказалъ Патапъ Максимычъ. — Развѣ не знаешь, что теперь онъ совсѣмъ не тотъ, какимъ прежде былъ?.. Отвѣчаю за него, какъ за самого себя — вотъ тебѣ и весь мой сказъ: не безпокойтесь, Авдотья Марковна, останетесь довольны. Онъ у васъ былъ бы при домѣ, и на Унжу его можно бы было послать пріискивать лѣсныхъ покупателей.

Вечеромъ Дуня легла въ своей комнатѣ, тамъ же приготовили постель и Аграфенѣ Петровнѣ. Хоть обѣ были утомлены отъ дороги, но сонъ ни къ той ни къ другой что-то не приходилъ.

— Что̀ лѣкарь-отъ вечеромъ сказалъ тебѣ? — спросила Аграфена Петровна у Дуни.

— Что̀ сказалъ? Нехорошо онъ сказалъ, — отвѣчала Дуня.—Сначала, какъ и Патапъ же Максимычъ, совѣтовалъ дѣла устроить, а потомъ сказалъ, что надо мнѣ быть на все готовой, что тятенькѣ недолго жить.

И зарыдала.

— А что̀ еще говорилъ? — спросила Аграфена Петровна, когда Дуня успокоилась.

— Что̀ еще говорилъ?.. Не въ свое дѣло мѣшаться вздумалъ... Глупости! — всклпкнула съ досадой Дуня.

— Да что̀ такое? Что̀ онъ сказалъ? — настоятельно спрашивала Аграфена Петровна.

— Говорилъ, что ежели не станетъ тятеньки — трудное для меня будетъ время. Замужъ выходить скорѣй совѣтовалъ,—немного смущаясь, отвѣтила Дуня.

— А что-жъ? Вѣдь онъ правду сказалъ, — молвила Аграфена Петровна. — Въ самомъ дѣлѣ надо объ этомъ подумать. Аль луповицкія бредни у тебя все еще въ головѣ?

— И думать о нихъ забыла, — сказала Дуня.—Но зря за перваго встрѣчнаго замужъ не пойдешь.

— Конечно, — согласилась Аграфена Петровна. — Не на улицѣ искать суженаго. А все-таки ищи да не будь черезчуръ спесива да разборчива. Въ самомъ дѣлѣ надо тебѣ объ этомъ хорошенько подумать... Есть ли кто на примѣтѣ?

— Нѣтъ, — робко и чуть слышно промолвила Дуня, и румянецъ вдругъ покрылъ лицо ея.

— А что̀ было да прошло, про то совсѣмъ, видно, позабыла? — съ хитрой улыбкой спросила Аграфена Петровна.

— Къ чему вспоминать?.. — со вздохомъ промолвила Дуня.— Про меня вѣдь и думать забыли.

— А если нѣтъ? — возразила Аграфена Петровна.

— Груня, Богомъ тебя прошу, не поминай! — вскрикнула Дуня. — Что̀ тебѣ за охота?

— Выслушай меня, — перервала ее Аграфена Петровна.— Точно въ прошломъ году съ ярманки уѣхалъ онъ за Волгу, и то правда, что поѣхалъ онъ въ Комаровскій скитъ къ Фленушкѣ. Дошли до него тогда слухи, что она закурила, къ водочкѣ пристрастилась, такъ хотѣлъ ее уговорить, перестала бы пить, если не хочетъ въ конецъ погубить себя. Прожилъ онъ въ Комаровѣ меньше недѣли. Ни у матери Манеѳы ни у матери Таисеи не останавливался, а съ Фленушкой видѣлся всего только разъ. И на другой день послѣ ихняго свиданья она приняла постригъ. Матушка Манеѳа при всей обители благословила ее быть на игуменствѣ, и теперь все у нея въ рукахъ, а матушка на покоѣ живетъ и рѣдко входитъ въ обительскія дѣла... Только-что постриглась Фленушка, Петръ Степанычъ уѣхалъ въ Казань — дѣло тамъ у него съ дядей было насчетъ капитала, и онъ въ Казани что-то очень долго прожилъ. Получилъ, что̀ ему слѣдовало, а получивши, за Волгу къ намъ пріѣзжалъ, до тятеньки Патапа Максимыча втѣпоры у него было какое-то дѣло. Жилъ у него въ Осиповкѣ, оттуда и къ намъ въ Вихорево пріѣзжалъ,

съ недѣлю, коли не больше, прогостилъ у насъ. По старой памяти заѣзжалъ и въ Комаровъ и опять-таки ни въ коей обители не присталъ, а гдѣ-то у сиротъ. Приходилъ и въ обитель, однако Фленушка съ нимъ и въ разговоръ не вступила, сказала, слышь, слова два да тѣмъ и кончила.

— Да къ чему это ты, Груня, мнѣ все разсказываешь? — сказала Дуня. — Ѣздилъ онъ въ Комаровъ, не ѣздилъ — мнѣ-то какое дѣло? И какое еще время нашла говорить объ этомъ!

— Какое время? — спросила Аграфена Петровна.

— Какъ какое? — возразила Дуня. — Тятенька при смерти, а она со своими разсказами про Самоквасова. И на память-то ему, думаю, никогда я не приходила.

— То-то и есть, что съ ума никогда не сходишь... Боится только онъ тебя. Страшно ему на глаза къ тебѣ показаться, совѣстно, значить, — сказала Аграфена Петровна. — Ты-то вспоминала-ль о немъ хоть изрѣдка? Водилась съ этой Марьей Ивановной, наслушалась фармазонскихъ бредней и несбыточныхъ затѣй, убѣдили тебя, что законные браки Богу неугодны, а угодны только духовные, на какіе покушался пріѣзжій съ Арарата — какъ бишь его, Денисовъ, что ли... Отъ ихъ внушеній противнымъ казался тебѣ человѣкъ, что̀ готовъ за тебя хоть сейчасъ и въ огонь и въ воду идти... Такъ, что ли?.. А онъ-то, сердечный, гостивши въ Вихоревѣ, такъ тосковалъ и убивался, вспоминая тебя... Скажи по душѣ, сущую правду скажи, хоть разокъ приходилъ ли онъ тебѣ на разумъ?

— Да... приходилъ... въ послѣднее время... — чуть слышно промолвила Дуня.

— Скажи, не утай, что̀ было тогда у тебя на душѣ? — спросила Аграфена Петровна, вставши съ постели и подсѣвъ къ лежавшей Дунѣ.

— Вспоминала я про него, — почти вовсе неслышнымъ голосомъ отвѣтила Дуня крѣпко обнимавшей ее Аграфенѣ Петровнѣ. — Въ прошломъ году во все время, что̀, помнишь, съ нами въ одной гостиницѣ жилъ, онъ ни слова не вымолвилъ, и я тоже... Ты знаешь... И вдругъ уѣхалъ къ Фленушкѣ. Чего ни вытерпѣла, чего ни перенесла я въ ту пору... Но и тебѣ даже ни слова о томъ не промолвила, а съ кѣмъ же съ другимъ было мнѣ говорить... Растерзалась тогда вся душа моя.

И, рыдая, опустилась въ объятья подруги.

Утишились рыданья, и Дуня продолжала исповѣдь.

— Хотѣла его совсѣмъ позабыть, какъ будто никогда его и не видывала. Противенъ онъ сталъ мнѣ, возненавидѣла я его всей душой... Злоба во мнѣ разгоралась... Безъ содроганья,

кажется, я убила бы его... Начались со мной припадки, особливо по ночамъ. Никто не замѣчалъ ихъ, никто не зналъ про нихъ, никому я не говорила, даже тебѣ ни слова не сказала... А сердце кипѣло огнемъ... Въ Оку думала броситься, зарѣзать себя думала... Тутъ появилась Марья Ивановна. Доброй такой она мнѣ показалась, задушевной, участливой... Не уѣзжай онъ передъ тѣмъ, не наругайся надо мной, не бывать бы мнѣ близкой съ Марьей Ивановной!.. А можетъ-быть, онъ и не виноватъ, можетъ, не замѣтилъ моей склонности, думалъ о другой — не знаю, ничего не знаю... Такова ужъ судьба моя!.. Ну, указала мнѣ Марья Ивановна на книги, и стала я за ними проводить и дни и ночи... Подготовляла она меня, а весной совсѣмъ съ пути сбила... Ввела меня въ корабль, и я не только его, — тятеньку даже забыла, Дарью Сергѣвну, всѣхъ, всѣхъ... А какъ теперь, со словъ отца Прохора, поняла: не я была нужна имъ, а тятенькинъ капиталъ... Мы, дескать, ее опозоримъ, ей не за кого будетъ замужъ идти, поневолѣ у насъ останется, и рано ли поздно ли достатки ея будутъ у насъ въ рукахъ.

Дуня замолчала.

— Ты, Дунюшка, обо всемъ объ этомъ еще дорогой мнѣ разсказывала. Объ немъ-то почему ты не скажешь ничего? — сказала Аграфена Петровна. — Думала-ль хоть когда-нибудь о немъ? Вспоминала ли?

— Да, съ той поры, какъ стала сомнѣваться въ правотѣ той вѣры, — тихо промолвила Дуня. — И тутъ сталъ чудиться мнѣ его голосъ, нѣжный такой и жалобный, а послѣ и самъ всѣмъ обличьемъ началъ мерещиться мнѣ. Стоитъ, бывало, ровно живой...

— Что-жъ, пугалась ты? — спросила Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, каждый разъ, бывало, какъ увижу его, радостно и весело станетъ на душѣ, — отвѣчала Дуня. — А потомъ вдругъ нахлынетъ тоска со всего свѣта вольнаго, и заноетъ сердце, кровью обливаючись. И каждый разъ послѣ того долго бывала я какъ сама не въ себѣ. На умѣ мутится, мысли путаются.

— А теперь что? — спросила Аграфена Петровна.

— Какъ убѣжала, больше онъ не казался, и голоса не стало слышно, — отвѣчала Дуня. — Зато тоски вдвое прибыло. Какъ вспомню про него да подумаю, такъ и захочется хоть минутку посмотрѣть на него.

— Можетъ, и увидишь, — улыбаясь, сказала Аграфена Петровна. — Теперь онъ вѣдь въ здѣшнихъ мѣстахъ, былъ на ярманкѣ, и мы съ нимъ видались чуть не каждый день. Только

у него и разговоровъ, что про тебя. и въ Вихоревѣ тоже. Просто сказать, сохнетъ по тебѣ, ни на мигъ не выходишь ты изъ его думъ. Страшными клятвами теперь клянетъ онъ себя, что уѣхалъ за Волгу, не простившись съ тобой. «Этимъ, говоритъ, я всю жизнь свою загубилъ, самъ себя счастья лишилъ». Плачетъ даже, сердечный.

— Ну, ужъ и плачетъ? — съ недовѣрьемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ съ довольной улыбкой промолвила Дуня.

— Сколько разъ у меня въ каморкѣ на ярманкѣ плакивалъ, — сказала Аграфена Петровна. — А, бывало, молвишь ему, что онъ тебѣ по мыслямъ пришелся, вздохнетъ, бывало, таково глубоко да и скажетъ тоскливо: — «Какъ посмѣю я къ ней на глаза показаться? Моя доля, говоритъ, помереть съ тоски. Порѣшу, руки наложу на себя — ужъ лучше одинъ конецъ, чѣмъ всю жизнь въ тоскѣ да печаляхъ изжить». Вотъ его рѣчи... Однако заговорились мы съ тобой, скоро ужъ полночь. Давай-ка спать, — прибавила Аграфена Петровна, уходя на свою постель. — Покойной ночи, пріятнаго сна! Желаю во снѣ его увидать.

Легли и замолчали. Но не успѣли заснуть, какъ въ домѣ послышались бѣготня и громкіе клики.

Кто-то изъ женщинъ тихонько отворилъ дверь въ Дунину спальню.

— Авдотья Марковна и вы, матушка Аграфена Петровна, — осторожнымъ шопотомъ сказала вошедшая женщина. — Пожалуйте! Марку Данилычу что-то неладно.

Мигомъ и Дуня и Груня набросили на себя попавшіяся подъ руку платья и побѣжали къ больному. Онѣ услыхали въ прихожей необычайный шумъ: кто-то хриплымъ голосомъ бранился, а Патапъ Максимычъ громко приказывалъ:

— Сейчасъ въ полицію его разбойника, да руки-то хорошенько скрутите. А ты бѣги скорѣй за лѣкаремъ, спитъ, такъ разбудили бы.

Когда Дуня вбѣжала къ отцу, онъ лежалъ недвижимъ. Помутившіеся глаза тоже были недвижны, здоровая до тѣхъ поръ рука омертвѣла. Съ громкимъ воплемъ ринулась къ нему растерявшаяся Дуня и обхватила его обѣими руками. Марко Данилычъ ужъ холодѣлъ, и только легкій хрипъ въ горлѣ еще показывалъ, что послѣдній остатокъ жизни сохранялся еще въ немъ. Мало-по-малу и хрипъ затихъ.

Пришелъ лѣкарь, пощупалъ пульсъ, пощупалъ сердце — и, отойдя отъ постели, сказалъ:

— Кончено!

Дуню безъ чувствъ вынесли изъ комнаты.

Патапъ Максимычъ вынулъ изъ-подъ подушки ключи отъ денежнаго сундука, отнесъ ихъ къ Дунѣ, но она была безъ памяти. Онъ передалъ ихъ Аграфенѣ Петровнѣ.

Глава вторая.

Вечеромъ въ день пріѣзда Дуни, когда всѣ разошлись по мѣстамъ, комнатная прислуга пошла въ кухню ужинать. Разбитной Матренѣ съ начала болѣзни Марка Данилыча было велѣно ложиться у дверей его спальни, и она исправно исполняла этотъ приказъ, но теперь не утерпѣла — и тоже въ кухню пошла побалясничать съ глухой Степанидой, поразспросить ее про чужую сторону и «про людей невѣдомыхъ». Пошла да и заболталась, а наружныя двери хозяйскихъ покоевъ остались незапертыми. Заболталась Матрена со Степановной, и прочіе всѣ засидѣлись на кухнѣ, слушая разсказы ѣздившей въ такую даль старушки.

Окна кухни выходили на улицу. Заслушавшіеся розсказней Степановны не замѣтили, что кто-то, подойдя къ окну, долго разсматривалъ каждаго изъ сидѣвшихъ и, кажется, считалъ ихъ. Потомъ, подойдя къ воротамъ, перелѣзъ черезъ заборъ и отперъ калитку. Собаки залаяли-было на него, но онъ поманилъ ихъ къ себѣ, приласкалъ, и псы, узнавъ своего человѣка, разбѣжались по конурамъ.

Осторожно взобрался онъ на крыльцо, поднялся въ верхній ярусъ дома и вошелъ въ хозяйскія комнаты, зная, что тамъ всѣ спятъ, потому что нигдѣ, кромѣ комнаты больного, огня не горѣло.

Знакомымъ ходомъ прошелъ онъ къ Марку Данилычу. Тотъ спалъ, но пришлый смѣло подошелъ къ нему, взялъ за здоровую руку и сказалъ вполголоса:

— Проснись, хозяинъ, пробудись, ваше степенство: Корней Евстигнеичъ проститься пришелъ съ твоей милостью.

Открылъ Марко Данилычъ глаза и, увидавъ передъ собой Прожженаго, хотѣлъ-было вскрикнуть, но вмѣсто крика вырвалось изъ устъ его лишь слабое мычанье.

— Заволжскій другъ-пріятель твой съ мѣста меня согналъ,—продолжалъ Корней.—Разсчиталъ и меня и Василья Ѳаддеича, какъ слѣдуетъ, ни копеечки противъ разсчетныхъ книжекъ не удержалъ. Въ этомъ ему надо чести приписать. Да чуешь ли ты, что̀ говорю я тебѣ?

Марко Данилычъ опять промычалъ невѣдомо что̀.

— Знаю, что кондрашка тебя прихватилъ, еще на Унжѣ пали мнѣ о томъ вѣсти, — говорилъ межъ тѣмъ Корней Про-

женый. — Что, языкъ-отъ не двигается?.. Ну, да ничего — ты молчи, ваше степенство, а говорить я стану съ тобой. Было время — быкомъ ревѣлъ, на нашего даже брата медвѣдемъ рычалъ, а теперь, видно, что у слѣпого кутенка, не стало ни гласа ни послушанія.

Марко Данилычъ только храпѣлъ, глядя на присѣвшаго къ нему на кровать Корнея, о чемъ тотъ прежде и подумать бы не посмѣлъ.

— Я, ваше степенство, теперича за другимъ расчетомъ къ тебѣ пришелъ, — продолжалъ Корней Евстигнеевъ. — Лучше меня самого знаешь дѣла мои. Дѣла, за какія въ Сибирь на каторгу ссылаютъ... Кто велѣлъ мнѣ орошинскаго приказчика Ефима Волчанина избыть? Письмо-то вашей милости у меня цѣло... Утопилъ я Волчанина, сдѣлалъ въ аккуратъ, а особаго награжденья не получилъ. Забылъ, видно? А какъ на Низу поддѣльные документы мы съ тобой сбывали — и это, видно, забылъ? А какъ обобрали сытнинскую купчиху Молодцову — тоже запамятовалъ? А какъ до смерти угорѣло у тебя двое молодцовъ, чтобъ только разстаться тебѣ съ ними и чтобъ они дѣлъ твоихъ на судѣ не показали? Печи-то вѣдь я по твоему приказу топилъ. Пропадать такъ пропадать, зато ужъ и ты, ежель выздоровѣешь, — пропадешь... Понялъ дѣло? Двѣсти тысячъ подавай!

Собравшись съ послѣдними силами, Марко Данилычъ испустилъ-было крикъ, но такъ тихо, такъ беззвучно, что никто и не слыхалъ его. Безпомощнымъ лежалъ грозный нѣкогда Смолокуровъ передъ Корнеемъ. Что̀ думалъ онъ въ то время, одинъ Богъ его знаетъ, но злобно глядѣлъ онъ померкающими очами на нахала-приказчика.

— Сегодня прынцесса твоя воротилась, значитъ, завтра, а не то послѣзавтра она съ заволжскимъ твоимъ пріятелемъ вскроютъ сундукъ-отъ, тогда мнѣ полушки не получить. Такъ разочтемся же теперь. Двѣсти тысячъ подавай, не то самъ возьму... Давай ключи-то!

Не можетъ ни слова сказать Марко Данилычъ.

— А не то, такъ, пожалуй, мы и прынцессу твою къ уголовщинѣ прицѣпимъ, — продолжалъ Корней. — Изъ Фатьянки-то всѣхъ фармазоновъ забрали, ищутъ и тамошнюю барыню Алымову. Не сегодня, такъ завтра и она будетъ за желѣзной рѣшеткой сидѣть. А вѣдь всѣмъ извѣстно, что твоя дочка съ ней уѣхала — шабашъ, что ли, ихній справлять, аль другое что̀. Вѣрно говорю. Сгніетъ твоя прынцесса въ острогѣ, и сундукъ ей впрокъ не пойдетъ... Все на судѣ разскажу. Давай же дѣлиться. Гдѣ ключи-то? Подъ подушкой, что ли?

И полѣзъ рукой подъ подушку умиравшаго.

Напрягши какія оставались силы. Марко Данилычъ поднялъ-было здоровую руку, но она упала и осталась неподвижною.

Отведенная Патапу Максимычу комната была рядомъ со спальней Марка Данилыча. Заволжскій тысячникъ, проснувшись, услыхалъ говоръ. Голосъ мужской. «Кому бы это быть?» — подумалъ Чапуринъ и, накинувъ халатъ, босой вошелъ къ больному и увидѣлъ Прожженаго, запустившаго руку подъ подушку.

Оторопѣлъ Корней. Хоть былъ онъ и моложе и гораздо сильнѣй Чапурина, хоть послѣ и нашли при немъ стальной сахарный топорикъ, однако онъ остолбенѣлъ и сталъ у кровати, какъ вкопаный.

Чапуринъ открылъ окно и зычнымъ голосомъ крикнулъ караульщику, чтобъ скорѣй бѣжалъ къ нему, а на пути кликнулъ людей изъ кухни. Корней улучилъ время, когда Патапъ Максимычъ подошелъ къ окну, и хотѣлъ-было наутекъ, но Дарья Сергѣвна, услыхавъ шумъ и увидѣвъ выходящаго изъ спальни Корнея, смекнула, что творится недоброе, и въ чемъ была, въ томъ и побѣжала за людьми въ кухню. Но тамъ ужъ всполошились по крику караульщика. Домашніе терпѣть не могли Корнея и, узнавъ, что онъ забрался въ спальню къ Марку Данилычу и сдѣлалъ что-то неладное, бросились наверхъ. Тамъ въ передней шла ужъ борьба у Корнея съ Чапуринымъ и подоспѣвшимъ караульщикомъ. Кто-то изъ прислуги сбѣгалъ въ работныя избы и поднялъ на ноги всѣхъ рабочихъ. Они ненавидѣли Прожженаго и, не одѣваясь, въ однѣхъ рубахахъ, толпой человѣкъ въ семьдесятъ кинулись къ дому. Корнею, крѣпко оборонявшемуся отъ Патапа Максимыча и караульщика, теперь пришлось сдаться. Тутъ нашли у него топорикъ и много дивились, какъ это онъ не пустилъ его въ ходъ, оставаясь нѣсколько времени одинъ на одинъ съ Чапуринымъ.

Рабочіе были увѣрены, что тутъ и Василья Ѳаддеева дѣло, что онъ гдѣ-нибудь спрятался въ домѣ. Всѣ мышиныя норки обыскали, но Ѳаддеева не нашли.

Рано утромъ городничій со стряпчимъ пріѣхали въ домъ Смолокурова. Марко Данилычъ ужъ на столѣ лежалъ, покрытый простынею. Съ Дуней безпрестанно дѣлались нервные припадки, однако лѣкарь сказалъ, что большой опасности для нея нѣтъ, но необходимо, чтобъ она сколько возможно оставалась въ покоѣ. Дарья Сергѣвна, Аграфена Петровна, глухая Степановна, разбитная Матрена и прочая женская при-

слуга были безотлучно при Дунѣ. Городничаго со стряпчимъ встрѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Что̀ такое случилось? — спросилъ городничій, знавшій ужъ Чапурина. Заволжскій тысячникъ не разъ бывалъ у него по смолокуровскимъ дѣламъ.

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, разбоемъ ночью прорвался Корней Евстигнеевъ,—отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.— Ограбить вздумалъ умершаго.

— Однакожъ не ограбилъ? — сказалъ городничій.

— Ограбить не поспѣлъ, а больного добилъ до конца. Поглядите — лежитъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же это случилось? — спросилъ стряпчій.

Патапъ Максимычъ подробно разсказалъ обо всемъ, что̀ зналъ.

— Уликъ недостаточно, — вполголоса замѣтилъ стряпчій городничему, исподлобья поглядывая на Чапурина.

— Это мы разберемъ. — отвѣчалъ городничій. — Это ужъ наше дѣло. Надо вамъ подать объявленье, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Патапу Максимычу.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе,—сказалъ Чапуринъ.— Тутъ въ томъ главное дѣло. что уѣду я скоро, покойникова дочка останется одна только съ женскимъ поломъ. Мало-ль отъ такихъ людей что̀ можетъ приключиться?

— Въ обиду не дадимъ... Это ужъ наше дѣло. — отвѣтилъ городничій. — Когда хоронить?

— А вотъ какъ управимся, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Держать не будемъ.

— Попа, чать, своего привезете? — съ усмѣшкой спросилъ городничій.

— Какіе, ваше высоблагородіе, у насъ попы по нынѣшнимъ временамъ!.. Сами изволите знать. На всю-то Россію, можетъ, двое либо трое осталось, — сказалъ Чапуринъ. — Кто-нибудь изъ домашнихъ прочитаетъ молитву надъ покойникомъ, и дѣло съ концомъ.

— То-то, смотрите. У меня на этотъ счетъ строго. Высшее начальство обратило вниманіе на вашего брата. А то и въ самомъ дѣлѣ очень много ужъ воли вы забрали, — проговорилъ, нахмурясь, городничій. — Такъ подайте объявленіе, а въ день похоронъ я побываю у васъ вотъ съ господиномъ стряпчимъ да еще, можетъ-быть, кое съ кѣмъ изъ чиновныхъ. А что̀ дочь покойника?

— Лежитъ, больше все въ забытьѣ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Понятно. До кого ни доведись, — сказалъ городничій. —

Ну, покамѣстъ до свиданья, прощайте, — прибавилъ онъ и пошелъ изъ дома со стряпчимъ.

Патапъ Максимычъ до самыхъ воротъ проводилъ незваныхъ гостей.

Межъ тѣмъ похороннымъ дѣломъ спѣшили. Хотѣлось Патапу Максимычу на третій же день опустить въ землю пріятеля, чтобъ онъ живымъ «рукъ не вязалъ», но вышло затрудненье, некому было чинъ погребенія справить, некому надъ покойникомъ послѣднюю молитву прочесть. Бѣглыхъ поповъ ближе Москвы нѣтъ, да рогожскій попъ и не поѣдетъ въ такую даль. За Волгу въ скиты послать за канонницей некогда — она не поспѣетъ ко времени; наставникъ Спасова согласія, что̀ проживалъ въ городѣ, самъ на смертномъ одрѣ лежалъ. Какъ быть, какъ извернуться? Нельзя-жъ такого богача, какъ Марко Данилычъ, просто въ землю зарыть. Не зная ни города ни его окрестностей, Патапъ Максимычъ спросилъ Дарью Сергѣвну, кому бы отправить чинъ погребенія.

Не придумала вдругъ Дарья Сергѣевна, на кого указать. Приходилось либо ей самой «читать погребеніе», либо просить Аграфену Петровну взять на себя такой трудъ. Она грамотная, въ скитахъ обучалась, приглядѣлась тамъ въ порядкамъ и не откажется въ останный разъ послужить Марку Данилычу и тѣмъ хоть сколько-нибудь утѣшить совсѣмъ убитую Дуню.

— Развѣ вотъ кого попросить, — сказала наконецъ Дарья Сергѣвна. — Живетъ недалеко отсюдова, всего четыре версты, да и тѣхъ, пожалуй, не будетъ, человѣкъ книжный и постоянный. Старинщикъ онъ, старыми книгами торгуетъ да иконы мѣняетъ. Только вотъ бѣда, не уѣхалъ ли куда. То и дѣло въ отлучкахъ бываетъ.

— Кто такой? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Чубаловъ Герасимъ Силычъ, — отвѣтила Дарья Сергѣвна. Въ деревнѣ Сосновкѣ онъ живетъ. Прежде частенько бывалъ у Марка Данилыча, и обѣдывалъ и ночевывалъ, а иной разъ и по два и по три дня у него гостилъ. Да вотъ ужъ съ годъ, какъ ни разу не бывалъ. Болталъ Василій Ѳаддеевъ, что какіе-то у него расчеты были съ покойникомъ, и Герасимъ Силычъ остался имъ недоволенъ. А другое дѣло, можетъ, все это и вздоръ. Вѣдь Ѳаддеевъ что̀ ни слово, то совретъ.

— Не поѣдетъ, пожалуй, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Человѣкъ онъ добрый и по всему хорошій, опять же нарочито благочестивый, — отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Ежели

только не въ отлучкѣ, непремѣнно пріѣдетъ. А ежели отъѣхалъ, можно племянника его позвать, Ивана Абрамыча. Парень хоша и молодой, а вокругъ дяди во всемъ божественномъ шибко наторѣлъ. А оно и пристойнѣй бы и лучше бы было, ежель бы чинъ погребенія мужчина исправилъ. Женщинѣ вѣдь это можно развѣ при крайней нуждѣ.

— Такъ посылайте къ нему. Записочку, что ли, напишите, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А насчетъ расчетовъ я самъ спрошу у него по совѣсти, сколько считаетъ онъ за покойнымъ, и заплачу съ процентами, Авдотья Марковна, конечно, противъ того не будетъ... А плачеи у васъ въ заведеніи, вопленицы по-нашему, по-лѣсному?

— Какъ же, бываютъ, безъ нихъ что̀ за погребеніе,—сказала Дарья Сергѣевна.

— Позвать надо, — молвилъ Чапуринъ.

— Сами придутъ, столько наберется, что сквозь нихъ и не протолкаешься,—отвѣчала Дарья Сергѣевна. — Тоже воронье — какъ прослышатъ покойника, особливо достаточнаго, стаями налетятъ.

— А домовину кому нести? — продолжалъ разспросы Патапъ Максимычъ.

— А работники-то на что? — сказала Дарья Сергѣевна. — Они со всякимъ удовольствіемъ. Конечно, надо будетъ ихъ похороннымъ обѣдомъ угостить, виномъ обнести, ну и по рукамъ по сколько-нибудь на поминъ души раздать.

— Окромѣ того надо вамъ, Дарья Сергѣевна, озаботиться, чтобъ въ день похоронъ изготовленъ былъ самолучшій обѣдъ,— молвилъ Патапъ Максимычъ. — Сейчасъ былъ городничій со стряпчимъ — сами назвались. И другого чиновнаго люда въ городѣ тоже вѣдь достаточно — надо всѣхъ подмаслить, чтобы вамъ съ Авдотьей Марковной было безъ меня безпечально, да и никакихъ нападокъ отъ начальства тоже не было. Надо замасливать, безпремѣнно надобно, особливо въ сиротскомъ дѣлѣ.

— Это точно, — согласилась Дарья Сергѣевна. — Только вотъ что̀ я скажу вамъ, благодѣтель, — не вскроете ли сундука-то? Денегъ вѣдь много понадобится.

— Безъ Авдотьи Марковны ни за что на свѣтѣ не вскрою,— повысивъ голосъ, промолвилъ Патапъ Максимычъ. — Вскроемъ послѣ похоронъ. А объ деньгахъ не заботьтесь. У меня ихъ достаточно, а расчесться успѣемъ, времени много впереди. Пишите же записку да посылайте скорѣй за этимъ старинщикомъ.

Дарья Сергѣевна вышла, и Патапъ Максимычъ остался одинъ.

Вошелъ онъ въ комнату, гдѣ лежалъ Марко Данилычъ. Тамъ

ни души не было. Покойникъ, совсѣмъ уже одѣтый, лежалъ подъ простыней. Подошелъ къ нему Патапъ Максимычъ и раздумался самъ съ собою.

«Эхъ, Марко Данилычъ, Марко Данилычъ! —думалъ онъ.— Много ты на свѣтѣ жилъ, а, надо правду говорить, жить не гораздо умѣлъ. Въ какомъ положеньи семью оставилъ!.. Положимъ, капиталовъ достаточно, да развѣ въ однѣхъ деньгахъ счастье? Изжилъ ты, пріятель, свой вѣкъ въ этомъ городѣ, а друзей не нажилъ ни одного. Всѣ на тебя глядѣли да и теперь глядятъ, какъ на мѣшокъ, и одно норовятъ, какъ бы что-нибудь стащить изъ него... Бѣдная Авдотья Марковна, куда-то дѣнется она, какъ-то пристроится!.. Горькая участь!.. Хоть бы какой хорошій человѣкъ поскорѣй взялъ ее за себя. Надо съ Груней объ этомъ посовѣтоваться».

Вдругъ тихими, неспѣшными шагами вошла Анисья Терентьевна Красноглазиха, въ обычномъ темно-синемъ сарафанѣ, въ черной душегрѣйкѣ, повязанная по головѣ бѣлымъ платкомъ въ знакъ похоронной печали и съ толстой книгой подъ мышкой. Помолилася она передъ стоявшею въ головахъ покойника иконой, поклонилась въ землю Марку Данилычу, потомъ отвѣсила низкій поклонъ Патапу Максимычу.

— Что̀ угодно? — мрачно, но вѣжливо спросилъ онъ у заплакавшей Красноглазихи.

— Здѣшняя обывательница буду, Анисья Терентьевна, по прозванью Красноглазова, — отвѣчала она. — Сызмальства знала сердечнаго покойничка, много его милостями пользовалась. Добрѣйшій былъ человѣкъ, истинно ангельская душенька. Всѣхъ бѣдныхъ, неимущихъ одѣлялъ отъ своихъ благъ со щедротою. Никого не оставлялъ безъ помощи.

— Такъ что̀ же нужно-то? Поклониться, что ли, пришла?— съ нетерпѣньемъ спросилъ Красноглазиху Патапъ Максимычъ.

— Для того больше пришла я, ваше степенство, что вотъ лежитъ теперь милостивый покойничекъ безъ молитвы, безъ чтенія. А я бы, по своему усердію и поминаючи его благодѣянія, почитала надъ нимъ. Вотъ и псалтырь нарочно захватила,— унылымъ голосомъ проговорила Анисья Терентьевна.

— Я, матушка, человѣкъ не здѣшній, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Никого изъ здѣшнихъ обывателей не знаю, пріѣхалъ сюда по давнему пріятельству съ Маркомъ Данилычемъ, единственно для того, чтобъ его дѣла устроить. А насчетъ похороннаго поговорите съ Дарьей Сергѣвной. Это все на ея рукахъ — какъ рѣшитъ, такъ и быть тому.

Въ однѣ двери вышла Красноглазиха, въ другія вошла Ольга Панфиловна, вся въ черномъ. Помолившись и покло-

нясь до земли покойнику, и она обратилась къ Патапу Максимычу съ предложеніемъ услугъ — присмотрѣть за похороннымъ столомъ и за чаемъ, потому что Дарьѣ Сергѣвнѣ будетъ не до того.

— Я здѣсь по всѣмъ домамъ заправляю столами и по купечеству и у дворянъ, потому что сама изъ благородныхъ и всѣ порядки сызмальства до тонкости знаю, — вкрадчиво говорила Ольга Панфиловна.

И ей тоже сказалъ Патапъ Максимычъ, чтобъ повидалась она съ Дарьей Сергѣвной.

Черезъ какую-нибудь четверть часа Анисья Терентьевна, ставъ за налой, протяжно и уныло стала псалтырь читать, а Ольга Панфиловна, бѣгая по комнатамъ, принялась хлопотать по хозяйству. Первымъ дѣломъ у ней было кутью сварить — много вѣдь ея требуется, человѣкъ на сто надобно припасти. Кисель сварила и сыту сдѣлала въ первый же день своего прихода.

Къ вечеру и Чубаловъ пріѣхалъ. На всякій случай привезъ онъ и племянника, чтобы тотъ помогалъ ему.

Какъ скоро Чубаловъ изъ письма Дарьи Сергѣвны узналъ о смерти Марка Данилыча, сейчасъ же сталъ въ путь собираться. Братъ Абрамъ сталъ его отговаривать.

— Забылъ, что ли, какъ онъ въ прошломъ году два раза обидѣлъ тебя — здѣсь да у Макарья въ ярманкѣ? — говорилъ Абрамъ Силычъ. — Не самъ ли ты говорилъ, что твоей ноги у него въ дому никогда не будетъ? А теперь вдругъ ѣхать туда.

— Смерть все покрываетъ, — сказалъ брату Герасимъ Силычъ. — На мертвыхъ зла не держатъ, а кто станетъ держать, того Господь накажетъ. Марко Данилычъ теперь передъ Божьимъ судомъ стоитъ, а не передъ нашимъ земнымъ, человѣческимъ.

И поѣхалъ въ городъ съ Иванушкой.

Когда вошли они въ комнату, гдѣ стоялъ покойникъ, ихъ встрѣтила Дарья Сергѣвна. Конца не было ея благодарностямъ за пріѣздъ Герасима Силыча. Познакомила его съ Патапомъ Максимычемъ.

— Я-было и племянника съ собой прихватилъ, — сказалъ Герасимъ Силычъ, перейдя съ Дарьей Сергѣвной и Патапомъ Максимычемъ въ другую горницу. — Думалъ, что псалтырь почитаетъ онъ.

— И хорошо сдѣлалъ, что привезъ, — сказала Дарья Сергѣвна. — Анисья Терентьевна женщина немолодая, гдѣ ей читать все время безъ роздыха? Мы такъ уговаривались, что

я стану съ ней чередоваться. А вотъ Господь и послалъ помощника, ночью-то онъ почитаетъ, а я по хозяйству займусь— много вѣдь дѣла-то, и то не знаю, Герасимъ Силычъ, какъ управлюсь.

— Иной разъ Груня можетъ почитать, она эти порядки знаетъ, — сказалъ Чапуринъ.

— Нѣтъ ужъ, Патапъ Максимычъ, пущай ее при Дунѣ остается, — молвила Дарья Сергѣвна.

— Чтò Авдотья-то Марковна? — спросилъ Чубаловъ.

— Плачетъ-убивается, — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Да какъ и не убиваться, Герасимъ Силычъ, дѣвушка молоденькая, никакихъ дѣловъ не знаетъ, а тутъ еще по пріѣздѣ-то всего какихъ-нибудь полчаса родителя въ живыхъ видѣла. Пошли отдохнуть съ дороги, а тутъ и приключилась бѣда. Безъ памяти теперь лежитъ сердечная, сиротка наша бѣдная, горемычная.

— Да скажите, пожалуйста, какъ это случилось? — спросилъ Чубаловъ.

— Господь одинъ знаетъ, какъ это случилось, — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Никого тутъ не было. Корнея-то Евстигнеева знавалъ?

— Довольно знаю, — сказалъ Чубаловъ. — Недобрый человѣкъ, разбойникомъ такъ и глядитъ, недаромъ въ народѣ Прожженымъ его прозвали. Признаться, я всегда дивился, какъ это Марко Данилычъ, при его умѣ, такого человѣка въ приближеньи держитъ. Знаю я про иныя дѣла Корнеевы — давно по немъ тюрьма тоскуетъ.

— Ну, вотъ его Патапъ Максимычъ и разсчиталъ, — говорила Дарья Сергѣвна. — Потому разсчиталъ, что изъ книгъ узналъ, какъ онъ плутовалъ на Унжѣ въ лѣсныхъ дачахъ, и Василья Ѳалдеева разсчиталъ для того, что онъ весь работный народъ на каждомъ шагу безбожно обижалъ, сполна зажитыхъ денегъ не отдавалъ никому. Житья отъ него никому не было... Ну вотъ, вчера ночью и проберись Корней въ спальню Марка Данилыча; какъ онъ туда попалъ, Богъ его знаетъ. Чтò у нихъ было въ спальнѣ, тоже никому неизвѣстно — Марко Данилычъ былъ безъ языка и лежалъ ни живой ни мертвый. Думается, что Корнею хотѣлось деньгами изъ сундука поживиться. И топорикъ принесъ съ собой, можетъ-быть, думалъ сундукъ-отъ имъ разбить. Услыхалъ Патапъ Максимычъ, прибѣжалъ на шумъ. Корней было-бѣжать, да, спасибо, людей много набралось. Схватили молодца, связали и въ полицію отправили.

— Эко дѣло-то какое, — удивляясь разсказу Дарьи Сергѣвны, сказалъ Чубаловъ.

Дарья Сергѣвна пошла по хозяйству. Чубаловъ одинъ на одинъ остался съ Патапомъ Максимычемъ. Поговорили о томъ, о другомъ: Чапуринъ спросилъ наконецъ Герасима Силыча:

— Дошли до меня слухи, что у васъ съ покойникомъ какія-то дѣла были, и онъ сколько-то вамъ долженъ остался.

— У меня нѣтъ никакихъ документовъ, да никогда ихъ и не бывало, — отвѣчалъ Чубаловъ.

— Ваша совѣсть, Герасимъ Силычъ, и для Авдотьи Марковны и для меня, душеприказчика покойнаго, цѣннѣе всякихъ документовъ, — сказалъ Чапуринъ. — Скажите по душѣ и по правдѣ, много-ль онъ вамъ долженъ остался?

— Ни копейки онъ мнѣ не долженъ, — отвѣчалъ Герасимъ Силычъ. — Ни одной копейки. Точно, были у меня съ покойнымъ дѣла — въ прошломъ году весной около Саратова рѣдкостныя старинныя книги продавались, и мнѣ очень хотѣлось купить ихъ, да купилъ-то не хватало тогда. Тысячу рублей займовалъ я у покойника и вексель ему выдалъ. А онъ еще задолго до срока маленько поприжалъ меня, послѣдніе восемьсотъ цѣлковыхъ, что̀ были у меня налицо, долженъ былъ я отдать ему, а потомъ за пятьдесятъ рублей въ томъ же году у Макарья книгъ да иконъ взялъ онъ у меня ужъ черезчуръ по дешевой цѣнѣ. Такъ что-жъ тутъ? Было на то мое согласіе — никто въ шею меня не толкалъ. Нѣтъ, Патапъ Максимычъ, о томъ нечего и говорить. Сказано, что Марко Данилычъ въ расчетѣ со мной, ни онъ, значитъ, мнѣ, ни я ему не должны ни копейки. Стало-быть, и тому дѣлу конецъ. Не будемъ про него разговоровъ разводить. Не для чего. Когда бы вживѣ былъ Марко Данилычъ, можетъ статься, я бы и потолковалъ съ нимъ, а теперь поздно, онъ говорить не можетъ, а я не хочу.

И, какъ ни уговаривалъ его Патапъ Максимычъ, ни единаго слова Чубаловъ больше не сказалъ.

Понравился онъ заволжскому тысячнику. «Вотъ это человѣкъ такъ человѣкъ, — думалъ Чапуринъ: — мало такихъ нонѣ на свѣтѣ водится».

Схоронили Марка Данилыча. Герасимъ Силычъ и въ домѣ и на кладбищѣ службу по немъ отправилъ, а Патапъ Максимычъ поблагодарилъ властей, что помѣхи не было, и просилъ, чтобъ впереди какой-нибудь непріятности не случилось. Безъ благодарности вѣдь, того и гляди, пойдутъ бумаги писать да всѣхъ и приструнятъ. Городничаго и стряпчаго, исправника и городского голову просили быть на похоронахъ и всѣхъ угостили на славу. Протопопа съ причтомъ опасались, чтобъ онъ не послалъ доноса, но, по совѣту городничаго, Патапъ

Максимычъ послалъ на весь клиръ два воза рыбы, икры и прочаго другого, потому все и обошлось благополучно.

Послѣ похороннаго обѣда всѣ, черезчуръ утомленные, прилегли отдохнуть. Патапъ Максимычъ вмѣстѣ съ Чубаловымъ легли въ спальнѣ покойника и стали говорить.

— Нѣтъ, ужъ какъ вы хотите, Герасимъ Силычъ, а скоро я васъ отсюда не выпущу, — говорилъ Чапуринъ. — Завтра, Богъ дастъ, сундукъ будемъ вскрывать, посторонній человѣкъ при такихъ дѣлахъ лишнимъ не бываетъ. Такъ вы ужъ, пожалуйста, побудьте здѣсь. А потомъ у Авдотьи Марковны и у меня будетъ до васъ просьбица — окажите помощь бѣдной, безродной сироткѣ.

— Какую-жъ могу я ей помощь подать? — съ удивленіемъ сказалъ Герасимъ Силычъ. — Человѣкъ я маленькій, она богатая наслѣдница. Шутите вы, Патапъ Максимычъ, право, шутки надо мной шутите.

— Тутъ не шутки, а настоящее дѣло, — возразилъ Чапуринъ. — Выслушайте меня да по душѣ и дайте отвѣтъ. Вотъ дѣло въ чемъ: Авдотья Марковна осталась теперь какъ есть круглой сиротой. Въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ ни она ни Дарья Сергѣвна ничего не разумѣютъ — дѣло женское, эти дѣла имъ не по разуму. По моему разсужденью, — о чемъ я Авдотьѣ Марковнѣ еще до кончины покойника говорилъ, и она на то согласилась. — надо ей все распродать, либо на сроки сдать въ кортому.

— Такъ-то лучше по-моему будетъ, — сказалъ Чубаловъ.— Гдѣ-жъ, въ самомъ дѣлѣ, Авдотьѣ Марковнѣ заниматься такими дѣлами, да и Дарьѣ Сергѣвнѣ не приходится. Правду вы сказали, что это не женское дѣло.

— А для того, чтобъ заведенья и промысла оборотить въ деньги, необходимо нужны по крайней мѣрѣ двое человѣкъ: одинъ — чтобы унженскій лѣсъ и на Низу рыбные промыслы и баржи продалъ, а другой покамѣстъ бы здѣсь при домѣ понаблюдалъ и тоже продавалъ бы понемножку, что̀ есть при немъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Для посылокъ въ лѣсныя дачи и на волжскіе промысла есть человѣкъ у меня на примѣтѣ — шуринъ будетъ мнѣ, а для здѣшнихъ дѣлъ въ виду никого нѣтъ. А какъ вы, Герасимъ Силычъ, здѣшнія обстоятельства знаете и живете отсель только въ четырехъ верстахъ, такъ и пришло мнѣ на умъ попросить васъ принять участье въ сиротѣ, приглядѣть здѣсь за всѣмъ.

— Что̀ вы, что̀ вы, Патапъ Максимычъ!.. — съ живостью вскочивъ съ дивана, воскликнулъ Чубаловъ. — Какъ это воз-

можно? Да и что̀ я за хозяинъ? Вѣкъ такими дѣлами никогда не занимался. Не могу, какъ хотите, не могу; не моего ума это дѣло. Еще напорчу, пожалуй.

— По крайней мѣрѣ своими совѣтами не оставьте, бывайте здѣсь почаще. А всего бы лучше, если бы на это время и поселились здѣсь въ домѣ у Авдотьи Марковны, — говорилъ Чапуринъ. — По осени аль зимой думаю я ее и Дарью Сергѣвну за Волгу перевезти къ себѣ. Пущай погостять да развѣють сколько-нибудь мысли горькія свои. Домъ-отъ на ваши руки въ такомъ разѣ онѣ покинули бы. Нѣтъ ужъ, Герасимъ Силычъ, не отрекайтесь отъ этого, по доброй вашей душѣ сироту не оставьте. За то вамъ Господь воздасть. Сами вы, какъ начетчикъ, знаете: «кто призритъ сиротку, тотъ Божью волю творитъ».

— Да не могу же я, Патапъ Максимычъ, никакимъ способомъ не могу по-вашему сдѣлать, — сказалъ Герасимъ Силычъ. — Посовѣтоваться — отчего-жъ не посовѣтоваться иной разъ. Отъ этого я не прочь, а чтобы долго здѣсь заживаться, на это не могу согласиться. У меня вѣдь тоже свои дѣлишки бываютъ, частые разъѣзды, этимъ вѣдь мы только и кормимся.

— На этотъ счетъ не безпокойтесь, въ убыткѣ не останетесь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Угодно вамъ, плату сами назначьте, не хотите, мы назначимъ. Увѣряю васъ, останетесь съ выгодой.

— Не знаю, что̀ вамъ и сказать на это, — долго подумавъ, молвилъ Чубаловъ. — Да что̀ объ этомъ толковать? Успѣемъ еще — утро вечера мудренѣе, а я межъ тѣмъ хорошенько о томъ поразмыслю.

А самъ думаетъ: — «Положили бы цѣлковыхъ сотнягу на мѣсяцъ, куда бы ни шло, можно бы было рѣшиться. Тогда, ежели гдѣ и рѣдкостное выпадетъ, можно послать Иванушку, онъ наторѣлъ и по книгамъ, и по иконной части, и по рѣдкостнымъ вещамъ. Удатливая головушка. Хорошо, ежели бы столько положили. Да не дадутъ. Шутка сказать, тысяча двѣсти цѣлковыхъ на годъ... Не дадутъ — это все одно мое пустое разсужденье».

И подъ эти думы заснулъ Герасимъ Силычъ, а Патапъ Максимычъ давно ужъ храпѣлъ во всю ивановскую.

Съ самой смерти Марка Данилыча Дуня почти не приходила въ себя. Утомленная дальней дорогой, а потомъ пораженная смертью отца, не говорила она ни слова и даже мало понимала изъ того, что̀ ей говорили. Однако въ день похо-

ронъ переломила себя, выстояла въ домѣ длинное погребеніе и потомъ версты двѣ прошла пѣшкомъ до кладбища за гробомъ. Воротясь домой, удалилась въ свою комнату и впала въ забытье. Аграфена Петровна ни на минуту не оставляла подруги. Похоронной трапезой въ домѣ распоряжался Патапъ Максимычъ съ Дарьей Сергѣвной. Много пособляла и Ольга Панфиловна. На трапезѣ у рабочихъ всѣмъ заправлялъ Герасимъ Силычъ съ племянникомъ. Самъ на то назвался. И все прошло чинно, стройно, хорошо.

Гости разошлись по домамъ, и въ смолокуровскомъ домѣ все притихло. Не успокоилась только Дуня: то въ безпамятствѣ лежитъ, то болѣзненнымъ стономъ проявляетъ не угасшую еще въ ней жизнь, то, очнувшись изъ забытья, зальется обильными слезами.

На другой день похоронъ немножко она оправилась, даже поговорила съ Аграфеной Петровной о томъ, чтò надо ей дѣлать теперь. Дарья Сергѣвна пришла, и съ ней пошли такіе же разговоры. Съ общаго согласья стали на томъ, чтобы всѣ дѣла предоставить Патапу Максимычу и изъ его воли не выступать — чтò ни скажетъ, исполнять безпрекословно.

Позвала Аграфена Петровна Патапа Максимыча.

— Будьте вы и мнѣ роднымъ отцомъ... въ моемъ сиротствѣ... какъ были вы Грунѣ, — съ низкимъ поклономъ чуть не до земли, отчаяннымъ голосомъ сказала вся въ слезахъ Дуня, обращаясь къ Патапу Максимычу. — Войдите въ трудное мое положеніе!.. Богъ не оставитъ васъ за то Своими милостями. Сжальтесь, смилуйтесь надо мной, отецъ мой второй!

— Ну вотъ, на старости лѣтъ еще дочку Господь даровалъ. Все дочки да дочки! — обнимая Дуню, сказалъ, улыбаясь, до слезъ растроганный Чапуринъ. — Инъ быть по-твоему. Здравствуй, дочка богоданная! Смотри-жъ у меня, новаго отца слушаться, а онъ постарается, чтобъ у тебя было все цѣло и сохранно. И въ обиду не дамъ тебя никому.

И трижды со щеки на щеку поцѣловалъ новую дочку.

— Вотъ какъ по моему разсужденью надо бы тебѣ поступить, — сказалъ Патапъ Максимычъ, садясь на диванъ возлѣ Дуни: — чтò ни осталось послѣ Марка Данилыча, въ наличныя деньги обратить, а заведенія и промыслà продать хоть и съ убыткомъ, а потомъ и жить на проценты съ капитала, какой выручимъ. Какъ думаешь?

— Вы лучше меня знаете, я ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю. Дѣлайте, какъ надо по-вашему, а я напередъ на все согласна, — промолвила Дуня.

Патапъ Максимычъ подробно разсказалъ ей предположенія свои насчетъ Никифора и Чубалова. Дуня во всемъ согласилась съ нимъ.

— А пройдутъ шесть недѣль, тогда не переѣхать ли тебѣ съ Дарьей Сергѣвной къ намъ въ Осиповку? И у Груни поживешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — На людяхъ все-таки меньше тоски.

— А домъ-отъ какъ же покинуть? Его на чьи руки оставить? Сколько вѣдь въ немъ имущества! — возразила Дарья Сергѣвна.

— Надо хорошенько будетъ попросить Герасима Силыча, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Онъ за всѣмъ присмотритъ. Да вотъ еще что̀ думаю — для чего вамъ оставаться въ здѣшнемъ городѣ, не лучше-ль въ иномъ мѣстѣ устроиться домкомъ? Изъ близкихъ у васъ здѣсь вѣдь нѣтъ никого. Ни единаго человѣка нѣтъ, кого бы можно было пожалѣть, съ кѣмъ бы прощаться было тяжело.

— Ахъ, батюшка Патапъ Максимычъ, — возразила Дарья Сергѣвна. — А могилки-то родительскія какъ же останутся?

— На помины можно ѣздить сюда, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Конечно, можно, — сказала Дарья Сергѣвна. — Да съ домомъ-то какъ же разстаться? Дунюшка родилась вѣдь въ немъ, въ немъ и выросла, и радости въ немъ видѣла, и горя пришлось дождаться... Тяжело ей будетъ, Патапъ Максимычъ, съ родительскимъ домкомъ разставаться, ой какъ тяжело!

— Что̀ скажешь на это, Дуня? — спросилъ Чапуринъ.

— Что̀ мнѣ домъ? — грустно она отвѣчала. — Что̀ теперь мнѣ въ немъ дорогого? Не глядѣла бы ни на что. Одна отрада была, одно утѣшенье — тятенька голубчикъ, а вотъ и его не стало... Одна на свѣтѣ осталась безродная.

И залилась слезами.

— Конечно, — сказала Аграфена Петровна, обращаясь къ Дунѣ: — конечно, ты здѣсь одна съ Дарьей Сергѣвной пропадешь съ тоски, а за Волгой будешь не одна. Богъ дастъ, твое горе мы и размыкаемъ. Вы ужъ не противьтесь, Дарья Сергѣвна, право, и самимъ вамъ отраднѣе будетъ у насъ, чѣмъ здѣсь въ опустѣломъ домѣ.

— По-мнѣ что-жъ? Я здѣсь такъ здѣсь, за Волгой такъ за Волгой, — несовсѣмъ довольнымъ голосомъ отвѣтила Дарья Сергѣвна. — Жить мнѣ недолго, а гдѣ въ сыру землю ни зароютъ — все равно. Поверхъ земли не оставятъ же.

— Такъ ка̀къ же, Дуня? Рѣшай, — сказала Аграфена Петровна.

— У меня теперь новый тятенька, — потупивъ глаза, тихо промолвила Дуня. — Какъ прикажетъ, такъ и сдѣлаю, изъ его воли не выступлю.

— Ну вотъ и прекрасно, вотъ мы и устроимъ какъ только можно лучше, — цѣлуя Дуню, припавшую головкой къ его плечу, сказалъ глубоко тронутый Патапъ Максимычъ.

— Съ домомъ-то какъ же? — всхлипывая отъ подступившихъ слезъ и печально повѣсивши голову, спросила Дарья Сергѣвна.

— Выищется покупатель, продадимъ, хоть и убытка придется принять, не то отдадимъ внаймы — это ужъ намъ Герасимъ Силычъ устроитъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Потомъ еще довольно потолковали о распоряженіяхъ, какія надо сдѣлать. Дуня казалась спокойнѣе прежняго. Замѣтивши это, Чапуринъ сказалъ:

— Теперь бы надо сундукъ вскрыть, а то толкуемъ мы, толкуемъ, а все ровно въ потемкахъ бродимъ. Надо узнать, сколько наличнаго капитала, сколько векселей, опять же тамъ и счета, покойникъ-отъ самъ вѣдь ихъ велъ, своей рукой писалъ. А можетъ статься, найдется и послѣдняя его воля.

— Вскрывайте, — сказала Дуня, подавая ключи Патапу Максимычу.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, не принимая ключей. — Хоша ты мнѣ и дочка теперь, а безъ твоей бытности все-таки сундука пальцемъ не трону. Пойдемъ туда, ежель есть силы — дѣло будетъ недолгое.

Дуня встала, повинуясь приказу «новаго тятеньки».

— Пойдемте, Дарья Сергѣвна, а ты, Груня, сыщи Герасима Силыча да вмѣстѣ съ нимъ и приходи, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Всѣ сошлись въ бывшей спальнѣ Марка Данилыча.

Патапъ Максимычъ своими руками отперъ желѣзный сундукъ. На столѣ, поставленномъ возлѣ, сталъ онъ раскладывать найденныя бумаги — въ одну сторону откладывалъ тучныя пачки серій, ломбардные билеты, наличныя деньги, по другую векселя и сохранныя расписки, въ третью сторону клалъ купчія крѣпости и закладныя разныхъ людей. Особо клалъ Патапъ Максимычъ счета и торговыя книги, особо контракты и условія. Завѣщанія не нашлось.

Выбравши все изъ сундука, Патапъ Максимычъ сталъ считать, а Чубаловъ на счетахъ класть. Въ серіяхъ, въ наличныхъ деньгахъ и векселяхъ до восьмисотъ тысячъ рублей нашлось, да домовъ, лѣсныхъ дачъ, баржъ и промысловыхъ

заведеній тысячъ на четыреста выходило, такъ что всего за милліонъ перевалило.

Разбирая расписки, Чапуринъ взялъ одну изъ нихъ и, оглядѣвъ, подалъ ее Чубалову и промолвилъ:

— Что́ за тарабарщина?

— По-татарски, — сказалъ Герасимъ Силычъ. — Да вотъ и переводъ, и маклера подпись, и печать казенная.

Читаетъ вслухъ Патапъ Максимычъ русскій переводъ расписки:

«Тысяча восемьсотъ такого-то года, августа въ двадцатый день, въ Нижегородской ярманкѣ, я, нижеподписавшійся, оренбургскій первой гильдіи купецъ Махметъ Бактемировъ Субханкуловъ, получилъ отъ почетнаго гражданина и первой гильдіи купца Марка Данилыча Смолокурова тысячу рублей серебромъ, съ тѣмъ, что обязуюсь на будущей Нижегородской ярманкѣ возвратить сіи деньги ему самому или кому онъ прикажетъ, ежели я, Субханкуловъ, до тѣхъ поръ не вывезу въ Россію изъ хивинскаго плѣна находящагося тамъ Мокея Данилова».

Всѣ диву дались, а Дарья Сергѣвна, всплеснувъ руками и громко вскрикнувши, такъ и покатилась на стоявшій возлѣ диванъ.

На другой же день Чапуринъ послалъ къ Субханкулову эстафету, увѣдомляя о кончинѣ Марка Данилыча и о томъ, что, будучи теперь душеприказчикомъ при единственной его дочери, проситъ Махмета Бактемирыча постараться какъ можно скорѣй высвободить Мокея Данилыча изъ плѣна, и ежель онъ это сдѣлаетъ, то получитъ и другую тысячу. На этомъ настояла Дуня; очень хотѣлось ей поскорѣй увидѣться съ дядей, еще никогда ею невиданнымъ, хотѣлось и Дарью Сергѣвну порадовать.

Но самоё Дарью Сергѣвну нимало не заботило, скоро или поздно увидитъ она Мокея Данилыча, она даже боялась встрѣчи съ бывшимъ женихомъ своимъ. «Что́ я ему? — она думала. — Больше двадцати годовъ за упокой его поминала, больше двадцати годовъ не было объ немъ ни слуха ни духа... И забылъ, чать, про меня совсѣмъ. А самъ-отъ сердечный сколько горя-то въ полону натерпѣлся! Бьютъ, слышь, тамъ нашихъ-то, мучатъ. Чего-чего натерпѣлся онъ въ эти годы. А дурища Матрена еще говоритъ давеча: «Были похороны, теперь свадьбу надо будетъ играть...» Нашли невѣсту! Старая я, болящая — куда ужъ мнѣ объ вѣнцѣ помышлять — женихъ мой гробъ сосновый, давно меня онъ дожидается. А хочешь не

хочешь придется съ Мокеемъ Данилычемъ встрѣтиться! Боязно. Вѣдь ровно съ того свѣта выходецъ... Вотъ какъ бы Дунюшкѣ далъ Богъ скорѣй пристроиться за умнаго, за хорошаго и за добраго человѣка. Поглядѣла бы я маленько на новое житье-бытье ея да и пошла бы въ скиты грѣхи свои замаливать да за другихъ молиться.

Не любила она даже, когда иной разъ о Мокеѣ Данилычѣ при ней рѣчь заведутъ. Сейчасъ замолчитъ и уйдетъ вонъ изъ комнаты.

Дуня поправлялась помаленьку. Она могла ужъ разговаривать съ Патапомъ Максимычемъ объ устройствѣ дѣлъ. Чапуринъ со дня на день ждалъ шурина Никифора, чтобы скорѣй получилъ онъ отъ Дуни довѣренность на продажу унженскихъ лѣсовъ, баржей и низовыхъ промысловъ и ѣхалъ бы поспѣшнѣй на Унжу. Насчетъ дѣлъ по городу разные люди являлись къ Чапурину съ предложеньями заняться устройствомъ ихъ, были въ томъ числѣ и отставной стряпчій, и выгнанный изъ службы становой, и промотавшіеся до тла помѣщики, и прогорѣвшіе купцы. А сынъ предводителя, узнавъ, что Дунѣ больше милліона досталось, опять сталъ свататься, самъ предводитель по этому дѣлу пріѣзжалъ «къ мужлану», какъ звалъ его, Патапу Максимычу. Стали разузнавать стороной мысли о замужествѣ богатой сироты и тѣ кумушки, что прежде были засылаемы къ Марку Данилычу сватать купчиковъ. Но всѣмъ отъ Патапа Максимыча одинъ былъ отвѣтъ:—«Авдотьѣ Марковнѣ ни приказывать ни совѣтовать я не могу, да и раненько бы еще ей о выходѣ замужъ думать — у родителя въ гробу ноги еще не обсохли...» И, ругая Чапурина, искатели смолокуровскаго милліона въ злой досадѣ расходились по своимъ мѣстамъ.—«И откуда они этого непутнаго заволжанина выкопали? — говорили они. — Ни слуху ни духу про него у насъ никогда не бывало, вдругъ ровно изъ земли выросъ, какъ изъ вѣдьминой трубы вылетѣлъ, и ну чужимъ добромъ распоряжаться! Хорошо, видно, подмаслилъ городничаго, не то бы давно ему въ кутузкѣ сидѣть. Да и она-то дура неповитая! Зачѣмъ проходимца слушается».

До Патапа Максимыча такіе толки не доходили. А и дошли бы, плюнулъ бы только да и прочь отъ сплетниковъ.

Сидѣли вечеромъ за чаемъ Дуня, Дарья Сергѣвна, Аграфена Петровна, Патапъ Максимычъ и Герасимъ Силычъ, передъ тѣмъ отправившій племянника въ Сосновку. Зашла рѣчь, какъ бы устроить дѣла въ городѣ и присмотрѣть за домомъ.

По совѣту Патапа Максимыча, Дуня стала просить Чуба-

лова, чтобъ оказалъ онъ ей милость, сжалился бы надъ ней, принялъ на себя дѣла въ городѣ.

Герасимъ Силычъ всячески отрицался, говоря то же, что̀ говорилъ Чапурину: у него-де свои дѣла, и покинуть ихъ даже на короткое время нельзя.

— Сказано было вамъ, Герасимъ Силычъ, что въ убыткѣ не останетесь, — громко промолвилъ Патапъ Максимычъ. — Скажите откровенно, сколько бы взяли вы въ мѣсяцъ съ Авдотьи Марковны?

Чубаловъ замолчалъ и низко склонилъ голову.

— Да говорите же, Герасимъ Силычъ, — настаивалъ Чапуринъ.

— Не знаю, что̀ и говорить, — едва слышно, помолчавъ, промолвилъ Чубаловъ.

— А то̀ и говорите, что̀ для васъ не обидно будетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Тутъ въ томъ главное дѣло, что совсѣмъ должна стать моя торговлишка, и въ разъѣзды за стариной ѣздить мнѣ не удастся, — сказалъ Чубаловъ. — Конечно, Иванушку бы можно посылать, да все ужъ это не то, какъ я самъ. Да онъ же въ дальнихъ отлучкахъ безъ меня и не бывалъ никогда. Парень молодой, иной разъ можетъ и прошибиться.

— Ахъ, Ты, Господи!—повысивши голосъ, съ нетерпѣньемъ сказалъ Патапъ Максимычъ. — Этакъ мы, пожалуй, до смерти не столкуемся.

И, вставъ изъ-за стола, закинулъ руки за спину и широкими шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, такъ пива не сваришь!—сказалъ онъ:—ты ближе къ дѣлу, а онъ про козу бѣлу; ты ложки, а онъ тебѣ плошки.

И, остановившись передъ старинщикомъ, положилъ ему руку на плечо и спросилъ:

— Скажите по совѣсти, много ли въ мѣсяцъ барыша получаете?

— Мѣсяцъ на мѣсяцъ не придется, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Чубаловъ. — Въ иной мѣсяцъ кромѣ расхода нѣтъ ничего, а въ другой и больно хорошо. Къ примѣру взять: у Макарья въ ярманкѣ, на Сборной въ Симбирскѣ, въ Ирбитской. Да еще когда на Вятку къ тамошнимъ домосѣдкамъ заѣдешь, либо на Уралъ къ казакамъ.

— Это такъ, это во всякой торговлѣ бываетъ, каку ни возьми, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А въ годъ сколько барыша?

— И это мудрено сказать, — уклончиво отвѣтилъ Герасимъ Силычъ. — И годъ на годъ не приходитъ.

— Фу, ты, пропасть какая! Чуть не битый часъ толкуемъ, а все попусту. Толковъ много, только толку нѣтъ, — воскликнулъ, нахмурясь, Патапъ Максимычъ. — Такъ разсуждать все одно, что въ рѣшетѣ воду таскать! Давно-ль торгъ ведете?

— Больше пятнадцати годовъ, — отвѣчалъ Чубаловъ.

— Который изъ годовъ самый былъ прибыльный?

— Первые годы послѣ моего странства были самые прибыльные, — сказалъ Герасимъ Силычъ. — Потомъ истратился на семью, домъ поставилъ, землю купилъ, племянниковъ отъ рекрутчины освободилъ, оттого капиталу и стало у меня много поменьше. А вѣдь по капиталу и барышъ.

— Вотъ у насъ дѣло-то какъ идетъ, — съ досадой молвилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ Дунѣ. — Ни изъ короба ни въ коробъ не лѣзетъ, изъ короба нейдетъ и короба не отдаетъ. Въ первые-то года по скольку барышей получали? — прибавилъ, обращаясь къ Чубалову.

— Цѣлковыхъ тысячи по полторы, а были годы, что и по двѣ получалъ, — отирая платкомъ раскраснѣвшееся лицо, отвѣтилъ Чубаловъ и опять понурилъ голову.

— Такъ вотъ какой разговоръ будетъ у насъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.—Авдотья Марковна дастъ вамъ не двѣ, а двѣ съ половиной тысячи въ годъ за хлопоты ваши и за распоряженія по здѣшнему хозяйству. И будете ли вы ея дѣлами заниматься мѣсяцъ ли, два ли, цѣлый годъ, все равно получите сполна двѣ тысячи съ половиной цѣлковыхъ. Согласны?

Чубаловъ не ожидалъ этого. И на сто рублей въ мѣсяцъ не надѣялся, а тутъ вдругъ двѣ съ половиной тысячи. По стольку ни въ одинъ годъ онъ не получалъ. Попрежнему сидѣлъ, опустя голову и не зная, что отвѣчать.

— Согласны, что ли? — спросилъ его Патапъ Максимычъ. — Мало, такъ прямо скажите.

— Согласенъ, — едва слышно проговорилъ Чубаловъ. — Вашъ слуга, Авдотья Марковна, хоть по самый конецъ жизни, — прибавилъ онъ, низко кланяясь Дунѣ.

— Очень, очень рада я, что вы согласились. Теперь я спокойна насчетъ здѣшнихъ дѣлъ. Да это еще не все, что сказалъ вамъ Патапъ Максимычъ. Давеча мы съ нимъ про васъ много разговаривали. Онъ скажетъ вамъ.

Оторопѣлъ Герасимъ Силычъ. — «Что еще такое у нихъ обо мнѣ рѣшено?» — подумалъ онъ и повернулся къ сѣвшему за столъ Чапурину, выжидая словъ его.

— Видите ли, любезнѣйшій Герасимъ Силычъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Давеча мы съ Авдотьей Марковной положили — лѣсную пристань и прядильни продать и домъ,

опричь движимаго имущества, тоже съ рукъ сбыть. Авдотьѣ Марковнѣ, послѣ такого горя, нежелательно жить въ вашемъ городу, хочется ей что ни осталось послѣ родителя въ деньги обратить и жить на проценты. Гдѣ приведется ей жить, покуда еще сами мы не знаемъ. А какъ вамъ доведется все продавать, такъ за комиссію десять процентовъ съ продажной цѣны получите.

И во снѣ не снилось это Чубалову. Не можетъ слова сказать въ отвѣтъ. Чапуринъ продолжалъ говорить, подавая деньги Герасиму Силычу:

— А это вамъ пятьсотъ рублей за труды при погребеніи Марка Данилыча.

— Помилуйте, Патапъ Максимычъ, это ужъ черезчуръ! — воскликнулъ Герасимъ Силычъ.

— Не моя воля, а молодой хозяюшки, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Ея волю исполняю. Желательно ей было, чтобы похороны были, что называется, на славу. Ну, а при нашемъ положеніи, какая тутъ слава? Ни поповъ ни дьяковъ — ровно нѣтъ ничего. Такъ мы и рѣшили деньги, назначенныя на погребенье, вамъ предоставить. Извольте получить.

Чубаловъ ошеломленъ былъ такими милостями, о какихъ и въ голову никогда ему не приходило. Особенно поразили его обѣщанные проценты съ продажной цѣны. «Вѣдь это, мало-мало, десять тысячъ цѣлковыхъ. Буду богаче, чѣмъ тогда, какъ воротился въ Сосновку, да къ тому-жъ и расходовъ такихъ, какъ тогда были, не предвидится. Истинно божеская милость мнѣ грѣшному выпала!»

Молча взялъ онъ пятьсотъ рублей, поклонился Патапу Максимычу и, подойдя къ Дунѣ, сказалъ:

— Вы, Авдотья Марковна, столько благодѣяній мнѣ оказали, что буду я теперь неустанно Бога молить, да устроитъ Онъ вашъ жизненный путь. Пошли вамъ Господи добраго и хорошаго сожителя, дай Богъ удесятерить достатки ваши, дай вамъ Богъ во всю вашу жизнь не видать ни горя ни печалей. А я, послѣ такихъ ко мнѣ милостей, вѣковѣчный и вѣрный служитель вашъ. Теперь ли, послѣ ли когда, для васъ на всякую послугу готовъ.

— Очень рада, Герасимъ Силычъ, что мы съ вами поладили и вы не отказались оказать сиротѣ помощь, — съ ясной улыбкой проговорила Дуня.

— Не я вамъ, а вы мнѣ, Авдотья Марковна, великую, неслыханную помощь являете, — со слезами на глазахъ отвѣтилъ Чубаловъ. — Богачомъ хотите сдѣлать меня. Воздай вамъ Господи!

— Герасимъ Силычъ, — сказала, потупивши свѣтлыя очи, Дуня Чубалову. — Вѣдь у васъ тятенька покойникъ вымѣнялъ икону преподобной мученицы Евдокіи? Ангель мой. Теперь ужъ больше года та икона возлѣ кровати въ изголовьяхъ у меня стоитъ.

— Точно такъ, Авдотья Марковна, Марко Данилычъ у меня ту икону вымѣнялъ, — отвѣчалъ Чубаловъ. — Рѣдкостная икона, царскимъ жалованнымъ изографомъ при святѣйшемъ Филаретѣ, патріархѣ московскомъ, писана. Комнатная была у благочестивой царицы Евдокіи Лукьяновны.

— И Марка евангелиста икона, что у тятеньки покойника при гробѣ въ головахъ стояла, — тоже отъ васъ?

— И ее у меня же вымѣнялъ. Она баронскихъ писемъ, совсѣмъ почти фряжская. Эта много будетъ попростѣе, чѣмъ икона вашего ангела, и поможе, — сказалъ Герасимъ Силычъ.

— А нѣтъ ли у васъ иконы святителя Амвросія Медіоланскаго? — спросила Дуня.

— Такой не имѣется, — отвѣчалъ Герасимъ Силычъ. — Да едва ли можно такую найти старинныхъ писемъ. Сколько годовъ я по иконной части дѣлишки веду, чуть не всю Россію изъѣздилъ изъ конца въ конецъ, и всего-на-всего двѣ только старыя иконы Амвросія Медіоланскаго видѣлъ. А теперь ихъ нѣтъ: одну за перстосложеніе отобрали, другая на пожарѣ сгорѣла.

— Мнѣ хоть бы новую, — сказала Дуня.

— Въ такомъ разѣ можно поморскимъ заказать, а не то въ Москвѣ на Преображенскомъ, — отвѣтилъ Чубаловъ. — Ежели наскоро требуется, могу въ самомъ близкомъ времени ее получить.

— Сдѣлайте одолженіе, — сказала Дуня. — Это самое мое усердное желаніе имѣть икону святителя Амвросія, — молвила Дуня. — Буду вамъ очень благодарна.

— Постараюсь, Авдотья Марковна, будьте благонадежны. — сказалъ Чубаловъ. — Штилистовая требуется или побольше?

— Чтобы въ кіотку, что у меня въ комнатѣ, поставилась. Снимите мѣрочку. Хочу, чтобъ она всегда у меня въ изголовьяхъ была, — отвѣтила Дуня. — И окладъ закажите, пожалуйста — серебряный, густо позолоченный, а каменья на икону я вамъ сама выдамъ.

— Слушаю-съ. А къ какому времени потребуется? — спросилъ Чубаловъ.

— Срока не назначаю, а чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — отвѣтила Дуня.

— Да ты обѣщанье, что ли, дала? — спросила Дарья Сергѣвна

— Да, обѣщанье,— потупившись, сухо промолвила Дуня.

Съ того дня Чубаловъ сталъ хозяйствовать въ смолокуровскомъ домѣ. Съѣздилъ онъ на день въ Сосновку и переѣхалъ въ городъ со всѣмъ книжнымъ скарбомъ. Иванушку взялъ съ собой.

Устроивши главныя дѣла покойнаго Марка Данилыча, Чапуринъ, несмотря на просьбы новой своей дочки, собрался въ путь-дорогу въ свои родные лѣса. Аграфена Петровна съ нимъ же поѣхала. Страшно показалось Дунѣ предстоявшее одиночество, особенно печалила ее разлука съ Груней. Къ ней теперь привязалась она еще больше, чѣмъ прежде, до размолвки.

Уговорились такъ: къ двадцатому дню послѣ кончины Марка Данилыча пріѣдутъ къ Дунѣ Патапъ Максимычъ и Аграфена Петровна съ дѣтками, и всѣ они пробудутъ до сорочинъ. Послѣ того Дуня съ Дарьей Сергѣвной двинутся за Волгу со всѣми пожитками.

Никифоръ между тѣмъ пріѣхалъ и, получивъ довѣренность, на другой же день покатилъ въ Унжу.

За день либо за два до отъѣзда Патапа Максимыча Дуня спросила у него:

— Въ векселяхъ, что̀ выданы тятенькѣ покойнику, не нашлось ли векселей или расписокъ купца Поликарпа Андреича Сивкова?

— Есть векселекъ, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — На нонѣшней ярманкѣ выданъ.

— Великъ ли? — спросила Дуня.

— Помнится, тысячи на три, а уплата на будущей Макарьевской, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Дайте мнѣ его, а изъ счетовъ, пожалуйста, вычеркните.— сказала Дуня.

— Зачѣмъ это, дочка? — ласково и озабоченно спросилъ у нея Чапуринъ.

— Такъ надо мнѣ, — сказала рѣшительно Дуня и другого отвѣта не дала.

Патапъ Максимычъ пристально посмотрѣлъ на нее. А у ней взглядъ ни дать ни взять такой же, каковъ бывалъ у Марка Данилыча. И ноздри такъ же раздуваются, какъ у него бывало, когда дѣлался недоволенъ, и глаза горятъ, и хмурое лицо багровѣетъ — вся въ отца. «Нѣтъ, эту дѣвку прибрать къ рукамъ мудрено,— подумалъ Чапуринъ. — Бѣдовая!.. Мужа

будетъ на уздечкѣ водить. На мою покойницу, на голубушку Настю смахиваетъ, только будетъ покруче ея. А то по всему Настя, какъ есть Настя».

Отдалъ онъ Дунѣ вексель Сивкова, и та тотчасъ же разорвала его пополамъ.

— Что ты? Что сдѣлала?—вскочивши съ мѣста, съ изумленьемъ вскрикнулъ Патапъ Максимычъ.—Теперь вексель не годится.

— Знаю, — равнодушно отвѣтила Дуня.

— Зачѣмъ же это?

— Долгъ уплачиваю. Поликарпу Андреичу я должна больше, чѣмъ онъ былъ тятенькѣ долженъ, — сказала Дуня, переглянувшись съ Аграфеной Петровной.

— Какъ должна? Въ толкъ не возьму, — сквозь зубы проговорилъ недовольный Чапуринъ.

Дуня не отвѣчала.

— Тятенька, — вступилась Аграфена Петровна: — вы вѣдь еще ничего не знаете, какъ мы съ Дуней отъ Луповицкихъ уѣхали. Много было всякихъ приключеній, говорить теперь не стану, сама когда-нибудь разскажетъ. Поликарпъ Андреичъ да еще одинъ человѣкъ и ей и мнѣ много добра сдѣлали. Будь у меня такія же деньги, какъ у Дуни, я бы и больше трехъ тысячъ не пожалѣла.

— Вотъ оно что!—тихо промолвилъ Патапъ Максимычъ.—Да что-жъ вы ничего не разскажете? Три тысячи деньги вѣдь немалыя, кидать ихъ зря не годится. Можетъ-быть, одолженія Сивкова и десятой доли этихъ денегъ не стоятъ.

— Когда Дуня тебѣ разскажетъ все, самъ увидишь, что помощь Сивковыхъ стоитъ больше, —сказала Аграфена Петровна.

— Такъ разскажи, Дуня, не утай отъ второго отца,—ласково молвилъ стихшій Патапъ Максимычъ.

— Послѣ разскажу, послѣ, когда буду у васъ въ Осиповкѣ,—сказала Дуня: — а теперь, видитъ Богъ, не могу. Языкъ не поворотится. Знаете, отчего мнѣ хочется покинуть этотъ городъ и въ немъ даже родительскія могилки? Чтобы подальше быть отъ этихъ Луповицкихъ, отъ Фатьянки, отъ Марьи Ивановны. Много я отъ нихъ натерпѣлась—говорить, такъ всего не перескажешь.

Навострила Дарья Сергѣвна уши, услыхавши отъ Дуни такія слова про Марью Ивановну. Довольная улыбка озарила лицо ея. Радостно она вокругъ посмотрѣла.

— Какъ? Съ Марьей Ивановной рознь у тебя?—она промолвила.—Слава Богу! Никогда я не чаяла въ ней толку.

— Всѣ они обманщики, богопротивники! — съ горячностью вскликнула Дуня.

— Ужъ они тебя въ поганую свою вѣру не приводили-ль? — спросила Дарья Сергѣвна. — Весной, какъ Марья Ивановна жила у насъ, она вѣдь про какую-то новую вѣру разсказывала тебѣ да расхваливала ее. Я слышала сама изъ каморки, что возлѣ твоей комнаты. Только что словъ ея тогда понять не могла.

Дуня не дала отвѣта.

— А вѣдь я въ Фатьянкѣ-то безъ тебя была, — продолжала Дарья Сергѣвна. — Покойный Марко Данилычъ думалъ, что ты ужъ пріѣхала сюда съ Марьей Ивановной, и, только-что воротился съ ярманки, посылалъ меня за тобой. Въ Фатьянкѣ мы никого не достучались, а ночь провели въ Миршени у одной вдовы. Она поразсказала мнѣ кое-что про фатьянскихъ. Это, слышь, особая какая-то вѣра — фармазонами прозываютъ тѣхъ, кто ея держится. Послѣ того и стала я думать: Марья-то Ивановна не той ли же вѣры? А вотъ на-дняхъ дошли вѣсти, что фатьянскихъ за ихнюю противную вѣру посадили въ острогъ. Туда и дорога безбожнымъ!

Дуня смутилась. Стала жаловаться, что у ней голова разболѣлась, и ушла съ Аграфеной Петровной въ свою спальню.

На возвратномъ пути Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной у Колышкиныхъ остановились. Рады были гостямъ и Сергѣй Андреичъ и Мароа Михайловна.

— Что такъ долго загостились? — спрашивалъ Сергѣй Андреичъ Патапа Максимыча.

— Схоронили вѣдь мы Марка-то Данилыча, — отвѣчалъ Чапуринъ.

— Какъ? — вскликнулъ Колышкинъ.

— Когда съ Груней мы къ нему пріѣхали, былъ онъ безъ языка и только одной рукой владѣлъ немножко. Груня поѣхала въ Рязанскую губернію за дочерью его. И въ тотъ день, какъ онѣ воротились, другой ударъ случился съ нимъ. Такъ и покончилъ жизнь.

Подробно разсказалъ Патапъ Максимычъ, какъ онъ ночью засталъ Корнея возлѣ умиравшаго Смолокурова, разсказалъ и о распоряженьяхъ своихъ по дѣламъ сироты. Колышкинъ нашелъ, что крестнымъ все сдѣлано было хорошо.

— А въ тотъ разъ, какъ были вы у меня съ Аграфеной Петровной, не успѣлъ я вамъ сказать, что на короткое время я отсюда отлучался. Въ Казань надобность была съѣздить. Назадъ ѣхалъ на своемъ пароходѣ. Ѣхалъ на тотъ разъ со

мной молодой купчикъ съ большимъ багажомъ, изъ Казани на житье сюда переселяется онъ. Разговорились мы, вижу и слышу — парень умный и, надо думать, доброй души, однако, кажется, маленько озорной, кровь-то молодая, видно, еще не совсѣмъ уходилась въ немъ. И тебя знаетъ онъ и Аграфену Петровну; зналъ и покойнаго Марка Данилыча. Здѣсь покамѣстъ стоитъ на квартирѣ, а самъ присматриваетъ, гдѣ бы домикъ купить себѣ.

— Не Самоквасовъ ли Петръ? Какъ величать по отчеству— забылъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Петръ-отъ онъ Петръ — въ прошломъ году на Петровъ день въ Комаровѣ мы именины его справляли. И Марко Данилычъ съ нами былъ тогда.

— Онъ и есть, — молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Петромъ Степанычемъ зовутъ его.

— Ну такъ, такъ, Петръ Степанычъ, — подхватилъ Патапъ Максимычъ. — А что озорной, такъ впрямь озорной. Сколько онъ въ скитахъ у матерей начудилъ, такъ и разсказывать всего не разскажешь. А голова умная и точно что доброй души человѣкъ. Куролеситъ, а перейдетъ время, остепенится, и ежели возьметъ за себя умную да хорошую жену, чистое золото выйдетъ изъ него.

— Частенько у меня бываетъ, — сказалъ Колышкинъ: — да и живетъ неподалеку. Съ недѣлю назадъ прибѣжалъ онъ ко мнѣ блѣдный такой, разстроенный, и спрашиваетъ, не слыхалъ ли я чего про Смолокурова и про его дочь. Я не зналъ еще ничего и сказать не могъ, а онъ ушелъ отъ меня такой притупленный, даже слезы, кажется, изъ глазъ выкатились.

— Какъ бы съ нимъ повидаться? — сказала вошедшая Аграфена Петровна. — Мы довольно съ нимъ знакомы, въ ярманку, бывало, каждый день къ мужу въ лавку ходилъ.

— Не придетъ ли вечеркомъ, давно что-то не бывалъ, — отвѣтилъ Колышкинъ. — А не придетъ, спосылать можно.

— Пожалуйста, Сергѣй Андреичъ, спосылайте. Мнѣ непремѣнно хочется съ нимъ повидаться.

— Можно и послать. — молвилъ Колышкинъ.

И тотчасъ же послалъ за Самоквасовымъ. И записку написалъ на случай, если бы посланный не засталъ его. Приписалъ, что теперь у него Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной, и что на другой день уѣзжаютъ они въ свои лѣса за Волгу. Прибавилъ также, что Марко Данилычъ приказалъ долго жить.

Не засталъ посланный Петра Степаныча, куда-то по дѣламъ онъ уѣхалъ. Записку Сергѣя Андреича оставилъ.

Къ вечернему чаю Самоквасовъ пришелъ къ Колышкинымъ. Его радушно встрѣтили, и Патапъ Максимычъ вскорѣ обратился къ нему:

— Давненько, Петръ Степанычъ, мы не видались. Какъ твое дѣло съ дядей? Покончилъ ли?

— Славу Богу, покончилъ. Подѣлились, — отвѣчалъ Самоквасовъ.

— Какъ же? — спросилъ Чапуринъ: — чѣмъ рѣшили?

— Не мы рѣшали, судъ порѣшилъ, — сказалъ Самоквасовъ. — Я получилъ свое, хоть не безъ хлопотъ, надо было выручать присужденное наслѣдство. И надоѣла же мнѣ эта Казань послѣ этого, хоть и родина, а вѣкъ бы не видать ея. Сюда на житье переѣхалъ, здѣсь хочу устроиться.

— И дѣло, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Хорошо придумано. На новомъ мѣстѣ и новая жизнь пойдетъ. А сколько съ дяди-то пришлось?

— Половина, что̀ послѣ дѣдушки осталось. На двѣсти тысячъ, — отвѣтилъ Самоквасовъ.

— Съ такимъ капиталомъ можно повести дѣла, — молвилъ Чапуринъ. — Переписывайся въ здѣшніе купцы да заводи торги. Только чуръ не шалопайничать — по скитамъ, ради озорства, не ѣздить, не повѣсничать тамъ. Пора остепениться, любезный Петръ Степанычъ. А то и не увидишь, какъ дѣдушкины двѣсти тысячъ вылетятъ въ трубу.

— Что̀ было, то прошло, да и быльемъ поросло, — съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ Петръ Степанычъ. — Былъ молодъ, былъ неразуменъ, молодая кровь бурлила, а теперь ужъ я не тотъ — укатали сивку крутыя горки. Какъ оглянешься назадъ да вспомнишь про прежнее безпутное время, самому покажется, что, опричь глупостей, до сей поры ничего въ моей жизни не было.

— Жениться бы тебѣ, Петръ Степанычъ. Съ хорошей женой и самъ бы ты былъ хорошій человѣкъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Годковъ-то ужъ тебѣ немало, изъ подростковъ вышелъ — право, не пора ли? Отъ дяди отдѣлился, имѣешь теперь свой капиталъ, рожна, что ли, тебѣ еще? Аль въ скиты тянетъ съ бѣлицами да съ молоденькими старицами валандаться?

— Что̀ мнѣ скиты? Пропадай они пропадомъ, и ухомъ не поведу, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Дядя каждый годъ меня съ милостыней туда посылалъ, не своей охотой ѣздилъ я на Керженецъ. Теперь то время прошло.

— Толкуй! Знаемъ и мы кой-чего понемножку, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Никому спуску не давалъ. Хоть Фле-

нушку взять, сестрицы моей воспитанницу. Валандался вѣдь съ ней? Ну, скажи правду-матку, какъ есть на чистоту.

И лукаво поглядѣлъ на Петра Степаныча.

— Въ скитахъ, да и вездѣ въ вашихъ лѣсахъ, много сплетокъ плетутъ, Патапъ Максимычъ,—отвѣтилъ Самоквасовъ.— А если что и было, такъ я теперь ото всякихъ обителей отшатился. Пропадай онѣ совсѣмъ.

Всѣ примолкли. Спустя немногое время Колышкинъ спросилъ Петра Степаныча:

— Домика не присмотрѣли-ль?

— Нѣтъ, — тоскливо отвѣтилъ Самоквасовъ. — Да и на что мнѣ домъ, какъ поразсудить хорошенько. Истратишься на него, а послѣ съ рукъ не сбудешь... А гдѣ мнѣ еще придется жить, самъ покуда не знаю. Въ Москвѣ ли, въ Питерѣ ли, или у чорта на куличкахъ гдѣ-нибудь...

— А ты, парень, не черкайся *), коли говоришь про хорошее дѣло, — внушительно сказалъ ему Патапъ Максимычъ.— Зачѣмъ супротивнаго поминать? Говорю тебѣ — женись. Повѣрь, совсѣмъ тогда другая жизнь у тебя будетъ.

— И радъ бы жениться, да жениться какъ? — молвилъ Петръ Степанычъ. — Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ подходящей невѣсты, я бы со всякимъ удовольствіемъ.

— Сваха, что-ль, я тебѣ? — засмѣялся Чапуринъ. — Самъ ищи, дѣло-то будетъ вѣрнѣе.

Подъ эти слова еще человѣка два къ Колышкину въ гости пришли, оба пароходные. Петръ Степанычъ ни того ни другого не зналъ. Завязался у нихъ разговоръ о погодѣ, стали разбирать примѣты и судить по нимъ, когда на Волгѣ начнутся заморозки и наступитъ конецъ пароходству. Марѳа Михайловна вышла по хозяйству. Улучивъ минуту, Аграфена Петровна кивнула головой Самоквасову, а сама вышла въ сосѣднюю комнату; онъ за нею пошелъ.

— Садитесь-ка возлѣ меня, Петръ Степанычъ, — указывая на кресло, сказала она.

Онъ сѣлъ. Аграфена Петровна продолжала:

— А я вѣдь далеко за Дуней ѣздила, въ Рязанскую губернію. И только-что воротились, въ первую же ночь Марка Данилыча не стало.

— Слышалъ я давеча утромъ, тамошніе торговцы сказывали, — молвилъ Петръ Степанычъ. — Она что?

— Извѣстно что. Плачетъ, и утѣшить ее невозможно, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Вотъ я сама всего девяти

*) Не поминая чорта.

годковъ была, какъ померли у меня батюшка съ матушкой, и осталась я одна въ чужомъ, незнакомомъ городѣ... Мала была и неразумна, а до сихъ поръ сердце кровью обливается, какъ вспомнишь, какъ плакала я у воротъ Мартыновской больницы... И послалъ мнѣ тогда Богъ милосердаго человѣка — тятеньку Патапа Максимыча. И была я у него и до сихъ поръ осталась, какъ родная дочь... А у Дунюшки кто заступа?.. Гдѣ покровитель? Одна-одинешенька, что въ полѣ головешка... Дарья Сергѣевна при ней, да что-жъ она можетъ? Нашлось въ бумагахъ покойника, что братъ не утонулъ въ морѣ, а больше двадцати годовъ у басурманъ въ полону живетъ, — выкупаютъ его теперь. Да ежели и вынесетъ его Богъ на русскую землю... какой же онъ защитникъ племянницы? Изживши вѣкъ середи басурманъ, пожалуй, и порядки-то русскіе всѣ перезабылъ. Трудно Дунѣ, трудно бѣдняжкѣ. Денегъ хоть и много послѣ отца ей досталось — больше милліона, да вѣдь не въ деньгахъ людское счастье, а въ близкомъ добромъ человѣкѣ. Пройдутъ сорочины, пріѣдетъ она съ Дарьей Сергѣевной за Волгу, у меня поживетъ, у тятеньки Патапа Максимыча погоститъ, а послѣ того какъ устроится — одинъ Господь вѣдаетъ. Не разъ объ этомъ я съ ней заговаривала, только она и рѣчей не разводитъ. «во всемъ, говоритъ, полагаюсь на власть Божью».

Печально повѣсивши голову, ни слова не сказалъ Самоквасовъ Аграфенѣ Петровнѣ. Лишь минуты черезъ двѣ тихо и робко спросилъ онъ:

— Обо мнѣ не было рѣчи?

— Были рѣчи, Петръ Степанычъ, были. Не одинъ разъ заходили, — отвѣчала Аграфена Петровна. — Да вы прежде скажите-ка мнѣ по душѣ да по совѣсти — милліона, что ли, ея вамъ хочется?

— Что̀ мнѣ милліонъ! — горячо воскликнулъ Петръ Степанычъ. — На что онъ мнѣ? Теперь у меня у самого денегъ за глаза — на жизнь хватитъ, еще, пожалуй, останется. По ней изболѣло сердце. а не по деньгамъ, по ней по самой... Вамъ все вѣдь извѣстно, Аграфена Петровна, — помните, что̀ говорилъ я вамъ въ Вихоревѣ?

— Помню. Это было чуть ли не наканунѣ того дня, какъ въ Комаровъ вы поѣхали, къ матери Филагріи, что ли, — съ усмѣшкой сказала Аграфена Петровна.

— Издали даже не видалъ ея. — пылко отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Что̀ она мнѣ? Ну было, что̀ было прежде, то было, а теперича нѣтъ ничего.

— Зачѣмъ же вы тогда уѣхали отъ насъ?

— Съ тоски, Аграфена Петровна, съ одной только тоски,— отвѣчалъ Самоквасовъ: — опротивѣлъ мнѣ Божій свѣтъ, во всемъ я отчаялся. Дай, подумалъ я, съѣзжу въ Комаровъ, тамъ много знакомыхъ. Не размыкаю ли съ ними кручину. Однако напрасно ѣздилъ. Хоть бы словечко кто мнѣ по душѣ сказалъ. Всѣ только говорили, что очень я перемѣнился — ни прежняго-де удальства, ни прежней отваги, ни веселости нисколько во мнѣ не осталось. Тоски въ Комаровѣ прибыло, и тамъ я пробылъ всего трое сутокъ.

— А потомъ?

— Потомъ только и думалъ, что про нее, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Такъ ли, полно?

— Вѣрно, Аграфена Петровна. Богъ свидѣтель, что говорю не облыжно, — горячо вскликнулъ Самоквасовъ. — Господи! Хоть бы глазкомъ взглянуть! А говорить не посмѣю, на глаза къ ней боюсь показаться. Помнитъ вѣдь она, какъ я въ прошломъ году за Волгу уѣхалъ, а послѣ того, ни съ кѣмъ не повидавшись, въ Казань сплылъ?

— Помнитъ, очень твердо помнитъ, — сказала Аграфена Петровна.

— Что-жъ мнѣ теперь дѣлать? Господа ради скажите, Аграфена Петровна, что̀ дѣлать мнѣ? — со слезами на глазахъ просилъ Самоквасовъ.

—— Не знаю, что̀ вамъ сказать, Петръ Степанычъ. Много бы я вамъ еще поразсказала, да, слышите, Марѳа Михайловна идетъ, — сказала Аграфена Петровна. — Послѣ сорочинъ, когда будетъ она въ Вихоревѣ, пріѣзжайте къ намъ, будто за какимъ дѣломъ къ Ивану Григорьичу. А къ двадцатому дню расположили мы съ тятенькой Патапомъ Максимычемъ ѣхать къ ней. Остановимся здѣсь. Заходите.

Въ это время вошла Марѳа Михайловна. Разговоры покончились.

Съ тѣхъ поръ Петръ Степанычъ каждый день, а иногда и по два раза, заходилъ къ Колышкину узнавать, нѣтъ ли какихъ вѣстей про Патапа Максимыча и про Аграфену Петровну, но про Дуню Смолокурову даже не заикался.

Разъ Сергѣй Андреичъ, говоря съ Самоквасовымъ, какъ думаетъ онъ устроиться, сказалъ ему:

— А вѣдь крестный мой точную правду сказалъ, какъ былъ у меня. Жениться вамъ надо, Петръ Степанычъ, молодую хозяюшку подъ крышу свою привесть. Тогда все пойдетъ по-хорошему.

— Самъ понимаю это, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Да вѣдь невѣстъ на базарѣ не продаютъ, а гдѣ ее хорошую-то сыщешь? Дѣвушки вѣдь всѣ ангелы Божьи, откуда же злыя жены берутся? Жену выбирать — что жребій метать — какая попадется. Хорошъ жребій вынется — вѣкъ проживешь въ весельѣ и радости, плохой вынется — пожалуй, на другой же день послѣ свадьбы придется отъ жены давиться либо топиться.

— Съ вашимъ капиталомъ да не найти хорошей невѣсты! — молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Да возьмите хоть у насъ въ городу. Здѣсь всякими невѣстами, хорошими и плохими, старыми и молодыми, хоть Волгу съ Окой запруди. Словечко только молвите — стаями налетятъ, особенно-жъ теперь, при отдѣльномъ вашемъ капиталѣ.

— Немало ужъ свахъ налетало, — сказалъ Петръ Степанычъ. — Да это и на дѣло-то нисколько не похоже. Какъ я стану свататься, не зная ни невѣсты ни семейныхъ ея?

— На невѣсту-то я вамъ, пожалуй, укажу — сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Самъ ея не видалъ никогда, а всѣ одобряютъ, много слышалъ я про нее хорошаго. Съ милліономъ приданаго, съ вашимъ-то капиталомъ до полутора набралось бы... Какую бы можно было коммерцію завести! Про Смолокурову говорю, про сироту. Сама еще молода, изъ себя, говорятъ, пригожа, и нравомъ, вишь, кроткая, и ко всѣмъ сердобольная. Въ своемъ городу отцовское хозяйство она нарушаетъ, за Волгу ѣдетъ жить къ моему крестному. А крестный, какъ вижу, васъ жалуетъ. Поищите. Да не зѣвайте — милліонная невѣста въ дѣвкахъ не засидится.

Ни слова не сказалъ Петръ Степанычъ, но такая краска бросилась ему въ лицо, что онъ даже побагровѣлъ весь.

Колышкинъ будто и не замѣтилъ того.

— Знавали вы ее когда-нибудь? — спросилъ онъ у Самоквасова.

— Зналъ, — робко отвѣтилъ Петръ Степанычъ, понизивши голосъ. — Въ прошломъ году видались.

— Что-жъ? Нравится? По мыслямъ? — спросилъ, улыбаясь, Колышкинъ.

Не отвѣчалъ смущенный Самоквасовъ.

— Повидайтесь съ моимъ крестнымъ, какъ онъ будетъ здѣсь, да поговорите съ нимъ объ этомъ откровенно, — хлопнувъ ладонью по плечу Самоквасова, сказалъ Сергѣй Андреичъ. — Авось на свадьбѣ попируемъ.

— Что вы, что вы, Сергѣй Андреичъ? — полушопотомъ только могъ проговорить въ конецъ растерявшійся Петръ Степанычъ.

Колышкинъ, глядя на него, улыбнулся.

Глава третья.

Въ городѣ, гдѣ жилъ Смолокуровъ, только и говора было, что о несмѣтномъ богатствѣ Дуни. Досужіе языки ужъ не милліонъ насчитывали, а пять либо шесть. Иные стали обращаться къ ней съ просьбами о помощи, другіе просто денегъ просили взаймы, третьи ужъ не просили, а просто-напросто требовали крупныхъ суммъ на общественныя надобности — на дамскіе вечера въ клубѣ, на музыку, даже на благородныя театральныя представленія, до которыхъ богатой наслѣдницѣ никакого дѣла не было. Если-бъ не Герасимъ Силычъ, Дуня не знала бы, какъ и отдѣлаться отъ толпы просителей. Онъ такъ хорошо ихъ выпроваживалъ, что Дуня никого изъ нихъ и не видала. Боясь, чтобъ кто-нибудь изъ просителей вдругъ не разжалобилъ Дуню, Чубаловъ, оставивши небольшую часть наличныхъ денегъ для хозяйства, остальное отослалъ въ ломбардъ и получилъ именные билеты.

Вексель въ три тысячи рублей, выданный Марку Данилычу Сивковымъ, Дуня послала по почтѣ. Въ письмѣ къ Поликарпу Андреичу, извѣщая о кончинѣ отца, просила она, чтобы онъ, взявъ половину денегъ въ благодарность за данный ей пріютъ, другую половину вручилъ бы отцу Прохору.

А отцу Прохору написала, что онъ навсегда будетъ получать отъ нея по пятисотъ рублей въ годъ и что за первые три года получитъ полторы тысячи рублей отъ Поликарпа Андреича Сивкова.

Недѣли черезъ полторы Дуня получила отвѣтныя письма. Сивковъ разсыпался въ благодарностяхъ и въ пожеланіяхъ скорѣй оправиться отъ горя и счастливо устроить судьбу свою. Насчетъ отца Прохора писалъ онъ, что послалъ къ нему пятьсотъ рублей, а остальные отдастъ послѣ, когда дозволятъ ему торговые обороты. Отецъ Прохоръ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ Дуню за полученные отъ Сивкова пятьсотъ рублей и за обѣщаніе не оставлять его и на будущее время. «А по отъѣздѣ изъ Луповицъ Аграфены Петровны, коей при семъ покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать усерднѣйшее наше почтеніе и благодарность за неоставленіе насъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ, — писалъ отецъ Прохоръ: — у насъ, въ Луповицахъ, произошли неожиданныя новости. Третьягодня пріѣзжалъ какой-то важный чиновникъ изъ Петербурга со здѣшнимъ исправникомъ и съ жандармскимъ полковникомъ. Денисова они взяли, и жандармскіе солдаты увезли его неизвѣстно куда. По всему дому былъ произведенъ обыскъ,

и меня тутъ пригласили по моему сану. Сіонскую горницу и все, что возлѣ нея, запечатали казенными печатями, а равно и богадѣльню еретицы Матрены. Здѣшніе господа остаются покамѣстъ нетронутыми, но съ нихъ, кромѣ Марьи Ивановны, какъ заѣзжей, взяты подписки о невыѣздѣ изъ имѣнья; наблюденіе же за ними поручено нашему господину исправнику. А гостившую въ Луповицахъ барышню Кислову отвезли въ городъ къ родителямъ и до времени отдали подъ полицейскій надзоръ. Чѣмъ все это кончится, пока неизвѣстно, но ходятъ слухи, что правительство строго взялось за преслѣдованіе богопротивной секты. Ожидаютъ, что съ нашими господами кончится тѣмъ же, чѣмъ кончилось и съ родителемъ ихъ, сосланнымъ, какъ извѣстно, въ монастырь на неисходное покаяніе. Таковыя предположенія слышатся не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ чиновныхъ, при коихъ имѣлъ счастье находиться. А они въ барскомъ домѣ не пристали, а остановились: петербургскій чиновникъ съ жандармскимъ полковникомъ — у меня въ домишкѣ, а другіе — у отца дьякона да у причетниковъ. А Марья Ивановна сегодня въ ваши мѣста поѣхала. О семъ пишу по той причинѣ, что, быть-можетъ, вздумаетъ она съ вами повидаться, такъ вы обходитесь съ ней строго и бережно, дабы снова не уязвила васъ. А лучше бы всего, если бы съ нею вовсе вы не видались. Узнавши, что теперь вы богаты, она, надо полагать, станетъ у васъ денегъ просить на ихнее дѣло, то-есть чтобы какъ-нибудь и насколько возможно опять присовокупить васъ къ ихъ кораблю. Прошу я васъ, отнюдь не поддавайтесь просьбамъ ея — храните себя. Боюсь, не осталось ли у васъ въ ихъ домѣ какихъ-нибудь писемъ, касающихся до богомерзкихъ ихъ дѣяній. При обыскѣ таковыхъ не нашлось, но вѣдь дѣло не кончено, могутъ оказаться послѣ. Сами же ни къ Марьѣ Ивановнѣ и ни къ кому изъ нихъ ни единой буквы не пишите. Платье и разныя ваши вещи, у нихъ оставшіяся, пускай пропадаютъ. Откажитесь отъ нихъ, и дѣло съ концомъ. По моему разсужденію, кажется, вамъ нечего опасаться, а если-бъ и довелось отвѣтъ давать, покажите сущую обо всемъ правду. Съ таковыхъ взыску никогда не бываетъ. А главное, молитесь, ежедневно возносите моленія, во-первыхъ, самому Господу Богу, незримыми путями всякаго земнороднаго руководящему, а во-вторыхъ, святому отцу нашему Амвросію, епископу Медіоланскому. Они спасли васъ отъ страшныхъ бѣдъ. Теперь начинаетъ открываться, что Денисовъ со своей сродницей Варварой Петровной, а также съ барышней Кисловой, въ прежніе годы то же самое учинилъ, на что и относительно васъ покушался. Дай Боже

ему въ монастырѣ раскаяться въ богопротивныхъ дѣлахъ... А сколько зато будетъ избавлено отъ позора молодыхъ дѣвицъ и даже несмысленныхъ отроковицъ».

Письмо отца Прохора обезпокоило Дуню — она боялась встрѣчи съ Марьей Ивановной. Впрочемъ, еще надѣялась, что, послѣ всего бывшаго въ Луповицахъ, она проѣдетъ мимо города прямо въ Фатьянку.

Въ самомъ дѣлѣ онѣ не встрѣтились, но вскорѣ изъ Фатьянки пріѣхалъ нарочный отъ Марьи Ивановны. Онъ привезъ два чемодана съ платьемъ и съ разными вещами, оставленными Дуней въ Луповицахъ. Въ одномъ изъ чемодановъ было положено все хлыстовское, что̀ употребляла Дуня во время радѣній. Тутъ были и бѣлыя ризы, и покровцы, и знамена, и пальмовыя вѣтки. На вещахъ было положено письмо.

Вотъ что̀ писала Марья Ивановна:

«Что̀ это сдѣлала ты съ нами, милая, дорогая моя Дунюшка?.. Сокрушила ты всѣхъ насъ печалью, а мы столь много и столь пламенно тебя любимъ. Сколько принесла ты намъ горя, тревогъ и безпокойства своимъ исчезновеніемъ. Долго искали мы, куда могла бы ты скрыться, но не могли узнать; послѣ ужъ стороной услыхали, что была ты въ губернскомъ городѣ у купца Сивкова, а отъ него съ какою-то женщиной поѣхала къ больному отцу. Не можемъ придумать, какъ очутилась ты у Сивковыхъ. Черезъ день послѣ того, какъ ты скрылась, была получена эстафета съ письмомъ ко мнѣ. Извѣщали меня о внезапной болѣзни Марка Данилыча и просили сейчасъ же тебя привезти, чтобъ отца въ живыхъ ты застала. И я бы исполнила это, ежели бы ты у насъ на ту пору оставалась. А все произошло, я полагаю, изъ-за какого-нибудь недоразумѣнія съ твоей стороны. Надо думать, что тебѣ показалось Богъ знаетъ что̀ такое. Такъ и Егорушка говорилъ. Никогда, милый другъ мой, не должно дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ, иначе это будетъ опрометчивостью. Я, впрочемъ, осталась вполнѣ увѣренною, что ты не покинула святого дѣла и не поругалась ему по вражьему навожденію. Великій, страшный отвѣтъ передъ Богомъ придется давать тебѣ, ежели не устоишь противъ искушеній лукаваго. Сама знаешь, какою ты пріѣхала къ намъ и какою, прельщенная міромъ и суетой его, оставила насъ. Ради вѣчнаго душевнаго спасенія твоего умоляю тебя, милый дружокъ, не забывай того, что̀ преподано тебѣ, и оставайся вѣрною Богу до самой кончины. Теперь, по смерти добраго Марка Данилыча, стала ты ни отъ кого независимою, тѣмъ болѣе, что и достатки тебѣ достались немалые. Ни о чемъ объ этомъ не

думай, никакихъ заботъ на себя не принимай. Угождай только Богу святыми дѣлами. Хорошо бы тебѣ воротиться на прежнее мѣсто, либо у меня пожить въ новомъ имѣньи, но этого до нѣкотораго времени исполнить невозможно, потому что случилось у насъ неожиданное и великое несчастіе. Желѣзная скелетная рука Полифема, сына Посидонова *), коснулась и нашего тихаго отъ суеты мірской убѣжища и грозитъ тѣмъ, что̀ было со спутниками Одиссея въ пещерѣ Циклоповой. Егорушку увезли неизвѣстно куда, домъ братьевъ описали и отчасти запечатали, я отпросилась въ свое имѣнье и дорòгой узнала, что Полифемъ и туда простеръ ужасную свою руку. По этой причинѣ лучше тебѣ покамѣстъ оставаться въ своемъ домѣ, а когда утишатся скорби, тогда къ намъ переѣзжай. Посылаю тебѣ покинутыя тобою вещи и все нужное для истиннаго богомоленія. Пусть эти принадлежности къ работѣ по святому и спасительному дѣлу напоминаютъ тебѣ о данныхъ тобой клятвахъ и обѣщаніяхъ. Съ этимъ же нарочнымъ пришли отвѣтъ, человѣкъ онъ совершенно надежный и вѣрный, писать съ нимъ безопасно. Это письмо на всякій случай сожги, чтобъ никакихъ слѣдовъ отъ него не осталось, и я равнымъ образомъ такъ же поступлю съ письмомъ, которое пришлешь мнѣ. Времена пошли неблагопріятныя, подули съ сѣвера все доброе и истинное мертвящіе холодные вѣтры, необходимо ихъ переждать и беречь себя какъ можно осторожнѣе, чтобы не получить болѣзни... Прощай, милая моя и дорогая Дунюшка, ты всегда была избранной любимицей моего сердца, забудь же недоразумѣніе, по которому ты исчезла изъ братнина дома. Увѣряю тебя, что тутъ не было ничего дурного, ничего предосудительнаго, тебѣ только показалось что-то нехорошее. Умоляю тебя не забывать, что̀ тобою принято, и вручаю тебя покровительству Царицы Небесной. Ты вѣдь Ее за себя порукой давала. Не увлекайся мірской суетой и помни всегда, что не въ ней заключаются полнота духа, праведное восхищеніе и душевный, ни съ чѣмъ несравнимый восторгъ. Ты вѣдь не разъ испытала его».

Раздумалась надъ этимъ письмомъ Дуня. «Все ложь, все обманъ, правды нѣтъ нисколько! — подумала она. Какое-то

---

*) Это и нѣкоторыя другія выраженія письма Марьи Ивановны дословно взяты изъ письма образованной петербургской хлыстовки, писаннаго во второй половинѣ сороковыхъ годовъ. Ни означенія года ни имени писавшей нѣтъ, но видно, что барыня-хлыстовка хоть нѣсколько была знакома съ Гомеромъ. Подъ именемъ Полифема разумѣется правительство, а изъ сопоставленія другихъ подобныхъ документовъ видно, что это преимущественно относится къ министру графу Перовскому, обратавшему строгое вниманіе на распространившуюся въ его время хлыстовскую ересь.

недоразумѣніе нашла... Какое тутъ недоразумѣніе, когда сама ввела меня въ ловушку. И про мои достатки, что остались послѣ тятеньки, поминаетъ. Ихъ хотѣлось Луповицкимъ... Прочь, лукавые! Ни думать не хочу о васъ, ни вспоминать про вашу обманную вѣру».

Вошла разбитная Матрена.

— Что тебѣ, Матренушка? — спросила ее Дуня.

— Посланный отвѣта ждетъ, — отвѣчала Матрена.

— Скажи, что отвѣта не будетъ, — нахмурясь, сказала Дуня.

— Онъ говоритъ, что безъ вашего письма никакъ ему нельзя домой воротиться. Строго-настрого ему, слышь, наказывали письмо привезти отъ васъ.

— Скажи ему отъ меня, что никакого отвѣта не будетъ, и чтобъ онъ скорѣй уѣзжалъ съ моего двора, — повысивши голосъ, сказала Дуня, и глаза ея загорѣлись пылкимъ гнѣвомъ.

Волей-неволей посланный отъ Марьи Ивановны поѣхалъ долой со двора.

— Затопи, Матренушка, въ моей спальнѣ печку, — приказала Дуня.

— Да вѣдь не холодно на дворѣ-то, Авдотья Марковна, — сказала-было Матрена.

— Затопи, когда приказываютъ, — повелительно крикнула Дуня.

Изумилась Матрена. Всегда тихая и кроткая смиренница такъ грозно и властно стала покрикивать. Ни дать ни взять покойникъ Марко Данилычъ. Видно, яблочко отъ яблоньки недалеко падаетъ.

Когда печка разгорѣлась, Дуня заперлась изнутри и покидала въ огонь бѣлыя ризы, еще недавно такъ съ восторгомъ ею надѣваемыя. Знамена, покровцы и пальмовыя вѣтви тоже въ печку пошли. Между платьемъ нашла она писаную водяными красками картину «ликовствованія» и нѣсколько мистическихъ книгъ, купленныхъ Маркомъ Данилычемъ у Чубалова и взятыхъ Дуней въ Луповицы. И это все въ огонь полетѣло. Когда сгорѣло все, что могло напоминать ей о хлыстахъ, ровно тяжесть какая свалилась съ нея, и на душѣ стало покойнѣй и веселѣе. Ей казалось, будто вышла она на вольную свободу изъ душной темницы. Всѣ отношенія ея къ луповицкимъ хлыстамъ были навсегда теперь разорваны.

Послѣ, когда разсказала она обо всемъ этомъ Аграфенѣ Петровнѣ, та похвалила ее.

Въ тотъ же день вечеромъ разговорилась Дуня съ Чубаловымъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, Герасимъ Силычъ, правду-ль

я слышала, будто вы, странствуя по разнымъ мѣстамъ, во многихъ вѣрахъ перебывали? — спросила она.

— Правда, Авдотья Марковна, вамъ не облыжно сказывали, — отвѣчалъ Чубаловъ. — Съ раннихъ годовъ, когда еще я подросткомъ былъ, съ ума у меня не сходило, что вотъ здѣсь вокругъ насъ старовѣры разныхъ толковъ живутъ. И каждый толкъ не любитъ другіе, обзываетъ ихъ отступниками, отщепенцами. Гдѣ-жь, думалъ я, единая, правая Христова вѣра, въ коей вѣчное спасеніе несомнѣнно? Кого ни спрашивалъ, никто прямого отвѣта мнѣ не далъ, свою вѣру хвалилъ, другія проклиналъ... Тогда прочелъ я книгу Ефрема Сирина. А въ ней сказано: «Въ послѣднія времена праведная вѣра сокроется изъ міра, и міръ по своимъ похотямъ пойдетъ и забудетъ Творца своего. Тогда держащіе праведную вѣру побѣгутъ въ горы и будутъ пребывать въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ». И пошелъ я въ странство отыскивать тѣ вертепы и пропасти, чтобъ до конца живота пребывать съ людьми истинной вѣры. Много странствовалъ, но не могъ ихъ найти. Пошелъ по сектамъ — въ которой годъ, въ которой больше оставался. А какъ замѣчу, бывало, какую ни на есть неправоту, тотчасъ ухожу въ иное мѣсто... И такимъ образомъ пятнадцать лѣтъ провелъ я въ странствѣ и все переходилъ изъ одного согласа въ другой. Но нигдѣ не видалъ прямой истины. Тогда, наскучивъ празднымъ шатаньемъ, домой воротился. И вотъ теперь провожу житіе въ той вѣрѣ, въ коей родился, по Спасову согласію.

— Вы находите ее всѣхъ праведнѣе? — спросила Дуня.

Не вдругъ отвѣтилъ Чубаловъ. Думалъ онъ. Долго думалъ; потомъ тихо промолвилъ:

— Вы, Авдотья Марковна, слышалъ я, много книгъ прочитали и съ образованными господами знакомство водите. Такъ не можетъ же быть, чтобъ и вамъ на умъ не приходило, до чего дошелъ я чтеніемъ книгъ.

— Что-жъ такое, Герасимъ Силычъ? — живо спросила его Дуня. — До чего дошли вы?

— Не въ проносъ мое слово будь сказано, — запинаясь на каждомъ словѣ, отвѣчалъ Чубаловъ. — Ежели по сущей правдѣ разсудить, такъ истинная вѣра тамъ.

И показалъ на виднѣвшіяся изъ окна церковныя главы.

— Какъ? Въ великороссійской? — спросила удивленная Дуня.

— Да, въ великороссійской, — твердо отвѣтилъ Герасимъ Силычъ. — Правда, есть въ ней отступленіе отъ древнихъ святоотеческихъ обрядовъ и преданій, есть церковныя неустройства, много поповъ и другихъ людей въ клирѣ недо-

стойныхъ, прибытками и гордостью обуянныхъ, а въ богослуженіи нерадивыхъ и небрежныхъ. Все это такъ, но вѣра у нихъ чиста и непорочна. На томъ самомъ камнѣ она стоитъ, о коемъ Христосъ сказалъ: «на немъ созижду церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ю».

Задумалась Дуня.

— Да. между тамошнимъ священствомъ есть люди недостойные. — продолжалъ Чубаловъ. — Но вѣдь въ семьѣ не безъ урода. Зато немало и такихъ, что̀ душу свою готовы положить за послѣдняго изъ паствы. Такіе даже бываютъ, что̀ не только за своего, а за всякаго носящаго образъ и подобіе Божіе всѣмъ пожертвуютъ для спасенія отъ какой-нибудь бѣды, подвергнутся гнѣву сильныхъ міра, сами лишатся всего. а человѣка, хоть имъ вовсе незнакомаго, отъ бѣды и напасти спасутъ. И будь хоть немного таковыхъ, они вполнѣ бы возвеличили свою церковь, а въ ней неправды нѣтъ — одно лишь измѣненіе обряда. А обрядъ не вѣра, и церковь его всегда можетъ измѣнить. Бывали тому примѣры и въ древней церкви, во дни вселенскихъ соборовъ.

Дуня молчала, объ отцѣ Прохорѣ она думала.—«Развѣ мнѣ, чуждой его церкви, не сдѣлалъ онъ величайшаго благодѣянія? Развѣ не подвергался онъ преслѣдованіямъ? Развѣ ему самому не угрожали за это и лишеніе мѣста и лишеніе скудныхъ достатковъ?»

Прошло нѣсколько минутъ, Дуня спросила у Чубалова, зорко глядя ему въ очи и ровно застыдившись:

— Когда вы были въ странствѣ, Герасимъ Силычъ, не случалось ли вамъ когда-нибудь сходиться съ людьми Божьими?— спросила Дуня.

— Всѣ мы Божьи люди, Авдотья Марковна, всѣ Его созданья. Не знаю. про какихъ Божьихъ людей вы спрашиваете, — отвѣчалъ Чубаловъ.

— Такая секта есть, — сказала Дуня. — Сами себя они зовутъ людьми Божьими, вѣрными-праведными зовутся также, и праведными послѣднихъ дней, познавшими тайну сокровенную.

— Не доводилось знать такихъ, — отвѣтилъ Герасимъ Силычъ. — Не знаю, про кого вы говорите.

— Вмѣсто моленья, они пляшутъ и кружатся. — тихонько промолвила Дуня.

— Такъ это хлысты. фармазонами ихъ еще въ народѣ зовутъ, — отвѣтилъ Чубаловъ. — Нѣтъ, Богъ миловалъ, никогда на ихъ проклятыхъ сборищахъ не бывалъ. А встрѣчаться встрѣчался и не разъ бесѣдовалъ съ ними.

— Что-жъ вы думаете о нихъ? Что̀ это за ученіе?

— Бѣсовское, — отвѣтилъ Герасимъ Силычъ.

Глава четвертая.

Работы на пристани и на прядильняхъ Смолокурова еще до Покрова были кончены, и Чубаловъ разсчиталъ пришлыхъ работниковъ. Разсчитались они честно и мирно, не такъ, какъ бывало при Васильѣ Ѳаддеевѣ. Послѣ выгонки ненавистнаго приказчика, голоса никто не повышалъ въ работныхъ избахъ, а ежель и случалось кому хмелькомъ черезчуръ зашибиться, сами товарищи не допускали его бушевать, а если словъ не слушался, такъ пускали въ ходъ палки и кулаки. Иные работники, особенно дальніе, послѣ расчета Христомъ Богомъ молили оставить ихъ при смолокуровскомъ домѣ за какую угодно плату, даже изъ одного хлѣба. Чубаловъ соглашался, и эти работники были полезнѣе другихъ, они сдѣлались бдительными и вѣрными стражами осиротѣлаго дома. А это было нелишнее. Не разъ были попытки подкопаться подъ какую-нибудь смолокуровскую постройку, гдѣ лежало мало-мальски цѣнное. Охотниковъ до чужбинки въ томъ городкѣ, гдѣ жилъ покойный Марко Данилычъ, было вдоволь, и потому Герасимъ Силычъ по ночамъ въ домѣ на каждой лѣстницѣ клалъ спать по нѣскольку человѣкъ, чтобъ опять ночнымъ дѣломъ не забрался въ покои какой-нибудь новый Корней Прожженый.

Тихо, безшумно шла новая Дунина жизнь, хоть и было ей тоскливо, хоть и болѣла она душою отъ скучнаго одиночества. Съ нетерпѣньемъ ждала она тѣхъ дней, когда заживетъ подъ одной кровлей съ сердечнымъ своимъ другомъ Аграфеной Петровной.

Дни и ночи, рукъ не покладаючи, Герасимъ Силычъ работалъ надъ устройствомъ смолокуровскихъ дѣлъ. Они шли успѣшно: кусовыя и косныя, реюшки и бударки, строенныя на пристани, бечева, ставныя сѣти, канаты и веревки, напряденныя весной и лѣтомъ, проданы были хоть не во-время, хоть и по низкой цѣнѣ, но все-таки довольно выгодно. Лѣсъ, на пристани заготовленный на два года, былъ проданъ дороже, чѣмъ обошелся онъ Марку Данилычу. Пріѣхалъ съ Унжи Никифоръ, хорошо уладивши тамошнія дѣла. За унженскія дачи въ свое время дешево Марко Данилычъ заплатилъ промотавшемуся ихъ барину. Не одинъ годъ вырубалъ онъ десятинъ по сотнѣ и сплавлялъ лѣсъ на пристани свою и нижегородскую, къ тому-жъ и Корней Евстигнеичъ, будучи на Унжѣ, не клалъ охулки на руку, а все-таки Никифоръ Захарычъ, распродавши дачи по участкамъ, выручилъ денегъ больше, чѣмъ заплатилъ Марко Данилычъ при покупкѣ лѣса.

Съ домомъ оставалось только развязаться, тогда бы и дѣло съ концомъ, но продать большой домъ въ маленькомъ городкѣ — не лапоть сплести. Изъ мѣстныхъ обывателей не было такого, кто бы могъ купить смолокуровскій домъ, даже съ долгой разсрочкой платежа, а жители другихъ городовъ и въ помышленьи не держали покупать тотъ домъ, у каждаго въ своемъ мѣстѣ отъ отцовъ и дѣдовъ дошедшая осѣдлость была — какъ же оставлять ее, какъ мѣнять вѣрное на невѣрное? Старымъ насиженнымъ мѣстомъ русскій человѣкъ паче всего дорожитъ — не покинетъ онъ дома, гдѣ родились и самъ и его родители, не оставитъ мѣста, гдѣ на погостѣ положены его дѣдушки, бабушки и другіе сродники. Внаймы смолокуровскаго дома сдать было некому — у каждаго купца, у каждаго мѣщанина хоть кривенькій домишко да есть, — у чиновныхъ людей, что покрупнѣе, были свои дома, а мелкая сошка перебивалась на маленькихъ квартиркахъ мѣщанскихъ домовъ — тѣсно тамъ, и холодно, и угарно, да дѣлать нечего — по одежкѣ протягивай ножки. А главное дѣло въ томъ, что по всему городку ни у кого не было столько денегъ, чтобъ купить смолокуровскій домъ, красу городка, застроеннаго ветхими деревянными домишками, ставленными безъ малаго сто лѣтъ тому назадъ по волѣ Екатерины, обратившей ничтожное селенье въ уѣздный городъ. Вотъ ужъ семьдесятъ лѣтъ, какъ тотъ городокъ ни разу до тла не выгоралъ — оттого и строенье въ немъ обветшало.

Носились слухи по городу, что молодая наслѣдница Марка Данилыча для того распродаетъ все, что хочетъ уѣхать на житье за Волгу. Одни вѣрили, другіе не давали вѣры:—«Зачѣмъ, говорили они, такой молоденькой и богатой невѣстѣ забиваться въ лѣсную глушь. Тамъ и жениховъ-то подходящихъ нѣтъ — одно мужичье: дровосѣки да токари, красильщики да валяльщики». Раннюю продажу лодокъ и прядильнаго товара тѣмъ объясняли, что неумѣлой дѣвушкѣ не подъ стать такими дѣлами заниматься, но въ продажу дома никто и вѣрить не хотѣлъ. Повѣрили только къ Сергіеву дню, когда настали «капустки». Въ то время по всѣмъ городкамъ, по всѣмъ селеньямъ въ каждомъ домѣ на зиму капусту рубятъ, къ зажиточнымъ людямъ тогда вереницами дѣвки да молодки съ тяпками подъ мышками [*]) сбираются. А ребятишкамъ и числа нѣтъ, дѣла они не дѣлаютъ, зато до отвала наѣдаются капустными кочерыгами. Шумъ, визгъ, крикъ разносятся да-

---

*) *Тяпка* — малый, заостренный, круглый и острый заступъ, употребляемый при рубкѣ капусты.

леко, а дѣвицы съ молодцами, стоя за корытами, «матушку капустку» поютъ:

Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Изгородь я горожу.
Ой люли, ой люли,
Изгородь я горожу.

Я капусту сажу,
Я все бѣленькую,
Да кочанненькую.
Ой люли, ой люли,
Да кочанненькую.

У кого капусты нѣтъ —
Просимъ къ намъ въ огородъ,
Во дѣвичій хороводъ.
Ой люли, ой люли,
Во дѣвичій хороводъ.

Пойдемъ, дѣвки, въ огородъ,
Что по бѣлую капустку
Да по сладкій кочешокъ.
Ой люли, ой люли,
Да по сладкій кочешокъ.

А капустка-то у насъ
Уродилась хороша,
И туга, и крѣпка, и бѣлымъ-бѣлешенька.
Ой люли, ой люли,
И бѣлымъ-бѣлешенька.

Кочерыжки — что̀ твой медъ,
Ѣшьте, парни, кочерыжки —
Помните капустки.
Ой люли, ой люли,
Помните капустки.

Отчего же парней нѣтъ,
Ай зачѣмъ нѣтъ холостыхъ
У насъ на капусткахъ?
Ой люли, ой люли,
У насъ на капусткахъ?

Возгордились, взвеличались
Наши парни молодые,
Приступу къ нимъ нѣтъ.
Ой люли, ой люли,
Приступу къ нимъ нѣтъ.

А въ торгу да на базарѣ,
По всѣмъ лавкамъ и прилавкамъ
Не то про нихъ говорятъ.
Ой люли, ой люли,
Не то про нихъ говорятъ.

„Вздешевѣли, вздешевѣли
Ваши добры молодцы,
Вся цѣна имъ — кочешокъ.
Ой люли, ой люли,
Вся цѣна имъ кочешокъ.

Нонѣ девять молодцовъ
За полденьги отдають,
И дешевле того.
Ой люли, ой люли,
И дешевле того".

Тяпи, тяпи, тяпъ!..
Тяпи, тяпи, тяпъ!..
Ой, капуста бѣлая,
Кочерыжка сладкая!

Звонко разносится веселый напѣвъ капустной пѣсни, старой-престарой. Еще съ той поры поется она на Руси, какъ предки наши познакомились съ капустой и съ родными щами. Подъ напѣвъ этой пѣсни каждую осень матери, бабушки и прабабушки нынѣшнихъ дѣвокъ и молодокъ рубили капусту. Изо всѣхъ домовъ далеко раздается нескончаемый стукъ тяпокъ, а въ смолокуровскомъ такая тишь, что издали слышно, какъ на дворѣ воробьи чирикаютъ. Бывало, къ пристани Марка Данилыча лодокъ по десяти съ капустой приходило — надо было ее на зиму заготовить, достало бы на всѣхъ рабочихъ, а теперь смолокуровскія лодки хоть и пришли, но капуста безъ остатка продана была на базарѣ. Тутъ только увѣрились горожане, что смолокуровскія заведенія въ самомъ дѣлѣ закрываются, и молодая хозяйка переселяется съ родины въ иное мѣсто.

Въ то время, какъ рубили капусту, подошелъ двадцатый день по смерти Марка Данилыча, и къ Дунѣ пріѣхалъ Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной и съ дѣтьми ея. Похожій на пустыню смолокуровскій домъ огласился дѣтскими кликами, бѣготней и играми, и Дуня повеселѣла при своей сердечной Грунѣ. Въ полусорочины *) Герасимъ Силычъ отправилъ въ домѣ канонъ за единоумершаго, потомъ всѣ сходили на кладбище помолиться на могилкѣ усопшаго, а послѣ того въ работныхъ избахъ ставлены поминальные столы для рабочихъ и для нищей братіи, а кромѣ того всякій, кому была охота, невозбранно приходилъ поминать покойника. На другой же день поминовенья начались сборы въ путь-дорогу. Одна Дарья Сергѣевна была недовольна рѣшеньемъ переѣхать за Волгу — сильна въ ней была привязанность къ дому, гдѣ

*) Полусорочины — двадцатый день послѣ смерти.

она молодость скоротала и почти до старости дожила. Патапъ Максимычъ больше всего заботился, чтобы какъ-нибудь домъ сбыть съ рукъ. Узнавши, что присутственныя мѣста въ городкѣ до того обветшали, что заниматься въ нихъ стало невозможно, онъ вступилъ въ переговоры съ начальствомъ, чтобы наняли смолокуровскій домъ, ежели нѣтъ въ казнѣ денегъ на его покупку. Городничій разсчиталъ, что въ томъ домѣ, опричь помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, можетъ быть и для него отдѣлана хорошая даровая квартира, и потому усердно сталъ хлопотать о наймѣ. Патапъ Максимычъ, будучи съ Дуней одинъ на одинъ, сказалъ ей про то.

— Знаете ли, что̀ я придумала? — выслушавъ Чапурина и немного помолчавши, сказала она. — Не надо бы дома-то продавать. лучше внаймы отдать на короткій срокъ, на годъ, что ли, а не то и меньше.

— Что-жъ это тебѣ вздумалось? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А помните, какъ мы разбирали тятенькинъ сундукъ и нашли бумагу про дядюшку Мокея Данилыча? — сказала Дуня. — Ежели, Богъ дастъ, освободится онъ изъ полону, этотъ домъ я ему отдамъ. И денегъ, сколько надо будетъ, дамъ. Пущай его живетъ да молится за упокой тятеньки.

— Добрая душа у тебя, добрая, — ласково улыбаясь. сказалъ ей Патапъ Максимычъ. — Значитъ, домъ внаймы отдавать только на годъ?

— Какъ ужъ тамъ разсудите, — отвѣчала Дуня. — А какъ думаете, скоро ли дядя воротится изъ полону?

— Не ближе лѣта. Поглядимъ, что̀ оренбургскій татаринъ напишетъ, а отвѣта отъ него до сихъ поръ еще нѣтъ. — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Схожу-ка я теперь къ городничему да потолкую съ нимъ о наймѣ дома на годъ. Да врядъ ли онъ согласится на такое короткое время, — дѣло же вѣдь не его, а казенное.

— Такъ вовсе не отдавать, — быстро промолвила Дуня. — Караульщиковъ можно нанять, Герасима Силыча попросить, не согласится ли онъ пожить здѣсь до дяди.

— Хорошо, — молвилъ Чапуринъ, но все-таки пошелъ къ городничему.

Только-что вышелъ онъ изъ Дуниной комнаты. вошла Аграфена Петровна.

— Съ пріѣзда не удавалось еще мнѣ поговорить съ тобой съ глазу на глазъ, — сказала она Дунѣ. — Все кто-нибудь помѣшаетъ: либо тятенька Патапъ Максимычъ, либо Гера-

симъ Силычъ, либо Дарья Сергѣвна, а не то ребятишки мои снуютъ по всѣмъ горницамъ и къ тебѣ забѣгаютъ.

— Что-жъ? Пусть ихъ побѣгаютъ, здѣсь просторно играть имъ, — молвила Дуня.

И, зорко поглядѣвши въ глаза пріятельницѣ, сказала:

— По глазамъ вижу, Груня, что хочется тебѣ что-то сказать мнѣ. Къ добру али къ худу будутъ рѣчи твои?

— Каково почтешь, — отвѣтила Аграфена Петровна, тоже улыбаясь. — По-моему, кажется бы, къ добру, а впрочемъ, какъ разсудишь.

— Что-жъ такое? — немного смутившись, спросила Дуня. Догадывалась она, о чемъ хочетъ вести съ ней рѣчь пріятельница.

— Два раза видѣлась я съ нимъ у Колышкиныхъ, — сказала Аграфена Петровна. — Какъ за Волгу отсюда ѣхали да вотъ теперь, сюда ѣдучи. Съ дядей онъ покончилъ, двѣсти тысячъ чистоганомъ съ него выправилъ, въ Казани жить не хочетъ, а въ Нижнемъ присматриваетъ домикъ и думаетъ тутъ на хозяйство сѣсть.

— Что-жъ онъ? — вся потупившись, спросила Дуня.

— Ничего. Живъ, здоровъ, — отвѣчала Аграфена Петровна. — Про тебя вспоминалъ.

Ни слова Дуня.

— Тоже тоскуетъ, какъ и тогда у насъ въ Вихоревѣ, — немного помолчавъ, сказала Аграфена Петровна. — Тоскуетъ, плачетъ: смертная ему охота хоть бы глазкомъ поглядѣть на ту, что съ ума его свела, не знаетъ только, какъ подступиться... Боится.

— Такъ и сказалъ? — чуть слышно промолвила Дуня.

— Такъ и сказалъ, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Терзается, убивается, даже рыдаетъ навзрыдъ. «Одинъ, говоритъ, свѣтъ, одна услада мнѣ въ жизни была, и ту по глупости своей потерялъ». Въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись, волосы даже рвалъ на себѣ... Да скажи ты мнѣ, Дуня, по истинной правдѣ, не бывало ли прежде у васъ съ нимъ разговоровъ о томъ, что ты ему по душѣ пришлась? Не сказывалъ ли онъ тебѣ про свои намѣренья?

— Нѣтъ, — отвѣтила Дуня: — ни онъ мнѣ ни я ему словечка о томъ не сказали. Онъ не заговаривалъ, такъ какъ же я-то могла говорить? Мое дѣло дѣвичье. Тогда же была я такая еще, что путемъ и не понимала своихъ чувствъ. А когда узнала, что уѣхалъ онъ къ Фленушкѣ, закипѣло мое сердце, все во мнѣ замерло, но я все-таки затаила въ себѣ чувства, никому виду не подала, тебѣ даже не сказала, что

у меня сталось на сердцѣ... А тутъ эта Марья Ивановна подвернулась. Хитрая она — сразу обо всемъ догадалась. Лукавыми словами завлекла она меня въ ихнюю вѣру, и я была тогда имъ такъ много обижена, такъ ненавидѣла его, всякаго зла и несчастья желала ему, оттого больше и предалась душою фармазонской вѣрѣ... Когда-жъ образумилась и познала ихніе ложь и обманы, тогда чаще и чаще онъ сталъ вспоминаться мнѣ. Голосъ его даже слыхала, призракъ его видѣла. И съ той поры стала сердцемъ по немъ сокрушаться, жалѣть *) его...

— И онъ тебя жалѣетъ, и онъ по тебѣ сокрушается, — тихонько молвила Аграфена Петровна. — Съ того времени сокрушается, какъ лѣтошній годъ уѣхалъ въ скиты. Такъ говорилъ онъ въ послѣднее наше свиданье и до того такія же рѣчи не разъ мнѣ говаривалъ... Свидѣться бы вамъ да потолковать межъ собой.

— Нѣтъ! Какъ можно! — покраснѣвши вся, молвила Дуня. — Не бросаться же къ нему на шею.

— Вѣстимо, на шею не бросаться, а не мѣшаетъ самой тебѣ узнать, какъ онъ по тебѣ сокрушается, особенно теперь, какъ ты осиротѣла... Какъ, говоритъ, теперь она устроится? Безпомощная, беззащитная, — сказала Аграфена Петровна.

Задумалась Дуня. Послѣ недолгаго молчанья Аграфена Петровна сказала ей:

— Теперь онъ чуть не каждый день у Колышкиныхъ. Пріѣдемъ въ городъ, увидишься съ нимъ. Поговори поласковѣй. Сдается мнѣ, что дѣло кончится добромъ.

Не отвѣтила Дуня, но съ тѣхъ поръ Петръ Степанычъ не сходилъ у нея съ ума. И все-то представлялся онъ ей такимъ скорбнымъ, печальнымъ и плачущимъ, какимъ видѣла его въ грезахъ въ Луповицкомъ палисадникѣ. Раздумываетъ она, какъ-то встрѣтится съ нимъ, какъ-то онъ заговоритъ, что надо будетъ ей отвѣчать ему. Съ ненавистью вспоминаетъ Марью Ивановну, что воспользовалась душевной ея тревогой и, увлекши въ свою вѣру, разлучила съ нимъ на долгое время. Про Фленушку и про поѣздку Самоквасова въ Комаровъ и помина нѣтъ.

Пришелъ Покровъ дѣвкамъ головы крыть **) — наступило первое зазимье, конецъ хороводамъ, починъ вечернимъ поси-

---

*) *Жалѣть* — въ простонародьѣ любить.

**) Съ Покрова (1-го октября) начинаются по деревнямъ свадьбы. Послѣ вѣнчанья молодой расчесываютъ косу и кроютъ голову повойникомъ.

дѣлкамъ. Патапъ Максимычъ уладилъ всѣ дѣла — караульщики были наняты, а Герасимъ Силычъ согласился домовничать.

Черезъ недолгое время послѣ Покрова пришлись сорочины. Справивши ихъ, Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной, съ Дуней и Дарьей Сергѣевной поѣхали за Волгу. На перепутьѣ остановились у Колышкиныхъ.

И Сергѣй Андреичъ и Мареа Михайловна рады были знакомству съ Дуней, приняли ее съ задушевнымъ радушьемъ и не знали, какъ угодить ей. Особенно ласкова была съ ней Мареа Михайловна — сиротство молодой дѣвушки внушало ей теплое, сердечное въ ней участье. Не заставилъ долго ждать себя и Петръ Степанычъ.

Вошелъ онъ въ комнату, гдѣ сидѣли и гости и хозяева. Со всѣми поздоровавшись, низко поклонился онъ Дунѣ и весь поблѣднѣлъ. Самъ ни словечка, стоитъ передъ нею, какъ вкопаный. Дуня слегка ему поклонилась и зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Постоялъ передъ ней Самоквасовъ, робко, скорбно и страстно поглядѣлъ на нее, потомъ отошелъ въ сторону и вступилъ въ общій разговоръ. Аграфена Петровна улучила минуту и прошептала ему нѣсколько словъ. Немного погодя сказала она Дунѣ:

— Пойдемъ въ тѣ комнаты, надо мнѣ на ребятокъ моихъ посмотрѣть, не расшалились ли; да и спать ужъ пора ихъ укладывать.

Медленно встала Дуня и пошла за подругой. Посмотрѣли онѣ на дѣтей: тѣ играли съ дѣтьми Колышкина и держали себя хорошо. Послѣ того Аграфена Петровна пошла съ Дуней въ гостиную. Сѣли онѣ тамъ.

— Ну что? — спросила едва слышно Аграфена Петровна.

Не отвѣчала Дуня.

— Что-жъ молчишь? Говори!

— Жалкимъ такимъ онъ мнѣ показался, — немного помедливши, проговорила Дуня.

— Чѣмъ же жалокъ-то? — съ улыбкой спросила Аграфена Петровна.

— Такъ, — пальцами перебирая оборку платья, тихонько отвѣтила Дуня.

— А ты путемъ говори, — воскликнула Аграфена Петровна.— Мы вѣдь здѣсь однѣ, никто не услышитъ.

— Жалкій такой онъ, тоскливый... — промолвила Дуня.

— По тебѣ тоскуетъ, оттого и жалокъ, — сказала Аграфена Петровна.

Въ это самое время робкими, неровными шагами вошелъ

въ гостиную Петръ Степанычъ и сталъ у притолоки. Назадъ идти не хочется, подойти смѣлости нѣтъ.

— Подите-ка сюда. Петръ Степанычъ, подойдите къ намъ поближе, — улыбнувшись весело, молвила ему Аграфена Петровна.

Тихой поступью подошелъ къ ней Самоквасовъ.

— Винитесь, въ чемъ согрубили, — сказала Аграфена Петровна.

— Глазъ не смѣю поднять... — задыхающимся, дрожащимъ голосомъ промолвилъ Самоквасовъ. — Глупость была моя, и теперь долженъ за нее вѣкъ свой мучиться да каяться.

— Что-жъ такое вы сдѣлали?.. Я что-то не помню, — вся разгорѣвшись, промолвила Дуня.

— А уѣхалъ-то тогда. Въ прошломъ-то году... Не сказавшись, не простившись уѣхалъ... — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Что-жъ? Вы человѣкъ вольный, гдѣ хотите, тамъ и живете, куда вздумали, туда и поѣхали, никто васъ не держитъ, — проговорила Дуня. — Я вовсе на васъ не сердилась, и ужъ довольно времени прошло, когда мнѣ сказали о вашемъ отъѣздѣ; а то и не знала я, что вы уѣхали. Да и съ какой стати стала бы я сердиться на васъ?

— Авдотья Марковна, Авдотья Марковна! Раздираете вы душу мою! — вскликнулъ Самоквасовъ. — Самъ теперь не знаю. радоваться вашимъ словамъ, или навѣки отчаяться въ счастьѣ и радости.

Дуня сгорѣла вся, не можетъ ничего сказать въ отвѣтъ Петру Степанычу. Но потомъ эти слова его во всю жизнь забыть не могла.

Немного оправясь отъ смущенья, повела она рѣчь о постороннемъ.

— Чтò вашъ раздѣлъ? — спросила она.

— Покончилъ, судомъ порѣшили насъ, — отвѣчалъ Самоквасовъ. — Прежде невеликую часть изъ дѣдушкина капитала у дяди просилъ я, а онъ заартачился, не хотѣлъ и мѣдной полушки давать. Дѣлать нечего — я къ суду. И присудили мнѣ цѣлую половину всего имѣнья — двѣсти тысячъ чистыми получилъ и тотчасъ же уѣхалъ изъ Казани — не жить бы только съ дядей въ одномъ городѣ. Здѣсь рѣшился домикъ себѣ купить и какимъ-нибудь дѣломъ заняться. А не найду здѣсь счастья, въ Москву уѣду, либо въ Питеръ, а не то и дальше куда-нибудь... Двухсотъ тысячъ на жизнь хватитъ, а жить мнѣ недолго. Безъ счастья на свѣтѣ я не жилецъ.

— Ну, будетъ вамъ, Петръ Степанычъ, — сказала Аграфена Петровна. — Мировую сейчасъ, хоть ссоры межъ вами и не было. Такъ ли, Дунюшка?

— Какая же ссора! — молвила Дуня, обращаясь къ подругѣ. — И въ прошломъ году и до сихъ поръ я Петра Степаныча вовсе почти и не знала; ни я передъ нимъ ни онъ передо мной ни въ чемъ не виноваты. Въ Комаровъ-отъ уѣхали вы тогда, такъ мнѣ-то какое дѣло было до того? Петръ Степанычъ вольный казакъ — куда воля тянетъ, туда ему и дорога.

— Ну, будетъ, пойдемте, не то придетъ сюда кто-нибудь. — сказала Аграфена Петровна. — Ступайте прежде вы. Петръ Степанычъ, мы за вами.

Послушно, ни слова не сказавши, вышелъ Самоквасовъ. Когда ушелъ онъ, Аграфена Петровна тихонько сказала Дунѣ:

— На первый разъ пока довольно. А примѣтила-ль ты, какой онъ робкій былъ передъ тобой? — молвила Аграфена Петровна. — Тебѣ словечка о томъ не промолвилъ, а мнѣ на этомъ мѣстѣ говорилъ, что ежель ты его оттолкнешь, такъ онъ на себя руки наложитъ. Попомни это, Дунюшка... Ежели онъ надъ собой въ самомъ дѣлѣ что-нибудь сдѣлаетъ, это всю твою жизнь будетъ камнемъ лежать на душѣ твоей... А любитъ тебя, сама видишь, что любитъ. Однакожъ пойдемъ.

И пошли изъ гостиной въ столовую, гдѣ и хозяева и гости сидѣли.

Патапъ Максимычъ дня четыре прожилъ у Колышкиныхъ, и каждый день съ утра до ночи тутъ бывалъ Самоквасовъ. Дуня помаленьку стала съ нимъ разговаривать, и онъ пересталъ робѣть. Зорко поглядывала на нихъ Аграфена Петровна и нарадоваться не могла, замѣтивъ однажды, что Дуня съ Петромъ Степанычемъ шутятъ и чему-то смѣются.

Передъ отъѣздомъ Аграфена Петровна сказала Самоквасову, чтобы дёнъ черезъ десять пріѣзжалъ онъ къ ней въ Вихорево.

— —

Переправясь черезъ Волгу, всѣ поѣхали къ Грунѣ въ Вихорево. Эта деревня ближе была къ городу, чѣмъ Осиповка. Патапъ Максимычъ не успѣлъ еще прибрать, какъ слѣдуетъ, для Дуни комнаты, потому и поторопился уѣхать домой съ Дарьей Сергѣвной. По совѣту ея и убирали комнату. Хотѣлось Патапу Максимычу, чтобы богатая наслѣдница Смолокурова жила у него какъ можно лучше: для того и нанялъ плотниковъ строить на усадьбѣ особенный домъ. Онъ долженъ былъ поспѣть къ Рождеству.

Не заставилъ себя ждать Петръ Степанычъ, на десятый день, какъ назначила ему Аграфена Петровна, онъ какъ снѣгъ на голову. Дуня была довольна его пріѣздомъ, хоть ничѣмъ того и не выказала. Но отъ Груни не укрылись ни ея радость ни ея оживленье.

— Рада гостю?—спросила она Дуню вечеромъ, когда осталась вдвоемъ съ ней.

Дуня покраснѣла, но ничего не отвѣтила.

— По глазамъ вижу, что радехонька. Меня не проведешь.—улыбаясь и пристально глядя на Дуню, сказала Аграфена Петровна.

— По-мнѣ все одно, — молвила Дуня, облегчивъ трепетавшую грудь глубокимъ вздохомъ.

— Разводи бобы-то! Точно я двухлѣтній ребенокъ, ничего не вижу, ничего не понимаю, — съ усмѣшкой сказала Аграфена Петровна. — Лучше вотъ что̀ скажи — неужто у тебя еще не вышли изъ памяти Луповицы, неужели въ самомъ дѣлѣ обрекла ты себя на дѣвичество?

— Про Луповицы не хочу и вспоминать. Если-бъ можно было совсѣмъ позабыть ихъ, была бы тому радехонька, — съ живостью воскликнула Дуня.

— Только замужемъ совсѣмъ про нихъ забудешь, — сказала Аграфена Петровна.

— Это почему? — спросила Дуня.

— Да ужъ такъ,—отвѣтила Аграфена Петровна.—Не тѣмъ будетъ голова занята. Думы о мужѣ, заботы о дѣтяхъ, домашнія хлопоты по хозяйству изведутъ вонъ изъ памяти воспоминанья о Луповицахъ. И не вспомнишь про тамошнихъ людей. А замужъ тебѣ пора. Теперь то̀ возьми: теперь у тебя большіе достатки, какъ ты съ ними управишься? Правда, тятенька Патапъ Максимычъ вступился въ твое сиротство, но все-жъ онъ тебѣ чужанинъ, а сродниковъ нѣтъ у тебя ни души; да тятенька и въ отлучкахъ часто бываетъ, и лѣта его ужъ такія, что—сохрани Богъ, отъ слова не сдѣлается —и съ нимъ то же можетъ приключиться, что̀ съ твоимъ покойникомъ. На дядю надѣешься? Такъ выйдетъ ли онъ изъ полону, нѣтъ ли, одному Богу извѣстно. А ежели и выйдетъ, что̀ за дѣлецъ будетъ? Столько годовъ проживши въ рабствѣ у басурманъ, не то что отъ нашихъ дѣлъ отсталъ, а пожалуй, и по-русски-то говорить разучился. Къ тому-жъ и онъ ужъ человѣкъ немолодой, и къ нему старость подошла. Онъ же не только тебя никогда не видывалъ, а даже не знаетъ, что и на свѣтѣ-то ты есть. Какъ ему сберечь твое добро, не зная русскихъ порядковъ! Правду-ль я говорю?

— Конечно, правду, — поникнувъ разгорѣвшимся личикомъ, сказала Дуня.

— Иное дѣло — замужество, — продолжала Аграфена Петровна. — Хоть худъ мyженекъ, да за мужниной головой не будешь сиротой; жена мужу всего на свѣтѣ дороже.

Не отвѣчала Дуня, крѣпко призадумалась надъ рѣчами друга сердечнаго и противнаго слова не могла ей сказать.

— А что̀, Дунюшка, пошла бы ты за Петра Степаныча, если-бъ онъ къ тебѣ присватался? — спросила вдругъ у ней Аграфена Петровна.

Слезы выступили у Дуни.

— Не знаю, — она молвила.

— Его-то знаешь, — подхватила Аграфена Петровна.—И то знаешь, что онъ по тебѣ безъ ума. Самъ онъ мнѣ о томъ сказывалъ и просилъ меня поговорить съ тобой насчетъ этого... Самъ не смѣетъ. Прежде былъ отважный, удалой, а теперь тише забитаго ребенка.

Молчала Дуня, но Аграфена Петровна попрежнему приставала къ ней.

— Скажи, Дунюшка, скажи, моя милая. Ежели хочешь, словечка ему не вымолвлю. Пошла бы ты за него али нѣтъ?

Попрежнему Дуня ни слова.

— Не Сіонская ли горница тревожитъ тебя?.. Не объ ней ли вспоминаешь? Не хочешь ли сдержать обѣщаніе вѣчнаго дѣвичества, что̀ обманомъ взяли съ тебя? — сказала Аграфена Петровна.

Встрепенулась Дуня при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — вскрикнула она. — Не поминай ты мнѣ про нихъ, не мути моего сердца. Богомъ прошу тебя... Они жизнь мою отравили, имъ, какъ теперь вижу, хотѣлось только деньгами моими завладѣть, все къ тому было ведено. У нихъ вѣдь что̀ большія деньги, что̀ малыя, все идетъ въ ко̀рабль.

— Да не въ томъ дѣло,—прервала ее Аграфена Петровна.— Пошла ли бы ты за Петра Степаныча? Вотъ о чемъ я тебя спрашиваю... Пожалѣй ты его... Онъ, бѣдняжка, теперь самъ не свой, отъ хлѣба даже отбился. Мученикъ, какъ есть мученикъ... Что-жъ ты скажешь мнѣ?.. Пошла бы?

Крѣпко прижалась Дуня лицомъ къ плечу подруги и чуть слышно прошептала ей:

— Что-жъ нейти, коли есть на то воля Божья...

И, сказавши, громко зарыдала.

— Такъ я скажу ему. Поскорѣй бы ужъ дѣлу конецъ... Что̀ томить его понапрасну? — молвила Аграфена Петровна.

— Ахъ, нѣтъ, Груня, не говори, — вскликнула Дуня. — Какъ это можно?

— Ежели станемъ молчать, ни до чего не домолчимся, — сказала Аграфена Петровна. — Непремѣнно надо вамъ переговорить другъ съ другомъ, а тамъ — что̀ будетъ Богу угодно.

— Ахъ, нѣтъ!.. Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! У меня и словъ недостанетъ, — вскликнула Дуня.

— Такъ инъ вотъ что̀ сдѣлаемъ, — сказала Аграфена Петровна. — Такъ и быть, хоть я еще и молода, пойду въ свахи. Потолкую съ нимъ, а потомъ и съ тобою слажу. Ладно ли будетъ?..

— Не знаю. Дѣлай, какъ лучше, — чуть слышно прошептала Дуня.

И всю ночь послѣ того глазъ не могла сомкнуть она, думы такъ и путались у ней на умѣ. А думы тѣ были все объ одномъ Петрѣ Степанычѣ, думы ясныя и свѣтлыя. Тутъ вполнѣ сознала Дуня, что она полюбила Самоквасова.

Заснула только подъ утро, и во снѣ ей видѣлся только онъ одинъ.

Утромъ Аграфена Петровна передала Петру Степанычу, что Дуня не прочь за него идти. Онъ такъ обрадовался, что въ ноги молодой свахѣ поклонился, а потомъ заметался по горницѣ.

— Такъ и быть, сведу васъ, — сказала Аграфена Петровна: — только много съ ней не говорить и долго не оставаться. Вѣдь это не Фленушка. Робка моя Дуня и стыдлива. Испортите дѣло — пеняйте на себя. Сама при васъ буду — меня во всемъ извольте слушаться: скажу: «довольно» — уходите, скажу: «не говорите» — молчите.

Вечеромъ, когда Дуня съ Аграфеной Петровной сидѣли вдвоемъ, вошелъ къ нимъ Петръ Степанычъ. Не видавши цѣлый день Дуни, онъ низко ей поклонился, а она отвѣтила едва замѣтнымъ поклономъ.

Всѣ трое молчали.

— Я, Петръ Степанычъ, по вашей просьбѣ говорила съ Дуней насчетъ вашихъ намѣреній, — начала Аграфена Петровна. — Вотъ она сама налицо, извольте спрашивать, какъ она думаетъ.

Неровной, медленной поступью подошелъ Самоквасовъ къ Дунѣ. Хочетъ что-то сказать, да слова съ языка не сходятъ. Самъ на себя дивится Петръ Степанычъ — никогда этого съ нимъ не бывало. Нѣтъ, видно, здѣсь не Каменный Вражекъ, не Комаровскій перелѣсокъ.

— Да говорите же.—воскликнула съ нетерпѣньемъ Аграфена Петровна.

Оправившись отъ смущенья, тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, склонивъ передъ Дуней голову, сказалъ онъ:

— Ежели не противенъ... не откажите... явите божескую милость... Богомъ клянусь — мужемъ добрымъ буду, вѣрнымъ, хорошимъ.

У Дуни въ глазахъ помутилось, лицо вспыхнуло пламенемъ, губы судорожно задрожали, а дѣвственная грудь высоко и трепетно стала подниматься, потомъ слезы хлынули изъ очей. Ни слова въ отвѣтъ она не сказала.

— Согласны-ль будете выйти, Авдотья Марковна, за меня? — спустя немного времени промолвилъ Петръ Степанычъ.

Дуня черезъ силу прошептала:

— Да.

— Ну и слава Богу, — радостно воскликнула Аграфена Петровна.—Домолчались до добраго слова! Теперь, Петръ Степанычъ, извольте въ свое мѣсто идти, а я съ вашей невѣстой останусь. Видите, какая она — надо ей успокоиться.

— На одну минутку, — не помня себя отъ восторга, воскликнулъ Самоквасовъ и вынулъ изъ кармана дорогое кольцо. — Такъ какъ васъ, Авдотья Марковна, Аграфена Петровна сейчасъ назвала моей невѣстой, и какъ самъ я теперь васъ за невѣсту свою почитаю, то нижайше прошу принять этотъ подарочекъ.

Дуня не брала кольца.

— Возьми, Дунюшка,—молвила Аграфена Петровна.—Такъ водится.

Нерѣшительно и робко протянула Дуня руку. Петръ Степанычъ положилъ въ нее подарокъ.

— Теперь ступайте съ Богомъ, Петръ Степанычъ, оставьте насъ, — промолвила Аграфена Петровна.

Самоквасовъ молча повиновался.

На другой день рано поутру Аграфена Петровна послала нарочнаго съ письмомъ къ Патапу Максимычу. Она просила его какъ можно скорѣй пріѣхать въ Вихорево. Чапуринъ не заставилъ себя долго ждать — въ тотъ же день поздно вечеромъ сидѣлъ онъ съ Груней въ ея горницѣ.

— Что случилось? Зачѣмъ наспѣхъ меня требовала? — спрашивалъ онъ.

— Худого, слава Богу, не случилось, а хорошенькаго довольно, — отвѣтила Груня. — Такъ какъ ты, тятенька, теперь и защитникъ и покровитель сиротки нашей, почитаешь ее

за дочку, такъ и позвала тебя на важный совѣтъ. Самой одной съ такимъ дѣломъ мнѣ не справиться, потому и послала за тобой.

— Въ чемъ дѣло-то? — спросилъ Чапуринъ. — Что тянешь? Скорѣй да прямѣй говори.

— Видишь ли, тятенька, дней пять тому назадъ пріѣхалъ къ намъ въ гости Самоквасовъ Петръ Степанычъ, — молвила Аграфена Петровна. — Дуня крѣпко ему приглянулась.

— Это я еще у Колышкиныхъ примѣтилъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Еще что?

— А еще то, что вечоръ Дуня согласилась замужъ идти за него, — сказала Аграфена Петровна. — Покамѣстъ объ этомъ мы только трое знаемъ: женихъ съ невѣстой да я... Что ты на это скажешь?

— Что сказать-то? Дѣло доброе, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Дѣвица она умная, по всему хорошая, и его изъ хорошихъ людей не выкинешь. Заживутъ. Богъ дастъ, припѣваючи. Помнишь, я еще тогда, какъ только померъ Марко Данилычъ, говорилъ, что при ея положеніи надо ей скорѣе замужъ идти. Вѣдь одна, какъ перстъ... Доброе дѣло затѣяно у васъ, доброе... Былъ онъ прежде забубеннымъ вѣтрогономъ, проказилъ на всѣ руки, теперь перемѣнился, человѣка узнать нельзя. А какъ женится, еще лучше будетъ. Присватался бы какой-нибудь негодный парень къ Дунину милліону, ну и мучься она съ нимъ до гробовой доски. Что тутъ хорошаго-то? А пожалуй, и такой бы хахаль навернулся, что обобралъ бы ее до ниточки да и бросилъ, какъ вонъ Алешка Лохматый Марью Гавриловну обобралъ да бросилъ. Этотъ женится не на деньгахъ — у него двѣсти тысячъ въ карманѣ. Нѣтъ, вашего дѣла охаять нельзя, хорошее, очень даже хорошее дѣло. Одобряю.

— Ты съ ней, тятенька, покуда объ этомъ не говори, — сказала Аграфена Петровна. — Не вдругъ, значитъ, начинай. Она такая вѣдь пугливая да робкая. Нельзя покамѣстъ съ ней много говорить насчетъ этого. Скажу тебѣ, когда можно будетъ.

— А съ нимъ? — спросилъ Чапуринъ.

— Съ нимъ отчего-жъ не поговорить, — отвѣчала Аграфена Петровна: — только бы она не знала объ этомъ. Съ недѣльку, пожалуй, надо будетъ обождать, покамѣстъ они привыкнутъ другъ къ другу.

— А вѣдь я-было на усадѣ хотѣлъ особый домъ для нея ставить; теперь, значитъ, не нужно? — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Когда свадьба-то?

— Объ этомъ не заводили еще рѣчей, да, признаться, и некогда было, — отвѣчала Аграфена Петровна. — А по-моему бы

такъ: до Филипповокъ съ приданымъ да съ тѣмъ и другимъ не управиться намъ; хоть бы тотчасъ послѣ Крещенья свадьбу сыграть. Тѣмъ временемъ Петръ Степанычъ домъ купитъ и уберетъ его, какъ надобно. Это время Дуня у меня бы аль у тебя погостила. А вѣнчаться имъ въ городѣ и лучше бы всего въ единовѣрческой, тамошній-то вѣнецъ покрѣпче сидитъ на головѣ. Опять же Петръ Степанычъ самъ говорилъ мнѣ, что при ихъ достаткахъ, ежели повѣнчаются они у проѣзжающаго священника, того и гляди доносы пойдутъ да суды. Съ Дуней объ этомъ я еще не говорила, а думаю, что и она будетъ не прочь обвѣнчаться въ единовѣрческой.

— И распрекрасное дѣло,—сказалъ Чапуринъ.—Что тамъ ни говори, попы наши да скитскія келейницы, какъ ни расписывай они свою правоту, а правда-то на той сторонѣ, не на нашей.

Было ужъ поздно, наступала полночь, яркими, мерцающими звѣздами было усѣяно темно-синее небо. Простившись съ Груней, Патапъ Максимычъ изъ душныхъ горницъ пошелъ на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ. Видитъ — возлѣ дома Ивана Григорьича сидитъ человѣкъ на завалинкѣ. Высоко онъ держитъ голову и глядитъ на небесные свѣточи. Поближе подошелъ къ нему Патапъ Максимычъ и узналъ Самоквасова.

— Наше вамъ почтеніе, — слегка приподнимая картузъ, сказалъ Чапуринъ.

— Ахъ, здравствуйте!.. здравствуйте, Патапъ Максимычъ.— вскочивъ съ завалины, съ живостью воскликнулъ Самоквасовъ.—Слышалъ, слышалъ я о вашемъ пріѣздѣ, только свидѣться не удалось пока.

— У Груни я посидѣлъ,—отвѣтилъ Чапуринъ: — а теперь вышелъ на сонъ грядущій вольнымъ воздухомъ подышать. А вы здѣсь какими судьбами?

— Да вотъ вздумалось у Аграфены Петровны погостить.— отвѣчалъ Петръ Степанычъ.—Ивана-то Григорьича дома нѣтъ, а я не зналъ о томъ. Да наша хозяюшка такая ласковая, привѣтливая, хлѣбосольная, какъ и самъ Иванъ Григорьичъ.

— Дѣла, что ли, какія до него?—спросилъ Чапуринъ.

— Особенныхъ пока не заводилось. А кой о чемъ надо посовѣтоваться. Вотъ я и пріѣхалъ, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ.

— Валенымъ товаромъ, что ли, заняться? — съ усмѣшкой спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Валенымъ товаромъ торговать я не стану, а надо же чѣмъ-нибудь заняться.—отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Такъ ко мнѣ бы пріѣхалъ. Побольше Ивана Григорьича видовъ мы видали: по какой хочешь торговлѣ смыслимъ больше него,—сказалъ Чапуринъ.

— Къ вамъ-то я не посмѣлъ. — отозвался Самоквасовъ.

— А ты пустяковъ не плети, — сказалъ Патапъ Максимычъ.—Сейчасъ съ Груней говорилъ и знаю, зачѣмъ ты пріѣхалъ. Не къ ней пожаловалъ и не къ Ивану Григорьичу, а къ кому-то другому.

— Какъ къ другому? — спросилъ смущенный Самоквасовъ.

— Невѣсту высватать пріѣхалъ. Что-жъ? Невѣста хорошая, — съ ясной улыбкой промолвилъ Чапуринъ. — Мало такихъ на свѣтѣ.

Примолкъ Петръ Степанычъ. молчалъ и Патапъ Максимычъ. Спустя немного времени Чапуринъ сказалъ:

— Чего таиться-то? Дѣло задумано не худое. Грунѣ я такъ и говорилъ: она вѣдь мнѣ все разсказала.

— Ежели Аграфена Петровна вамъ разсказала. такъ мнѣ таиться не приходится. Да, Патапъ Максимычъ, сдается мнѣ, что попалъ я на добрую стезю.

— Справедливо. Дай Богъ совѣтъ да любовь, а при нихъ и счастье приведетъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Какъ насчетъ свадьбы располагаешь? Когда думаете дѣломъ-то совсѣмъ покончить?

— Хотѣлось бы тотчасъ послѣ Крещенья, только не знаю, управимся ли,—отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Домикъ въ городѣ присмотрѣлъ. надо купить его да убрать какъ слѣдуетъ. запасы по хозяйству тоже надо сдѣлать, прислугу нанять, лошадей завести, экипажи купить. Мало-ль сколько дѣла, а на все время требуется.

— Свадьбу-то гдѣ думаете играть? — помолчавъ немного, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ городѣ. Стану Сергѣя Андреича и Марѳу Михайловну просить. чтобъ они изъ своего дома невѣсту къ вѣнцу отпустили, — сказалъ Петръ Степанычъ.

— Та-а-къ. — протянулъ Патапъ Максимычъ.—Ладно придумано, лучше не надо. Завтра поутру надо будетъ мнѣ съ Груней покалякать. а потомъ повидать невѣсту. Хоть не родная, а все-таки не чужая. Долго-ль здѣсь располагаешь прожить?

— Надо будетъ Ивана Григорьича дождаться, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Что ждать-то его? Нескоро воротится. до самаго Николы можетъ проѣздить, а тѣмъ временемъ дѣло-то у тебя будетъ ни взадъ ни впередъ, — сказалъ Чапуринъ.—По-моему

бы вотъ какъ: помилуйся денька три-четыре съ невѣстой да и поѣзжай за дѣла приниматься. Скучно станетъ, сюда дорога не запала, опять же и близко — хоть каждо воскресенье къ невѣстѣ пріѣзжай. Таковъ мой совѣтъ. Опять же и то надо сказать, что въ добрыхъ людяхъ не водится, чтобы женихъ съ невѣстой долго подъ одной кровлей жили. Видѣться хоть каждый Божій день видайтесь, а жить въ домѣ не приходится. Осудятъ, а попадешь кумушкамъ на язычокъ, того наплетутъ, что тошно станетъ и слушать-то.

Тяжело вздохнулъ Самоквасовъ, но согласился съ Патапомъ Максимычемъ. А ужъ какъ бы не хотѣлось ему разлучаться съ невѣстой. Весь бы день съ утра до вечера сидѣлъ съ ней да любовался на ея голубые глаза, стройный станъ и дѣвственныя перси.

— Однако, парень, не пора ли спать? Пойдемъ-ка, другъ, опочивъ держать, — сказалъ Чапуринъ, отходя къ воротамъ. Самоквасовъ слѣдомъ за нимъ пошелъ.

На другой день Патапъ Максимычъ долго бесѣдовалъ съ Аграфеной Петровной. Обо всемъ переговорили насчетъ Дуниной свадьбы. Груня согласилась на все, кромѣ одного только.

— Какъ это можно отпускать подъ вѣнецъ невѣсту отъ Сергѣя Андреича? — сказала она. — Конечно, домъ у него большой, а все-таки всѣмъ намъ не помѣститься. Смекни-ка, сколько на свадьбу-то наѣдетъ гостей. Стѣснимъ только Сергѣя Андреича.

— Какъ же быть-то? — въ раздумьѣ спросилъ Патапъ Максимычъ. — Ты вѣдь у меня разумница, скажи, какъ по-твоему это дѣло поглаже обладить.

— По-моему вотъ бы какъ, — отвѣтила Аграфена Петровна: — нанять въ городѣ большую, просторную квартиру на мѣсяцъ либо на два и передъ свадьбой туда всѣмъ переѣхать. Оттуда отпустимъ и невѣсту.

— Ладно-то оно ладно, — покачивая головой, сказалъ Чапуринъ. — Только по скорости врядъ ли такую квартиру найдешь. Да и сдерутъ же за нее.

— Насчетъ денегъ нечего думать. Дуня за все заплатитъ, — сказала Аграфена Петровна. — А ежель подходящей квартиры въ городѣ не найдется, въ гостиницѣ остановимся. Только заранѣе надо нанять, сколько надо, горницъ.

— И то правда, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Теперь какъ насчетъ приданаго?

— О приданомъ еще не говорила я съ Дуней, — отвѣтила Аграфена Петровна. — Одна себѣ обсудила.

— Какъ же рѣшила ты, разумница? Это дѣло бабье, я тутъ не при чемъ. Ни совѣтовать ни отсовѣтовать не смогу,— сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Я вотъ какъ придумала,— молвила Аграфена Петровна:— вѣдь Дуня станетъ ходить по-городскому, поэтому и я тутъ не при чемъ; надо будетъ Марѳу Михайловну попросить, она въ этомъ знаетъ толкъ. Съѣзжу къ ней, попрошу, авось не откажетъ.

— Не откажетъ, объ этомъ нечего и говорить. Что только сумѣетъ, все сдѣлаетъ, — сказалъ Чапуринъ. — Она добрая, услужливая.

— Да особенныхъ-то хлопотъ, кажется, ей и не будетъ,— сказала Аграфена Петровна. — Вонъ у меня въ кладовой Дунины сундуки стоятъ, ломятся отъ приданаго, что покойникъ Марко Данилычъ ей заготовилъ. Какъ сбирались мы сюда, пособляла я укладываться. Чего только тамъ нѣтъ — бѣлья носильнаго и столоваго видимо-невидимо, и все-то новенькое, ни разу не надѣванное; три шубы чернобурой лисы, одну только-что привезъ покойникъ съ ярманки; серебра пуда три, коли не больше, а шелковыхъ да шерстяныхъ матерій на платья — цѣлая пропасть... Брильянтовъ также множество и другихъ разныхъ дорогихъ вещей. Марѳу Михайловну не очень затруднитъ приданое, потому и хочу просить ее.

— Что-жъ? дѣло хорошее,—молвилъ Патапъ Максимычъ.— Съѣзди въ самомъ дѣлѣ, попроси. И отъ меня попроси, она самымъ лучшимъ порядкомъ уладитъ все... Да что невѣста не кажется?.. Неужто до сей поры нѣжитъ въ постели бѣлое тѣло свое?

— Въ свѣтелкѣ наверху сидитъ. Сейчасъ кликну ее. Сама еще не видала сегодня ея,—сказала Аграфена Петровна, выходя изъ горницы. — Только будь ты съ ней, тятенька, осторожнѣй да опасливѣй, шуточки-то не больно распускай. Она такая стыдливая, совѣстливая. И съ женихомъ даже стыдится словомъ перекинуться. Говорила я ей, что такъ нельзя — не слушается.

«Прыгаетъ, видно, дѣвка по-козьему, а какъ косу-то подъ повойникъ подберутъ, станетъ ходить сѣрой утицей, — подумалъ Чапуринъ, когда вышла изъ горницы Аграфена Петровна.—Дѣвичьихъ прихотей не перечесть, и на дѣвкинъ норовъ нѣтъ угодника и не бывало».

Скоро воротилась Аграфена Петровна, а вмѣстѣ съ ней и Дуня пришла. Была она до крайности взволнована, лицо алымъ румянцемъ подернулось, отъ усиленнаго перерывчатаго ды-

ханья высоко поднимались дѣвственныя ея груди. Съ потупленными взорами, несмѣлой поступью подошла она къ названному отцу и смутилась, ровно грѣхъ какой совершила, либо постыдный поступокъ.

— Здравствуй, дочка, подходи ближе,—весело и привѣтливо сказалъ, увидавши ее, Чапуринъ.

Подошла Дуня, поздоровалась съ нимъ.

— Сядь-ка рядкомъ, покалякаемъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ, указывая на стоявшій возлѣ стулъ.

Ни слова не молвивъ, Дуня сѣла возлѣ названнаго отца.

— Каково поживаешь? Не соскучилась ли? — немного помедливши, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Нѣтъ. — тихонько отвѣтила Дуня.

— Ну. и слава Богу. Это лучше всего. А ко мнѣ въ Осиповку когда сберешься? — спросилъ Чапуринъ.

— Не знаю, — прошептала она. — Вотъ какъ Груня.

— А я-было у себя на усадѣ домикъ для твоего житья хотѣлъ ставить, чтобы, значитъ, жить тебѣ на своей полной волѣ, отдѣльно отъ моей семьи. Да чуть ли не опоздалъ. — съ ласковой улыбкой проговорилъ Патапъ Максимычъ.

— Покорно благодарю васъ за ваши попеченія, — тихо молвила Дуня.

— Какія тутъ благодарности?.. Что̀ между нами за счеты?— вскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Доброй волей, безъ твоей просьбы привелось мнѣ взять попеченье о тебѣ и дѣлахъ твоихъ... На то была воля Божья. Такъ я разсуждаю. Какія-жъ тутъ благодарности?.. А кстати оренбургскій татаринъ письмо прислалъ.

— Что-жъ онъ пишетъ?—съ оживленьемъ спросила Дуня.— Есть ли надежда выручить дядюшку?

— Есть,—отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Обрадовался некрещеный лобъ другой тысячѣ, что̀ ты обѣщала ему. Безпремѣнно, пишетъ, выкуплю, а не выкуплю. такъ выкраду, и ежели только онъ въ живыхъ, къ лѣту вывезу его на русскую землю.

— Слава Богу,—сказала Дуня. — Какъ только вспомню я, что у меня дядя родной въ полону, сердце кровью такъ и обольется... Поскорѣе бы ужъ вынесъ его Господь... Дарья Сергѣвна какъ у васъ поживаетъ?

— Ничего, здорова. Съ самаго пріѣзда въ Осиповку не выходитъ почти изъ моленной. Съ канонницей чередуется—службу правитъ. Только скучаетъ, очень даже скучаетъ, — проговорилъ Чапуринъ.

— Жаль мнѣ ее.—молвила Дуня. — Вотъ я и молода еще,

а куда тяжело мѣнять жизнь, а сй-то на старости лѣтъ каково?..

— Тебѣ-то, Дунюшка, отъ перемѣны въ жизни тяготы не будетъ,—сказалъ, улыбаясь, Патапъ Максимычъ.—Да что-жъ ты все молчишь, что̀ не подѣлишься со мной своей радостью? Можно. что ли, поздравить тебя съ женихомъ?..

Вспыхнула вся Дуня и съ укоромъ взглянула на Аграфену Петровну.—«Это она разсказала»,—подумала она.

— Чего еще таиться? — молвила Аграфена Петровна. — Еще недолго — и всѣ будутъ знать; какъ же тятенькѣ-то напередъ не сказать?

Дуня молчала.

— Такъ можно, что ли, поздравить-то?—ласково улыбаясь, спросилъ Чапуринъ.

— Можно, — чуть слышно промолвила Дуня.

Обнялъ ее Патапъ Максимычъ и трижды поцѣловалъ въ горѣвшія ланиты.

— Вмѣсто отца поздравляю, вмѣсто родителя цѣлую тебя, дочка,—сказалъ онъ.—Дай вамъ Богъ совѣтъ, любовь да счастье. Женихъ твой, видится, парень по всему хорошій, и тебѣ будетъ хорошо жить за нимъ. Слава Богу!.. Такъ я радъ, такъ радъ, что даже и разсказать не сумѣю.

— Благословите меня за тятеньку покойника на новую жизнь,—со слезами на глазахъ сказала Дуня Патапу Максимычу.

— Изволь, милая, изволь. Благословлю съ великимъ моимъ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ. — Побудь здѣсь съ Дуней,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Аграфенѣ Петровнѣ: — а я въ твою образную схожу да икону тамъ выберу. Своей не привезъ, не зналъ. Не бойсь, Груня, твои благословенныя иконы знаю — ни одной не возьму.

И вышелъ вонъ изъ горницы.

Вскорѣ воротился Чапуринъ съ иконою въ позолоченной ризѣ. Слѣдомъ за нимъ вошелъ Петръ Степанычъ.

— Надо будетъ намъ благословить и невѣсту и жениха, для того я сюда и привелъ Петра Степаныча, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Отдѣльно каждаго станемъ передъ вѣнцомъ благословлять, а теперь это за рукобитье пойдетъ. Ты, Груня, будешь за мать; неси же хлѣба коровай, да соли, да чистое полотенце.

Аграфена Петровна вышла, а Чапуринъ сказалъ Петру Степанычу:

— Съ нареченной невѣстой!.. Поцѣлуемся. Смотри же, парень. люби ее да береги.., Да что̀ это вы. посмотрю я на

васъ. упырями другъ на дружку глядите?.. Словечка межъ собой не перемолвите? Такъ вѣдь не водится.

Вошла Аграфена Петровна съ папушникомъ *), покрыла стоявшій въ красномъ углу столъ скатертью, поставила на немъ принесенную Патапомъ Максимычемъ икону, затеплила свѣчку, положила возлѣ иконы хлѣбъ и покрыла его полотенцемъ.

Положили семипоклонный началъ, потомъ Патапъ Максимычъ съ Груней обычнымъ порядкомъ благословили жениха съ невѣстой.

— Ну, юнецъ-молодецъ, и ты, раскрасавица-дѣвица, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Теперь, по дѣдовскому и прадѣдовскому завѣту, слѣдуетъ вамъ поцѣловаться на любовь, на совѣтъ, на долгую и согласную жизнь. Извольте цѣлованьемъ завершить Божье благословенье.

Самоквасовъ подошелъ къ Дунѣ. Ни жива ни мертва стояла она и свѣту не взвидѣла, когда Петръ Степанычъ поцѣловалъ ее. Не видала она лица его, только чувствовала, какъ горячія, трепещущія уста крѣпко ее цѣловали. Нѣтъ, это не серафимскія лобзанья, что еще такъ недавно раздавала она каждому на радѣньяхъ людей Божьихъ.

— Теперь бы слѣдовало про здоровье нареченныхъ князя съ княгиней винца испить, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Тащи-ка, Груня, что есть у тебя про запасъ. Эка досада, не зналъ, на что ѣду. Тебѣ бы, Груня, отписать, я бы холодненькаго прихватилъ съ собой. А у тебя, поди вѣдь, сантуринское либо церковное. Да ужъ дѣлать нечего, за недостачей хорошаго, хлебнемъ и сантуринскаго. Тащи его сюда!

— Позвольте, Патапъ Максимычъ, — вступился Петръ Степанычъ. — Со мной есть маленькій запасецъ. Разсчитывалъ, что пригодится къ седми спящимъ отрокамъ **), къ именинамъ, значитъ, Ивана Григорьича. А теперь вотъ на мое счастье бутылки на другое понадобились.

И, спѣшно выйдя изъ горницы, воротился бѣгомъ съ парой бутылокъ шампанскаго.

Розлили вино, выпили, и Дуня маленько пригубила.

— Горько! — вскричалъ на всю горницу Чапуринъ.

— Горько! — сказала и Аграфена Петровна.

— Надо жениху съ невѣстой поцѣловаться, тогда и вино сладко будетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Дѣлать нечего. Должна была Дуня еще разъ цѣловаться съ

*) Папушникъ — пшеничный хлѣбъ домашняго приготовленія.

**) 22-го октября. Изъ семи отроковъ младшій назывался Іоанномъ.

женихомъ. Теперь горячій поцѣлуй Петра Степаныча показался ей такимъ сладкимъ, такимъ пріятнымъ, что рада бы она была, ежели и еще и еще онъ цѣловалъ ее, да все бы чаще да чаще.

— Надо теперь говорить про дѣло, — сказалъ Чапуринъ, когда бутылка была опростана. — Въ людяхъ водится, чтобы тотчасъ послѣ рукобитья и перваго благословенья судили-рядили, когда свадьбѣ быть, а также насчетъ приданаго и другого прочаго, какъ на первое время житье устроить молодымъ. Рукобитья у насъ не было, да некому и по рукамъ-то бить — невѣста сирота да и женихъ все одно, что сирота. Зато было у насъ Божье благословеніе, на вѣки вѣковъ нерушимое. А это первое дѣло, много важнѣй оно рукобитья. Станемте-жъ теперь, женихъ съ невѣстой, толкомъ говорить, какъ привести ваше дѣло къ доброму совершенію.

Всѣ молчали.

— Насчетъ приданаго я не судья, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Въ этомъ на Груню надо положиться. Что сама сумѣетъ — все сдѣлаетъ; чего не сумѣетъ — у Марѳы Михайловны попросить совѣта. Ладно-ль придумано? Скажи, родная, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Дунѣ.

— Кому-жъ лучше Груни?.. — сказала невѣста, потупивъ свои голубые глаза.

— А ты что, Груня, скажешь? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— По-мнѣ, тятенька, не только въ этакомъ случаѣ, а всегда, во всю жизнь мою, рада я для Дуни всякія хлопоты на себя принять, — отвѣтила Аграфена Петровна.

Молча обняла ее Дуня.

— Марѳу Михайловну и я стану просить, не оставила бы насъ въ этомъ дѣлѣ: оно вѣдь ей за обычай, — сказалъ Самоквасовъ. — У меня въ городѣ домъ есть на примѣтѣ, хорошій, помѣстительный: надо его купить да убрать какъ слѣдуетъ. А хотѣлось бы убрать, какъ у Сергѣя Андреича — потому и его стану просить. Одному этого мнѣ не сдѣлать, не знаю, какъ и приступиться, а ему обычно. А ежель въ городѣ чего нельзя достать, въ Москву спосылаемъ: у меня тамъ довольно знакомства.

— Покланяйся въ самомъ дѣлѣ Колышкинымъ: попроси — не откажутъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Только чуръ, дѣлать все, какъ они посовѣтуютъ, а не по-своему. Сергѣй Андреичъ лучше знаетъ, что и какъ надо: смолоду по-господски живетъ, а мы передъ нимъ деревенщина. Твое дѣло взять, жилъ ты у дяди ровно въ мурьѣ, только и свѣту у тебя было,

что по скитамъ съ подаяньями разъѣзжать да тамъ загащиваться. Вотъ развѣ какъ въ Москвѣ да въ Питерѣ побывалъ, такъ, можетъ. наглядѣлся, какъ хорошіе люди живутъ. Однѣми деньгами тутъ ничего не возьмешь, тутъ нужны умѣнье да сноровка. Возьми къ примѣру Алешку Лохматаго — сколько денегъ онъ на домъ потратилъ, а все-таки вышло шутъ его знаетъ что̀ — обои золотые, ковры персидскіе, а на окошкахъ, замѣсто хорошихъ занавѣсокъ, пестрядинныя повѣшены. Не нами, дѣдами и прадѣдами сказано: «всяко дѣло мастера боится».

— Это такъ точно, Патапъ Максимычъ, это рѣчи справедливыя и согласныя, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Ежели бы Сергѣй Андреичъ согласился оказать мнѣ милость, какъ же бы я могъ дѣлать по-своему? Не выступлю изъ его приказовъ.

— Проси же его, проси скорѣе, — сказалъ Чапуринъ: — а я и самъ отпишу, чтобъ онъ для тебя постарался.

Тѣмъ разговоръ и кончился, а женихъ съ невѣстой все-таки при людяхъ словечка не сказали, несмотря на старанья Патапа Максимыча и Аграфены Петровны.

Глава пятая.

Трое сутокъ прогостилъ Чапуринъ у богоданной дочки. Собравшись въ Осиповку, сказалъ онъ Дунѣ:

— У Груни кладовая-то деревянная, въ подклѣтѣ подъ домомъ, а строенье старое, тѣсное. Долго-ль тутъ до бѣды? Ну какъ, грѣхомъ, случится пожаръ? А у меня палатка каменная подъ сводами и строена на усадѣ вдалекѣ отъ жилого строенья. Не перевезти ли до времени твои пожитки ко мнѣ?.. Страху будетъ меньше. Какъ думаешь?

И Аграфена Петровна со своей стороны прибавила, что въ Осиповкѣ Дунино приданое невпримѣръ будетъ сохраннѣе.

— Вѣдь у тебя въ сундукахъ-то добра больше, чѣмъ на сто тысячъ, Дунюшка, — сказала она. — Шутка ли это? Подумай. Тятенька придумалъ хорошо. Ты какъ рѣшишь?

Дуня согласилась и благодарила Патапа Максимыча за его заботы.

Въ тотъ же день наняты были подводы, и Дунины сундуки отправлены въ Осиповку подъ надзоромъ приказчика, заправлявшаго дѣлами Ивана Григорьича.

За обозомъ отправился и самъ Патапъ Максимычъ.

Послѣ того Дуня чаще и чаще видалась съ женихомъ и стала

съ нимъ разговорчивѣй и довѣрчивѣй. Раза по два да по три на дню бывали у нихъ и молчаливые тайные поцѣлуи — нравились они Дунѣ, а объ женихѣ и говорить нечего. Любила Дуня вспоминать съ нимъ про катанье въ косныхъ по Окѣ и про то время, какъ видались они во время Макарьевской. Но, кромѣ того, ни о чемъ изъ прошлаго Дуня рѣчей не заводила.

А онъ другое вспоминалъ.

— Знаете ли вы, съ коихъ поръ полюбилъ я васъ? — спросилъ однажды у Дуни.

— Не знаю, — съ самодовольной улыбкой отвѣчала она. — Съ той, можетъ статься, поры, какъ мы съ Дорониными въ косныхъ катались?

— Раньше, — сказалъ Самоквасовъ. — Полюбилъ я васъ не за красоту, не за пригожество, а за ваши рѣчи добрыя и разумныя. Помните ли вы про Ивана царевича?

— Про какого Ивана царевича? — спросила Дуня. — Про сказку, что ли, говорите?

— Да, про сказку, — отвѣчалъ Петръ Степанычъ. — Помните, какъ въ Комаровѣ, при вашей тамъ бытности, на другой день послѣ Петрова, Дарья Никитична, середь молодыхъ дѣвицъ сидючи, эту сказку разсказывала? Еще тогда Аграфена Петровна въ дѣвичьей бесѣдѣ сидѣла.

— Припоминаю теперь что-то, — молвила Дуня.

— А какъ кончила сказку Дарья Никитична, всѣмъ дѣвицамъ она молвила:—«Сказывай по ряду одна за другой, какъ бы каждая изъ васъ жила въ замужествѣ, какъ бы съ мужемъ свою жизнь повела». И стали дѣвицы открывать свои мысли и тайныя думы. Ни у одной не было хорошихъ, разумныхъ рѣчей, опричь той, что̀ послѣ всѣхъ говорила. А говорила она вотъ что̀:—«Замужъ пойду за того, кого полюблю, и стану его любить до вѣку, до послѣдняго вздоха, только сыра земля остудитъ любовь мою. А что̀ буду дѣлать я замужемъ, того не знаю, не вѣдаю. Одно знаю — гдѣ мужъ съ женой въ ладу да въ совѣтѣ живутъ, по добру да по правдѣ, въ той семьѣ самъ Богъ живетъ. Онъ и научитъ меня, какъ поступать».

Дуня зарумянилась.

— Помню, теперь помню, — промолвила она: — но какъ же вы все это знаете? Вы вѣдь отъ слова до слова мои рѣчи говорите. Груня, должно-быть, разсказала вамъ?

— Не она, — отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — Не вспомните ли, чѣмъ дѣвичья бесѣда кончилась?

— Чѣмъ кончилась? Посидѣли, поговорили да по своимъ мѣстамъ разошлись, — сказала Дуня.

— А забыли, что Аграфена Петровна послѣ вашихъ словъ выглянула въ окошко и сказала: «а у насъ подъ окномъ, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ царевичъ сидитъ».

— Что-то припоминаю, — сказала Дуня.

— Я Иваномъ царевичемъ былъ, я сидѣлъ на завалинкѣ и отъ слова до слова выслушивалъ дѣвичьи рѣчи, — сказалъ Петръ Степанычъ. — И съ того часу полюбилъ я васъ всей душой моей. А все-таки ни въ Комаровѣ ни въ Нижнемъ потомъ на ярманкѣ не смѣлъ къ вамъ и подступиться. Задумаешь словечко сказать, языкъ-отъ ровно замерзнетъ. Только бывало и счастья, только и радости, когда поглядишь на васъ. А безъ того тоска, скука и мука.

— Видно, съ того ко Фленушкѣ въ Комаровъ вы и уѣхали? — съ хитрой улыбкой спросила его Дуня.

— Именно отъ того, — отвѣтилъ Самоквасовъ: — только Фленушки я и не видалъ почти тогда. При мнѣ она постриглась. Теперь она ужъ не Фленушка, а мать Филагрія... Ну, да Господь съ ней. Прошу я васъ, не помышляйте никогда о ней — было у насъ съ ней одно баловство, самое пустое дѣло, не стóитъ о немъ и споминать. По правдѣ говорю, по совѣсти.

Привыкла Дуня къ жениху, не стыдилась больше его и перестала отворачиваться, когда, любуясь на свою красавицу, онъ страстно цѣловалъ ея подернутыя румянцемъ ланиты.

Черезъ недѣлю Петръ Степанычъ поѣхалъ къ Патапу Максимычу въ Осиповку, а потомъ въ городъ переговорить съ Колышкиными. Онъ обѣщалъ невѣстѣ каждый праздникъ пріѣзжать въ Вихорево.

Прощаясь съ женихомъ, Дуня, по настоянью Аграфены Петровны, сказала ему:

— Послушайте, что̀ я скажу вамъ, Петръ Степанычъ. Въ прошломъ году, еще прежде того, какъ мы гостили въ Комаровѣ, великимъ постомъ мнѣ восьмнадцать лѣтъ исполнилось. На мои именины покойникъ тятенька одарилъ меня разными вещами. Тутъ было и обручальное колечко. И сказалъ онъ мнѣ тогда: — «Восьмнадцать лѣтъ тебѣ сегодня минуло — можетъ статься, скоро замужъ пойдешь. Слушай же отца: наши родители ни меня ни мать твою вѣнцомъ не неволили, и я не стану неволить тебя — вотъ кольцо, отдай его, кому знаешь, кто тебѣ по мыслямъ придется. Только смотри, помни отцовскій завѣтъ, чтобы это кольцо не распалось, значитъ, изволь съ мужемъ жить до вѣку въ любви и совѣтѣ, какъ мы съ твоей матерью жили». И заплакалъ онъ тутъ, горько заплакалъ, ровно зналъ, что въ кругломъ сиротствѣ придется мнѣ замужъ идти... Возьмите.

И со слезами на глазахъ подала ему кольцо.

Взволнованный Петръ Степанычъ сталъ цѣловать невѣсту. Словъ у него недоставало, зато радостныя слезы красно говорили.

Поѣхалъ онъ. И только-что съѣхалъ со двора, Дунѣ стало тоскливо и скучно.

— —

Когда Патапъ Максимычъ воротился въ Осиповку, у крыльца своего дома увидалъ онъ Василья Борисыча. Сидя на нижней ступенькѣ лѣстницы, строгалъ онъ какую-то палочку и вполголоса напѣвалъ тропарь наступавшему празднику Казанской Богородицы. Патапъ Максимычъ сказалъ зятю:

— Видно, все еще настоящаго дѣла не нашелъ себѣ. Палочку строгаетъ да напѣваетъ что-то себѣ подъ носъ. Безпутный ты этакій!..

— Охъ, искушеніе! — съ глубокимъ вздохомъ вымолвилъ Василій Борисычъ, бросилъ палку и пошелъ вслѣдъ за тестемъ въ горницы. На полдорогѣ остановилъ его Чапуринъ.

— Кликни Пантелея.

Пантелей былъ на дворѣ, слышалъ приказъ и тотчасъ подошелъ къ хозяину.

— Здорово, Пантелеюшка, — ласково молвилъ ему Патапъ Максимычъ. — Все ли безъ меня было благополучно?

— Слава Богу, батюшка Патапъ Максимычъ, слава Богу, все было благополучно, — отвѣчалъ Пантелей. — Посуду красить зачали...

— А токарни что̀?

— Въ ходу, батюшка, всѣ до единой.

— Вотъ что̀, Пантелеюшка, — сказалъ Чапуринъ. — У тебя, что ли, ключи отъ каменной палатки?

— Надо-быть, у Аксиньи Захаровны, — отвѣчалъ Пантелей.

— А что̀ въ ней сложено?

— Да такъ, всякій хламъ. Разное старье, — отвѣчалъ Пантелей.

— Надо ее опростать, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Сегодня подводы съ сундуками придутъ изъ Вихорева. Ихъ туда поставить.

— Не случилось ли чего у Ивана Григорьича? — тревожно спросилъ Пантелей.

Вспало на умъ старику, не пожаръ ли былъ въ Вихоревѣ, и не къ себѣ-ль перевозитъ Патапъ Максимычъ уцѣлѣвшіе пожитки погорѣвшаго кума.

— Ничего не случилось, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Смолокуровой Авдотьи Марковны пожитки привезутъ. Ради

сохранности отъ пожарнаго случая хочу въ палаткѣ поставить ихъ. Надо сейчасъ же очистить ее отъ хлама.

Взойдя наверхъ, Патапъ Максимычъ прошелъ въ горенку Аксиньи Захаровны, въ ту самую горенку, гдѣ жила и померла покойница Настя. Василій Борисычъ туда же вошелъ и молча сталъ у притолки. У Аксиньи Захаровны сидѣли Параша и Дарья Сергѣвна.

— Чтò, Захаровна? Какъ можешь, сударыня? — спросилъ Патапъ Максимычъ у жены, лежавшей въ постели.

— Такъ же все, Максимычъ, ни лучше ни хуже, — отвѣчала Аксинья Захаровна. — Съ мѣста подняться не могу, всѣ бока перележала. Одинъ бы ужъ конецъ, — а то и сама измаялась и другихъ измучила.

— Чепуху не городи! Богъ дастъ, встанешь, оправишься, и еще поживемъ съ тобой хоть не столько, сколько прожили, а все-таки годы... — сказалъ Патапъ Максимычъ, садясь возлѣ больной.

— Ты наскажешь, тебя только послушай, — съ ясной, довольной улыбкой, тихимъ голосомъ промолвила Аксинья Захаровна.

— Вы каково, Дарья Сергѣвна, безъ меня поживали? — обратился къ ней Патапъ Максимычъ. — Авдотья Марковна вамъ кланяется и Груня также.

— Благодарю покорно, — молвила Дарья Сергѣвна. — Чтò Дунюшка-то, здорова ли сердечная?

— Слава Богу, здорова, — отвѣчалъ Чапуринъ.

— Не скучаетъ ли? — спросила Дарья Сергѣвна.

— Въ мою бытность не скучала, а скоро, надо думать, приведется ей скучать, — съ загадочной улыбкой отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Захаровна, у тебя, что ли, ключи отъ каменной палатки?

— У меня, — сказала Аксинья Захаровна. — А чтò?

— Чтò тамъ лежитъ у тебя? — спросилъ Чапуринъ.

— Прежде приданое дочерей лежало, а теперь нѣтъ ничего, — отвѣтила Аксинья Захаровна. — Хламъ всякій наваленъ — старые хомуты, гнилыя кожи.

— Подай-ка мнѣ ключи, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

По приказу Аксиньи Захаровны, Параша вынула ключи и подала ихъ отцу.

— Авдотьи Марковны сундуки хочу тамъ поставить. Груня говоритъ, что въ нихъ добра тысячъ на сотню, — сказалъ Чапуринъ.

— По-моему, больше, — замѣтила Дарья Сергѣвна.

— Ну, вотъ видите! Груня поставила сундуки въ кладовой, да вѣдь строенье у кума Ивана Григорьича тѣсное, слу-

чись грѣхъ — малости не вытащишь. Потому и рѣшилъ я сундуки-то сюда перевезти да въ палаткѣ ихъ поставить. Непримѣрь сохраннѣе будутъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Конечно, сохраннѣе, — промолвила Аксинья Захаровна. — Это ты хорошо вздумалъ, Максимычъ.

— Сама-то скоро ли Дунюшка пріѣдетъ? — спросила Дарья Сергѣвна.

— Этого не знаю, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Покамѣстъ у Груни остается, а потомъ вмѣстѣ съ ней въ городъ поѣдетъ, къ Колышкинымъ. И не разъ еще придется ей до Рождества съѣздить туда.

— Зачѣмъ же ей такъ разъѣзжать? — спросила Сергѣвна.

— Да, самаго-то главнаго я вѣдь еще и не сказалъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Замужъ выходитъ Авдотья-то Марковна. Послѣ Филипповокъ свадьба.

Всѣ удивились, особенно Дарья Сергѣвна. Аксинья Захаровна перекрестилась и пожелала счастья Дунѣ, Прасковья Патаповна, по обычаю, равнодушно поковыряла въ носу, а Василій Борисычъ вздохнулъ и чуть слышно промолвилъ:

— Охъ, искушеніе!

«Такъ вотъ оно какое вышло положеніе-то! — думалъ онъ самъ про себя.—Тогда на Китежѣ, какъ впервые ее увидалъ я, свѣтолѣпна была — очи голубыя, власы — янтарныя волны, уста — червленыя ленты, ланиты — розовый шипокъ. Не то что колода Парашка. А въ Комаровѣ какова была! Ангеламъ подобна!.. Но вертоградъ для меня заключенъ, источникъ радостей запечатлѣнъ. Милліонъ, опричь приданаго во сто тысячъ!.. То-то бы зажили... Богъ суди Фленушку съ Самоквасовымъ да съ Сенькой саратовцемъ — окрутили проклятые меня бѣднаго. — валандайся теперь вѣкъ свой съ этой дурищей Парашкой!»

Больше и больше зло разбирало бывшаго посла рогожскаго. Всѣхъ клялъ, всѣмъ просилъ помсты у Бога, кромѣ себя одного.

— За кого-жъ это выходитъ Дунюшка? — чуть слышно спросила у Патапа Максимыча Дарья Сергѣвна. — Неужто она въ лѣсахъ могла найти судьбу свою?

— Женихъ не лѣсной, а изъ города Казани. Теперь онъ съ большимъ наслѣдственнымъ капиталомъ въ Нижнемъ поселился. Да вы его знаете, у Колышкиныхъ каждый Божій день бывалъ, какъ мы у нихъ останавливались... Петръ Степанычъ Самоквасовъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ — Груня, кажись, и сосватала ихъ.

— Не пара, не пара, — со слезами на глазахъ промолвила Дарья Сергѣвна.

— Чѣмъ же не пара?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— У Самоквасова на умѣ только смѣшки да шутки. Какой онъ мужъ Дунюшкѣ?..—сказала Дарья Сергѣвна.—Въ прошломъ году въ одной гостинницѣ съ нимъ стояли. Наглядѣлась я на него тогда. Зубоскалъ, сорванецъ и больше ничего, а она дѣвица строгая, кроткая. Того и гляди, что размотыритъ весь ея капиталъ. Нѣтъ, не пара, не пара.

— Женится—перемѣнится,—молвилъ Патапъ Максимычъ.—А онъ ужъ и теперь совсѣмъ перемѣнился. Нельзя узнать супротивъ прошлаго года, какъ мы въ Комаровѣ съ нимъ пировали. Тогда у него, въ самомъ дѣлѣ, только проказы да озорство на умѣ были, а теперь парень совсѣмъ выровнялся... А чтобъ онъ женины деньги на вѣтеръ пустилъ, этому я въ жизнь не повѣрю. Сколько за нимъ ни примѣчалъ, видится, что изъ него выйдетъ добрый, хорошій хозяинъ, и не то чтобъ сорить денежками, а станетъ беречь да копить ихъ.

— Вашими бы устами да медъ пить, Патапъ Максимычъ,—грустно проговорила Дарья Сергѣвна.—А впрочемъ, мнѣ-то что-жъ? Въ ихнемъ семействѣ я буду лишняя, помѣхой буду, пожалуй. Люди они молодые, а я старуха. Черную рясу рѣшилась надѣть я. Слезно стану молить мать Манеѳу, приняла бы меня во святую свою обитель, а по времени и ангелоподобнаго чина удостоила бы.

— Нынче, Дарья Сергѣвна, скитскія обители не то, что прежде,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Со дня на день выгонки ждутъ. Вонъ сестрица моя любезная, Манеѳа-то, цѣлу обитель въ городу себѣ построила, человѣкъ на семьдесятъ—туда до выгонки хочетъ переселяться. А какъ вы къ тому городу не приписаны, такъ вамъ, пожалуй, и не дозволятъ тамъ проживать. Всегда бывало такъ по другимъ мѣстамъ, гдѣ старообрядскіе монастыри закрывали: на Иргизѣ такъ было, и въ Стародубѣ, и по другимъ мѣстамъ. Которыя были изъ другихъ мѣстовъ, тѣхъ высылали на родину, и велѣно было за ними смотрѣть, чтобъ оттоль никуда не отлучались. Такъ ежели у васъ есть твердое желаніе спасаться въ какой-нибудь изъ здѣшнихъ обителей, такъ повремените немногое время, обождите, чѣмъ ихнее дѣло кончится. А кончится оно, думать надо, въ скоромъ времени.

— Что-жъ!—молвила Дарья Сергѣвна.—До времени гостьей у матушки Манеѳы поживу, чтобъ не попасть въ скитскіе списки. А настанетъ выгонка, куда-нибудь на время уѣду.

— У насъ живите, Дарья Сергѣвна,—тихо проговорила Аксинья Захаровна.—При васъ мнѣ отраднѣй, не такъ скучно,

вы со мной и поговорите, вы мнѣ и отъ божественнаго что-нибудь почитаете.

— А ко всему, что̀ сказалъ я, прибавлю вамъ, Дарья Сергѣвна, еще, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Теперь вѣдь Манеѳа игуменьей только по имени, на самомъ-то дѣлѣ мать Филагрія всѣмъ заправляетъ — и хозяйствомъ, и службой, и переписку съ питерскими да съ московскими ведетъ. Чать, знаете ее? Манеѳина-то наперсница, взбалмошная, безшабашная Фленушка.

— Какъ мнѣ Фленушки не знать? — сказала Дарья Сергѣвна. — Довольно ее знаю, немало вѣдь времени выжила я съ Дуней у матушки Манеѳы въ обители.

— Сумасбродъ была дѣвка! — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Все бы ей какое-нибудь озорство. А теперь, говорятъ, хозяйство повела мастерски; вся, слышь, обитель въ такой у нея строгости, какой и при Манеѳѣ не бывало. И вамъ, сударыня Дарья Сергѣвна, стало-быть, волей-неволей придется изъ ея рукъ смотрѣть и все исполнять по ея приказамъ. Вы бы объ этомъ хоть поразсудили; не желаете у Дуни жить, найдется уголъ вамъ у меня въ дому: что̀ есть — вмѣстѣ, чего нѣтъ — пополамъ. Подумайте хорошенько, матушка. Жалѣючи васъ говорю. Вотъ и старуха моя говоритъ, что ей съ вами отраднѣе. Право, не лучше ли вамъ у насъ остаться? Вы хорошая хозяйка, я это замѣтилъ, живучи у васъ; а у меня хозяйка съ постели не сползаетъ. О Прасковьѣ говорить нечего — сами видите, что умомъ не дошла — ей бы только сладко поѣсть да день-денской на кровати валяться. А за вами по хозяйству ровно за каменной стѣной былъ. Поразмыслите объ этомъ, ежели рѣшились у Дуни не жить.

Пошелъ Патапъ Максимычъ токарни осматривать.

Дарья Сергѣвна также вышла. Прошла она въ моленную, а тамъ наемная канонница за негасимой свѣчой стоитъ и «псалтырь» читаетъ. Тамъ присѣла Дарья Сергѣвна на боковую лавочку и поникла головой. Дуня вспоминалась ей. «Съ дѣтства, ровно къ родной матери, была ко мнѣ привязана, ни одной, бывало, тайной думы отъ меня не скрывала,—думала она.—А въ послѣднее время не такой стала. Полюбились ей мірскія книги, и стала она скучать божественными. Читаешь ей, бывало, изъ «Пролога» или «Торжественника» — не слушаетъ, зачнешь говорить о душеспасительномъ — и ухомъ не ведетъ. А тутъ на бѣду подвернулась окаянная Марья Ивановна. Совсѣмъ съ тѣхъ поръ перемѣнилась Дуня, стала нетерпѣлива, сумрачна и молчалива. Отъ зари до зари, бывало, сидитъ надъ какими-то еретическими, видно, книгами, путнаго

слова тогда отъ нея, бывало, не добьешься. Не то что со мной, съ отцомъ говорить перестала. А какъ на Троицу принесло къ намъ въ домъ эту проклятую Марью Ивановну — еще хуже пошло... И какъ воротилась Дуня отъ нея изъ гостей къ больному отцу, словечка не сказала мнѣ про житье-бытье у Луповицкихъ, хоть я не разъ о томъ рѣчь заводила. О чемъ ни спрошу — молчитъ, ровно стѣна. И попрежнему ко всему холодна, и попрежнему ко всему безучастна. Какъ уѣхалъ отъ насъ Патапъ Максимычъ съ Аграфеной Петровной, однѣ мы остались съ ней — извѣстное дѣло — скука, тоска въ одиночествѣ. Поведешь, бывало, съ ней разговоръ о душеспасительномъ — молчитъ, зачнешь читать что-нибудь отъ святыхъ отецъ — молчитъ, зѣваетъ, спать на нее охота найдетъ, замѣсто душевнаго-то умиленія. Я въ тягость ей была. Какъ же жить мнѣ съ ней, какъ замужъ-то она выйдетъ? Мужъ еще, Богъ его знаетъ, каковъ человѣкъ, какъ еще поглядитъ на меня. Нѣтъ, не житье мнѣ у нихъ — и себѣ въ тягость и имъ не на радость. У Патапа Максимыча остаться не слѣдъ: по всѣмъ замѣчаньямъ, Аксинья Захаровна не жилица на свѣтѣ, а помретъ она, Параша будетъ хозяйкой, а какъ съ ней ужиться?.. И разумомъ не вышла, и нравъ крутой, и паче мѣры привередлива; нѣтъ, съ ней жить нельзя... Стану кланяться матушкѣ Манеоѣ, призрѣла бы меня одинокую, поклонюсь до земли и матери Филагріи, не оставила бы меня Христа ради, дала бы кровъ и пищу. Откажутъ, въ иныхъ обителяхъ поищу благодѣтельницъ. Жить мнѣ недолго, собой никого не отягощу. Что̀ есть въ тридцать лѣтъ накопленнаго, вкладомъ внесу за кусокъ хлѣба да за теплый уголъ... А Дунюшка!.. Дай ей, Господи, всякаго счастья!.. Забыла меня — Богъ съ ней. Не поставь этого во грѣхъ ей, Господи!..»

И залилась Дарья Сергѣевна слезами, сидя въ моленной на лавочкѣ.

Вслушивается — канонница дочитываетъ первую каѳизму. Когда кончила она ее, Дарья Сергѣвна подошла къ ней и сказала:

— Давай я вторую прочитаю.

Положивъ началъ, канонница, не говоря ни слова, отошла отъ налоя. Дарья Сергѣвна стала на ея мѣсто и начала протяжное чтеніе.

— «Возлюблю Тя, Господи, крѣпости моя. Господь утвержденіе мое и прибѣжище мое и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой и уповаю нань. Защититель мой и рогъ спасенія моего и заступникъ мой. Хваламъ призову Господа и отъ враговъ спасуся. Одержаша мя болѣзни смертныя и

потоци беззаконія смутиша мя. Болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя сѣти смертныя И внегда скорбѣти призвахъ Господа и къ Богу моему воззвахъ. Услыша отъ церкви святыя Своея гласъ мой и вопль предъ Нимъ внидетъ предъ очима Его» *).

Возвышенныя и душу возвышающія слова царя-псалмопѣвца подходили къ душевному состоянію Дарьи Сергѣвны и заставили ее забыть на время заботы и попеченья о будущемъ житьѣ-бытьѣ. Въ благочестивомъ восторгѣ страстно увлеклась она чтеніемъ псалтыря. Кончивъ вторую каѳизму, принялась за третью, за четвертую и читала до поздняго вечера, а наемная канонница храпѣла на всю моленную, прикурнувъ въ теплѣ на лавочкѣ за печкой.

Только-что ушли отъ Аксиньи Захаровны Патапъ Максимычъ и Дарья Сергѣвна, ушла и Параша, сказавши матери, что надо ей покормить Захарушку. Покормить-то она его немножко покормила, но тотчасъ же завалилась спать, проснулась вечеромъ, плотно поужинала, потомъ опять на боковую. Стала звать къ себѣ мужа, кричала, шумѣла, но никто не зналъ, куда тотъ дѣвался.

Василій Борисычъ сейчасъ послѣ жены отъ тещи ушелъ: осталась больная одна-одинешенька. Хорошо, что Матрена пришла, а то бы недвижимой хозяйкѣ дома ни достать ни отдать чего-нибудь было некому.

Съ тоски, что̀ ни день ни ночь въ тестевомъ домѣ не покидала Василья Борисыча, вышелъ онъ на улицу и завернулъ въ токарни. Работники всегда бываютъ чутки къ хозяйскимъ дѣламъ, давно они ужъ замѣтили, что Патапъ Максимычъ зятя въ грошъ не ставитъ, на каждомъ шагу глумится надъ нимъ и считаетъ ни на что негоднымъ. И отъ перваго до послѣдняго батрака, всѣ они не уважали Василья Борисыча, обходились съ нимъ за панибрата и въ глаза даже насмѣхались надъ нимъ. Пришлось рогожскому посланнику молчать да терпѣть. Года полтора передъ тѣмъ былъ онъ славимъ по всему старообрядству, какъ свѣдущій въ уставахъ человѣкъ, былъ принимаемъ въ самыхъ богатыхъ домахъ «древляго благочестія», а теперь до того дошелъ, что послѣдній изъ тестевыхъ батраковъ смѣется надъ нимъ въ глаза безбоязно и безнаказанно!

Видя, что кончившіе работу токари и глядѣть на него не хотятъ, пошелъ онъ прогуляться на всполье. И луговая трава

*) По дониконовскому переводу, что̀ теперь въ обиходѣ у единовѣрцевъ и раскольниковъ.

и тощая озимь ужъ поблекли отъ морозовъ, лиственныя деревья оголѣли, только одинъ ельникъ сохранялъ зеленый свой цвѣтъ. Калужины, какъ стекломъ, подернуты были блестящимъ ледкомъ. Высоко на ясномъ небѣ плылъ полный мѣсяцъ, озаряя блѣднымъ свѣтомъ замирающіе поля, лѣса и перелѣски. Стоялъ легкій морозецъ. Крѣпко кутаясь въ ватную чуйку, Василій Борисычъ шелъ все дальше и дальше по дорогѣ къ смежной деревушкѣ Ежовой, что̀ стояла верстахъ въ полуторыхъ отъ Осиповки. Идетъ Василій Борисычъ, не спѣша и не медля, а самъ такія думы въ умѣ раскидываетъ:

«Вотъ оно положеніе-то! Не чаялъ, въ умѣ даже никогда не держивалъ дойти до того, что̀ сталось со мной!.. Будь она проклятымъ-проклята̀ ночь въ Улангерскомъ перелѣскѣ, гдѣ навернулась мнѣ постылая, ненавистная Парашка... А все Фленушка, все это мать Филагрія по-нынѣшнему! Подурачиться ей вздумалось, вотъ и подурачилась. А ты вѣкъ свой страдай да мучься!.. Ни дна бы тебѣ ни покрышки — первымъ бы кускомъ тебѣ подавиться! Она и Самоквасова съ Сенькой выкрасть меня изъ Комарова подустила, а потомъ окрутить съ этимъ бревномъ, поскудной Парашкой! Все ея дѣло. На первыхъ порахъ и Прасковья то же говорила... На что-жъ я сталъ теперь похожъ? Отъ берега отсталъ, къ другому не присталъ. Съ Москвой, со всѣмъ старообрядствомъ дѣло въ конецъ расклеилось — клянутъ меня за то, что женили здѣсь меня, да еще вѣнчали въ великороссійской. А развѣ на то моя была воля? Силкомъ вѣдь повѣнчали. Теперь изъ старообрядцевъ никто и ко двору меня не подпуститъ, а вѣдь я ими только и жилъ. Къ единовѣрцамъ тоже хода нѣтъ, а великороссійскіе и вниманья на меня не обратятъ. Допрыгался я бѣдный, допрыгался безсчастный въ этихъ скитахъ, до того допрыгался, что теперь хоть руки на себя наложи... Сытъ, обутъ, одѣтъ — не могу въ этомъ на тестя пожаловаться, зато жена-то какая!.. Глупѣе барана, злѣе самого чорта. Разсказываетъ теперь тесть, что самъ онъ нашу свадьбу состряпалъ. Кто ихъ разберетъ — онъ ли въ самомъ дѣлѣ, или Самоквасовъ съ Сенькой саратовцемъ».

А вотъ и Ежова. Первая съ краю изба освѣщена внутри, и въ ней не лучина горитъ, а сальныя свѣчи. И на окошкахъ свѣчи стоятъ, и у воротъ фонарь съ зажженной свѣчкой повѣшенъ. Доносятся изъ избы веселые дѣвичьи клики, хохотъ и громкія пѣсни. Въ той избѣ жила разбитная, бойкая вдова Акулина Мироновна, та самая, что̀ когда-то вѣрнѣй всѣхъ мужиковъ разгадала, для чего, ожидая въ гости Снѣжко-

выхъ, Чапуринъ ни съ того ни съ сего вздумалъ большіе столы окольному народу ставить. По смерти ежовскаго десятника осталась Акулина Мироновна бездѣтною. Сама женщина еще молодая, лѣтъ тридцати, любила она съ дѣвками да съ парнями возиться. Потому и завела у себя въ избѣ посидѣлки; сходилась къ ней вся ежовская молодежь, приходили повеселиться и изъ сосѣднихъ деревень. Весело было Акулинѣ Мироновнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выгодно.

Съ ранней осени до масленицы по деревнямъ у такихъ вдовушекъ, какъ Акулина, посидѣлки или супрядки по нѣскольку разъ на недѣлѣ бываютъ. Въ назначенный день, только зачнетъ смеркаться, дѣвушки въ нарядныхъ платьяхъ съ гребнями и донцами, съ шитьемъ иль вышиваньемъ, сбираются къ ней въ избу. Ласково каждую гостью встрѣчаетъ хозяйка. Собравшись, дѣвушки садятся по лавкамъ и заводятъ межъ собой разговоры про домашнія дѣла, наряды и рукодѣлья. Начинаются шутливыя насмѣшки надъ ожидаемыми парнями и надъ ихъ зазнобами. А между тѣмъ всѣ усердно работаютъ. Сначала работа спорится, особенно у тѣхъ, кому мать урокъ задала столько-то напрясть, столько-то нашить. Часовъ въ восемь, а иной разъ и въ девять, одинъ по одному начинаютъ парни сбираться: каждый приноситъ свѣчку, пряниковъ, стручковъ, маковниковъ, подсолнечныхъ зеренъ и другихъ деревенскихъ лакомствъ, а иной и пивца притащитъ, либо молодой осенней бражки, а пожалуй, и штофъ зелена вина, а тѣмъ, кто не пьетъ, сантуринскаго. И закуски приносятъ съ собой: кто говядины, кто баранины, кто живыхъ куръ либо утокъ. Ихъ сейчасъ рѣжутъ, хозяйка отпариваетъ, ощипываетъ, а потомъ изъ нихъ къ ужину похлебку варитъ. Другіе парни яицъ притащатъ, масла, сметаны, творогу, а иной спроворитъ съ шестка каши горшокъ либо щей, а попадетъ подъ руку — такъ и цѣльный коровай хлѣба. Оттого матери и злобятся на посидѣлки, что, сколько ни копи, какъ ни стереги, а добро уходитъ да уходитъ на угощенье дѣвкамъ въ избѣ какой-нибудь Мироновны. Потому еще матери боятся супрядокъ, что дочери тамъ на шагъ отъ грѣха. Но, должнобыть, вспоминая свою молодость, сквозь пальцы смотрятъ онѣ на дѣвичьи забавы и такія наставленья даютъ дочерямъ: «Любись съ дружкомъ, какъ знаешь, только чтобъ покору на честной родительскій домъ отъ того не было. Пуще всего берегись съ парнями грѣшить. Берегись этого пуще огня, пуще полымя. А ежель не устоишь, умѣй концы хоронить. Не то гульливой прозовутъ, опозоришь и себя и насъ, подруги отшатнутся отъ тебя, и не будетъ тебѣ мѣста ни зимой на

супрядкахъ ни лѣтомъ въ хороводахъ, а что̀ хуже всего — замужъ никто не возьметъ».

Собрались къ Акулинѣ дѣвки ежовскія, шишинскія и другихъ деревень. Двѣ пришли изъ Осиповки. Разговоры начались у нихъ за рукодѣльемъ.

— Чапуринъ-отъ, слышь, домой воротился? — спрашиваетъ Акулина у осиповскихъ дѣвокъ.

— Воротился, — отвѣчала одна изъ нихъ.

— Что̀ привезъ? — спросила Акулина.

— Покамѣстъ ничего. Не знаю, что̀ дальше будетъ, — сказала осиповская дѣвка.—Только женщину невѣдомо какую привезъ.

— Сиротку Смолокурову, что ли? — спросила одна изъ ежовскихъ.

— Нѣтъ. Та, слышь, еще молоденькая, а эта старуха, свояченицей, слышь, доводилась она самому-то Смолокурову. Дарьей Сергѣвной зовутъ. Сколько-то лѣтъ тому назадъ въ Комаровѣ жила она, въ Манефиной обители. Смолокурова-то дочь обучалась вѣдь тамъ въ одно время съ дочерьми Патапа Максимыча.

— Вотъ какъ, — промолвила Акулина Мироновна.

— А сегодня передъ тѣмъ, какъ намъ сюда идти, — продолжала осиповская дѣвица: — страсть сколько сундуковъ къ Патапу Максимычу привезли, цѣлый обозъ. И говорили, что въ тѣхъ сундукахъ сложено приданое Смолокуровой. Не на одну, слышь, сотню тысячъ лежитъ въ нихъ. Все въ каменну палатку поставили, отъ огня, значитъ, бережнѣе.

— Сто тысячъ? -воскликнула Акулина. —Вотъ гдѣ деньги-то! У купцовъ да у бояръ, а мы съ голоду помирай! Имъ тысячи плевое дѣло, а мы надъ каждой копейкой трясись да всю жизнь майся. А вѣдь, кажись, такіе же бы люди.

— А всего-то, говорятъ, богатства ей послѣ отца досталось больше милліона, — сказала осиповская.

— Что̀ за милліонъ такой? Я, дѣвки, что-то про него не слыхивала, — сказала ершовская.

— Значитъ, десять сотенъ тысячъ, тысяча тысячъ,—пояснила одна изъ шишинскихъ, сколько-то времени обучавшаяся въ скитахъ.

— Господи Владыка!—на всю избу воскликнула Мироновна.— Да что-жъ это такое? Ни на что непохоже! У одной дѣвки такое богатство, а другіе съ голоду колѣй! Начальство-то чего глядитъ?

— А вѣдь какъ я погляжу на тебя, тетка Акулина, такъ глаза-то у тебя не лучше поповскихъ, завидущіе, — сказала

дѣвушка изъ ежовскихъ. Сродницей Акулинѣ она приходилась, но за сплетни не больно любила ее.

— А ты, дура, молчи, поколева цѣла, — крикнула на нее тетка Акулина.—Въ головѣ пустехонько, а тоже въ разговоры лѣзетъ. Не твоего ума дѣло. Придетъ Алешка, принесетъ гармонику, ну и валандайся съ нимъ, а въ дѣла, что̀ выше твоего разума, не суйся.

Замолчала ежовская, примолкли и другія дѣвушки.

— Заводи зазывную! — вдругъ крикнула пряха изъ Шишинки.—Пора. Можетъ, парни давно у воротъ, да, не слыша зазывной, на дворъ нейдутъ.

Зашурчали веретена, громко дѣвки запѣли. Тетка Акулина суетливо бѣгаетъ взадъ и впередъ по избѣ, прибирая въ ожиданьи гостей разбросанныя вещи.

— Заводи, заводите, красны дѣвицы, — говоритъ она. — Скликайте пареньковъ, собирайте молодцовъ.

Поютъ дѣвицы зазывную *):

Леталъ голубь, леталъ сизый,
Леталъ сизый по возгорью,
Искалъ голубь, искалъ сизый
Своей сизыя голубки.
Моя сизая голубка очень знакомита:
Черезъ три пера рябенька, головка гладенька,
Руса коса до пояса, на косѣ лента ала,
Ала, ала, голубая, дѣвонюшка молодая.
Возвивалась голубушка высоко, далеко,
Садилася голубушка на бѣлъ-горючъ камень,
Умывалась голубушка водою морскою,
Утиралась голубушка шелковой травою,
Говорила голубушка съ холостымъ парнемъ:
„Ужъ ты, парень-паренекъ, глупенькій твой разумокъ —
Не по промыслу заводы ты заводишь,
Трехъ дѣвушекъ, парень, за одинъ разъ любишь:
Перву Машу во Казани,
Да Дуняшу въ Ярославлѣ,
А душеньку Ульяшеньку въ Нижнемъ городочкѣ;
Купилъ Машѣ ленту алу,
А Дунюшкѣ голубую,
А душенькѣ Ульяшенькѣ
Шелковое платье.
Ты носи, моя Ульяша, мною не хвалися;
Коли станешь выхваляться—
Намъ съ тобой не знаться,
А не станешь выхваляться—
Ввѣкъ намъ не разстаться“.

А межъ тѣмъ одинокій и грустный, усталый и до костей продрогшій, переминаясь съ ноги на ногу, Василій Борисычъ

---

*) Зазывною пѣснью зовется всякая, что̀ первою поется на посидѣлкахъ.

стоитъ у воротъ Акулины Мироновны. Тянетъ его въ кругъ дѣвичій, но беретъ опаска—неравно придетъ кто изъ осиповскихъ да потомъ дома разблаговѣститъ, что хозяйскій зять у Мироновны на дѣвичьихъ посидѣлкахъ былъ. Дойдутъ до жены такія вѣсти — жизни не радъ будешь, да и тесть по головкѣ не погладитъ: «Ты, дескать, законъ исполняй, а на чужихъ глаза пялить не смѣй». Мимо токаренъ да красиленъ лучше тогда и не ходи — трунить, зубоскалить станутъ рабочіе, на смѣхъ поднимать...

А громкіе дѣвичьи голоса въ избѣ Мироновны такъ и заливаются. Дрожь пробираетъ Василья Борисыча; такъ бы и влетѣлъ въ избу козыремъ, облюбовалъ бы какую помоложе да попригожѣе и скороталъ бы съ ней вечерокъ въ тайной бесѣдѣ... Издавна на такія дѣла бывалъ онъ ловкимъ ходокомъ, теперь уже не то. Что̀ было, то сплыло, а былое быльемъ поросло.

Не стерпѣлъ однако Василій Борисычъ, услыхавши зазывную: «Эхъ, была не была,—подумалъ онъ.—Авось не узна̀ютъ, а ежели и явятся праздные языки, можно ихъ закупить, на это денегъ хватитъ».

И вошелъ въ бесѣду дѣвичью, парней никого еще не приходило. Всѣ диву дались, увидавши такого гостя.

Не знаетъ, не придумаетъ Акулина Мироновна, какъ принять, чѣмъ привѣтить Василья Борисыча. Рада приходу его—такіе гости съ пустыми руками не ходятъ; столько отсыплетъ чапуринскій зятекъ, что, пожалуй, во всю зиму такихъ денегъ супрядками и не выручишь... И боязно шустрой вдовушкѣ: «Ну какъ провѣдаетъ Патапъ Максимычъ, что зять его у нея на посидѣлкахъ былъ, да взбредетъ ему на умъ, что я приручила его, пропадай тогда головушка моя. Жить не дастъ! Доведетъ до большого начальства, что въ дому у меня корчемство, тогда бѣда неминучая—въ одной рубахѣ отпустятъ... Хоть шею тогда въ петлю, хоть въ омутъ головой!..»

— Здравствуй, Мироновна! — переступая вдовинъ порогъ, громко воскликнулъ Василій Борисычъ: — здравствуйте, дѣвицы-красавицы!.. Примите меня, голубоньки, во свой кругъ, во свое веселье дѣвичье, приголубьте меня словомъ сладкимъ, ласковымъ, — прибавилъ онъ, вѣшая шапку на колокъ.

— Милости просимъ, — въ одинъ голосъ отвѣчали дѣвушки, раздвигая на лавкахъ донца и опоражнивая мѣсто нежданному, негаданному гостю.

Оглядѣлъ Василій Борисычъ дѣвокъ и вдругъ видитъ двухъ изъ Осиповки. Такъ его и обдало. — «Теперь и невѣсть что наболтаютъ эти поскуды,—подумалъ онъ:—дойдетъ до тестя —

прохода не будетъ, до жены дойдетъ — битому быть. Хорошенько ихъ надо угостить, чтобъ онѣ ни гугу про ночныя похожденія женатаго, не холостого».

Въ другой разъ оглядѣлъ Василій Борисычъ кругъ дѣвичій и видитъ — середь большой скамьи, что̀ подъ окнами, сидитъ за шитьемъ миловидная, молоденькая дѣвушка. Сѣлъ онъ возлѣ нея, видитъ — бѣлоручка, сидитъ за бѣлошвейной работой. Спросилъ у ней:

— Какъ зовутъ, красавица?

— Какъ попъ крестилъ — Лизаветой звалъ, — вскидывая плутовскіе глаза на Василья Борисыча, бойко отвѣчала бѣлоручка и захохотала на всю избу. Другія дѣвушки тоже засмѣялись.

— А изъ коей будешь деревни? — спросилъ Василій Борисычъ, подвигаясь къ Лизаветѣ. Та отъ него не отодвигалась.

— Ты, Василій Борисычъ, человѣкъ поученый, книжный, — сказала она. — Тебѣ бы прежде спросить, какъ величаютъ меня по отчеству, а потомъ и пытать, изъ какой я деревни.

— Такъ ка̀къ же тебя звать, красавица, по отчеству? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Трофимовна, — отвѣчала она. — Отецкая дочь *). Тятенька Трофимъ Павлычъ не то что по нашей деревнѣ, а по всей здѣшней волости изъ первыхъ людей.

— А чѣмъ промышляетъ? — еще ближе подвигаясь къ Лизаветѣ, спросилъ Василій Борисычъ

— Извѣстно, горянщиной. По всей нашей палестинѣ **) всѣ живутъ горянщиной, — отвѣчала отецкая дочь.

Смотритъ Василій Борисычъ на Лизавету Трофимовну—такая она бѣленькая, такая чистенькая и миловидная, что другія дѣвушки передъ ней уроды уродами. И пріемы у отецкой дочери не тѣ, что̀ у тѣхъ, и все обхожденье — съ перваго же взгляда видно, что не въ избѣ она росла, не въ деревнѣ заневѣстилась. Руки нѣжныя, не какъ у деревенскихъ чупахъ, тотчасъ видно, что никогда Лизаветины руки черной работой не были огрублены.

Бывшій рогожскій посолъ еще поближе пододвинулся къ Лизаветѣ, положилъ ей руку на плечо и сталъ полегоньку трепать его, не говоря ни слова. Отецкая дочь не противилась. Съ веселой вызывающей улыбкой поглядывала она исподлобья и, когда Василій Борисычъ сталъ мѣшать ей шить, она взяла его за руку и крѣпко пожала ее. Сладострастно засверкали

*) Не сирота, а дочь, у которой живъ еще отецъ, и притомъ человѣкъ достаточный.

**) Палестина — родныя мѣста, своя сторона.

быстрые, маленькіе глазки бывшаго посла архіерейскаго. Гораздъ бывалъ онъ на любовныя похожденья, навыкъ во время ближнихъ и дальнихъ разъѣздовъ по женскимъ скитамъ и обителямъ.

Въ это время Акулина Мироновна, изъ краснаго угла перетащивши столъ направо отъ входа въ избу, покрыла его столешниками *) и разставила тарелки съ пареной брюквой, солеными огурцами, моченымъ горохомъ, орѣхами, подсолнухами, городецкими пряниками, жомками, маковниками, изборной, сушеной черникой и другими деревенскими лакомствами. Тутъ же ставлены были ломтями нарѣзанная солонина, студень, рубцы, соленый судакъ, вареный картофель. Убирая столъ, Акулина подозвала Василья Борисыча и тихонько ему молвила:

— Угощай дѣвицъ, Василій Борисычъ, ежели на то есть у тебя желаніе... Можно и пивца достать, пожалуй, даже и ренскаго, а тебѣ, ежель въ охоту, достану и водочки. Да вотъ что̀ еще хочу сказать тебѣ,— прибавила она шопотомъ на ухо Василью Борисычу: — ты къ Лизкѣ-то Скорохватовской не больно примазывайся. Придетъ Илюшка Пустобояровскій да увидитъ твои шуры-муры съ ней, какъ разъ бока тебѣ намнетъ — ни на что не поглядитъ. У него съ Лизкой-то еще до Покрова лады зачались; передъ масленой, надо-быть, попъ вѣнцомъ ихъ окрутитъ. А Илюшка косая сажень, сила страшеннѣйшая, кулачище хоть надолбы вколачивай. Такъ ты поопасся бы, Василій Борисычъ. До грѣха недолго. Парень же онъ такой задорный, что бѣда... Да и къ другимъ-то дѣвушкамъ не больно приставай, вѣдь каждая, почитай, изъ нихъ чья-нибудь зазноба. А вотъ какъ нагрянутъ парни на посидѣлки, угости ты ихъ всѣхъ какъ можно лучше, тогда и возись себѣ съ любой изъ дѣвушекъ. Тогда супротивничать тебѣ ужъ не станутъ.

Покоробило немного Василья Борисыча, но ни слова онъ Акулинѣ не вымолвилъ. Подойдя къ дѣвушкамъ и попрежнему садясь возлѣ Лизаветы, сказалъ:

— Угощайтесь, красны дѣвицы, берите, что̀ ни ставлено на столѣ Мироновны... А напередъ пѣсенку бы надобно спѣть, да, глядите-жъ у меня, развеселую, не тоскливую.

Улыбаясь, дѣвушки стали словами перекидываться, о чемъ-то шопоткомъ посовѣтовались и наконецъ запѣли:

Ахъ, зачѣмъ меня мать пригожу родила,
Больно счастливу, таланливую,
Говорливую, забавливую,

*) Полотенце, что̀ кладутъ за столомъ двумъ-тремъ человѣкамъ вмѣсто салфетокъ.

Что нельзя мнѣ и къ обѣднямъ ходить,
Мнѣ нельзя Богу молитися,
Добрымъ людямъ поклонитися?
Съ стороны-то люди галются *),
А попы служить мѣшаются,
Понамарь звонить сбивается,
Дьячокъ читать забывается.
Поглядѣвъ на меня, дьячокъ мимо пошелъ
Да нарочно мнѣ на ножку наступилъ,
Больно-набольно ее мнѣ отдавилъ,
Посулилъ онъ мнѣ просвирокъ рѣшето,
Изъ сѣтечка **) сѣмечка,
Крупы черепиночку ***) —
Мнѣ всего того и хочется,
Да гулять съ дьячкомъ не хочется.
Увидалъ меня молоденькій попокъ,
Посулилъ мнѣ въ полтора рубля платокъ
Мнѣ платочка-то и хочется,
Да гулять съ попомъ не хочется.
Увидалъ меня молоденькій купецъ,
Посулилъ онъ мнѣ китаечки конецъ —
Мнѣ китаечки-то хочется,
Да гулять съ купцомъ не хочется.
Увидалъ меня душа-дворянинъ,
Посулилъ онъ мнѣ мякинушки овинъ —
Мнѣ мякины-то не хочется,
Съ дворяниномъ гулять хочется.

Показалось ли Василью Борисычу, что лучше всѣхъ спѣла пѣсню Лизавета Трофимовна, нарочно-ль онъ это сказалъ, но, по обычаю посидѣлокъ, поцѣловалъ бойкую пѣвунью.

— А вы бы насъ пѣть поучили, Василій Борисычъ, какъ лѣтошній годъ обучали въ Комаровѣ дѣвицъ, — немножко погодя сказала ему Лизавета Трофимовна.

— А какъ тебѣ извѣстно, что я обучалъ ихъ? — спросилъ онъ.

— Сами о ту пору мы въ Комаровѣ проживали,—отвѣтила отецкая дочь. — У Глафириныхъ гостила. Хоша съ Манеѳиными наши не видаются, а все-таки издалечка не одинъ разъ видала я васъ.

— Какъ же я-то не видалъ такой красоточки? — съ улыбочкой, еще ближе подвигаясь къ Лизаветѣ, сказалъ Василій Борисычъ.

— Не до меня вамъ было тогда, — отвѣтила Лизавета. —

---

*) *Галиться* — глаза пялить, глазѣть, диковаться на что-нибудь, любоваться, засматриваться.

**) Сѣтево, сѣтечко — лукошко съ зерновымъ хлѣбомъ, которое сѣвецъ носитъ черезъ плечо.

***) Уменьшительное отъ *черепня* — глиняная посудина, въ которой запариваютъ толченое конопляное сѣмя для битья масла.

И какая-жъ я красотка?.. Смѣетесь только надо мной! Устинья Московка невпримѣръ меня краше, опять же Домнушку Улангерскую взять, али Грушеньку, что̀ въ Оленевѣ, у матушки Маргариты въ келарнѣ живетъ.

— И тѣхъ знаешь? — сказалъ Василій Борисычъ.

— Хоша не больно знакомита, а много извѣстна про нихъ, — отвѣчала отецкая дочь.

— Ишь ты какая! всѣхъ знаетъ! — обнимая станъ Лизаветы, промолвилъ Василій Борисычъ.

— Не къ лицу вамъ къ дѣвицамъ-то приставать.

— Это почему? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Жена есть у васъ, супруга, — отвѣтила Лизавета. — Теперь не прежня пора — на чужихъ не слѣдъ вамъ и заглядываться! Это для васъ грѣшно.

— Двѣ шубы — тепло, двѣ хозяйки — добро, — прижимаясь къ Лизаветѣ, молвилъ Василій Борисычъ.

— Хозяйкой отчего не быть, а въ подхозяйки никому не охотно идти, — сказала Лизавета, быстро взглянувши въ глаза послу архіерейскому.

— Все едино — хозяйка ли, подхозяйка ли, любиться бы только, — промолвилъ Василій Борисычъ.

— Хорошо вамъ такъ говорить, а дѣвушкамъ и слушать такія рѣчи зазорно. И поминать про эти дѣла хорошей дѣвицѣ не годится, а не то чтобы самой говорить, — сказала отецкая дочь.

— Экая ты сердитая! — вскликнулъ Василій Борисычъ. — Перестань же серчать.

Въ это время не одинъ по одному, какъ водится, а гурьбой ввалило въ избу съ дюжину молодыхъ парней. Маленько запоздали они — были на гулянкѣ. Въ Пустобояровскомъ кабакѣ маленько загуляли, а угощалъ Илюшка, угождавшій Лизаветѣ такъ, что никто другой и подходить къ ней не смѣлъ.

Когда распахнулись двери настежь, первымъ изъ парней влетѣлъ въ избу Илюшка. Взглянулъ онъ на свою облюбованную, видитъ возлѣ нея какого-то чужого, но одѣтаго чистенько и по всему похожаго больше на купца, чѣмъ на простого мужика. Злобой вспыхнуло лицо Илюшки, и кулаки у него сами сжались, когда увидалъ онъ, что Лизавета къ самымъ плечамъ подпустила Василья Борисыча. Грозно сдѣлалъ Илюшка два-три шага впередъ, но Акулина успѣла ему шепнуть, что съ зазнобой его сидитъ не кто другой, а зять Патапа Максимыча, человѣка сильнаго и властнаго по всей сторонѣ. И злобы у Ильи какъ не бывало, подошелъ онъ къ парочкѣ и шутливо молвилъ Василью Борисычу:

— И мы въ нашу бесѣду къ Мироновнѣ. Милости просимъ, напредки будьте знакомы.

И сѣлъ по другую сторону возлюбленной. Начали пѣсни пѣть. Звонко пѣли дѣвки, громко подпѣвали парни. Пѣли сначала пѣсни семейныя, потомъ веселыя, дѣло дошло до плясовыхъ. На славу, ровно на показъ, ловчѣй и бойчѣй всѣхъ другихъ отплясывалъ Илья Пустобояровскій, всѣхъ величавѣй павой выступала, всѣхъ красивѣй плечами подергивала, задорнѣй и страстнѣй поводила глазами и платочкомъ помахивала отецкая дочь Лизавета Трофимовна. Другія, чтò ступы, толкутся себѣ на мѣстѣ, полъ подъ ними трещитъ, чуть не ломится, а она легко и тихо порхаетъ ровно метель-порхунокъ *). Хоть и выросла Лизавета въ благочестивыхъ скитахъ, хоть и обучалась у матери Глафиры божественному, а только-что вышла изъ обители, скорехонько обыкла и къ мірскимъ пѣснямъ и къ той пляскѣ, чтò въ скитахъ зовется бѣсовскою.

Каждый пляшетъ, каждая голоситъ развеселую... Пошла изба по горницѣ, сѣни по полатямъ—настоящій Содомъ. Одинъ Василій Борисычъ не пляшетъ, одинъ онъ не поетъ. Молча сидитъ онъ, облокотясь на подоконникъ, либо расплачивается съ Мироновной за все, чтò пьютъ и ѣдятъ парни и дѣвки. Раза три дочиста они разбирали все, чтò ни ставила на столъ досужая хозяйка. Вдобавокъ къ съѣстному и къ лакомствамъ вынесла она изъ подполья четвертную бутыль водки да дюжины три пива.

Для того за всѣхъ платилъ Василій Борисычъ, что боялся, не осерчали бы парни съ дѣвками, не разсказали бы въ Осиповкѣ, что были и пили вмѣстѣ съ нимъ у Мироновны.

Веселая гульба чуть не до свѣта шла. Не разъ порывался домой Василій Борисычъ, но парни его не пускали, обѣщаясь проводить до дому и дорòгой беречь отъ волковъ, а при этомъ просили поставить на столъ кубышечку бальзамчику **).

И бальзамчика Мироновна откуда-то вынесла. Опростали парни кубышку, еще попросили, но у Мироновны бальзама больше не было.

Грустно возвращался домой Василій Борисычъ, провожаемый хмельными парнями. И дорòгой ни на минуту не сходили у него съ ума докучныя мысли, какъ-то онъ попадетъ въ домъ и гдѣ-то проведетъ остатокъ ночи. Къ женѣ идти и думать нельзя. подняться въ верхнія горницы — разбудишь

---

*) Мотылекъ, ночная бабочка.

**) Хлѣбное вино, перегнанное на душистыхъ смолистыхъ травахъ.

кого-нибудь. И рѣшился онъ ночевать въ подклѣтѣ у старика Пантелея. И вовсе почти не спалъ — то вспоминались ему злобныя, язвительныя тестевы насмѣшки и острые женины ногти, то раздавался въ ушахъ звонкій, переливчатый голосъ отецкой дочери Лизаветы Трофимовны:

Ленъ, ленъ, ленъ, не дѣленъ,
И посконь не таскан!

Несмотря на всѣ предосторожности, въ тотъ же день провѣдали въ Осиповкѣ про ночныя похожденія Василья Борисыча. Худыя вѣсти всегда опережаютъ. Тотчасъ послѣ обѣда не только насмѣшки, но самыя крѣпкія ругательства и громкіе окрики привелось ему выслушать отъ Патапа Максимыча.

— Такъ ты вздумалъ и на сторонѣ шашни заводить, — кричалъ разъяренный тестюшка. — На супрядки по чужимъ деревнямъ къ дѣвкамъ ходить! Срамить честной мой домъ хочешь! Такъ помни, бабій угодникъ, что батраковъ у меня вволю — велю баню задать — такъ вспорютъ тебя, что вспомнишь сидорову козу. До смерти не забудешь, перестанешь бѣгать отъ жены!.. Смѣй только еще разъ уйти на посидѣлки!

И выгналъ любезнаго зятя изъ горницы, а на прощаньи еще тумака задалъ ему въ спину.

Какъ провѣдала про мужнины проказы Прасковья Патаповна, затряслась вся отъ злобной досады. Увидавши супруга, кинулась на него ровно бѣшеная. Василій Борисычъ тотчасъ закрылъ лицо ладонями, чтобъ милая женушка опять его не искровянила. И кричитъ она и визжитъ, шумитъ какъ голикъ, брюзжитъ какъ осенняя муха, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и, взявши кожаную лѣстовку, принялась стегать муженька по чемъ ни попало. Мало этого показалось Прасковьѣ Патаповнѣ, схватила попавшійся подъ руку желѣзный аршинъ да и пошла утюжить имъ супруга. Едва вырвался Василій Борисычъ изъ рукъ разъяренной подруги жизни и опрометью бросился вонъ изъ тестева дома. Выбѣжавъ на улицу, сталъ на мѣстѣ и такъ разсуждалъ: — «Что теперь дѣлать?.. Куда идти, къ кому? Какъ въ темницѣ сижу, тяжкой цѣпью прикованъ. Нѣтъ исхода... Охъ, искушеніе! Удавиться ли, утопиться ли мнѣ?»

Съ самаго утра дулъ неустанный осенній вѣтеръ, а Василій Борисычъ былъ одѣтъ налегкѣ. Сразу насквозь его прохватило. Пошелъ въ подклѣть погрѣться и улегся тамъ на печи стараго Пантелея. А на умѣ всѣ тѣ же мысли: «Вотъ положеніе-то! куда пойду, куда дѣнусь?.. Былъ въ славѣ, былъ въ почестяхъ, а пошелъ въ позоръ и поношеніе. Прежде

всѣ мнѣ угождали, а теперь плюютъ, бьютъ да еще сѣчь собираются! Охъ, искушеніе!»

И сталъ Василій Борисычъ раздумывать, куда бы бѣжать изъ тестева дома, гдѣ бы найти хоть какое-нибудь пристанище. Думаетъ-думаетъ, ничего не можетъ придумать — запали ему всѣ пути, нѣтъ мѣста, гдѣ бы пріютиться.

Дня три шага не выступалъ онъ изъ Пантелеева подклѣта и обѣдать наверхъ не ходилъ, дрожмя дрожалъ отъ одного голоса жены, если, бывало, издали услышитъ его. Въ домѣ знали отъ старика Пантелея, что ему нездоровится, что день и ночь стонетъ онъ и охаетъ, а самъ съ печки не слѣзаетъ. И въ самомъ дѣлѣ желѣзный аршинъ не по костямъ пришелся ему. Заходилъ въ подклѣтъ и самъ Патапъ Максимычъ. Хотѣлось ему навѣдаться, чѣмъ зять захворалъ, что̀ за болѣсть ему приключилась. Пришелъ, Пантелея въ избѣ о ту пору не было, а Василій Борисычъ стоналъ на печи.

— Что̀, распѣвала? Аль ежовски посидѣлки отрыгаются?..— съ усмѣшкой спросилъ у него осиповскій тысячникъ. — Или тебя ужъ очень сокрушила Лизка Скорохватовская? Цѣлу, слышь, ночь у тебя съ ней были шолты̀-болты̀ *). Шутка сказать, на десять цѣлковыхъ прокормилъ да пропилъ у этой поскуды Акулины! Станешь такъ широко мотать, не хватитъ тебѣ, дурова голова, и милліона. Акулькѣ радость — во всю, чать, зиму столько ей не выручить, сколько ты ей переплатилъ. Съ похмелья, что ли, хвораетея?

— Не съ похмелья у меня, батюшка, голова болитъ, не съ посѣдокъ мнѣ хворается, — охая, отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Болитъ головушка и все тѣло мое отъ злой жены. Истинно во святомъ писаніи сказано: «удобѣе человѣку со львомъ и скорпіемъ жити неже со злою женой». Отъ дочки вашего степенства житья мнѣ нѣтъ. И теперь болѣю отъ любви ея да отъ ласки — полюбилось ей бить меня, желѣзнымъ аршиномъ приласкала меня! Въ трехъ мѣстахъ голова у меня прошиблена до кости, и весь я избитъ — живого мѣста не осталось на мнѣ... Пожалѣйте меня хоть сколько-нибудь, пожалѣйте по человѣчеству... — со слезами молилъ тестя Василій Борисычъ. — Теперь дѣваться мнѣ некуда, свадьба съ Прасковьей Патаповной затворила мнѣ всѣ ходы къ прежнимъ моимъ благодѣтелямъ. Куда дѣнусь, сами посудите?

— Живи съ законной женой, да мамошекъ на сторонѣ не смѣй заводить... Тогда все пойдетъ по-доброму да по-хорошему, — промолвилъ насупившись Патапъ Максимычъ.

---

*) *Шолты-болты* — вздоръ, пустяки, дрянь, негодныя вещи.

— Нельзя съ такой глупой да злой женой жить по-хорошему, — отозвался вполголоса Василій Борисычъ.

— А какой лѣшій толкалъ тебя въ Улангерскомъ лѣсу къ Паранькѣ? — также вполголоса съ язвительной насмѣшкой сказалъ осиповскій тысячникъ. — Вѣдь я все знаю. И то знаю, какъ ты по Фленушкинымъ затѣямъ у свиболовскаго попа повѣнчался. Не знаю только, кто свадьбу твою сварганилъ, кто въ поѣзжанахъ былъ... А то все, все до капельки знаю. А не вытурилъ я тебя тогда съ молодой женой изъ дому, да еще на друзей и для окольнаго народа пиръ задалъ и объявилъ, что свадьбу я самъ устряпалъ, такъ это для того только, чтобъ на мой честной домъ не наложить позору. Что Прасковья дура, про это я раньше тебя знаю; что зла она и бранчива, тоже давно вѣдаю. Да вѣдь не я ее тебѣ на шею вѣшалъ, не я тебя въ шею толкалъ. Тутъ я не при чемъ. Самъ свою судьбу устраивалъ, самъ выбиралъ себѣ невѣсту, ну и живи съ ней. Терпи отъ нея попреки и побои, а мое дѣло тутъ сторона.

— Хоть бы уѣхать куда на недолгое время, — сказалъ Василій Борисычъ.

— А къ какому шатуну уѣдешь? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Самъ же говоришь, что дѣваться тебѣ некуда. Вѣкъ тебѣ на моей шеѣ сидѣть, другого мѣста во всемъ свѣтѣ нѣтъ для тебя. Живи съ женой, терпи, а къ дѣвкамъ на посидѣлки и думать не смѣй ходить. Не то выпорю. Вотъ передъ истиннымъ Богомъ говорю тебѣ, что выпорю безпремѣнно. Помни это, изъ головы не выкидывай.

Долго бранилъ Патапъ Максимычъ Василья Борисыча, а тотъ, лежа на печкѣ, только стонетъ да охаетъ отъ жениныхъ побоевъ, а самъ раздумываетъ, что̀ лучше: бѣжать иль на чердакѣ удавиться.

Глава шестая.

Заходили по народу толки, будто Патапъ Максимычъ привезъ въ Осиповку несмѣтное богатство сироты Смолокуровой, и что сложено оно у него въ его каменной палаткѣ. А пошли тѣ толки со словъ осиповскихъ дѣвокъ, что̀ пировали на посидѣлкахъ у Мироновны, и кромѣ нихъ привозъ сундуковъ видѣли батраки, работавшіе въ токарняхъ и въ красильняхъ. По ближнимъ и дальнимъ деревнямъ заговорили объ этомъ, и народная молва гласила уже, что привезено не приданое Смолокуровой, а несмѣтныя сокровища, какихъ ни у кого еще не бывало: сундуки, биткомъ набитые чистымъ золотомъ

и другими драгоцѣнностями. Толковали:—«Съ давнихъ лѣтъ многое множество богатыхъ кладовъ въ землѣ лежитъ, но ни въ одномъ нѣтъ столько добра, какъ теперь въ каменной палаткѣ у Чапурина. Притомъ же всѣ земляные клады, сколько ихъ ни есть, кладены съ зарокомъ, а бережетъ ихъ супротивная сила, а туда положено золото безо всякаго зарока, и до него нечистому нѣтъ никакого дѣла». По этому самому никакой и вѣщьбы тутъ не надо ни тайнаго слова. И при такихъ разговорахъ много людей зарилось на чапуринскую палатку.

Дѣнь черезъ десять послѣ того, какъ Василій Борисычъ былъ въ гостяхъ у тетки Мироновны, у нея опять были посидѣлки. Народу было множество, особливо парней. Тѣсно было во вдовьей избѣ, инымъ ни на лавкахъ ни на скамьяхъ недоставало мѣста — сидѣли на печи, лежали они на полатяхъ. Пѣли пѣсни, плясали, пили, ѣли, прохлаждались, а веселая, довольная Мироновна, видя, какъ гости очищаютъ ея стряпню, металась изъ стороны въ сторону, стараясь угодить каждому. Не одну пѣсню спѣли, не разъ поплясали, и тутъ у парней и дѣвокъ зачались межъ собой суды и пересуды. Судили, рядили обо всѣхъ окольныхъ, про ближнихъ и дальнихъ, старухъ и стариковъ, про женатыхъ и холостыхъ, про красныхъ дѣвушекъ и молодыхъ молодушекъ: всѣмъ косточки перемыли, всѣмъ на калачи досталось, — извѣстное дѣло, отъ пересудовъ, да напраслины, да сплетокъ ни пѣшкомъ не уйти ни на конѣ не уѣхать.

Вспоминая Василья Борисыча, ровно по книгѣ разсказывали про его похожденья, какъ не давалъ онъ въ скитахъ спуску ни одной бѣлицѣ, что̀ была моложе да попригожѣй изъ себя. Осиповскія дѣвки разсказали, какъ ему за посидѣлки у Мироновны тесть въ шею наклалъ, а женушка желѣзнымъ аршиномъ до костей пробила грѣшное его тѣло. И никого не нашлось изо всей бесѣды, кто бы пожалѣлъ его; всѣ потѣшались, а пуще другихъ отецкая дочь Лизавета Трофимовна. Перешла рѣчь на самого Патапа Максимыча. Сидѣли у Мироновны люди къ дѣламъ его непричастные, работъ и хлѣбовъ осиповскаго тысячника не искавшіе и, по зависти къ богатству и домоводству его, готовые натворить ему всякихъ пакостей не только языкомъ, но и дѣломъ. И пошли они цыганить Патапа Максимыча, глумиться надъ нимъ, надо всей семьей его и надо всѣми къ нему близкими. Смѣха было вволю, а всѣхъ больше насмѣхался надъ Чапуринымъ, пуще всѣхъ глумился надъ нимъ за то, что онъ тысячами ворочаетъ, Илюшка Пустобояровскій. Усѣвшись

на печку и колотя по ней задками сапоговъ, онъ мало говорилъ и то изрѣдка, но каждое слово его поднимало не только веселый, но даже злобный хохотъ всей бесѣды, и отъ того хохота чуть не дрожали стѣны въ Акулининой избѣ. Зашла рѣчь и о приданомъ Смолокуровой. Мироновну та рѣчь затронула за живое, разсыпалась она въ ругательствахъ на Дуню за то, что у нея такое несчетное богатство, а ей не на что избенку проконопатить — со всѣхъ сторонъ дуетъ, углы промерзаютъ, житье въ ней мало лучше, чѣмъ въ иномъ сараѣ либо на сѣнницѣ. И укоряла Бога вдовица, что несправедливо Онъ подѣлилъ межъ людей земныя богатства, и начальство бранила, что̀ до сихъ поръ не додумается деньги поровну подѣлить между крещеными.

— А много-ль денегъ въ самомъ-то дѣлѣ поставилъ Чапуринъ въ палаткѣ? — спросилъ Миней Парамоновъ, мрачный, никогда не улыбавшійся парень изъ деревни Елховки, съ нахальнымъ взглядомъ посматривая на молодежь.

— Десять возовъ съ чистымъ золотомъ, — помолчавъ немного и подыгрывая на гармоникѣ, сказалъ тотъ самый Алешка, что̀ ухаживалъ за Акулининой племянницей.

— Здорово же ты, парень, врешь, — крикнулъ на всю избу Миней. — Не въ подъемъ человѣку вранье твое. Какъ заврешься, подъ тобой, парень, и лавка не устоитъ, слышь, потрескиваетъ. Поберегись. Убавляй, не бойсь, много еще останется.

— Нѣтъ, точно десять возовъ привезено и въ палатку поставлено, — замѣтилъ одинъ изъ осиповскихъ токарей, Асафъ Кондратьевъ, только-что прогнанный Патапомъ Максимычемъ за воровство и пьянство. — Самъ своими глазами видѣлъ, — продолжалъ онъ. — Вотъ съ мѣста не сойти!

— И золото видѣлъ? — спросилъ Миней.

— Нѣтъ, врать не хочу, золота не видѣлъ, видѣлъ только возы да сундуки, — отвѣтилъ осиповскій токарь. — Сундуковъ, укладокъ и коробья пропасть.

— Надо думать, что лежатъ въ тѣхъ сундукахъ платья да шубы да иное приданое, можетъ статься, есть тутъ и золото и серебро, а чтобы всѣ десять возовъ были полны чистымъ золотомъ — этому повѣрить нельзя, — насмѣшливо молвилъ Миней и переглянулся съ Илюшкой Пустобояровскимъ.

Тотъ будто и не замѣтилъ, сидитъ себѣ на печи да ногами побалтываетъ.

— Что̀, Илюшка? — спросилъ у него, подходя къ печкѣ, Миней.

Илюшка молчалъ, но, когда Миней, взгромоздясь на печь, сѣлъ съ нимъ рядомъ, сказалъ ему потихоньку:

— Лишнихъ бревенъ въ избѣ много, послѣ потолкуемъ, — прошепталъ Илья Пустобояровскій.

Межъ тѣмъ Мироновна продолжала плакаться.

— Господи Іисусе! — причитала она: — и хлѣбъ-отъ вздорожалъ, а къ мясному и приступу нѣтъ; на что ужъ дрова, и тѣ въ нынѣшнее время стали въ сапожкахъ ходить. Бьемся, колотимся, а все ни сыты ни голодны. Хуже самой смерти такая жизнь, просто сказать, мука одна, а богачи живутъ да живутъ въ полное свое удовольствіе. Не гребтится имъ, что̀ будутъ завтра ѣсть; ни работы ни заботы у нихъ нѣтъ, а бѣдному человѣку отъ недостатковъ хоть петлю на шею надѣвай. За что-жъ это, Господи!

И до самаго расхода съ посидѣлокъ, все на тотъ же голосъ, все такими же словами, жалобилась и причитала завидущая на чужое добро Акулина Мироновна. А дѣвушки пѣли пѣсню за пѣсней, добры молодцы подпѣвали имъ. Не одинъ разъ выносила Мироновна изъ подполья зелена вина, но питье было не широкое, не шибкое, въ карманахъ у парней было пустовато, а въ долгъ честная вдовица никому не давала.

— Что̀ сегодня мало пьете, родимые? Нешто зареклись, голубчики? — ласково, заискивающимъ голосомъ говорила она парнямъ. — Аль и у васъ, ребятушки, въ карманахъ-то стало просторно? Не бывалъ вотъ чапуринскій зять, то-то при немъ было веселье! Изломала, слышь, сердечнаго злая жена желѣзнымъ аршиномъ. Эхъ, ребятушки, мои голубчики! Раздобыться бы вамъ деньжонками, то-то бы радость была и веселье! Эй, дружки мои миленькіе, оглянитесь-ка, не лежитъ ли гдѣ золота казна, клада въ окольности поискать бы вамъ.

— Боязно, тетушка, да и грѣхъ великъ, — вступился Алешка, поглядывая на свою зазнобу, племянницу Мироновны. — Вѣдь при каждомъ кладѣ бѣсовская сила приставлена, ни отбѣчь *) ни отчураться отъ нея никакъ невозможно... Бѣда!

Вскинулась на него честная вдовица, обругала на чемъ свѣтъ стоитъ и подъ конецъ прибавила:

— Коли ты изъ заячьей породы, страховитъ да робокъ, лежи себѣ на полатяхъ, разинь хайло-то **) да и жди, что богатство само тебѣ въ ротъ прилетитъ. Про бѣсовскіе клады по всей здѣшней палестинѣ и слыхомъ не слыхать, зато лежатъ иные, и ни лысаго бѣса къ нимъ не приставлено.

---

*) Отбѣжать.

**) Горло, ротъ, зѣвъ, пасть.

Взять тѣ клады легко, все едино, что въ полоѣ *) рыбу ловить. Нужны только смѣлость да еще умѣнье.

Илюшка съ Минеемъ молча переглянулись межъ собой, когда Мироновна ругала Алешку.

Вдругъ Илюшка спрыгнулъ съ печи, сталъ среди избы, кликнулъ-гаркнулъ бесѣдѣ громкимъ голосомъ:

— Эй, вы, дѣвушки-красоточки! Пойте, лебедушки, развеселую, чтобы сердце заскребло, чтобы въ насъ, молодцахъ, всѣ суставчики ходенемъ пошли... Запѣвай, Лизавета, а вы, красны дѣвицы, подтягивайте. Пляши, молодцы! Разгула хочется. Плясать охота. Ну, дѣвки, зачинай!

И запѣли дѣвки развеселую, и вся бесѣда пошла плясать, не стерпѣла сама Мироновна. Размахивая полотенцемъ замѣсто платочка, пошла она сѣменить вдоль и поперекъ по избѣ. Эхъ, былъ бы десятникъ живъ, ужъ какъ бы накостылялъ онъ шею своей сожительницѣ, но теперь она вдова, значитъ, мірской человѣкъ: ея поле — ея и воля.

А Илюшка Пустобояровскій, немного поплясавъ, сѣлъ среди шума и гама за красный столъ, подъ образами. Сидитъ, облокотясь на столъ, самъ ни слова. Не радуютъ его больше ни пѣсни ни пляска. Подошла-было къ нему Лизавета Трофимовна, стала-было на пляску его звать, но возлюбленный ея, угрюмый и насупленный, ни слова не молвивши, оттолкнулъ ее отъ себя. Слезы навернулись на глазахъ отецкой дочери, однакожъ она смолчала, перенесла обиду.

И что-то всѣмъ стало невесело. Недолго гостили парни у Мироновны, ушли одинъ за другимъ, и пришлось дѣвушкамъ расходиться по домамъ безъ провожатыхъ; иныя, что̀ жили подальше отъ Ежовой, боясь, чтобы не приключилось съ ними чего на дворѣ, остались ночевать у Мироновны, и за то на утро довелось имъ выслушивать брань матерей и даже принять колотушки: нехорошее дѣло ночевать дѣвкѣ тамъ, гдѣ бываютъ посидѣлки. грѣхи случаются, особливо если попьютъ бражки, пивца да винограденькаго.

Минею Парамонову съ осиповскимъ токаремъ идти было по дорогѣ, но къ нимъ присталъ и дюжій Илья, хоть его деревня, Пустобоярова, была совсѣмъ въ другой сторонѣ. Молча шли они, и, когда вышли за Ежовскую околицу, вымолвилъ слово Илья:

— Что-жъ, други? Станемъ, что ли, кладъ-отъ вынимать?

— Какой кладъ? — спросилъ прогнанный Патапомъ Максимычемъ токарь. А звали его Асафомъ Кондратьичемъ.

*) Заливное, поемное мѣсто берега или луга, пойма, займище, остатокъ весенняго разлива.

— Эхъ, ты! — съ усмѣшкой сказалъ ему Илья въ отвѣтъ.— Самъ ходитъ вокругъ клада, каждый день видитъ его, а ему и невдомекъ, про какой кладъ ему сказываютъ.

— Я пойду, — молвилъ Минеи Парамоновъ. — Чѣмъ съ бѣдности да съ недостатковъ чужія клѣти ломать, цапнуть сразу тысячу-другую да и закаяться потомъ.

— Да гдѣ же кладъ-отъ лежитъ? — спрашиваетъ недогадливый Асафъ. — И какой зарокъ на немъ?

— Никакого зарока нѣтъ, а лежитъ кладъ у тебя подъ носомъ, — молвилъ Илья Пустобояровскій. — Самъ же давеча сказывалъ, что на десяти возахъ къ Чапурину кладъ на-дняхъ привезли.

— Такъ вѣдь онъ его въ каменну палатку сложилъ,— сказалъ Асафъ.

— А что-жъ изъ того? — спросилъ Илья.

— Ключи у самого, какъ безъ нихъ въ палатку войти? — молвилъ Асафъ Кондратьевъ.

— Не то что палатку, городовыя стѣны пробиваютъ, — сказалъ Илья. — Были бы ломы поздоровѣй да ночь потемнѣе.

— А какъ услышатъ? — промолвилъ Асафъ.

— Надо такъ дѣлать, чтобы не слыхали,— отвѣчалъ Илья.— Ты осиповскій, тебѣ придется сторожить. Ходи одаль отъ палатки, и на задахъ ходи, и по улицѣ. Ты тамошній, и кто тебя увидитъ, не заподозритъ — свой, значитъ, человѣкъ. А ежель что̀ замѣтишь, ясакъ *) подавай, а какой будетъ у насъ ясакъ — уговоримся.

— Вѣдь десять возовъ — всего не унести, — замѣтилъ Асафъ.

— А кто тебѣ про все говоритъ? — сказалъ Илья. — Вѣстимо, всего не унесешь. Возьмемъ, что̀ подъ руку попадется; можетъ, на наше счастье и самолучшее на нашу долю достанется. Ну что-жъ, Асафъ Кондратьичъ, идешь съ нами, или нѣтъ?

— Въ отвѣтѣ не быть бы...— колеблясь, промолвилъ Асафъ.

— Какой тутъ отвѣтъ, когда только сторожемъ будешь, — возразилъ Минеи Парамоновъ. — Да ты постой, погоди, ночные караулы бываютъ у васъ на деревнѣ?

— Исправникъ и становой не одинъ разъ наказывали, чтобы въ каждой деревнѣ карауламъ быть, только ихъ николи не бываетъ, — отвѣчалъ Асафъ. — Дойдетъ до тебя чередъ, съ вечера пройдешь взадъ да впередъ по улицѣ, постучишь палкой по клѣтямъ да по амбарамъ, да и въ избу на боковую. Нѣтъ, на этотъ счетъ у насъ слабовато.

---

*) Сторожевой кликъ или другой знакъ, непонятный постороннимъ.

— А у Чапурина есть свои караулы? — спросилъ Илья.

— Какъ ему безъ карауловъ быть? Нельзя, — отвѣчалъ Асафъ. — У токаренъ на рѣчкѣ караулъ, потому что токарни безъ малаго съ версту будутъ отъ жилья, а другой караулъ возлѣ красиленъ. Эти совсѣмъ почти въ деревнѣ, шаговъ сто, полтораста отъ жилья, не больше.

— А далеко-ль отъ палатки тѣ караулы? — спросилъ Миней Парамоновъ.

— Далеконько, — отвѣтилъ Асафъ: — токарни-то вѣдь по другую сторону отъ деревни.

— А за палаткой что̀? Назади-то ся, значитъ? — продолжалъ разспросы Миней.

— Да ничего, — отвѣчалъ Асафъ. — Одно пустое мѣсто, мочажина, болотце гладкое, безъ кочекъ. А за мочажиной перелѣсокъ, можжевельникъ тамъ больше растетъ, а за перелѣскомъ плохонькій лѣсишко вплоть до Спасскаго села.

— Такъ хочешь, что ли, съ нами? — спросилъ Илья.

— Да я, право, не знаю, — нерѣшительно отвѣчалъ Асафъ. — Боязно, опасно, ежели провѣдаютъ. Въ острогѣ сгніешь.

— Коли что̀, такъ мы съ Ильюшкой въ отвѣтѣ будемъ, — молвилъ Миней. — Твое дѣло вовсе почти сторона, станешь ходить по приказу начальства да по мірской волѣ. Твое дѣло только ясакъ подать, больше ничего отъ тебя и не требуется. А дуванъ станемъ дуванить, твоя доля такая-жъ, какъ и наша.

— Вина тогда, Асафушка, будетъ у тебя вволю. Въ городъ поѣдемъ, по трактирамъ станемъ угощаться. А какія, братецъ ты мой, тамъ есть любавушки, посмотрѣть только на нихъ, такъ сто рублей не жаль, не то что наши деревенскія дѣвки, — говорилъ Илья осиповскому токарю.

Асафъ долго колебался, наконецъ рѣшился. Очень ужъ прельстился онъ никогда до тѣхъ поръ невиданными городскими любавушками, что̀ поютъ на всякіе голоса, ровно райскія птицы, а въ пляскѣ порхаютъ, какъ ласточки, что̀ обнимаютъ дружка таково горячо, что инда духъ занимается. Зналъ Илья Пустобояровскій, за какую струну взяться, зналъ онъ, что Асафъ черезчуръ ужъ падокъ до женскаго пола и что немножко брезговалъ деревенскими чупахами. Съ полчаса онъ расписывалъ ему про веселое житье въ городѣ и про тамошнихъ красавицъ, что̀ на всѣ руки горазды и уже такъ ласковы и податливы, что и разсказать не достанетъ словъ. Уговорились ломать палатку, только-что настанутъ темныя ночи. Ежели будетъ сухо, нести добычу къ Илюшкѣ въ Пустобоярово, а если грязно, такъ нести сначала прямо въ лѣсъ по мочажинамъ, чтобы не было замѣтно слѣдовъ.

Подойдя къ Осиповкѣ, пріятели по указанію Асафа свернули въ сторону и пошли по задамъ деревни. Полный мѣсяцъ обливалъ чапуринскую палатку. Она ставлена была позади дома на усадѣ, и усадъ былъ обнесенъ плетнемъ. Плетень какъ плетень, пихни ногой хорошенько — онъ и съ мѣста долой. Плетня однакоже парни не тронули, слѣда бы не оставить послѣ себя, а перелѣзли черезъ него, благо ни души нигдѣ не было, обошли палатку кругомъ и видятъ, что безъ большого шума нельзя черезъ дверь въ нее попасть, дверь двойного желѣза на три замка̀.

— Нѣтъ, про дверь и думать нечего, — молвилъ опытный въ воровскомъ дѣлѣ Миней Парамонычъ. Онъ два года въ острогѣ высидѣлъ, но по милостивому суду былъ оставленъ только въ подозрѣньи, а по мелкимъ кражамъ каждый разъ отдѣлывался тѣмъ, что ему накостыляютъ шею да и пустятъ съ Богомъ на новыя дѣла.

Поднялъ онъ валявшуюся неподалеку оглоблю и пошелъ вкругъ палатки, постукивая объ ея стѣны и чутко прислушиваясь къ звукамъ.

Обойдя кругомъ палатку, онъ подумалъ немножко и молвилъ товарищамъ:

— Стѣны-то никакъ въ два кирпича.

— Такъ точно, — подтвердилъ Асафъ. — Помню я, какъ Чапуринъ ее клалъ, я еще известку тогда ему мѣсилъ да кирпичи таскалъ. Точно, въ два кирпича строена.

— Ну, айда по домамъ, — сказалъ Илья. — Да тише, черти, черезъ плетень-отъ перелѣзайте.

Перелѣзли и вышли на проселокъ, одаль отъ деревни.

— Стѣну легче пробить, чѣмъ дверь сломать, — сказалъ тамъ Миней. — Ты, Илюха, добудь ломъ поздоровѣй, а у меня есть наготовѣ, а ты, Асафъ, заранѣ оповѣсти насъ, когда придется тебѣ на караулѣ быть.

Затѣмъ всѣ трое разошлись по своимъ мѣстамъ.

Въ Осиповку пріѣхалъ Никифоръ Захарычъ. Ѣздилъ онъ на Низъ, наполовину покончилъ смолокуровскія тамъ дѣла, но ихъ оставалось еще довольно, приводилось весной туда плыть, только-что рѣки вскроются. Возвращаясь, Никифоръ побывалъ у Чубалова, тамъ все шло хорошо; оттолѣ проѣхалъ въ Вихорево, разсказалъ Дунѣ все по порядку обо всемъ, что̀ ни дѣлалъ онъ въ Низовыхъ мѣстахъ, и выложилъ кучу денегъ, вырученныхъ за продажу лодокъ, снастей *) и бечевы.

*) Снасти — сѣти, мережи, невода и другія, дѣлаемыя изъ пряжи, орудія рыболовства.

Дуня слушала, мало что понимая изъ рѣчей Никифора Захарыча, денегъ не взяла, а просила съѣздить въ Осиповку, обо всемъ разсказать Патапу Максимычу и деньги ему отдать. Никифоръ такъ и сдѣлалъ.

Выслушавъ шурина и принявши деньги, Чапуринъ сказалъ:

— До весны у меня оставайся, по зимѣ, можетъ, приведется кой-куда послать тебя по моимъ дѣламъ, не по смолокуровскимъ... Тамъ къ веснѣ-то свой хозяинъ будетъ, Авдотья Марковна замужъ, слышь, выходить собирается.

— Слышалъ и я объ этомъ стороной, — отвѣтилъ Никифоръ: — только ни Груня ни сама Авдотья Марковна мнѣ ни слова о томъ не сказали. Пріѣзжаю въ Вихорево, а тамъ Иванъ Григорьичъ въ отлучкѣ, и большая горница полнехонька дѣвокъ — семь ли, восемь ли за бѣлошвейною работой сидятъ, а сами поютъ свадебныя пѣсни; спрашиваю: — «Кому поете?..» Авдотья Марковна, сказываютъ, выходитъ замужъ за пріѣзжаго купца. Я Груню спросилъ, а она говоритъ: — «Немножко повремени, обо всемъ разскажу, а теперь не скажу». Такъ ничего я и не добился. А невѣсту такъ и не спрашивалъ, не мое, думаю, дѣло.

— Самоквасова Петра Степаныча знавалъ? Онъ еще каждое лѣто въ Комаровъ съ подаяніями отъ дяди изъ Казани пріѣзжалъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Слыхать слыхалъ, а видѣть не доводилось, — отвѣчалъ Никифоръ.

— За него выходитъ, — молвилъ Чапуринъ. — Хоть богатствомъ своимъ много уступитъ своей нареченной, а все-таки сотни съ двѣ тысячъ у него и своихъ наберется.

— Видно, что какъ листъ къ листу, такъ и деньги къ деньгамъ, — замѣтилъ Никифоръ Захарычъ.

— Видно, что такъ, — сказалъ на то Патапъ Максимычъ.— Опричь капиталовъ, домовъ, земель и прочаго, одного приданаго у ней тысячъ на сто, ежели не больше. Побоялись мы въ Вихоревѣ его оставить, неровенъ случай, грѣшнымъ дѣломъ загорится, изъ Груниной кладовой ничего не вытащишь, а здѣсь въ каменной у меня палаткѣ будетъ сохраннѣе. Десять возовъ съ сундуками привезли. Шутка ли!

— А караулъ-отъ у палатки ставится ли по ночамъ? — спросилъ Никифоръ.

— Не для чего, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Палатка не клѣть, ее не подломаешь, опять же народъ близко, а на деревнѣ караулы; оно правда, эти караулы одна только слава, рѣдко когда и до полуночи караульные деревню обходятъ, а все-таки дубиной постукиваютъ. Какой ни будь

храбрый воръ, все-таки поопасится идти на свой промыселъ.

— Оно точно. Справедливо сказано, — промолвилъ Никифоръ. — По себѣ хорошо знаю. Да вѣдь вотъ что̀ надо говорить: «воръ воромъ, а крадено краденымъ». Въ деревенскую клѣть залѣзть нужна отвага, да не больно большая. Что̀ взять съ полушубковъ да съ бабьихъ сарафановъ? Съ голодухи больше клѣти подламываютъ да еще ежели пить хочется, а въ карманѣ дыра... А тутъ вдругъ на сто тысячъ! При такомъ богатствѣ у всякаго вора прибудетъ отваги, и на самое опасное дѣло пойдетъ онъ на удалую: Богъ, молъ, не выдастъ, свинья не съѣстъ. Нѣтъ, во всякомъ разѣ, по-моему, надо бы къ палаткѣ караулъ приставить, да не ночной только, а и денной, палатка-то вѣдь почти на впольѣ стоитъ, всякихъ людей вокругъ бываетъ немало.

— Крѣпка, не проломаютъ, — самоувѣренно сказалъ на то Патапъ Максимычъ и повелъ совсѣмъ про другое рѣчь.

— Какъ озими на Узеняхъ? — спросилъ онъ у шурина.

— Озими хорошія, — отвѣчалъ Никифоръ. — Послѣ Покрова зажелтѣли-было, потому что съ Семенова дня дождей не было ни капельки, погода сухая, а солнышко грѣло ровно лѣтомъ, ну, а какъ пошли дожди да подули сиверки, озимые опять зазеленѣли.

— У Зубкова какъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Хорошо, очень даже хорошо, — отвѣчалъ Никифоръ.

— А на моихъ хуторахъ, что̀ пересняль я у Зубковыхъ, случилось тебѣ быть? — спросилъ Чапуринъ.

— Какъ же. Нарочно два раза туда заѣзжалъ. Все осмотрѣлъ, — отвѣчалъ Никифоръ Захарычъ.

— Ну, что̀ же?

— Да ничего, все слава Богу, — сказалъ Никифоръ. — Озими тоже зазеленѣли, скотъ въ тѣлѣ, овса, сѣна, яровой соломы и всякаго другого корма до будущаго хлѣба съ залишкомъ будетъ, приказчики на хуторахъ радивые, рабочій народъ всѣмъ доволенъ, сосѣдскіе, слышь, завидуютъ ихней жизни.

— Весной, дастъ Богъ, самъ сплыву, кстати же надо будетъ съ казной новыя условія писать, прежнимъ-то къ осени предбудущаго года сроки минутъ. Безпремѣнно поѣду, коли живъ буду, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Ступай, повидай сестру-то, — прибавилъ онъ. — Плохо, братъ, ея дѣло, больно плохо... Не знаю, что̀ и будетъ, какую волю Господь сотворитъ надъ ней. А сохрани Богъ, не станетъ Захаровны, сгинетъ домъ и пропадетъ моя головушка!.. Какъ жить съ этой дури-

щей Прасковьей да съ ея мужемъ бездѣльникомъ?.. Мука будетъ одна... Да повидай внучонка, Захарушку-то, что наша дурища принесла... Пойдемъ, Никифоръ, пойдемъ, любезный ты мой, къ Захаровнѣ.

У изголовья Аксиньи Захаровны сидѣла Дарья Сергѣвна и читала ей изъ «Пролога» житіе преподобно-мучениковъ Галактіона и Епистеміи, память ихъ на другой день *) приходилась. Жадно слушала болящая мѣрное, протяжное чтеніе Дарьи Сергѣвны; съ благочестивымъ упоеніемъ, не пророня ни словечка, слушала она про лютыя мученія, коимъ подвергали нечестивые вѣрныхъ рабовъ Божьихъ, и ровно свѣточи горѣли на ея безжизненномъ, неподвижномъ лицѣ. Тутъ же, тыкаясь носомъ, дремала въ углу Прасковья Патаповна, едва держа у груди заснувшаго Захарушку, того и гляди — заботливая матушка брякнетъ объ полъ своего первенца. Никифоръ благоговѣйно вступилъ въ горницу, гдѣ умирающая Настя прощальными рѣчами преобразила душу его и возвела падшаго изъ грѣховной погибели. Навернулись у него слезы, когда клалъ онъ поклоны передъ святыми. Обратясь потомъ къ сестрѣ, онъ низко поклонился ей и спросилъ про здоровье.

Аксинья Захаровна ненавидѣла брата, когда проводилъ онъ безпутную жизнь, проклинала его всякими клятвами, называла кровнымъ врагомъ своимъ и въ разговорахъ съ мужемъ нерѣдко желала Никифору сгибнуть гдѣ-нибудь подъ оврагомъ. Но теперь она перемѣнилась. Не вдругъ измѣнила она объ немъ свои мысли, не сразу повѣрила братнину исправленію, думала, что все это у него одно притворство, но мало-по-малу увѣрилась, что онъ на добрую стезю напалъ. И тогда возвратила она прежнюю любовь къ нему, такую же почти любовь, какую питала, будучи уже большенькой дѣвочкой, когда няньчила маленькаго своего братишку. Его дѣльныя и всегда удачныя распоряженія по даваемымъ ему Патапомъ Максимычемъ порученіямъ убѣдили Аксинью Захаровну, что Никифоръ — человѣкъ-золото: за что ни возьмется, дѣло у него такъ и кипитъ. И сталъ онъ ей дорогъ и любезенъ, и, кромѣ мужа, кажется, она его любила больше всѣхъ. Груня, что ни говори, все-таки чужая, а къ дочери и зятю сердце ея вовсе не лежало.

— Ну что? Какъ тебя Богъ милуетъ? — спросилъ Никифоръ, подойдя къ сестрѣ.

— Все такъ же, Микешенька, все такъ же, родной. Ни лучше ни хуже, измаялась я совсѣмъ, — отвѣчала со стономъ Аксинья

---

*) Ноября 5.

Захаровна, съ ясной улыбкой глядя на брата. — Ты гдѣ леталъ, гдѣ былъ-побывалъ? — ласково она промолвила.

— На Низъ ѣздилъ, да вотъ маленько и замѣшкался, — отвѣчалъ Никифоръ. — Туда-то по Волгѣ сплылъ и скорехонько и безъ хлопотъ, а назадъ ѣхалъ на коняхъ, для того, что по водѣ-то стало опасно, черезъ недѣлю, много черезъ полторы Волга совсѣмъ станетъ.

— Пора ужъ, пора, Микеша, вѣдь Михайловъ день на дворѣ, — замѣтила Аксинья Захаровна. — По смолокуровскимъ дѣламъ, что ли, ѣздилъ-то?

— И по смолокуровскимъ и по вашимъ. Все, Богъ подалъ, управилъ, теперь до весны придется на печи лежать, — сказалъ Никифоръ Захарычъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу, — проговорила Аксинья Захаровна и смолкла. Тяжело было много ей говорить.

— Вы какъ поживаете, сударыня Дарья Сергѣвна? — спросилъ у нея Никифоръ Захарычъ.

Какъ только вошелъ онъ въ комнату больной, она сложила «Прологъ», положила его на столъ и, опустя голову, недвижно сидѣла у изголовья Аксиньи Захаровны.

— Живу, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, — тихо промолвила Дарья Сергѣвна. — Вы какъ въ своемъ здоровьѣ, Никифоръ Захарычъ? — прибавила она.

— Ничего, — отвѣчалъ Никифоръ. — Вотъ только теперь дорогой маленько порастрясло меня. Студено, дорога промерзла, ѣзда бѣдовая, а мнѣ довелось безъ малаго двѣ тысячи верстъ по такой дорогѣ промучиться.

Въ это время одаль стоявшій Патапъ Максимычъ быстро подскочилъ къ дремавшей дочери и схватилъ Захарушку, совсѣмъ уже почти скатившагося съ колѣнъ матери.

Очнулась Прасковья Патаповна, зѣвнула во всю сласть и впросонкахъ, тупымъ взглядомъ обвела всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ.

— Ахъ, ты, дурафья безумная! — вскрикнулъ на нее Патапъ Максимычъ. — Даже рожденья своего не жалѣетъ! У скотовъ даже этого не бываетъ, и у нихъ мать дѣтеныша бережетъ... Не тебѣ бы, дура, мужа бить да стегать, ему бы слѣдовало тебѣ хорошую выволочку задать! Плохъ больно онъ у тебя, и на то даже умомъ не вышелъ, чтобы жену учить!

Затѣмъ, подойдя къ Никифору и показывая ему глядѣвшаго синенькими глазками и улыбавшагося младенца, сказалъ ему:

— Гляди, помилуйся на внучка-то. Переживешь насъ со старухой, береги ты его, Никифоръ, одного только его береги. Вскорми, воспитай, уму-разуму научи. На отца надежда плоха,

о Прасковьѣ нечего и поминать. А я все, что ни есть у меня, вотъ этому малышу послѣ себя отдамъ, все добро мое пойдетъ внучку моему любезному Захарушкѣ. Дура Парашка и мужъ ея, московскій распѣвала, хоть подъ оконьемъ шатайся. Захарушка бы только счастливъ былъ... Эхъ, Настя, Настя! Была бы жива ты, — прибавилъ онъ надорваннымъ отъ горя голосомъ. — Все съ собой унесла, бѣлая моя ласточка!

— Все, — едва сдерживаясь отъ рыданій, молвилъ Никифоръ. — Все унесла, все!

Еще при первыхъ словахъ отца Прасковья Патаповна молча вышла изъ горницы больной матери. Пришла къ себѣ и прямо на постель. Раскидалась, разметалась на ней дочь осиповскаго тысячника, закрыла глаза, а сама думаетъ: «хоть бы Васька пришелъ, каковъ ни есть, а все-таки мужъ!»

А Никифоръ пошелъ отдохнуть послѣ труднаго и долгаго пути въ подклѣтъ, недавно облюбованное имъ мѣсто, въ боковушку, рядомъ съ Пантелеемъ. Сколько ни уговаривалъ его Патапъ Максимычъ — выбрать жилье гдѣ-нибудь наверху, Никифоръ не соглашался.

Проходя въ свою боковушу чрезъ Пантелееву избу, онъ услыхалъ стоны, взглянулъ на печь, тамъ Василій Борисычъ лежалъ.

— Что, другъ, лежишь? Аль неможется? — спросилъ у него Никифоръ.

— Ужъ такъ неможется, Никифоръ Захарычъ. что и разсказать тебѣ не могу, — тихо и жалобно отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Трясучка *), что-ль, одолѣла? Много теперь народу трясучкой болѣетъ. — сказалъ Никифоръ. — А коли такъ, для чего здѣсь на печи валяешься, зачѣмъ въ горницы къ женѣ нейдешь?

— Скорѣй въ лѣсъ на съѣденье волкамъ пойду, чѣмъ въ горницу твоей племянницы, Никифоръ Захарычъ, — оживляясь понемножку, сказалъ Василій Борисычъ. — Сынъ Сираховъ гласитъ: «лучше жити со львомъ и зміемъ, неже съ женой лукавою; всяка злоба мала противу злобы женской» **). А какова Прасковья умомъ вышла, самъ не хуже моего знаешь. Отъ нея болѣю, отъ нея горькіе мои недуги. Чуть ли не изломала желѣзный аршинъ объ меня. Ума и разсудливости у нея съ накопыльникъ ***) нѣтъ, а дурости и злобы горы

*) Лихорадка.

**) «Іисуса сына Сирахова» XXV, 18, 21.

***) Поперечный брусокъ у саней, для связки верхнихъ концовъ копылевъ.

превысокія. Хоть руки на себя наложить, вотъ она меня до чего довела.

— Человѣкъ я не книжный, — сказалъ на то Никифоръ Захарычъ: — силы писанія не разумѣю, а скажу, что̀ отъ старыхъ людей слыхалъ: «не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не мужъ въ мужьяхъ тотъ, кѣмъ жена владѣетъ». И у меня, голубчикъ, бывала жена Мавра, не знаю, померла, аль въ живыхъ еще. Не честью мы съ ней были вѣнчаны, похмельнымъ окрутили меня. Борзая баба была, однакожъ я и ее въ ежовыхъ рукавицахъ держалъ, покамѣстъ на сторону она не сбѣжала. А потачки ей не давалъ, знала бы, что мужъ есть глава... А ты что̀? Фалалей, больше ничего.

— Да, попробуй-ка пальцемъ тронуть Прасковью Патаповну, — охая, промолвилъ Василій Борисычъ. — Жизни не радъ будешь. Хоть бы уѣхать куда, пущай ее поживетъ безъ мужа-то, пущай попробуетъ, не бойсь, и теперь каждый вечеръ почти шлетъ за мной: шелъ бы къ ней въ горницу. А я безъ рукъ, безъ ногъ куда пойду, съ печки даже слѣзть не могу. Нѣтъ ужъ, уѣхать бы куда-нибудь хоть бы на самое короткое время, отдохнуть бы хоть сколько-нибудь.

— Что-жъ не попросишься у Патапа Максимыча? У него всякихъ дѣловъ по разнымъ мѣстамъ довольно. Попросись-ка ты, — молвилъ Никифоръ Захарычъ.

— Не пошлетъ онъ меня, ни въ какомъ разѣ не пошлетъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — И думать объ этомъ нечего.

— Да, — нѣсколько подумавши, молвилъ Никифоръ Захарычъ. — Не разъ онъ и мнѣ говорилъ, что считаетъ тебя ни на какія дѣла непригоднымъ. Когда, гваривалъ, у Насти покойницы онъ на сорочинахъ былъ, говорилъ онъ таково умно, что мнѣ онъ понюбился. Таково хорошо да умно разсказывалъ про разныя страны, въ коихъ быть тебѣ доводилось, и про всякіе промысла̀, отъ коихъ народъ Божій кормится. И почелъ онъ тебя тогда человѣкомъ во всемъ достаточнымъ, и сталъ онъ раздумывать, какъ бы тебѣ на Прасковьѣ жениться, а потомъ послать на Горы промысла̀ тамъ заводить. Жениться-то ты женился, а ни на какое дѣло не сгодился,—говорилъ онъ послѣ. Отъ того отъ самаго у него и довѣрія къ тебѣ никакого нѣтъ. Точно, что онъ ни къ какому дѣлу тебя ни за что не приставитъ и одного тебя ни за какимъ дѣломъ не пошлетъ.

— А зачѣмъ же меня силой женили? Хотѣлъ развѣ я жениться на этой колодѣ, сватался, что ли? Обманомъ да силой

изъ Комарова меня выкрали, вѣнчали супротивъ моей воли... А потомъ говорилъ онъ, что все это вотъ было его рукъ дѣло. А теперь отлынивать сталъ, намедни здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ говорилъ, что онъ дѣлу тому непричастенъ, — съ озлобленьемъ сказалъ Василій Борисычъ и, поворотясь, застоналъ и заохалъ.

— Ишь ты! Отлыниваетъ! — молвилъ Никифоръ Захарычъ и въ сильномъ раздумьѣ покачалъ головой. — А прежде точно, что не тѣ слова говорилъ онъ.

— Во всемъ я у него виноватъ, — горько промолвилъ Василій Борисычъ. — Съ тоски погулять пойдешь, на людей поглядѣть, и тутъ шуму да гаму не оберешься. Наплетутъ невѣсть чего, чего никогда и не бывало. Просто до того я дошелъ, дядюшка Никифоръ Захарычъ, что хоть руки на себя наложить, такъ въ ту же пору.

— Ну, а ты ужъ не больно, — сказалъ Никифоръ. — Обожди, Богъ дастъ, перемелется — все мука̀ будетъ. То ли еще я терпѣлъ по своей глупости, такіе ли мы виды видали, а вотъ по милости Господней все обошлось какъ не надо лучше... И ты, другъ, потерпи, и будетъ хорошо. А главное дѣло—примись-ка за какую ни на есть работу, пусть бы тесть увидалъ, что ты не бездѣльничаешь да пустяковиной больше не занимаешься. Себя въ примѣръ приведу: чать, и самъ ты слыхалъ, что былъ я совсѣмъ послѣднимъ человѣкомъ. Во хмелю жизнь проводилъ, воровалъ, когда не на что стало пить. Здѣсь у Патапа Максимыча и мѣста мнѣ не было, сестра не велѣла и къ дому близко подходить. А вотъ, какъ видишь, теперь не на ту стать пошло. А отчего? Пить бросилъ, за дѣло принялся, такъ и ты, другъ, принимайся помаленьку за какое-нибудь дѣло, да полно день и ночь стихѣры да псальмы распѣвать. Оно хоть и божественное, а все-таки надоѣло всѣмъ.

— Одному этому я, дядюшка, и обыкъ, — молвилъ на то Василій Борисычъ. — Смолоду ни къ какой работѣ не былъ пріученъ.

— Человѣкъ ты еще не старый, Василій Борисычъ, ко всякому дѣлу могъ бы еще пріобыкнуть, — сказалъ Никифоръ Захарычъ. — Попробуй. Хочешь, я насчетъ этого поговорю съ Патапомъ Максимычемъ?

Василій Борисычъ ни слова не отвѣтилъ на это.

— Мнѣ бы въ Москву, — сказалъ онъ немного повременя. — Хоть и лишился я тамъ благодѣтелей, а все же своя родная сторона. Хоть мірскимъ подаяньемъ питаться, только бы тамъ быть.

— Пустое выдумалъ, — молвилъ Никифоръ Захарычъ. —

Отъ добра добра не ищутъ, а у тебя добро подъ руками, только приневоль себя на первый разъ, работай хоть въ токарнѣ, хоть въ красильнѣ. Вѣдь, другъ, мѣсяца не пройдетъ, какъ Патапъ Максимычъ станетъ на тебя ласковымъ окомъ глядѣть. Поговорить, что ли, мнѣ съ нимъ?

— Ни въ токарню ни въ красильню ни за что на свѣтѣ не пойду — очень ужъ обидно будетъ передъ батраками, — сказалъ Василій Борисычъ. — Да къ тому же за эти дѣла я и взяться не сумѣю. Нѣтъ, ужъ лучше петлю на шею, одинъ, по крайней мѣрѣ, конецъ. А ужъ если такая милость, дядюшка, будетъ отъ тебя, такъ похлопочи, чтобы меня при тебѣ онъ послалъ. У тебя на чужой сторонѣ буду радъ-радехонекъ даже на побѣгушкахъ быть, опять же по письменной части во всякое время могу услужить. Мнѣ бы только отъ Парашки куда-нибудь подальше.

А у самого не то на умѣ.—«Если бы только изъ заволжскихъ лѣсовъ выбраться, уѣхалъ бы къ старымъ благодѣтелямъ, авось бы и поладили какъ-нибудь».

— Ладно, молвлю ему, — сказалъ Никифоръ Захарычъ. — Можетъ статься, и согласится, только, другъ, на согласье его я не больно уповаю. По себѣ сужу: когда пришла ко мнѣ Божья благодать, и надъ гробомъ моей бѣлой голубушки, Настеньки покойницы, очувствовался и заклятье самъ себѣ далъ бросить непутную жизнь, не сразу онъ повѣрилъ мнѣ, не тотчасъ даже сталъ говорить со мной о чемъ-нибудь дѣльномъ. Съ полгода, а можетъ-быть, и подольше было такъ, и только тогда, когда увѣрился онъ во мнѣ, сталъ дѣла довѣрять. Такъ, думаю, и теперь, что, не видавши твоей работы и усердія, не отпуститъ онъ тебя изъ Осиповки, хотя бы и со мной. И то опять возьми, станешь ты отлучаться, станешь впрохолость *) жить, а Прасковья бабенка молодая, и хоть дебелая и толстая, а по всему видится, что горячая она и запальчивая, хоть, правду сказать, умомъ и не вышла. Хоть Патапъ и самъ Прасковью не больно жалуетъ, но не будетъ согласенъ, ежели она безъ мужа по грѣхамъ пойдетъ. Нѣтъ, другъ, по-моему, надо тебѣ напередъ дома какимъ ни на есть дѣломъ хорошенько заняться, а жену во-время ублаготворить, послѣ того онъ, пожалуй, и пуститъ тебя на сторону.

— Охъ, искушеніе! Да вѣдь солдатки мужей и дольше ждутъ, — тихонько пробормоталъ Василій Борисычъ.

— То солдатки, — замѣтилъ Никифоръ: — а эта — отецкая дочь. Патапъ Максимычъ не дозволитъ, а ежели бы ты и

*) Житье по временамъ не вмѣстѣ съ женой.

лыжки куда навострилъ, такъ отъ него, другъ, не уйдешь: со дна морского достанетъ. Однако меня дорогой-то порядкомъ изломало. Пойти бы отдохнуть.

И съ этимъ словомъ пошелъ въ свою боковушку.

Приходилось Асафу караулить деревню подъ самый Михайловъ день, и о томъ повѣстилъ онъ друзей своихъ пріятелей. Ночи стояли безлунныя, а темная ночка ворамъ, что матушка. Ждали они полной удачи въ задуманномъ дѣлѣ. Слѣдовъ не видно будетъ. Но съ утра Михайлова кануна погода вдругъ измѣнилась, сначала по небу пошли бѣловатыя косички, потомъ морозъ сталъ быстро спадать, а тутъ подулъ вѣтерокъ изъ гнилого угла *). Мало-по-малу надвигалась на небосклонъ снѣжная туча и скоро весь его заволокла. Посыпалъ снѣгъ, вѣтеръ стихъ. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ гуще и сильнѣй снѣгъ валитъ и къ вечеру всю землю покрылъ. Сельщина-деревенщина была рада ему, какъ дорогому гостю, не радовались только Илья, Миней да Асафъ. Того и гляди пороша помѣшаетъ ихней затѣѣ, по первому снѣжку увидятъ слѣды, придется отъ палатки лѣсомъ утекать, а лѣсомъ столько добра на себѣ не сволочешь, сколько можно его по дорогѣ стащить. Отъ дѣла однако всѣ трое были не прочь, задумано-затѣяно, когда Илья да Миней, одинъ послѣ другого, пришли въ избенку Асафа. Невзрачная была та изба, сквозь прогнившую тесовую крышу текли ручьи, сама изба скривилась набокъ, а ставней на окошкахъ давнымъ-давно уже не было. Въ эту совсѣмъ почти заброшенную Асафову избу пришли воровскіе други его, а пришли врозь и въ разное время: одинъ пришелъ съ одной стороны Осиповки, другой—съ другой, чтобы въ случаѣ, коли бы накрыли, не замѣтили бы по слѣду, что двое заразъ изъ одного мѣста приходили къ Асафу. А ломы были уже наготовѣ, дня за три пріятели принесли ужъ ихъ въ Осиповку.

Къ вечеру вѣтеръ потянулъ съ полночи. Съ каждымъ часомъ онъ больше и больше усиливался, а свѣженькій, только-что выпавшій снѣжокъ струйками понесся по полямъ. Выше и выше поднимались съ земли эти струйки, повалилъ пухлый густой снѣгъ, замела мятелица, поднялась пурга: завылъ полуночникъ **), воетъ онъ въ деревенскихъ печныхъ трубахъ, хлопаетъ неприпертыми калитками и дверьми, шелеститъ въ соломѣ на овинахъ. Закутавшись въ шубу либо въ армякъ,

---

*) Юго-западъ.

**) Сѣверный вѣтеръ.

крестьянинъ, лежа въ избѣ, не нарадуется. «Пришелъ и къ намъ Господь съ великой Своей милостью, принесъ и намъ грѣшнымъ зиму-первопутку, отдохнетъ теперь Божій народъ на новой, гладенькой дорожкѣ, отдохнутъ и наши лошадушки. Слава Тебѣ, Господи, всякихъ благъ подателю!»

А въ избѣ у Асафа не тому радуются. Вьюга всѣ слѣды замететъ, никто не примѣтитъ ихъ. Вьюга да непогода ворамъ первая подмога.

По всей деревнѣ потухли огни, потухли они и у работниковъ, теплились только лампадки передъ иконами въ домѣ Патапа Максимыча. Все заснуло, все притихло, только вѣтеръ сильнѣй и громче завываетъ въ дымовыхъ трубахъ. Ни на одномъ дворѣ собака не взлаетъ. Только-что смерклось, Асафъ разбросалъ знакомымъ псамъ маленькой деревушки куски говядины съ какимъ-то зельемъ, принесеннымъ Минеемъ. Свернувшись въ клубокъ, собаки лежатъ по дворамъ и не чуютъ чужого.

Ясакъ свой сказалъ Асафъ пріятелямъ. Самъ будетъ тихо ходить, а увидитъ иль услышитъ что̀ недоброе — станетъ по клѣтямъ и заборамъ дубиной изъ всей силы поколачивать. Тогда хорони концы, береги хвосты, бѣги наутекъ, куда кто знаетъ.

И пошли Илья да Миней съ ломами къ палаткѣ. Окольнымъ путемъ шли они вокругъ деревни. Перелѣзли черезъ заборъ въ усадъ Патапа Максимыча, подошли къ палаткѣ, слегка постукали по стѣнамъ ея ломами и, выбравъ болѣе другихъ способное для пролома мѣсто, принялись за работу. Асафъ между тѣмъ тихо похаживалъ по деревнѣ, прислушиваясь ко всякому шороху.

Въ эти дни у Василья Борисыча женины побои немного зажили, началъ онъ ходить не только по избѣ въ подклѣтѣ, но и по двору, выходя однако наружу только по ночамъ, чтобы грѣхомъ съ женой не столкнуться гдѣ. Ненависть къ ней сильно накипѣла въ немъ. Дни проводилъ онъ въ разговорахъ со старикомъ Пантелеемъ да съ Никифоромъ Захарычемъ, либо вполголоса напѣвалъ себѣ духовныя пѣсни да псалмы, а ночи просиживалъ на крылечкѣ подклѣта. Въ ночь на Михайловъ день и Никифоръ въ своей боковушкѣ и старый Пантелей спали крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, а Василью Борисычу съ тоски не спалось. Въ избѣ было жарко и душно, и онъ вышелъ на крыльцо освѣжиться. Вьюга мететъ и крутитъ, но онъ сидитъ себѣ у входа въ подклѣтъ, вѣтромъ его тутъ не знобитъ, снѣгомъ не заноситъ. И раздумался Василій Борисычъ про житье-бытье свое, и какъ

вспомнится ему, въ какую бѣду попалъ онъ, женившись на Прасковьѣ, сердце такъ и замретъ, а на душѣ станетъ тоскливо и сумрачно.

Вѣтеръ дулъ съ той стороны, гдѣ стоялъ усадъ Патапа Максимыча и палатка. Василій Борисычъ вдругъ услыхалъ какіе-то странные, глухіе удары; сначала подумалъ, что это ему показалось, но, прислушиваясь, яснѣй и яснѣй слышитъ удары. Раздумываетъ, что-бъ это такое было, и не можетъ сообразить хорошенько. Наконецъ вспало ему на умъ, ужъ не къ палаткѣ ли гости съ ломами да съ пешнями подъѣхали. Сильнѣй сталъ онъ прислушиваться къ стуку. Точно палатку взламываютъ. Самъ идти будучи не въ силахъ, сталъ онъ Пантелея да Никифора Захарыча будить, но добудился нескоро, очень уже разоспались и тотъ и другой. Очнувшись, не вдругъ смекнули они, что̀ говоритъ Василій Борисычъ, а когда поняли, пошли всѣ втроемъ на крыльцо послушать. Слушаютъ, — точно идетъ воровская работа ломомъ, да еще не однимъ. Прислушиваясь къ звукамъ, Никифоръ замѣтилъ, что ломаютъ палатку въ два лома, одинъ побольше, другой поменьше.

Тутъ старый Пантелей, не тревожа народъ въ деревнѣ, пошелъ въ работныя избы людей поднимать, чтобъ они на воровъ осторожнѣй облаву сдѣлали и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, руками перехватали бы. На счастье вышло та̀къ, что, когда онъ переходилъ улицу, Асафъ былъ на другомъ концѣ Осиповки и при разыгравшейся вьюгѣ не замѣтилъ вдали человѣка. Немало нужно было времени, чтобы поднять на ноги токарей и красильщиковъ, не сразу они одѣлись. Наконецъ человѣкъ до сорока работниковъ, на всякій случай съ дубинками и рогатинами, двинулись на воровъ. Тутъ подоспѣлъ Никифоръ Захарычъ, тоже не замѣченный караульщикомъ. Онъ распорядился, по скольку и куда отправляться рабочимъ. Сначала они все дальше и дальше отходили въ сторону отъ деревни, потомъ вдали другъ отъ друга пошли къ палаткѣ, чтобы густою толпой сразу окружить воровъ. Немного времени спустя, когда по расчету Пантелея облава приближалась уже къ палаткѣ, ступая тихо и осторожно и не говоря ни единаго слова, одинъ по одному рабочіе, до поры до времени остававшіеся въ своихъ избахъ, стали входить въ деревню. Было ихъ всего человѣкъ двадцать, у воротъ каждаго дома въ Осиповкѣ стало по человѣку, у кого дубина въ рукахъ, у кого веревка. Увидалъ ихъ Асафъ и тотчасъ смекнулъ, что дѣло Ильи съ Минеемъ выходитъ дрянь. Немедля подалъ онъ изо всей мочи ясакъ и зачалъ колотить въ ворота своей избы,

стоявшей на краю деревни. Между его избой и палаткой Чапурина никакихъ не было строеній, стало-быть, Ильѣ да Минею хорошо былъ слышенъ ясакъ. Они всполошились, побросали ломы и хотѣли-было бѣжать, но работниковъ Патапа Максимыча набиралось на улицѣ больше и больше, и кромѣ ставшихъ у каждаго двора ихъ пришло еще по двое и по трое со двора, они стали въ каждомъ проулкѣ между крестьянскими усадьбами, да кромѣ того на чапуринскій дворъ пришло немало батраковъ, а оттуда на усадъ, стали по его окраинѣ, а сами впередъ ни шагу. Такими распорядками Никифора да Пантелея воры со всѣхъ сторонъ были окружены, и некуда было выскочить ни Ильѣ ни Минею. Завидя работниковъ, приходившихъ другъ за другомъ въ деревню, Асафъ уже безъ счету сталъ колотить въ свои ворота, ровно всполохъ бить.

— Чего колотишь? — сурово сказалъ ему ставшій по близости красильщикъ.

— Караулю, — кутаясь въ шубенку, отвѣчалъ Асафъ.

— Коего лѣшаго караулишь? — закричалъ почти на него рабочій. — Кто тебя ставилъ на караулъ?

— Міромъ положено, — отвѣчалъ Асафъ: — а сегодня мой чередъ.

Въ это время послышались неистовые крики на усадѣ Чапурина. Они становились громче и громче. Раздались отчаянные вопли и стоны. Къ облавѣ побѣжали работники, что̀ оставались на деревенской улицѣ, шумъ поднялся еще больше. весь народъ въ Осиповкѣ до послѣдняго ребенка проснулся. Проснулись и самъ Патапъ Максимычъ и домашніе его. Онъ выбѣжалъ на улицу и увидалъ, что впереди работники ведутъ со связанными руками Илью да Минея, а за ними трехъ рабочихъ, всѣхъ въ крови отъ ударовъ ломами. Воры, не зная, что на нихъ собралась цѣлая облава, ударили работниковъ, что̀ прежде другихъ прибѣжали къ палаткѣ, но потомъ, видя, что народу набѣжало пропасть, перестали защищаться и молча сдались. По приказу Патапа Максимыча заперли ихъ покамѣстъ въ пустомъ амбарѣ, а только-что разсвѣло, отправили въ становую квартиру.

Когда все успокоилось, Патапъ Максимычъ сѣлъ въ верхнихъ горницахъ за самоваромъ вмѣстѣ съ Никифоромъ. Позвали чай пить и старика Пантелея, а Василій Борисычъ въ подклѣтѣ на печкѣ остался. Спать онъ не спалъ, а, лежа, свои думы раздумывалъ. Между тѣмъ Чапуринъ, разспрашивая, какъ узнали о подломѣ палатки при самомъ началѣ дѣла, подивился, что стукъ ломовъ первый услыхалъ Василій Бори-

сычъ. Не сказалъ на то ни слова Патапъ Максимычъ, но по лицу его видно было, что онъ доволенъ.

— Да что онъ въ подклѣтѣ-то у васъ дѣлаетъ? — погодя немного спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да ничего не дѣлаетъ, — сказалъ Пантелей. — Теперь вотъ дня съ три ему полегчало, такъ по днямъ больше читаетъ, а по ночамъ сидитъ на крыльцѣ да что-то потихоньку попѣваетъ.

— Гм! — отозвался Патапъ Максимычъ и задумался, барабаня по столу пальцами.

Прошло нѣсколько времени, Никифоръ Захарычъ прервалъ общее молчанье.

— Можно ли мнѣ попросить тебя насчетъ его, Патапъ Максимычъ? — сказалъ онъ вполголоса.

— О чемъ это? — быстро спросилъ у шурина Чапуринъ, но не гнѣвно, не сурово, какъ прежде бывало, когда про Василья Борисыча рѣчь заходила.

— Живетъ онъ у тебя безо всякаго дѣла, — сказалъ Никифоръ Захарычъ. — Ну, извѣстно, что каждый человѣкъ безъ дѣла во всякое время можетъ съ ума спятить. По себѣ сужу, самъ отъ бездѣлья до того, бывало, доходилъ, что сталъ по всему нашему Заволжью самымъ послѣднимъ человѣкомъ, знаться со мной никто не хотѣлъ, ребятишки даже походя надо мной смѣялись да надругивались, сколько имъ хотѣлось. Вывелъ меня Господь на добрую дорогу, и самъ ты не одинъ разъ говаривалъ, что дѣло у меня изъ рукъ не валится. Тяжело мнѣ было на добрый путь становиться, да, видно, молитвы Настеньки, нашей голубушки, до Бога доходны, вѣдь у смертнаго одра ея Богъ послалъ мнѣ перемѣну въ жизни. Слушая послѣднія слова ея, рѣшился я перемѣнить жизнь. Она, моя радость...

И не могъ больше говорить, залился слезами, склонясь на столъ и крѣпко обхвативъ голову руками.

— Полно, Микеша, полно, родной ты мой, — съ навернувшимися слезами молвилъ Патапъ Максимычъ. — Не поминай! Было время, да ужъ нѣтъ его, была у меня любимая доченька, въ могилѣ теперь лежитъ, голубушка... Не воротишь дней прошлыхъ, Микеша... Полно ты меня сокрушать. Богъ все къ хорошему въ здѣшнемъ свѣтѣ строитъ, никоему человѣку не понять благостныхъ путей Его... Про него-то что хотѣлъ говорить ты? Про пѣвуна-то нашего, про посланника архіерейскаго?

— То хотѣлъ я сказать про него и о томъ тебя просить: не вводи ты его во грѣхъ и напасть. Дай ты ему какое-ни-

будь дѣло, — молящимъ голосомъ сказалъ Никифоръ Захарычъ.

— Много было у меня на него, безпутнаго, надежды, — нѣсколько нахмурясь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — И никакого толку изъ него не вышло. Къ чему ни приставлялъ его для-ради надзора за работами, куда ни посылалъ его, никакого толку не выходило. Нѣтъ, ужъ такой онъ безпутный, что на добрую стезю его не направишь. Да еще что̀ на-дняхъ вздумалъ — ты еще не пріѣзжалъ тогда: худа ли, хороша ли у него жена, а все-таки однакожъ жена, а онъ къ дѣвкамъ на посидѣлки повадился. Путное ли это дѣло, самъ посуди, вѣдь это всему дому моему зазоръ. Такъ или нѣтъ?

— Не мнѣ судить объ этомъ, Патапъ Максимычъ, — сказалъ Никифоръ Захарычъ: — самъ былъ я во сто кратъ его хуже, — промолвилъ онъ, опустя голову. — А вѣдь ты отпустилъ же мнѣ мое безпутство и прегрѣшенія, а имъ вѣдь и числа нѣтъ. Отчего-жъ бы тебѣ не постараться зятя на истинный путь наставить? Вѣдь не чужой тебѣ...

— Наставишь его! Какъ же! — молвилъ Чапуринъ.

Задумался Патапъ Максимычъ и сказалъ потомъ:

— Развѣ вотъ что̀: поѣдешь куда, возьми его, чтобъ онъ во всемъ изъ твоихъ рукъ смотрѣлъ.

— Что-жъ, я ото всей души радъ и на него надѣюсь, — отвѣчалъ Никифоръ Захарычъ.

— Такъ вотъ, надо мнѣ послать тебя въ Красну-Рамень, на мельницы, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Возьми ты его съ собой, только чуръ глядѣть за нимъ въ оба, да чтобы не балбесничалъ, а занимался дѣломъ, какое ему поручишь. Да чтобы мамошекъ тамъ не заводилъ — не въ мѣру до нихъ онъ охочъ. Хоть и плохонькій, взглянуть, кажется бы, не на что, а такой ходокъ по части женскаго пола, что другого такого не вдругъ сыскать.

— Да ужъ я постараюсь, чтобы пустяками-то онъ не занимался, — сказалъ Никифоръ Захарычъ. — Добраго слова онъ завсегда послушается, а бранью да насмѣшками... только пуще его раздражишь. Узналъ я его хорошо, и сдается мнѣ, что можно исправить его и приспособить ко всякому дѣлу.

— Такъ бери его въ Красну-Рамень, поглядимъ, что̀ выйдетъ. Поговори сегодня же съ нимъ, а ежели еще подсыплетъ снѣжку, поѣзжайте съ Богомъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А теперь немножко и соснуть успѣемъ. Эхъ, они, проклятые, какъ у насъ всю ночь перебулгачили. А ты, Пантелеюшка, наряжай кажду ночь къ палаткѣ караулъ: кто ихъ, мошенниковъ, знаетъ, можетъ статься, не эти двое, а

цѣлая шайка стакнулась разграбить ее. Узнали, значитъ, окаянные, что не пустая стоитъ. Оборони Господи отъ бѣды, вѣдь добро-то въ ней не свое, а чужое положено... Да вотъ еще, Пантелеюшка: молви заутро стряпкамъ, чтобы работникамъ пироговъ напекли, да надо будетъ въ Захлыстино за виномъ да мировомъ съѣздить.

Послѣ того всѣ по своимъ мѣстамъ разошлись.

Съ большою охотой, даже съ радостью выслушалъ Василій Борисычъ отъ Никифора, что тотъ хочетъ взять его съ собой въ Красну-Рамень. Хоть и не на долгое время, а все-таки подальше отъ постылой жены. Тамъ на мельницахъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ слушать ни приставаній ни ругани ея, ни тестевой брани, ни насмѣшекъ работныхъ людей.

Выѣхали изъ Осиповки недѣли черезъ полторы послѣ подлома палатки. На прощанье строго наказывалъ Патапъ Максимычъ зятю, чтобъ онъ во всемъ слушался Никифора и безъ его спроса шага не ступилъ бы, примолвивъ, что ежели на мельницахъ будетъ онъ полезенъ и о томъ Никифоръ скажетъ по возвратѣ домой, тогда Василью Борисычу будетъ житье совсѣмъ не такое, какое до той поры было. Простился съ зятемъ Чапуринъ по-доброму, по-хорошему, ласково простилась съ нимъ и теща, а Прасковья Патаповна злобно завыла въ источный голосъ, узнавъ о внезапномъ отъѣздѣ не одинъ разъ битаго ею мужа.

— Да на что-жъ это похоже, да что-жъ это такое? — на весь домъ голосила она. — Нешто на то онъ женился, чтобы надолго покидать молодую жену? И то недѣли двѣ онъ ко мнѣ не прихаживалъ!.. Хоть бы простился съ женой въ ея горницѣ, какъ быть слѣдуетъ всякому мужу съ женой. И того не смыслитъ, шутъ этакій!

Молчалъ Василій Борисычъ, ровно воды въ ротъ набралъ.

Пристала къ отцу Прасковья Патаповна, требуетъ, чтобъ оставилъ онъ дома Василья Борисыча.

Молчалъ сначала Патапъ Максимычъ, но, когда любезная дочка надоѣла ему просьбами и воплями, строго прикрикнулъ на нее:

— Замолчишь ли, дурища ты этакая! Хоть бы стѣнъ-то постыдилась, безстыжая. Молчать у меня! Не то плетки попробуешь. Давно она по тебѣ тоскуетъ.

Прасковья Патаповна вдругъ присмирѣла, услыхавъ родительскую угрозу. Сухо простилась она съ мужемъ, а тотъ ей хоть бы единое слово промолвилъ.

Незадолго до сумерокъ тронулись изъ Осиповки Никифоръ

съ Васильемъ Борисычемъ. Никифоръ правилъ парой добрыхъ лошадокъ, хорошо зналъ онъ въ лѣсахъ всѣ пути и дороги, въ прежнее пьяное время они были имъ исхожены. Василій Борисычъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ въ легонькихъ санкахъ-казанкахъ. Когда поѣхали, стала подувать непогода: синее небо потускло, и полный почти мѣсяцъ заволокло ровно пухлыми бѣлыми тучами, повалили хлопья снѣга и забушевала мятель. Ничего не стало видно въ пяти шагахъ, дорогу замело, а на бѣду ѣхали чащей, ни деревца ни кустика, и все, что было на виду, сплошь теперь покрыто было снѣгомъ. Никифоръ Захарычъ убѣдился, что онъ сбился съ дороги и не можетъ опознаться, въ какія мѣста заѣхалъ, а казалось ему, что отъѣхали они уже верстъ пятнадцать, если не больше. Деревни въ той сторонѣ частыя, не больше версты или въ полутора другъ отъ дружки стоятъ, но вотъ ихъ какъ на бѣду ни одной не попадается. А волки такъ и прядаютъ возлѣ санокъ, еще хорошо, что колокольчикъ былъ навязанъ на дугѣ, звѣрь, сколь ни силенъ, сколько ни золъ, все-таки его побаивается. Со страха робкій Василій Борисычъ дрожмя дрожалъ; ему казалось, что теперь такая опасность наступила, предъ коей почти ничего не значила даже скачка, сломя голову, по пылающему лѣсу на другой день послѣ перваго сближенья съ постылою теперь и ненавистною женой.

— А вѣдь мы сбились съ дороги-то, — сказалъ наконецъ Никифоръ Захарычъ.

— Полно ты! — въ ужасѣ воскликнулъ Василій Борисычъ.

— Ей-Богу, сбились, — молвилъ Никифоръ. — Судя по времени, надо бы давно намъ Зименки проѣхать, а вотъ теперь ни ихъ и никакого другого жилья не видать. Бѣда, просто бѣда!

— Охъ, искушеніе! — въ отчаяніи проговорилъ Василій Борисычъ. — Этакъ, пожалуй, замерзнемъ, либо волки насъ съѣдятъ.

— Мудренаго нѣтъ, — равнодушно отозвался Никифоръ.

А лошади пріустали межъ тѣмъ и едва двигаются по сугробамъ, а вьюга разыгрывается все пуще да пуще.

— Что-жъ намъ теперь дѣлать? — слезнымъ голосомъ спросилъ немного погодя Василій Борисычъ.

— На волю Божью положиться! Что пошлетъ Богъ, то и будетъ, — отвѣтилъ Никифоръ. — Ежели кони совсѣмъ станутъ, надо будетъ въ снѣгъ зарываться. Сказываютъ, такъ не замерзнешь.

— Охъ, искушеніе! Господи, Господи! Царица Небесная, спаси и помилуй, — воскликнулъ Василій Борисычъ и сталъ читать одну молитву за другою.

А давно ли, кажется, натерпѣвшись жениныхъ побоевъ и

наслушавшись брани тестя, раздумывалъ онъ, какъ рѣшить съ самимъ собой, утопиться либо удавиться?

Никифоръ Захарычъ опустилъ вожжи и далъ лошадямъ волю идти, куда знаютъ. Только изрѣдка похлестывалъ ихъ, чтобы не стали. Долго путали они, наконецъ вдалекѣ послышались лай и вой нѣсколькихъ собакъ, волковъ, значитъ, почуяли. Никифоръ сталъ править лошадей на доносившійся лай.

— Ну, теперь, Богъ дастъ, куда-нибудь пріѣдемъ, — сказалъ онъ, и Василій Борисычъ началъ читать благодарныя молитвы за спасеніе отъ напрасной смерти.

Собачій лай становился все громче и громче, стало видимо, что путники подъѣзжаютъ къ какой-то деревнѣ. Вотъ наконецъ и прясла околицы, виднѣется и строенье. Въ крайней, большой, но запущенной избѣ виденъ огонь. Къ той избѣ и подъѣхали. Никифоръ постучалъ въ ворота и громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Эй, вы, крещеные! Не дайте людямъ напрасно погибнуть, укройте отъ непогоды.

Въ избѣ пошелъ какой-то неясный говоръ, и черезъ нѣсколько времени послышался старческій голосъ:

— Постойте маленько, родимые, сейчасъ отомкнемся. Наталья, подь, отопри добрымъ людямъ.

Вскорѣ растворилась калитка. Предъ пріѣзжими стояла женщина, сколько можно было замѣтить, еще молодая.

— Ведите подъ навѣсъ коней, — сказала она: — а въ избу-те вотъ направо будетъ крыльцо. Ужъ не поропщите на насъ, съ лучиной-то на дворѣ ходить въ такую непогодь опасаемся, а фонарика по недостаткамъ у насъ не случилось.

Поставивъ лошадей, Никифоръ съ Васильемъ Борисычемъ вошли въ избу. Не приборна она была, и сразу замѣтно, что запущена лишь въ послѣднее время, но все-же-таки въ ней было тепло, а для пріѣзжихъ это было всего дороже.

— Какъ ваша деревня прозывается, старинушка? — спросилъ Никифоръ Захарычъ, войдя въ избу и снимая съ себя промерзшую дубленку. Онъ позамѣшкалъ немного, убирая лошадей. Василій Борисычъ въ это время успѣлъ ужъ скинуть шубу и залѣзъ въ теплое мѣстечко, на полати.

— Деревня Поромово, милый человѣкъ, деревня Поромово, — отвѣчалъ старикъ-хозяинъ.

— А далеко-ль отъ васъ будетъ Осиповка? — спросилъ удивленный Никифоръ.

— Да какъ тебѣ сказать, не то пять, не то шесть верстъ, близехонько.

— Проплутали же мы! — молвилъ Никифоръ Захарычъ. —

Я думалъ, что мы верстъ пятнадцать отъѣхали, а всего-то пять проплутали. Да и попали не въ ту сторону, куда надобно.

— А въ кое мѣсто путь держите? — спросилъ старикъ.

— Въ Красну-Рамень, — отвѣчалъ Никифоръ.

— И впрямь заѣхали не по дорогѣ, — молвилъ старикъ. — Да что̀ за мудрость сбиться путемъ въ такую вьюгу. Вѣдь свѣту Божьяго не видно. Долго ли тутъ до бѣды!..

Запасливый Никифоръ Захарычъ захватилъ изъ Осиповки небольшой самоварчикъ. Надрогшись отъ стужи, захотѣлъ онъ чайку испить. Василій Борисычъ тоже былъ не прочь отъ чая. Никифоръ принесъ изъ саней самоваръ и погребецъ съ посудой, а хозяинъ кликнулъ въ сѣни:

— Наталья, подь-ка сюда!

Немного повременя вошла въ избу молодая дѣвушка, какъ видно, сильная и работящая, но лицо было у нея истощенное, ровно изношенное, блѣдное, вѣки красныя, глаза масляные, нахальные, безстыжіе; съ перваго взгляда видно было, что пожила она и потѣшилась.

— Поставь гостямъ самоварчикъ. А что̀, Параньки все еще нѣтъ?

— Еще не приходила, — молвила Наталья.

— Опять на всю ночь загуляла, — сказалъ старикъ. — Ну, а ты ставь самоваръ-отъ.

И Наталья скорымъ дѣломъ принялась за самоваръ.

— Изъ Осиповки ѣдете, честные господа, аль подалѣ откуда? — сидя на передней скамьѣ, спросилъ хозяинъ у Никифора, тоже залѣзшаго на полати поразогрѣть себя послѣ такой вьюги.

— Изъ Осиповки, — отвѣтилъ тотъ.

— Не отъ Патапа ли Максимыча ѣдете? — опять спросилъ старикъ.

— Отъ него отъ самаго, — отвѣтилъ Никифоръ. — Въ Красну-Рамень на мельницы послалъ насъ.

— Довольно извѣстны про Патапа Максимыча, — сказалъ старикъ. — Оно и дѣло-то сосѣдское, и близехонько отъ него живемъ. Опять же въ красные дни мои много я милостей отъ него видалъ.

— А какъ звать-то тебя, старина? — очнувшись отъ дремоты, спросилъ Василій Борисычъ.

— Трифонъ Михайлычъ буду, по прозванью Лохматый, — молвилъ старикъ.

Всѣмъ тѣломъ дрогнулъ Никифоръ Захарычъ. Вотъ куда занесла его вьюга, къ отцу ненавистнаго Алешки. Никогда

не могъ онъ простить ему Настиной смерти. Никифоръ все зналъ, а чего не зналъ, о томъ давно догадался.

Замолчалъ онъ, не говоритъ ни слова и Василій Борисычъ. Между тѣмъ Наталья поставила самоваръ на столъ, поставила умѣлою рукой и разставила вынутую изъ погребца посуду. Видно было, что въ прежнее время не жила она въ такихъ недостаткахъ, какіе теперь довелось ей испытывать.

Слѣзли съ полатей Никифоръ Захарычъ и Василій Борисычъ и, усѣвшись на скамьѣ, предложили чай-сахаръ и хозяину и ставившей самоваръ Натальѣ. За чаемъ пошла рѣчь про Патапа Максимыча. Заговорилъ Трифонъ Лохматый:

— Благодѣтель онъ бывалъ намъ въ прежнее время. То-есть не самому мнѣ, а большему сыну моему, Алексѣю. А Алексѣй втѣпоры Бога еще не забывалъ, родителямъ былъ покоренъ и деньги, что̀ давалъ ему своею щедрою рукой Патапъ Максимычъ, въ домъ приносилъ. Былъ тогда я человѣкомъ зажиточнымъ, да напасть нашла на меня, токарня сгорѣла. И послалъ я тогда Алексѣя сколько-нибудь заработать, чтобы справиться, а былъ онъ самый первый токарь по всей сторонѣ и полюбился Патапу Максимычу, и тотъ ему безпримѣрныя милости дѣлалъ. Да вы, господа честные, не свои ли будете Патапу Максимычу?

— Да, — сказалъ Никифоръ: — я ему шуринъ, а это зять, на дочери его женатъ...

— Довольно слыхали, дѣло вѣдь недальнее, — сказалъ Трифонъ Лохматый. — Самъ-отъ я хоть отъ роду не бывалъ у Патапа Максимыча, а знаю все, народъ-отъ вѣдь говорливъ, и ротъ у него не зашитъ, — прибавилъ онъ.

— Какъ же это при такомъ ближнемъ сосѣдствѣ никогда ты не бывалъ у Патапа Максимыча, онъ вѣдь въ здѣшней сторонѣ человѣкъ на виду,—молвилъ Никифоръ Захарычъ.

— И больно даже на виду,—сказалъ Лохматый. — Первый человѣкъ по всему, да дѣла-то никогда у меня такого не доводилось, чтобы у него въ домѣ быть. Когда Господь меня еще миловалъ, когда еще Онъ, Праведный, не смирялъ моей гордыни, ни до кого мнѣ не было дѣла, ни до коего человѣка. Опричь себя да семейныхъ своихъ и знать, бывало, не хотѣлъ... А когда дошелъ я до бѣдности, стыдно и совѣстно стало водиться съ такими людьми, какъ Патапъ Максимычъ. Еще, пожалуй, придетъ ему на мысль, думаю я себѣ, не за милостью ли какой пришелъ я, и вотъ я къ нему ни ногой. Ежели я видалъ отъ него большія милости, такъ онѣ были дѣланы сыну моему за его усердіе. Патапъ-отъ Максимычъ возлюбилъ его, какъ родного сына, ничего для него не жа-

лѣлъ, ну, а я иное дѣло... Чтò ему до меня? Поди, и не знаетъ, каковъ есть на свѣтѣ человѣкъ Трифонъ Лохматый. Большому кораблю большое и плаваніе, а мы что? У меня въ послѣдне-то время и мыши въ амбарѣ перевелись съ голодухи. По тому по самому въ дружбѣ да въ пріятельствѣ мнѣ съ Патапомъ Максимычемъ быть не доводится, а кланяться ему да всячески подслуживаться не хочу... Умирать стану съ голоду, а никому не поклонюсь; во всю жизнь одному только богачу поклонился я. Христомъ Богомъ просилъ помощи моей старости, помощи родной семьѣ, и то ничего не выпросилъ. И тотъ богачъ былъ свой человѣкъ. Послѣ того кàкъ я чужому богачу руку протяну, кàкъ я ему стану про бѣдность свою разсказывать? Нельзя, никакъ нельзя.

Рому бутылку изъ погребца вынулъ Никифоръ Захарычъ и пуншикъ сдѣлалъ. Три стаканчика опорожнилъ съ гостями Трифонъ Лохматый и пуще прежняго разговорился.

— Да, Никифоръ Захарычъ, — такъ началъ онъ: — да, любезный ты мой, надо всякимъ человѣкомъ Господня сила. Но кто знаетъ, какъ ее снесетъ? Не въ судъ и не въ осужденіе будь тебѣ сказано, самъ ты каковъ прежде былъ человѣкъ? По всей сторонѣ довольно про то вѣдаютъ. А какъ возсіяла надъ душой твоей сила Господня, сталъ ты теперь совсѣмъ иной. Былъ ты никуда негодящимъ человѣкомъ, и плохо бывало тебѣ. А теперь, какъ послышу, мало на свѣтѣ такихъ умныхъ, хорошихъ людей, какъ ты. А ежели отъ кого отступитъ сила Господня, тутъ сейчасъ врагъ. И какъ только онъ проклятую свою силу возыметъ надъ какимъ ни на есть человѣкомъ, будь онъ самый добрый, самый хорошій, станетъ злымъ и отъявленнымъ врагомъ всего добраго. По своимъ знаю, вѣдаю, какова бываетъ сила бѣсовская, ежель она подведетъ хорошаго добраго человѣка подъ себя...

— Это правда,—молвилъ Никифоръ Захарычъ.—Какъ только зачнетъ человѣкъ жить не по-хорошему, нечистый тотчасъ въ его душу, и Господня благодать его покинетъ... По себѣ знаю, Трифонъ Михайлычъ.

— Былъ у меня Алексѣй,—послѣ недолгаго молчанія продолжалъ Лохматый.—Парень былъ разумный, смирный такой, разсудительный. А изъ себя красота, всѣмъ взялъ, и лицомъ, и ростомъ, и дородствомъ. И на всякую работу по дому только его взять, во всякомъ крестьянскомъ обиходѣ, бывало, его только взять. Смышленый по всему парень былъ, любоваться, бывало, только на него. А по токарной части до того дошелъ, что не было ему еще полныхъ двадцати лѣтъ, какъ первымъ, самымъ то-есть самолучшимъ токаремъ по всей здѣшней сто-

ронѣ славился. По всему хорошій былъ парень, къ отцу, къ матери почтительный, о братишкѣ да объ сестрахъ заботливый, по дому во всемъ старатель. Спать, бывало, не ляжетъ, не присмотрѣвши всего во дворѣ, хоть за день-отъ совсѣмъ истомится въ токарнѣ. Бывало, мы съ женой покойницей не нарадуемся на своего разумника. Подросточекъ мой Саввушка тоже-было по братнимъ стопамъ пошелъ, дочери были рукодѣльницы хорошія, помощницы моей Абрамовны. Добрая она у меня была хозяйка, вотъ только еще двадцать недѣль какъ померла. Жили мы въ довольствѣ, жили да Бога благодарили... Вдругъ иные дни наступили, посѣтилъ насъ Господь испытаніями, токарня сгорѣла, лихіе люди позавиствовали — подожгли. А по скорости и въ клѣти похозяйничали, все почти добро повыталкали, Коней пару угнали невѣдомо куда. И съ той поры по бѣдамъ я пошелъ. Послалъ я тогда большого сына въ работу къ Патапу Максимычу, и возлюбилъ его Патапъ Максимычъ паче всякой мѣры, деньгами пожаловалъ, такъ что мы и токарню новую поставили и животиной обзавелись, только ужъ такой спорыньи по хозяйству, какъ прежде была у меня, не стало. Не на кого было всѣмъ дѣломъ положиться, большой сынъ на сторонѣ въ работѣ, Саввушка еще не доспѣлъ, однакожъ и его я послалъ ложкарить—ловкій ложкарь изъ нашего мальца вышелъ. Взяться некѣмъ, самому не подъ силу была работа, къ седьмому десятку тогда ужъ подходило, ну и захирѣло все по дому. Полугода не прошло, какъ куда-то послалъ Патапъ Максимычъ Алексѣя по своимъ дѣламъ и наградилъ его не по заслугамъ. Ну, тутъ бы еще ничего: въ домъ деньги отдалъ, а тутъ по скорости пали къ намъ слухи, что женился онъ на богатой вдовѣ, а женился безъ родительскаго благословенія. А домъ у меня все падалъ да падалъ, бѣды пришли великія, дочери нехорошими дѣлами стали заниматься и тѣмъ мою Абрамовну въ могилу свели. Саввушка тоже недобрымъ путемъ жизнь повелъ, въ солдаты нанялся, гдѣ теперь онъ, сердечный, не знаю, не вѣдаю: угнали куда-то въ дальнія мѣста голубчика. Такъ вотъ и остался я бобыль бобылемъ, въ тоскѣ, слова не съ кѣмъ сказать, а я человѣкъ старый и немощный, вотъ скоро семьдесятъ лѣтъ исполнится, а вѣдь и въ Божьемъ писаніи сказано: «что больше того, одинъ трудъ и болѣзнь».

Подъ это слово старика Наталья принесла сковороду съ яичницей и, низко поклонясь гостямъ, вышла вонъ.

— Покушайте, гости дорогіе,—сказалъ Трифонъ Лохматый, придвигая сковороду къ нимъ.— Не посѣтуйте, что лучше чего-нибудь не поставилъ. Было бы прежнее время, не такъ бы я

васъ угостилъ, а теперь дѣлать нечего — недостатки и безхозяйство.

— Нечего безпокоиться, не для чего было и глазунью на столъ ставить,—молвилъ Никифоръ Захарычъ.—За одно тепло тебѣ большое спасибо. ишь вьюга-то какъ разыгралась, такъ и завываетъ. Безъ твоего крова да безъ твоей доброты совсѣмъ бы намъ пришлось замерзнуть.

— Такъ вотъ, гости мои дорогіе, — немного погодя продолжалъ свой разсказъ Трифонъ Лохматый: — сынокъ у меня тысячами ворочаетъ, кажись бы, могъ помочь отцу при его крайности, анъ нѣтъ, не туда оно пошло, не тѣмъ пахнетъ, женины деньги и все ея имѣнье мой Алексѣй къ своимъ рукамъ подобралъ, и она, безсчастная, теперь сама безъ копейки сидитъ. Отцу тоже ничего не даетъ, забылъ хлѣбъ-соль родительскую. забылъ родимый домъ, и брата забылъ и сестеръ, всю свою семью. Не о томъ теперь у него думы, не обо мнѣ попеченье. Былъ я у него, какъ онъ еще въ нашемъ городу проживалъ, теперь, слышь, на Низъ куда-то уѣхалъ и тамъ въ Самарѣ другимъ домомъ обзавелся, а прежній продалъ. Прихожу я къ нему въ домъ, настоящій дворецъ, мало такихъ въ городѣ. Насилу до него допустили. Увидались однако, такъ онъ хоть бы бровью повелъ послѣ долгой разлуки, хоть бы кусокъ черстваго хлѣба. хоть бы чашку чая подалъ отцу-то. Поговорилъ я съ нимъ, сказалъ про свои нужды, такъ онъ хоть бы словечко какое-нибудь вымолвилъ, а на прощанье отъ такого богатства далъ пятирублевую, «отвяжись, дескать, ты отъ меня». Такъ вотъ какія нынче дѣтки-то бываютъ: ты ихъ пои, корми, вырости, а послѣ того они и знать тебя не захотятъ.

— Давно я его знаю, — нахмурившись и злобно глядя въ сторону, сказалъ Никифоръ Захарычъ: — всегда былъ безпутнымъ, всегда умѣлъ за добро зломъ платить.

Вьюга не переставала, и Никифоръ съ Васильемъ Борисычемъ остались ночевать у Лохматаго. Къ утру стихла погода. и они собрались въ путь, но Лохматый, какъ они ни отговаривались, не пустилъ ихъ, не угостивши на прощанье блинами да яичницей.

На мельницахъ-крупчаткахъ въ Красной-Рамени Никифоръ тотчасъ по пріѣздѣ принялся за дѣло, и оно у него закипѣло: принялся за него и Василій Борисычъ, сначала горячо, а потомъ съ каждымъ днемъ охладѣвалъ къ работѣ, потомъ совсѣмъ облѣнился, опустился и все время проводилъ въ постели, не говоря ни съ кѣмъ ни слова и только распѣвая стихеры. Скука была для него непомѣрная, а потомъ напала

тоска. Напрасно Никифоръ Захарычъ уговаривалъ его приняться за работу, просилъ и молилъ его,—ничто не помогало. Попрежнему Василій Борисычъ валялся на постели да попѣвалъ стихеры. А у самого только и на умѣ:—«Куда бы дѣваться, чтобы не видаться съ противною женой? Ни за что на свѣтѣ не ворочусь къ ней въ Осиповку. О, Господи, ежели-бъ Ты ее развязалъ со мной! Отъ нея отъ одной такое вышло мнѣ положеніе. Безъ нея могъ бы я къ своимъ воротиться, а при ней сдѣлать того никакъ невозможно, вѣнчанная жена, да еще вѣнчана-то въ великороссійской!.. Вотъ оно искушеніе-то!»

Ровно услышана была молитва Василья Борисыча: за недѣлю до Рождества получилъ онъ отъ тестя коротенькую записочку: «Пріѣзжай сколь возможно скорѣе. Параша лежитъ при смерти».

И лошади были присланы. Нимало не медля, Василій Борисычъ собрался въ путь и поѣхалъ въ Осиповку. Дорогой работникъ разсказалъ ему все, что̀ зналъ про болѣзнь Прасковьи Патаповны.—«Недѣли полторы тому, какъ она въ банѣ парилась, а оттуда домой пошла очень ужъ налегкѣ, да, говорятъ, еще на босу ногу, а на дворѣ-то было вьюжно и морозно. Босыми-то ногами, слышь, въ сугробъ попала, ну и слегла на другой день. Много ли такой надо? Самъ знаешь, какая она тѣломъ нѣжная, не то, что̀ у насъ, простыхъ людей, бабы бываютъ. той ни вьюга ни сугробъ нипочемъ».

— Что-жъ, она въ памяти? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Въ памяти-то, слышь, еще покуда въ памяти, а сказываютъ, начала заговариваться,—отвѣчалъ работникъ.

— Что-жъ? За лѣкаремъ въ городъ посылали, иль нѣтъ?—продолжалъ свои разспросы Василій Борисычъ.

— Какъ же не посылать, посылали,—отвѣчалъ работникъ.

— Что̀ же онъ говоритъ?

— Что̀ говоритъ — про то я не знаю. Знаю только, что пробылъ онъ у Патапа Максимыча не очень долго, и только-что уѣхалъ, меня за тобой послали, а другого работника Селиверста въ Городецъ за попомъ.

Встрепенулось сердце у Василья Борисыча. — «Авось не отлежится, авось не встанетъ! Охъ, искушеніе!» — подумалъ онъ.

Онъ засталъ жену безъ языка. Такъ и не пришлось ему двухъ словъ сказать. На похоронахъ онъ громко подпѣвалъ городецкимъ дьячкамъ, — скитницы не пожаловали пѣть къ Патапу Максимычу, очень уже сердилась на брата мать Ма-

неоа.—и сама не поѣхала и другимъ не велѣла ѣздить. Всѣ ея словъ послушались, никто изъ собирательницъ не пріѣхалъ въ Осиповку.

Спустя недѣли полторы послѣ похоронъ Патапъ Максимычъ позвалъ зятя къ себѣ въ горницу и сказалъ:

— Вижу я. Василій Борисычъ, что изъ тебя никакого толку не будетъ. Зачѣмъ же вмѣстѣ намъ жить. быть въ тягость другъ другу? Разойдемся-ка мирно, по-доброму, по-хорошему. Не поминай меня и домъ мой лихомъ. О сынѣ своемъ о Захарушкѣ заботы не имѣй, теперь онъ на рукахъ у Дарьи Сергѣвны, а будетъ у Груни, какъ ей станетъ посвободнѣй и ежели Дарья Сергѣвна хозяйкой въ домѣ останется. А по времени, если будетъ Богу угодно, всѣ мои достатки ему съ Груней пополамъ отдамъ. А на Аксинью Захаровну разсчитывать нечего, и съ радостью бы понянчилась со внучкомъ, да сама на ладанъ дышитъ. Лѣкаря къ Парашѣ привозили, поглядѣлъ онъ на Захаровну и сказалъ, что не жилица она на свѣтѣ, до весны ни въ коемъ разѣ не проживетъ. Такъ разойдемся-ка лучше, Василій Борисычъ: у тебя своя дорога, у меня своя. не будемъ мѣшать другъ другу. Знаю, что тебѣ въ люди дѣваться некуда. такъ вотъ на обзаведенье да на прожитокъ. Пиши, чтобы знать, гдѣ находишься, по силѣ возможности стану тебѣ каждый годъ присылать на житье. Прощай. Дарю тебѣ пару лошадокъ да санки, поѣзжай, куда знаешь. А это возьми.

И подалъ ему увѣсистый бумажникъ.

Молча принялъ Василій Борисычъ подарокъ тестя и низко ему поклонился.

Такъ и разстались. Ни съ той ни съ другой стороны на разставаньи сожалѣній не было. Василій Борисычь радостно уѣхалъ изъ тестева дома.

Кинулся онъ въ одинъ скитъ, кинулся въ другой, нигдѣ не принимаютъ. Тогда поѣхалъ на старое попелище въ Москву. Тамъ была такая же встрѣча отъ Рогожскихъ. Кланяться даже никто съ нимъ не кланялся, Іудой предателемъ всѣ обзывали. Купилъ тогда Василій Борисычъ на одной изъ московскихъ окраинъ небольшой деревянный домикъ и поселился тамъ. И вѣчно одинъ, а безъ людей жить нельзя, — обуяетъ тоска одиночества, самая мучительная тоска, какая только есть на свѣтѣ. Отвернулся Василій Борисычь отъ Рогожскихъ и съ другими людьми знакомство повелъ. Мало-помалу пересталъ онъ и думать объ архіереяхъ, хотя такъ недавно еще служилъ имъ вѣрой и правдой. Какъ человѣкъ, много видавшій и много изъ старообрядской жизни знающій, онъ для многихъ былъ занимателенъ. И скоро нашелъ не-

мало близкихъ пріятелей, добрыхъ людей изъ православныхъ. А на Рогожское ни шага.

Груня съ Марѳой Михайловной усердно хлопотали надъ изготовленьемъ приданаго, и все сдѣланное ими было такъ хорошо, что всѣ, кто ни видѣлъ его, не могъ налюбоваться. Все было сдѣлано и богато и съ большимъ умѣньемъ. Петръ Степанычъ купилъ большой помѣстительный домъ. По совѣтамъ и указаньямъ на всякую мелочь Сергѣя Андреича, онъ устроилъ свой домъ на славу. Съ нетерпѣньемъ ждалъ Самоквасовъ Крещеньева дня, чтобы сыграть свадьбу, но пришлось помедлить: около Крещенья померла Прасковья Патаповна; нельзя было Патапу Максимычу прямо съ похоронъ на свадьбу ѣхать, а безъ него Дуня никакъ не хотѣла выходить замужъ,—«онъ въ горькіе мои дни замѣсто отца мнѣ былъ,—говорила она: — заботился обо мнѣ все одно, какъ объ родной дочери, какъ же можно мнѣ безъ его бытности, безъ его благословенія вѣнецъ принять». Рѣшились повременить, а какъ въ томъ году мясоѣдъ былъ короткій, то, списавшись съ Патапомъ Максимычемъ, положили обвѣнчаться предъ масленицей. Хотя не очень-то нравилось это Петру Степанычу, но дѣлать нечего, надо было согласиться.

Такъ какъ Самоквасовъ еще никакихъ торговыхъ дѣлъ не заводилъ, то и наперсникъ его, Семенъ Петровичъ, саратовецъ, жилъ пока у прежняго хозяина Ермолая Васильича. Понадобилось ему по какому-то дѣлу Семена въ Москву послать, а кстати свезти на Керженецъ ежегодное подаяніе, чтобы потомъ лѣтомъ въ другой разъ туда не посылать. Саратовецъ по дорогѣ заѣхалъ къ Самоквасову и засталъ его въ большихъ хлопотахъ по отдѣлкѣ новокупленнаго дома. Не надивится Семенъ Петровичъ убранству, какимъ украшалъ домъ его пріятель, а когда узналъ, что у него скоро свадьба съ богатѣйшею дочерью покойника Смолокурова, которую видалъ онъ въ Комаровѣ, такъ только руками развелъ отъ удивленья. Замѣтилъ онъ тутъ, что Петръ Степанычъ неохотно говоритъ про скиты и про былыя тамъ проказы, что вмѣстѣ они тамъ выкидывали.

Поѣхалъ Семенъ Петровичъ въ Комаровъ и тамъ, по обыкновенію, присталъ у Таисеи, въ обители Бояркиныхъ. Не бывавъ тамъ года полтора, съ тѣхъ поръ, какъ увезли Василья Борисыча да Прасковью Патаповну, много новаго узналъ онъ отъ Таисеи, узналъ, что мать Манефа совсѣмъ разошлась съ братомъ, а сама чуть не въ затворъ затворилась, передавъ управленіе обительскими дѣлами Фленушкѣ, для чего та постриглась въ иночество и теперь стала матерью Филагріей.

— Увидите и не узнаете прежнюю Фленушку, — говорила Таисея. — Ровно восемь мѣсяцевъ, какъ она уже въ инокиняхъ. Все подъ руку подобрала, никто въ обители безъ позволенія ея шагу сдѣлать не можетъ. Строга была Манеѳа, а эта еще строже; какъ самъ знаешь, первая была проказница и заводчица всѣхъ проказъ, а теперь совсѣмъ другая стала: теперь вздумай-ка бѣлица мірскую пѣсню запѣть, тотчасъ ее подъ началъ, да еще, пожалуй, въ чуланъ. Всѣ у нея ходятъ какъ линь по дну. Ты когда идти къ ней собираешься?

— Да завтра думаю, — отвѣтилъ Семенъ Петровичъ.

— Иди пораньше, — молвила Таисея. — Скоро-то она до себя никого не допущаетъ, особливо ежели кто изъ постороннихъ, не изъ скитскихъ, значитъ. А о прежнихъ проказахъ лучше и не поминай, вонъ выгонитъ.

— Ну, ужъ и выгонитъ? — голосомъ сомнѣнія сказалъ Семенъ Петровичъ.

— Вотъ увидишь. Попробуй только, — молвила Таисея. — Да еще и твоему хозяину напишетъ, чтобы ни впредь ни послѣ онъ тебя въ скиты не посылалъ.

— Не можетъ быть того, — отвѣтилъ Семенъ Петровичъ. — Вѣдь мы старые съ ней знакомые.

— Чтȯ было, то былью поросло, благодѣтель. Говорю тебѣ, стала она совсѣмъ другой человѣкъ.

Не очень-то довѣрялъ словамъ Таисеи Семенъ Петровичъ и знакомымъ путемъ пошелъ къ кельямъ Манеѳы. И путь не тотъ былъ, какъ прежде. Тогда по зеленой луговинѣ пролегала узенькая тропинка и вела отъ одной къ другой, а теперь была едва проходимая дорожка, съ обѣихъ сторонъ занесенная высокими снѣжными сугробами, чуть не въ ростъ человѣка. Отряхиваясь отъ снѣга, налипшаго на сапоги и самое платье, пошелъ саратовецъ на крыльцо Манеѳы и вдругъ увидалъ, что предъ нимъ по сѣнямъ идетъ съ какою-то посудой Марьюшка.

— Тебя откуда принесло, непутнаго? — не то съ робостью, не то съ радостью спросила она, увидя его.

— Изъ города Саратова, голубушка ты моя Марьюшка, Ермолай Васильичъ прислалъ съ подаяніемъ. Ну, здравствуй, моя дорогая. Чтȯ отворачиваешься? Поздороваемся попрежнему, обними покрѣпче, поцѣлуй горячѣй, — началъ-было Семенъ Петровичъ, но Марьюшка руками на него замахала.

— Тише, — сказала она: — тише, услышитъ матушка, бѣда будетъ мнѣ, да и тебѣ неладно! Нынче у насъ такія строгости пошли, что и разсказать нельзя, слова громко не смѣй сказать, улыбнуться не смѣй, какъ разъ матушка на поклоны поста-

витъ. Ты ступай покамѣстъ вотъ въ эту келью, обожди тамъ, пока она позоветъ тебя. Обожди, не поскучай, такіе ужъ нонѣ порядки.

— И всѣ эти строгости завела Фленушка? А я-было совсѣмъ иного чаялъ. Помнишь?

— Молчи, — сказала Марьюшка и, затворивши дверь кельи, скрылась въ переходахъ игуменской стаи.

Долго взадъ и впередъ ходилъ по кельѣ Семенъ Петровичъ. Это была та самая келья, гдѣ въ прежнее время жила Фленушка. Сколько проказъ тутъ бывало. сколько хохота и веселья, а теперь все стало могилой, съ самихъ стѣнъ, казалось, вѣяло какою-то скукой. Порядочно-таки прошло времени, какъ вошла въ келью молодая, пригожая, но угрюмая и сумрачная бѣлица. Ея никогда не видывалъ саратовецъ, бывая прежде въ Комаровѣ.

Мать Филагрія сидѣла за столомъ, когда вошелъ Семенъ Петровичъ, и внимательно перебирала письма и другія бумаги. Положивъ уставной началъ, низко поклонился онъ матери-игуменьѣ. Тутъ только взглянула на него Филагрія и поспѣшно опустила на глаза флеровую наметку.

— Какими это судьбами не въ урочное время пожаловалъ къ нашему убожеству? — тихо промолвила мать Филагрія. — Въ прежніе годы лѣтомъ всегда пріѣзжалъ, а теперь вдругъ передъ масленицей. Ужь здоровы ли всѣ, Ермолай Васильичъ и домашніе его?

— Слава Богу, и Ермолай Васильичъ и всѣ его домашніе здравствуютъ и вамъ кланяться наказывали,—отвѣчалъ Семенъ Петровичъ. — А такъ какъ довелось мнѣ по хозяйскому дѣлу въ Москву ѣхать, такъ Ермолай Васильичъ и заблагоразсудилъ, чтобы я теперь же заѣхалъ къ вамъ въ Комаровъ съ ежегоднымъ подаяньемъ, какое каждый разъ отъ него посылается.

— Спаси, Господи, и помилуй Своими богатыми милостями благодѣтеля нашего Ермолая и всѣхъ присныхъ его,—вставъ съ мѣста и кладя малый началъ, величаво сказала Филагрія.— Клавдюша! — кликнула она незнакомую Семену Петровичу послушницу, что у новой игуменьи въ ключахъ ходила.

Неслышными шагами вошла та и смиренно стала у притолки.

— Поставь, Клавдеюшка, самоваръ да сбери намъ чайку поскорѣе, — сказала мать Филагрія. — Да закусочекъ поставь закусить, водочки, мадерцы, еще что̀ тамъ есть.

— Слушаю, матушка, — съ низкимъ поклономъ отвѣтила послушница и торопливо вышла вонъ изъ кельи.

— Что̀ матушка Манеѳа, какъ ея спасеніе? — спросилъ, немножко помолчавъ, Семенъ Петровичъ.

— Чтò матушка Манеѳа? Стара, дряхла, но духомъ бодра, плотью же немощна, — отвѣчала Филагрія. — Всего больше по хилости своей да по слабости тѣлесныхъ силъ и поставила она меня на свое мѣсто въ начальницы обители. А это дѣло не легкое. Особенно трудно ладить съ окольными мужиками, каждому стащить бы чтò со скита, Бога не боятся, и совѣсти нѣтъ въ глазахъ. Ну, да Богъ дастъ, ежели оставятъ насъ на старыхъ мѣстахъ, уладимся съ ними, теперь они все нашей выгонки ждутъ и надѣются, что обительскія строенія имъ достанутся. Тяжело съ ними ладить, охъ, какъ тяжело, Семенъ Петровичъ! Скажите Ермолаю Васильичу — не оставилъ бы насъ убогихъ при теперешнихъ нашихъ тѣсныхъ обстояніяхъ своими благодѣяніями... Привезли ли что-нибудь?

— Какъ же, привезъ, матушка, — отвѣчалъ саратовскій приказчикъ. — Только Ермолай Васильичъ наказывалъ отдать изъ рукъ въ руки матушкѣ Манеѳѣ. Должно-быть, не знаетъ о перемѣнѣ у васъ въ обители.

— Матушка Манеѳа ни въ какія дѣла теперь не вступаетъ, всѣ дѣла по обителямъ мнѣ препоручила, — сказала мать Филагрія. — Теперь она здѣсь, въ Комаровѣ, пріѣхала сюда на короткое время, а живетъ больше въ городѣ, въ тѣхъ кельяхъ, чтò накупила на случай выгонки. Цѣлая обитель у нея тамъ, а я здѣшними дѣлами заправляю, насколько подаетъ Господь силы и крѣпости. Отдайте мнѣ, это все одно и то же. И прежде вѣдь матушка Манеѳа принимала, а расписки всѣмъ я писала. Ермолаю Васильичу рука моя извѣстна.

— А матушку Манеѳу можно видѣть? — спросилъ Семенъ Петровичъ.

— Никакъ нельзя, — отвѣчала Филагрія. — Еле бродитъ, врядъ ли до весны дотянетъ.

Семенъ Петровичъ передалъ письмо и деньги матери Филагріи. Та, прочитавъ письмо, молча и низко поклонилась, потомъ сосчитала деньги и написала росписку.

— Долго ли здѣсь прогостишь? — спросила она его.

— Гостить долго мнѣ не приходится, — отвѣтилъ Семенъ Петровичъ. — Въ Москву спѣшу по хозяйскимъ дѣламъ. Завтра бы утромъ, пожалуй, и выѣхалъ.

— А здѣсь-то у кого присталъ? — спросила Филагрія.

— Да все на старомъ, насиженномъ мѣстѣ, у матушки Таисеи въ обители, — сказалъ Семенъ Петровичъ.

— Напрасно, не совѣтовала бы я, — молвила на то мать Филагрія. — И Таисея напрасно приняла тебя. Время теперь опасное, хоть до лѣта по письмамъ нашихъ петербургскихъ благодѣтелей ничего и не предвидится, а все-таки на грѣхъ

могутъ нагрянуть. И вдругъ въ женской обители посторонняго мужчину найдутъ и Богъ знаетъ чтò изъ этого выведутъ! Нонѣ сторонніе, чтò въ Комаровъ пріѣзжаютъ, у иконника, у Ермилы Матвѣича, пристаютъ. Вотъ бы тебѣ тамъ и остановиться, а ты попрежнему прямо въ святую обитель. И Таисея-то дура набитая, что пустила тебя... Ну, да одинъ-отъ день еще, пожалуй, ничего, авось Богъ милостивъ, а ежели дольше останешься въ Комаровѣ, къ Ермилѣ Матвѣичу переходи, тамъ дѣло безопаснѣе.

Подъ это слово послушница Клавдеюшка внесла самоваръ и принялась уставлять столъ чайнымъ приборомъ и другой разными закусками и напитками.

— Подкрѣпитесь-ка напередъ водочкой либо винцомъ какимъ-нибудь, а послѣ того и за чаекъ примемся, — молвила мать Филагрія.

Семенъ Петровичъ не заставилъ долго просить себя, выпилъ и закусилъ.

За самоваромъ мать Филагрія продолжала разсказъ свой о тяжести обительскихъ хлопотъ, чтò такъ неожиданно легли на ея плечи, жаловалась на судьбу, но обо всемъ говорила строго, съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— И по всей обители хлопотать и по всѣмъ другимъ скитамъ, — говорила мать Филагрія. — Къ намъ попрежнему, какъ при матушкѣ Манеѳѣ, всѣ благодѣтели имѣютъ довѣріе и на наше имя высылаютъ подаянія. И отовсюду, особенно изъ Петербурга и Москвы, письма къ намъ только пишутъ, а въ нихъ пишется все, чтò и до другихъ скитовъ касается. Отъ одного отъ этого голова иной разъ кругомъ пойдетъ. А тутъ еще разбирай иной разъ ихнія свары да ссоры. Тяжеленько, Семенъ Петровичъ, иной разъ очень тяжко приходится. Вы скажите обо всемъ объ этомъ Ермолаю Васильичу, пожалѣлъ бы хоть сколько-нибудь насъ смиренныхъ... Водочки-то другую рюмочку искушали бы, — прибавила она, указывая гостю на столикъ съ напитками и закустами. — Осетринки кусочекъ возьмите, отмѣнная осетрина, мало бываетъ такой, въ продажѣ и вовсе нѣтъ. Отъ Смолокуровыхъ, отъ Дарьи Сергѣвны на поминъ души Марка Данилыча прислана.

— Захлопоталась сама-то, должно-быть, — замѣтилъ Семенъ Петровичъ. — Вѣдь въ скорости послѣ родительскихъ похоронъ была просватана за Петра Степаныча.

Бровью даже не повела мать Филагрія при словахъ Семена Петровича. Хоть иноческая наметка была у нея совсѣмъ назадъ закинута, но въ лицѣ ея не замѣтно было ни малѣйшаго волненія, какъ будто разговоръ касался людей, совершенно ей чуждыхъ.

— Что же? — твердымъ и спокойнымъ голосомъ, помолчавъ немного, проговорила она. — Оба они люди мірскіе, иночества на нихъ не возложено. Еще въ земномъ раю, насажденномъ на востокѣ, Господь Богъ сказалъ: «Не добро быти человѣку единому, сотворимъ ему помощника». Не обрѣтеся таковаго, и Господь создалъ Адаму жену. И апостолъ сказалъ: «лучше жениться, чѣмъ разжигаться» *). Самоквасовъ, сказываютъ, отъ дяди большое наслѣдство получилъ, а у нея въ шесть либо въ семь разъ того больше. Слава Богу, есть чѣмъ жить, есть чѣмъ хозяйство управить. А хозяйство самое первое дѣло, какъ у богатыхъ, такъ и у неимущихъ. Ее разумомъ и добрымъ нравомъ Господь не обидѣлъ, и, если удастся ей забрать мужа въ руки, у нихъ въ дому самымъ лучшимъ порядкомъ пойдетъ и хозяйство и все, а если онъ станетъ всѣмъ въ дому верховодить, рано ли, поздно ли, ихнее богатство прахомъ пойдетъ. Кланяйтесь, Семенъ Петровичъ, имъ отъ меня — и ему и ей: скажите, старица, молъ, Филагрія добраго здоровья и отъ Бога счастья желаетъ имъ.

И съ этими словами опустила на лицо наметку изъ двойного флера.

— Мадерцы хоть рюмочку искушали бы, — величаво промолвила она. — Вино хорошее, изъ Москвы благодѣтелями прислано.

На этотъ разъ твердый голосъ ея будто немного дрогнулъ, и, какъ ни укрыто было лицо ея подъ двойною наметкой, Семену Петровичу показалось, будто слеза блеснула на очахъ матери Филагріи. Но тотчасъ же все исчезло, и предъ нимъ попрежнему стояла спокойная, ничѣмъ невозмутимая мать игуменья.

— Еще маленькую калишку, Семенъ Петровичъ, извольте выкушать. На дорожку посошокъ, — сказала она, слегка улыбаясь.

— Прощайте, Семенъ Петровичъ, — сказала ему она. — Ермолаю Васильичу и всѣмъ домашнимъ его поклонитесь отъ меня и ото всей нашей обители. Скажите имъ, что мы всегдашніе ихъ молитвенники. А отвѣтъ сегодня же вамъ пришлю. Только насчетъ будущаго времени, прошу я васъ, у матери Таисеи и ни въ какой другой обители не останавливайтесь, а случится пріѣхать въ нашъ скитъ, въѣзжайте къ Ермилу Матвѣичу иконнику. Строго объ этомъ накажу и матери Таисеѣ и прочимъ игуменьямъ. Прощайте, Семенъ Петровичъ, всякаго вамъ благополучія.

---

*) «I къ Коринѳянамъ», VII, 9.

Величаво, спокойно и безъ малѣйшаго смущенія простилась мать Филагрія съ заѣзжимъ саратовцемъ, не разъ бывшимъ свидѣтелемъ затѣйныхъ проказъ ея.

Стояла она предъ нимъ, ровно совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ полгода тому назадъ, когда они собирали къ вѣнцу Василья Борисыча.

Нѣсколько времени въ глубокомъ раздумьѣ простояла она среди кельи. Потомъ, будто оправившись и придя въ себя, громко кликнула:

— Клавдеюшка!

Послушница ровно изъ земли выросла: ожидая приказаній игуменьи, она стояла на мѣстѣ, низко опустя голову.

— Прибери здѣсь все. Поскорѣе, — сказала Филагрія.

Тотчасъ все было прибрано, и самоваръ, и водка съ московской мадерой, и закуски. А когда совсѣмъ прибралась, Филагрія сказала ей:

— Кто бы по какому бы дѣлу ко мнѣ ни пришелъ, никого не допущай. Всѣмъ говори: письма, молъ, къ благодѣтелямъ пишетъ.

Вышла послушница изъ кельи, и Филагрія заперлась изнутри. Потомъ пошла въ боковушу и тамъ ринулась на кровать. Спрятавъ голову въ подушки, судорожно она зарыдала. Но ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго знака внутренней тревоги бывшей Фленушки.

Настало наконецъ давно ожидаемое всѣми близкими время Дуниной свадьбы. Вѣнчались они въ послѣднюю пятницу предъ масленицей, послѣ того, по церковному уставу, девять недѣль вѣнчать было нельзя. Дня за четыре до свадьбы Дуня съ Груней и съ женихомъ поѣхали поклониться гробамъ родителей. Предъ вступленіемъ въ новую жизнь Дуня считала сердечною необходимостью, по старому обычаю, помолиться надъ ними. Чубаловъ встрѣтилъ пріѣхавшихъ въ смолокуровскомъ домѣ и устроилъ такіе же почти обѣды и ужины, какіе бывали при жизни Марка Данилыча. Поклонившись родителямъ, Дуня спѣшно стала собираться обратно и звала Герасима Силыча къ себѣ на свадьбу. Чубаловъ, оставивъ Иванушку домовничать, поѣхалъ вмѣстѣ съ ней.

Только-что вошла Дуня въ отцовскій домъ, письма ей подали. Они только-что получены были Герасимомъ Силычемъ, и онъ, съ часу на часъ ожидая хозяйку, удержалъ ихъ у себя. Оба письма были изъ Луповицъ: одно отъ отца Прохора, другое отъ Вареньки.

Радостно отецъ Прохоръ приносилъ Дунѣ поздравленія со

вступленіемъ въ супружескую жизнь и благодарилъ ее за новую, совсѣмъ нежданную присылку, съ просьбой помолиться объ ней и объ ея женихѣ въ тотъ день, когда предположили они вѣнчаться. «А особенно утѣшили вы меня тѣмъ,—писалъ отецъ:—Прохоръ, что свадьбу желаете справить въ единовѣрческой церкви и потомъ остаться въ оной навсегда, а зловредный расколъ всесовершенно откинуть и, оградясь истинною вѣрой, до смертнаго часа пребывать отчужденною отъ душепагубнаго раскола. Хотя и немало соболѣзную я тому, что не вошли вы прямо во спасительную ограду святой церкви, но и тому несказанно радъ, что вошли, такъ сказать, въ церковное средостѣніе. Несказанно ото всей души моей радуюсь, что вы находитесь теперь подъ церковною сѣнію; подай вамъ, Боже, скорѣй и совершенно душевнаго исцѣленія отъ пагубныя язвы раскола. Молюсь и непрестанно, дондеже есмь, буду творити о васъ и о будущемъ вашемъ супругѣ молитвы и моленія о вашемъ благочестномъ житіи, мирѣ въ вашемъ семействѣ и о божественной благодати, которую да ниспошлетъ Владыка міра на домъ вашъ. Молю же васъ и слезно прошу подвизаться въ дѣлахъ христіанскаго милосердія и украшать душу свою посильною милостынею и иными плодами любви евангельской; паче же всего хранить чистоту душевную и тѣлесную. При семъ не умолчу и о здѣшнихъ происшествіяхъ, въ послѣднее время бывшихъ. Николай Александрычъ взятъ и невѣдомо куда отвезенъ, такъ что въ Луповицахъ теперь остались только Андрей Александрычъ съ супругой и съ дочкой, къ имѣнью же приставлена опека, и опекунъ ни на самое короткое время изъ Луповицъ не выѣзжаетъ. О Марьѣ Ивановнѣ имѣются самыя достовѣрныя свѣдѣнія, якобы и она взята и неизвѣстно гдѣ заключена; сказываютъ, въ какомъ-то монастырѣ, гдѣ-то очень далеко; слышалъ я о томъ въ консисторіи, а тамъ сіи вѣсти идутъ отъ самого владыки, стало-быть, совершенно вѣрны. Изъ простого народа также немало забрано, даже духовнаго званія, въ томъ числѣ извѣстный вамъ заштатный дьяконъ Мемнонъ Ляпидаріевъ. Вообще идетъ переборка пребольшая не токмо въ нашей епархіи, но и въ сосѣднихъ открываютъ множество фармазоновъ, по преимуществу изъ благородныхъ. Премного радуюсь, что отъ васъ не было никакихъ писемъ или посылокъ ни къ господамъ Луповицкимъ, ни къ Марьѣ Ивановнѣ и ни къ кому изъ открывшихся нынѣ фармазоновъ. А то теперь такое время, что за малѣйшее съ ними сношеніе всякаго привлекаютъ къ суду и законной отвѣтственности. Взяты, разсказываютъ, даже два архимандрита, единственно по подозрѣнію въ сношеніяхъ

съ фармазонами, не говоря ужъ о свѣтскихъ людяхъ. Затѣмъ, прекратя сіе писаніе, вновь приношу наичувствительнѣйшую и глубочайшую нашу благодарность отъ всего нашего семейства за ваше неоставленіе въ бѣдной нашей долѣ, паче же всего отъ всей души моей и отъ всего сердца молю и просить не престану прещедраго и неистощимаго въ своихъ милостяхъ Господа Бога, да изліетъ на супружескую жизнь вашу всякія блага и милости къ вамъ. Да пошлетъ Онъ, Всесвятый, свое благословеніе на новую жизнь, въ кою намѣреваетесь вступить, да пошлетъ вамъ съ супругомъ отъ горняго престола Своего премногія Свои милости».

Напротивъ того, безотрадно и отчаянно было письмо Вареньки. «Господь тебѣ судья, что ты не захотѣла раздѣлить съ нами плачевной участи, насъ постигшей, — писала она. — Впрочемъ, кто-жъ не старается избѣжать земного горя, кто не стремится къ избѣжанію житейскихъ печалей? Много ли найдется на свѣтѣ такихъ, кто бы были безпечальными и радостно пошли бы на земныя мученія? Поистинѣ только одни избранные и носящіе на себѣ горнее помазаніе, свыше даруемое. А у насъ несчастія великія: дядю Николая Александрыча и тетеньку Марью Ивановну взяли жандармы и невѣдомо куда увезли, полагаютъ, что въ Петербургъ; думаютъ и то, что оба они заключены въ неизвѣстно какихъ монастыряхъ. Много взято и другихъ разнаго званія людей, бывавшихъ у насъ на собраніяхъ въ Луповицахъ. А тетеньку забрали въ ея новомъ имѣньи въ Фатьянкѣ. Это въ вашей губерніи, невдалекѣ отъ того города, гдѣ ты живешь. Неужели ты и этого не знала, а зная, не помогла отъ великаго твоего богатства нужною суммой для освобожденія столь много любящей тебя тетеньки? Говорятъ, что это сдѣлать было очень легко, да и денегъ требовалось бы не Богъ знаетъ сколько, такъ что при теперешнихъ твоихъ достаткахъ освободить тетеньку было бы дѣломъ пустячнымъ. Сама я этихъ дѣлъ не понимаю, но наши всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что ежели бы ты захотѣла ее выручить, то было бы легко и для тебя безобидно. Очень на тебя сѣтуютъ и нехорошо отзываются, но я много короче ихъ знаю тебя и доброе твое. къ каждому человѣку сострадательное сердце, чтобы вѣрить такимъ навѣтамъ. Скорѣй такъ полагаю, что ты вовсе ничего не знала о нашемъ несчастьѣ, не знала и о положеніи нашихъ дѣлъ. Развѣ что не знала, какъ и къ кому обратиться? Такъ у тебя, конечно, есть довѣренные люди, которымъ безъ страха и опасенія можно было поручить это дѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ ты совершенно неожиданно скрылась изъ Луповицъ, кромѣ того,

что батюшка твой скончался и ты стала владѣть милліонами, мы о тебѣ никакой вѣсточки не имѣемъ. Обѣщала тетенька по пріѣздѣ въ Фатьянку разузнать о тебѣ и увѣдомить насъ, но отъ нея писемъ не получали, потому что меньше чѣмъ черезъ недѣлю ее взяли, а также иныхъ изъ фатьянскихъ, которыхъ она вывезла изъ симбирскаго имѣнья. Потому я и думаю, что, когда тетеньку взяли, ты о такихъ нашихъ несчастіяхъ и не знала, а въ противномъ случаѣ непремѣнно бы помогла отъ своихъ великихъ достатковъ. Иначе и думать нельзя, особенно мнѣ, когда знаю твою доброту и то, сколь много любила ты тетеньку: вѣдь она тебѣ вмѣсто матери была и первая озарила тебя навечернимъ свѣтомъ истины. Подай намъ о себѣ вѣсточку, добрая, милая моя Дуня, какъ ты поживаешь въ новомъ своемъ положеніи, а главное, останешься ли вѣрна тому, куда была приведена безграничною къ тебѣ любовью тетеньки Марьи Ивановны. Пожалѣй ее несчастную, пролей слезу отъ сердечнаго участія къ печальной ея судьбѣ. А мы и сами находимся въ ежедневномъ страхѣ, ожидая дней скорби и печалей. Дѣло, какъ надобно полагать, еще не кончено, берутъ то того, то другого изъ бывавшихъ у насъ, и другихъ совершенно неизвѣстныхъ намъ людей, мужчинъ и женщинъ, и притомъ изъ такихъ городовъ и селеній, которыхъ никто изъ нашихъ никогда и не знавалъ. Вѣрно, дѣло идетъ большое, до всѣхъ добираются, говорятъ, что даже самые архимандриты призваны къ отвѣту и лишены своихъ мѣстъ, не упоминаю ужъ о попахъ, монахахъ и прочаго званія духовныхъ людяхъ. Есть слухъ о нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ въ дальнихъ отъ насъ мѣстахъ, что одни взяты, а другіе отданы подъ надзоръ полиціи. Мы всѣ, а также иные изъ нашихъ дворовыхъ и крестьянъ, тоже находимся подъ полицейскимъ надзоромъ, недѣли не проходитъ, чтобы кто-нибудь не наѣзжалъ въ Луповицы, исправникъ либо становой приставъ. Впрочемъ, ихъ надзоръ легкій, весь состоитъ изъ угощенія, и батюшка чѣмъ можетъ не оставляетъ ихъ. А приставленный отъ полиціи солдатъ живетъ въ Луповицахъ безвыходно, но отъ него никакого безпокойства не видимъ. Вотъ каковы печальныя наши обстоятельства, милая Дунюшка, пожалѣй насъ въ несчастьѣ. Вспомни нашу дружбу, нашу съ тобой дружбу и любовь, и не забывай Луповицъ и всего, что̀ тамъ узнала и чему научилась».

Прочтя письмо Вареньки, Дуня бросила его въ топившуюся печку, а письмо отца Прохора положила въ шкатулку, гдѣ лежали разныя бумаги ея и документы. Это письмо прочитала она потомъ жениху.

— Вотъ какъ! — выслушавъ письмо отъ Прохора, молвилъ Петръ Степанычъ. — Съ никоніанскими попами въ перепискѣ.

— Что-жъ? — сказала Дуня. — Этотъ самый священникъ сказывалъ мнѣ, что разница между нами и великороссійскими въ одномъ только наружномъ обрядѣ, а вѣра и у насъ и у нихъ одна и та же, и между ними ни въ чемъ нѣтъ разности. А вотъ Герасимъ Силычъ всѣ вѣры произошелъ, и онъ однажды говорилъ мнѣ, что сколько вѣръ онъ ни знаетъ, а правота въ одной только держится.

— Въ какой же? — съ любопытствомъ спросилъ Самоквасовъ.

— Въ великороссійской, — отвѣтила Дуня.

— Въ великороссійской, — сказалъ Петръ Степанычъ и крѣпко задумался.

— Я самъ тѣхъ же мыслей, — тихонько молвилъ онъ невѣстѣ.

— А давно ли? — спросила Дуня.

Но разговоръ тѣмъ и кончился.

Глава седьмая.

Свадьбу сыграли на славу, ни Дуня ни Петръ Степанычъ денегъ на то не жалѣли. Но свадебный пиръ прошелъ скромно и безшумно, такъ какъ Петръ Степанычъ не успѣлъ еще обзавестись знакомыми на новомъ мѣстѣ житья-бытья. На свадебномъ пиру были только совсѣмъ осиротѣвшій Патапъ Максимычъ, Аграфена Петровна съ мужемъ, оба Колышкины, Чубаловъ, Никифоръ Захарычъ, Семенъ Петровичъ, только и всего. Какъ ни звали Дарью Сергѣвну, сколько ее ни уговаривали, не поѣхала изъ Осиповки, говоря, что совсѣмъ ужъ разлучилась со свѣтомъ и стала чуждою всѣхъ его радостей. Только икону на благословенье прислала молодымъ.

Всю масленицу и великій постъ молодые никуда не выѣзжали, бывали только у Колышкиныхъ, и они у нихъ. Петръ Степанычъ купилъ пару кровныхъ рысаковъ — кони загляденье. На нихъ почти каждый день катались Самоквасовы. Такъ какъ Петръ Степанычъ еще не пріискалъ, какимъ торговымъ дѣломъ заняться, то и отпустилъ въ Москву своего пріятеля Семена Петровича, наказавъ ему, чтобы по веснѣ онъ, оставивъ дѣла у Ермолая Васильича, пріѣзжалъ къ нему. А самъ придумалъ заняться отцовскимъ промысломъ, хлѣбною торговлей: мѣсто же, благо, было подходящее и выгодное, недаромъ всѣ почти тамошніе торговцы вели хлѣбную торговлю, а онъ со своимъ да съ женинымъ капиталами такой могъ

[illegible], завести тамъ, какого еще и не видывали. По самой [illegible]ѣ Петръ Степанычъ вздумалъ ѣхать въ низовыя мѣста, [illegible]ь снять изъ оброка казенныя земли и устроить на нихъ хутора и всякое иное хозяйство. Дуня не хотѣла разстаться со своимъ молодымъ, она также собиралась весной ѣхать съ мужемъ въ понизовыя мѣста. Патапъ Максимычъ съ Никифоромъ Захарычемъ туда же сбирались: тамъ у него было тоже хуторное заведеніе. Уговорились сплыть всѣ вмѣстѣ на одномъ пароходѣ, ждали только Ѳоминой недѣли. Какъ ни уговаривалъ и Груню съѣздить вмѣстѣ Патапъ Максимычъ, съ нимъ не поѣхала: и то ея дѣти по случаю свадьбы Самоквасовыхъ долго оставались подъ призоромъ нянекъ, хоть и были все время въ томъ же городѣ, гдѣ жила ихъ мать, но за свадебными хлопотами она почти не видала ихъ.

Настала Святая недѣля, и въ послѣдніе ея дни Патапъ Максимычъ получилъ письмо отъ Махмета Субханкулова. Тутъ вышла остановка въ поѣздкѣ на Низъ. Дуня и сама не рѣшалась ѣхать такъ далеко и мужа не отпускала безъ себя на пароходъ, — хотѣлось ей прежде повидаться съ незнакомымъ еще ей дядей.

Въ надеждѣ на полученіе двухъ тысячъ цѣлковыхъ, оренбургскій бай сдержалъ слово, данное имъ покойному Марку Данилычу, а потомъ Патапу Максимычу, сдержалъ его даже раньше договореннаго срока. Нѣсколькими недѣлями прежде удалось ему русскаго полоняника высвободить изъ хивинскаго плѣна. Выкупилъ ли Махметъ Субханкуловъ его за деньги, или подпоилъ хана вишневою наливкой, на славу приготовляемою Дарьей Сергѣвной, про то они только оба знали; извѣстно было лишь то, что Мокей Данилычъ со Страстной недѣли жилъ въ Оренбургѣ въ домѣ Субханкулова, выжидавшаго обѣщанныхъ ему денегъ. Мокей Данилычъ, совсѣмъ-было перезабывшій родной языкъ, написалъ Патапу Максимычу письмо какими-то каракульками, наполовину русскими, наполовину татарскими. О томъ, что есть у него племянница, покойника Марка Данилыча дочь, онъ хорошенько не зналъ, одно лишь смутное понятіе имѣлъ объ ней отъ оренбургскаго бая. Письмо дошло до Чапурина, но нескоро дошло оно до Дуни; а она, какъ только узнала, тотчасъ выслала Субханкулову обѣщанныя деньги, а Мокею Данилычу на проѣздъ изъ Оренбурга, и онъ вскорѣ воротился въ родную свою губернію. Немало времени разъѣзжалъ онъ, былъ въ городѣ, гдѣ жилъ покойный братъ его и теперь встрѣтилъ его Герасимъ Силычъ Чубаловъ. Наконецъ явился къ замужней уже племянницѣ.

Въ оборванномъ и насквозь просаленномъ архалукѣ пришелъ онъ къ Дунѣ. Глядя на ея богатый домъ, не осмѣлился онъ вдругъ подступиться къ нему. Только дворникъ сказалъ ему, что дѣйствительно тутъ живетъ Авдотья Марковна Самоквасова, и что она предъ масленицей вышла замужъ. Робкою рукой позвонилъ въ домъ хивинскій полонянникъ и на каждомъ шагу надивиться не могъ роскоши дома племянницы, бывшаго невпримѣръ лучше, чѣмъ самыя палаты хивинскаго хана. Когда-жъ онъ сказалъ свое имя, невѣдомая дотолѣ ему племянница и ея мужъ встрѣтили Мокея Данилыча самымъ родственнымъ привѣтомъ. Несмотря на невзрачный видъ дяди, Дуня такъ и повисла у него на шеѣ и заплакала радостными слезами, а молодой мужъ также съ любовью отнесся къ нему. Не прошло и нѣсколько времени, какъ это была ужъ одна семья, дружная, любовная. Мокею Данилычу отвели хорошую комнату, а на другой день, по хлопотамъ Петра Степаныча, готово было ему хорошее платье, и хивинскій полонянникъ надѣлъ его вмѣсто истрепаннаго своего архалука. Онъ сталъ въ новомъ нарядѣ такимъ, что въ немъ наканунѣ того дня его и узнать было нельзя.

На другой либо на третій день пріѣхалъ въ городъ Патапъ Максимычъ и познакомился съ извѣстнымъ ему заочно Мокеемъ Данилычемъ. Не на долгое время пріѣхала и Груня порадоваться радости давнишняго своего друга. Кромѣ Патапа Максимыча, пріѣхалъ Чубаловъ, и пошелъ у молодыхъ пиръ, гдѣ дорогими гостями были и Колышкины мужъ съ женой. Патапъ Максимычъ звалъ выходца на русскую землю изъ басурманскаго плѣна къ себѣ въ Осиповку и отправился вмѣстѣ съ нимъ за Волгу.

Еще до отъѣзда ихъ Дуня сказала дядѣ, что даритъ ему родительскій домъ, кромѣ того вручила ему крупную сумму денегъ «на обзаведенье», какъ сказала она. Свѣта не взвидѣлъ Мокей Данилычъ, слушая рѣчи племянницы, и въ голову никогда ему не приходило такъ нежданно вдругъ разбогатѣть. Самъ не зналъ, что̀ говорилъ онъ Дунѣ, благодаря за ея милости. Ни Патапъ Максимычъ ни Дуня словомъ не сказали, и никто изъ другихъ не сказалъ Мокею Данилычу, кого встрѣтитъ онъ въ Осиповкѣ: пріѣхалъ онъ туда и былъ крайне удивленъ пустотой въ домѣ. Послѣ смерти Аксиньи Захаровны и Прасковьи Патаповны, не было хозяйки въ домѣ. Распорядки по крестьянамъ и токарнямъ лежали на старикѣ Пантелеѣ, а домомъ покамѣстъ управляла Дарья Сергѣвна, хозяйство у нея шло, какъ по маслу. Въ тотъ же день, какъ пріѣхали въ Осиповку, Мокей Данилычъ свидѣлся съ Дарьей

Сергѣвной. Такъ оба они измѣнились въ двадцать лѣтъ, что, встрѣтившись гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, они не узнали бы другъ друга.

— Ну что̀, Мокей Данилычъ, узналъ ли теперешнюю мою хозяйку? — спросилъ у Смолокурова Патапъ Максимычъ.

Мокей Данилычъ отрицательно покачалъ головой, а Дарья Сергѣвна, услыхавъ нечуждое ей имя, вся смутилась, не знала, что̀ дѣлать и что̀ сказать.

Патапъ Максимычъ, глядя на нихъ, сказалъ:

— Неужто не можешь признать бывшей своей невѣсты?

— Нѣтъ, не могу, — сказалъ Мокей Данилычъ. — Двадцать лѣтъ, многое время, что мы не видались съ ней. Я, какъ вамъ извѣстно, былъ въ басурманскомъ плѣну. Ни письма какого изъ дому и ни вѣсточки какой-нибудь я не получивалъ. Мудрено ли въ такомъ случаѣ не узнать самыхъ близкихъ въ прежніе годы людей? Сами посудите, Патапъ Максимычъ.

— Оно, конечно, времени прошло много. Отца родного позабудешь, не то что кого другого, — сказалъ Патапъ Максимычъ.—Однакожъ мнѣ пора въ красильняхъ моихъ побывать. Оставайтесь покамѣстъ одни, люди вѣдь знакомые. А ты, Дарья Сергѣвна, закусочку покамѣстъ поставь, да водочки, да винца, какое дома случилось. А я сейчасъ и назадъ. И до возврата моего закуски не убирай.

Онъ ушелъ, и бывшіе женихъ съ невѣстой остались наединѣ.

— Ну что-жъ, Дарья Сергѣвна, какъ безъ меня поживали? — спросилъ Мокей Данилычъ.

— Какъ жила я? — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Сначала у покойницы Аленушки жила, а потомъ, какъ она покончилась, надѣла я на себя черный сарафанъ, покрылась чернымъ платкомъ въ роспускъ и жила въ уютной горенкѣ большого, только-что построеннаго дома Марка Данилыча. Повела я жизнь Христовой невѣсты и о брачномъ дѣлѣ просила никого со мной и не говорить. И никто меня не видывалъ, опричь хозяевъ да одной старушки, что̀ жила при мнѣ. Чрезъ четыре года Алена Петровна померла, и стала я Дунѣ замѣсто матери. Марко Данилычъ покойникъ тогда въ торговыя дѣла вдался, завелъ обширныя прядильни для выдѣлки канатовъ и рыболовныхъ снастей, а на Унжѣ лѣса скупалъ, сгонялъ ихъ въ свой городъ и строилъ тамъ лодки для каспійскихъ промысловъ. По всѣмъ дѣламъ то и дѣло въ отлучкахъ бывалъ, и я одна растила твою племянницу. Когда-жъ она стала подростать, отдалъ онъ ее въ Комаровскій скитъ для обученья. Не могла я разстаться съ ненаглядной моею Дунею и тоже

поселилась въ Комаровѣ. Прошло довольно времени, какъ мы жили тамъ, и наконецъ возвратилась она въ домъ родительскій. И съ тѣхъ поръ жила я при ней до самаго ея замужества. И привелъ мнѣ Богъ закрыть глаза Марку Данилычу. На моихъ рукахъ и померъ онъ. Вотъ и всѣ мои похожденья за все время.

— Ну, а теперь какъ располагаешь насчетъ своей жизни, Дарья Сергѣвна? — спросилъ у нея бывшій ея женихъ.

— Недаромъ же надѣла я черный сарафанъ и до сихъ поръ не снимаю, — отвѣчала Дарья Сергѣвна. — Покамѣсть подомовничаю у Патапа Максимыча, а по времени въ скитахъ поселюсь: тамъ у меня и знакомыхъ и благодѣтельницъ довольно. Найду себѣ мѣсто.

— А какъ же Патапъ-отъ Максимычъ одинъ останется? Вѣдь ты у него домомъ заправляешь. Какъ же онъ одинъ-отъ останется? — спросилъ Мокей Данилычъ.

— Свято мѣсто не будетъ пусто,—отвѣча́ла она.—И кромѣ меня найдется много людей. Опять же слыхала я ихъ разговоры съ Груней, будетъ что-нибудь одно: или она со всею семьей поселится здѣсь, или Патапъ Максимычъ переѣдеть на житье въ Вихорево. Здѣсь будетъ просторнѣе, чѣмъ тамъ, и вѣрнѣй, ежели ихъ Богъ сюда перенесетъ. Усадьба Патапа Максимыча обширная, найдется мѣсто, гдѣ устроить Ивану Григорьичу и шляпное и войлочное заведенія. Къ тому-жъ неподалеку отсюда немало такихъ заведеній, какими Иванъ Григорьичъ промышляетъ. Работниковъ найдется вволю. А про меня, пожалуй, и не вспомнятъ, какъ я въ черничкахъ буду въ какомъ-нибудь скитѣ.

— А какъ ты насчетъ прежняго думаешь, Дарья Сергѣвна? — спросилъ у ней Мокей Данилычъ.

— Насчетъ чего это? — въ свою очередь спросила она.

— Аль забыла, что̀ было у насъ съ тобой до моего полону?—сказалъ Мокей Данилычъ.—Такихъ дѣловъ, кажись, до смерти не забываютъ.

— Что-жъ это такое? — опустивши глаза, молвила Дарья Сергѣвна.

— Были мы съ тобой, Дарьюшка, женихъ да невѣста. Неужго и этого не вспомнишь? Теперь я по милости племянницы сталъ богатъ, и домъ, гдѣ ты двадцать лѣтъ выжила, мой домъ. Что̀ бы намъ съ тобой старину вспомнить? Чего прежде не удалось сдѣлать, то бы мы теперь разомъ порѣшили. Были мы женихъ съ невѣстой, а теперь можно бы было сдѣлаться мужемъ и женой.

— Голубчикъ ты мой Мокей Данилычъ, зачѣмъ старое

вспоминать? Что̀ было когда-то, то теперь давно былью поросло, — сказала видимо смущенная Дарья Сергѣевна. — Вотъ ты воротился изъ басурманскаго плѣна, и ни по чему не видно, что ты такъ долго въ неволѣ былъ. Одѣть какъ нельзя лучше и самъ весь молодецъ. А вотъ погляди-ка на себя въ зеркало, вѣдь сѣдина твою голову, что̀ инеемъ, кроетъ. Про себя не говорю, какъ есть старая старуха. Какая-жъ у насъ на старости лѣтъ жизнь пойдетъ? Самъ подумай хорошенько!

Ни слова на то не сказалъ Мокей Данилычъ. Смутился онъ словами бывшей своей невѣсты.

— Ты теперь въ достаткахъ, — сказала Дарья Сергѣвна: — и на будущее время Дуня тебя никогда не оставитъ своей помощью. Ежели захочешь жениться, за невѣстами дѣло не станетъ, найдется много. А мой бы совѣтъ къ Богу обратиться, ты ужъ вѣдь не молоденькій. Ты же, я думаю, живучи въ полону, пожалуй, и Христову-то вѣру маленько забылъ. Такъ и надо бы теперь вспомнить святоотеческія преданія и примирить свою совѣсть съ Царемъ Небеснымъ.

Въ это время пришелъ изъ красиленъ Патапъ Максимычъ и, взглянувъ на того и другую, догадался, что безъ него были межъ ними какіе-то важные разговоры.

— Дарья Сергѣвна, матушка! — молвилъ онъ: — что-жъ я предъ уходомъ сказалъ вамъ, чтобы вы закусочку для гостя поставили, а вотъ у васъ на столѣ и нѣтъ ничего. Пожалуйста, поскорѣй сготовьте, нашъ гость, пожалуй, теперь и поѣсть захотѣлъ.

Дарья Сергѣвна вышла, а Патапъ Максимычъ остался вдвоемъ съ Мокеемъ Данилычемъ.

— Видится мнѣ, что безъ меня у васъ какіе-то особые разговоры были, — сказалъ гостю Патапъ Максимычъ. — Какъ только вошелъ сюда, догадался.

— Были разговоры, точно, что были, — сказалъ Мокей Данилычъ.

— О чемъ же это? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Старину вспоминали, — отвѣчалъ Мокей Данилычъ.

— Какую старину? — спросилъ Чапуринъ.

— Старые годы вспоминали, Патапъ Максимычъ. Про то межъ собой говорили, какъ были мы съ ней люди другъ къ другу самые близкіе, женихъ съ невѣстой, — сказалъ Смолокуровъ.

— Ужъ не вздумалъ ли ты опять женихомъ къ ней стать? — промолвилъ, понизивъ голосъ, Патапъ Максимычъ.

— Что-жъ, я бы не прочь, — отвѣчалъ Мокей Данилычъ.

— Полно-ка ты, не смущай себя да и ее не смущай та-

кими разговорами,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Вѣдь тебѣ, другъ мой любезный, годовъ немало. Не очень много супротивъ моихъ лѣтъ. Только что я жилъ въ своей семьѣ, а тебѣ пришлось въ полону жить. А что ни говори, жизнь плѣнника невпримѣръ тяжелѣе нашей жизни. Воли, другъ любезный, нѣтъ. А безъ воли всякій человѣкъ прежде времени старится. Нѣтъ вамъ моего совѣта попрежнему идти. Не смущай ты ея души, она съ Богомъ хочетъ пребывать и концомъ своихъ желаній поставляетъ житье въ какомъ ни на есть скитѣ: керженскомъ или чернораменскомъ. Будучи черницей, думаетъ она и вѣкъ свой скончать. Потому ты ее и не смущай своими запоздалыми разговорами. Отдай ее Господу Богу на руки и самъ подумай о своей душѣ. Пора, любезный другъ, пора, наше время изжито.

— То же самое и она сейчасъ мнѣ говорила,—сказалъ Мокей Данилычъ.—А какъ я одинъ-то жизнь свою свѣкую? Кто-жъ мнѣ на смертномъ одрѣ глаза закроетъ? Кто-жъ будетъ ходить за мной во время моихъ болѣзней? Спору нѣтъ, что будетъ въ моемъ домѣ жить Герасимъ Силычъ съ племянникомъ, да вѣдь это все не женская рука. Да и хозяйка въ домѣ нужна будетъ.

— За хозяйкой и за женскимъ уходомъ дѣло у тебя не станетъ,—молвилъ Патапъ Максимычъ.—При твоихъ теперь достаткахъ невѣстъ не оберешься, хоть тебѣ и немало лѣтъ. Только этого я тебѣ не совѣтую. Извѣстно, что такое молодая жена у стараго мужа. Не довольство въ жизни будетъ тебѣ, а одна только маята.

Замолчалъ Мокей Данилычъ, низко поникнулъ головой, а послѣ того и не поднималъ ея.

Дня черезъ три Патапъ Максимычъ съ Никифоромъ Захарычемъ поѣхали въ городъ, чтобы сѣсть тамъ на пароходъ. Съ ними и Мокей Данилычъ отправился. Пробывъ нѣсколько дней у Дуни, онъ вмѣстѣ съ Чубаловымъ отправился въ новое свое жилище на старомъ родительскомъ пепелищѣ. Тамъ похлопоталъ Чубаловъ, и Мокей Данилычъ скоро былъ введенъ во владѣніе домомъ и пристанями, и какъ отвыкъ отъ русской жизни и отъ всѣхъ дѣлъ, то при помощи того же Чубалова завелъ на свой капиталъ хлѣбный торгъ.

Все, что было говорено про Марью Гавриловну, оказалось вѣрнымъ. Завладѣвъ ея капиталомъ, Алексѣй тотчасъ же покинулъ жену для Тани. Но и то было ненадолго: одна за другой являлись новыя красотки, и съ ними проводилъ время Алексѣй, забывалъ жену и все, что получилъ отъ нея. Чтобы

быть подальше отъ отца и вообще отъ керженскаго Заволожья, онъ завелъ въ Самарѣ на свое имя такіе заводы и зажилъ на новомъ мѣстѣ такъ, что знавшіе его прежде не могли надивиться. Кромѣ того, что сталъ онъ въ короткія отношенія съ мѣстными властями, прикармливая ихъ роскошными обѣдами, и въ средѣ купечества онъ занялъ почетное мѣсто. Меньше чѣмъ черезъ годъ назначены были городскіе выборы, и гласный думы, первой гильдіи купецъ Алексѣй Трифонычъ Лохматовъ былъ намѣченъ будущимъ городскимъ головой или, по меньшей мѣрѣ, заступающимъ его мѣсто на собраніяхъ. Переселившись въ Самару, онъ взялъ съ собой и жену, но Марья Гавриловна и здѣсь терпѣла прежнюю участь. Не имѣя ни копейки на свои надобности, она должна была во всемъ покоряться любовницамъ Алексѣя, хозяйничавшимъ у него въ домѣ и ни малѣйшаго вниманія не оказывавшимъ настоящей хозяйкѣ. Алексѣй никогда даже не говорилъ съ ней. Когда онъ покинулъ Таню, она бросилась къ ногамъ Марьи Гавриловны, прося у нея прощенья и по обычаю сваливая всю вину на смутившаго ее бѣса. Добрая Марья Гавриловна простила взрощенную ею дѣвушку и съ тѣхъ поръ попрежнему стала съ ней неразлучна, какъ было до ея несчастнаго замужества. Алексѣй, казалось, и вниманія не обращалъ на то; онъ и съ Таней никогда не говорилъ больше ни слова.

Какое-то дѣло заставило его плыть на Низъ. Онъ сѣлъ на одинъ изъ самыхъ ходкихъ пароходовъ, ходившихъ тогда по Волгѣ; на томъ же пароходѣ ѣхали и Патапъ Максимычъ съ Никифоромъ Захарычемъ. Патапъ Максимычъ помѣстился въ каютѣ, Никифору Захарычу показалось тамъ душно, и онъ отправился въ третій классъ на палубу. Чапуринъ изъ своей каюты черезъ нѣсколько времени вышелъ въ общую залу. Осмотрѣлся, видитъ четырехъ человѣкъ, изъ нихъ трое были ему совсѣмъ неизвѣстны, вглядѣлся въ четвертаго и узналъ Алексѣя.

Ни къ кому не обращаясь, Патапъ Максимычъ снялъ съ головы картузъ и положилъ его на столъ.

Алексѣй сразу узналъ бывшаго хозяина. Слегка приподнявшись съ дивана, онъ съ наглостью во взорѣ и съ большимъ самомнѣніемъ проговорилъ:

— Наше вамъ наиглубочайшее, господинъ Чапуринъ.

Ни слова не отвѣтилъ на то Патапъ Максимычъ и сѣлъ на диванъ противъ Лохматова.

— Какъ вы въ своемъ здоровьѣ теперь? — съ тѣмъ же нахальнымъ взглядомъ, смѣривая глазами Патапа Максимыча, спросилъ у него Алексѣй.

Не отвѣтилъ ему Патапъ Максимычъ и, уже нѣсколько времени подождавши, спросилъ у него:

— А что̀ Марья Гавриловна? Она какъ?

— Ничего, — сказалъ Алексѣй. — Здорова, кажется. Въ Самарѣ осталась, а я вотъ подальше на Низъ сплываю.

— Слухомъ земля полнится, Алексѣй Трифонычъ, а говорятъ, будто она во многомъ нуждается, — злобно молвилъ, взглянувъ на бывшаго своего приказчика, Патапъ Максимычъ.

— Мало-ль что̀ по народу болтаютъ, всего не переслушаешь, — сказалъ на то Алексѣй, поднимая кверху брови. — Живетъ она себѣ, какъ хозяйка дома. И хорошая хозяйка, добрая, въ этомъ надо ей честь отдать. Только все дома сидитъ да Богу молится, ни съ кѣмъ изъ нашихъ самарскихъ почти никогда и не видается. Вотъ они наши самарскіе, — прибавилъ онъ, указывая глазами на сидѣвшихъ въ общей залѣ: — никто ее, можно сказать, не видывалъ, хоть и веду я въ городѣ жизнь открытую. Не только на нихъ, но даже и на всѣхъ сослаться могу, что никто ее, богомольницу, въ глаза не видывалъ.

— Это такъ точно-съ, — подхватилъ одинъ изъ самарцевъ. — Марья Гавриловна у насъ въ городѣ какъ есть невидимка.

Промолчалъ Патапъ Максимычъ и мало повременя взялъ картузъ со стола и вышелъ изъ общей залы. Ни Алексѣй ни его самарцы не знали, что онъ помѣстился въ каютѣ какъ разъ рядомъ съ ними.

— Что̀ за господинъ такой? — спросилъ у Алексѣя одинъ изъ его самарскихъ знакомыхъ, только-что ушелъ отъ нихъ Патапъ Максимычъ

— Изъ нашихъ заволжскихъ. Съ Керженца, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Давно знаете его? — спросилъ самарецъ.

— Давненько-таки, — отвѣчалъ Алексѣй. — Когда я еще находился въ бѣдности, а въ родительскомъ дому отцовскіе достатки поразстроились отъ поджога красильни, а потомъ клѣть у насъ подломали, а послѣ того по скорости воры и лошадей свели, я въ ту пору слылъ первымъ, самымъ лучшимъ токаремъ въ нашей сторонѣ; меня родитель и послалъ на сторону, чтобы кое-что заработать для поправки семейныхъ нашихъ дѣлъ. И пошелъ я не по волѣ родителей, а по своей охотѣ въ деревню Осиповку, что̀ была отъ насъ невдалекѣ, къ Патапу Максимычу Чапурину, а у него въ ту пору токарни были всѣмъ на удивленье. Слыхалъ про меня и прежде Чапуринъ, и очень ему хотѣлось имѣть у себя такого работ-

ника, какъ я, и потому съ радостью принялъ меня въ домъ. И жилъ я у него не какъ простой рабочій, а въ его домѣ внизу въ подклѣтѣ, въ особенной боковушѣ, а ѣлъ и пилъ съ хозяйскаго стола. И за мое мастерство и за мой добрый обычай какъ сына возлюбилъ меня Чапуринъ, и немного мѣсяцевъ прошло послѣ того, какъ я у него водворился, онъ черезъ мои руки доставилъ отцу моему столько денегъ, что тотъ на нихъ могъ устроиться попрежнему.

— Добрый онъ, значитъ, человѣкъ, этотъ Чапуринъ,—сказалъ одинъ изъ самарцевъ.—Что-жъ, долго вы у него въ токаряхъ служили?

— Очень даже недолго,—отвѣчалъ Алексѣй:—тутъ онъ со своими пріятелями по какимъ-то случаямъ вздумалъ за рѣкой за Ветлугой на пустомъ мѣстѣ золото искать и по довѣрію ко мнѣ меня послалъ туда. Тутъ-то дорогой и спознался я съ теперешней женой моей Марьей Гавриловной.

— Ну что же, долго у него еще оставались?—спросилъ самарецъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Алексѣй.—Всего моего житья у него и полугода не было. Когда воротился я въ Осиповку, хоронили старшую дочку хозяина. Послѣ похоронъ немного дней прошло, какъ онъ меня разсчиталъ. И такъ разсчиталъ, что проживи я у него и два года и больше того, такъ по уговору и получать бы не пришлось. На этомъ я ему всегда, на всю мою жизнь, сколько ея ни осталось, буду благодаренъ.

Лежа въ сосѣдней каютѣ, Патапъ Максимычъ отъ слова до слова слышалъ слова Алексѣя. «Вотъ,—думаетъ онъ:—хотя послѣ и дряннымъ человѣкомъ вышелъ, а все-таки стараго добра не забылъ. А, небось, словомъ даже не помянулъ, какъ я къ его Марьѣ Гавриловнѣ приходилъ самую малую отсрочку просить по данному векселю. А добро помнитъ. Хоть и совсѣмъ человѣкъ испортился, а все-таки помнитъ».

И, довольный самъ собой и даже Алексѣемъ, Патапъ Максимычъ протянулся-было спокойно на диванѣ въ каютѣ, какъ вдругъ услыхалъ иныя рѣчи изъ общей залы.

— Что-жъ за причина была такая, Алексѣй Трифонычъ?—спросилъ у него одинъ изъ самарцевъ.—Чего-жъ это онъ вдругъ послѣ дочернихъ похоронъ спровадилъ васъ отъ себя изъ дома? Была же на то какая-нибудь причина.

— Была причина, точно что была,—сказалъ Алексѣй, плутовски улыбаясь и почесывая затылокъ.

— Какая же?—спросилъ самарецъ.

— Дочка у него была старшая, Настей звали. Ужъ сколько

времени прошло, какъ она въ могилѣ лежитъ, а все-таки и до сихъ поръ вспомнить о ней пріятно.

Насторожилъ уши бывшій по сосѣдству Патапъ Максимычъ. И сдается ему, что этотъ разговоръ добромъ не кончится.

— Бѣленькая такая, — продолжалъ Алексѣй говоря съ самарцами: — нѣжная, изъ себя такая красавица, какихъ на свѣтѣ мало бываетъ. А я былъ парень молодой и во всемъ удатный. И гостила тогда у Чапурина послушница Комаровской обители Фленушка, бой-дѣвка, молодецъ на всѣ руки, теперь ужъ, говорятъ, постриглась и сама въ игуменьи поступила. Она въ первый разъ и свела насъ.

«О-о! — подумалъ Патапъ Максимычъ.—Такъ вонъ оно откуда все пошло. Значитъ, это все Фленушка устроила. На такія дѣла только ее и взять. Эхъ, вѣдалъ бы да зналъ я тогда объ этомъ, такихъ бы надавалъ ей тузовъ, что, пожалуй, и въ игуменьи теперь не попала бы».

А у самого сердце такъ и кипитъ, всталъ онъ и ходитъ, какъ звѣрь въ узенькой клѣткѣ. Лицо горитъ, глаза полымемъ пышутъ, порывается онъ пройти въ общую залу и тамъ положить конецъ разговорамъ Лохматаго, но самъ ни съ мѣста. Большого скандала боится.

— Ну вотъ и свела она насъ, — продолжалъ Алексѣй. — Тѣмъ временемъ пріѣзжали къ Чапурину гости изъ Самары, Снѣжковы отецъ съ сыномъ, сродни они никакъ тебѣ доводятся. И было у нихъ намѣренье Настю сватать; только она, зная за собой тайный грѣхъ, не захотѣла того и отцу сказала напрямки, что уйдетъ въ кельи жить, а не удастся, такъ себя опозоритъ и родительскій домъ: начнетъ гулять со всякимъ встрѣчнымъ. Раскипятился отецъ, а моя Настенька и вниманья на то не обращаетъ. Стихъ Чапуринъ, а она продолжала наши дѣла. Меня на ту пору на Ветлугу послали. Въ эту мою отлучку Настенька догадалась, что она непраздна, что другой кто-то сидитъ въ ней. Во всемъ открылась матери и только-что все разсказала, упала и съ той поры заболѣла; болѣзнь недолго продолжалась. Полежала сколько-то времени и покончила свою жизнь, а меня на ту пору у Чапурина не было, все по этому по ихнему золотому дѣлу разъѣзжалъ. Послѣ объ этомъ Фленушка мнѣ разсказывала. Воротился я къ Чапурину и, подъѣзжая къ деревнѣ, гдѣ онъ живетъ, похороны увидалъ. Это моя Настя безъ меня скончалась. А какая была покойница, теперь и сказать нельзя: страстная, горячо увлекалась всѣмъ, сама такая тихая, ровная и передо мной никогда, бывало, противнаго слова не молвитъ. Все съ

покорствомъ, все съ подчиненіемъ моей волѣ. Однакожъ душно что-то здѣсь, каково-то ночью будетъ, впрочемъ, у меня особая каюта: пойти бы на палубу освѣжиться немного.

Слышитъ Патапъ Максимычъ, что Алексѣй вышелъ изъ общей залы и идетъ мимо каютъ. Не стерпѣло у него сердце. Однимъ размахомъ растворилъ онъ свою дверку, но Алексѣй уже поднимался вверхъ. Чапуринъ за нимъ вдогонку.

— А кто обѣщалъ про это дѣло никому не поминать? Кто слово давалъ и себя заклиналъ? А? — прошипѣлъ, подойдя къ Алексѣю, Патапъ Максимычъ. — Забылъ?

Повѣсивъ голову, не говоря ни слова, Лохматовъ старался уйти отъ разъяреннаго Чапурина, но не удалось ему: куда онъ ни пойдетъ, тотъ за нимъ слѣдомъ.

И вспомнились ему тутъ слова внутренняго голоса, что нерѣдко смущали его, когда онъ жилъ у Патапа Максимыча въ приказчикахъ: «отъ сего человѣка погибель твоя».

Ни шагу не отступалъ отъ него Патапъ Максимычъ. Куда Алексѣй ни пойдетъ, онъ за нимъ съ попреками, съ бранью.

Подходили они къ пароходному трапу, и ни одного человѣка кругомъ ихъ не было. Патапъ Максимычъ поднялъ увѣсистый кулакъ, сокрушить бы супротивника, а изъ головы Алексѣя не выходили и прежде смущавшія его слова внутренняго голоса: «отъ сего человѣка погибель твоя».

Пятится Алексѣй отъ Чапурина, пятится. И дошелъ такимъ образомъ до самаго трапа. А на станціи въ Батракахъ, по оплошности пароходныхъ прислужниковъ, забыли укрѣпить трапъ, черезъ который дѣвки да молодки дровъ натаскали.

Дошли до этого трапа, Алексѣй задомъ, Патапъ Максимычъ напирая на него. Что-то такое говорилъ Алексѣй, но взволнованный Патапъ Максимычъ не понималъ его словъ, должно-быть, какихъ-нибудь оправдательныхъ. Оперся Алексѣй Лохматовъ о трапъ, Патапъ Максимычъ былъ возлѣ него. Трапъ растворился, и оба упали въ воду.

— Упали! упали! — раздались голоса по палубѣ, но никто ни съ мѣста. Не зная, кто упалъ, Никифоръ Захарычъ, мигомъ сбросивъ съ себя верхнюю одежду, бросился въ Волгу. Недаромъ его смолоду окунемъ звали за то, что ему быть на водѣ все одно, что̀ по землѣ ходить, и за то, что много людей онъ спасъ своимъ умѣньемъ плавать.

Бросился онъ въ рѣку, поплылъ, первымъ увидѣлъ Алексѣя, тотъ даже схватилъ его, но Никифоръ Захарычъ оттолкнулся отъ него, увидѣвъ невдалекѣ Патапа Максимыча, поплылъ къ

нему, схвативъ его, ошеломилъ, по исконному своему обычаю, и поплылъ къ кормѣ парохода.

Тамъ съ радостью приняли и утопленника и его спасителя. Собрались всѣ бывшіе на пароходѣ, забывъ на минуту другого утопавшаго, усиленно и неумѣло боровшагося съ волжскими волнами.

Кто-то крикнулъ наконецъ:

— Лодку! Живѣй! Человѣкъ тонетъ! — А сказалъ это послѣ того, какъ напрасно всѣмъ міромъ просили Никифора Захарыча спасти и другого утопленника. Всѣ видѣли, что это на водѣ не человѣкъ, а настоящій окунь. Но Никифоръ Захарычъ упорно отказывался отъ просьбы.

— Не могу, и съ этимъ усталъ, — говорилъ онъ. — Чего добраго, самъ ко дну пойду.

— Лодку! лодку! — кричали между тѣмъ бывшіе на палубѣ. — Скорѣй какъ можно лодку! Живѣй! Живѣй! Человѣкъ тонетъ! И какъ это трапъ-отъ не приперли! Еще, пожалуй, отвѣчать придется, ежели потонетъ. А все это наши ребята: заболтались въ Батракахъ съ дѣвками да и забыли запереть трапъ какъ слѣдуетъ. Охъ, эта молодежь, прости Господи! — Такіе голоса раздавались въ то время по палубѣ, а Алексѣй Лохматовъ больше и больше погружался въ воду.

Лодку наконецъ снарядили и подали. Быстро она понеслась къ утопавшему, но еще нѣсколько аршинъ не доплыла до него, какъ тотъ, съ мыслью: «отъ сего человѣка погибель твоя», опустился на дно.

Такъ погибъ Алексѣй Лохматовъ, нареченный самарскій городской голова.

Марья Гавриловна пріѣзжала на похороны и въ тотъ же день, какъ зарыли ея мужа, уѣхала въ Самару, а оттуда по скорости въ Казань, къ своимъ роднымъ. Лохматовъ не оставилъ никакого духовнаго завѣщанья; Марьѣ Гавриловнѣ по закону изъ ея же добра приходилось получить только одну четвертую долю, остальное поступало въ семью Трифона Лохматаго. Но Трифонъ, зная, какими путями досталось богатство его сыну, отступился отъ нежданнаго наслѣдства, и такимъ образомъ Марьѣ Гавриловнѣ возвратился весь ея капиталъ.

Петербургскій чиновникъ, котораго такъ долго и напрасно ждали на Керженцѣ, пріѣхалъ туда только лѣтомъ. Долго задержали его въ Петербургѣ. Только-что пріѣхалъ онъ, тотчасъ же отправился въ Оленевскій скитъ. Оттуда какія-то шатуньи, которыхъ въ скиту никто и не зналъ, пошли на Донъ за сборомъ подаяній. Ихъ взяла полиція и отправила

сначала въ Петербургъ, а оттуда онѣ были препровождены въ губернію, гдѣ ложно сказались жительницами Тамъ ихъ никто не зналъ, и онѣ до разъясненія дѣла посажены были въ тюремный замокъ. Разспросивъ ихъ и не добившись никакого путнаго отвѣта, петербургскій чиновникъ поѣхалъ въ Оленевскій скитъ. Тотъ скитъ нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ весь выгорѣлъ до тла; а между тѣмъ дошли до Петербурга свѣдѣнія, что тамъ есть много обителей, а изъ нихъ самою главною и многолюдною считается обитель Анѳисина, построенная будто бы лѣтъ двѣсти тому назадъ инокиней Анѳисой, родственницей, какъ говорило преданіе, святого Филиппа митрополита. Чтобы застать службу во всѣхъ часовняхъ и моленныхъ, чиновникъ выбралъ для ихъ осмотра вечеръ Успеньева дня. Осмотрѣвъ и запечатавъ всѣ до одной моленныя, чтобы скитницы чего-нибудь не спрятали, петербургскій чиновникъ остановился въ Анѳисиной обители, осмотрѣлъ ее и составилъ подробную опись иконамъ и всему другому, тамъ бывшему. Игуменья обители Маргарита, извѣстная больше подъ именемъ Кузьмовны, съ особеннымъ радушіемъ встрѣтила пріѣзжаго и разговорилась съ нимъ обо всѣхъ дѣлахъ обительскихъ. Ея племянница Анна Сергѣвна прислуживала гостю, разливала чай и потомъ сама подавала, чѣмъ Богъ послалъ, поужинать. Петербургскій чиновникъ ночевалъ въ обители Анѳисиной и потомъ въ ней не разъ бывалъ. Изъ двадцати слишкомъ часовенъ и моленныхъ только три уцѣлѣло послѣ бывшаго пожара, прочія, какъ вновь построенныя, остались запечатанными и черезъ нѣсколько времени земскою полиціей были сломаны.

Изъ Оленева петербургскій чиновникъ, сопровождаемый мѣстнымъ исправникомъ, отправился въ незадолго предъ тѣмъ обращенный къ единовѣрію Кѣрженскій скитъ, ужъ обставленный церквями; тамъ игуменъ Тарасій, послѣ того архимандритъ, встрѣтилъ гостя даже со слезами.

— Охъ, любезненькій ты мой, — говорилъ онъ: — кого мнѣ привелъ Богъ встрѣтить въ нашихъ мѣстахъ! Мѣста наши пустыя, лѣсныя; какъ-то ты добрался до насъ! Развѣ что съ помощью господина исправника, онъ въ своемъ уѣздѣ вездѣ всю подноготную знаетъ. А у насъ мѣсто пустынное, какъ есть настоящее иноческое пребываніе. Только и утѣхи намъ, что окуней половить въ Кѣрженцѣ да ими маленько себя полакомить. Ты не взыщи съ меня, что я встрѣчаю тебя въ такомъ одѣяніи,—прибавилъ отецъ Тарасій, указывая на свою свитку, всю вымоченную водой:—сейчасъ въ Кѣрженцѣ былъ, рыбешку ловилъ, какъ мнѣ про тебя сказали. Не обезсудь ты меня,

любезненькій мой; надо бы къ тебѣ во всемъ чину явиться, а я вонъ какой измоченный да перемоченный. Не обезсудь, касатикъ ты мой, — низко кланяясь, говорилъ петербургскому гостю отецъ Тарасій. — Ступай въ мою келью, а я межъ тѣмъ пріодѣнусь и приду, какъ надо, встрѣтить дорогого гостя.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, отецъ Тарасій, — сказалъ на то петербургскій чиновникъ. — Не въ одеждѣ дѣло, а въ радушіи. Останьтесь, какъ были, ежели это васъ не холодитъ.

— За ласковое слово много благодаримъ, — сказалъ отецъ Тарасій, но, несмотря на приглашеніе чиновника, пошелъ переодѣться и вскорѣ явился къ нему въ полномъ чину.

— Напрасно безпокоились, отецъ Тарасій,—сказалъ гость:— право, напрасно, развѣ что простуды боялись.

— Ахъ, ты, мой любезненькій, гость ты мой дорогой! — вскрикнулъ игуменъ, обнимая чиновника и лобызаясь съ нимъ:—какъ же смѣю я быть предъ тобой не во всемъ иночествѣ! А ты пойдемъ-ка со мной вотъ сюда.

И повелъ гостя въ другую, сосѣднюю комнату.

Тамъ на столахъ стояли: уха изъ только-что наловленныхъ окуней, пирогъ съ малосольною осетриной, каша съ молокомъ, аладьи, а на другомъ столикѣ были поставлены: водка, виноградное вино, а къ нимъ копченыя рознежскія стерляди и другая рыба, икра, соленые рыжики и грузди, маринованные грибы и другія снѣди.

— Потрапезуемъ-ка, любезненькій мой, чѣмъ Богъ послалъ у старца въ кельѣ.—говорилъ отецъ Тарасій.—Водочки прежде всего выкушай, и я вмѣстѣ съ тобой выпью монашескую калишку. Сдѣлай милость, другъ, откушай.

Выпивъ водки, гость расхвалилъ закуски, къ ней поданныя, особенно копченыхъ стерлядей. Потомъ сѣли обѣдать.

За обѣдомъ, по иноческимъ правиламъ, всѣ трое сидѣли молча. Одинъ лишь игуменъ изрѣдка говорилъ, потчуя гостей каждымъ кушаньемъ и наливая имъ въ стаканы «винограднаго», не забывая при томъ и себя. Послѣ обѣда перешли въ прежнюю комнату, бывшую у отца Тарасія пріемною. Здѣсь игуменъ подробно разсказывалъ петербургскому гостю о скитахъ керженскихъ и чернораменскихъ, о томъ, какъ онъ жилъ, будучи въ расколѣ, и какъ обратился изъ него въ единовѣріе, вслѣдствіе поучительныхъ бесѣдъ съ бывшимъ архіепископомъ Іаковомъ.

Долго говорилъ игуменъ. Затѣмъ повелъ онъ гостя въ церковь, гдѣ отправлено было молебное пѣніе. Служилъ самъ отецъ Тарасій, иноки пѣли тихо и стройно единовѣрческимъ

напѣвомъ. Пріѣзжій изъ Петербурга въ подробности осмотрѣлъ церковь, хвалилъ ея чистоту и убранство, особенно святыя иконы.

— Чудотворной-то нѣтъ у насъ никакой,—тихо промолвилъ отецъ Тарасій, наклонясь къ пріѣзжему, чтобы не смущать напрасно братію, не уходившую изъ храма.

— Молитесь Богу. Онъ не оставитъ васъ, — такъ же тихо сказалъ ему петербургскій чиновникъ.

Обойдя всѣ церкви и кельи иноковъ, игуменъ повелъ гостя на конный и скотный дворы, на пчельникъ, и вездѣ показалъ ему монастырское свое хозяйство. Потомъ пошли на рѣку Керженецъ, и тамъ послушники занесли бредень для ловли рыбы къ ужину. Потомъ повелъ его игуменъ въ монастырскій лѣсъ, когда-жъ они воротились въ игуменскія кельи, тамъ ихъ ожидалъ самоваръ, блюдо свѣжей малины съ густыми сливками, и все-таки съ «виноградненькимъ».

Петербургскій гость остался ночевать у Тарасія, такъ какъ время было уже позднее. На ужинъ явились все тѣ же закуски, какія были поданы къ обѣду. Уха сварена была изъ наловленныхъ послушниками окуней, и явился къ столу поданный ими жареный судакъ и другія давешнія кушанья, кромѣ каши, замѣненной малиной со сливками.

Поутру, отстоявъ обѣдню, петербургскій чиновникъ распрощался съ отцомъ Тарасіемъ. Игуменъ даже расплакался на прощаньи со своимъ нежданнымъ гостемъ.

Изъ Керженскаго Благовѣщенскаго скита петербургскій пріѣзжій, пробывъ нѣсколько времени въ уѣздномъ городѣ, отправился въ Шарпанскій скитъ, гдѣ его вовсе не ждали. Онъ пріѣхалъ туда ночью, часу во второмъ, и прошелъ прямо въ моленную. Тамъ въ углу стояла икона Казанской Богородицы; говорятъ, что она была комнатною царя Алексѣя Михайловича въ первые годы его царствованія. Она была заслонена другою большою иконой, но предъ ней горѣла лампада. Разсказывали, что та икона во времена патріарха Никона находилась въ Соловецкомъ монастырѣ, и что во время возмущенія въ средѣ Соловецкой братіи, когда не оставалось болѣе никакой надежды на избавленіе обители отъ окружившихъ ее царскихъ войскъ, предъ ней на молитвѣ стоялъ дивный инокъ Арсеній. И видитъ онъ во снѣ, что икона Богородицы поднялась въ небесную высоту, и слышитъ онъ отъ той иконы гласъ: — «Иди за Мной безъ сомнѣнія, и гдѣ Я остановлюсь, тамъ поставь обитель, и до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ сія Моя икона, древлее благочестіе будетъ процвѣтать въ той сторонѣ», — и былъ Арсеній чудною силой перенесенъ съ мор-

ского острова на сухопутье. Богородична икона идетъ по воздуху, а вслѣдъ за ней инокъ Арсеній. И стала та икона, и опустилась на землю въ пустынныхъ лѣсахъ Чернораменскихъ, и тамъ на урочищѣ Шарпанъ поставилъ Арсеній первый скитъ въ тамошнихъ мѣстахъ. Вскорѣ больше сотни такихъ скитовъ возникло въ Черной Рамени, въ керженскихъ и рышскихъ лѣсахъ и по рѣкѣ Ветлугѣ.

Таковыя были между старообрядцами преданія о первыхъ насельникахъ лѣсовъ чернораменскихъ, и всѣ, какъ ближніе, такъ и дальніе, съ особымъ уваженіемъ относились къ иконѣ, принесенной въ Шарпанъ инокомъ Арсеніемъ. Они твердо вѣровали, что, какъ только соловецкая икона выйдетъ изъ Шарпана и будетъ поставлена въ никоніанской церкви, древлему благочестію настанетъ неизбѣжный конецъ. И потому, какъ только возможно, старались удержать ее на мѣстѣ

Опытный въ дѣлахъ подобнаго рода, петербургскій чиновникъ, войдя въ Шарпанскую моленную, приказалъ затушить всѣ свѣчи. Когда приказаніе его было исполнено, свѣтъ лампады, стоявшей предъ образомъ Казанской Богородицы, обозначился. Взявъ его на руки, обратился онъ къ игуменьѣ и немногимъ бывшимъ въ часовнѣ старицамъ со словами:

— Молитесь святой иконѣ въ послѣдній разъ!

И увезъ ее.

Какъ громомъ поразило жителей Керженца и Чернораменья, когда узнали они, что нѣтъ болѣе соловецкой иконы въ Шарпанской обители. Плачу и воплямъ конца не было, но это еще не все, не тѣмъ дѣло кончилось.

Изъ Шарпана петербургскій чиновникъ немедленно поѣхалъ въ Комаровъ. Тамъ въ обители Глафириныхъ издавна находилась икона Николая Чудотворца, также почитаемая старообрядцами чудотворною. Онъ ее взялъ точно такъ же, какъ и Соловецкую изъ Шарпана. Страха и ужаса еще больше стало въ обителяхъ керженскихъ и чернораменскихъ, тамъ все считали для себя поконченнымъ. Петербургскій чиновникъ исполнилъ обѣщаніе, данное отцу Тарасію: соловецкая икона была перенесена въ керженскій Благовѣщенскій монастырь, а икона Николая Чудотворца—въ незадолго предъ тѣмъ обратившійся къ единовѣрію скитъ Осиновскій. Послѣ того, объѣхавъ всѣ скиты и обители, петербургскій чиновникъ воротился въ свое мѣсто.

Вскорѣ отъ высшаго начальства изъ Петербурга вышло такое рѣшеніе о скитахъ: имъ дозволено было оставаться попрежнему только на полгода, послѣ этого времени они всѣ непремѣнно должны быть совершенно разрушены; тѣмъ изъ скит-

скихъ матерей, что̀ приписаны были къ обителямъ по послѣдней ревизіи, дозволено было оставаться на ихъ мѣстахъ, но со значительнымъ уменьшеніемъ ихъ строеній. Тѣмъ изъ обительскихъ матерей, что̀ приписаны были по ревизіи къ разнымъ городамъ и селеніямъ, велѣно было имѣть тамъ всегдашнее пребываніе безъ кратковременной даже отлучки въ скиты и другія мѣста.

Все это исполнить было возложено на мѣстную полицію, и самъ исправникъ нѣсколько разъ объѣзжалъ для того скиты. Хоть окрестные крестьяне прежде и радовались тому, что рано или поздно скитскія строенія пойдутъ въ ихъ собственность, потому что матерямъ некому будетъ продать ихъ строеній, и онѣ поневолѣ продадутъ ихъ за безцѣнокъ, однако на дѣлѣ вышло другое. Сколько ни приказывалъ исправникъ крестьянамъ Ронжина и Елфимова ломать обительскія строенія, никто изъ нихъ не прикоснулся къ нимъ, считая то великимъ грѣхомъ. Особенно Комаровскія часовни были для нихъ неприкосновенны и святы. Сколько ни было у нихъ ссоръ съ комаровскими матерями, они горько скорбѣли и плакали надъ судьбой, постигшею скиты. И немудрено то было: окрестные крестьяне такъ долго по праздникамъ ходили въ комаровскія часовни, что имъ нельзя было не пожалѣть сосѣдокъ; опять же многіе изъ нихъ были женаты на жившихъ прежде въ томъ скиту бѣлицахъ. Сколько ни бился исправникъ, увидѣлъ наконецъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, и потому собралъ понятыхъ, преимущественно изъ православныхъ. Они мигомъ приступили къ работѣ. Когда были снесены кровли съ Манеѳиной обители, считавшейся изо всѣхъ скитовъ самою главною, стономъ застонали голоса. Въ то время собрались въ Комарово почти безъ исключенія всѣ матери изъ всѣхъ обителей: точь въ точь какъ съѣзжались, бывало, онѣ на соборы, тамъ сбиравшіеся. На завалинахъ и на разрушенныхъ строеніяхъ сидятъ матери и горько плачутъ, смотря на разрушеніе стараго ихъ пепелища, ожидая и въ своихъ скитахъ такого же разрушенія и неизбѣжной высылки людей съ насиженныхъ ими мѣстъ, но не приписанныхъ ко скиту. Пріѣхала изъ города и мать Манеѳа съ неразлучною Филагріей. Сѣли онѣ возлѣ своихъ келій, но ни плача ни рыданій съ ихъ стороны не было. Переселясь заблаговременно въ городъ, гдѣ была приписана по ревизіи, Манеѳа только тихо, безмолвно горевала по своемъ старинномъ хозяйствѣ. Также ко всему равнодушною казалась мать Филагрія: она также приписана была къ городу и жила вмѣстѣ съ Манеѳой. Ничего въ ней не было, что̀ бы разстраивало ее при видѣ разрушенія комаров-

скихъ обителей. Зато всѣ другія тутъ бывшія горевали и плакали по случаю постигшаго всѣхъ ихъ несчастья.

Сидитъ на завалинкѣ мать Манеѳа съ Филагріей, а рядомъ съ ними всѣ прежнія противницы Манеѳины изъ-за архіерейства: кривая мать Измарагда, игуменья обители Глафириныхъ, такъ еще недавно лишившаяся чудотворнаго Николина образа, мать Нонна, игуменья изъ скита Гордѣевскаго, мать Евтропія, обители Игнатьевой, мать Августа, игуменья Шарпанская, у которой также недавно отобрана была Соловецкая икона Казанской Богородицы. Не послушалась тогда мать Августа уговоровъ на соборѣ прочихъ игуменій, не свезла въ Москву эту икону, съ которой связано давнишнее преданіе, что скиты керженскіе и чернораменскіе останутся неприкосновенными до тѣхъ только поръ, покамѣстъ она не будетъ поставлена въ великороссійской церкви, — а вотъ она теперь у отца Тарасія. Всѣ эти игуменьи, при видѣ сломанныхъ Манеѳиныхъ строеній, сотворили съ ней прощу и мирно, съ плачемъ и стонами, сидѣли рядомъ съ бывшей своей несогласницей, ничѣмъ невозмутимой старицей. Общая скорбь примирила всѣхъ. Противъ этихъ игуменій, на диванахъ и стульяхъ изъ бывшаго домика Марьи Гавриловны, сидѣли болѣе или менѣе близкія къ Манеѳѣ: Таисія, игуменья обители Бояркиныхъ, игуменья обители Жжениныхъ и настоятельницы мелкихъ Комаровскихъ обителей: мать Улія, игуменья Салоникеиныхъ, Есѳирь изъ обители Напольныхъ, настоятельницы обителей, а также всѣ Улангерскія матери, Юдиѳь и девяностолѣтняя Клеопатра Ерахтурка, никогда не чаявшая дожить до разоренія скитовъ. Были тутъ и Агнія, игуменья небогатаго скита Крутовражскаго, Христодула, начальница такого же скита Ворошиловскаго, дебелая старица мать Харитина, тоже изъ бѣднаго скита Быстренскаго, и многорѣчивая Полихронія, настоятельница обители Малиновской. Всѣ бывшія слезно молили мать Манеѳу, чтобы дала имъ мудрый совѣтъ, какъ помочь себѣ въ настоящіе дни напастей.

Опустивъ голову и потупивъ очи, ничего никому не говорила въ отвѣтъ мать Манеѳа. Ко всему видимому и слышанному, казалось, относилась она совсѣмъ равнодушно.

Больше и громче всѣхъ голосила добродушная мать Виринея, столь долго бывшая келаремъ въ Манеѳиной обители. Не будетъ больше у нея ни пировъ ни соборовъ, не будутъ больше сбираться къ ней бѣлицы работать и пѣть псальмы, а частенько и мірскія пѣсни. А главное, что̀ сокрушало ее, это то, что пришелъ конецъ широкому ея домохозяйству, что теперь, ежели она и поселится въ городѣ у матери Манеѳы,

не будетъ уже больше такого домоводства, какое было до сихъ поръ. Вспоминала и мать Филагрія, прежняя Фленушка, о тѣхъ проказахъ, что̀ выкидывала она у добродушной Виринеи тайкомъ отъ игуменьи. Еще больше вспоминала она гулянки свои по Каменному Вражку, но все затаила въ сердцѣ и казалась ничѣмъ невозмутимою. За разрушеніемъ Манеѳиной обители послѣдовало разрушеніе и другихъ обителей Комарова, а затѣмъ и разрушеніе прочихъ скитовъ.

Такъ пали около двухсотъ лѣтъ стоявшія обители кѐрженскія и чернораменскія. Сосѣдніе мужики сначала хоть и не рѣшались поднять руки на часовни и кельи, черезъ нѣсколько времени воспользовались-таки дешевымъ лѣсомъ для своихъ построекъ: за безцѣнокъ скупили скитскія строенья. Вскорѣ ото всѣхъ скитовъ и слѣдовъ не осталось. Были оставлены на своихъ мѣстахъ только приписанныя къ нимъ по ревизіи, и каждой жительницѣ отведено было по просторной кельѣ, но такихъ приписанныхъ ко всѣмъ скитамъ осталось не больше восьмидесяти старыхъ старухъ, а прежде всѣхъ обительскихъ жителей было безъ малаго тысяча. Опустѣли и Кѐрженецъ и Чернораменье.

Черезъ нѣкоторое время мѣстному губернатору вмѣстѣ съ другимъ петербургскимъ чиновникомъ велѣно было осмотрѣть всѣ скиты. Они нашли всюду полное запустѣніе.

Зато въ городѣ, гдѣ было много приписанныхъ келейницъ, образовались многолюдныя обители съ потайными моленными. Изъ нихъ главною попрежнему стала обитель матери Манеѳы.

———

Оглавленіе

V ТОМА.

